ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ДОМ ПЛЕХАНОВА

C4R Plekhanov, Georgii Valentinovich

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

СБОРНИК VI

Литература, критика и русская философия

1851

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. Ф. ЮДИНА, М. Т. ИОВЧУКА
и Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ

БИБЛИОТЕКА
В.Ч. . . № 413
Инв. №

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1938

Зэ5. 5
П 38

HX 15
.P55

В VI сборник «Литературного наследия» вошли неопубликованные статьи, первоначальные редакции и варианты опубликованных статей, подготовительные работы и переписка Плеханова по вопросам истории русской общественной мысли в XVIII—XX веках: о русской философии, литературе, критике и т. д., а также статьи об иностранной литературе.

1
30
51
2

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
XIV	8 снизу	бывшие	являющиеся
81	9—8 снизу	мира Рима	Рима
234	10 снизу	Сноска относится к стр. 233 8 строка снизу	
240	2 снизу	Моздовская	Моздокская

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В VI сборник «Литературного наследия Г. В. Плеханова» вошли неопубликованные в полном собрании его сочинений статьи, подготовительные работы и переписка по вопросам истории литературы, критики и русской философии.

Центральное место среди них занимают работы Плеханова о виднейших русских мыслителях и художниках — Герцене, Белинском, Чернышевском, Добролюбове, Л. Толстом, Некрасове и других славных представителях культуры великого русского народа.

Великие народы страны победившего социализма, в братском содружестве которых первым среди равных выступает великий русский народ, гордятся своей богатейшей культурой. Центральный орган нашей партии «Правда» в день открытия Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда советов, принявшего Конституцию РСФСР, выражая мысли миллионов трудящихся Советского Союза, писала: «Мы любим свою родину. Мы любим свой русский язык, великий, могучий, образный. Он становится сейчас интернациональным. Передовые люди человечества изучают его. Произведения Ленина — Сталина читаются во всем мире.

Мы помним, как настойчиво изучали русский язык Маркс и Энгельс, чтобы в подлинниках читать произведения русской мысли. Мы гордимся именами Пушкина, Лермонтова, Толстого и Горького, Белинского, Добролюбова и Чернышевского, Менделеева, Сеченова и Павлова. Эти имена вместе с именами Ломоносова, математика Лобачевского, изобретателя радио Попова, мужественных исследователей Пржевальского, Миклухи-Маклая, отважных мореплавателей Лаптевых, Дежнева, Седова и многими и многими другими составляют нашу национальную славу, и мы законно гордимся ею.

Вершиной русской культуры является ленинизм — самое передовое, самое научное учение, которое знала история человечества. Ленинизм интернационален. Он стал учением, маяком и надеждой всех народов мира. И мы законно гордимся этим, мы законно гордимся его творцами — Лениным и Сталиным» *.

Собранные в настоящем сборнике работы Г. В. Плеханова, посвященные марксистскому анализу истории русской философии, литературы и критики, проникнуты духом борьбы за марксизм против буржуазно-вехóвских, народнических и ликвидаторских течений, прикрывавшихся именем русской культуры. Эти работы входят неотъе-

* «Правда», 15 января 1937 г.

млемой составной частью в богатейшую сокровищницу великой русской культуры.

В этой связи мы должны обратиться к историческим указаниям В. И. Ленина в «Критических заметках по национальному вопросу» о коренной противоположности культуры эксплоататорских классов России, маскировавшейся под «национальную культуру» и подлинно-народной, демократической и социалистической культуры трудящихся масс России. Ленин еще в 1913 г., исходя из того, что наряду с господствовавшей буржуазной и феодально-клерикальной культурой, «в *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую» *, доказал, что «есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» **.

Помещенные в настоящем сборнике работы еще раз подтверждают высокую ленинскую оценку роли Плеханова в развитии демократических и социалистических элементов в русской культуре.

Известно, что многие работы Плеханова по вопросам истории революционно-демократической мысли России XIX в., в том числе и большинство помещенных здесь работ, написаны в период 1909—1912 гг., когда Плеханов сближался с большевиками в борьбе против буржуазно-веховской контрреволюции и ликвидаторов, пытавшихся принизить значение революционно-демократических мыслителей России, исказить их демократические взгляды и причислить их к лику либералов.

Так, например, «Вехи» пытались уничтожить Чернышевского как философа, Белинского как публициста, объявляли их «вождями интеллигентов», их взгляды — «интеллигентским» настроением, старались очернить все демократическое освободительное движение 40—70-х годов XIX в. и называли всю историю нашей публицистики, начиная с Белинского, «сплошным кошмаром».

Партия большевиков во главе с Лениным разоблачила эту контрреволюционную клевету на революционную демократию.

Плеханов в своих статьях против Гершензона, Богучарского, Ашевского и других представителей веховства, в полемике против эсеровского фальсификатора истории русской общественной мысли Иванова-Разумника и в ряде других работ поддержал линию большевиков, защищавших наследство великих революционно-демократических мыслителей: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и др. от посягательств контрреволюции.

Плеханов активно выступил и на борьбу против холопского преклонения перед толстовством, против отравления сознания масс толстовскими идеями «непротивления злу». Об этом, в частности,

* *Ленин*, Соч., т. XVII, стр. 137.
** Там же, стр. 143.

красноречиво свидетельствует впервые печатаемая в нашем сборнике лекция Плеханова на тему «Толстой и Герцен».

Не случайно В. И. Ленин писал по этому поводу в январе 1911 г. А. М. Горькому: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись» *. Это сближение во взглядах В. И. Ленина и Г. В. Плеханова в защите интересов российского революционно-демократического освободительного движения от посягательств контрреволюции относится не только к оценке мировоззрения Л. Н. Толстого, но и к оценке мировоззрения русских революционных просветителей XIX века.

Но было бы совершенно неправильно не замечать глубокого отличия теоретических и политических позиций Ленина и Плеханова и в этот период их деятельности. Плеханов, бывший в 1909—1912 гг. меньшевиком-партийцем, в своих взглядах на историю русской философии, литературы и критики не проводит четкой грани между либерализмом и революционно-демократическим направлением русского освободительного движения и нередко переоценивает роль русской либеральной буржуазии, которая в действительности никогда не была революционной силой в борьбе с царизмом, а после революции 1905 г. перешла в лагерь контрреволюции.

Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов рассматриваются Плехановым преимущественно как просветители и социалисты-утописты, мечтавшие о социалистическом преобразовании России на основе сельской крестьянской общины. В своих работах о Герцене Плеханов не показывает, что Герцен, принадлежавший «к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века»**, несмотря на свои колебания между либерализмом и демократизмом, в 60-х годах «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» ***. Совершенно справедливо расценивая Чернышевского и Добролюбова как типичных представителей революционных разночинцев 60-х годов, Плеханов не вскрывает того, что в их мировоззрении, в их революционно-демократических взглядах отражались настроения и требования широких масс крестьянства, разоренного крепостнической реформой 1861 г., так же как в письме Белинского к Гоголю и других его революционно-демократических статьях отражались настроения крепостных крестьян.

В работах Ленина, относящихся к тому же периоду, что и печатаемые в настоящем сборнике статьи и заметки Плеханова, дана глубокая и яркая характеристика так называемых революционных просветителей 60-х годов XIX в. как *революционных демократов*, как идеологов крестьянской революции.

Так, в своей статье «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», Ленин писал: «Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков,

* *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 57.
** Там же, стр. 464.
*** Там же, стр. 468.

осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский... Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» *.

Непревзойденная ленинская оценка русских революционно-демократических мыслителей XIX в. как революционных демократов и предшественников российской социал-демократии вооружала революционный пролетариат, который вел за собой трудящееся крестьянство на штурм царизма. Злейшие враги марксизма, народнические эпигоны — эсеры — пытались спекулировать славными именами Белинского, Чернышевского, Добролюбова и других революционных просветителей, объявляя их своими родоначальниками, идейными отцами и т. д.

Партия большевиков, единственная революционная партия, возглавившая революционную борьбу пролетариата и крестьянства против помещичье-крепостнического строя, исходила из указаний Ленина, что «наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести до чиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это «наследство» не только не при чем в ... воззрениях народничества, но прямо противоречит им» **.

Плеханов в своих работах также доказывает, что не народничество, а революционный пролетариат продолжает славные демократические освободительные традиции революционных просветителей XIX в. Он разоблачает жульнический трюк Иванова-Разумника и других эсеровских фальсификаторов истории русской общественной мысли. Он говорит, например, в публикуемом ниже «конспекте» конспекта лекции о Герцене: «Герцен — отец народничества. Но не направления В. П. Воронцова». Вопреки эсеровским утверждениям о враждебности марксистов революционным

* *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 143—144.
** Там же, т. II, стр. 324.

просветителям XIX в., в частности Герцену, Плеханов показывает, что ни в каком случае не могут быть против Герцена те, которые находят, что «новое крепостничество» должно быть так или иначе отменено.

В оценке философских взглядов Белинского, Герцена и Чернышевского Г. В. Плеханов обращает главное внимание на доказательство логической несостоятельности идеалистического понимания истории, легшего в основу взглядов утопического социализма, в частности теорий русских просветителей о социалистическом преобразовании России на базе сельской крестьянской общины. Эта совершенно справедливая критика социально-политических взглядов наших мыслителей и их идеалистической основы блестяще проведена Плехановым; но при этом нередко остаются в тени материалистические тенденции в философии Герцена и Белинского, особенно сильно проявившиеся в последний период их деятельности.

Можно проиллюстрировать это положение на сравнении ленинской и плехановской характеристики философских взглядов Герцена.

Если Ленин считает, что «первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов...», и делает вывод, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» *, то у Плеханова мы находим следующую оценку: всякий раз, когда Герцен «принимается за критику *материализма*, он рассуждает, как убежденный *идеалист*» **.

Неудовлетворенность Герцена механистическим материализмом, господствовавшим среди некоторой части естествоиспытателей, Плеханов отождествляет с убежденным идеализмом, отбрасывая таким образом колебания Герцена между идеализмом и материализмом и забывая, что Герцен сплошь и рядом переходил на позиции материализма.

В своей юбилейной статье о Белинском Плеханов справедливо считает, что в лице Белинского, особенно в последние годы его жизни, русская литература имела одного из тех писателей, которые впервые начинали применять некоторые основные положения материализма к изучению истории литературы (хотя вместе с тем Плеханов здесь же допускает ошибочное отождествление фейербаховской философии и исторического материализма). Однако в ряде других статей Плеханова мы встречаемся с противоположными утверждениями о том, что Белинский якобы пошел от увлечения гегельянством и временного примирения с окружающей действительностью не к материализму, а к отрицанию действительности во имя отвлеченного разума просветителей, т. е. опять-таки к новому виду идеализма.

* *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 464—465.
** *Плеханов*, Соч., т. XXIII, стр. 361.

Статьи и заметки Плеханова о русских революционно-демократических мыслителях не лишены и других недостатков, вытекающих из того, что характеристика их взглядов часто дается в логическом разрезе и оставляет в стороне роль классов и партий в освободительном движении в России, народные революционные движения и настроения, отразившиеся в мировоззрении просветителей. Так, например, в статье «Герцен-эмигрант» Плеханов рассматривает Белинского и Герцена как родоначальников двух борющихся между собой течений общественной мысли, одно из которых является продолжением западничества, другое — славянофильством. Герцен зачисляется Плехановым в число последователей славянофильства, как человек, критически относившийся к буржуазным порядкам Западной Европы и видевший путь к социализму в России в крестьянской общине; Белинский рассматривается как непримиримый западник. Здесь у Плеханова, несомненно, имеет место преувеличение разногласий между Белинским и Герценом, которые, в противоположность славянофильскому лагерю, оба были заклятыми врагами крепостничества и убежденными сторонниками «западничества», распространения в тогдашней России европейской демократии и просвещения. В отличие от Ленина Плеханов считал, что Чернышевский не знал или забывал об окружавшей его русской действительности и не рассчитывал на революционное движение ни в России, ни на Западе.

Отмечая тот факт, что Плеханов рассматривает лишь теоретическую деятельность Чернышевского, не показывая его как революционного демократа, боровшегося против буржуазного либерализма, Ленин пишет: «Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа» *.

Большой заслугой Плеханова является то, что он в своей лекции «Толстой и Герцен» горячо отстаивает революционно-просветительские взгляды Герцена, которого идеологи буржуазной контрреволюции пытались представить близким Л. Толстому идеологом «непротивления злу».

Но и здесь у Плеханова не выдержан принцип историзма, и здесь он отдает дань логистике, ибо, сопоставляя взгляды Герцена и Толстого на проблему преступления и наказания, Плеханов лишь отыскивает черты сходства и различия между ними, не показывая глубокой разницы во взглядах по этому вопросу между научным социализмом и утопическим социализмом, влияние которого испытал Герцен.

Приветствуя ту борьбу, которую вел Герцен против карательной политики царизма, против его кровавой расправы с революционерами, Плеханов оставлял без критики неверные, утопические стороны социальных взглядов Герцена, которые лишены исторического подхода к общественным явлениям. Так, Плеханов не подвергает критике

* *Ленинский сборник XXV*, стр. 231.

неправильную теорию Герцена о том, что борьба против преступности путем насилия в любых исторических условиях является злом.

Идеолог буржуазного социализма — Герцен, конечно, не мог дойти до понимания того, что для социалистического общественного переустройства необходима диктатура революционного класса — пролетариата, что в течение длительного периода диктатуры пролетариата неизбежны и совершенно необходимы революционные методы насилия по отношению к врагам трудящихся, к людям, совершающим преступления против социалистического народа, его законов и правил общежития.

Плеханов правильно указывал, что Герцен не был апологетом непротивления и признавал, что в борьбе против крепостничества и капитализма «может прийти день, когда необходимо будет противопоставить *гнусному насилию угнетателей гордую силу угнетенных* и когда надо *лечь* костьми».

Плеханов совершенно справедливо осуждал первобытную уголовную арифметику Л. Толстого, в которой любое наказание за преступление, вне зависимости от того, против кого оно направлено, рассматривается как увеличение зла на земле. Но в то же время Плеханов в этой лекции не вскрывает колебаний Герцена в сторону либерализма и проскальзывавшей у него иногда боязни революционного насилия трудящихся масс по отношению к эксплоататорам. Плеханов ошибся и тогда, когда сблизил взгляды Герцена на борьбу против царизма с рассуждениями «террористов позднейшего времени», т. е. террористов-народовольцев. Плеханов не показывает, что Герцен, несмотря на свои колебания между либерализмом и революционной демократией, несмотря на свои столкновения с революционными демократами 60-х гг. (Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич и др.), склонялся к мысли о необходимости крестьянской революции, а отнюдь не индивидуального террора.

Противопоставляя Герцена Толстому и разоблачая буржуазные «иеремиады» против революционного насилия, прикрываемые именем Герцена, Плеханов не показал, что «общественное переустройство», которое сможет повести за собой понижение преступности, Герцен все же понимал как утопист-просветитель. Плеханов не показал, что утопический социалист Герцен не доходил до единственно научного понимания общественного переустройства, т. е. признания необходимости диктатуры подлинно революционного класса — пролетариата, осуществляющего революционную политику насилия по отношению к эксплоататорам и беспощадно уничтожающего всех и всяких врагов народа.

Несмотря на все недостатки и ошибочные, с точки зрения марксистско-ленинской теории, положения в работах Плеханова о Герцене, Белинском, Чернышевском и Добролюбове, собранные в сборнике работы Плеханова об этих выдающихся мыслителях, представляют чрезвычайно большой интерес.

Эти работы ярко отображают ту борьбу, которая развернулась между революционным марксизмом — с одной стороны, и лагерем веховской

контрреволюции, эсерами и ликвидаторами — с другой, за великие освободительные традиции революционно-демократического движения; они вскрывают ту глубокую, принципиальную разницу между научным социализмом и утопическим социализмом, между диалектическим материализмом и идеалистической диалектикой, о которой никогда не забывали марксисты, высоко ценившие русских революционных демократов; они служат для нас ценнейшим материалом к марксистской истории русской общественной мысли, начало которой положено Лениным в его статьях 90-х годов: «Что такое друзья народа», «От какого наследства мы отказываемся» и т. д.

* * *

Основной цикл материалов настоящего сборника по истории русской философии, литературы и критики имеет в качестве своего дополнения отдельные работы Плеханова о народниках-беллетристах, Некрасове, Тургеневе, Л. Н. Толстом, Леониде Андрееве, а также подготовительные работы 1912—1913 гг. к отдельным главам «Истории русской общественной мысли», посвященные таким крупным зачинателям русской литературы, как Ломоносов, Радищев, Фонвизин и Кантемир.

Работы Плеханова о беллетристах-народниках, Некрасове, Тургеневе и других писателях представляют собой яркий образец историко-материалистического подхода к исследованию литературы, несмотря на то, что некоторые оценки Плеханова, например, утверждение о невысокой художественности творчества Некрасова, ошибочны, и хотя критические статьи Плеханова, например, разбор речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», построены преимущественно в плане чисто логической критики. Если в своей речи на могиле Некрасова Плеханов дает высокую оценку революционной поэзии Некрасова, то в предисловии к сборнику «Песни труда» он рассматривает Некрасова и других писателей революционной демократии как «кающихся дворян», их взгляды — как проявление «интеллигентского настроения», и, обращаясь к рабочим, говорит: «За вами нет невольной вины интеллигентных людей, а потому вы и не знаете мук их раскаяния. А не испытавши этих мук, вы не можете восхищаться теми стихотворениями, в которых они выражаются». В отличие от утверждений Плеханова, марксизм-ленинизм считает произведения Некрасова, Успенского, Салтыкова-Щедрина и ряда других великих русских писателей выражением демократических надежд и требований угнетенного царизмом крестьянства и высоко ценит эти произведения за их правдивость, глубину и обличающую критику крепостных порядков.

Особое место в сборнике занимают подготовительные работы о Толстом и переписка Плеханова в связи с чествованием Толстого. Известно, что в годы реакции, особенно в связи с 80-летием Толстого в 1908 г., контрреволюционная буржуазная интеллигенция организовала целую кампанию, имевшую своей целью объявить Л. Н. Толстого «совестью общества», пророком русского народа и противопоставить революционному движению пролетариата и крестьянства толстовские идеи «непротивления злу» и его «христианский идеал».

Плеханов, согласившийся принять участие в Комитете по ознаменованию юбилея Л. Н. Толстого, организованном буржуазной интеллигенцией (Милюков, Водовозов и др.), открыто заявил, что он высоко ценит Толстого как великого художника, но категорически выступает против его общественных взглядов.

Все это нашло отражение в переписке Плеханова с Комитетом чествования Толстого, впервые публикуемой в настоящем сборнике.

В 1910 г., после смерти Л. Н. Толстого, с новой силой вспыхнула «толстовская» кампания веховской, буржуазной контрреволюции: спекулируя именем великого художника, она стремилась построить из самых слабых сторон его учения — утопических реакционных идей о «непротивлении злу» — контрреволюционную платформу против марксизма, против революционного движения масс, против великих традиций демократического освободительного движения. Эта реакционная кампания была поддержана как открытыми ликвидаторами в рядах социал-демократии (Потресов и др.), так и ликвидаторами «наизнанку» вроде Базарова, который призывал учиться у Толстого, как «великой совести» русского народа.

Вождь революционного движения пролетариата и крестьянства — партия большевиков во главе с Лениным решительно выступила против этой контрреволюционной «свистопляски» вокруг философских и социально-политических взглядов Толстого.

В. И. Ленин в ряде своих работ о Толстом дал блестящую характеристику мировоззрения и творческой деятельности великого русского художника, показал, что кричащие противоречия в его незабываемых произведениях были отражением тех противоречивых условий, в которых находилось русское крестьянство, рассмотрел учение Толстого «не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени» *.

Революционный пролетариат определил свое отношение к великому наследству Толстого, устами Ленина заявив, что «учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует... чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов» **.

Ленин доказал, что «когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узко-классовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии, — когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение», — особо вредную, реакционную роль играет «всякая попытка идеализации учения Толстого,

* *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 102.
** Там же.

оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п.» *.

Плеханов принимал активное участие в борьбе против «толстовской» кампании веховцев, ликвидаторов и других служителей реакции.

В упомянутом выше письме А. М. Горькому Ленин, говоря о факте совместной борьбы с Плехановым против «толстовства», указывает, что Плеханов «ругает за это «Нашу Зарю» в Ц. О. (следующий номер) ... В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16.XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова с *пошлым* примечанием, за которое мы уже обругали *редакцию*» **.

Речь идет о статьях Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой» и «Отсюда и досюда», подготовительные работы к которым мы печатаем в настоящем сборнике. В этих работах, так же как и в статье «Смешение представлений», первоначальная редакция которой здесь печатается, Плеханов пункт за пунктом разбирает основные тезисы толстовского социально-политического учения и блестяще разбивает их, доказывая их внутреннюю логическую несостоятельность и объективный вред для трудящихся, которым Л. Н. Толстой субъективно сочувствовал. Плеханов справедливо восклицает: «Только привыкнув рассматривать угнетение под углом того нравственного вреда, который оно приносит угнетателям, граф Толстой мог, умирая, сказать своей стране: я не признаю за тобой никакого другого права, кроме права содействовать нравственному исправлению своих мучителей».

Плеханов метко бросает по адресу толстовцев, что полиция только потому мешает хоронить Толстого, что «она боится, что Вы недостаточно толстовцы». Но, как и все работы Плеханова по вопросам истории русской общественной мысли, работы о Толстом не могут быть восприняты нами некритически.

В противоположность Ленину, видевшему в Толстом великого художника, отразившего противоречивые условия жизни и идеологию русского крестьянства, Плеханов смотрит на Толстого, как на «Гомера дворянского быта», и считает, что проповедь Толстым идеи: «насилие — зло» человеку, которого держат за горло, происходит потому, что «Толстой — сам барин». Нельзя согласиться и с тем разграничением Толстого-художника и Толстого-мыслителя, которое проводится Плехановым.

Несмотря на это, статьи Плеханова о Толстом сослужили большую службу в борьбе пролетариата против реакционных проповедников «толстовства».

* * *

Специальный раздел сборника посвящен иностранной литературе. Г. В. Плеханов чрезвычайно много занимался иностранной литературой и в особенности ее историей. Об этом говорят многочисленные заметки на полях книг библиотеки Плеханова. Из них особенно интересны помещенные в сборнике разборы книг по истории немецкой, французской, итальянской и польской литератур.

Особую статью-рецензию Плеханов посвятил истории французской литературы в изложении Лансона. Так же как и другие литературно-критические статьи Плеханова, рецензия на книгу Лансона служит образцом материалистического объяснения литературных явлений.

В этой рецензии Г. В. Плеханов высказывает яркую мысль о необходимости глубокого и всестороннего знания предмета, литературного чутья и добросовестности для объяснения и критики произведений литературы. Он говорит: «Лишь с точки зрения экономического (т. е., правильнее, *диалектического*) материализма и возможно действительно научное объяснение духовной истории человечества. Но такое объяснение, как и всякое другое *научное* объяснение, предполагает внимательное изучение фактов, хорошее знакомство с действительностью, которого не заменят никакие теории, никакие общие взгляды, хотя бы эти взгляды и теории были в общем совершенно правильны. Кто, говоря о духовном развитии человечества, ограничивается ссылкой на то, что оно в последнем счете вызвано было развитием производительных сил, определивших собою все последовательные перемены в общественных отношениях людей, тот, несомненно, высказывает вполне верную мысль. Но мы еще не знаем, правильно ли понимает он эту несомненно правильную мысль, или она остается в его голове мертвой абстракцией, бесплодным догматом, взятым на веру и окостеневшим в своей величавой неподвижности. Диалектический материализм больше всякой другой философской системы пострадал бы от догматического к нему отношения, так как догматизм есть злейший враг диалектики».

Это ценное указание Плеханова не потеряло своего значения для истории литературы и литературной критики и в настоящее время.

В своей статье об Ибсене Плеханов мастерски вскрывает подоплеку символизма, как литературного течения упадочной буржуазии и буржуазной интеллигенции и показывает безыдейность, скудость и бесцветность современного буржуазного искусства. Он пишет: «Неизбежная неясность создаваемых символистами художественных образов соответствует неизбежной туманности практически совершенно бессильных стремлений, зарождающихся в тех «мыслящих кругах» современного общества, которые даже в моменты самого сильного своего недовольства окружающей действительностью не могут подняться до ее *революционного отрицания*. Таким образом, создаваемое современной нам борьбой классов настроение «мыслящих кругов» буржуазии по необходимости *обесцвечивает* современное искусство».

Плеханов совершенно справедливо призывает пролетариат ценить творчество таких глубоких и ярких обличителей капиталистического свинства, каким был Ибсен, считая, что «бунт человеческого духа», выражающийся в революционных стремлениях пролетариата, яв-

* *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 103.
** Там же, стр. 57.

ляется между прочим и восстанием против той мелкобуржуазной пошлости, против той «дряблости душевной», против которой гремел Ибсен устами своего Брандта.

* * *

Сборник заканчивается перепиской Г. В. Плеханова по вопросам литературы и критики. Особую ценность представляют впервые публикуемые письма А. М. Горького к Плеханову.

Все статьи, подготовительные работы к статьям, записи в тетрадях, заметки на полях книг, одним словом, все то, что может быть названо «лабораторией творчества» Плеханова, проникнуто единым стремлением объяснить всю духовную жизнь общества и в первую очередь литературу с позиций исторического материализма, стремлением поставить ее на службу политической борьбы пролетариата.

Не случайно Плеханов писал в своей записи, недавно разысканной в одной из тетрадей, хранящихся в архиве Дома Плеханова: «Лассаль — социальное = политическое. А я говорю: теперь литературное = политическое (см. Соц[иализм] и пол[итическая] борьба)». Многочисленные труды Плеханова по вопросам истории философии, литературы, по истории духовной жизни вообще, труды, бывшие замечательным вкладом в сокровищницу русской и мировой культуры, смогут с большой пользой послужить в деле её изучения, при условии критического отношения к ним с позиций марксизма-ленинизма.

Этими соображениями руководились Дом Плеханова и Государственное социально-экономическое издательство, выпуская в свет настоящий сборник.

ОТ ДОМА ПЛЕХАНОВА

В настоящий сборник вошли работы Плеханова по вопросам литературы, критики и русской философии — законченные статьи, отрывки, варианты, рефераты, конспекты и разные работы подготовительного характера: постраничные разборы чужих трудов, планы и заметки в тетрадях и на полях книг. Большая часть этих работ публикуется впервые. Из них на первом месте стоит неизвестная до сих пор лекция Плеханова на тему: «Толстой и Герцен». Остальные работы, появляющиеся впервые, представляют собой первоначальные редакции, варианты, конспекты опубликованных статей, а также многочисленные подготовительные работы, вводящие нас в лабораторию плехановского творчества. Наряду с этим, в сборнике дан ряд статей и рецензий, по тем или другим причинам оставшихся неизвестными при жизни Плеханова, но опубликованных посмертно, в 1931 г., в журнале «Литературное наследство» и перепечатанных оттуда в 1933 г. в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик». Некоторые из этих статей были опубликованы в журналах еще при жизни Плеханова, но без его подписи (рецензии на книгу Лансона и на сочинения Быстренина); другие появились за его подписью, но в мало известных органах печати и не вошли в собрание его сочинений (статья «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского», появившаяся в журнале «Наш путь»); третьи были известны до сих пор только в иностранной прессе (девятая глава статьи «Генрик Ибсен», напечатанная в приложении к «Neue Zeit» и «Столетие со дня рождения Александра Герцена», напечатанная в журнале «L'avenir»). Все эти материалы дополняются перепиской Плеханова, относящейся к теме сборника. Половина печатаемых писем принадлежит самому Плеханову, половина — его русским и иностранным корреспондентам.

Весь материал сборника разбит на три отдела: русская философия, литература и критика, иностранная литература и переписка. В первый отдел вошли работы о Герцене, Белинском, Чернышевском, Добролюбове, Некрасове, Тургеневе, Толстом, Андрееве и др. Кроме того в нем даны отрывки первоначальных редакций некоторых статей из «Истории общественной мысли» Плеханова и ряд подготовительных работ к ним. Во второй отдел вошли рецензии на книгу Лансона, последняя глава работы об Ибсене и др. Каждый из этих отделов заканчивается заметками на полях книг.

Сборник подготовлен к печати научными сотрудниками Дома Плеханова при ближайшем участии *Р. М. Плехановой*.

Статьи «Толстой и Герцен», работы о Герцене, Толстом, Кантемире, Ломоносове, Фон-Визине, Андрееве, Лансоне, предисловие к сборнику «Два слова читателям-рабочим», «Памяти Делина» подготовлены к печати и комментированы *Е. С. Коц*. Работы о Белинском, Чернышевском, Некрасове, Радищеве, Ибсене, Зудермане, рецензия на книгу Шахова о Гете подготовлены к печати и комментированы

А. С. Волиной. Работы о Добролюбове, беллетристах-народниках, Тургеневе, Стерн, «Столетие со дня рождения Белинского» подготовлены к печати и комментированы *Т. З. Лукашевской*.

Заметки на полях русских и иностранных книг подобраны и комментированы *Е. С. Коц*.

Выписки из иностранных книг переведены *А. С. Волиной* и *Е. С. Коц*.

Переписка подобрана, подготовлена к печати и комментирована *Т. З. Лукашевской*.

Предметный указатель составлен *Е. С. Коц* и *А. С. Волиной*, библиографический и именной — *Т. З. Лукашевской*.

При публикации материала составители сборника придерживались следующих методов.

Все примечания формального характера, относящиеся к построению рукописи, как-то: о недостающих страницах, о зачеркнутых и восстановленных листах, о переложении отдельных листов из первоначальной редакции в окончательную и т. п., даются в подстрочных примечаниях. Там же приводятся вычеркнутые в рукописи места, если они не могут быть оставлены в тексте, в угловых скобках, без нарушения его цельности. В подстрочных же примечаниях даются варианты отдельных мест и все переводы встречающихся в тексте иностранных цитат и иностранных выражений, а также и собственные примечания Г. В. Плеханова.

Все примечания по существу помещены за текстом, иногда к каждой публикации особо, иногда к двум или больше — вместе, в зависимости от материала.

Все редакции данной статьи помещаются вслед за основной ее редакцией.

Все привнесенное в текст заключено в прямые скобки, все вычеркнутое в рукописи и восстановленное при публикации — в угловые скобки.

Процесс восстановления рукописей из разрозненных листов показан на полях, где приведена нумерация страниц.

Заголовки, принадлежащие самому Плеханову, набраны курсивом.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

ТОЛСТОЙ И ГЕРЦЕН

Неопубликованная лекция *

Лекция «Толстой и Герцен» печатается впервые. Она сохранилась среди рукописей плехановского архива в сравнительно цельном и не конспективном виде. Кроме того, сохранились отрывки двух конспектов той же лекции. Недостающее в первой публикации начало лекции читатель найдет в одном из этих двух конспектов.

Одна из тем лекции — о преступлении и наказании — была уже затронута Плехановым в вошедшей в XXIII том Собр. соч. известной статье «Философские взгляды А. И. Герцена». Но там мысли Плеханова, вызванные сопоставлением взглядов Герцена и Толстого на преступление и наказание, только намечены, в печатаемой же лекции они нашли свое полное развитие.

Следует отметить, что Плеханов, одновременно с подготовкой настоящей лекции, в июне 1912 г. выступил в рецензии на книгу В. Я. Богучарского о Герцене (вошла в XXIII том Собр. соч.) против попыток «веховской» контрреволюции превратить Герцена в проповедника «непротивления злу», подобно Толстому. В этой рецензии Г. В. Плеханов писал: «Отказываясь признавать наличность *над* человеческой головой «*другой почвы*», Герцен тем самым становился *недоступным для влияния* на него «сущности христианства». И в этом отношении он *не уподоблялся* Пушкину, Достоевскому,

* 17-го июня 1912 г. Георгий Валентинович, при большом стечении публики, состоявшей главным образом из эмигрантских и студенческих колоний Парижа и других французских городов, прочел в Salle d'Horticulture реферат на тему: Герцен и Толстой. Большой зал и галлерея, вмещающие много сотен слушателей, были переполнены. Плеханов был в ударе. Речь его была блестяща по форме и крайне интересна по существу. Многие из присутствовавших в зале видели и слышали его в первый раз и, по всем видимостям, были захвачены рефератом.

Реферат на ту же тему прочел Георгий Валентинович 1-го декабря того же 1912 года в Льеже, куда он отправился, по просьбе эмигрантской и студенческой колоний этого города, после окончания заседаний «Бюро 2-го Интернационала», состоявшихся между 28 и 31 ноября.

Сколько мне помнится, Георгий Валентинович на ту же тему читал в Цюрихе, в декабре того же года.

По поводу реферата в Цюрихе Георгий Валентинович писал: «цюрихчанам теперь не до Герцена». Это было в разгар партийных споров. — *Прим. Р. М. Плехановой.*

Толстому и другим веровавшим писателям, а *отличался от них*. Это тем более необходимо отметить, что теперь через нашу литературу проходит мистическая струя, вносящая огромную и крайне вредную путаницу в умы читателей: доказательство — многочисленные «религиозные искания» наших дней. Так всегда бывает в эпоху реакции: теряя реальную почву под ногами, добрые, но слабые люди стараются утешить себя верой в существование «другой» почвы над их головами» (Соч., т. XXIII, стр. 449—450). Настоящая лекция была одним из выступлений Плеханова против веховской контрреволюции и «религиозных исканий».

Работа Плеханова на тему «Толстой и Герцен» оставила следы в неопубликованной переписке плехановского архива. В письме от 29 мая 1912 г. Андронников пишет Плеханову из Лозанны: «Я прочитал в «Парижском вестнике», что вы собираетесь читать реферат на тему «Толстой и Герцен». Убедительная просьба к Вам: на обратном пути из Парижа прочитайте в Лозанне реферат на ту же тему. Ведь тут давно мечтают послушать Вас, и тема Вашего реферата так интересна...» Наконец, сам Плеханов, в письме к редактору «Современника» Ляцкому пишет 30 мая 1912 г.: «Я пришлю Вам статью «Герцен и Толстой» — надеюсь не позже трех недель». Статья в «Современнике» не появилась, вероятно, потому, что редакция «Современника» не желала подвергать критике учение Толстого, имевшее сильное влияние среди буржуазии и буржуазной интеллигенции, особенно после его смерти. Позицию «Современника» в отношении к Толстому характеризовал Ленин в своем письме А. М. Горькому от 3 января 1911 г.: «Но где же «Современнику» бороться против «легенды о Толстом и религии его». Это — Водовозов с Лопатиным? Шутить изволите» (Соч., т. XV, стр. 57—58).

Что касается лекции о Герцене и Толстом, то об одной из них мы имеем самые достоверные сведения. В архиве сохранилась афиша, гласящая, что Плеханов прочтет реферат на тему «Толстой и Герцен» в парижском Salle d'Horticulture de France, 17 июня 1912 г.

Публикация дополнена записями, сделанными Плехановым во время прений на реферате.

ЛЕКЦИЯ

Настоящая публикация представляет собою лекцию, прочитанную Плехановым в Париже 17 июня 1912 г. Начало лекции не сохранилось. Публикуемая часть представляет собой цельный отрывок от 11-й страницы до конца лекции. Стр. 11—12 и 26—50 написаны не плехановским почерком с поправками Плеханова, страницы 13—25 — рукой самого Плеханова. Вся рукопись вместе с вставками, относящимися к ней выписками и вариантами отдельных страниц заключает в себе 47 тетрадочных листов, исписанных с одной стороны.

ТОЛСТОЙ И ГЕРЦЕН

11 ...славянофилы с негодованием встретили безбожную философию Фейербаха, а передовые западники,— Герцен в их числе,— отнеслись к ней с величайшим сочувствием. Так как речь у нас идет сегодня не о славянофилах, а о Герцене, то мы и должны

будем заняться не славянофильской, а западнической моралью. Впрочем, мы отчасти помянем при этом и славянофилов, потому что *светская* мораль западника Герцена с особенным блеском и особенной силою обнаружилась в его интересном споре со славянофильским богословом Самариным[1]. Спор этот относится к осени 1864 г.

12 Ю. Ф. Самарин упрекнул Герцена в том, | <что тот своей> пропагандой материализма и атеизма будто бы развратил молодое поколение. Глубоко убежденный в необходимости религиозной санкции для морали, Самарин утверждал, что человек, считающий себя *простым «скучением атомов»*, не способен к самопожертвованию[2]. Отражая этот упрек, Герцен говорил, что мартирологу христианства можно с успехом противопоставить мартиролог революции. Выписка из «*Колокола*»[3]. Затем, в свою очередь переходя в наступление, он писал:

«Вы находите непоследовательным, [что человек, не верующий в будущую жизнь, вступается за настоящую жизнь ближнего. А мне кажется, что *только он* и может дорожить *временной* жизнью своей и чужой; он знает, что лучше этой жизни для существующего человека ничего не будет, и сочувствует каждому в его самохранении. С теологической точки зрения смерть представляется совсем не такой бедой; религиозным людям была нужна заповедь «не убий», чтобы они не принялись людей спасать от греховного тела; смерть, собственно, одолжает человека, ускоряя его вечную жизнь. Грех убийства состоит вовсе не в акте плотоумерщвления, а в самовольном повышении пациентов в высший класс»]*.

13 | Уже этот отрывок дает довольно ясное представление о взгляде Г[ерце]на на этот вопрос, который, как мы видели, так сильно интересовал Т[олстого],— *вопрос о судах*. Замечательно, что безбожный материалист Г[ерцен] *предпочитает оправдывать* подсудимых, между тем как богомольный Самарин склонялся к «определению вменений и наказаний»**[4].

14 | Эта поучительная антиномия обостряется до того, что заставляет Г[ерце]на сделать в виде вопроса противнику замечание,

---

* В тексте сказано: «Вы находите непоследовательным и т. д. см. выписку № 6». Выписка не сохранилась; даем продолжение цитаты по Соч. Герцена.

Цитата взята Плехановым из «Письма к противнику. Письмо первое» — «Колокол» № 191, от 15 ноября 1864 г. (Соч., т. XVII, 1922, стр. 375).

** Приводим вариант стр. 13:

«Уже этот отрывок дает вам довольно ясное представление о *практических выводах*, вытекавших из безбожного философского гуманизма, убежденным последователем которого был Герцен. Этот философский *гуманизм* оказывается гуманным в ходячем практическом значении этого слова, т. е. в смысле уважения к человеческому достоинству и отзывчивости к человеческим страданиям. «Материалист» Г[ерце]н предпочитает *оправдывать*, между тем как богомольный Самарин более склоняется к «определению вменений и наказаний». Слова Фейербаха: Meine Philosophie etc.»[5].— *Ред.*

*

Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія

Въ понедѣльникъ, 17 іюня 1912 г.

Salle d'Horticulture de France

84, rue Grenelle, 84 (Nord-Sud: Bac)

тов. Г. В. Плехановъ

прочтетъ рефератъ на тему:

ТОЛСТОЙ и ГЕРЦЕНЪ

НАЧАЛО РОВНО ВЪ 9 Ч. ВЕЧ.

Цѣны мѣстамъ: 10, 5, 3, 2 и 1 фр.

Афиша о реферате «Толстой и Герцен»

изумительно тонкое в логическом и в нравственном смысле: *кто же вас-то наказал безучастием к судьбам виновных*?

Правда, мне могут возразить, что спор между Г[ерцен]ом и С[амарины]м велся в 1864 г., т. е. под непосредственным впечатлением польского восстания[6] и ссылки Чернышевского[7], и
15 что, значит, требуя от своего противника | участия к судьбе казнимых и ссылаемых в каторгу, Г[ерце]н защищал людей, к лагерю которых он сам примыкал так или иначе, т. е. вполне или с известными оговорками. Я прекрасно понимаю, что сочувствие данного человека к своим пострадавшим единомышленникам еще не ручается нам за его гуманное отношение ко всем людям вообще. Но в том-то и дело, что, защищая *обвиняемых*, Г[ерце]н отстаивал *не только* своих единомышленников. Возражая Самарину,
16 он широко раздвинул | рамки своего спора с ним и, безусловно осуждая правительственную расправу с т[ак] наз[ываемыми] *политическими* преступниками, он выдвигал в то же время *вопрос о преступлении и наказании вообще*.

«Вы меня спрашиваете,— писал он Самарину,— какими нравственными наказаниями [я заменяю телесные и не телесные ли наказания тюрьма, ссылка и пр.— Как будто я когда-нибудь брался, как князь Черкасский, находить детские или старческие, светские или духовные розги и их эквиваленты?..

— «Хотите уничтожения холеры?» — Без сомнения.

— «Но какой же заразой ее заменить? И легче ли будет новая зараза?» — Такого вопроса ни один доктор не разрешит.

Розги и тюрьмы, грабеж судом и насильственная работа виновного — все это телесные наказания и могут быть только заменены иным общественным устройством...»]*[8].

Вы видите отсюда, что речь в самом деле шла у Г[ерце]на не
17 только о *политических* казнях и ссылках и что | не политическими симпатиями объясняется его склонность «оправдывать» вместо того, чтобы «вменять». Тут дело не в политических симпатиях,— или не только в них,— а в *социальных взглядах* Г[ерце]на.

Трудно было бы оспаривать тот из них, что тюрьмы, розги, денежные штрафы — все это лишь разновидности *телесных* нака-
18 заний, если принять во внимание, что все эти | разновидности наказаний *принуждают* преступника или страдать, или отказываться от некоторых жизненных благ, или, наконец, совершать некоторые действия. А принуждение всегда опирается в последнем счете на *физическую силу*. Jus puniendi** всегда и везде
19 было основано на насилии. Это неоспоримая истина. | И вот этого-то насилия не хочет Герцен. Он решительно восстает против него, ссылаясь на социалистов Оуэна и Фурье[9]. Он совсем не отрицает существования того общественного зла, которое называется преступностью. Но он не хочет бороться с ним насилием. Он восстает против наказаний почти теми же словами,
20 как и Т[олстой], а стало быть и против судов. | Выходит, что Г[ерце]н тоже держался учения, гласящего: *«не судите», что он тоже был за непротивление*[10]. Значит, он был толстовцем еще до Толстого? Нет, не значит! Это значит *только* то, что он был социалистом. Цитированные мною места из писем Г[ерцена] к Са-
21 марину были написаны лет за 15 до | того, как Т[олстой] стал задумываться о судах, зле и непротивлении злу. Ясно, что не Г[ерцен] заимствовал у Т[олстого], а, наоборот, Т[олстой] у Г[ерцена], или, вернее, у социалистов. Он не отдает себе отчета в этом. Он думает, что он нашел это *в Евангелии*. Религиозные люди, по замечанию Г[ерце]на, имеют одну почву под ногами, а другую над головой, и предпочитают опираться на эту последнюю. Оттого-то земные предметы представляются им в обратном виде. Т[олстой] *втолковал* известные мысли в Евангелие под влия

* В тексте сказано: «Вы меня спрашиваете, — писал он Самарину,— какими нравственными наказаниями и т. д. см. выписки».

Цитата дана по «Письму к противнику. Письмо первое» (Соч., т. XVII, стр. 376). — *Ред.*

** Право наказания.— *Ред.*

нием великих социальных идей нашего времени. | 〈Заметьте это〉*.

Учение о непротивлении не исчерпывается словами: «*не судите*». Есть также слова: не воюйте. Это — *частный случай применения общей мысли*. Но характерно, *как* вычитал Т[олстой] эту мысль из Евангелия. Враг = чужестранец; ближний = земляк. Не все так понимают Евангелие. Толстовское понимание остроумно и правильно. Чем | оно подсказано? Интернационалом. (А евангелисту — отношениями, созданными тогдашней *pax romana*** [11]: *римская империя того времени была международна*, а в ней было много «интернационалистов».) Павел. «Несть ни эллин, ни иудей»***.

Вывод: Т[олстой] считал, что социалисты исходят из христианского идеала, «не понимая его и кощунствуя над ним», из идеала любви, прощения и воздаяния добром за зло. На самом же деле он сам усвоил себе некоторые черты социалистического идеала. (*Письмо к Ал[ександру] III*)[12].

Учение Т[олстого] о непротивлении злу есть своеобразный отголосок того социалистич[еского] учения, которое мы встречаем у Г[ерце]на. В чем состоит его своеобразие?**** | Доводы *социалистов* против судов и наказаний.

Г[ерцен] не даром сослался на *материалиста Оуэна*. Учение этого знаменитого английского социалиста об образовании человеческого характера было заимствовано у материалистов XVIII в. Это учение популярнее всего изложил Чернышевский. Человек [24а] родится не плотником и не столяром; он родится***** | со способностью выучить то или другое ремесло. И точно так же он не родится злым или добрым, а делается или злым или добрым, смотря по обстоятельствам. Замечание о Гельвеции[13]. Общественный строй. Чтобы человек не был злым, нужно разумное общественное устройство. Маркс о франц[узском] материализме и социализме[14].

Преступность — общественный продукт. Лекарство? Социальная реформа. К ней-то Герцен и апеллирует. А Т[олстой]?

| Вы видели: по его мнению, судят затем, чтобы отстоять существующий порядок. Порядок этот из рук вон плох. Вывод, который следовало сделать: *социальн[ая] реформа*. У Т[олстого] вывод — личное самоусовершенствование, см. вставку*, или, как он говорит, *самоочищение*. Выписка № 1-й**. В этом своеобразие его учения: в другом выводе. Почему он делает его? Он один из самых последовательных противников материализма.

Второй час

〈По его мнению, материализм, который смотрит на человека, как на процесс, есть законное детище того христианского учения, что здешняя жизнь есть падшая жизнь (Вера, 110)[15].

О материи. См. выписку № 2-й***. Этому соответствует и взгляд на историю. См. Спелые колосья, стр. 95〉**** [16].

| Надо не наказывать преступников, а позаботиться о том, чтобы их не было. Господа! Это очень похоже на правду, на ту самую правду, которую мы только что слышали от Герцена. Он

---

* Дальше приписано карандашом: «Г[ерцен] — социалист. См. выписку». Приводим сохранившуюся в архиве выписку, озаглавленную «Герцен и социализм» и написанную с двух сторон листа:

«*ГЕРЦЕН И СОЦИАЛИЗМ («Колокол» № 191, 15 ноября 1864 г.)*

Социалист я не со вчерашнего дня. Тридцать лет тому назад я высочайше утвержден Николаем Павловичем в звании социалиста — cela commence à compter [отсюда начинается счет]. Через двадцать лет я напомнил об этом его сыну в письме, которое вы знаете, и через десять других говорю вам, что я решительно не вижу выхода из всеобщего импаса (т. е. тупого переулка) образованного мира, кроме старческого обмирания или социального переворота,— крутого или идущего исподволь,нарастающего из жизни народной или вносимого в нее теоретической мыслью,— все равно. Вопрос этот нельзя обойти... Он не может ни устареть, ни сойти с череды, он может быть оттерт, заставлен другими, но он тут, как скрытая болезнь,— и *если он не постучится в оверь, когда всего меньше думают, то получится смерть*». («Письма к противнику. Письмо первое» — Соч., т. XVII, стр. 372.)

В другом месте:

«Наши десять заповедей, наш гражданский катехизис в социализме... Социализм, как евангельская девица, не умер, а спит». (Ib. 561.— Во втором письме к путешественнику, весна 1865 г.)» (Соч., т. XVIII, стр. 114—115).— *Ред.*

** — римский мир.— *Ред.*

*** Последняя фраза приписана карандашом.— *Ред.*

**** Наверху страницы написано: «Продолжение 1-го часа. Толстой и Герцен», затем идут зачеркнутые слова: «Второй час».— *Ред.*

***** Стр. 24-а написана на обороте стр. 24-й и не имеет нумерации.— *Ред.*

* Приводим вставку к странице 25, озаглавленную:

«*САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ (к политическим деятелям)*

Средство воздействия на добрую жизнь людей есть только одно: *своя добрая жизнь*. А потому и деятельность людей, желающих содействовать установлению доброй жизни, может и должна быть только во внутреннем совершенствовании— в исполнении того, что выражено словами: будьте совершенны, как отец ваш». (*Л. Н. Толстой*, К политическим деятелям, Christchurch, 1903, стр. 25).— *Ред.*

** Приводим относящуюся сюда выписку № 1, озаглавленную:

«*ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОСРЕДСТВОМ СОБСТВЕННОСТИ*

Я не говорю, что не надо действовать на других, помогать им, напротив, я считаю, что в этом жизнь. Но помогать надо чистым средством, а не нечистым — собственностью. Для того же, чтобы быть в состоянии помогать, главное дело, пока мы сами нечисты, очищать самих себя (Спелые колосья, 159)».— *Ред.*

*** Приводим выписку, озаглавленную:

«*ВТОРОЙ ЧАС, № 〈2-й 1-й*

Материя

Материя есть предел духа. Истинная же жизнь есть разрушение этого предела. В этом понимании и содержится самая сущность разумения истины, та сущность, которая дает человеку сознание вечной жизни. Материалисты принимают предел за истинную жизнь (Спелые колосья, 96)».— *Ред.*

**** Стр. 26 и следующие, до конца рукописи, написаны не рукой Плеханова, но с многочисленными его поправками. Наверху стр. 26-й Плехановым приписаны слова: «могло бы и не совершиться». Очевидно, имелся другой вариант последней, перечеркнутой, 25-й страницы, не сохранившийся в архиве.— *Ред.*

ведь тоже, как мы знаем, восставал и против тюрем, и против розог, и против виселиц. И он, конечно, признал бы, что, убивая убийцу, мы только и делаем, что удваиваем убийство [17]. Стало быть,— заметьте это,— в известных пределах учение Толстого вполне совпадает с учением социалистов. Но оно явилось значи-
27 тельно *после того*, как выработалось | социалистическое учение о преступлении и наказании; поэтому мы имеем право утверждать, что в учении Толстого лишь повторялась истина, давно уже открытая *социалистами*, а пожалуй даже их предшественниками: просветителями XVIII века. И мы можем прибавить, не боясь ошибиться, что между теми, которые восхищались и восхищаются нравственным содержанием толстовского учения, было и есть не мало таких, которые даже и не подозревают, как много заимствовал Толстой у социалистов. Очень возможно, что иные из них, одобряя истину, заключающуюся в учении Толстого и вне-
28 сенную в него из социалистических систем, | в то же самое время отворачиваются от социализма, наивно считая его учением, лишенным прочной нравственной подкладки.

Но в учение Толстого вошла далеко не вся та истина, которая содержалась в социалистической теории преступления и которую Герцен противопоставлял богословской морали Самарина. Учение Т[олстого] — не полная истина, а неполная истина, выдающая себя за полную,— заблуждение. Следует не бить преступников, а предупредить их появление. Это так. В этом Толстой согла-
29 сен с Герценом. Но *как* предупредить? Тут-то и начинается | чрезвычайно важное, существенное разногласие. Герцен говорит: причина преступности лежит в дурном устройстве общественных отношений. Толстой учит: царство божие внутри вас. Один умозаключает к переустройству общества, другой — к нравственному улучшению отдельных лиц. Тут мы видим перед собою тезу и антитезу. Надо заметить, впрочем, что теза чаще всего неправильно понимается.

Когда Герцен от своего учения о преступности умозаключал
30 к | переустройству общественных отношений, он этим вовсе не заявлял о своем равнодушии к нравственному развитию отдельных лиц. Напротив! По его теории, переустройство общественных отношений представляет собою безусловную необходимость именно потому, что иначе неизбежна преступность, т. е. нравственная порча, по крайней мере, некоторой части населения. *Переустройство общественных отношений не есть последняя цель* и никогда не было последней целью. Оно есть лишь *средство*
31 *достижения последней цели*, т. е. всестороннего, а, между про | чим, также и нравственного развития личности. Кроме того, — и на это, к сожалению, обращают слишком мало внимания,— само требование общественного устройства, как предварительного условия всестороннего, а, следовательно, и нравственного развития личности, предполагая сочувствие к людям, тем самым предполагает известную высоту нравственного развития сочув-

ствующего. И чем энергичнее борется человек за осуществление своего общественного идеала, чем больше самоотвержения обна-
32 руживает он в | такой борьбе, тем выше поднимается он на лестнице *нравственного развития*. Стало быть, мнимую антиномию: *или* нравственное усовершенствование личности, *или* общественное переустройство — необходимо отбросить, как нелепое измышление умов, совершенно не понимающих дела. И в том, и в другом случае цель одна и та же: усовершенствование отдельных лиц, из которых ведь и состоит, в последнем счете, общество.
33 Разница лишь в *средствах*. | Разница лишь в вопросе о том, что должны мы признать необходимым и достаточным предварительным условием развития личностей: разумное ли устройство отношений между ними, то-есть социальную реформу, социальную революцию, — скажите, как хотите,— или же простое, подчас и очень талантливое повторение старых заповедей: не убий, не укради, не прелюбы сотвори, не божись, не пей вина, не кури табаку и т. д. Социалисты, Фейербах, а с ними и Герцен, считали
34 таким | условием переустройство общественных отношений. Толстой — уповал на повторение заповедей. Поэтому, несмотря на частичное совпадение, его учение противоположно социализму. Вот почему он справедливо говорит, что лишь «смешение представлений» может отождествить его учение с учением социалистов. «Социалисты советуют уничтожить собственность, а я советую игнорировать ее»[18]. Исторический опыт показал, что игнорировать собственность невозможно. Но Толстой очень просто справлялся с этим затруднением: он игнорировал также и исторический опыт.

35 Будучи перенесен | в эту плоскость, самый вопрос о насилии приобретает совершенно новый вид. Речь идет теперь вовсе не о том, «полосовать» ли спину преступника. Герцен и Толстой единогласно говорят, что полосовать не надо, причем Толстой лишь повторяет мысль Герцена. Речь идет о том, позволительно ли употребить насилие, когда оно нужно для того, чтобы помешать полосовать спину, т. е. для переустройства общественных отношений. *Пояснить. Ящик Пандоры*[19]. Тут Толстой совершенно расходится с Герценом, и он по-своему прав.

36 Если я говорю: следует игнорировать собственность, | то я тем самым объявляю совершенно излишними всякие действия, направленные на перемену *ее форм*. Толстой не мог не быть глубоко равнодушным к вопросам общественного переустройства. Но когда он обращал внимание на борьбу, ведомую из-за этого переустройства, он переставал быть равнодушен и принимался обличать, твердя борцам все то же: что если мы к одному убийству прибавим другое, то мы лишь увеличим сумму зла на земле. Эта первобытная уголовная арифметика не могла быть убедитель-
37 ной | для борцов хотя бы ввиду того бесспорного обстоятельства, вероятно, оставшегося совершенно неизвестным Толстому,— что преступность, а, значит, и заключающееся в ней зло, увеличи-

вается или уменьшается в связи с изменением общественных отношений. Если мы, путем сопротивления злу насилием, так изменим общественный строй, что у нас получится значительное понижение кривой линии преступности, то может оказаться, что мы,
38 с помощью несомненного, | но меньшего зла, устранили гораздо большее зло. Другими словами: из горького, по известному библейскому выражению, получится сладкое, из зла родится добро. До таких выводов никогда не возвышалась первобытная уголовная арифметика Толстого, но их неизбежности не мог не видеть Герцен, стоя на своей социальной точке зрения.

Герцен никогда не был апологетом насилия для насилия. Да и невозможны такие апологеты между людьми его направле-
39 ния. В юности он, | под влиянием своего «французского» учителя, террориста Бушо из Меца, восторженно увлекался мрачным героизмом террористов 1793 года. Впоследствии, особенно под влиянием событий 1848 года, он стал сознательным сторонником мирного способа действий. В «Колоколе» он не раз и, по своему обыкновению, совершенно откровенно говорил это тогдашней русской молодежи. Уже во 2-м номере этого журнала (1 авг[уста] 1857 г.) он писал, что от души предпочитает путь мирного разви-
40 тия пути развития | кровавого. Но он слишком твердо стоял на почве социализма и слишком хорошо закалил свою логику в суровой школе гегелевой философии, чтобы сделаться *доктринером мирного развития* во что бы то ни стало. В том же 2-м номере «Колокола» он, заявив о своем искреннем предпочтении мирного развития, прибавляет, что вместе с тем он так же искренно предпочитает самое бурное и необузданное развитие застою нико-
41 лаевского status quo*. Позволительно думать, что он и теперь не | отказался бы повторить эту последнюю фразу, на этот раз понимая под застоем николаевского status quo тот застой, который так дорог правительству Николая II. Но не будем прибегать к *догадкам*. Ограничимся тем, что мы знаем *наверно*. А знаем мы, например, вот что.

В № 97-м «Колокола» (1 мая 1861 г.), в маленькой заметке, посвященной памяти русского полковника Рейтерна, который
42 застрелился в Варшаве, потому что не хотел участвовать | в усмирении поляков, Герцен писал:

«Полковник Рейтерн *застрелился* [в Варшаве, чтобы не быть помощником палачей. Мир его праху, он герой, но зачем эта казнь, обращенная на чистую грудь? Если расстреливать, так лучше расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным. Два, три примера остановят бездну мерзавцев. А что будет после? Хуже смертной казни Рейтерна не будет]»**.

* — существующего положения.— *Ред.*

** В тексте сказано: «Полковник Рейтерн застрелился и т. д. см. выписку, «Кол[окол]», 284».

Выписка не сохранилась. Даем продолжение цитаты по соч. Герцена. Цитата из заметки «Рейтерн» — «Колокол» № 97, от 1 мая 1861 г. (Соч., т. XI, стр. 89).

Тут он рассуждает, можно сказать, как русский террорист последующего времени. Однако и это рассуждение не сделало его ни террористом, ни кровожадным,— в чем готов был упрекать его Самарин,— он остается гуманным. Наши террористы — гуманнейшие люди. Более 2-х лет спустя, он, в статье «Журналисты и террористы» («Кол[окол]» № 141, 15 авгу[ста] 1862 г.),
43 обращаясь | к авторам известной, наделавшей тогда много шума, прокламации «Молодая Россия»[20], писал:

«Мы давно разлюбили обе чаши, полные крови, штатскую и военную, — т. е. как военное, так и революционное кровопролитие —[и равно не хотим ни пить из черепа наших боевых врагов, ни видеть голову герцогини Ламбаль на пике* [21]].

Пояснить о трагич[еской] необходимости. Невозможность злоупотребления**.

Несколько ниже, в той же статье, он продолжает: «Звать к оружию можно только накануне битвы. [Всякий преждевременный призыв — намек, весть, данная врагу, и обличение перед ним своей слабости]***.

44 | Вы видите: никакой кровожадности нет и здесь. Герцен напоминает, что какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы. Но,— и в этом глубочайшее отличие его от Толстого,— его гуманизм не мешает ему понять, что может прийти роковой день, когда сопротивление насилием насилию сделается страшным
45 долгом, трагической необходимостью | и когда люди, любящие свою страну, преданные интересам ее трудящегося населения, обязаны будут «стать грудью» и «лечь костьми». И самые эти слова: «стать грудью, лечь костьми» как нельзя более характерны
46 для его отношения к вопросу о насилии. Признавая, | что кровавое столкновение может при известных обстоятельствах сделаться роковой необходимостью, он рассматривает его, главным образом, под углом того самоотвержения, которого оно всегда требует от революционера и по отношению к которому был слеп граф Толстой. См. его «*Божеское — человеческое*»[22]. Вот почему, когда началось польское восстание, вызвавшее кровавые репрессии со стороны русского правительства, Герцен не считал и не мог
47 считать,— как считал и должен | был считать впоследствии при подобных обстоятельствах граф Толстой,— *обе стороны равно*

Здесь, как и в дальнейшем, ссылки на страницы, сделанные Плехановым, относятся к сборнику «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887. Сборник сохранился в библиотеке Плеханова.— *Ред.*

* В тексте сказано: «Мы давно разлюбили обе чаши, полные крови, штатскую и военную — т. е. как военное, так и революционное кровопролитие — и т. д. См. выписку, «Кол[окол]», 343—344».

Выписка не сохранилась, даем продолжение цитаты по указанной Плехановым статье Герцена (Соч., т. XV, стр. 372).— *Ред.*

** Эта фраза вписана Плехановым между строк, карандашом.— *Ред.*

*** В тексте сказано: «Звать к оружию можно только накануне битвы. См. выписку, «Кол[окол]», 346».

Выписка не сохранилась; цитируем по «Колоколу».— *Ред.*

виноватыми. Он понимал, что ответственность за пролитие крови падает не на повстанцев*.

«Восстание это все *предвидели*»,— писал он, — [оно не могло не быть при безобразном полицейском наборе; об нем предупреждали и мы и десять других журналов; были даже люди, которые предупреждали великого князя и государя — *они* не хотели отстранить восстания, *они избрали кровь*!**.

В случаях, подобных этому, кровь всегда избирают именно правящие сферы, а не революционеры. А стало быть, и нравствен-
48 ная ответственность за ее | пролитие должна падать не на повстанцев, а именно на эти сферы.

Великий художник, граф Толстой никогда не мог понять этого, так как он никогда не был не только *великим*, но и просто *гражданином*. Царство, привлекавшее к себе его, было царством не от мира сего: это была лишь одна из многочисленных разновидностей фантастического небесного царства, тогда как Герцен принадле-
49 жал к тем, которые стремились, по известному выражению Гей|не, здесь на земле основать царство небесное, охотно предоставляя небо ангелам и воробьям[23].

Толстой со всем своим художественным чувством не понимал, да и не мог понять захватывающей поэзии самоотверженной революционной борьбы. А Герцен прекрасно понимал ее, хотя и предпочитал мирный путь развития, и те слова горячего сочувствия, с которыми он обращался к польским революционерам, являются настоящими и превосходными стихотворениями в прозе. Таких стихотворений слишком много, чтобы я мог привести их все. Приведу два.

50 | «В самом деле, что за геройство, что за несокрушимая отвага, [что за ненизлагаемая любовь! В виду целого войска, двух, трех войск, с злейшими врагами за спиной, открыто поднять знамя восстания и, бросая перчатку дикому самовластию, громко сказать: «Довольно! мы не хотим больше терпеть. Ступай вон,| или клюй вороном наши трупы»]***.

А вот еще: «Да, поляки-братья, [погибнете ли вы в ваших дремучих мицкевичских лесах, воротитесь ли свободными в свободную Варшаву, мир равно не может вам отказать в удивлении. Начинаете ли вы новую эру независимости и развития, заключаете ли вашей смертью вековую, беспримерную борьбу— вы велики»].

Не забудем же, чем мы обязаны таким, как Г[ерце]н, и пожелаем,— так как борьба неизбежна,— чтобы наши будущие борцы за свободу соединили в себе все чистое рыцарства со всем доблестным античного гражданина!

---

* На стр. 45 рукописи Плехановым вычеркнуты содержащие ту же мысль строки, но в несколько иной формулировке: «...Герцен не считал,— говорит он там,— обе стороны равно виноватыми, какими объявил в 1905—1906 гг. Толстой и правительство и революционеров».— *Ред.*

** В тексте сказано: «Восстание это предвидели,— писал он: см. выписку, «Кол[окол]», 366».

Выписка эта не сохранилась; даем продолжение цитаты по статье Герцена «Resurrexit»— «Колокол» № 155, от 1 февраля 1863 г. (Соч., т. XV, стр. 26).— *Ред.*

*** В тексте сказано: «В самом деле, что за геройство, что за несокрушимая отвага и т. д. см выписку «Кол[окол]», 366».

Выписка не сохранилась; даем продолжение цитаты по «Колоколу» № 155, от 1 февраля 1863 г., статья Герцена «Resurrexit» (стр. 26).— *Ред.*

ДВА КОНСПЕКТА ЛЕКЦИЙ

ПЕРВЫЙ КОНСПЕКТ

Конспект написан рукой Плеханова в записной книжке размером 17,5 × 11 *см*, в черном клеенчатом переплете. Записи сделаны чернилами и занимают 16 листов, исписанных с двух сторон. Остальные листы не заполнены, кроме двух, занятых заметками о Толстом, публикуемыми ниже. Выписки, помещенные в примечаниях, написаны на пяти разрозненных тетрадочных листах также рукой Плеханова.

Т[ОЛСТОЙ] И Г[ЕРЦЕН]

1-й час

Гг!

Вы все прекрасно знаете, что каждый из тех двух писателей, имена которых поставлены рядом в названии моего реферата, представляют собою,— как Москва в яркой характеристике Скалозуба,— дистанцию огромного размера. И не только литер[атурные] дарования. Они совсем различны по своему образу мыслей. И все вы понимаете, что тот должен был бы прочитать, по крайней мере, 10 рефератов, кто задался бы целью исчерпать, хотя бы только приблизительно, такую богатую тему, как всестороннее взаимное сравнение этих двух огромных дистанций. Я не располагаю таким большим запасом свободного времени, да, признаюсь, не уверен в том, что у вас хватило бы терпения слушать меня так долго. Моя задача гораздо скромнее. Однако, я позволяю себе думать, что и она заслуживает полного внимания. Мне хочется сравнить Т[олстого] с Г[ерценом] в их отношении к одной из величайших социальных идей нашего времени: в отношении к той идее, которая легла в основу т[олстовского] учения о непротивлении злу насилием*. *Не противьтесь злу насилием.* Т[олстой] нашел эту мысль у Иисуса. Так говорит он[24]. Допустим, что это так и было, но какую же ассоциацию идей расшевелила в нем эта мысль? Нам очень важно узнать это.

---

* Нижняя половина страницы вычеркнута. Приводим ее:

«Это намерение может, пожалуй, показаться несколько странным. Оно может вызвать вопрос: да разве же можно найти у Герцена такие идеи, из которых, хотя бы и с некоторой натяжкой...»

Фраза не закончена. Очевидно, дальнейшие страницы были вырваны Плехановым (об этом свидетельствуют три сохранившихся в книжке корешка) и заменены новым текстом, являющимся прямым продолжением лекции.— *Ред.*

Вот какую. *См. выписку № 1-й**. Вы видите: прежде всего он подумал о судах, хотя Христос неизвестно подумал ли: «если» подумал. И он встал в отрицательное к ним отношение. Христос предписывал делать добро за зло, а суды воздают за зло — злом. Христос запрещал разбирать злых и добрых, а суды только и занимаются таким разбором. Это — доводы от веры. За ними следует довод от сердца. *См. выписку № 2-й.* Развивая далее это соображение, Т[олстой] говорит, что порядочный человек не станет мучить даже теленка, собаку или курицу, а не только человека. Отказ от мясной пищи. Он опровергает ту мысль, что противоречит природе человека заповедь о непротивлении злу. *См. выписку № 3-й***. На самом деле, такая жизнь совсем не мечта, а действительность. Но это не важно. Важно настроение Т[олстого]. Откуда же берется это противоестественное стремление делать зло? *Оно вызывается плохим общественным устройством.* Наше общество устроено так плохо, что каждое благо одного человека достигается лишь страданиями других людей. Кого судят в судах? Преступников. Что такое преступление? Нарушение данной нормы (соб[ственности] и проч). Судья, — как и палач,— охранитель по преимуществу. Так представляется Т[олстому] вопрос о судах. Заметьте это, и вы поймете его удивление по тому поводу, что революционеры,— которых он называет единственными верующими людьми нашего времени,— ни за что не хотят согласиться с ним. Оставаясь в пределах изложенного, надо согласиться, что революционеры,— т. е. собственно социалисты,— должны были бы согласиться с Т[олстым]. Не правда ли? Это до такой степени правда, что социалисты и в самом деле согласны с Т[олстым]. Повторяю, *в пределах изложенного*, в границах того, что Т[олстой] говорит *о судах*. В доказательство я сошлюсь именно на Г[ерцена], имя которого сопоставлено с именем Т[олстого] в названии моего реферата.

〈«Мимоходом»[25]. Спор с Самариным. Но прежде прибавлю во избежание недоразумений, что учение о непротивлении злу не исчерпывается у Т[олстого] словами: «не судите». Он говорит также: «*не воюйте*». Но это частный случай общего правила. Если бы итальянцы никого не судили, то они не судили бы шемякиным судом и Турцию,

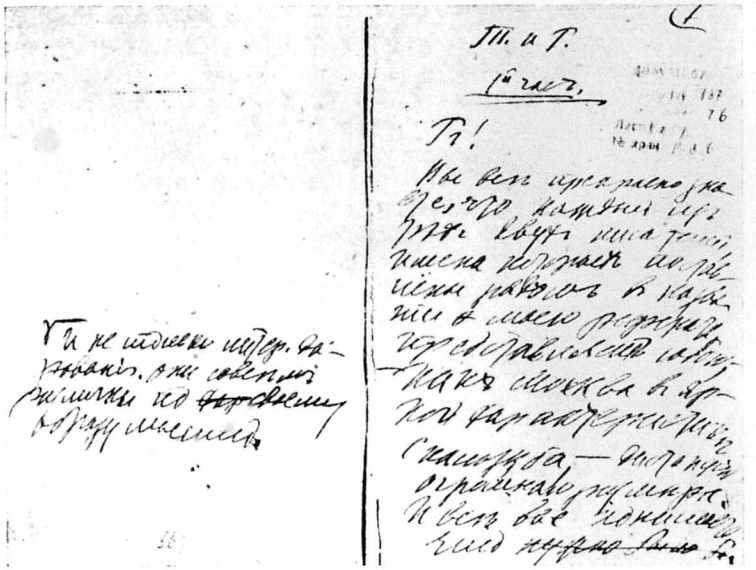
* Приводим сохранившуюся в архиве выписку, которую имеет здесь в виду Плеханов, озаглавленную:

«1-й ЧАС

Выписка № 1-й

Первое, что поразило меня, когда я понял заповедь о непротивлении злу в ее прямом значении, было то, что суды человеческие не только не сходятся с нею, но прямо противны ей, противны и смыслу всего учения и что потому Христос, если подумал о судах, то должен был отрицать их (стр. 26. Берлинское издание 1902 г.)». («В чем моя вера?»— Соч., т. XX, М., 1913, стр. 426.)—*Ред.*

** Приводим выписку № 3: «Стоит на минуту отрешиться от той мысли, что устройство,— общественное устройство (*Г. П.*), — которое существует и сделано людьми, есть наилучшее общественное устройство жизни, чтобы возражение о том, что учение Христа несвойственно природе человека, тотчас же обратилось против возражателей».— *Ред.*



Конспект реферата «Толстой и Герцен»

а стало и не напали бы и на Триполи[26]. Но замечательно в высшей степени толкование т[олстовской] заповеди о любви к врагам. Враг = *иностранец*. Прошу вас запомнить это〉*.

Теперь о Г[ерцене]. *Он — социалист*. Выписки**. Спор с Самариным. «Скучение атомов».

2-й час

Гг!

Я утверждаю, что мысли Т[олстого] о судах и о войне,— о международных отношениях,— представляют собою своеобразное отражение в его голове некоторых социалистических идей, и я обещал пояснить, *в чем их своеобразие*. Приступаю к этому. Здесь мне нужно припомнить те доводы от рассудка, которые приводили социалисты в оправдание своего отрицательного отношения к судам. Г[ерцен] не даром сослался на материалиста Оуэна. В основе учения Оуэна лежало материалистическое учение о том, что человек родится не добрым и не злым, — Чер[нышевский]. Он не родится столяром или сапожником, а делается таким под влиянием окружающей,—и главным образом *общественной*,— обстановки. Гельвеций. Маркс показал, как мысль эта

* Весь абзац, заключенный в угловые скобки, в рукописи вычеркнут.— *Ред.*

** Выписки приведены в предыдущей публикации (см. стр. рукописи 22, примечание).— *Ред.*

легла в основу социализма XIX века. Вывод из этого положения. Преступность — *общественный продукт*. Необходимость социальной реформы. Так Г[ерцен] и поступает *. В споре с Самариным он апеллирует от полосования спины к социальной реформе. А Т[олстой]? Все своеобразие его учения состоит в том, что он этого вывода не делает. Почему? Потому, что он не кажется ему необходимым. А почему не кажется таковым? Потому, что ему противен материалистический взгляд на человека. Он с насмешкой говорит о материализме с его удивительным восторженным утверждением, что человек есть процесс и больше ничего. (*Вера*, 110). По его мнению, материализм есть законное детище учения христианской церкви о том, что жизнь здешняя есть падшая. (110, *Вера*). Он пишет. См. выписку № 0**. Сообразно с этим он и на историю человеческого ума смотрит, как на нечто, независимое от фактической истории человечества, т. е. между прочим и от истории общественных отношений. *Спелые колосья*, стр. 95. Слова Дидро о свободе воли [27]. Человек — причина; но раньше он был следствием, у Т[олстого] только причина. Отсюда выводы. Сколько человеку земли нужно? Три аршина. Отношение к завоевателям. К эксплуататорам Зулу. Сп[елые] кол[осья], 220***. Его обращение к рабочим. Страшная наивность его рассуждений: не работайте на капиталистов. Стачка? Нет! Он прямо говорит это [28]. Самосовершенствование. Нелепая антитеза: *или* соц[иальная] реформа, или усовершенствование личности.

<Противоречие Т[олстого] о ребенке, «Вера», стр. 229 [29]>.

Это делает его учение прямо противоположным социализму. И он сам это сознает: «Спелые колосья», стр. 69. Смешение представлений.

Почему он дальше всех от социалистов? Потому что последовательнее всех других проводит *идеалистический* взгляд на историю и на общественную жизнь. Но к чему это его приводит? Вот к чему. Отрицание значения *поступков*. Сп[елые] кол[осья] 98 и 99 [30]. 142. *Прозелитизм*****.

---

* Сбоку на полях приписана следующая фраза, подчеркнутая два раза: «NB. Об его материализме».— *Ред.*

** См. предыдущую публикацию, начало второго часа, стр. рукописи 25, примечание. Выписка озаглавлена «Материя».— *Ред.*

*** Приводим выписку, озаглавленную:

«ЗУЛУ

Вопроса о международных отношениях тоже не может быть. Все люди — братья. И если пришли Зулу, чтобы изжарить моих детей, то одно, что я могу сделать, это постараться внушить Зулу, что это им не выгодно и не хорошо,— внушить, покоряясь им по силе. Тем более, что мне нет расчета с Зулу бороться. Или он одолеет меня и еще более моих детей изжарит, или я одолею его, и дети мои завтра заболеют и в мучениях худших умрут от болезни. (Спелые колосья, 220)».—*Ред.*

**** Приводим выписку, озаглавленную:

«ПРОЗЕЛИТИЗМ

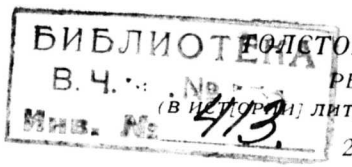
Очень рад тому, что в последние три года во мне исчезло всякое желание прозелитизма, которое было во мне очень сильно.

Это — reductio ad absurdum * идеализма и индивидуализма. *Ясная Поляна*, 158 *Сп[елые] колосья* [31].

ВТОРОЙ КОНСПЕКТ

(Отрывок)

Настоящая публикация представляет собой конспект заключительной части лекции «Толстой и Герцен», написанный рукой Плеханова в ученической тетради. Первый лист, очевидно, вырван, так как конспект начинается со второй страницы. Всего он занимает три листа, исписанные с двух сторон.



ТОЛСТОЙ И ГЕРЦЕН

РЕФЕРАТ

(В ИСТОРИИ ЛИТ[ЕРАТУРЫ] ГРАНАТА) [33]

2-й час

Слова Дидро о свободе воли. В учении социалистов преступный человек рассматривается как *следствие*. А Т[олстой] не хочет смотреть на него так: причина. Распространять учение Христа. Son Code. 4 заповеди. *См. выписку № 3* **.

Выводы: Спелые колосья, *стр. 220*. Собственность***. Зулу. Все это делает его учение прямо противоположным социализму. И он это сознает. Спел[ые] колосья, стр. 69. Почему он дальше всех от социализма? *Потому что он самый последовательный идеалист*. Это приводит к:

1) отрицанию значения поступков. Сп[елые] колосья, 98—99. *(Тут секрет Ясной Поляны)*;

2) квиетизму (о прозелитизме). Сп[елые] колосья, 142.

Почему же аплодируют ему? Частью по незнанью, частью потому, что многие не хотят противиться злу насилием. Струве в *«Вехах»* [33]. А Герцен? Он никогда *не был апологетом насилия для насилия*. Его заявление в № 2 «Колокола». Но он и не апологет непротивления.

Я так твердо уверен в том, что то, что для меня истина, есть истина для других людей, что вопрос о том, когда какие люди придут к этой истине, мне не интересен. Сп[елые] колосья, 142».— *Ред.*

*— приведение к абсурду.— *Ред.*

** Приводим соответствующую выписку, озаглавленную:

«ВТОРОЙ ЧАС, № 3

Не сердись. Не блуди. Не клянись. Не воюй. Вот в чем для меня сущность учения Христа. Сп[елые] колосья, 216».— *Ред.*

*** Приводим относящуюся сюда выписку, озаглавленную:

«СОБСТВЕННОСТЬ

Самое важное. Собственности нет, по Евангелию, и у тех, у кого она есть, у тех горе, т. е. им плохо. Христианин по отношению к собственности может только не участвовать в насилии, совершаемом ради себя, и разъяснять другим, что собственность есть миф, что собственности нет... у человека, который будет отдавать свой кафтан, когда хотят снять с него рубашку, не может быть речи о собственности. Сп[елые] кол[осья], 220».— *Ред.*

Как отнесся бы он к застою Николая II. В № 97 (1 мая 1861) о Рейтерне. Более 2 лет спустя, «Колокол» № 141, статья: «Журналисты и террористы». Выписки *. Он не любит крови. Но понимает, что может притти день, когда необходимо будет противопоставить *гнусному насилию угнетателей гордую силу угнетенных* и когда надо *лечь костьми*. Он рассматривает восстание с точки зрения самоотвержения борющихся. Он понимает великую, захватывающую поэзию революц[ионной] борьбы. Вот почему, когда началось польское восстание, он не считал обе стороны равно виноватыми (как Т[олстой] в недавние дни). Он от души сочувствовал полякам. Он знал, что ответственность за него падает на русское правительство. И он смело сказал это. Великий *художник* Т[олстой] никогда не понимал этого, ибо не был гражданином. Герценовские стихотворения в прозе. Два: 1) В самом деле, что за геройство и т. д. 2) Да, поляки-братья и т. д. **

Заключение: Г[оспо]да! Наши симпатии должны быть не на стороне Т[олстого], а на стороне Г[ерцена]. Не смущайтесь иеремиадами против насилия. Мцыри [34]. Подъем опять начинается, будет буря. Все чистое рыцарства со всем доблестным античного гражданина.

ВАРИАНТ ЛЕКЦИИ

(Отрывок)

Вариант написан рукой Плеханова на трех разрозненных тетрадочных листах небольшого формата с полями, отделенными с двух сторон лиловой линейкой. Листы исписаны с двух сторон, кроме первого. Нумерация имеется на двух первых листах — 12 и 13. Выписки, упоминаемые в варианте, приведены выше, в лекции «Толстой и Герцен», и потому здесь не повторяются.

...самая надежная, едва ли не единственная опора нравственности. Но если человек принимает за бога свою собственную сущность, если правда, что не бог сотворил человека, как учит Библия, а человек сотворил бога в своем воображении, по своему образу и подобию, как учит Фейербах, то самый вопрос о нравственности представляется в совершенно другом свете: нравственные заповеди утрачивают свою религиозную санкцию, бог перестает водить ч[еловека] на помочах, че[лове]ку приходится встать на свои собственные ноги. Дурно это или хорошо? Одни думают, что дурно, а другие, что хорошо. Так было и в эпоху Ге[рце]на. Тогда, например, славянофилы были убеждены, что это очень дурно, а передовые западники, и в их числе сам Гер[цен], находили, что, напротив, очень хорошо. По этому поводу у Ге[рце]на произошла в 60-х годах прошлого века чрезвычайно интересная «богословско-метафизическая контроверза», как выраж[ается] Герцен. На ней необходимо остановиться. Она недурно выясняет, что такое был гуманизм Герцена.

Самарин (Юрий Федорович) упрекал Г[ерце]на в том, что тот своей пропагандой развращает или, вернее, уже развратил молодое поко-

* Выписки приведены в первом конспекте лекции.— *Ред.*

** См. первый конспект.— *Ред.*

ление России. Первый упрек, который выдвигался им против Г[ерце]на, относился к проповеди безбожия и материализма. Самарин утверждал, что человек, считающий себя «скучением атомов», не способен к самопожертвованию. Гер[це]н возражал на это, что мартирологу христианства можно противопоставить мартиролог революции. Затем он переходил в наступление, говоря:

«Вы находите непоследовательным» (и т. д. «Колокол», стр. 516—517, см. «*Выписки*»).

Эти слова заключают в себе *яркую черту* для характеристики *гуманизма* Герцена. Он больше сочувствует *оправданию* обвиняемых, нежели *наказанию* их? Ср. Чернышевского: «*не вина его, а беда его*». С этой точки зрения весь вопрос о наказаниях представляется в совершенно *новом* свете. Г[ерце]н говорит, возражая благочестивому Самарину:

«Вы меня спрашиваете NB. *См. выписку*. (517, «*Колокол*»)... иным общественным устройством...»

Тут материалистич[еский] *гуманизм* Г[ерце]на переходит в *социализм*. Некоторые из нынешних почитателей Г[ерце]на неохотно признают его социалистом. Им можно указать на категорическое заявление самого Г[ерце]на в первом же письме его к Ю. Ф. Самарину.

См. выписку № *

В споре о наказаниях Г[ерце]н прямо ссы[лается]...

ПРЕНИЯ ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ

Прения написаны рукой Г. В. Плеханова на четырех тетрадочных листах карандашом.

МОРОЗОВ

Мор[озов] не возражает, а дополняет. Нельзя подходить к Т[олстому] с одним силлогизмом. Сам Т[олстой] свое значение оценивал иначе. Это не доказательство. Т[олстой] придавал большое значение личной жизни, примеру. Но в таком случае как же жил Т[олстой]? Толстой учил не противиться злу, а многие борцы за веру воспитывались на нем. Это не сила личности Т[олстого], а сила логики общественной жизни. Истинный поэт возбуждает к протесту даже тогда, когда учит терпению. Обаятельный образ величайшего представителя свободы человеческого духа. Многие ли воспитывались на Г[ерцене]? Многие не читали Г[ерцена], но читали Т[олстого]. Тем хуже. Т[олстой] был мистик. Что же это за довод? Мистицизм не довод, и мы враги мистицизма. Толстовцы вовсе не монополисты любви. Кто живет без печали и гнева, тот не верит отчизне своей [35]. Т[олстой] верил в чудо. У Т[олстого] вера в чудо проходит красной нитью через его сочинения. Напрасно сравнивает М[орозов] с народниками. Они могли *ошибаться*, но мистицизма у них не было.

Толстоизм возвеличивает рабьи добродетели. С этим я согласен. Но это не исключает справедливости того, что я сказал.

* В подлиннике конспекта Плеханова № выписки не указан.— *Ред.*

ПРИМЕРЫ РУС[СКОГО] МУЧЕНИЧЕСТВА

Что *энервированный* Михайлов просил пощады?.. <Обручев валялся в ногах царя?> Чернышевский отрекся от своих убеждений? Нет, они ушли на каторгу со своею святою нераскаянностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Самарин*, Юрий Федорович (1819—1876) — русский общественный деятель и писатель, один из видных славянофилов. В 1845 г. Герцен так характеризовал Самарина в своем «Дневнике» (запись от 26 февраля):

«На днях получил письмо от Самарина. Удивительный век, в котором человек до того умный, как он, как бы испуганный страшным, непримиримым противоречием, в котором мы живем, закрывает глаза разума и стремится к успокоению в религии, к квиетизму...» (Соч., т. III, Спб., 1919, стр. 447).

Спор Самарина с Герценом происходил в Лондоне в июле 1864 г. Проезжая через Лондон, Самарин предложил Герцену в письме от 11 июля повидаться, чтобы «пожать ему руку» и «переговорить искренно», несмотря на то, — писал он, — что «в настоящее время едва ли кто-нибудь строже меня осуждает всю вашу деятельность и жалеет искренно о том вреде, который вы сделали и делаете в России» (письмо напечатано впервые в журнале «Русь», 1883, № 1 и перепечатано в комментариях Лемке к XVII т. соч. Герцена, изд. 1922 г., стр. 290—291). Герцен горячо откликнулся на это предложение: «Я страстно хочу вас видеть, — писал он 12 июля 1864 г., — и что за дело до несогласий?.. Видеть вас хочу от души» (там же, стр. 290). Первое свидание Герцена с Самариным состоялось 21 июля в Лондоне (см. письмо Герцена от 14 июля — там же, стр. 291). Споры были очень горячие, и Самарин проявил в них особенную страстность и резкость, что видно из дальнейшей переписки. Через несколько дней после встречи, 29 июля, Герцен, согласно данному им обещанию, продолжил полемику письменно. Он послал Самарину письмо-статью, озаглавив ее «Письма к противнику», и просил разрешения Самарина опубликовать это, написанное без резких полемических выпадов, письмо и за ним ряд других в «Колоколе», не называя имени своего «противника». Самарин, еще до получения этого письма, 3 августа, в свою очередь отправил ему длинное послание, в котором между прочим затронул вопрос о вменяемости, о судах и наказаниях, трактовавшийся ими и при свидании (письмо было напечатано впервые в «Руси», 1883, № 1 и перепечатано у Лемке, т. XVII, стр. 319—327). На предложение Герцена предать их спор гласности в «Колоколе» Самарин согласился (письмо от 8 августа, т. XVII, стр. 335), но отвечать в печати на письма Герцена отказался из-за невозможности выступать в герценовском «Колоколе» по принципиальным соображениям и в аксаковском «Дне» — по цензурным соображениям.

Герцен осуществил свое намерение и напечатал в «Колоколе», не упоминая имени Самарина, три «Письма к противнику» (в № 191 от 15 ноября 1864 г., № 193 от 1 января 1865 г. и № 194 от 1 февраля 1865 г.).

[2] Выражение «скучение атомов» в письме Самарина от 3 августа 1864 г. отсутствует: очевидно, оно было употреблено им в разговоре с Герценом. Герцен упоминает о нем в своем первом «Письме к противнику».

[3] Приводим соответствующую выписку из первого «Письма к противнику»:

«Что вам за дело, что возле мартиролога христианства — мартиролог революции. История нам указывает, как язычники и христиане, люди не верившие в жизнь за гробом и верившие в нее, умирали за свое убеждение, за то, что они считали благом, истиной или просто любили.., а вы все будете говорить, что человек, считающий себя скучением атомов, не может собою пожертвовать; а человек, который считает свое тело искусными, но презренными ножнами души, — жертвует собой по праву, несмотря на то, что история вовсе не доказывает, чтобы материалисты 93 года были особенные трусы, а верующие по ремеслу — попы, монахи были бы... особенно падки на самоотвержение и героизм» (Соч., т. XVII, 1922, стр. 374—375).

[4] Самарин в негодующих выражениях возмущается материализмом и атеизмом Герцена, упрекая его в непоследовательности: «...если нет свободы духовной, — пишет он, — ... не может быть и речи ни о свободе гражданской, ни о свободе политической, ибо и та, и другая предполагают первую...» «Вменять человеку в заслугу или в вину его слово или его поступок, притягивать его к ответу перед собой или перед людьми было бы так же безумно, как браниться с тучей за то, что из нее сыплется град...» «Отрицая возможность самоопределения, вы разнуздываете личность и, повидимому, освобождаете ее, но в сущности вы делаете совершенно противное, т. е. вы порабощаете ее внешнему закону необходимости, которым предопределяется решительно все...» «Вы отвергаете идею вменяемости, вам просторно и хорошо в области полной безответственности, ну, и живите с ней!..» («Русь», 1883, № 1, перепечатано у Лемке, т. XVII, стр. 320—322).

[5] Незаконченная Плехановым фраза Фейербаха гласит: «Meine Philosophie ist keine Philosophie» [«моя философия — никакой философии»]. Этими словами Фейербах хотел выразить ту мысль, что философия не должна удаляться от жизни, а, напротив, должна сближаться с ней.

[6] Второе польское восстание, начавшееся в январе 1863 г. и закончившееся летом 1864 г., вызвало кровавые репрессии: главари восстания и члены национального правительства были казнены, тысячи захваченных в плен повстанцев сосланы на каторгу и на поселение.

Позиция, занятая «Колоколом» относительно польского восстания, выразившаяся в ряде горячо сочувственных статей, вызвала особенное негодование славянофила Самарина.

[7] Чернышевский, арестованный в 1862 г. и заключенный в Петропавловскую крепость, в 1864 г. был присужден на основании ложных документов и провокаторских доносов к семи годам каторжных работ. Герцен реагировал публично на этот приговор гневной статьей в «Колоколе» № 186, от 15 июня 1864 г. (Соч., т. XVII, стр. 260—261).

[8] Возражение Герцена относится к следующему месту письма Самарина:

«Объясните же мне, по какому праву вы восстаете так горячо против *телесных* наказаний? Разве у вас есть в запасе какие-нибудь другие, *не телесные*? Или: какую разницу вы отыскали в *отношении нравственном* между плетью... и, например, хоть словом, которое ведь тоже действует только на слуховые нервы, далее на мозг и производит явление, хоть и иное, но по вещественности, телесности своей совершенно однородное с первым? В разговоре со мной вы отмахнулись от этого вопроса и сказали мне, что если на то пойдет, то вы, пожалуй, распространите опалу на всякое наказание... Если вы действительно так думаете, то скажите это при случае; но я предупреждаю вас вперед, что вы этим признанием отнимаете у себя очень эффектную тему, на которой вы не раз выезжали в «Колоколе»... и рискуете потерей сотен ваших последователей, которые, вторя вам, клянут розги и наивно мирятся с тюрьмою, темнотою, черствым хлебом...» (*Герцен*, Соч., т. XVII, стр. 321).

[9] Об Оуэне и Фурье Герцен пишет в том же первом «Письме к противнику»:

«Материалист Оуэн не искал ни преступников, ни наказаний, ни уравнений между кандалами и побоями, а думал, как найти такие условия жизни, которые не наводили бы людей на преступления. Он начал с воспитания; испуганные безнаказанностью детей, пиэтисты закрыли его школу.

Фурье попытался самые страсти, причиняющие в своем необузданном и вместе с тем стесненном состоянии все преступные взрывы и отклонения, направить на пользу общества — в нем заметили одну смешную сторону...» (Соч., т. XVII, стр. 376).

[10] В другом месте Плеханов справедливо утверждает, что взгляды Герцена на средства общественного переустройства в корне противоположны учению Толстого о «непротивлении злу», ибо «социалисты, Фейербах, а с ними и Герцен считали... условием [нравственного усовершенствования отдельных лиц и предотвращения преступлений] переустройство общественных отношений. Толстой — уповал на повторение заповедей» (см. стр. 33—34 рукописи данной статьи).

[11] Понятие pax romana (римский мир) возникло в эпоху мирового господства Римской империи и стало девизом римского владычества. Идея «римского мира» заключалась в том, что Рим, водворяя мир среди народов, призывая их к гражданскому порядку и благам цивилизации, якобы предоставляет им широкий простор,

не насилует их индивидуальности и даже призывает их постепенно к участию во власти. «Имя римлянина перестало быть принадлежностью одного города, но стало достоянием человеческого рода», говорил греческий оратор Аристид, подчеркивая между народный характер Римской империи. Это представление о Риме как «общем отечестве» твердо вошло в сознание свободных граждан римского общества и нашло свое отражение в римском рабовладельческом праве.

[12] Письмо к Александру III было написано Толстым в 1881 г., при вступлении Александра III на престол. В конце этого письма, заключающего в себе совет молодому царю не бороться с революционерами путем крови и насилия, Толстой пишет:

«Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала, включал бы в себе их идеал... Есть только один идеал, который можно противопоставить им, тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, тот, который включает их идеал, идеал любви, прощения и воздаяния добра за зло» (*Л. Н. Толстой*, Соч., т. XX, М., 1913, стр. 109).

[13] Эти мысли Чернышевский развивает в статье «Антропологический принцип в философии» (см. Соч., т. VI, 1906, стр. 179—240).

Гельвеций в своей книге «О человеке» дает теоретическое обоснование нравственности, устанавливая влияние общественной жизни на развитие человеческого характера. Наслаждение и разумно понятый личный интерес служат, по его мнению, основанием всякой морали. Природное равенство человеческих духовных способностей, природная доброта человека, всемогущество воспитания — таковы главные моменты системы Гельвеция.

[14] Маркс устанавливает связь между учением материалистов XVIII в. о прирожденной склонности людей к добру, о равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки и воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, с одной стороны, и утопическим социализмом и коммунизмом — с другой, в принадлежащей ему шестой главе книги «Святое семейство» (отд. 3, § г).

«Если правильно понятый интерес,— пишет он там,—составляет принцип всякой морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек не свободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными...» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, Гиз, 1929, стр. 160).

[15] Цитата из книги Толстого «В чем моя вера?» (берлинское изд. Гуго Штейница, 1902 г. В Собр. соч. 1913 г. это произведение находится в т. XI, но в менее полном виде).

[16] На стр. 95 сборника «Спелые колосья» Толстой говорит об учебниках истории:

«Есть ли книга, которая могла бы быть вреднее для чтения юношей?.. Говорят, что нужно, чтобы человек знал, откуда он вышел. Да разве каждый из нас вышел оттуда? То, откуда я и каждый из нас вышел со своим миросозерцанием, того нет в этой истории. И учить этому меня нечего. Так же, как я ношу в себе все физические черты моих предков, так я ношу в себе всю работу мысли, — всю настоящую историю, всех моих предков. Я и каждый из нас всегда знает ее. Вся она вселяется в нас через телеграф, газету, разговоры, вид городов и деревень» («Спелые колосья». Сборник мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Л. Н. Толстого, составил Д. Р. Кудрявцев, 1896).

[17] Здесь, в конспекте лекции, Плеханов подчеркивает, что взгляды Герцена, испытавшего на себе влияние утопического социализма Сен-Симона и Р. Оуэна, на смертную казнь приближаются ко взглядам Толстого. Но в самой лекции, критикуя «первобытную уголовную арифметику» Толстого, Плеханов более развернуто показывает истинный взгляд Герцена на смертную казнь, заключающийся в следующем: «если мы, путем сопротивления злу насилием, так изменим общественный строй, что у нас получится значительное понижение кривой преступности, то может

оказаться, что мы, с помощью несомненного, но меньшего зла, устранили гораздо большее зло» (стр. 37—38 рукописи).

[18] Цитата взята из сборника «Спелые колосья» — см. ниже первоначальную редакцию статьи «Смешение представлений», где эта цитата приведена полностью.

[19] Пандора, согласно греческому мифу, — первая женщина. Она получила в дар от Зевса глиняный сосуд с запертыми в нем всевозможными человеческими несчастьями. Из любопытства Пандора открыла его крышку и выпустила на свет все эти несчастья, прихлопнув только одну обманчивую надежду, оставшуюся в сосуде как суррогат счастья.

Миф о ящике Пандоры использован Плехановым в другой статье — в предисловии к русскому переводу «Коммунистического манифеста» 1900 г. Там, говоря о Гизо, Плеханов замечает, что социальная борьба представлялась ему после революции 1848 г. «уже не двигателем прогресса, а каким-то ящиком Пандоры, из которого сыплются на его страну ужаснейшие бедствия». Приблизительно таков же был взгляд на классовую борьбу и у Льва Толстого.

[20] «Молодая Россия» — прокламация 1862 г., составленная П. Г. Зайчневским.

[21] *Ламбалль*, Мария Тереза Луиза (1749—1792) — принцесса, приближенная королевы Марии Антуанетты, по своей воле разделявшая с ней заключение в Тампле. В дни сентябрьских убийств принцесса Ламбалль, отказавшаяся поклясться в своей ненависти к королю, королеве и королевской власти, была растерзана на части, и ее голова и сердце на пиках были пронесены мимо Тампля.

[22] В рассказе «Божеское и человеческое», написанном в 1905 г., Толстой изображает народовольца-террориста, глубоко убежденного в правоте своей идеи и оправданности своей жертвы, сталкивающегося в тюрьме с представителями нового поколения, социал-демократами, принципиально отрицающими террор, а тем самым и всю его деятельность. Террорист кончает самоубийством. Его мрачным настроениям противопоставляется просветленная смерть юноши, когда-то увлеченного им на путь террора, проникшегося в тюрьме евангельскими истинами, и тихая смерть старика-раскольника, всю жизнь искавшего истину и нашедшего ее в том же Евангелии (см. *Л. Н. Толстой*, Соч., т. XVI, М., 1913, стр. 389 и след.).

[23] Плеханов имеет в виду первую главу поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка». Приводим соответствующие строфы в переводе Юрия Тынянова:

«Новую песнь, лучшую песнь
Спою вам, о други, сегодня.
Мы на земле, на этой, здесь,
Устроим царство господне...
Достаточно хлеба растет на земле,
Хватит на всех понемножку
И роз, и миртов, и красоты,
И сахарного горошку.
Да, и горошек для каждого есть,
Уже наливается соком,
А небеса оставляем мы
Ангелам и сорокам».

[24] Толстой говорит это в своем произведении «В чем моя вера?» Он хочет показать там, как он «нашел... ключ к пониманию учения Христа», поняв вдруг «прямо и просто» слова Христа: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злому». «Я понял, что Христос говорит то самое, что говорит, — пишет Толстой. — И тотчас — не то, что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина восстала передо мной во всем ее значении» (Соч., т. XI, М., 1913, стр. 417).

[25] Вероятно, Плеханов имеет здесь в виду небольшой отрывок Герцена, озаглавленный «Мимоездом» и затрагивающий тему о судах и наказаниях (см. Соч. *Герцена*, т. VII, стр. 465—467).

[26] Триполитания, или Триполи,— турецкая провинция, расположенная в Северной Африке, — стала итальянской колонией после итало-турецкой войны 1911—1912 гг. Турции был предъявлен ультиматум о признании итальянской оккупации

Триполи и Киренаики; после отказа Турции Италия объявила ей войну и добилась вооруженной силой присоединения оккупированных провинций.

[27] Плеханов имеет здесь в виду следующие слова Дидро о свободной воле человека: «L'illusion d'un être qui a conscience de lui même *comme cause* et n'a pas conscience de lui même *comme effet*» (иллюзия существа, сознающего себя *как причину*, но не сознающего себя, *как следствие*). Приведя эти слова в своей статье «Несколько слов в защиту экономического материализма», Плеханов добавляет: «Это прекрасное определение Дидро применимо как *к индивидууму, так и к общественному человеку*...» (Соч., т. VIII, стр. 205—206).

[28] В своем обращении к рабочим Толстой пишет:

«...то, что я предлагаю, не есть стачка. Я предлагаю не стачку, а то, чтобы рабочие отказались от участия в войсках, производящих насилие над их братьями, и от работ на землях помещиков, и от найма их не потому, что это для рабочих невыгодно и приводит к их порабощению, а потому, что участие это есть дурное дело, от которого должен воздерживаться всякий человек... Сотни миллионов людей безо всякой стачки считают дурным делом ростовщичество, распутство... и многое другое и воздерживаются от этих дел» («К рабочему народу», Берлин, 1902, стр. 35—36).

[29] Плеханов имеет в виду высказывания Толстого в его книге: «В чем моя вера», где на стр. 229 берлинского издания 1902 г., имеющегося в библиотеке Плеханова, отмечено следующее место:

«...не могу употреблять какое бы то ни было насилие против какого бы то ни было человека, за исключением ребенка, и только для избавления его от предстоящего ему тотчас же зла».

[30] На стр. 98 и 99 «Спелых колосьев» Толстой говорит, что «определять близость или отдаленность себя и других от идеала Христа никак нельзя по тому положению, в котором находится человек, или по тем поступкам, которые он совершает... Один человек, оставив жену или мать, или отца, огорчив или озлобив их, этим делом не совершает почти дурного поступка, потому что он не чувствует причиняемой боли; другой же, сделав тот же поступок, сделал бы поступок гадкий, потому что он чувствует вполне боль, которую причиняет».

[31] На стр. 158 «Спелых колосьев», в главе «Отношение к собственности», Толстой пишет:

«Если бы вы свою собственность просто бросили, не давая никому... и показали бы, что вы не только так же, но еще более радостны, спокойны, добры и счастливы без собственности, как с нею, то вы гораздо сильнее подействовали бы на людей и сделали бы им больше добра, чем если бы вы приманивали их дележом своего избытка».

[32] Возможно, что Плеханов имел в виду напечатать свою лекцию «Толстой и Герцен» в «Истории России в XIX веке» Граната. Однако в указанном издании этой статьи не оказалось.

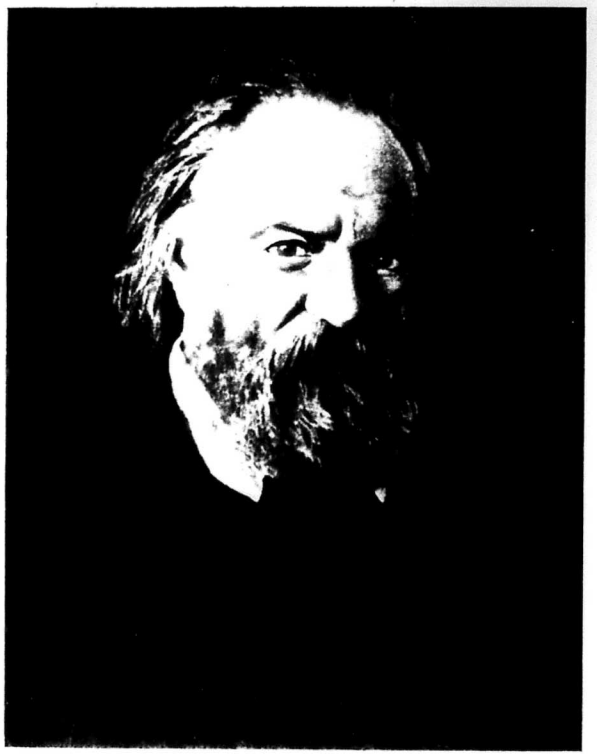
[33] Плеханов имеет в виду статью Струве «Интеллигенция и революция», помещенную в сборнике «Вехи», вышедшем в 1909 г. и ярко отразившем контрреволюционные настроения буржуазной интеллигенции после революции 1905 г.

[34] «Мцыри» — стихотворение Лермонтова, в котором воспевается борьба со стихиями. В одной из своих статей Плеханов цитирует начало следующей строфы из «Мцыри»:

«Я знал одну лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть,
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла...
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы...»

[35] Цитата из стихотворения Некрасова «Газетная»:

«Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей».



А. И. ГЕРЦЕН

РАБОТЫ О ГЕРЦЕНЕ

Печатаемые материалы относятся к серии рефератов и статей Плеханова о Герцене, прочитанных и написанных на протяжении 1911—1912 гг. Из них главное место занимает публикация «Герцен и крепостное право», состоящая из первоначальной редакции статьи «А. И. Герцен и освобождение крестьян» и трех конспектов лекции на ту же тему, более или менее сжатых и более или менее законченных. В переписке Плеханова сохранились следы его работы над этой темой. Так, в марте 1911 г. он получил от жившего в Ницце русского эмигранта М. Делина (см. ниже речь Плеханова на его могиле) следующее письмо:

«Nice, 12 mars 1911

Дорогой Георгий Валентинович!

Представьте себе, что мы тут вздумали. Вспомнили о Герцене и решили по поводу 50-летия освобождения крестьян теперь возложить венок на его могилу. Я же тут выразил мнение, что в Ницце нужно было бы основать «Société Herzen» и потребовать от муниципалитета, чтобы одна из улиц города была названа rue Alexandre Herzen ... товарищам мое предложение понравилось. Но нас вчера было очень мало... решили собраться в другой раз и попросить Вас приехать на несколько дней в Ниццу. Я думаю, что идея об основании в Ницце кружка имени Герцена Вам понравится. И не можете ли Вы прочесть лекцию о Герцене? Теперь здесь русских очень много, и на Вашу лекцию прибегут все, даже черносотенцы...».

Плеханов откликнулся на это предложение, что видно из письма Делина от 22 марта, где он выражает ему благодарность за согласие и устанавливает дату лекции, 30 марта, а также из сохранившихся в архиве конспектов лекции. Лекция Плеханова состоялась в начале апреля и, как видно из конспектов, продолжалась два часа. Наличность нескольких конспектов свидетельствует о том, что она была прочитана не один раз, но следов этих повторных выступлений в переписке не сохранилось. Письма 1912 г., содержащие упоминания о выступлениях Плеханова на тему о Герцене и просьбы о таких выступлениях, написанные в столетнюю годовщину со дня рождения Герцена, имеют в виду уже не только специальную тему отношения Герцена к вопросу об освобождении крестьян.

Лекция была переработана Плехановым в большую статью, которую он первоначально думал поместить в «Вестнике Европы». Это видно из неопубликованного письма Максима Ковалевского, который пишет Плеханову 8 августа 1911 г. из Люцерна:

«Спешу ответить Вам, многоуважаемый товарищ, что я лично буду очень рад появлению Вашей статьи о Герцене и крестьянской реформе на столбцах «Вестника Европы»... но редактор не я, а Константин Константинович Арсеньев. Будьте добры, пошлите ему при письме Вашу статью...»

Редактор «Вестника Европы», Арсеньев, в неопубликованном письме от 21 августа выражает желание и надежду, что помещение статьи Плеханова в его журнале не встретит никаких препятствий, но предупреждает его о том, что летом того же года в «Вестнике Европы» была напечатана статья Н. А. Котляревского о Герцене, «коснувшаяся между прочим и отношения его к крестьянскому делу; желательно, конечно, — продолжает Арсеньев, — чтобы не было прямого противоречия между обеими статьями...» И дальше он пишет о том, что ввиду больших размеров статьи и загруженности журнала статья сможет пойти только в первых книжках будущего года.

Возможно, что указываемые в письме обстоятельства изменили намерения Плеханова, и он передал статью в другой журнал. В момент получения нового письма Арсеньева от 5 декабря 1911 г., напоминающего Плеханову об его обещании дать статью, последняя уже печаталась в «Современном мире» (ноябрь и декабрь).

В неопубликованной переписке Плеханова сохранилось письмо к нему старшей дочери Герцена, в котором она говорит о впечатлении, произведенном на нее статьями Плеханова «Герцен эмигрант» и «Герцен и крепостное право», а также апрельской лекцией Плеханова, на которой она присутствовала. Приводим в переводе это письмо, датированное 29 февраля 1912 г.:

«Заболевание глаз мешало мне читать и писать в течение нескольких недель. Вот почему я никак не могла поблагодарить вас раньше за любезную присылку ваших статей о Герцене. Теперь, наконец, я прочла их и спешу высказать вам то удовольствие, которое мне доставило это чтение. Что мне особенно в них понравилось, это ваше беспристрастие, столь редкое в наши дни в России среди партийных людей. Кроме того, я с радостью нашла в них некоторые отзвуки вашей прошлогодней лекции о моем великом отце, лекции, которая была для меня самым выдающимся моментом апрельских торжеств и которая останется моим лучшим воспоминанием о них...»

В следующем году после чествования Герцена в связи с 50-летием крестьянской реформы наступила другая юбилейная дата — столетие со дня его рождения. Этот день — 7 апреля 1912 г. — был отпразднован заграничной эмиграцией и русскими колониями ряда городов. Подготовка к юбилею началась задолго до его наступления. Свидетельством об этом служит печатаемая, неизвестная до настоящего времени, небольшая статья «Столетие со дня рождения Герцена», обнаруженная в бурцевском журнале «L'avenir» («Будущее»), выходившем в Париже. Статья была опубликована там по-французски в № 21 от 10 марта 1911 г., т. е. больше чем за год до юбилея. Она представляет собой воззвание, написанное Плехановым от имени интернационального комитета, организованного со специальной целью устройства торжеств в честь Герцена. Эти торжества действительно состоялись 7 апреля в Ницце, где Плеханов произнес свою речь, опубликованную впервые также в журнале «L'avenir», № 27, от 21 апреля 1912 г. (Соч., т. XXIII).

Об этом выступлении Георгий Валентинович писал Р. М. Плехановой:

Ницца, четверг

«... Я читаю в субботу в три часа пополудни. Реферат русский. Потом в воскресенье утром будет митинг на французском языке. Адрес: театр Parisiana, довольно большой. В три часа демонстрация на кладбище. Если можно, приезжай».

Одновременно с празднествами в Ницце чествования Герцена происходили и в других европейских городах. Организаторы литературных вечеров памяти

Герцена усердно приглашали Плеханова принять в них участие. Такие просьбы мы находим в ряде неопубликованных писем. Парижская эмигрантская касса в письме от 2 апреля, указывая дату вечера, предлагает, если эта дата неудобна Плеханову, перенести вечер на другое время, ибо его участие в нем «в высшей степени важно». К. Фельдман (с.-д., участник восстания броненосца «Потемкин»), в письме от 29 марта, горячо настаивает на приезде Плеханова в Париж, придавая ему большое значение. «Ваше выступление на чествовании Герцена, — пишет он, — еще сильнее подчеркнет нашу духовную с Вами близость и вместе с тем поднимет немного наше угнетенное состояние, вольет в нас новую струю веры, зажжет новые надежды». Уже 30 августа того же года Литвинов, узнав о предстоящем приезде Плеханова в Лондон, просит его по поручению кружка имени Герцена прочесть реферат о нем. Несомненно, количество прочитанных Плехановым рефератов о Герцене значительно превосходит эти сохранившиеся в переписке упоминания о них.

Большая работа Плеханова над темой «Герцен» вылилась в три большие статьи о нем, опубликованные в XXIII т. Собр. соч. и в ряде речей и рефератов, сохранившиеся отрывки которых даются в настоящей публикации. Наряду с ними печатаются многочисленные подготовительные работы к этим трудам — замечания в тетрадях, на отдельных листах и на полях женевского издания сочинений Герцена, которым пользовался Плеханов. Эти работы вводят читателя в лабораторию творчества Плеханова на тему о Герцене.

ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ 1911 г.

Настоящая публикация представляет собою перевод статьи, опубликованной на французском языке в журнале Бурцева «L'avenir» («Будущее») № 21, 10 марта 1911 г. В Собрание сочинений Плеханова статья не вошла.

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА

(Перевод Е. С. Коц)

6 апреля 1912 г. исполнится сто лет с того дня, когда в Москве родился Александр Герцен. В России, где его слава писателя и борца за политические и социальные реформы растет с каждым днем, готовятся торжественно отпраздновать память блестящего автора «Кто виноват», «Былого и дум», «С того берега», красноречивого публициста и горячего патриота, который своей «Полярной Звездой» и «Колоколом», вместе с другом своим Огаревым, так глубоко всколыхнул умы и в такой степени способствовал освобождению крестьян.

Но его столетняя годовщина должна быть отпразднована не только в России. Герцен принадлежит также и всем остальным странам Европы, принадлежит всему человечеству. Он был одним из чемпионов той великой партии европейской демократии, которая в 1847 и 1848 гг. могла верить, что не сегодня завтра она откроет для всего Запада эру свободы и социальной справедливости, и которая, будучи побеждена в 1849 и 1850 гг., продолжала тем не менее бороться в изгнании за дело национального освобождения и сближения народов. Гер-

Речь Плеханова на могиле Герцена в Ницце

цен был сотрудником Прудона [1]; он был другом Маццини и Гарибальди [2], Ворцеля и Мицкевича [3], Карла Фогта [4] и Мальвиды Мейзенбуг [5], Кошута и Пульского [6], Луи Блана и Мишле [7], Стамфильда [8] и Роберта Оуэна.

Его дом с того момента, как он эмигрировал на Запад, и до дня его смерти был сборным пунктом для всех европейских изгнанников. Все жертвы тирании находили у него помощь и поддержку, сердце, которое согревает и укрепляет, ум, который ведет и просвещает. Все восхищались им как оригинальной и мощной индивидуальностью, как искренним и энергичным, остроумным и красноречивым проповедником самых широких и самых гуманных идей. Поэтому в апреле 1912 г. представители демократической партии всех наций, культурные и прогрессивные элементы всех стран, соберутся у его могилы в Ницце, чтобы воздать честь его гению писателя и его делу политического и социального реформатора.

Мы приглашаем на это торжество, посвященное памяти Герцена, всех его почитателей, всех друзей русского народа, всех, кто предан идеям свободы и справедливости, наконец, всех тех, кто понимает красоту жизни, посвященной полностью, вопреки всем препятствиям и всем разочарованиям, неустанному преследованию одного и того же идеала.

Инициативный комитет: Михаил Делин, Фридрих Штакельберг, Михаил Туманов.

Почетный комитет: Габриэль Моно, Петр Кропоткин, Георгий Плеханов, Александр Стейнлен, Ф. Бюиссон, депутат Сены, Анатоль Франс, Люсьен Декав, Елпатьевский, Алисов, Озеров, А. Валет, директор «Mercure de France», Дюма и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Герцен дал в 1849 г. Прудону крупную сумму на издание журнала «La voix du peuple». В этом журнале появился ряд статей Герцена, в том числе одна из глав его книги «С того берега».

[2] *Маццини*, Джузеппе (1805—1872) и *Гарибальди*, Джузеппе (1807—1882) — итальянские революционеры, борцы за освобождение Италии от иноземного ига и ее политическое объединение на республиканской основе.

[3] *Ворцель*, Станислав (1799—1857) — польский демократ и *Мицкевич*, Адам (1798—1855) — польский поэт, романтик, мечтавший о великом общечеловеческом предназначении Польши.

[4] *Фогт*, Карл (1817—1895) — ученый естествоиспытатель-дарвинист и политический деятель, буржуазный демократ, позднее агент Наполеона III, выступивший с грязными обвинениями против Маркса и других коммунистов.

[5] *Фон Мейзенбуг*, Мальвида (1816—1903) — немецкая писательница, эмигрантка, автор интересных мемуаров. Была другом Герцена и его семьи, воспитательницей его детей. В числе своих друзей насчитывала таких выдающихся людей, как Маццини, Вагнер, Ницше, Ромэн Роллан и др.

[6] *Кошут*, Людовик (1802—1894) — один из вождей революции 1848 г. в Венгрии, демократ. Был главой революционного правительства (в 1849 г.) и диктатором республиканской Венгрии. Остальную жизнь провел в эмиграции, отказываясь от амнистии.

Пульский, Франц Аврелий (род. 1814) — венгерский писатель и политический деятель, участник революции 1848 г., борец за независимость Венгрии, затем эмигрант. Заочно присужденный к смерти, переехал в Италию, где принял участие в одном из походов Гарибальди. В 1866 г. вернулся на родину.

[7] *Блан*, Луи (1811—1882) — французский политический деятель, социалист реформистского толка и историк. Соглашательская политика Луи Блана во время революции 1848 г. подготовила обстановку для победы контрреволюции в кровавые июньские дни.

Мишле, Жюль (1798—1874) — французский историк, выдвигавший «народ» в качестве главного деятеля революции, но не учитывавший классовой диференциации этого народа.

[8] *Стамфильд (Стансфельд)*, Джемс (род. 1720) — английский политический деятель, член палаты общин, либерал левого толка. Был близок с эмигрировавшим в Англию итальянским революционером Маццини.

ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ «ГЕРЦЕН И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО»

Публикуемая рукопись, представляющая собой отрывки первоначальных редакций статьи «Герцен и крепостное право», написана не плехановским почерком на небольших, вырванных из тетради листах с одной стороны и заключает в себе 44 листа, из которых печатается 32. Печатаемые отрывки относятся, по-видимому, к трем редакциям статьи.

А. И. ГЕРЦЕН И ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Первый отрывок

Между теми нашими писателями, которые подготовляли общественное мнение к отмене крепостного права, Герцену бес-

спорно принадлежит одно из самых первых мест. Поэтому очень уместно будет вспомнить о нем теперь, по случаю 50-летия отмены крепостного права *.

Жизнь Герцена резко разделяется на две части. Родившись в Москве 25 марта 1812 г., он оставил Россию 31-го января 1847 г. и уже не возвращался на родину. Он умер в Париже 9/21 января 1870 г. и похоронен в | Ницце. Осенью 1850 г. ему сообщено было через русского генерального консула в Ницце [приказание] вернуться в Россию, и так как он отказался повиноваться, то с этих пор он сделался эмигрантом, и, как выражаются у нас, нелегальным писателем. Самое имя его, — я не говорю уже о сочинениях, — до недавнего времени оставалось запрещенным в России. Когда «легальным» писателям случалось вспоминать о нем, они называли его другом Н. П. Огарева [1], как это сделал Н. Г. Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» (надо заметить, что Огарев еще не был эмигрантом, когда впервые появились эти очерки); или Г-ном, как это сделал Пыпин | в известной книге о Белинском; или автором «Писем об изучении природы», «Былого и дум» и т. п. Словом, в продолжение многих лет Герцен был тем, что у нас называется подпольным писателем. Теперь, когда в нашей литературе, — не только в легальной, но отчасти и в нелегальной, — начинают весьма пренебрежительно отзываться о «подпольных» деятелях, не мешает напомнить, в интересах исторической истины, что одним из самых первых обитателей нашего литературного «подполья» был блестящий Герцен [2].

Раз заговорив о «подполье», напомню, как смотрел на него сам Герцен. | Разумеется, он хорошо понимал культурное значение открытых политических движений. Но он утверждал, что «время *тайных обществ* миновало только в Англии и в Америке». Всюду, где есть передовое меньшинство, желающее действовать, но нет свободы слова и свободы собраний, неизбежны тайные общества. «Я говорю об этом совершенно объективно, — пояснял он; — после юношеских попыток, окончившихся моей ссылкой в 1835 году, я не участвовал *никогда ни в каком тайном обществе*, но совсем не потому, что я считаю расточение сил на индивидуальные попытки за лучшее. Я не участвовал потому, что мне не случилось встретить общества, | которое соответствовало бы моим стремлениям, в котором я мог бы что-нибудь сделать. Если б я встретил союз Пестеля и Рылеева, разумеется, я бросился бы в него с головою»** [3].

* Приводим вариант начала статьи:

«А. И. ГЕРЦЕН И ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН.

Если бы меня спросили, кого я считаю самым замечательным представителем того типа литературных и общественных деятелей, который известен под именем человека 40-х годов, то я назвал бы В. Г. Белинского и А. И. Герцена».— *Ред.*

** Сочинения *А. И. Герцена*, 1879 г., т. IX, стр. 3—4.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

Влияние Герцена было особенно велико в то время, когда он выступал в роли «подпольного» писателя: его «Полярная звезда» и его «Колокол» [4] издавались за границей, попадая в Россию лишь нелегальным путем. Именно в этих изданиях он защищал свою программу освобождения крестьян. Дальше мне придется не раз обращаться к ним; но предварительно я должен остановиться на «легальном» периоде его жизни, | в течение которого сложились почти все его симпатии и антипатии и почти окончательно выработалось его миросозерцание.

I

Герцен принадлежал к тому поколению русских людей, в душе которых оставил глубокий след факт, имевший огромное значение в истории внутреннего развития России. Я говорю о неудавшемся восстании 14 декабря 1825 г. Герцен сам рассказывает в «Былом и думах», как повлияли на него вести об этом восстании и об его ближайших последствиях.

«Рассказы о возмущении, | о суде, ужас в Москве, сильно поразили меня; мне открывался новый мир, который становился больше и больше средоточием всего нравственного существования моего; не знаю, как это сделалось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души»* [5].

Дальнейшее развитие Герцена направлялось, хотя и не всегда с одинаковой решительностью, в оппозиционном направлении. В «Былом и думах» он | рассказывает, как он признался в этом оппозиционном настроении своему учителю русского языка И. Е. Протопопову, который обнял его со словами: «Дай бог, чтобы эти чувства созрели в вас и укрепились» и стал носить ему тетрадки запрещенных стихотворений: «Думы» Рылеева, «Кинжал» и «Оды на свободу» Пушкина. «Я их переписывал тайком, — говорит Герцен, — а теперь печатаю явно (т. е. в вольной русской типографии за границей) [6]. Но дело не ограничилось учителем русского языка. Известно, что после Петровской ре[формы]... ** | 14-м декабря, Герцен случайно открыл в подвальной библиотеке своего отца какую-то историю французской революции, написанную роялистом. Она была написана, по его словам, очень пристрастно; так что 14-летний читатель отнесся к историку с недоверием. Это-то недоверие и побудило Герцена вступить в объяснение со своим французским учителем.

— Зачем, спросил я его середь урока, казнили Людовика XVI?

Старик посмотрел на меня, опуская одну седую бровь и поднимая другую, поднял очки на лоб, как забрало, вынул огромный

* Сочинения, т. VI, стр. 66.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Стр. 9—11 не сохранились.— *Ред.*

синий носовой платок и, утирая им нос, с важностью сказал:

13 — Parce qu'il a été trâitre à la | patrie *.

— Еслиб вы были между судьями, вы подписали бы приговор?

— Обеими руками.

Этот урок стоил всяких субжонктивов **; для меня было довольно; ясное дело, что поделом казнили короля.

Старик Бушо не любил меня и считал пустым шалуном за то, что я дурно приготовлял уроки, он часто говаривал: «Из вас ничего не выйдет», но когда заметил мою симпатию к его идеям regicides ***, он сменил гнев на милость, прощал ошибки и рассказывал эпизоды 93 года, и как он уехал из Франции, когда «развратные и плуты» взяли верх. Он с тою же важностью, не улыбаясь, оканчивал урок, но [уже снисходительно говорил: «Я право думал, что из вас ничего не выйдет, но ваши благо-

15 родные чувства спасут вас»] ...**** | ...будучи 16-ти лет от роду, он писал [7]:

«Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный,
Я кончу жизнь мою» *****.

Интересно, что, по мнению молодого поэта, предстоявшая ему казнь должна была вызвать удивление в чужих краях и навлечь на него проклятье в родной стране. Какое действие рисовалось в его воображении? Это остается неизвестным. Можно только напомнить, что в таких же точно выражениях говорили об ожи-

16 давшей их | участи те из декабристов, которые собирались совершить цареубийство. И если юноша Лермонтов пророчил себе гибель на эшафоте, то весьма вероятно, что это обусловливалось живостью воспоминания о тогда еще недавней казни декабристов ******. В том же году он с восторгом приветствовал французскую революцию 1830 г.

«Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Тиранства низкие сыны,
17 | И снова знамя вольности кровавой
Явилося — победы мрачной знак...» *******

* Потому что он был предателем своего отечества.— *Ред.*

** — сослагательных наклонений.— *Ред.*

*** — цареубийства.— *Ред.*

**** Стр. 14 не сохранилась. Даем конец цитаты по тексту «Былого и дум» (Соч., т. XII, 1919, стр. 58).— *Ред.*

***** *Н. Котляревский.* Лермонтов, стр. 44.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

****** Вышеприведенное стихотворение написано в 1830 г.; декабристы казнены 13 июля 1826 г.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

******* К тому же году относится неоконченное стихотворение «Париж, 10 июля 1830 г.»:

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел — ты полагал

Короче, юноша Лермонтов в такой же мере удовлетворил бы террориста Бушо, в какой его удовлетворил Герцен. И все-таки Лермонтов не пошел по тому направлению, по которому пошли Герцен, Белинский и подобные им люди 40-х гг. По справедливому замечанию Н. Котляревского, поэзия Лермонтова пред-

18 ставляет собою «неразрешенный душевный диссонанс»: | рано умерший поэт не нашел устойчивого ответа ни на один из тех вопросов, которые его жестоко мучили в продолжение всей его сознательной жизни. Герцен пережил много разочарований, но тем не менее он был много счастливее Лермонтова: он пережил счастье борьбы за великую общественную цель. Чем объясняется эта разница в судьбе двух молодых людей, воспитывавшихся в одинаковой социальной среде и при одинаковых исторических условиях? Я думаю, тем, что Герцену удалось рано найти кружок единомышленников, между тем как Лермонтов до конца... *

27 ... | [в «Былом и] думах», как после одного горячего спора о сенсимонизме он сказал Полевому [8], что он такой же отсталый консерватор, как и те, с которыми он всю жизнь сражался. Глубоко обиженный Полевой возразил ему: «Придет время, и вам в награду за целую жизнь усилий и трудов какой-нибудь молодой человек улыбаясь скажет: Ступайте прочь, вы отсталый человек» **[9]. Это предсказание сбылось. Мне еще сегодня придется

28 говорить о том, как разошелся Герцен | в 60-х гг. с тогдашним молодым поколением. Подобные расхождения были при наших общественных условиях совершенно неизбежными. В представлении деятелей экономически отсталых стран место *классовой борьбы* обыкновенно занимает *борьба между поколениями*. В передовых странах дело, конечно, меняется: никто не спросит теперь, сколько лет Бебелю или Каутскому для того, что[бы]...***

Второй отрывок

28 ... | сам, основным мотивом неизменно является это требование освобождения крестьян с *землею*. Он, как видно, не забыл той, знакомой ему еще с университетской скамьи, мысли Сен-Симона, что во всякой стране коренным законом является закон, устанавливающий собственность. К этому влиянию на него Сен-Симона впоследствии прибавилось влияние Прудона. Подобно

Народ унизить под ярмом,
Но ты французов не узнал...
И загорелся страшный бой...
И пламя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой —
И звук один наполнил слух,
И брызнула в Париже кровь...

Прим. Г. В. Плеханова.

* Дальнейшие страницы этой редакции не сохранились, за исключением трех. Печатаем из них две — стр. 27—28.— *Ред.*

** Соч., т. VI, стр. 198.—*Прим. Г. В. Плеханова.*

*** На этом рукопись обрывается.— *Ред.*

Сен-Симону, Прудон выдвигал на первый план вопрос о собственности, и, подобно Сен-Симону, он, держась идеалистического взгляда на историю, не сумел открыть связь между экономикой и политикой. Тот же недостаток замечается и во взглядах Герцена. Герцен с похвалой говорит о Прудоне: «Политика, в смысле старого либерализма и конституционной республики, стоит у него на вто[ром плане, как что-то полупрошедшее, уходящее. В политических вопросах он равнодушен, готов делать уступки, потому что не приписывает особой важности формам, которые по его мнению, не существенны»]... *

30 | Можно без всякого преувеличения сказать, что Герцен никогда не забывал этой глубокой мысли великого французского утописта. Но в России вопрос о собственности существенно осложнялся тем, что в ней очень сильно распространен был особый род собственности, уже исчезнувший тогда в передовых странах цивилизованного мира. Я имею в виду крепостные души. Впоследствии Герцен очень метко заклеймил этот род собственности названием: «Крещеная собственность». Мы увидим, с какой силой восставал он против него в течение второго, заграничного, периода | своей деятельности. Пока же постараемся опре-
31 делить, под какими специальными влияниями возникло и окрепло его горячее сочувствие крепостному люду.

Этот вопрос должен занимать одно из первых мест во всякой мало-мальски толковой биографии Герцена. И, конечно, не одного Герцена, а всех тех наших прогрессивных общественных деятелей, которые сами принадлежали к кругу рабовладельцев. Почему люди, имеющие возможность пользоваться известной привилегией, восстают иногда против существования этой привилегии? Не опровергает [ли это той материалистической теории, согласно которой стремления всякого данного общественного класса (или сословия) определяются в последнем счете его интересами?

Маркс и Энгельс говорят в знаменитом «Манифесте», что в тот исторический момент, когда борьба классов, в своем данном виде, приближается к развязке, процесс разложения охватывает весь господствующий класс, вследствие чего от него отделяются некоторые его элементы, переходя на сторону угнетенного класса, борющегося за свое освобождение. В доказательство авторы «Манифеста» указывают на то, что некогда часть дворянства перешла на сторону буржуазии, а в наши дни некоторые элементы буржуазии переходят на сторону пролетариата] **.

Третий отрывок

50 Но цели христиан были неосуществимы, между тем как задача, которую ставит себе Герцен, отличается, по его словам,

* Стр. 29 не сохранилась. Даем конец цитаты по опубликованной статье Плеханова (Соч., т. XXIII, стр. 315).— *Ред.*

** Дальнейшие страницы не сохранились. Восполняем мысль Плеханова по опубликованной статье (Соч., т. XXIII, стр. 272).— *Ред.*

тем, что в ней *вера* не противоречит *логике*. В этой задаче нет ничего утопического. Элементы, необходимые для ее разрешения, находятся *налицо*. Речь идет не о том, чтобы перестроить общественную жизнь сообразно отвлеченному идеалу. «Все это старая консервативная болтовня», — говорит Герцен. Речь идет о том, чтобы устранить препятствия, снять преграды, стоящие на пути развития. «*Народный русский быт и наука Запада*, в их сочетании наша сила, наша будущность, наше
51 преимущество. Без предрасположенного народного быта— | общественная наука теряется в социальном бреде; без всеобобщающей науки — народный русский быт возводится в бред славянофильства» *[10].

Революционное народничество 70-х годов приобрело более радикальный характер. Под влиянием анархической пропаганды Бакунина, — заимствовавшего свою анархию у того же Прудона, которым увлекался, как мы знаем, и Герцен, — оно отнесло само государство к числу препятствий, стоящих на пути народного развития, и даже объявило его разрушение своей главнейшей целью. Герцен до этого не доходил. Тем не менее, только что цитированные мною строки заключают в себе в не-
52 многих ярких словах всю | сущность народничества, как социологической теории.

Предлагая свою формулу: «*народный русский быт и наука запада*», Герцен думал, что ею заканчивается старый спор западничества со славянофильством. Этот взгляд на нее удержался в нашей литературе вплоть до появления марксизма. Эта формула, в самом деле, была решением спора славянофилов с западниками; но она была *утопическим* его решением и потому не выдержала критики жизни. Жизнь показала, что крайний вывод науки запада, — социалистическая «конечная цель» — этот вывод мог сделаться *доступным* для передовых слоев на-
53 родной массы только тогда, | когда капиталистическое развитие значительно расшатало *народный русский быт*. Но как бы там ни было, надо признать, что наше народничество имело именно в Герцене — и, конечно, также в его гораздо менее даровитом единомышленнике Огареве — своего теоретического «основоположника» **. Очень ошибаются те, которые относят его к либералам.

Уже знакомая нам, по первому письму к Александру II, первоначальная программа Герцена в самом деле имела со-
54 вершенно либеральный вид. Напечатанная | в № 1 «Колокола» (от 1 июля 1857 г.), она сводилась к трем требованиям: «Освобождение слова от цензуры, освобождение крестьян от помещиков, освобождение податного состояния от побоев».

* «Колокол» № 176, 1 января 1864 года.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Начиная с № 167 «Колокола» (апрель 1865 года) к старому девизу: «vivos voco!» [«зову живых»] прибавляется новый девиз: «Земля и Воля».— *Прим. Г. В. Плеханова.*

Но чем далее развивал свою мысль Герцен, тем более обнаруживалось, что его *либеральная* программа имеет под собою *социалистическую* основу. Это уже рано оттолкнуло от него многих из тех читателей, которые увлеклись сначала его умеренным либерализмом. Освобождение крестьян было в его глазах лишь первой из тех социальных реформ, которые должны
55 были | дать России возможность миновать путь западноевропейского развития. Характерно, что уже в одном из своих первых писем к Александру Герцен говорит, что у нас развитие пойдет иным путем, чем на Западе, и намекает на то, что молодой царь мог бы взяться за осуществление идеалов, выработанных Западной Европой, лежащей «на своей больничной койке». Эти идеалы, разумеется, не были идеалами либерализма.

Революционеры последующего времени нередко относили
56 Герцена к числу либералов, единственно, в | виду неоспоримой и весьма значительной умеренности рекомендованных им способов практического действия. Умеренности, действительно, было очень много как в аграрной программе Герцена, так и в том, что теперь назвали бы его тактикой. Что касается тактики, то об этом свидетельствуют его повторные обращения к верховной власти, вызывавшиеся тем его убеждением, что в России власть эта представляет собою лишь форму, которую можно наполнить любым содержанием. Это убеждение кажется теперь странным и даже непонятным, но вспомним, что не далее, как летом 1882 года,
57 такой | видный представитель русской социалистической мысли, каким был Н. К. Михайловский, тоже готов был предъявлять правительству, в своих переговорах с ним, крайне умеренные требования. Замечательно, что в требованиях Михайловского — как за 20 лет до того, в требованиях Герцена — политика приносилась в жертву ради экономики. Говоря это, я имею [в виду] статью Н. Я. Николадзе «Освобождение Н. Г. Чернышевского», напечатанную в сентябрьской книжке «Былого» за 1906 г.[11]. Когда Н. Я. Николадзе выразил Михайловскому свое удивление по поводу того, что представляемые им революционеры не выдвигают политиче[ских] требований, т. е. «конституции», — тот ответил ему, что «теперь настроение партии менее приподнятое, и она уверилась, что политиче[ские реформы приведут к упрочению во власти не народолюбцев, а только буржуазию, что
59 составит не прогресс, а регресс»]... * | ...никому другому не принадлежит, как народу, что народ спокон веков, *на самом деле* владел землей, *на самом деле* лил за землю пот и кровь и т. п. Но в том же номере (102), в котором доказывается это, предлагается дать помещикам за крестьянскую землю выкуп в миллиард рублей. (Статья принадлежит Огареву.) В действительности, крестьяне заплатили помещикам около девятисот миллионов (897). Правда, у крестьян была отрезана значительная часть их земли. Правда и то, что, выдав помещикам около девяти-
60 сот | миллионов, правительство взыскало с крестьян полтора миллиарда. Стало быть, за меньшее количество земли крестьяне заплатили на 50% больше, нежели предлагал «Колокол». И при всем том, аграрная программа Герцена и Огарева представляется крайне умеренной в сравнении с аграрными программами нынешних левых партий. Можно без преувеличения сказать, что с этой стороны Герцен представляется гораздо более близким к нынешним кадетам, нежели к соц[иалистам]-революционерам или социал-демократам. Но Герцен не обманывал ни себя, ни чита-
61 телей, когда, — заметьте! — в одном из | писем к Александру II называл себя неисправимым социалистом[12]. Он был социалистом со студенческой скамьи и до конца своей жизни. Но тот социализм, который был ему известен и которого он твердо держался до конца жизни, более или менее ясно определив переворот, предстоящий современному обществу, оставался в полной неясности насчет тех общественных сил, которые совершат этот переворот. И этим объясняются все практические промахи этого социализма, все его тактические иллюзии и все те его противоречия,
62 благодаря которым многие, иногда самые | видные его представители, в том числе А. И. Герцен, могут показаться нам одновременно преисполненными и самой крайней умеренности и самого крайнего радикализма.

Тактика Герцена революционизируется.
Польша.
Студенческие волнения.
Обращение к армии.
Дело Чернышевского.
Заключение.

Герцен говорит: точно потерянные витязи в сказках, мы ждали на перепутье. Так ждали все социалисты-утописты, пока не появился пролетариат на исторической сцене.

ЛЕКЦИЯ О ГЕРЦЕНЕ

Конспект находится в записной книжке небольшого формата в черном клеенчатом переплете, в которой он занимает 32 листа из 45-ти. Из этих 32 листов половина исписана с двух сторон, остальные — с одной. Запись сделана чернилами (кроме первой страницы), рукой Плеханова. Страницы не нумерованы. Конспект начинается со средины фразы, но из текста видно, что недостающая часть рукописи очень незначительна, так как первая страница заключает в себе вступление к лекции.

Приведенные в подстрочных примечаниях выписки написаны чернилами на 7 листах с одной стороны: из них 2 — рукой Плеханова на больших листах писчей бумаги и 5 — не плехановским почерком — на листах, вырванных из тетради небольшого формата.

* Стр. 58 не сохранилась. Даем продолжение цитаты по опубликованной статье Плеханова (Соч., т. XXIII, стр. 321, примечание).— *Ред.*

[*1-й час*]

...что невозможно исчерпать сегодня мою тему. В главных чертах. Да и для этого нужно часа два. Чтобы не утомлять Вас, перерыв минут 10 или 15.

Это разделение моей лекции на 2 части не повредит, я надеюсь, изложению. Жизнь Герцена тоже разделилась на 2 части. Он родился в Москве, 25 марта 1812 г., и до января 1847 г. он жил в России частью как своб[одный] обыватель — поскольку, разумеется, совместимы эти 2 понятия: *свобода* и *русский обыватель*, а частью как ссыльный и поднадзорный. Но 31 января 1847 г. он переехал в Таурогене русскую границу и с тех пор уже не возвращался на родину. Умер он 9/21 января 1870 г. в Париже. Сообразно с этим делением его жизни, и я в 1-ой части рассмотрю, как относился он к крепостному праву в бытность свою в России, а затем перейду к тому, как он, вооруженный своим могучим литер[атурным] талантом, боролся против него в бытность свою за границей.

Я сказал: как *относился* и т. д. в бытность свою в России и как *боролся* за границей. Дело в том, что русскому писателю нельзя или по крайней мере очень трудно было *бороться* с крепостным правом. Такой борьбе мешала цензура.

Анекдот с «Мертвыми душами»: против религии. — Нет, это о ревизских душах. — Ну, так это еще хуже: это против крепостного права. — Ге[рце]ну и единомышленникам оставалось только *обходить* «чопорную» цензуру, пользуясь тем ее свойством, за которое тот же поэт назвал ее *богомольной старой дурой*. Беллетристика. «*Сорока-воровка*». Мать Бельтова в «*Кто виноват*» [13]. Тут преимущественно *крепостная интеллигенция*, лишь мимоходом выражается à mots couverts * горячая симпатия к крепостному вообще.

Вот почему ввиду этого 1-го периода приходится ставить вопрос не о том, как он *боролся*, а как возникли и окрепли у него те взгляды и симпатии, под влиянием которых он дал свою «аннибаловскую клятву» бороться с крепостным правом. Он был незаконнорожденным сыном. Это было и т. д.

Кто же научил его ненавидеть барство?

1. Влияние 14-го декабря. *Выписка* **.

Действительно — *окончательно*. Все дальнейшее развитие Герцена совершалось в оппозиц[ионном] направлении. Он признается «русскому учителю» И. Е. Протопопову. Тот его обнимает со словами: «Дай бог, [чтобы эти чувства созрели в вас и укрепились»] ***. Не один «русский учитель». Французские эмигранты. Их влияние. Роялисты и славянофилы. У Герцена — *террорист* Бушо из Меца. Ваши благородные чувства спасут Вас. Не одни благородные чувства. Важно то,

* — замаскированно.— *Ред.*

** См. выше первоначальную редакцию статьи, первый отрывок, стр. рукописи 6—7.— *Ред.*

*** В тексте сказано: «Дай бог и проч.» Восполняем по опубликованной статье (Соч., т. XXIII, стр. 271).— *Ред.*

что нашел людей, с которыми мог разделить свои симпатии. «*Мне одиночество в кругу зверей вредно*» [14]. Это как нельзя более верно. Пример Лермонтова. *Его поэзия*, по справ[едливому] замечанию Н. Котляревского, «неразрешенный душевный диссонанс». Разговор Герц[ена] с князьком О. *. К чему [бы] привело, если бы все были таковы? К тому, чем стал Лермонтов или Печорин. «Одиночество в кругу зверей вредно».

Н. П. Огарев. Общие симпатии. Любовь к Шиллеру, сочувствие к 14 декабря и к французской революции.

Клятва на Воробьевых горах. *Выписка* **. Значение (в отрочестве) «сильно возбужденного общечеловеческого интереса». (Слова Г[ерцена]) [15]. Верно, но надо, чтобы интерес был разделен. Кружок в унив[ерситете]. Знаменитый кружок Г[ерцена] и О[гарева]. *Выписка* ***. Что проповедывали? Герц[ен] отвечает: «Трудно сказать. [Идеи были смутны: мы проповедывали] фр[анцузскую] революцию ****. Сен-симонизм и опять революция. Конституция и республика. «Но пуще всего ненависть ко всякому насилию». *Важнее всего в этом сен-симонизм*. Одно из основных положений Сен-Симона: «Dans tout pays [la loi fondamentale est celle qui établit la propriété et les dispositions pour la faire respecter] *****. В России вопрос о собственности был очень своеобразен. Во Франции исполинская метла великой французской революции смела остатки феодализма. У нас была еще «*крещеная собственность*». Как мог относиться к ней Герцен, ненавидевший всякое насилие? Ясно как. Но несомненно то, что сама крещеная собствен-

* Среди выписок, приложенных к реферату, сохранилась одна, относящаяся к данному месту:

«[Соч.] VI, 90.

РАЗГОВОР С РОВЕСНИКОМ О КАЗНИ ЛЮДОВИКА XVI

Я, полный моим бушотовским терроризмом, объяснял одному из моих ровесников справедливость казни Людовика XVI. «Все так,— заметил юный князь О.,— но ведь он был помазанник божий». Я посмотрел на него с сожалением, разлюбил его и ни разу потом не просился к ним».

Цитата из «Былого и дум», ч. I — Соч., т. XII, 1919, стр. 72.— *Ред.*

** Приводим соответствующую выписку:

«[Соч.] VI, 93.

КЛЯТВА

Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы, постояли, оперлись друг на друга, и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу».

Цитата из «Былого и дум», ч. I — Соч., т. XII, стр. 74.— *Ред.*

*** Выписка не сохранилась. Извлекаем цитату, которую может иметь здесь в виду Плеханов, из опубликованной статьи (т. XXIII, стр. 283):

«Там, где открывалась возможность обращать, проповедывать, там мы были со всем сердцем и помышлением, неотступно, безотвязно, не щадя ни времени, ни труда, ни кокетства даже».— *Ред.*

**** В тексте сказано: «Трудно сказать и т. д. фр. революцию». Восполняем начало цитаты по опубликованной статье (стр. 283).— *Ред.*

***** «В каждой стране основной закон есть тот, который устанавливает собственность и принимает меры, нужные для ее охраны».

В тексте рукописи сказано: «Dans tout pays etc.» Восполняем цитату по опубликованной статье (т. XXIII, стр. 284).— *Ред.*

ность научила его ненавидеть рабство. Влияние «крещеной собственности» на господ. Пушкин и его няня Арина Родионовна. П. Боборыкин [16]. Две выписки (?) *. Герцен о влиянии «передней» и о няне Вере Артамоновне **. Вера Артамоновна собственно научила его, хотя и бессознательно для себя, сочувствовать 14 декабря и думать, что хорошо сделали французы, казнив Людовика XVI. Интересный пример политического влияния рабов на развитие политич[еского] сознания в среде рабовладел[ьцев]. Г[ерцен] в ссылке в Новгороде. Он — советник губ[ернского] прав[ления] II-го отдел[ения]. Заведует делами о лицах, находящихся под надзором, о раскольниках и о злоупотреблениях помещичьей власти. О раскольниках лучше было не поднимать дел. Почему?

Моряк, непривычный к сухопутным кампаниям. Общее впечатление Гер[цена]. *Выписка* ***. Что побудило его подать в отставку.

Перед отъездом за границу он уже пришел к сознанию необходимости освобождения крестьян. Ср. Бел[инского] [17].

2-й час

Герцен на Западе. Он переживает революцию 1848 г. Его «разочарование». Оно началось, собственно, еще раньше 1848 г., как это видно из одного его письма к Бакунину [18]. *Характер* этого разочаро-

* Приводим две выписки, относящиеся к данному месту:

1) «Вел[икая] реф[орма] IV

БОБОРЫКИН

Теперь, по прошествии 50 лет моего писательства, я, вспоминая моих «развивателей», чувствую к ним нелицемерную признательность. От кого же я узнал столько о жизни, и старой, и той, когда я стал более сознательно относиться ко всему окружающему,— как не от них? — И то, что я видел в них самих, и что они мне рассказывали в течение целого десятка лет, и их язык, и их житейский опыт, и очень тонкая наблюдательность, и любовь к природе и животным, и народное миросозерцание, склад их понятий, верований, правил, вся поэзия *быта*, где реальная правда так сливается с народной фантазией,— все это их дар, их наследство».

2) «*БОБОРЫКИН. ОТНОШ[ЕНИЕ] К ДВОР[ЯНСКИМ] ПРИВИЛ[ЕГИЯМ]*

Они, мои крепостные развиватели, привлекая ребенка тем, что они собою представляли, чем занимались, что умели, о чем рассказывали, воздержали его от черствости и гордыни сословного чувства».— *Ред.*

** Приводим относящуюся сюда выписку:

«ГЕРЦЕН О ВЛИЯНИИ ПЕРЕДНЕЙ

Напротив, она, эта передняя, с ранних лет развила во мне непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Бывало, когда я еще был ребенком, Вера Артамоновна, желая меня сильно обидеть за какую-нибудь шалость, говаривала мне: «Дайте срок, вырастете, такой же барин будете, как другие». Меня это ужасно оскорбляло. Старушка может быть довольна — *таким как другие* по крайней мере я не сделался».

Цитата из «Былого и дум», ч. I — Соч., т. XII, стр. 41.— *Ред.*

*** Выписка не сохранилась. Заимствуем цитату, которую, вероятно, имел здесь в виду Плеханов, из «Былого и дум», ч. IV:

«В передних и девичьих, в селах и полицейских застенках схоронены целые мартирологи страшных злодейств; воспоминание об них бродит в душе и поколениями назревает в кровавую беспощадную месть, которую *предупредить легко*, а остановить вряд ли возможно будет» (Соч., т. XIII, стр. 75).— *Ред.*

вания. Выписка из 1-го письма к Линтону (1854 г.) [19]. На Западе нет силы, способной победить мещанство: в *этом* разочарование Г[ерцена]. A quelque chose malheur est bon *. Разочарование в Запад[ной] Европе заставляет Г[ерцена] тем энергичнее заниматься русским делом. Обращение к друзьям: «*Бесцензурная речь Ваша*» [20]. Он заводит типографию. К кому обращается: к дворянству [21]. *Выписка* **. Это странно. Кажется, логичнее было бы обратиться к народу. Но для этого надо было верить в народную самодеятельность. А Г[ерцен] не верил в нее. Выписка из Дневника от 24 дек[абря] 1843 г.***. Как реагировало дворянство? После 1848 г. оно было консервативнее, нежели когда-нибудь. Пример из письма Киреевского к Погодину в апреле 1848 г. [22]. Но, не веря в народ, не к кому было обратиться, ведь не к Николаю же. Притом он давно рассчитывал на дворянство. *Выписка* (Речь на международном митинге) **** [23].

Общество, по выражению Никитенка [24], быстро погружалось в варварство. Грановский [25]. Щепкин (осень 1853 г.) [26]. Крымская война. Смерть Николая. Из России потянуло весенним воздухом. По мнению Г[ерцена], и народ уже не может быть так смирен, как прежде. Это была правда. Народные волнения все учащались. Но он обращается не к народу, а к царю. Выписка из «*Полярной звезды*», № 1, письмо к царю *****. «Колокол». По поводу слов царя: лучше сверху [не-

* Не бывать бы счастью, да несчастье помогло.— *Ред.*

** Приводим соответствующую выписку:

«Юрьев день! Юрьев день! — Русскому дворянству.
Первое вольное русское слово пусть будет обращено к вам.
Мы рабы — потому что мы господа.
Мы слуги — потому что мы помещики.

Мы крепостные, потому что держим в неволе наших братий, равных нам по рождению, по крови, по языку. Нет свободы для нас, пока проклятие крепостного состояния тяготит над нами. С Юрьева дня начнется новая жизнь России, с Юрьева дня начнется наше освобождение».— *Ред.*

*** Выписка не сохранилась. Приводим цитату, которую имеет здесь в виду Плеханов, по опубликованной статье (стр. 299):

«Кто-нибудь должен проснуться,— или правительство, или народ. О первом так же трудно поверить, как о другом...»— *Ред.*

**** Выписка не сохранилась. Приводим цитату из речи Герцена в Лондоне 27 февраля 1854 г., которую имеет в виду Плеханов:

«Там [в России] вы встретите два зародыша движения: один — сверху, другой — снизу. Один — преимущественно отрицающий, разлагающий, разъедающий — рассыпается в малых кружках, но готов составить большой, деятельный заговор. Другой — более положительный, хранящий в себе почки будущего образования,— находится в состоянии дремоты и бездействия. Я говорю о молодом дворянстве и о сельской общине, которая представляет основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянского государства» (Соч., т. VIII, 1919, стр. 145).— *Ред.*

***** Выписка не сохранилась. Даем цитату, которую, очевидно, имел в виду Плеханов:

«Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... нам есть, что сказать миру и своим.

Дайте землю крестьянам. Она и так им принадлежит. Смойте с России позор-

жели ждать, пока они начнут освобождать себя снизу] *, Г[ерцен] во 2 № «К[олокола]» поместил передовую *«Революция в России»*. Выписка **. Он предвидит то возражение, которое предполагает борьбу обществ[енных] сил и решительные, иногда кровавые, их столкновения. На это предполагаемое им и, действительно, основательное возражение он отвечает, что так рассуждают люди, представления которых сложились под влиянием великой французской революции. Это путь кровавый, он имеет свои преимущества. Но это не единственный путь. Есть еще путь мирного развития. Г[ерцен] его предпочитает. В России все шло не так, как на Западе. Единст[венный] великий переворот, пережитый нами, совершен был сверху. Петр. По поводу известного рескрипта на имя Назимова от 20 ноября 1857 г. [27]. «Колокол» (№ 7), начиная новый 1858 г., посылает А[лександру] II приветствие. За начало освобождения крестьян — горячее приветствие свободных людей русских, которые не боятся его и ничего от него не желают. Статья эта принадлежит Ог[ареву], но Г[ерцен] смотрел так же. Доказательство — статья *«Через 3 года»* (№ 9), содержащая в себе знаменитое восклицание: «ты победил, Галилеянин». Эпизод с подписью Огарева (Р. Ч.) [28] — тот же №. Упрек Серно-Соловьевича. Черн[ышевский] будто бы говорил всегда: не верьте царям [29]. Это не верно. *Цитата.* (Статья о новых условиях сельского быта) ***. Такое было время. Впрочем, Ч[ернышевский] раньше Г[ерцена] утратил веру в реформы сверху. Этим объясняются в знач[ительной] степени трения, существовавшие между ними: нападки Г[ерцена] на желчевиков

ное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий— эти страшные следы презрения к человеку...

Торопитесь. Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить...

...Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться; мы хотим вещей, в справедливости которых вы так же мало сомневаетесь, как и все.

На первый случай нам и этого довольно...»

(«Письмо к императору Александру II» — Соч., т. VIII, стр. 161—162).— *Ред.*

* В тексте сказано: «По поводу слов царя: лучше сверху и т. д.» Восполняем по опубликованной статье (стр. 317).— *Ред.*

** Выписка не сохранилась. Приводим соответствующую цитату:

«Мы не только накануне переворота, но мы вошли в него,— писал он.— Необходимость и общественное мнение увлекли правительство в новую фазу развития, перемен, прогресса. Общество и правительство натолкнулись на вопросы, которые вдруг получили права гражданства, стали неотлагаемы. Эта возбужденность мысли, это беспокойство ее и стремление вновь разрешить главные задачи государственной жизни, подвергнуть разбору исторические формы, в которых она движется,— составляют необходимую почву всякого коренного переворота» (Соч., т. IX, стр. 1).— *Ред.*

*** В выписках цитата не сохранилась. Даем ее по Собр. соч. Н. Г. Чернышевского:

«Блистательные подвиги времен Петра Великого и колоссальная личность самого Петра покоряют наше воображение; неоспоримо громадно и существенное величие совершенного им дела. Мы не знаем, каких внешних событий свидетелями поставит нас будущность. Но уже одно только дело уничтожения крепостного права благословляет времена Александра II славою, высочайшею в мире. Благословение, обещанное миротворцам и кротким, увенчивает Александра II счастием... одному начать и совершить освобождение своих подданных» (Соч. *Н. Г. Чернышевского*, Спб., 1906, т. IV, стр. 54).— *Ред.*

и т. д. [30]. В данном случае преимущество на стороне Ч[ернышевского]. *Г[ерцен]— колебался.* Уже в № 25 «К[олокола]» от 1-го октября 1858 г. вместо передовой — «Письмо к редактору»: Напрасно сохранять еще веру в А[лександра] II. — Редакция благодарит за письмо. Однако в № 60 Г[ерцен] опять обращается к царю. «Государь, проснитесь, снимите маски». № 95 от 1-го апреля 1861 г. в статье *«Манифест»* — Г[ерцен] приветствует А[лександра] II именем *царя-освободителя.*

В мае 1865 г. № 197 по поводу смерти наследника: подумайте в эту грозную минуту о пройденном пути и т. д. *. Но это все реже и реже. Эпизод с манифестом. Г[ерцен] хотел в присутствии Мадзини, Луи Блана и других корифеев евр[опейской] демократии провозгласить тост за А[лександра] II. Но (логика жизни) пришло известие о выстрелах в народ в Варшаве. Г[ерцен] предложил тост за независимость Польши и за взаимное сближение поляков с русскими. «Vivat Polonia!» «Mater dolorosa» **[31]. Совет русским офицерам не стрелять в поляков. Студенчество. Дело Ч[ернышевского]. — Проклятие. — Г[ерцен] разрывает не только с царским правительством, но и с «обществом». Он обращается к интеллигенции. — В народ! — Земля и воля. Г[ерцен] — отец русского народничества.

3 фазы:

1) дворянство
2) царь
3) интел[лигенция].

ДВА КОНСПЕКТА ЛЕКЦИИ О ГЕРЦЕНЕ

Настоящая публикация состоит из двух частей: конспекта лекции о Герцене и несколько более сжатого конспекта этого конспекта. Первый, более пространный конспект, не имеет начала (оно не сохранилось в архиве), второй, наоборот, имеется в полном виде и заключает в себе две части: час первый и час второй. Содержание второго часа аналогично с содержанием сохранившегося конца первого конспекта, который мы помещаем на первом месте ввиду большей его пространности, а, следовательно, и ясности: некоторые намеки, имеющиеся в «Конспекте конспекта», здесь расшифрованы и не требуют пояснений. Отсутствующее начало читатель найдет во втором конспекте.

Конспект лекции написан на 7 вырванных тетрадочных листах, исписанных чернилами, с двух сторон листа (кроме последнего). Рукопись же «Конспекта конспекта» находится в ученической тетради с желтой обложкой, где она занимает 5 листов, исписанных также чернилами с двух сторон. Обе рукописи написаны рукой Плеханова. Страницы не перенумерованы.

---

* Даем цитату полностью:

«В жизни людской есть минуты грозно торжественные: в них человек пробуждается от ежедневной суеты, становится во весь рост, стряхает пыль — и обновляется. Верующий — молитвой, неверующий — мыслью. Минуты эти редки и невозвратимы. Горе, кто их пропускает рассеянно и бесследно! Вы в такой минуте, государь, — ловите ее. Остановитесь под всею тяжестью удара с Вашей свежей раной на груди и подумайте, только без сената и синода, без министров и штаба, подумайте о пройденном — о том, где вы и куда идете». («Письмо к императору Александру II» — Соч., т. XVIII, стр. 96).— *Ред.*

** «Да здравствует Польша!» «Мать скорбящая».— *Ред.*

Выписки, относящиеся к конспектам, занимают 5 листов писчей бумаги, исписанных также рукой Плеханова. Приводим из них только те, которые не были приведены в двух предыдущих публикациях на ту же тему.

Оба конспекта были впервые опубликованы в журнале «Литературное наследство», 1931, № 1 и перепечатаны в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик».

ПЕРВЫЙ КОНСПЕКТ
(Отрывок)

...[*про*]*летариат*. Международные конгрессы. Но не о том теперь речь. Вера в особое призвание России облегчала ему борьбу на пользу России. *Отношение Г[ерцена] к общине*. На западе Г[ерцен] был лишен *родины*, но имел *свободу слова*. Он завел в Лондоне типографию — *первую вольную* русскую типографию за границей.— В 1853 г. он издает брошюру «*Крещеная собственность*», где напоминает о необходимости *освободить крестьян с землею*. «Бояться в сущности нечего», так как «весь народ очевидно был бы за правительство, и не один народ, а вся образованная часть дворянства». «Юрьев день!»— обращение к дворянству. Это теперь странно. Как объяснить это? Что он увез за границу? Великую любовь к народу и ...отсутствие веры в его самодеятельность. *Цитата* (из «Дневника»)[32]. Красноречивым воззванием не разогреешь раба (Некрасов). Это не так. Раба разогреешь. А вот рабовладельца нет. Герцен видел это. Он обращается к Александру II. «Колокол». По поводу речи Ал[ександра] II к московскому дворянству он напечатал в № 2 «*Колокола*» статью: «*Революция в России*», где доказывал, что восстания не единственный путь революций. Выписка*. Замечание. *Тут* цитата из V тома[33]. По поводу рескрипта на имя Назимова. *Колокол*, № 7, январь 1858 года. (Цитата по книге Ветринского)[34]. Статья заканчивается: «вперед, Россия! Вперед!»

В № 9 «Колокола» от 15 февраля 1858 г.: «Ты победил, Галилеянин!»

Эпизод с псевдонимом Огарева. Он подписывался: Р. Ч. Теперь ему больно прятаться от Александра II под псевдонимом (тот же №).

Но уже в № 25 «Кол[окола»], от 1 October 1858 г. «Письмо к редактору», где говорится, что напрасно надеяться на Александра, редакция благодарит. Однако в Колоколе от 1-го января 1860, статья И[сканде]ра: «Государь, проснитесь, вас обманывают, [вы сами обманываетесь — это святки, все наряженные. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья России и кто любит только свою частную выгоду. Вам это потому вдвое важнее, что *еще* друзья России *могут быть* и вашими. Велите же скорее снять маски...»] **

* Приводим выписку, озаглавленную:

«КОЛОКОЛ № 2

Мы от души предпочитаем путь мирного человеческого развития пути развития кровавого» (Соч., т. IX, 1919, стр. 2).— *Ред.*

** В тексте сказано: «Государь, проснитесь, вас обманывают и т. д.» Даем продолжение цитаты по соч. Герцена (Соч., т. X, 1919, стр. 194—Новогодняя статья без заглавия).— *Ред.*

В «Кол[околе»] № 95 от 15 марта 1861 — Vivat Polonia! April 1861. «Колокол». Статья: «Манифест!» (И[сканде]р). Александр-Освободитель.

№ *97. Mater dolorosa.*

№ 101 (Бездна)[35].

Манифест и Положение об освобождении крестьян облились уже неповинной кровью.

В № *101* (June 15, 1861) «*Разбор нового крепостного права*», *ст[атья] Огарева*... Народ царем обманут. Такого уродливого хода дел мы не ожидали...

№ *102*. 1 июля 1861 года. «Что нужно народу?»

Очень просто. Народу нужна земля да воля.

№ *105*. Передовая озаглавлена: «Заводите типографии! Заводите типографии!»

В 1861 г. развивается вера в интеллигенцию.

№ 110 — ст[атья] «*Исполин просыпается*!» (*По поводу студ[енческих] волнений*). Господи, какой жалкий и смешной вид у этого грозного правительства! Статья заканчивается призывом молодежи: В народ! В народ! — вот наше место, изгнанники науки, покажите этим Бистромам[36], что из вас выйдут не *подъячие*, а воины народа русского!

№ 111. Ст[атья]: *Преображенская рота и студенты.*

Что надо делать войску? — Ничего не делать, то-есть не ходить против народа.

«Колокол» 157 № March 1863. Передовая — «*Земля и воля*».

В № 176 «*Колокола*» теория нашего народничества семидесятых годов (ст[атья] принадлежит Искандеру).

Так, мало-помалу, из Г[ерцена] выработался отец русского народничества. Я не буду разбирать ее *. Это неуместно. Жизнь уже произнесла свой критич[еский] приговор. Но самый тот факт, что еще недавно горячо спорили об этой теории, показывает, как близок Герц[ен] к нашему времени. *О Черн[ышевском]. См. выписку***. Такие речи показывают, что и с этой стороны он недалек от нашего времени. Дикие невежды и седые злодеи, стремящиеся «разъяснить» всякое живое стремление в России, не убавились в числе, их рвение тоже не ослабело. Но,

* Так в рукописи. — *Ред.*

** Приводим относящуюся сюда выписку, озаглавленную:

«ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
(Кол[окол] № 186, june 1864)

Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую подкупную журналистику, которая накликала это гонение, раздула его из личностей. Она приучила правительство к убийствам военнопленных в Польше, а в России к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев государственного совета... А тут жалкие люди, люди трава, люди слизняки, говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!..

И это-то царствование мы приветствовали десять лет тому назад!

Далее, рассказав о том, как выставляли Ч[ернышевского] к позорному столбу: — Проклятье вам, проклятье — и если возможно месть!» (Соч., т. XVII, 1922 стр. 260—261). — *Ред.*

помимо революционеров, много ли людей, которые так энергично проклинали бы их, как Герц[ен]? Он ближе всего к революционерам.

ВТОРОЙ КОНСПЕКТ

КОНСПЕКТ КОНСПЕКТА

1-й час

Вступление. Разделение жизни Г[ерцена] на 2 части: деление лекции тоже на две. *Относился* и *боролся*. В тогдашней России борьба была невозможна. Цензура. «Мертвые души». Герцен «намеренно затемняет». О крепостном праве *нельзя* было говорить даже и темно. Беллетристика: «Сорока-воровка», мать Бельтова в «Кто виноват?» Крепостная интеллигенция. Вместо «боролся» скажем: как готовился к борьбе, как возникли анти-крепостнич[еские] взгляды?

Самодержавие.— Православие.— Народность. Уваров [37] о крепостном праве: свящ[енная] основа, но Герцен рано перестает уважать основы.

Влияние 14-го декабря. *Выписка**. История франц[узской] революции. Террорист Бушо из Меца. *Выписка***. Возможность разделить свои революционные симпатии. «Князек О.» Будь все таковы, вышел бы Лермонтов. Н. П. Огарев. Тождество их симпатий. Клятва на Воробьевых горах. Выписка***. Университетский кружок, знаменитый кружок Г[ерцена] и О[гарева]. Что проповедывали? Выписка. Важное значение сен-симонизма. Одно из его основных положений: о собственности. Особенность нашей собственности. «Крещеная собственность». Как она влияла на Г[ерцена]. Влияние рабов на рабовладельцев. Пушкин и Арина Родионовна. П. Боборыкин. *Две выписки*. Влияние передней на Г[ерцена]. Няня Вера Артамоновна. Герцен на службе в Новгороде. Дела о злоупотреблении крепостным правом. Моряк. Общее впечатление. Мать, губернатор и Герцен. Отставка [38]. Г[ерцен] готов для борьбы. Где бороться? Г[ерцен] едет за границу.

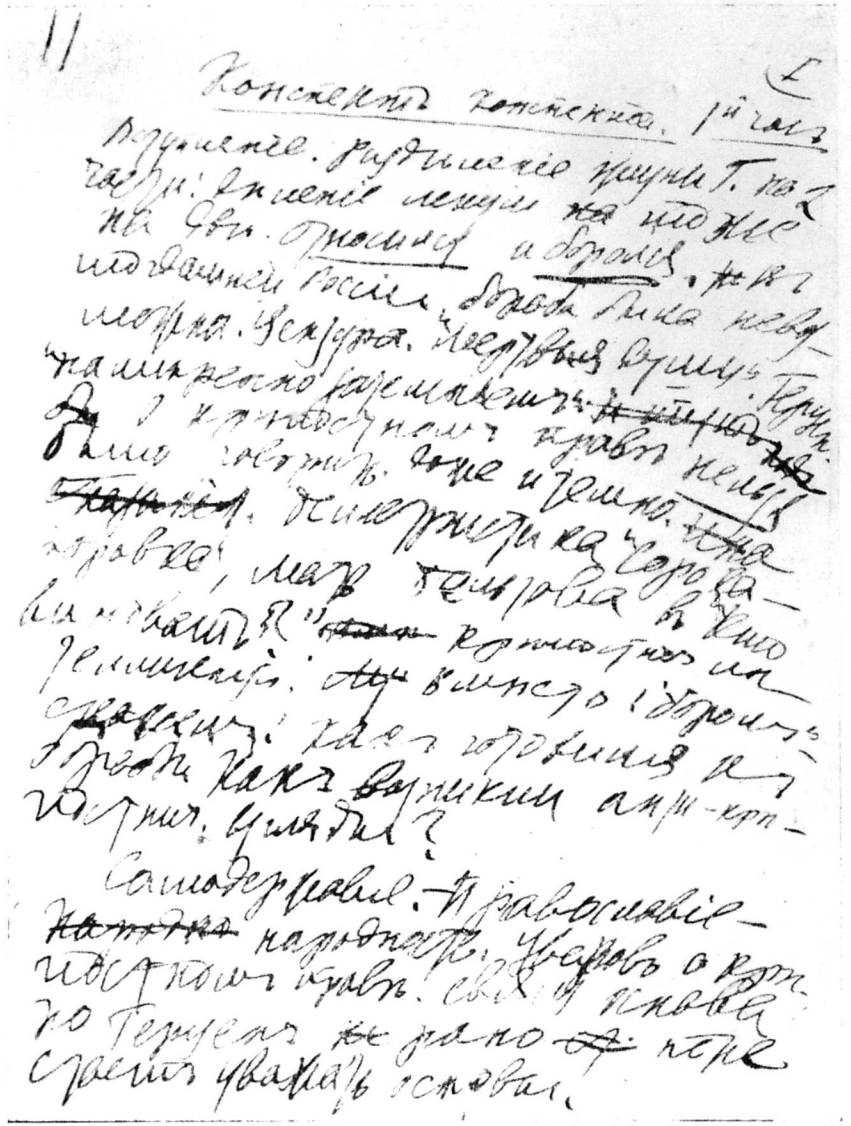
Второй (2-й) час

Г[ерцен] на Западе. Он переживает революцию 1848 г. Ее влияние на него. «Разочарование». Книга «С того берега». Ее место в истории социалистических идей. К чему сводилось его разочарование в Западной Европе. Из «Письма к Линтону». Мы верим в пролетариат. А кто не верит? И ненавидит «мещанство»? Но не о том теперь речь. *Из разочарования выходит* отношение Г[ерцена] к общине и т. д. Разочар[ование] толкает его на более энергичную борьбу для России. Заводит первую вольную русскую типографию.— В 1853 г.— «Крещеная собственность». Тут обращение к правительству: «бояться нечего». Бро-

* Выписка не сохранилась. См. выше первоначальную редакцию статьи, стр. рукописи 6—7.— *Ред*

** Там же, стр. рукописи 12—13.— *Ред.*

*** См. предыдущий конспект.— *Ред.*



Конспект конспекта лекции о Герцене

шюра: «*Юрьев день! Юрьев день!*»: *обращение к дворянству*. Красноречивое воззвание и рабовладельцы. Г[ерцен] чувствует это. Обращается к Александру II. По поводу речи Ал[ександра] II московскому дворянству. «*Колокол*», № 2, передовая: «*Революция в России*». Рескрипт

Назимову. «*Колокол*», № 9, от 15 фев[раля] 1858 г.: «Ты победил, Галилеянин!» Псевдоним (*Р. Ч.*). Но уже в 25 № (1 окт[ября] 1858 г.) передовая: «Письмо к редактору»: Выписка*[39]. Однако в «Колоколе» 1-го января 1860 г.: «Государь, проснитесь, вас обманывают». Государь не просыпается. Польша. № 95, 15 марта 1861—Vivat Polonia! № 97 — Mater dolorosa. *Расхождение все больше и больше*. Аграрная программа Г[ерцена]. Выписки: Программа в 1-м № «Колокола»; в № 102: Что нужно народу **[40]? № 101 — *15 июня 1861*: Такого уродливого хода дел мы не ожидали. № 105. — Передовая. Заводите типографии! Заводите типографии! *Подполье*. Когда падает вера в царя, развивается вера в интеллигенцию. *Характерно*, № 110, ст[атья] «Исполин просыпается!» «Жалкий вид у этого грозного правительства». Окончание статьи: В народ! В народ! *Выписка*. Против студентов войско. № *111*: «Что надо делать войску?» Ничего. Т. е. не ходить против народа. «Колокол», № 157 — «*Земля и воля*». В № 176 — вся программа народничества***. Герц[ен] отец народничества. Но не направления В. П. Воронцова[41]. Его вера в правит[ельство] все более и более падает. Дело Чернышевского. Выписка. Близок к нашему времени. Нынешние седые злодеи.

* Приводим выписку, озаглавленную:

«ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ

Напрасно сохранять еще веру в Александра. Как ни тяжело сознаться в своей ошибке, но полно ребячиться, теперь не до того. *Редакция благодарит автора за письмо*». — *Ред*.

** Приводим относящиеся к данному месту выписки:

1) «*Программа «Колокола»* № 1, 1 июля 1857.

Освобождение слова от цензуры.

Освобождение крестьян от помещиков.

Освобождение податного состояния от побоев».

(Соч., т. VIII, стр. 525).

2) «№ 102. Что нужно народу? Земля да воля (ст[атья], вероятно, Огарева). *Земля никому другому не принадлежит как народу*.

Народ, спокон веков, *на самом деле* владел землей, *на самом деле* лил за землю пот и кровь, а приказные *на бумаге чернилами* отписывали эту землю помещикам да в царскую казну. Вместе с землей и самый народ забрали в неволю и хотели уверить, что это и есть закон, это и есть божеская правда. Однако никого не уверили.— *Ред*.

*** Приводим относящуюся сюда выписку, озаглавленную:

«НАРОДНИЧЕСТВО

№ 176 Jan[vier], 1, 1861.

Многое умерло возле нас; но мы возвращаемся с кладбища упорнее и неисправимее, чем когда-нибудь; мы не только не утратили прежнюю веру, а удесятерили ее... На вопрос, а кто с ним, много ли у него единомышленников, он отвечает: *Нет, не много*, по крайней мере сколько мы знаем...

Много веры, много преданности, много *истины* надобно, а число голов придет... В пещерах, слабые числом христиане росли в силу, в подземных [ходах] сплачивались они в те несокрушимые общины *святых безумцев*, с которыми не могло совладать ни дикое варварство одного мира, ни маститая цивилизация другого.

Но... их цели были неосуществимы, а задача Г[ерцена] отличается тем, что в ней вера не противоречит логике, совсем напротив... Все это не утопии; элементы, основания у нас даны: *народный русский быт и наука* Запада, в их сочетании наша сила, наша будущность, наше преимущество».

(Соч., т. XVII, стр. 3—4 — Новогодняя статья 1 января 1864 г.) — *Ред*.

Заключение: большая личность, яркая личность, богато одаренная, так глубоко симпатичная, что сочувствовать ему могут — что я говорю: «*могут*» — ему *не могут не сочувствовать* даже те, которые расходятся с ним во многих отношениях. Против него только рыцари нагайки и виселицы — те, которых он проклинал при жизни. И уж ни в каком случае не могут быть против него те, которые находят, что «новое крепостничество» должно быть так или иначе отменено.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Огарев*, Николай Платонович (1813—1877) — публицист, философ и поэт, друг и сотрудник Герцена. В 1856 г. эмигрировал за границу и там принимал ближайшее участие в издании журналов «Полярная звезда» и «Колокол». Отражая мелкобуржуазные настроения радикальной интеллигенции, Огарев был противником «кровавого переворота» и «беспорядочного взрыва», что не помешало ему в 60-х годах принимать значительное участие в русском революционном движении в качестве автора ряда прокламаций и одного из организаторов общества «Земля и воля».

[2] Статья «Герцен и крепостное право» была написана Плехановым в 1911 г., в эпоху, когда среди меньшевиков царили ликвидаторские настроения, т. е. стремление к уничтожению «подполья»; Плеханов в течение ряда лет вел ожесточенную борьбу с ликвидаторами за сохранение нелегальной партии.

[3] Цитата из «Былого и дум», ч. V, гл. XV — Соч., т. XIII, 1919, стр. 417.

[4] «Полярная звезда» — журнал, издававшийся Герценом за границей с 1855 по 1869 г. (с перерывами) и отражавший настроения дворянских революционеров и передовой интеллигенции, близкой к революционной демократии.

«Колокол» — двухнедельный политический орган, выходивший за границей под редакцией Герцена и Огарева с 1857 по 1868 г. и сыгравший большую роль в политическом развитии России. Всего вышло 245 номеров на русском и 15 на французском языке. Разоблачая без пощады крепостничество и полицейский произвол самодержавия, «Колокол» в то же время не давал широкой программы, ограничиваясь требованием освобождения крестьян с землей, свободы печати и отмены телесного наказания. Во время польского восстания 1863 г. «Колокол» выступал, вопреки всем русским либералам, всему «образованному обществу», в защиту восставших, что окончательно привело к разрыву «Колокола», представлявшего демократические тенденции в русской революции, с либералами.

[5] «Былое и думы», ч. I, гл. III — Соч., т. XII, 1919, стр. 54.

[6] «Думы» Рылеева были напечатаны в Лондоне под ред. Огарева. Стихотворения Пушкина вошли в сборник «Русская потаенная литература XIX столетия». «Вольность», «Деревня», Кинжал» Пушкина и некоторые стихотворения Рылеева вошли во 2-ю книжку «Полярной звезды» 1856 г.

[7] Речь идет о юношеских стихотворениях М. Ю. Лермонтова.

[8] *Полевой*, Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, критик, писатель, историк. Издавал журнал «Московский телеграф», агитировавший за осознание молодой буржуазией ее исторической роли. В своих литературно-критических статьях Полевой боролся за новое «романтическое» направление.

[9] «Былое и думы», ч. I, гл. VII — Соч., т. XII, стр. 153—154.

[10] Цитата из передовой статьи «Колокола» № 176, 1864 г. — Соч., т. XVII, 1922, стр. 4.

[11] Речь идет о переговорах, которые Николадзе вел с правительством только что вступившего на престол Александра III от лица народовольцев. Директивы партии были переданы ему Н. К. Михайловским, а позднее Львом Тихомировым.

[12] Плеханов имеет в виду первое письмо Герцена к Александру II от 10 марта 1855 г., написанное при вступлении последнего на престол. В этом письме Герцен говорит: «Разумеется, моя хоругвь — не Ваша: я — неисправимый социалист, Вы — самодержавный император...» (Соч., т. VIII, 1919, стр. 161).

[13] Мать Бельтова — героя романа Герцена «Кто виноват» — крепостная крестьянка, воспитанная в барском доме и получившая, по воле помещицы, образование в пансионе. Ее владелица сделала из своих крепостных гувернанток доходную статью, продавая их соседним помещикам, нуждающимся в воспитательницах для своих детей. Оскорбленная и оклеветанная, хотя уже отпущенная на волю, будущая мать Бельтова познала всю тягость положения так называемой «крепостной интеллигенции».

[14] Фраза из «Дневника» за 1842 г. июнь — Соч., т. III, 1919, стр. 29.

[15] «Былое и думы», ч. I, гл. IV — Соч., т. XII, стр. 73.

[16] *Боборыкин*, Петр Дмитриевич (1836—1921) — беллетрист и журналист, изображавший злободневные явления общественной и экономической жизни своего времени с позиций умеренного буржуазного либерализма.

Цитаты взяты Плехановым из статьи П. Д. Боборыкина «Крепостные развиватели», помещенной в юбилейном издании «Великая реформа», М., 1911, т. IV, стр. 84—85.

[17] Сравнение опубликованных статей Плеханова о Герцене и Белинском позволяет выявить лаконически выраженную здесь мысль Плеханова. Говоря об отношении Герцена к освобождению крестьян до 1848 г., Плеханов подчеркивает его неверие в активность народа. «... Герцен и его единомышленники, — пишет Плеханов в статье «Герцен и крепостное право», — при всем своем сочувствии к народу признавали и должны были признавать его пока еще совершенно неспособным к деятельной защите своих интересов» (Соч., т. XXIII, стр. 298).

Так же относился к этому вопросу и Белинский. В письме к Аншенкову от 15 февраля 1848 г. он писал: «Когда я при моем верующем друге сказал, что для России нужен теперь Петр Великий, он напал на мою мысль, как на ересь, говоря, что сам народ должен все для себя сделать. Что за наивная аркадская мысль» (*Белинский*, Письма, т. III, Спб., 1914, стр. 339). Но то, что Герцен до 1848 г. не верил в возможность освобождения крестьян от крепостного права собственными силами вызвало клевету на Герцена со стороны либеральной печати. Разоблачая ее, Ленин писал в своей статье «Памяти Герцена»: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его *в 60-х* — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (Соч., т. XV, стр. 468).

[18] Плеханов имеет здесь в виду письмо Герцена к Бакунину, напечатанное в № 244—245 «Колокола» от 1 июля 1867 г., в котором Герцен пишет:

«Кстати о памяти... помнишь наши долгие разговоры перед февральской революцией, в которых я, как прозектор, указывал рост смерти западного «старика», а ты с надеждой и упованием — рост едва обличившейся жизни славянского недоросля. Я в него не очень верил, а *верил в одну Россию и ее социальные зачатки*».

[19] Три письма Герцена к В. Линтону — английскому политическому деятелю и журналисту, редактору «The english republic», — были опубликованы на английском языке в 1854 г., а затем уже в 1858 г. в переводе, под заглавием «Старый мир и Россия».

В первом письме находим такие строки:

«Мне кажется, что роль *теперешней* Европы совершенно окончена; с 1848 года разложение ее растет с каждым шагом... Республиканцы и монархисты, деисты и иезуиты, горожане и крестьяне, — все это консерваторы; разве придется исключить одних только работников... Но и работник может быть побежден, как это было в июньские дни. Противодействия будут еще свирепей, еще страшней. Тогда разложение старого мира придет иным путем, и социализм осуществится в других странах» (Соч., т. VIII, стр. 30).

[20] В 1853 г. Герцен основал вольную типографию в Лондоне. К этому моменту относится его воззвание «Братьям на Руси», где он предлагает присылать ему из России материалы для опубликования их на вольном станке, так формулируя свою задачу: «Быть вашим органом, вашей свободной, бесцензурной речью — вот моя цель» (Соч., т. VII, стр. 188).

[21] Первое воззвание, напечатанное Герценом на вольном станке, было обращено к дворянам. Это воззвание, озаглавленное «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству», было выпущено отдельным листком с датой 20 июля 1853 г. (Соч., т. VII, 1919, стр. 248—254).

[22] И. Киреевский писал М. П. Погодину в апреле 1848 г.: «...мы можем предъявить правительству только два требования: во-первых, чтобы оно не вмешивало нас в бесполезную войну; во-вторых, чтобы оно не возмущало народ ложными слухами о свободе и не вводило никаких новых законов, покуда не утишатся дела на Западе» (Соч. И. В. Киреевского, М., 1911, т. II, стр. 249).

[23] Приведенные в выписке слова были произнесены Герценом в Лондоне на международном митинге, посвященном памяти февральской революции 1848 г. Речь эта напечатана впервые в брошюре: «27 февраля 1855 г. Народный сход в память переворота 1848 г. в St.-Martin Hall», Лондон, 1855.

[24] *Никитенко*, Александр Васильевич (1804—1877) — историк литературы, профессор, цензор, умеренный прогрессист, с 60-х годов реакционер. Оставил ценные мемуары.

[25] Грановский писал Герцену в 1850 г.:

«Положение наше становится нестерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительной мерой. Доносы идут тысячами... Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничились следующими, уже приведенными в исполнение мерами: возвысили плату со студентов и уменьшили их число законом, в силу которого не может быть в университете больше 300 студентов... Дворянский институт закрыт, многим заведениям грозит та же участь, например Лицею. Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением...» (Цитируется у Герцена — Соч., т. XIII, стр. 117—118).

[26] Осенью 1853 г. артист М. С. Щепкин, старый приятель Герцена, приехал в Лондон со специальной целью уговорить Герцена прекратить свою подпольную деятельность.

[27] Рескрипт 20 ноября 1857 г., с которого начинается официальная история освобождения крестьян, был дан Александром II В. И. Назимову (1802—1874), в то время виленскому генерал-губернатору, который привез в Петербург ходатайство дворянства северо-западных губерний о дозволении возбудить вопрос о крестьянах.

В рескрипт были «включены только те предметы, которые должны были остаться неизменными и иметь силу закона», признание права собственности за помещиками, а за крестьянами права на выкуп в собственность «усадебной оседлости» и на выдел в пользование «надлежащего для их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком количества земли» за соответственный оброк или барщину.

[28] Огарев, который подписывал свои статьи в «Колоколе» инициалами Р. Ч., в № 9 заявил, что ему больно прятаться от Александра II под псевдонимом и что впредь он будет подписываться полным именем.

[29] Плеханов имеет в виду брошюру эмигранта шестидесятника А. А. Серно-Соловьевича (1838—1869), в которой тот выступил от лица разночинной революционной интеллигенции с жестокими обвинениями против Герцена, упрекая его в прекраснодушии, фразерстве, лицемерии, отсутствии подлинной революционности.

[30] Речь идет о нападках Герцена на журнал «Современник» и выходивший в виде приложения к нему «Свисток», руководимый Добролюбовым. Герцен поместил в «Колоколе» наделавшую много шума статью «Very dangerous!!!» («Очень опасно!»). В этой статье он пишет:

«Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований и чуть не ремесло из мрачных сочувствий со страждущими, катаются со смеху над *обличительной* литературой, над неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтоб случайно, но при большом театре [Современнике] ставят особые балаганчики [Свисток]

*

для освистывания первых опытов свободного слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголове, так как она недавно сидела в остроге... Мало ли на что вам есть точить желчь. Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы забывают, что по этой скользкой дороге можно досвистаться не только до Булгарина и Греча, но (чего боже сохрани) и до *Станислава на шею*» («Колокол» № 44, от 1 июня 1859 г.).

Эпитет «желчевики» принадлежит Герцену.

[31] «Vivat Polonia!» и «Mater dolorosa» — статьи Герцена (см. Соч., т. XI, стр. 47 и 82).

[32] Плеханов мог иметь в виду цитату из «Дневника» от 24 декабря 1843 г., приводимую им в опубликованной статье в доказательство недоверия Герцена к самодеятельности народа:

«Кто-нибудь должен проснуться — или правительство, или народ. О первом так же трудно поверить, как о другом» (Соч., т. III, 1919, стр. 148).

[33] Возможно, что Плеханов имел в виду процитировать здесь следующее, отчеркнутое им в V томе женевского издания, место из статьи «Крещеная собственность»:

«Одни легкие революции делаются легко. Ветер свободно двигает во все стороны верхний слой общественной зыби, но глубь тиха до урагана».

На обложке книги имеется такая отсылка Плеханова: «№ 324 — О революции».

[34] По всей вероятности, Плеханов имеет здесь в виду приведенную им в опубликованной статье цитату из статьи Огарева «Правительственные распоряжения», которая явилась ответом «Колокола» на рескрипт Назимову. Эта цитата отмечена Плехановым в книге *Ч. Ветринского*, Герцен, Спб., 1908, стр. 332—333.

В этой выписке заключено горячее приветствие «царю, уничтожающему рабство» от «людей, которым не нужно его бояться, которые для себя лично ничего от него не ждут».

№ 7 «Колокола» от 1 января 1858 г., в котором напечатана эта статья, открывается крупно напечатанными впереди текста словами: «Освобождение крестьян».

[35] Плеханов имеет в виду статью Герцена «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)», напечатанную в № 101 «Колокола» и посвященную одному из самых крупных крестьянских восстаний, связанных с опубликованием положения 1861 г. об освобождении крестьян. Бездненское восстание крестьян под руководством крестьянина Антона Петрова закончилось кровавой расправой над крестьянами со стороны царского правительства, вызвавшей гневную отповедь Герцена (см. Соч., т. XI, стр. 106—108).

[36] *Бистром* — в то время петербургский полицмейстер.

[37] *Уваров*, Сергей Семенович (1786—1855) — президент Академии наук и министр народного просвещения, с именем которого связана реакционная формула: самодержавие, православие, народность.

[38] Во время своей новгородской ссылки (1841—1842) Герцен служил советником губернского правления. Там его глазам открылись чудовищные злоупотребления, бездушие и жестокость, в особенности в отношении крепостных крестьян. Каплей, переполнившей чашу, был случай с матерью 10-летнего ребенка, ссылаемой помещиком на поселение вместе со своим мужем, которая умоляла его выхлопотать разрешение взять с собой ребенка.

Бесчеловечный и грубый отказ губернатора в этой просьбе матери побудил Герцена подать в отставку.

[39] Выписка взята из присланного в «Колокол» из России «Письма к редактору». Последняя фраза принадлежит редакции, т. е. Герцену и Огареву, выражающим благодарность автору за его многочисленные сообщения о злоупотреблениях разных лиц. Примечания Герцена к этому письму опубликованы в Соч., т. IX, стр. 349.

[40] Выписка взята из статьи Огарева «Что нужно народу?» Приведена в комментарии к Соч. Герцена в изд. Лемке (т. XI, стр. 138).

[41] *Воронцов*, Василий Павлович (1847—1917) — один из главных представителей и теоретиков народничества, выступавший в защиту социальных реформ и против революционной борьбы с самодержавием.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «ГЕРЦЕН—ЭМИГРАНТ»

Настоящая публикация представляет собой первоначальную редакцию статьи «Герцен — эмигрант», написанной в 1909 г. и опубликованной в «Истории русской литературы XIX в.», т. III, изд. тов. «Мир» (Соч., т. XXIII, стр. 414—445). Рукопись написана не плехановским почерком и заключает в себе 39 вырванных из тетрадей листов, исписанных с одной стороны. Из них нехватает только одной (37-й) страницы.

ГЕРЦЕН В ЭМИГРАЦИИ

Литературная деятельность Герцена естественно распадается на два периода, отделяемых один от другого его отъездом за границу в январе 1847 года. За границей Герцен остался до самой своей смерти 9-го января 1870-го года. Казалось бы, что чем больше жил он на Западе, тем больше должен он был свыкаться с западноевропейскими учреждениями, и тем больше влияния на него должна была приобретать Западная Европа. На деле вышло не так. Он сам говорит о себе: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину». К этому надо прибавить, что духовное возвращение на родину имело для него огромное нравственное значение. «Вера в Россию,— говорит он,— спасла меня на краю нравственной гибели». Можно | без всякого преувеличения сказать, что жизнь на Западе заставила Герцена отказаться от того западничества, одним из виднейших представителей которого был он в течение первого периода своей литературной деятельности, и сделала из него теоретического родоначальника нашего народничества. Как произошла эта метаморфоза? По его собственным словам, она произошла следующим образом.

В чужих краях он чувствовал себя сначала очень легко и был в очень веселом настроении: «Да и как же было не веселиться. вырвавшись из николаевской России, после двух ссылок и *одного* полицейского надзора». Но так продолжается недолго. «Веселый тон писем скоро тускнет — начинается зловещее раздумье и паталогический | разбор»[1]. Причиной такого раздумья и предметом такого разбора становится та самая Франция, в которую он стремился с таким нетерпением, говоря,— в своих «Письмах из Франции и Италии», — что «комфортабельная обитаемость Европы начинается с Рейна» и что в Германии нечего смотреть, так как «Германию надобно читать, обдумывать, играть на фортепиано — и проезжать в вагонах одним днем с конца на конец»[2]. Франция произвела на него впечатление страны, пораженной тяжелой внутренней болезнью. «Чем пристальнее я всматривался, тем яснее видел, что Францию может воскресить только коренной экономический переворот — 93 год социализма. Но где силы на него?.. где люди... а пуще всего где мозг?» Не видя возможности ответить себе на эти вопросы или, вернее, | видя себя вынужденным отвечать на них в том смысле, что нет ни «сил», ни «мозга»,

он уехал (осенью 1847 г.) в Италию, переживавшую тогда эпоху большого политического подъема. Там он испытал несравненно более отрадное впечатление, видя вокруг себя «только восторженные лица, ликующие взоры»; а потом началась революционная буря 1848 года, буря, под влиянием которой «цари пускались в бегство, подобравши порфиру и толкая друг друга по большим дорогам». Но революционная буря скоро утихла, и началась глубокая ночь реакции; тогда-то и разбилась окончательно вера Герцена в судьбу Запада, тогда-то упрочилась его надежда на Россию.

«Иронический дух революции снова привел западного человека на гору,— говорит он,— показал ему республику во Франции, баррикады в Вене, Италию в Ломбардии и снова столкнул его
5 в | тюрьму, где ему за дерзкий сон прибавили новый обруч. Я слышал, как его заклепывали,— и опять письма мои, отразившие увлечения 1848, становятся мрачны, и этот мрак растет и растет до тех пор, пока 2 декабря 1851 года вырывает крик: Vive la mort!* Когда последняя надежда исчезла, когда оставалось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающие удары, как последствия страшных событий,— в груди моей возвратилась юная вера тридцатых годов, и я с упованием и любовью обернулся назад»[3].

В этих словах Герцена есть некоторая хронологическая и психологическая неточность. Как видно из седьмой главы 1-й части «Былого и дум», *в тридцатых годах* юная вера Герцена и его тогдашнего кружка приурочивалась к сен-симонизму и не была связана с какими-нибудь особенностями русской общественной или народной жизни[4]. | Герцен, равно как и его друг Огарев,
6 был тогда западником больше, чем когда бы то ни было впоследствии, но в *сороковых* годах он под влиянием Гакстгаузена[5] и славянофилов уже задумывался о русской общине. В своем дневнике он писал (13-го мая 1843 года): «Я имел случай говорить с Гакстгаузеном; меня удивил ясный взгляд на быт наших мужиков, помещичью власть, земскую полицию и управление вообще. Он находит важным элементом, сохранившуюся из древности, общинность, ее-то надобно развивать сообразно требованиям времени»[6]. С тех пор он не раз возвращался в том же дневнике к этому вопросу. Правда, его тогдашнее отношение к общине нельзя характеризовать словом: вера. Он смотрел на нее подчас довольно скептически; так, 26-го июня того же года он писал: «Наши славянофилы толкуют об | общинном начале, о том, что у нас нет
7 пролетариев, о разделе полей; все это хорошие зародыши и долею они основаны на неразвитости. Так, у бедуинов право собственности не имеет эгоистического характера европейского; но они забывают, с другой стороны, отсутствие всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений, словом, воз-

* Да здравствует смерть!— *Ред.*

можность жить при таком порядке дел»[7]. Однако этот скептицизм не помешал Герцену занести в свой дневник 28 числа того же месяца:

«Славяне в будущем, вероятно, призваны ко многому». А 24-го января 1844 года он писал: «Беспрерывные споры и разговоры с славянами много способствовали с прошлого года к уяснению вопроса, и добросовестность с обеих сторон сделала большие уступки, образовавшие мнение более основательное, нежели
8 чистая мечтательность славян и | гордое презрение ультра-оксидентных.

«Gottes ist der Orient,
Gottes ist der Occident» *[8].

Он тогда же собирался писать об этом целую статью. Статья не была написана, но Герцен не переставал интересоваться общиной. И замечательно, что уже тогда, под влиянием постоянных размышлений об общине и споров о ней со славянофилами, он допускал, что «грядущая эпоха, которая на знамени своем поставит не личность — а общину, не свободу — а братство, не абстрактное равенство — а органическое распределение труда, не принадлежит Европе». Не менее замечателен и тогда же (т. е. 21 февраля 1844 года) высказанный им взгляд на германцев: «Германец с первого появления является с характером, несравненно более освобожденным от всего непосредственного, от почвы, от поколения, даже от семьи; личность — вот идея, которую он вносит
9 в мир, и исчер|пав все необъятное содержание своей мысли, он, будто оканчивая свое призвание, как завещание будущему, оставляет Déclaration des droits de l'homme»**[9]. Мнение это в расширенном виде,— т. е. распространенное также и на латинские народы,— явилось впоследствии одним из двух важнейших элементов народнического учения Герцена.

Заметим, наконец, что социалистические писатели, сочинения которых старательно изучал тогда наш автор, приписывали «организации общины» первостепенную важность. «L'organisation de la Commune,— писал Виктор Консидеран[10],— est la pierre angulaire de l'édifice social, quelque vaste et quelque parfait qu'il soit»***. И эти его слова Герцен записал в своем дневнике 12-го июня 1844 года.

10 | Известно, что и Чернышевский придавал большое значение нашей сельской общине, именно потому, что считал — правда только в течение некоторого времени — возможным опереться на нее при организации социалистической общины.

Впоследствии Герцен так определял свое отношение к Западу: «Когда я спорил в Москве с славянофилами (между 1842—1846 го-

* Божья страна — Восход.
Божья страна — Закат.— *Ред.*
**— Декларацию прав человека.— *Ред.*
*** Организация коммуны — это краеугольный камень социального здания, как бы обширно и как бы совершенно оно ни было.— *Ред.*

дами), мои воззрения в основе были те же. Но тогда я не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически и еще больше я любил его всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, *западником*. Париж в один год отрезвил меня — зато этот год был 1848 . Во имя тех же начал,
11 во имя которых | я спорил с славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим» («Колокол» № 191, 15-е ноября 1864 г.)[11].

В этих строках очень выпукло обрисовывается та причина, вследствие которой Герцен в эмиграции был гораздо меньше западником, нежели в течение первого периода своей литературной деятельности. Но к тому, что сказано здесь самим Герценом, необходимо сделать весьма существенное дополнение. Если 1848 год отрезвил Герцена, то не надо забывать, что необходимые для отрезвления психологические данные существовали у нашего знаменитого публициста *еще раньше 1848 года*. В доказательство мы сошлемся, кроме приведенных нами отрывков из его дневника, на те строки из его писем из Франции и Италии, где он называет Париж единственным местом в гибнущем Западе, где широко и
12 удобно гибнуть (начало 5-го письма, по|меченного: Рим. Декабрь 1848 г.). Здесь, как видит читатель, Герцен, говоря о Западе, доходит до славянофильской мысли о том, что он гибнет. И в том же письме Герцен, сравнивая русское село с западноевропейским, не знающим общинного землевладения, замечает: «Русского села в Европе нет. Смысл деревенской коммуны в Европе только полицейский; что общего между этими разбросанными домами, огораживающимися друг от друга? у них все особое, они связаны только общей межой; что может быть общего между голодными работниками, которым коммуна предоставляет le droit de glaner*, и богатыми домохозяевами? Да здравствует, господа, русское село — будущность его велика»[12]. Это опять один из тех взгля-
13 дов, которые входили в миросозерцание славянофилов и легли впоследствии в основу народническо|го учения Герцена. Нам могут возразить, пожалуй, что замечание о великой будущности, предстоящей русскому селу, слишком неопределенно, а выражение «гибнущий Запад» употреблено как насмешка над славянофилами. Но это не так. Этому противоречит не только весь тон первых четырех «Писем из Франции и Италии», знаменитых писем из Avenue Marigny, впервые появившихся в «Современнике» 1847 года[13], но также и прямое свидетельство того же Герцена, находящееся в одном из его писем к Бакунину. В этом письме он спрашивает: «Помнишь наши долгие разговоры перед февральской революцией, в которых я как прозектор, указывал рост смерти западного «старика», а ты с надеждой и упованием — рост едва обличившейся жизни славянского недоросля. Я и в него не

* —право подбирать колосья и зерна после жатвы.— *Ред.*

14 очень верил, *а верил в одну Россию и ее соци|альные зачатки*». (Подчеркнуто Герценом. Это письмо к Бакунину напечатано в «Колоколе» от 1 июля 1867 г.)[14]. Это свидетельство не оставляет никакого сомнения в том, что «отрезвление» Герцена началось еще «перед февральской революцией». И с этим признанием самого Герцена полезно будет сопоставить знаменитое письмо Белинского к Анненкову от 15-го февраля 1848 г., т. е., стало быть, написанное тоже *перед* февральской революцией: «Когда я в спорах с вами о буржуазии»,— говорит в этом письме Белинский,— называл вас консерватором, я был глупец, а вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль»[15]. В том же письме Белинский, вспоми-
15 ная, как его «верующий друг» (т. е. опять-таки|Бакунин) «доказывал» ему, что избави бог Россию от буржуазии, возражает: «А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не раньше как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию». Мы просим читателя запомнить эти последние слова Белинского, потому что, как мы увидим ниже, Герцен в своих размышлениях о возможном будущем России отводил дворянству совсем другую роль.

Это сопоставление Белинского с Герценом показывает нам, что уже в 1847 г. у нас стали намечаться те два течения общественной мысли, взаимная борьба которых явилась продолжением борьбы славянофилов с западниками и вращалась вокруг знаменитого вопроса о «судьбах капитализма в России». Герцен
16 был родоначальником одного | из этих течений, между тем как Белинский представлял другое.

Известно, что Чаадаев, высказавший в первом из своих «Философических писем» такой безнадежный взгляд на Россию, начал впоследствии проповедывать ту мысль, что отсталостью нашей страны может быть очень облегчено ее дальнейшее прогрессивное развитие. Ввиду этого можно спросить себя, не влиянием ли Чаадаева объясняется возникновение народнических взглядов у Герцена. Но на этот вопрос приходится ответить совершенно отрицательно. В своем письме к Шеллингу от 20-го мая 1842 г. (напечатанном в 11-ой книжке «Русского вестника» за 1862 г.) Чаадаев с едкой насмешкой отзывается о том самом взгляде, из которого вышло народничество Герцена. Происхождение этого взгляда
17 приписывается им «гибельному» действию на русские умы философии | Гегеля. *«Изумительная гибкость этой философии, допускающей всевозможные приложения*,— говорит он,— создала у нас самые странные мечты о нашей роли в мире, о наших будущих судьбах. Ее фаталистическая логика... готова была превратить всю нашу историю в ретроспективную утопию, в надменную апофеозу русского народа; ее система всеобщего примирения... повела нас к мысли, что, предупреждая ход человечества, мы уже осуществили среди самих себя ее заносчивые теории».

Поэтому Чаадаев «радостно приветствовал» появление Шеллинга на кафедре берлинской философии, надеясь, что «философия откровения» победит философию Гегеля. Стало быть, если Герцену и случалось говорить с Чаадаевым о будущем социальном развитии России,— что само по себе, разумеется, не только возможно, но даже вероятно,— то его полуславянофильский
18 взгляд | на «социальные зачатки» русской народной жизни мог встретить лишь насмешливую критику со стороны автора «Философических писем». Поэтому остается признать, что этот его взгляд сложился именно под влиянием славянофилов*. Не удивительно поэтому, что еще до отъезда своего за границу Герцен не разделял воззрений последовательных западников наших, вроде Белинского, который обрушивался на него за это с резкими упреками. Семнадцатого мая 1844 г., получив от Белинского известное письмо, в котором тот говорит: «Я жид по натуре и с филистимлянами за одним столом есть не могу», Герцен записывает в своем дневнике: «Странное положение мое, какое-то невольное juste milieu ** в славянском вопросе: перед ними я человек Запада, перед их врагом — человек Востока. Из этого
19 следует, что для нашего времени эти односто|ронние определения не годятся»[16].

Не касаясь здесь вопроса о том, в какой мере справедлив был вывод, сделанный Герценом из его промежуточного положения между славянофилами и западниками, мы ограничимся тем замечанием, что Белинский печатно высказал свое несогласие с Герценом тотчас же после появления «Писем из Avenue Marigny». «Письма из Avenue Marigny», — писал он в своем годовом обзоре русской литературы за 1847 год, — были встречены некоторыми читателями почти с неудовольствием, хотя в большинстве нашли только одобрение. Действительно, автор невольно впал в ошибочность при суждении о современном состоянии Франции тем, что слишком тесно понял значение слова: bourgeoisie***. Он разумеет под этим словом только богатых капиталистов и исключил из нее самую многочисленную, и потому самую важную, массу
20 этого сословия»[17]. С формальной стороны | это возражение представляется совершенно несостоятельным. Герцен мог бы ответить Белинскому, что «самая многочисленная масса» буржуазии состоит из того мещанства, которое вызывает в нем еще меньше надежд, нежели «богатые капиталисты». Но на самом деле возражение Белинского было далеко не таким неосновательным, каким оно представляется с формальной стороны. На самом деле

* В 30-й главе четвертой части «Былого и дум» Герцен писал о П. В. Киреевском: «В его взгляде (и это я оценил гораздо после) была доля тех горьких, подавляющих истин об общественном состоянии Запада, до которых мы дошли после бурь 1848 г.» После сказанного трудно сомневаться в том, что взгляд П. В. Киреевского уже тогда произвел на Герцена сильное впечатление.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

** —золотая середина. — *Ред.*

*** —буржуазия. — *Ред.*

к мещанству, вызывавшему такое решительное отвращение в Герцене, принадлежали тогда не только *люди мелкобуржуазной наживы*, но и *люди социалистической мысли*, проповедовавшие те самые идеалы, которые с теми или другими оговорками разделялись как Белинским, так и самим Герценом. Восемнадцатого февраля 1843 г. Герцен, в своем дневнике, так формулировал общий смысл «реформации», предстоявшей западноевропейскому миру: «Общественное управление собственностями и капита-
21 лами, | артельное житье, организация работ и возмездий, и право собственности, поставленное на иных началах. Не совершенное уничтожение личной собственности, а такая инвеституpa обществом, которая государству дает право общих направлений»[18]. Приблизительно так мог бы формулировать свою программу и Белинский. И он имел полное право сказать Герцену, что программа эта не только была выработана людьми, вышедшими из мещанства, но и защищалась, главным образом, людьми, принадлежавшими к этому классу. Мы уже видели, что на *пролетариат* (на «народ») Белинский не возлагал никаких надежд. И в этом отношении Герцен был вполне или почти вполне согласен с ним.

II

В конце своей статьи «Буддизм в науке» («Отечественные за-
22 писки», 1843 г., книга XI) Герцен говорит, что совре|менная наука достигла высшего своего призвания: «Она явилась солнцем все-освещающим, разумом факта и, следственно, оправданием его». Но,— и это весьма характерно, как для того времени вообще, так и для Герцена в частности,— наука, по его словам, не остановилась на этом: «Она перешла свою высшую точку и указывает путь из себя в жизнь практическую, сознаваясь, что в ней не весь дух человеческий исчерпан, хотя и весь понят»[19]. Наукой, указывающей путь в жизнь, была тогда в глазах Герцена социалистическая теория, которую Герцен внимательно изучал еще до отъезда своего за границу. Но ни одна из систем тогдаш-
23 него утопического социализма не увлекла его целиком. | В марте 1844 г. он писал в своем «Дневнике»: «Без всякого сомнения у сен-симонистов и у фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, *но чего-то* недостает. У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании; счастье, что ученики его задвинули его сочинения своими. У сен-симонистов ученики погубили учителя. Народы будут холодны, пока проповедь пойдет этим путем»[20]. Несколькими строками ниже он прибавляет: «Доселе с народом можно говорить только через священное писание». Чтобы думать так, нужно было быть очень низкого мнения о развитии народа.
24 И Герцен в самом деле был очень невысокого мнения | об этом развитии. Правда, парижские впечатления как-будто заставили его изменить это свое низкое мнение о народе. Характеризуя

«Париж, за цензом стоящий», он говорил: «Парижский воздух великое дело, он во все шесть или семь этажей, в чердаки и подвалы, в антресоли и первые этажи, в трубы и щели дует одним и тем же; буржуазия закрывает ставни, конопатит дыры от него; но бедняк не прячется, и он ему навевает разные мысли... Масса стремлений, понятий и мыслей, проникнувшая в низшие классы и поддерживающая лихорадочное и болезненное состояние духа, | чрезвычайно велика»[21]. Но замечательно, что на эту массу стремлений и мыслей, хлынувшую в рабочую среду, Герцен смотрит исключительно со стороны ее влияния на народную *нравственность*. «Она-то и есть славная хранительница их нравственности,— замечает он,— теряя ее, бедняки впадают в страшную жизнь «парижских тайн»[22], с нею они типы героев Ж. Санд». Несмотря на свои новые мысли и стремления, народ остается невежественным. И на этом его невежестве основывается вся надежда буржуазии. Герцен признает, что эта надежда имеет под собой весьма прочное основание. Он считает возможным, что народ еще долго останется в | неведении на счет того, «чем помочь своей беде». Но не менее возможным представляется ему и то, что народ, не умея помочь своей беде, тем не менее сумеет вырвать из рук буржуазии несправедливые права с чисто отрицательной целью разрушения: «не для того, чтобы воспользоваться, а чтоб разбить их, не для того, чтоб обогатиться, а чтоб пустить других по миру». При таком взгляде на народную массу трудно было ждать от нее сознательной исторической инициативы. В сущности Герцен совершенно не знал тогдашнего парижского пролетариата. Он сам признает в тех же «Письмах из Франции и Италии» («Письмо 9-е»), что в 1847 г. «невидимый Париж тайных | обществ, работников, мучеников идеи и мучеников жизни — задвинутый пышными декорациями искусственного покоя и богатства — не существовал для иностранца»[23]. Но именно потому, что этот Париж не существовал для тогдашнего иностранца, этот «иностранец», даже держась очень радикального образа мыслей, продолжал смотреть на пролетариат, как на класс, совершенно не способный к сознательному историческому действию. Тогда было очень в ходу сравнение пролетариата с варварами, разрушившими Западно-римскую империю. Герцен сам нередко употреблял это сравнение. Но само собою понятно, что люди, смотревшие на пролетариев, как на варваров, | не могли ждать от них в настоящем никакого плодотворного действия. По всему видно, что Герцен и в самом деле не ждал его от парижского пролетариата. Февральская буря 1848 г., выдвинувшая пролетариат на авансцену всемирной истории, заставила Герцена взглянуть на него другими глазами. Но разочарования не заставили себя ждать. Уже 15-го мая Герцен с обычною своей проницательностью увидел, что «республика ранена насмерть», а июньские дни [24] окончательно разбили все его недолговременные надежды. С тех пор у него прочно сложился взгляд на народную массу Запада (и на

крестьян и на рабочих), как на мир «стихийных страстей да исторического сна, детских грез, циклопической кротовой работы»*[25]. | И он не раз повторял, что «на это дно и голос человеческий не доходит, как ветер не доходит до глубины морской».

Таким образом мы можем сказать, не боясь никакого преувеличения, что если у Герцена в первое время его заграничной жизни и была надежда на прогрессивное развитие Запада, то она ни в каком случае не приурочивалась к самостоятельному действию рабочего класса. А если исключить рабочих и крестьян,— которых Герцен знал еще меньше, нежели рабочих,— то остануться высшие классы, на которых уже в то время лежала глубокая печать «мещанства». Нечего и говорить, что высшие слои мещан,— Париж, стоявший за ценз, по образному выражению Герцена,— были в революционном отношении совершенно безнадежны. Стало быть, Белинский был *по-своему* совершенно прав, когда указывал Герцену на мелкую буржуазию как на такой общественный слой, который обещал найти выход из тогдашнего тяжелого положения Франции. С точки зрения тогдашних взглядов нашей передовой интеллигенции невозможно было рассуждать иначе.

Это подтверждается примером самого Герцена. Когда февральские события возбудили в нем новые | надежды на Францию, надежды эти, как видно, прочнее всего связывались с деятельностью мелкой буржуазии, и притом именно той ее части, которую мы теперь называем интеллигенцией. Он, как видно, ожидал, что французская интеллигенция поведет французский народ по пути социальной революции, и когда он увидел, что она, в огромнейшем большинстве случаев, не имеет ни малейшего расположения к такому способу действий, он в своем разочаровании стал осыпать ее горькими сарказмами. И если он пришел к тому выводу, что «*мещанство* — окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие — état adulte» («Концы и начала». «Письмо 7-е»), то этот печальный вывод был подсказан ему | тем, неожиданным для него, фактом, что мещанская интеллигенция ополчилась в июне 1848 г. на защиту мещанского порядка. В своей знаменитой книге «С того берега» он под непосредственным впечатлением июньских дней восклицал:

«Три месяца люди, избранные всеобщей подачей голосов, люди выборные всей земли французской ничего не делали и вдруг стали во весь рост, чтоб показать миру зрелище невиданное — восемьсот человек, действующих как один злодей, как один изверг. Кровь лилась реками, а они не нашли слова любви, примирения; все великодушное, человеческое покрывалось воплем мести и негодования, голос умирающего Афра не мог тронуть этого многоголового Калигулу[26], этого Бурбона, | разме-

* Это все собственные выражения Герцена, употребленные им в «Концах и началах» («Письмо 6-е»); «Концы и начала» писаны в 1862 г.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

ненного на медные гроши; они прижали к сердцу национальную гвардию, расстреливавшую безоружных, Сенар благословлял Кавеньяка [27], и Кавеньяк умильно плакал, исполнив все злодейства, указанные адвокатским пальцем представителей» [28].

С тех пор, как Герценом были написаны эти строки, классовая борьба во Франции не только не притупилась, но приняла гораздо более широкие размеры. Расправа версальцев с коммунарами весною 1871 г. далеко оставила за собой ужасы июньских дней, и как ни страшны эти моменты крайнего обострения классовой борьбы, но они уже никого удивить не могут. Не так было в 40-х годах, когда большая часть социалистов еще не умела
34 опереться на | общественные противоречия для достижения своих целей и когда большинство социалистических программ было рассчитано не на взаимную борьбу классов, а на их сотрудничество в деле мирного решения «социального вопроса». По поводу июньской бойни в Париже Маркс писал в «Neuen Rheinischen Zeitung», что столкновения, вытекающие из условий самого буржуазного общества, должны быть пережиты на деле и не могут быть устранены с помощью фантазий. Он находил, что лучшей государственной формой является та, при которой общественные противоречия принимают наиболее резкую форму,
35 чем | приближается их решение [29]. Но этот взгляд Маркса разделялся тогда лишь очень немногими. Вместе с огромным большинством социалистов Герцен видел лишь отрицательные стороны классовой борьбы. Он, внимательно изучавший когда-то Гегеля, позабыл гениальную мысль великого немецкого идеалиста: «Der Widerschpruch ist das Fortleitende» («противоречие ведет вперед»). Он боялся классовой борьбы. И чем менее вероятным представлялось ему мирное разрешение вопроса на Западе, тем более отчаивался он в судьбах «больной Европы». В июне 1862 г. он, вспоминая о том, что в средние века были идеалы, верования и слова, от которых билось и простое сердце бедного гражданина | и сердце надменного рыцаря, спрашивает: «Где тот псалом, который могут в наше время с верой и увлечением петь во всех этажах дома от подвала до мансарды, где наша Gottes feste Burg * или марсельеза?» ** [30]. Не подлежит никакому сомнению, что «вера» Герцена в Россию основывалась не только на факте существования русской общины, но также и на том обстоятельстве, что борьба классов еще не приняла у нас того обостренного вида, какой она имела на Западе. Основав русскую типографию в Лондоне, Герцен говорит русскому дворянству: «Первое вольное русское слово из-за границы пусть будет обращено к вам».

* — незыблемый град господень.— *Ред.*

** Та же мысль была высказана им, пожалуй, в еще более яркой форме еще в январе 1854 г. в 1-м письме к В. Линтону: «Европа слишком богата, чтобы рисковать всем имуществом на одной карте; она желает сохранить многое; ее низшие классы слишком отделены от цивилизации, чтобы она зря могла броситься всем телом в такой коренной переворот».— *Прим. Г. В. Плеханова.*

И в этом своем обращении он не только предлагает дворянам...*
38 ... | или плывите по течению». Точно так же в своей речи, произнесенной в Лондоне 27 февраля 1854 г. на международном собрании в память февральской революции, он говорил, характеризуя Россию: «Там вы встретите два зародыша движения: один сверху, другой снизу. Один преимущественно отрицающий, разлагающий, разъедающий — рассыпается в малых кружках, но готов составить большой деятельный заговор. Другой — более положительный, хранящий в себе почки будущего образования, находится в состоянии дремоты и бездействия. Я говорю о молодом дворянстве и о сельской общине, которая представляет основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало
39 славянского государства»** [31]. Так как, по теории | Герцена, русская община могла перейти в социалистическую форму общежития лишь под влиянием приобретений западноевропейской революционной мысли, носителем которых должно было явиться у нас «молодое дворянство», то выходило, что в зависимость от доброй воли этого последнего ставилась вся судьба русского социализма. Как ни плохо усвоена была идея классовой борьбы тогдашними западноевропейскими революционерами, несомненно однако, что опыт истории и тогда уже не позволял им рассчитывать ни на старое, ни на молодое дворянство. На международном лондонском собрании 27 февраля 1854 года едва ли было много таких людей, которым ход мыслей Герцена показался ясным и убедительным. На этот счет нас не должны вводить в заблуждение известные нам теперь многочисленные сочувственные письма корифеев западноевропейской демократии к Герцену. Сочувствие
40 совсем не доказывало | понимания. Западноевропейская демократия не могла не сочувствовать русскому человеку, который говорил против официальной николаевской России, исполнявшей тогда роль европейского жандарма. Не могла она не сочувствовать и личности Герцена, когда ей представлялась возможность ознакомиться с этой обаятельной личностью. Но когда Герцен начинал противопоставлять перед нею Россию «старому миру» и утверждать, что наше «молодое дворянство» явится демиургом русского социализма, то она могла рукоплескать ему только из учтивости. Понимание было здесь совершенно невозможно; Герцен сам не раз признавал это. Но надо иметь в виду еще и вот что. Представителям западноевропейской демократии тем труднее было стать на точку зрения Герцена, чем ясней были их

* Стр. 37 не сохранилась.— *Ред.*

** В другом месте он, рисуя положение дел в России, говорит, что работа революционной мысли совершалась у нас не в правительстве и не в народе, а в мелком и среднем дворянстве («Du développement des idées révolutionnaires en Russie», par. A. Iskander, Paris, 1851, p. 84 [«О развитии революционных идей в России», Париж, 1851, стр. 84]). Цитируемое здесь сочинение Герцена посвящено à notre ami Michel Bakounine [нашему другу Михаилу Бакунину].— *Прим. Г. В. Плеханова.*

собственные взгляды на социализм. Вот почему точка зрения эта вызвала много похвал со стороны Мишлэ [32] и не мало насмешек со сто[роны Маркса][33]...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Настоящая цитата, как и все приведенные выше, взята Плехановым из предисловия Герцена к «Письмам из Франции и Италии», переизданным им в 1858 г. Под предисловием стоит дата: 1 февраля 1858 г. (Соч., т. V, 1915, стр. 109—110).

[2] Письмо первое — Соч., т. V, стр. 116.

[3] Цитата из того же предисловия 1858 г. (см. прим. 1).

[4] Герцен пишет в «Былом и думах»:

«Новый мир толкался в дверь; наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном» (Соч., т. XII, стр. 152).

[5] *Гакстгаузен*, Август (1792—1866) — немецкий барон, исследователь аграрного вопроса в России перед отменой крепостного права. Главный труд его «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России», изданный по-немецки за границей в 1847 г., приписывает особую роль деревенской общине, считая, что она может предотвратить образование пролетариата. Труд Гакстгаузена имел большое влияние на развитие народнической мысли в России.

[6] Собр. соч. *Герцена*, т. III, стр. 111.

[7] Соч., т. III, стр. 117.

[8] Соч., т. III, стр. 303.

[9] Обе цитаты из «Дневника» от 21 февраля 1844 г. — Соч., т. III, стр. 311.

[10] *Консидеран*, Виктор (1808—1893) — французский утопический социалист, публицист и политический деятель, последователь и популяризатор Фурье. Приведенная Герценом в «Дневнике» цитата находится в книге Консидерана «Destinée sociale».

[11] «Письма к противнику. Письмо первое» — Соч., т. XVII, стр. 373.

[12] Настоящая цитата, как и предыдущая, взяты из «Писем из Франции и Италии. Письмо пятое» от декабря 1847 (а не 1848) г. — Соч., т. VI, 1917, стр. 7 и 2.

[13] Письма из Avenue Marigny, включающие первые четыре письма Герцена из Франции и Италии от 1/13 мая до 15/3 сентября 1847 г., вошли в т. V изд. Лемке. Остальные восемь писем находятся в т. VI.

[14] Отрывок из этого письма Герцена к Бакунину опубликован в Собр. соч. Герцена — Соч., т. XIX, стр. 384.

[15] *Белинский*, Письма, Спб., 1914, т. III (1843—1848), стр. 338—339.

[16] Запись Герцена в «Дневнике» от 17 мая 1844 г. начинается словами: «Огромное письмо, вроде диссертации, от Белинского...» Дальше, после приведенных в тексте слов Белинского, Герцен пишет: «он страдает и за свои страдания хочет ненавидеть и ругать филистимлян, которые вовсе не виноваты в его страданиях. Филистимляне для него — славянофилы; я сам не согласен с ними, но Белинский не хочет понять истину в fatras [беспорядочной груде] их нелепостей. Он не понимает славянский мир; он смотрит на него с отчаянием и неправ; он не умеет *чаять жизни будущего века*, а это чаяние есть начало возникновения будущего... (Соч., т. III, стр. 327—328).

[17] *Белинский*, Взгляд на русскую литературу в 1847 году — Соч., М., 1884, стр. 433.

[18] Соч., т. III, стр. 97.

[19] «Дилетантизм в науке». — Гл. IV. «Буддизм в науке» — Соч., т. III, стр. 225.

[20] Соч., т. III, стр. 319.

[21] «Письма из Франции и Италии. Письмо третье» — Соч., т. V, стр. 145. Следующая цитата находится там же.

[22] «Парижские тайны» — известный роман французского писателя Эжена Сю (1804—1857), в котором изображен в мрачных картинах быт социальных низов

[23] Соч., т. VI, стр. 65—66.

[24] В дни 24—26 июня 1848 г. парижские рабочие восстали против Временного правительства, созданного буржуазией после февральской революции 1848 г. Это было первое выступление пролетариата против буржуазии, первая, хотя и возникшая стихийно, классовая битва за свержение капитализма. Июньское восстание было жестоко подавлено буржуазным правительством, что вызвало у Герцена глубокое разочарование и пробило брешь в его мировоззрении.

[25] «Концы и начала. Письмо шестое» — Соч., т. XV, стр. 285.

[26] *Калигула* (12—41) — римский император, к концу своего правления, под влиянием душевного заболевания, превратившийся в кровавого деспота. Он бросал выдающихся людей на растерзание диким зверям, бесчестил женщин и выражал сожаление, что у римского народа не одна голова, которую можно было бы отрубить разом.

[27] *Кавеньяк*, Луи Эжен (1802—1857) — французский генерал, министр февральской революции 1848 г., облеченный диктаторскими полномочиями, которые он использовал для беспощадного подавления июньского восстания пролетариата.

[28] «С того берега. III. После грозы» — Соч., т. V, стр. 416—417.

[29] В статье «Известия из Парижа», Кельн, 26 июня, Маркс пишет:

«Столкновения, возникающие из самых условий буржуазного общества, нужно преборотъ, их нельзя изжить фантазерством. Лучшая форма государства — та, в которой общественные противоречия не затушевываются, не сковываются насильственно, следовательно только искусственно, только по видимости. Лучшая форма государства — та, в которой эти противоречия сталкиваются в свободной борьбе и тем самым находят свое разрешение» (*Маркс* и *Энгельс*, т. VI, М.—Л., 1930, стр. 201).

Статья была напечатана в «Neue Rheinische Zeitung» № 29, от 29 июня 1848 г.

[30] «Концы и начала. Письмо первое» — Соч., т. XV, стр. 251—252.

«Gottes feste Burg» — стих из знаменитой песни Лютера «Eine feste Burg ist unser Gott», написанной на мотив 46-го псалма «Бог нам прибежище и сила».

[31] Соч., т. VIII, стр. 145.

[32] *Мишле*, Жюль (1798—1874) — французский историк, выдвигавший «народ» в качестве главного деятеля революции, но не учитывавший классовой диференциации, происходившей среди народа.

[33] Конец дополнен нами на основании опубликованной статьи, где Плеханов говорит, что Маркс очень насмешливо отзывался о феодальном социализме в первом издании первого тома «Капитала» (Соч., т. XXIII, стр. 444).

НАЧАЛО РЕЧИ О ГЕРЦЕНЕ

Настоящая публикация представляет собой два варианта неизвестной лекции о Герцене. От лекции сохранилось всего несколько листков — 3 от первого варианта (5 страниц) и 2 — от второго, исписанные с одной стороны. Рука Плеханова.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

Мне досталась задача оживить в Вашей памяти образ А. И. Герцена. Я не скрою от вас, что очень польщен этим. Но вместе с тем я прошу вас принять в соображение, что очень трудно решить эту лестную задачу. Г[ерце]н жил не долго: он родился в 1812 г., а в январе 1870 г. он уже скончался. Это не много, по крайней мере с западноевропейской точки зрения. Но когда окидываешь взором его недолгую жизнь, невольно вспоминаешь прекрасное двустишие Людвига Фейербаха:

Kurz ist das Leben fürwahr: doch kurz das Distichon kurz ist,
Welches ew'gen Gehalt birgt in die flüchtige Form,

т. е. коротка жизнь, но коротка, как коротко двустишие, заключаю-

щее в себе вечное содержание. Только к таким людям, как Герцен, и применима эта мысль Фейербаха.

Между присутствующими в этой зале есть, конечно, люди весьма различных взглядов. Но, несмотря на различие своих взглядов, все они признают, надеюсь, что Г[ерце]ну принадлежит одно из самых видных мест в истории русской общественной мысли и что, поэтому, им будут интересоваться до тех пор, пока не исчезнет интерес к русской общественной мысли. Он в самом деле вложил в двустишие своей жизни чрезвычайно богатое содержание. Главные, основные черты его воззрений сложились в такую эпоху, когда передовые русские люди весьма усердно занимались вопросами теории и притом не в одной какой-нибудь отрасли знаний, а в самых разнообразных. Своей разносторонностью образованные русские... *словами: гуманность, гуманно и т. п. И я очень хорошо понимаю, что вообще лучше избегать таких неопределенных выражений. Но в данном случае позволительно сделать исключение из общего правила, конечно, совсем не потому, чтобы мы имели дело с писателем, миросозерцание которого страдало бы неопределенностью: напротив, миросозерцание Г[ерце]на было, по-своему, весьма определенным, а потому, что...

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

А. И. ГЕРЦЕН

В истории рус[ской] общ[ественной] мысли А. И. Герц[ен] занимает одно из самых первых мест. А это значит, что того короткого времени, которое находится в моем распоряжении, слишком недостаточно для всестороннего освещения его историч[еской] роли. Я *вынужден* остановиться лишь на некоторых сторонах его, как франц[узы] говорят, oeuvre. А так как он прежде всего писатель и так как поэтому его oeuvre сводится к выработке, распространению и защите известных *взглядов*, то перед нами естественно встает вопрос, какая сторона взглядов А. И. Герцена должна привлечь к себе наше внимание сегодня вечером?

Мне кажется, что всего полезнее будет обратиться к той, которая теснее всего примыкает к «проклятым вопросам» нашей эпохи. Услышав...

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ К СТАТЬЯМ О ГЕРЦЕНЕ

РАЗБОР СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА

ЗАМЕЧАНИЯ НА «ДНЕВНИК» (стр. 1—276) И СТАТЬЮ «ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ» (стр. 279—383).

(Соч., т. I, Женева, 1875; Соч., т. III, Спб., 1919).

Первая часть замечаний написана на 5 вырванных тетрадочных листах, рукой Плеханова, карандашом, частью с одной, частью с двух сторон. Вторая часть находится в тетради, где занимает около 3 страниц, написанных почти сплошь чернилами, также рукой Плеханова.

Герцен. «*Дневник*», стр. 38—39. Замечание о Гегеле очень справедливо [1]. Что Г[еге]ль не смел себе признаться во всех следствиях своих начал, показывает то место в его Phil[osophie] d[er] Geschichte, где он говорит о разнице между французами и немцами; тут точно человек сам себя утешает [2]. С другой стороны, см. превосходное место в G[eschichte] der Phil[osophie] насчет крота — всемирного духа: тут человек говорит себе и другим: дело революции вовсе не проигранное дело [3]. А с этим ср. предисловие к Phil[osophie] d[es] Rechts [4]. Сюда же надо взять и Манфреда и выписки из Мад[ам] Сталь [5].

55. Белинский — фанатик, человек экстремы *.

58—59. Замеч[ательный] разговор Герцена с гр[афом] Строг[ановым]: «*истина их не для нас*» [6]. Герцен согласен с этим.

65—66. Интересно мнение Хомякова о случайности [7].

75. *Чрезвычайно важное место:* что утешало Герцена и его единомышленников [8].

80. Взять Мицкевича: Pomnik Piotra Wielkiego **[9].

98. Вывод и результат герценовской эмансипации. *Это место надо* целиком взять в статью [10].

130. И как подумаешь, [что едва 75 лет прошло, как Европа спала в унижении, едва пробуждаемая благовестом водворителей нового мира, и взглянешь на современное ее состояние, далекое от достижения, но тем не менее развитое потребностью, невольно благоговейный трепет уважения к человечеству обнимает душу. Велика французская революция...] ***. Абстрактный характер утешения.

164. Герцен согласен с славянофилами. Неудивительно, что Бел[инский] уже тогда возмущался им.

173. *Образец высшего развития славянс[кой] общины — черногорцы.*

174. «Петербург — Вавилон, [может необходимый некогда, полезный даже теперь, но у которого нет никакой будущности»] ****.

174. Философия истории Г[ерце]на совершенно идеалистическая.

176. Логика Герцена.

179. Надежда — добродетель.

183. Ум Герцена.

193. Герцену нравится в гегелевой философии природы — *освобождение от абстрактных сил.* Этого освобождения нет у Герцена в том, что касается России.

196. Герц[ен] чувствовал, как «противоположное воззрение при неосторожн[ости] переход[ит] в петербургский взгляд». Это важно [11].

200. Замечательное место о Белинском. Он «чаять» не может [12].

208—209. До июля 1844 г. Герцен в св[оем] Дневнике всюду высказывается идеалистич[ески]. Только в этом месяце этого года он говорит с похвалой о *материалистич[еской]* статье Иордана [13].

---

* Здесь пропуск в рукописи. — *Ред.*

*— крайностей, от слова extrême.— *Ред.*

** Памятник Петра Великого.— *Ред.*

*** В тексте сказано: «И как подумаешь и т. д.» — *Ред.*

**** В тексте сказано: «Петербург — Вавилон и т. д.» — *Ред.*

286. Субъективный метод.
376. Ответ на жалобы Бел[инского] по пов[оду] «Всеобщего» [14].
377. Идеалистич[еская] Naturphilosophie *.
Т. I, об указе (11) [15].
17. Одиночество в кругу зверей [16] (Июнь 1842, Дневник. Новгород).
18. — (*К речи*) Обращение к русскому *народу*. — *О народе*: *замечательно* [17].
Ср. 18 [и] 21 — среда.
26. — характер.
35. — Отчаяние (среда).
38. — Naturgewalt **.
98. — Мы вне народных потребностей.
109. — Народ.
111—112. — Idem.
130. — Благородный оптимизм.
Герц[ен] не против революции, а против классовой борьбы. Он боится «*режима террора*» (Соч., I, 120). Весь франц[узский] утопич[еский] социализм боялся этого режима. См. Фурье [18].
Спиноза о смерти. I, 136—7 [19].
152. I. Г[ерц]ен развивается от *идеализма* перечит[ал]... [20]
175. — Идея, внесенная германцами [21].
175. I. — Он колебл[ется] между славян[офилами] и западн[иками]. 180. — Филос[офия] русской истории. — *Крайне важно*. — Ср. *Белинского*. Он этим не довольствовался [22]. — 187. — Примирение. Характер[истика] социализма. 187, 200. — Бел[инский] «не понимает слово мир». Что это значит?
205. — Консидеран.
213. — Мережковскому [23].
214. — Эволюция жив[отного] мира.
219. — Гольбах [24]. — 220. — Рел[игия] социализма [25].
234—5. О Гегеле — выписать [26].
247. — Прудон и 270—271.
261. — Г[ерце]н и Толстой [27].
264. — Химия Дюма [28]. 269 — Самарин.
276. Характерное преимущество России. №3 (отсутствие предрассудков).
292—301. правильная гносеология [29].
(I) 294—5. — Диференциал.
307. — Диалектика в истории.
I. 360. — Г[ерце]н и Маркс (немецкая болезнь) №3 [30].
I. 363. — Идеалистич[еская] основа философии рус[ской] истории.
I. 364. — Действительное разумно.

* — натурфилософия.— *Ред.*
** — стихийная сила.— *Ред.*

I. 365. — «Личность». Идеализм Г[ерце]на; 369. — Действительное разумно.
Тепер[ешние] общ[ественные] отношения не действительны. Отчего? Манчестер и Бирмингам [31]. I, 373.
380. — Лавризм. Оч[ень] важно [32].
382—3. — Историч[еский] идеализм.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ

(Соч., т. II, Женева, 1876; Соч., т. IV, Спб., 1919)

Замечания написаны Плехановым частью чернилами в тетради, где они занимают две страницы, частью карандашом на трех вырванных тетрадочных листах.

Т. II. *Письма об изучении природы.*
Ст. 61. Отнести к Милюкову, что говорится здесь о цеховых ученых [33].
72. Гегель поставил мышление на той высоте, что нет возможности итти вперед, оставаясь идеалистом. №3. Следует ли отсюда, что Г[ерцен] сделался *материалистом*?
77. Оправдание Бородинской годовщины Бел[инского].
81. Все в мире стройно, согласно, целесообразно — одна мысль наша сама по себе, какая-то блуждающая комета, ни к чему не отнесенная, болезнь мозга! Это кажется нелепым предположением Герцену. Это же смущало и Бел[инского]. Отсюда 2 выхода: или найти оправдание для своей мысли в развитии, или объявить ее призраком, случайностью, что скромнее и разумнее, чем объявить случайностью внешнее бытие.
91. См. там, *как* Г[ерце]н понимал «*материализм в истории*» [34].
Субъективистам. Есть люди, которые рады, что во вселенной такой же беспорядок, как в их голове.
227. Хотя Г[ерцен] и называет идеализм протестантской схоластикой, но в своих «Письмах об изучении природы» он еще совсем идеалист.
228. Приведена нужная мне цитата из Гегеля, объясняющая, почему германский мир далек от действия [35].
253—4. О Бэконе. Это навод[ит] на мысль о субъективистах. У них нет *уважения* к предмету. Это социология Кукшиной и Ситникова [36].
276. Г[ерцен] много говорит о диалектике, но его диалектика — чисто идеалистич[еская] диалектика.
292. Г[ерцен] говорит: в мат[ериализме] далее Гоббса итти некуда.

II, 40 — Верный упрек естествоиспытателям. Ср. Оствальда энергетику [37]. — Ср. 57—8.
60, II, к Иордану.
66, II. — К Шеллингу и 68. Но, кажется, тут речь идет о схоластической форме Шел[линга] см. стр. 66 (№3). Это доказывается стр. 69 №3 [38]. Ср., к Гегелю 71. II. *К философии истории — что значит* отвлеченная разумность истории (*логика*). Это — *законосообразность*. *Где*

искать ее? Вне идей. Сознание этого есть у Гельвеция, как я показал это в моих Beiträge [39]. — Ср. также о необходимости предмета. Г[ерце]н этого не делает. — Слабая его сторона. Но более или менее ясно сознает необходимость. Отношение его к утопич[ескому] социализму (новая глава).

II, 96. — Философия истории — 97, I.

180. Неоплатонизм и социализм *. Замечательно: великое слово Гегеля der Widerspruch ist das Fortleitende **. Это не примирение. Ср. Philosophie der Geschichte ***. Но слова соц[иалистов] остаются отвлеченными [40]. 189. — Логика у Гегеля, поскольку она прикладная, предоставляет снятие «нелепости» борьбе антагонистич[еских] элементов (NB) *ср. 113, I.*

230. *О феодализме* — из Консидерана — ср. *«Дневник»*.

291. Юм у Г[ерце]на = reductio ad absurdum матер[иализма], а он возвращ[ается] к идеализму, реакции [41].

159. — Замечание о методе Гегеля. Но и здесь он имеет в виду *младо-гегельянцев*. Метод становится отвлеченным. — Оттого Прудона хвалит Г[ерце]н.

180. — Чрезвычайно важное замеч[ание] о соц[иализме] [42].

257. — *К материализму*, 257 (уничтожение всего невещественного).

263. — *О Гоббсе* — ничего божественного. — Божественное противопоставляется у него необходимому (ср. о Платоне).

Когда Г[ерцен] жалуется: мы *вне* нар[одных] потребностей, 98, он, сам не сознавая, оправдывает стр[емление] Бел[инского] развить идею отрицания или же отвергнуть ее. Историч[еский] идеал[изм] Г[ерце]на непоследовател[ен]. Ср. I, 123. — Значит, дело не в идеях, а во внутр[енней] логике событий, их закономерности. Значит, надо ее открыть.

ЗАМЕЧАНИЯ НА СТАТЬИ «С ТОГО БЕРЕГА» (стр. 1—172), «СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ» (стр. 249—296), «ЮРЬЕВ ДЕНЬ! ЮРЬЕВ ДЕНЬ!» (стр. 301—309) И ДР.

(Соч., т. V, Женева, 1878; Соч., т. V, VII, VIII, Спб., 1915—1917)

Замечания написаны Плехановым частью в тетради, где они занимают 3 листа, исписанные с двух сторон, частью на листках, вырванных из блокнота, в числе 10, исписанных с одной стороны. Все замечания написаны карандашом.

Том V

С ТОГО БЕРЕГА

46—47. — Впечатления 1848 года.

63—64. — Мещанство = мелкая буржуазия. Тут эволюция, чего не заметил бессословный и внеклассовый Иванов [43].

* Статья помечена июнем 1845, I, 156.— Бесполез[ность] усилий социалистов.— *Прим. Г. В. Плеханова.*

** — противоречие ведет вперед.— *Ред.*

*** — Философию истории.— *Ред.*

67. — *Что такое буржуазия.* И вот что такое мещанский социализм у *Герцена* [44].

93. — *Интеллигенция* — сознанн[ая] мысль своего времени. Ср. Маркса. Mit der Grundlichkeit der и т. д. [45]

94. — Народ Каспар Гаузер [46].

96. — *Народ.*

111. — *Интеллигенция* это — стр. 113 — летающие рыбы.

114. — *Мещанство.*

116. — Ошибка *Г[ерце]на.*

118. — Герценовский д[окто]р *натуралист.*

120. — Истина принадлежит *меньшинству.*

130. — *Современный человек.*

131. — *Мещанство социализма.*

144. — *Психология революции*, т. е. и *психология социализма* [47].

145. — Вот характеристика мещанства. *Это исключительная эпоха.*

157. — Отношение между лицом и обществом *меняется.*

Письма к В. Линтону (V) [48].

265. — Видно, что переворот, по его [мнению], должны сделать высшие классы. Ср. 255, а эту стр. ср. с Манифестом [49]. Idem — *266.*

280. — Опять дворянство в роли *передового класса.*

283. — *Утопич[еская] постановка проблемы.*

292. — *Казаки.*

294. — *Внутренние виды истории* [50]. — Он не осмеивал это в *«С того берега»*.

299. — *Замечательное обращение к славянофилам* [51].

Id[em]. — *Самохарактеристика* [52].

300. — *Самохарактеристика. С этого начать.*

301. — К кому обращается 1-е вольное слово Герцена? К дворянам.

304. — *И Петрашевцы — дворянство* [53].

307. — *Уроки истории — уроки дворянству.*

308. — *Опять социализм.*

314. — Liberum veto * — тоже славянский принцип.

329. — *Историческое развитие России и Запада.*

330. — *Россия, пролетариат и «старый мир».*

340. — *Молодое дворянство и сельская община.*

340. — «Императорство никогда не сделается ручным». Зачем же письма к Александру II?

344. — *В речи к запад[ным] революционерам вероятность восстания в России.*

345. — Утопическая форм[ула].

ЗАМЕЧАНИЯ К «БЫЛОМУ И ДУМАМ», ч. VII (стр. 1—65), К СТАТЬЯМ «КОНЦЫ И НАЧАЛА» (стр. 191—280) И ДР.

(Соч., т. X, Женева, 1879; Соч., т. XV, Спб., 1920)

Замечания написаны Плехановым на 16 листках, вырванных из блокнота, карандашом. Вторая часть замечаний находится в конце тетради, где занимает

* Свободное вето.— *Ред.*

6 страниц, написанных рукой Плеханова частью чернилами, частью карандашом. Последние несколько замечаний написаны в той тетради, где находятся опубликованные выше замечания на пятый том.

Герцен, X, 51. — Сомневаюсь в будущности латинских народов. 52. — «Народы под паром».

54. — Карлейль о Франции [54].

59. — Разум и свобода (ср. Энгельса) [55]. — 60. — *Политическое* влияние Прудона (Италия). — 62. — *Испуганная Франция.*

62. — Классовая борьба [56]. — 63. — Предсказание Прусской гегемонии. 95. — Прежде он верил в «разум», теперь *не верит — и только.*

96. — Науч[ный] социализм.

98. — Его исповедь.

100. — Пожары и пустыри.

101. — «Марксиды».

175. — О Каразине [57]: как он мог ждать прогресса от царя? — 187. — О борьбе классов в России.

Программа для России.

190. — Полунаучный социализм.

191. — Собственная характеристика Герцена.

203. — Пролетариат.

205. — Пролетариат.

208. — Idem.

209. — Классы.

213. — «Развитие дало в сторону».

214. — Паюсная икра [58].

215. — Социализм — боль.

216. — Ортопедическая возможность исправлять.

218. — Самохарактеристика.

Id[em]. — Сравнить непременно с его повестью [59].

225. — Idem.

236. — Утопич[еская] антиномия.

239. — Материалисты шутки.

245. — Линянье западного мира.

245. — «Положение между 2 шкур».

247. — Утопический посев. Ср. Маркса о Р. Оуэне [60].

249. — Ответ Чернышевскому [61].

251. — Доисторич[еский] сон пролетариата. 253. — Пролетар[иат] и интеллигенция.

255. — Итоги 1848 г.

256. — Незнакомый бог Герцена [62].

260. — Двери, которые некому отпереть (Пролетариат). — 260. — Мещанство — окончательная форма [63].

262. — Кто же говорит о социализме. — 268. Пролетарии — Лацарони индустрии.

269. — Характеристика фр[анцузской] буржуазии. — Герцен ошибся, приписыв[ая] ей *воинственность.*

275. — Брага славянофильская.

Idem. — Ответ Чернышевскому? [64]

276. — Резюмэ и закон общественного развития.

Отметить [65].

278. — Россия, вероятно, пройдет и мещанской полосой. Это уж совсем странно.

279. — Тут его противоречие. «Зачем же?» «Разумно ли?» [66]

280. — Да кто же «знает» то? [67]

282. — Славянофилы.

285—6. — Положение Европы. — Надежда на отсутствие классовой борьбы.

288. — Закон расширения России.

292. — Разгадка герценовой пропаганды [68].

296. — Славянофилы.

300. — Петр и трещина России.

306. — О мнимой свободе русского человека.

ГЕРЦЕН, X

208. — Последнее выражение в звуках (его) эпохи — Верди [69].

208. — Стоглавая гидра мещанства.

208. — Очень характерно. Он боится классовой розни.

213. — Что-то *не туда идет* (его курсив)... развитие *дало в сторону* [70].

215. — Цивилизация, последовательно развивавшаяся на безземельном пролетариате.

216. — Ясно, что кормчий этого мира будет купец... Против него равно будет несостоятельна нелепость родовой аристократии и несчастье родового пролетариата. (Заметить: *родовой* пролетариат.)

223. — Утопизм.

227—8. — Ревизионизм [71].

230. — Видит только *концы.*

233. — Люди 30-х годов не скучали в Европе и много надеялись — кто на Одиллон Барро, кто на Кобдена. А он уж ни на кого [72].

236. — Великолепно указаны причины утопизма [73]. А сам был утопист для России.

245. — Эпоха линяния на Западе.

248. — Застой Запада.

251. — Пролетариат.

255. — Июньские дни не создавали, а разрушали.

256. — Социалисты — Дон-Кихоты революции.

(Концы и начала писаны в 1862.)

260. — *Мещанство* — окончательная форма западной цивилизации.

262. — Кто же теперь серьезно говорит о социализме?

(Первые семь писем концов и начал писаны в 1862 г.)

277. — Могут быть народы, у которых мещанство — переходное состояние. — *Это Россия.*

280. — *Ошибка Герцена.* Ср. стр. 223 [74].

285. — *Судьба Запада.* Ср. *284.*

289. — *Судьбы России.*

291. — *Порог* Европы.

Сельская община.

292—293. — *(уехал бы в Америку) — больной Запад. Отсюда начать.* Потом почему больной?

293. — *Чего недостает России?* Ср. Маркса о Фейербахе [75].

294. — Когда падет завеса с *их* глаз.

---

62. — *Беда Запада в борьбе классов.*

64—5. — Аристократы — *не* мещане.

79. — *Пролетариат: работники слабо пробовали ассоциации.*

81. — Беда: революция делалась не для крестьян.

92. — Мещанство — внутреннее равнодушие ко всему, кроме материальных выгод.

95. — Светлые точки — это Латинский квартал [76].

95. — Разум и большинство. Ср. Стокмана у Ибсена [77].

98. — Настроение Герцена до революции 1848 года.

ЗАМЕЧАНИЯ К БРОШЮРЕ «DU DÉVELOPPEMENT DES IDÉES RÉVOLUTIONNAIRES EN RUSSIE», Paris, 1851

(Соч., т. VI, Спб., 1919)

Замечания написаны Плехановым на 3 разрозненных листах с двух сторон и продолжаются в тетради, где занимают первые две страницы. Остальная часть тетради занята опубликованными выше замечаниями на V том. Все замечания написаны карандашом.

Герцен. Développement.

33. — *Крестьянин всегда консервативен.*

94. — По Герц[ену] — интеллигенция его времени = дворянская.

96. — Психология дворянства.

98. — *Задача,* которую просмотрел Иванов-Разумник [78].

113. — Лермонтов. В нескольких строках охарактеризован лучше, нежели у *Иванова.* Ср. 114 [79].

120. — *Мой эпиграф* [80].

121. — Опять задача, которой не заметил Иванов.

122. — *Опять задача.*

123. — *Наша интеллигенция.*

Самый *индивидуализм,* это ответ индивидуума (а тогда революционерами были только индивидуумы) на закрепощение всего и всех в Московском государстве.

128. — *Ошибка славянофилов,* по Герцену; это *его* ошибка. Но, указав ее у «славян», у себя ее он не заметил [81].

137. — Вот он, *индивидуализм*!

140. — Замечательное определение социализма [82].

142. — Нац[иональный] характер.

№3 Интеллигенция. Его народ *думает,* но тут аналогия с отношением Бел[инского] к богу (см. 132) [83]. Достигнув известной стадии развития, народ хочет думать *сам.* Тогда реакция против интеллигенции с ее крайностями (напр. синдикализм). Герц[ен] превозносит *роль личности* (143). Но ведь это самоутешение. А главный вопрос все тот же: как отвлечь массу.

146. — *Вот корень герценовского индивидуализма:* «nous sommes tous esclaves» *.

149. — *Непременно. Гоголь и Успенский.* Успенский тоже спускался в рудник и увидел, что «жила» — не мужик-общинник [84].

150. — Тихомиров и Гоголь.

Петр Великий в нас?!

150. — *«Социализм» славянофилов* [85].

---

154. — Вопрос о праве собственности.

155. — Выгода нашего состояния. Нарушение закона. Но без закона нет и сознания своих прав, нет и индивидуализма.

155. — Будто il n'y a rien? ** Вот тут-то и были правы *славянофилы.*

156. — Союз философии с социализмом.

161. — Элементы, вносимые Россией в *историю.*

164. — *Неверие в судьбы Запада.*

175. — Отчего пала община в Германии. Идеализм Герцена [86].

176. — *Образ* вместо *довода,* — в чем он упрекает славянофилов [87].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плеханов имеет здесь в виду то место «Дневника», где Герцен говорит, что даже «величайшие люди останавливались перед очевидными результатами своих принципов» и что Гегель сам отрекся бы от них в том виде, какой «развитие его начал» получило в «юном гегельянизме». Далее Герцен говорит: «Гегель бы отрекся от них; но вот в чем дело, они *вернее* были бы ему, нежели он сам, т. е. ему, мыслителю, отрешенному от его случайной личности, эпохи и пр».

[2] Параллель между французами и немцами Гегель проводит в третьем отделе четвертой части «Философии истории» — «Германский мир. Новое время» (Соч., т. VIII, М., стр. 284—422).

[3] Место из «Лекций по истории философии» Гегеля, которое имеет здесь в виду Плеханов, следующее:

«Каждая ступень имеет в истинной системе философии свою собственную форму; ничто не утеряно, все принципы сохранены, так как последняя философия представляет собой целостность форм. Эта конкретная идея есть результат стараний

---

* — мы все рабы.— *Ред.*

** — нет ничего.— *Ред.*

духа в продолжение своей серьезнейшей, почти двадцатипятивековой работы стать для самого себя объективным, познать себя... То, что мы в нашей памяти обозреваем быстро, протекает в действительности, растягиваясь на такой длинный промежуток времени». Но мировой дух никогда не стоит на месте. «Часто кажется, что он забыл и потерял себя; но внутренно противоположный самому себе, он есть внутренняя беспрерывная работа. О нем можно сказать так, как Гамлет говорит о духе своего отца: «Хорошо работаешь, честный крот» (Соч., т. XI, М.—Лг., 1935, стр. 513—514).

[4] Приводим цитату из предисловия Гегеля к его «Философии права»:

«Сделаем еще одно замечание относительно поучения, каким мир должен быть; философия всегда приходит для такого поучения слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь тогда, когда действительность закончила свой процесс образования и завершила себя... Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела, и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Соч., т. VII, М.—Лг., 1934, стр. 17—18).

Плеханов возражает против этих положений Гегеля в своей статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля». Соглашаясь с тем, что «философия не может оживить одряхлевший, отживший общественный порядок», Плеханов спрашивает Гегеля: «что же, однако, мешает ей указать нам — разумеется лишь в общих чертах — характер нового общественного порядка, идущего на смену старому» (Соч., т. VII, стр. 46).

[5] Плеханов, вероятно, имеет здесь в виду цитаты, приводимые им в статье «Белинский и разумная действительность». Он говорит там о падении веры в разум во Франции после революции и эпохи террора.

«Г-жа Сталь, — пишет Плеханов, — ... говорит, что большинство, испуганное страшным ходом событий, потеряло всякое стремление к самосовершенствованию, и, «пораженное могуществом случайности, перестало верить в силу человеческих способностей».

Это разочарование в силе разума, далеко не ограничивавшееся пределами Франции, нашло своего выразителя между прочим в Байроне» (Соч., т. X, стр. 205).

Дальше Плеханов приводит цитату из «Манфреда», которую мы даем в русском переводе:

«... когда б
Я философию из всех сует
Не почитал пустейшей суетою,
И из всего школярного наречья
Бессмысленнейшим словом...»
(*Байрон*, Манфред. Пер. Е. Зарина, Спб., 1901).

[6] Смысл приведенной фразы графа С. Г. Строганова в том, что западная истина не для нас, славян. «Мы не на той степени развития, зачем нам забегать?»

[7] Герцен приводит рассуждения славянофила А. С. Хомякова (1804—1860) о случайности, резюмируемые им в следующей, подчеркнутой Плехановым, фразе: «Случайность существенна факту, а мыслью принята за несущественное».

[8] Плеханов имеет в виду следующие слова Герцена:

«Мы все глубже и глубже погрязаем в какое-то дикое состояние высшего деспотизма и бесправия. Утешает одно — все это зиждется на одной материальной силе, нравственной, исторической основы никакой».

[9] Герцен говорит на стр. 79—80 о польском революционном поэте Адаме Мицкевиче, который сравнивает в одном стихотворении памятник Петра с конной статуей Марка Аврелия в Риме. «Тут лошадь несет, — говорит Герцен, — она стала на дыбы на краю пропасти и остановилась, как замерзнувшая каскада, еще шаг — и ездок разбился бы вдребезги. Взойдет солнце свободы, подует ветер западный, и растает каскада».

[10] Приводим место на 98 стр., процитированное Плехановым в статьях «Философские взгляды А. И. Герцена» и «А. И. Герцен и крепостное право» (Соч., т. XXIII, стр. 298 и 393);

«Наше состояние безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указывает, что мы вне народных потребностей и наше дело отчаянное страдание». В книге против этого места Плеханов написал: «Ср. Белинского».

Такое сравнение находим в статье Плеханова «В. Г. Белинский», где, приведя слова Белинского «Действительность разбудила нас и открыла нам глаза, но для чего?.. Лучше бы она закрыла нам их навсегда и т. д.», Плеханов говорит, что это настроение Белинского разделялось многими его современниками и среди них особенно остро Герценом (Соч., т. X, стр. 341).

[11] Эта фраза у Герцена относится к славянофилам, «противоположное воззрение» — западничество.

[12] На стр. 200 Герцен пишет о Белинском:

«Он не понимает славянский мир; он смотрит на него с отчаянием и неправ, он не умеет *чаять жизни будущего века*, а это чаяние есть начало возникновения будущего...»

[13] *Иордан*, Вильгельм (1819—1904) — немецкий писатель и общественный деятель.

Запись Герцена в «Дневнике» относится к статье Иордана, помещенной в трехмесячнике Виганда, об отношении всеобщей науки и философии. В этой записи Герцен говорит определенно: «Дух, мысль — результаты материи и истории».

[14] Вероятно, Плеханов имеет здесь в виду жалобы Белинского на «абстрактный героизм», в который его бросило чтение драм Шиллера.

Ответ Герцена, хотя и не имеющий в виду Белинского, заключается в следующих словах:

«Мутные индивидуальности... туманом поднимаются в сферу всеобщего и просветленные солнцем идеи разрешаются в бесконечной лазури всеобщего; но они не уничтожаются в ней; приняв в себя всеобщее, они низвергаются благодатным дождем, чистыми кристальными каплями на прежнюю землю».

[15] Имеется в виду изданный Николаем I в 1842 г. указ об обязанных крестьянах, дававший помещикам возможность, сохраняя право вотчинной собственности на землю, заключать с получающими при том личную свободу крестьянами договоры об определении размера повинностей за землю, предоставленную им в пользование. Герцен говорит об этом указе:

«Замечателен циркуляр министра внутренних дел, объявляющий, что в этом указе (который давно был ожидаем) ничего нового нет, что он относится к желающим и чтоб не смели *подразумевать* иной смысл, *мнимое* освобождение крестьян etc. etc...»

[16] Эту фразу Герцена: «Мне одиночество в кругу зверей вредно» Плеханов цитирует в статьях о нем. Герцен поясняет ее так: «Моя натура по превосходству социабельная. Я назначен собственно для трибуны, для форума...»

[17] На стр. 18 Герцен говорит о том, что народ, для которого благородный человек готов бог знает что сделать, молчит и не доверяет, нисколько не доверяет «благородным людям».

Эта характеристика народа Герценом относится к 1842 году.

[18] В одном из ранних своих произведений Фурье говорит (в переводе):

«Во имя разума пережили люди все убийства, память о которых завещала нам история, — во имя сладостного равенства, во имя нежного братства».

Эта цитата приведена Плехановым в примечании к статье «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность», опубликованной на польском языке и напечатанной посмертно в «Литературном наследии Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 31. Плеханов имеет в виду колебания Герцена в сторону либерализма, сильно сказавшиеся в его взглядах до отъезда за границу. В лекции «Толстой и Герцен» Плеханов приводит ряд более поздних высказываний Герцена, в которых признается необходимость борьбы угнетенных против угнетателей, и ниже, в заметках, мысль Герцена о том, что без кровавой борьбы невозможно падение «мещанства и обновление старого государственного строя».

[19] Герцен приводит следующую мысль Спинозы о смерти (даем ее в переводе с латинского): «Свободный человек менее всего думает о смерти, и мудрость его основана на размышлениях о жизни, а не о смерти».

[20] Начатая в скобках фраза: «Перечитал введение в гегелеву философию истории».

[21] У Герцена: «Личность — вот идея, которую он [германец] вносит в мир».

[22] Плеханов имеет в виду следующее место на стр. 180:

«Бесхарактерность высших классов у нас до того велика, что они, как дворня, принимают весь характер царствующего лица. Патология и характеристика Екатерины, Павла и Александра — единственный ключ к пониманию русской истории нового времени».

Разбору взглядов Белинского на философию истории вообще и русской истории в частности Плеханов посвятил много страниц в своих статьях о Белинском (Соч., тт. X и XXIII). Так, в статье «В. Г. Белинский» (1898 г.) он указывает, что Белинский стремился связать «свое отрицание с существовавшим в тогдашней России соотношением общественных сил», что даже придавая исключительное значение роли личности в истории и говоря, что «для России теперь нужен новый Петр Великий», Белинский полагал, что и сам Петр Великий «должен был бы в своей деятельности подчиниться требованиям и законам прежде всего экономической необходимости» (Соч., т. X, стр. 347).

[23] На стр. 213 отчеркнута фраза из § 92 первой части «Энциклопедии» Гегеля: «Wer gegen das Endliche zu ekel ist, der kommt zu gar keiner Wirklichkeit, sondern er verbleibt in Abstrakten und verglimmt in sich selbst». («Кто слишком брезгливо относится к конечному, никогда не узнает действительности, а останется в области абстрактного и истлеет в самом себе».)

[24] На стр. 219 отчеркнуто следующее место:

«Пишут, что в Германии заметили астрономы пятно на диске солнечном... Кто поручится за то, что какая-нибудь перемена в солнце вызовет катаклизм во всю поверхность земного шара...».

Аналогичные мысли Гольбаха Плеханов цитирует в своих «Очерках по истории материализма»:

«Быть может [— говорит Гольбах —] земной шар есть масса, когда-либо оторвавшаяся от какого-либо небесного тела; может быть, он представляет результат пятен и шлаков, наблюдаемых астрономами на солнечном диске; эти шлаки могли оттуда рассеяться по нашей планетной системе» (Соч., т. VIII, стр. 37).

[25] Приводим место, отчеркнутое на стр. 220, которое имел в виду Плеханов:

«Пора же, наконец, опомниться людям, пора явиться религии, которая на хоругви своей поставит уничтожение беззаконной привилегии меньшинства».

[26] Выписываем место, отчеркнутое и заключенное Плехановым в скобки:

«Нет ничего смешного, что до сих пор немцы, а за ними и всякая всячина, считают Гегеля сухим логиком, костяным диалектиком вроде Вольфа, в то время как каждое из его сочинений проникнуто мощной поэзией, в то время как он, увлекаемый (часто против воли) своим гением, облекает спекулятивнейшие мысли в образы поразительности, меткости удивительной...»

Эта цитата приведена Плехановым в статье «Философские взгляды А. И. Герцена» (Соч., т. XXIII, стр. 355).

[27] На стр. 261 Герцен говорит: «Наказание — современная нелепость, казни — это абсолютные преступления...» Против этого места на полях Плеханов написал: «Ср. Толстого». Сравнение взглядов Герцена и Толстого на суды и наказания дано Плехановым в печатаемой выше лекции «Толстой и Герцен».

[28] Герцен говорит на указанной странице о книге французского химика Ж. Б. Дюма (1800—1884).

[29] Герцен говорит на стр. 293: «...предметное существование внутреннего есть именно внешнее; внутреннее, не имеющее внешнего, просто — безразличное ничто».

[30] Плеханов, очевидно, имеет в виду слова Герцена: «Деяние есть живое единство теории и практики», которые можно сопоставить с тезисами Маркса о Фейербахе.

Под «немецкой болезнью» здесь подразумевается чрезмерная отвлеченность германского мышления, которую отмечал Герцен.

[31] В главе «Буддизм в науке» (статьи «Дилетантизм в науке») Герцен едко насмехается над формалистами, для которых все «объяснено», «сознано» и «человечество достигло *абсолютной* формы бытия». «Фактами их не смутишь, — говорит Герцен, — они пренебрегают ими. Спросите их, отчего при этой абсолютной форме бытия в Манчестере и Бирмингаме работники мрут с голоду... Они скажут, что это случайность».

[32] Плеханов имеет в виду следующее место на стр. 380, цитируемое им в статье «Философские взгляды А. И. Герцена»:

«Где начинается сознание, там начинается нравственная свобода; каждая личность одействоряет *по своему* призвание, оставляя печать своей индивидуальности на событиях».

Плеханов называет эти рассуждения Герцена «алгеброй исторического утопизма».

«Измените тут терминологию, — говорит он, — и вы получите главную мысль «Исторических писем» П. Л. Лаврова, который учил, что история делается критически мыслящими личностями, «*по-своему*» перерабатывающими культуру» (Соч., т. XXIII, стр. 385).

[33] Место на стр. 61, которое Плеханов хочет отнести к вождю русских кадетов, ныне белоэмигранту, историку П. Н. Милюкову (род. 1859), следующее:

«Цеховые ученые и философы приобретают известный круг понятий, известную рутину, из которой не могут выйти. Учениками еще принимают они на веру основные начала и никогда не думают более об них...»

[34] На стр. 91 Герцен говорит о людях, не умеющих за видимым многообразием разглядеть видимое единство. «Это атомизм, материализм в истории; с этой точки зрения не одно развитие науки, а вся всемирная история кажется делом личных выдумок и странного сплетения случайностей».

[35] Герцен не цитирует Гегеля, а излагает его объяснение: «в новое время гражданское общество достигло того разумного совершенства, при котором индивидуальностям нечего более заботиться о внешнем. Внутреннее и внешнее, думает он, стоят самобытно и так, что внешний порядок идет сам собой, и человек может, не думая о нем, учредить свой внутренний мир сам собой».

Гегель высказывает эти мысли в «Geschichte der Philosophie», т. III, стр. 276 и 277.

[36] На стр. 253 Герцен говорит: «Метода Бэкона чрезвычайно скромна: она проникнута уважением к предмету, она приступает к нему с тем, чтоб научиться, а не с тем, чтоб вынудить из предмета насильственное оправдание вперед заготовленной мысли».

Кукшина и Ситников — второстепенные персонажи из романа Тургенева «Отцы и дети», представляющие собою как бы кривое зеркало, в котором отражен тип нигилиста, воплощенный Тургеневым в герое романа — Базарове.

[37] «Естествоиспытатели, — говорит Герцен, — никак не хотят разобрать отношение знания к предмету, мышления к бытию, человека к природе».

Энергетика — учение немецкого философа Вильгельма Оствальда (род. 1853), пытавшегося истолковать все явления с точки зрения универсального приложения понятия «энергия». Плеханов считал это миропонимание неудовлетворительным, так как оно «запутывается в неразрешимых и постыдных противоречиях» (Соч., т. XVIII, стр. 319—320).

[38] Герцен пишет на стр. 66:

«Шеллинг... живое свое сочувствие и предведение старался заморить схоластической формулой; он победил в себе идеализм не на деле, а на словах».

Заметка Плеханова на полях:

«Да он и не побеждал его, ср. 68». На стр. 68 Герцен говорит, что Шеллинг «остался идеалистом», на стр. 69, что он «спустился к мистическому сомнамбулизму».

[39] В своих «Очерках по истории материализма» Плеханов показывает, что Гельвеций уже «умел связывать происхождение самых разнообразных и странных законов, обычаев и мнений с реальными потребностями общества». Но это не мешало ему вращаться в порочном кругу: «мнение зависит от интересов, интерес зависит от мнения» (Соч., т. VIII, стр. 114).

[40] На стр. 180 Герцен говорит:

«У неоплатоников — почти как у нынешних мечтателей-социалистов — пробиваются великие слова: примирение, обновление... но они остаются отвлеченными...» (см. об этом в статье Плеханова «Философские взгляды А. И. Герцена» — Соч., т. XXIII, стр. 390—391).

[41] Герцен говорит о Юме, что он «заставил материализм сознаться в невозможности действительного мышления с его односторонней точки зрения».

[42] См. прим. 40. Имеется в виду утопический социализм.

[43] Плеханов имеет в виду Иванова-Разумника, который в своей «Истории общественной мысли» искажает взгляд Герцена на мещанство, говоря, что, по Герцену, оно было «группой внеклассовой и внесословной» (см. статью Плеханова «Идеология мещанина нашего времени» — Соч., т. XIV, стр. 264—265).

[44] На стр. 67 Герцен пишет, что на Западе господство мелкой собственности, а с ним и «мещанства» будет расти и захватит также пролетариат; силы, таящиеся в «мощной груди пролетариата, иссякнут», потому что он попал в исторический тупик, и общественные отношения не дадут выхода его могучим силам.

[45] Повидимому, Плеханов имеет ввиду цитату из предисловия Маркса к «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Даем ее в переводе:

«С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и ведут свою борьбу» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, М., 1933, стр. 7).

[46] Каспар Гаузер (1812—1833) — известный своей таинственной судьбой найденыш, которого до 16—17 лет держали в темной конуре, в полном одиночестве, так что он почти не умел ходить и говорить, когда очутился среди людей. Легенда о Каспаре Гаузере нашла художественное выражение уже в наше время в одноименном романе Вассермана.

Герцен говорит: «откуда возьмем мы силу проклинать, презирать народ, который остался Каспаром Гаузером для того, чтобы мы с вами читали Данте, слушали Бетховена».

[47] См. статью Плеханова «Идеология мещанина нашего времени» — Соч., т. XIV, стр. 278—280.

[48] Письма к В. Линтону, напечатанные по-английски и по-французски в 1854 г., по-русски вышли в 1858 г. под заглавием «Старый мир и Россия».

[49] На стр. 265 и 266 речь идет о социалистическом перевороте. На стр. 265 Герцен пишет:

«Республиканцы и марксисты, деисты и иезуиты, горожане и крестьяне — все это консерваторы. Разве придется исключить одних только работников».

Возможно, что Плеханов имеет здесь в виду первые слова «Коммунистического манифеста»:

«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма. Для священной травли этого призрака соединились все силы старой Европы — папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские».

И дальше: «Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 483 и 493).

[50] Герцен говорит о Николае I, что он «орудие судьбы. Он бессознательно приводит в исполнение внутренние виды истории и скорым шагом, с закрытыми глазами, не видя пропасти, идет на их совершение».

[51] Обращение это находится в воззвании «Братьям на Руси», вышедшем в 1853 г. отдельным листком. В нем Герцен сообщает об открытии вольной русской типографии в Лондоне и предлагает присылать ему рукописи из России. «Приглашение наше, — говорится в этом воззвании, — столь же относится к панславистам, как ко всем свободномыслящим русским. От них мы имеем еще больше права ждать, потому что они исключительно занимаются Русью и славянскими народами» (Соч., т. VI, 1919, стр. 187).

[52] В том же воззвании «Братьям на Руси» (см. предыд. прим.) Герцен говорит о себе: «К тому же я был увлечен: много времени, сердца, жизни и средств принес я на жертву западному делу. Теперь я себя в нем чувствую лишним».

[53] Петрашевцы — кружки петербургской интеллигентной молодежи из мелкопоместного дворянства, группировавшиеся вокруг М. В. Буташевича-Петрашевского, который стоял на позициях утопического социализма Фурье. Петрашевцы в большинстве своем не были настоящими революционерами, так как боялись крестьянских восстаний и возлагали надежды преимущественно на мирную пропаганду среди интеллигенции.

[54] Герцен приводит свой разговор с Томасом Карлейлем о строгостях парижской цензуры. Карлейль сказал ему в этом разговоре: «Заставляя французов молчать, Наполеон сделал им величайшее одолжение, им нечего сказать, а говорить хочется».

[55] Герцен говорит на стр. 59: «...рассчитывать, предвидеть можно только то, что сколько-нибудь покорено разуму».

Взгляд Энгельса на соотношение свободы и необходимости развит в Анти-Дюринге, где он говорит, что свобода от законов природы заключается не в воображаемой независимости от них, а в их познании и основанной на этом знании возможности планомерно использовать законы природы в интересах практической, целесообразной деятельности человека.

[56] На стр. 62 отмечено следующее место:

«Если б в европейской народной жизни была одна цель, одно стремление, та или другая сторона взяла бы давно верх. Но так, как сложилась западная история, она привела к вечной борьбе...»

На обложке X тома имеется заметка Плеханова: «NB. 62. — Замечательное место о борьбе классов. Ср. непременно 209». И ниже слова: «62 — классовая борьба; 209 — крайне, до нельзя важно».

На стр. 209 отмечено:

«Где тот псалом, который могут в наше время с верой и увлечением петь во всех этажах дома от подвала до мансарды, где наша... марсельеза?».

[57] *Каразин*, Василий Назарьевич (1773—1842) — либеральный помещик, сознававший невыгоды крепостничества, сторонник ограничения самодержавия, общественный деятель.

Замечание относится к статье «Император Александр I и В. Н. Каразин».

[58] Герцен говорит на стр. 214:

«Ст[юарт] Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает, с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паюсной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты...»

[59] На стр. 218 и др. Герцен говорит о «Дон-Кихотах революции» и выражает сожаление о том, что этот тип «старца юного душою, окруженного больше и больше мельчающим поколением», не нашел достойного отражения в литературе. Говоря о «повести» Герцена, Плеханов, по всей вероятности, имеет в виду повесть «Кто виноват». В ней в лице Бельтова Герцен изобразил тип «Гамлета от революции», человека нерешительного, способного только на красивые слова, но отступающего при переходе от слов к делу. Плеханов считает противопоставление этих двух типов, которого, повидимому, держался Герцен, неосновательным (см. ниже публикацию: Заметка к речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот»).

[60] На стр. 277 отчеркнуто следующее место:

«Одни части рода человеческого достигли соответствующей формы и победили, так сказать, историю; другие в разгаре деятельности и борьбы творят ее; третьи, как недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всяких семян, для всяких посевов и всем дают неистощенную тучную почву».

На полях Плеханов написал: «Да кто же сеет-то? Ср. Маркса».

Маркс в третьем тезисе о Фейербахе говорит об ошибке материалистов, утверждающих, что люди являются продуктом обстоятельств и воспитания, и забывающих о том, что сами обстоятельства изменяются именно людьми. Этот взгляд «необходимо приводит поэтому к разделению общества на две части, из которых одна стоит *над* обществом (например, у Роберта Оуэна)». Цитата дана в переводе Плеханова (Соч., т. VIII, стр. 358).

[61] Замечание относится к следующему месту:

«Те, которые отрицают внутреннюю необходимость смерти древнего мира Рима и находят, что он убит насильственно, забывают одно, что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежит в понятии живого организма, она вне его, за его пределом...»

Заметка Плеханова означает ответ Чернышевскому на его статьи «О причинах падения Рима», где Чернышевский восстает против распространенного мнения, которого придерживался и Герцен, что Римская империя погибла вследствие своей внутренней неспособности к дальнейшему развитию.

[62] Заметка относится к словам Герцена:

«А за *незнакомого бога*, тайком идущего за стенкой, — умирать нельзя».

[63] Герцен пишет на стр. 260:

«Мещанство — окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие...»

[64] На стр. 275 и следующих Герцен развивает свои мысли о том, что принадлежность России к семье европейских народов еще не означает для нее необходимости пройти тот же путь развития. «Отчего же, — спрашивает он, — не быть и такому народу, для которого мещанство будет переходным, неудовлетворительным состоянием?»

Чернышевский был более последовательным западником, несмотря на то, что тоже придавал значение общинному землевладению, как особенности русского быта, призванной сыграть роль при переходе к социализму. Однако он считал, что главный толчок для такого перехода должен быть дан с Запада.

[65] На стр. 276 отмечено следующее место:

«Общий план развития допускает бесконечное число вариаций непредвидимых, как хобот слона, как горб верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему... Общее происхождение нисколько не обусловливает одинаковость биографий».

[66] Плеханов имеет в виду фразу: «Зачем же наряжаться в блузу, когда есть своя рубашка с косым воротом».

[67] Заметка относится к словам Герцена:

«...почему же народ, самобытно развившийся при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады, и *это, зная очень хорошо, к чему они ведут?*»

[68] Заметка относится, по всей вероятности, к следующему месту:

«Вот почему... я середь... темной ночи, которая падает на усталый, больной Запад, отворачиваюсь от предсмертного стона великого бойца, которого уважаю, но которому помочь нельзя, и с упованием смотрю на родной Восток, внутри радуясь, что я русский».

[69] *Верди*, Джузеппе (1813—1901) — итальянский композитор, отразивший в своей музыке стремления современной ему итальянской буржуазии к национальному объединению и освобождению страны от австрийского владычества.

[70] Речь идет о западной Европе.

[71] На стр. 227—228 Герцен пишет:

«Там, где вид сложился, *история* прекращается, по крайней мере становится скромней, развивается исподволь... в том роде, как и планета наша. Дозревши до известного периода охлаждения, она меняет свою кору понемногу; есть наводнения, нет всемирных потопов; есть землетрясения там-сям, нет общего переворота...»

Плеханов, очевидно, имеет в виду возражения ревизионистов против марксова учения о революционных, скачкообразных переходах от одного общества к другому.

[72] *Барро*, Одиллон (1791—1873) — французский политический деятель, участник революции 1830 г., позднее реакционер.

Кобден, Ричард (1804—1865) — английский политический деятель, идеолог свободной торговли и глава Лиги против хлебных законов, которыми запрещался свободный ввоз хлеба.

[73] На стр. 236 отчеркнуто следующее место из Герцена:

«Да несчастье-то в том, что при нынешнем государственном устройстве могут понимать Гроция и Вателя сто человек, а не сто миллионов. Оттого-то ни лекции, ни проповеди не действуют...»

[74] Замечание относится к выписке, приведенной выше в примечании 61.

На стр. 223 Герцен говорит о «святых» Дон-Кихотах революции, трагедия которых заключалась именно в непонимании современной им жизни и путей ее развития.

[75] На стр. 293 Герцен говорит, что в России все готово для переворота, «недостает одного понимания и отваги со стороны ведущих». И дальше он прибавляет: «Но непонимание, но бледную шаткость, но неуменье воспользоваться обстоятельствами, схватить их в свои руки, имея неограниченную власть, — ни народ, ни история никогда не прощают...» Такой активный и практический подход Герцена к вопросам общественного переустройства, однако не доходивший до понимания роли передового революционного класса в этом переустройстве, Плеханов сопоставляет со взглядами Маркса, развитыми им в тезисах о Фейербахе.

[76] Студенческий квартал в Париже.

[77] Герцен пишет на стр. 95, что «разум спокон века был недоступен или противен большинству». Это высказывание сближает его с доктором Стокманом, героем драмы Ибсена «Враг народа», идеологом мелкобуржуазной интеллигенции, поднимающим бунт против «большинства», которое он отождествляет с «толпой», во имя просвещенного меньшинства, т. е. интеллигенции.

[78] Герцен говорит на стр. 98 о разрыве после 14 декабря между «Россией национальной и Россией европеизованной», и о необходимости восстановить эту связь. Плеханов, в статье «Идеология мещанина нашего времени», пишет, что разрешить эту задачу можно было, только открыв «в объективной русской действительности такие противоречия, дальнейшее развитие которых должно было привести к ее отрицанию. Наш автор [Иванов-Разумник] просмотрел как этот великий вопрос, так и единственно возможный ответ на него» (Соч., т. XIV, стр. 306).

[79] Плеханов имеет в виду следующую характеристику Лермонтова, данную Герценом:

«Лермонтов так привык к отчаянию, к авантюризму, что не только не искал из него выхода, но даже не понимал самой возможности борьбы или примирения. Лермонтов, никогда не зная надежды, не жертвовал собою, потому что перед ним не было ничего, что требовало бы этого самопожертвования. Он не нес с гордостью своей головы к палачу, как Пестель и Рылеев, потому что не мог верить в силу жертвы; он бросился в сторону и погиб из-за пустяков».

[80] Эпиграф Плеханова к статье «Идеология мещанина нашего времени»: «Oh ironie, sainte ironie, viens que je t'adore!», представляющий собой цитату из Прудона, отчеркнут на 120-й странице разбираемой книги Герцена.

[81] Герцен считает ошибкой славянофилов, что они из прошлого брали только хорошую сторону и оставляли в стороне плохую.

[82] На стр. 140 Герцен говорит, что «сознание упадка в нынешнем обществе есть социализм».

[83] На стр. 132 Герцен приводит слова Белинского об «абсолютном разуме»: «Если я мыслю, если я страдаю, — все для меня самого. Ваш абсолютный разум, если он и существует, для меня чужд...»

[84] Герцен приводит цитату из «Москвитянина», в которой говорится, что Гоголь спустился в этот мрачный мир... «подобно рудокопу, нашедшему под землей жилу, которая еще не была начата».

[85] Плеханов имеет в виду следующее место:

«Социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, разве не принят славянофилами так же, как и нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку».

[86] Герцен считает, что германская община пала под влиянием двух идей, находившихся в полном противоречии с коммунальной жизнью: феодализма и римского права.

[87] На стр. 176 Герцен так говорит о русском крестьянине: «Он низко склонил голову, и беда часто проходила над ней, не задевая его».

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ

Печатающиеся ниже заметки относятся, главным образом, к статье «Философские взгляды А. И. Герцена». Вначале помещены заметки, написанные Плехановым на 12 отдельных тетрадочных листках разного формата то чернилами, то карандашом. В заголовке каждого из листков стоят слова: «К плану». Окончание текста в большинстве случаев приписано сбоку или сверху. За ними идут заметки, рассеянные по многочисленным тетрадям Плеханова.

ЗАМЕТКИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

(О СОЦИАЛИЗМЕ)

При историч[еском] идеализме *Г[ерце]на* иначе и нельзя было смотреть. Он задает задачу истории. Ср. Огарева у Анненкова [1].

*

Его разочарование: западная интеллигенция не захотела построить «весь божью». Потом — Гегель — Widerspruch *. Смутное влияние гегелизма: скептицизм. Что значит *доказать* предмет? [2]

Доказать соц[иализм] значило сделать его научным. Г[ерце]н не мог. Его иск[ания]. Его место в истории социализма. Роль этих исканий в истории русской обществ[енной] жизни. Стремление «*доказать*» = стремлению покинуть историч[еский] идеализм. Мы это и видим. Цитаты [3]. Сама самобытная теория Г[ерцен]а есть уступка материализму, но в пределах идеализма. Это все-таки лучше его старого лавризма.

После 1848 г. у Г[ерце]на осталась только вера в Россию. Но как же можно верить в Россию, не веря в Запад, верить в действие, не веря в причину. Славянофилы любили русский народ за то, что он *русский*, как племя; народники за то, что этот народ *работал* и был *угнетен*.

Заслуга Г[ерцена]: он хочет соединить Гегеля с естествознанием, а Самарин с православием, V, LIII, LIV. Напомнить о силах и проч.; также об Энгельсе (сравнить с Г[ерце]ном)[4].

---

1) Белинский понял это, 2) Герцен хуже понимал это, когда писал «Былое и думы». Оттого-то он и ставил *Прудона* на одну доску с Гегелем [5]. Это идеализм. Но в письмах об изуч[ении] прир[оды] у него сквозит другое отношение. Оно дало себя почувствовать в «С того берега».

Бел[инский] не смог «*развить идею отрицания*», ушел в отвлеченный принцип = просветитель, но ушел с головой («фанатик»); у Герцена остался — skepsis **. Не забыть о Тите Левиафанском [6]. Г[ерце]н сближается с естественнонауч[ным] матер[иализмом].

При «*Тите*» объяснить значение «реализма» у Г[ерце]на [7].

Хорошо. Но если это так, то как же быть с Россией? Значит и она?.. Это уж очень тяжело. Тогда все идет насмарку. Оговорка: по крайней мере на Западе. Но рассуждения Г[ерцена] имеют общий характер. И этим «по крайней мере» они противореч[ивы], в них нет места для этого «по крайней мере». Г[ерце]н уступил тоске по идеалу, потому и остался отцом народничества.

Энгельс о том, как Лассаль верил в Präexistenz der Hegelschen Katego[rien] *** [8].

---

* — противоречие.— *Ред.*
** — скептицизм.— *Ред.*
*** — предсуществование гегелевских категорий.— *Ред.*

Многие левые гегельянцы (Бруно Бауэр) остались идеалистами. О Фейербахе (Лейбниц). (Это в примечании) [9]. О том, что фейербахово учение об единстве бытия и мышления, будучи материалистическим по существу, отнюдь не грешит тем недостатком, который навязывается Г[ерценом]... материализму.

Однако в общем у него светлый взгляд на будущее России. Он поддерживается верой в Запад («Дневник», о великой революции: *всего 75 лет прошло после нее*).

Если славяноф[ильское] противопоставление России Западу показалось Герцену убедительным, то правиль[но] инстинкт[ивное] положение Самарина. Но опять идеализм.

Утопизм Герцена. Его ошибки. От него Бакунин.

ЗАМЕТКИ К ВТОРОМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБР. СОЧ. Л. ФЕЙЕРБАХА (Stuttgart, 1904).

В критике Дорфгута (1838 г.) Фейербах говорит см. стр. 132, II, против того, что мышление есть Adjectivum * — совершенно как Г[ерце]н. Герцен же вполне согласился бы с Фейербах[ом]. Стр. 144, II [10]. Ср. также II, 239 с замечанием Герцена о начале, царящем над многоразличием [11]. 244. — завет Фейербаха = завет Герцена, но изложен идеали[стически] [12].

Г[ерце]н отрицает фихтеанство, но признает кантианство, ср. Фейербаха II, *271* [13], ср. 274, *279*. Spin[osism] = Theol[ogischer] Materialismus [14]. 282 (единство бытия и мышления), 287 — феноменоло[гия] — *NB* 322—3. Ответ Герцену об actus purus [15].

ЗАМЕТКИ В ТЕТРАДЯХ

Возражение Ив[анову]-Разум[нику] в истории О[всянико]-Ку[ликовского] о герценовском отношении к фил[ософии] XVIII в. *Герцена возмущает материализм Химика* (Сочинения, VI, 132) **[16].

In der Geschichte, im Leben des Geistes handelt es sich nicht um Resultate, sondern um das Hervorbringen derselben ***. 324 [17] (Нашим народникам, начиная с Герцена) ****.

---

* — предикат.— *Ред.*
** Заметка находится в тетради № 105 (нумерация тетрадей проведена сотрудниками «Дома Плеханова»).— *Ред.*
*** В истории, в духовной жизни имеет значение не результат, а процесс его достижения.— *Ред.*
**** Заметка находится в тетради № 44. — *Ред.*

Заметить мысль *Пьера Леру*: C'est la loi de migration qui a fondé toutes les grandes choses humaines. Ceux qui connaissent l'histoire savent que c'est ainsi que l'humanité s'est toujours régénérée. C'est toujours une civilisation nouvelle qui est venue se placer à une certaine distance de l'ancienne, en apportant à l'humanité une vie nouvelle, une conception nouvelle de la vie, p. 222 *. Цитировано у самого Леру (Aux Etats de Jersey) цитировано также у D. Stern (t. III, p. 134 et suivantes) [18].

Отсюда недалеко до герценовской идеи возрождения мира посредством русской общины **.

ОЧЕНЬ ВАЖНО

Третья книжка «Полярной звезды» на 1857 г... В ней помещена «Еще вариация на старую тему» И[сканде]ра, см. Сочинения, т. X. стр. [285].

Здесь важно рассуждение Г[ерцена] о западной революции и *боязнь* борьбы классов (неразвитость масс... кровавая борьба, 326) [19].

История толкается именно в наши ворота, 333 [20].

Эта «варьяция» подписана: Лондон, 3 февраля 1857 ***.

«Полярная звезда», кн. четвертая (на 1858 г.)

В конце: «от издателей», где сделана большая выписка из предисловия к «Письмам из Франции и Италии».

Очень важно, о массах — стр. 314—315. Ср. т. IV сочинений [21].

Герцен о Мицкевиче и славянофильстве, а также о физических условиях славянской истории (I, 171—172) [22]. Его поражает «страшно нелепый факт, что лишение прав большей части населения шло увеличиваясь от Бориса Годунова до нашего времени». В этом нет ничего нелепого.

Плетью гонят нас к просвещению, плетью наказывают слишком образованных. *Герцен*, т. I, стр. 257 ****.

---

* Все великое в человеческой истории создано законом переселения. Те, кто знаком с историей, знают, что именно таким путем человечество постоянно возрождалось. Всегда на некотором расстоянии от старой цивилизации оказывалась новая, которая несла с собой человечеству новую жизнь, новое понимание жизни. стр. 222. — *Ред.*

** Заметка находится в тетради № 161. — *Ред.*

*** Настоящая заметка, как и следующая, находятся в тетради № 64. — *Ред.*

**** Заметка находится в тетради № 1. — *Ред.*

Ср. Герцена.

Действительно, мы тут имеем дело со своеобразным обществом, для которого даже трудно прибрать название. Зародышами, основным началом этого общества является не город, как у греков и римлян, не дворец или храм, а село. Деревня — вот первоначальный тип славянского общества, род соединения людей, общины, сельскохозяйственного лагеря. 175, III [23].

NB. Ср. Герцена.

Вы видите, что существует какой-то странный инстинкт, какое-то общее движение, в силу которого север привлекает к себе все философские системы. Философы и реформаторы стремятся найти точку опоры в славянских народах. Это предвещает этим народам продолжительную и великую будущность. Греки в эпоху падения также стремились передать свою философскую систему (?! — *Г. П.*) римлянам, потому что они не чувствовали себя уже в силах сами осуществить ее. 284, III *.

Уродливое решение кр[естьянского] вопроса. Объективные следствия этого. Г[ерцен] чует их (он умен и к тому же гегельянец) и указывает в письме из Неаполя [24]. А субъективная логика разрабатывается народничеством.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плеханов хочет провести аналогию между взглядами на историю утопического социалиста Герцена и его друга Огарева. У П. В. Анненкова, в статье «Идеалисты тридцатых годов», приводятся слова Огарева, которые, очевидно, и имел здесь в виду Плеханов:

«Теперь я намекну только на задачу общественной организации: сохранить при высочайшем развитии общественности полную свободу индивидуальную. Да, эта задача для жизни рода человеческого — чем ближе к разрешению, тем ближе к совершенству. Эту задачу пусть разрешает человечество, как скоро сбросит ветхую епанчу свою... Сочетать эгоизм с самопожертвованием — вот в чем дело, вот к чему должно стремиться общественное устройство. Эту задачу я вам выведу исторически...» («П. А. Анненков и его друзья», т. I, Спб., 1892, стр. 45).

Приведенная цитата отчеркнута Плехановым в экземпляре его библиотеки и на полях написано: «Утопическая задача».

[2] В статье Плеханов так отвечает на этот вопрос:

«Если доказать предмет — значит раскрыть его необходимость, то «доказать» социализм — значит понять его как необходимый продукт общественного развития» (Соч., т. XXIII, стр. 393).

[3] Мысли, намеченные в настоящем плане, развиты Плехановым в IX и следующих главах статьи: «Философские взгляды Герцена». Даем одну из приводимых там Плехановым цитат, особенно ярко иллюстрирующую его мысль:

«Само собой разумеется [— говорит Герцен в «Письмах об изучении природы»—], что мысль предмета не есть исключительное личное достояние мыслящего; не он вдумал ее в действительность, она им только сознана; она предсуществовала, как скрытый разум, в непосредственном бытии предмета» (*А. И. Герцен*, Соч., т. II, Женева, 1876, стр. 78; Соч., т. IV, Спб., 1919, стр. 31).

[4] В своей статье Плеханов отмечает, как заслугу Герцена, его стремление «освободить» естествознание от «абстрактных сил»... Там же он устанавливает точки

* Настоящая заметка, как и предыдущая, находится в тетради № 163. — *Ред.*

соприкосновения между Герценом и Энгельсом, заканчивая эту параллель следующими строками:

«Энгельсов «Анти-Дюринг» еще и тем напоминает «Письма об изучении природы», что настойчиво твердит естествоиспытателям, как полезно было бы для них диалектически взглянуть на природу. «К сожалению, — замечает Энгельс, — до сих пор можно по пальцам пересчитать естествоиспытателей, мыслящих диалектически; вследствие этого происходят постоянные противоречия между данными опыта и принятым методом мышления, которыми и объясняется безграничная путаница, господствующая в настоящее время в теоретическом естествознании...»

Энгельс повторяет здесь, — разумеется, нимало не подозревая этого, — жалобы, с которыми мы встречаемся чуть ли не на каждой странице «Писем об изучении природы» (Соч., т. XXIII, стр. 378).

[5] Мысли, намеченные Плехановым в настоящем плане, развиты им в XI главе статьи, где речь идет о том, что Герцен «проявил *менее глубокое* понимание гегелева метода, нежели то, которое было проявлено Белинским в эпоху своего мучительного примирения с российской действительностью». Этим и объясняется, что Герцен мог ставить Прудона на одну доску с Гегелем. Последнее видно из следующей фразы Герцена, цитируемой Плехановым в начале статьи: «Я думаю даже, что человек, не переживший феноменологии Гегеля и противоречий общественной экономии Прудона, не перешедший через этот горн и этот закал, — не полон, не современен».

[6] Плеханов имеет в виду философскую шутку Герцена, напечатанную в 8-й книжке «Полярной звезды», — «Aphorismata. Сочинение прозектора и адъюнкт-профессора Тита Левиафанского». Основной афоризм этого мифического ученого заключается в том, что сила и слава истории не в уме и не в счастье, а в безумии (см. Соч., т. XXI, Спб., 1922, стр. 215).

[7] В примечании к своей статье Плеханов объясняет, что означает у Герцена термин «реализм». Крайним «реализмом» назывался у него материализм. Реализм же без эпитета «крайний» означал «недостаточно определившуюся позицию *между* материализмом и идеализмом» (Соч. т. XXIII, стр. 407).

[8] Плеханов рассказывает в статье:

«В первую свою встречу с Энгельсом я заговорил с ним между прочим о Лассале, которого он, разумеется, очень хорошо знал. Характеризуя его философские взгляды, Энгельс сказал мне: «Представьте себе, что он до конца жизни верил в предсуществование гегелевских категорий» (Соч., т. XXIII, стр. 370).

[9] Намек Плеханова расшифровывается в статье следующим образом:

«Теперь понятно и то, — пишет Плеханов, — что Герцен мог, как мы видели, одобрять не подлежащий никакому сомнению крайний идеализм Лейбница, *находясь под впечатлением одного из исследований Фейербаха*: дело в том, что фейербаховы исследования по истории философии принадлежат *доматериалистическому периоду* его теоретического развития» (Соч., т. XXIII, стр. 369).

К этому месту имеется примечание: «См. в его сочинениях (т. II, стр. 406) его собственное признание на этот счет».

[10] В своей статье Плеханов сближает взгляды Герцена, развитые им в «Письмах об изучении природы», с ранними взглядами Фейербаха, высказанными последним в статье о книге Доргута «Kritik des Idealismus und Materialen zur Grundlegung eines apodiktischen Real-Rationalismus», вышедшей в 1838 г. В своей статье Фейербах восстает против того, что мышление есть только предикат бытия.

[11] Приводим место на 239 стр., отчеркнутое Плехановым и снабженное пометкой: «Ср. 132» (даем его в переводе):

«Подлинное соотношение между мышлением и бытием состоит только в следующем: бытие есть субъект, мышление — предикат. Мышление исходит из бытия, а не бытие из мышления. Бытие существует из себя и через себя — бытие дается только бытием же — бытие имеет свое основание в самом себе, ибо только бытие есть чувство, разум, необходимость, истина, короче говоря, все во всем. — Бытие *есть*, ибо небытие есть небытие, то-есть ничто, *бессмыслица*».

Возможно, что Плеханов имеет здесь в виду следующее место из «Писем об изучении природы»:

«Вне человека существует до бесконечности многоразличное множество частностей, смутно переплетенных между собой. ...Они носят в себе характер независимой самобытности от человека; они были, когда его не было, им нет до него дела, когда он явился...» (Соч., т. II, стр. 85).

[12] Приводим в переводе место, отчеркнутое на стр. 244 второго тома сочинений Фейербаха и снабженное заметкой: «Ср. Герцена»:

«Философия должна снова соединиться с естествознанием, естествознание с философией. Эта связь, основанная на обоюдной потребности, на внутренней необходимости, будет прочнее, счастливее и плодотворнее, чем прежний мезальянс между философией и теологией».

Герцен говорит о «временном антагонизме» философии и естествознания и о необходимости им «объясниться» и освободиться от него в «Письмах об изучении природы» (Соч., т. II, стр. 44).

[13] Фейербах говорит на стр. 271 (даем цитату в переводе):

«Кантовский идеализм, в котором вещи равняются по разуму, а не разум по вещам, есть не что иное, как реализация теологического представления о божественном разуме, который не определяется вещами, но, наоборот, сам определяет их».

[14] На стр. 279 Фейербах пишет (в переводе):

«Гегелевская философия есть *вывернутый* наизнанку теологический идеализм, как *спинозистская* философия есть теологический материализм».

[15] Герцен пишет, что «опыт возбуждает сознание, но... возбужденное сознание вовсе не им произведено, что опыт одно условие, толчок... который никак не может отвечать за последствия, потому что они не в его власти, потому что сознание не tabula rasa, а actus purus, деятельность не внешняя предмету, а совсем напротив — внутреннейшая внутренность его...» (Соч., т. II, стр. 277).

Плеханов указывает в своей статье, что эти мысли «еще раз обнаруживают идеалистическую природу того монизма, которого держался Герцен, когда писал «Письма об изучении природы». Если опыт не отвечает за свои собственные последствия, то это значит, что человеческий рассудок предписывает природе ее законы, как учил некогда Кант. Но и этот взгляд опровергнут тем же Фейербахом.

«Книга природы, — превосходно говорил он, — вовсе не есть дикий хаос... Нет, рассудок различает и сочетает вещи на основании признаков, данных ему внешними чувствами; мы разделяем то, что разделено в природе, и связываем то, что связано в ней; мы подчиняем вещи одну другой, как основу и следствие, как причину и действие, потому что таково их фактическое, чувственное, предметное взаимоотношение» (Соч., т. XXIII, стр. 367).

Цитата, приводимая Плехановым из Фейербаха, находится на указанных в заметке 322—323 стр. второго тома.

[16] «Химик» — двоюродный брат Герцена, описанный им в первом томе «Былого и дум», убежденный материалист. Его «спокойный, последовательный» материализм не нравился идеалистически настроенному юноше Герцену. Он тогда предпочитал ему «поверхностный и со страхом пополам вольтерианизм» своих отцов.

Об ошибочной оценке Герценом материалистов XVIII в. Плеханов говорит в статье «Философские взгляды А. И. Герцена», отмечая, что Герцен упрекал этих материалистов в непонимании единства бытия и мышления. Плеханов тут же опровергает этот ошибочный взгляд Герцена (Соч., т. XXIII, стр. 361).

Никаких упоминаний об Иванове-Разумнике в связи с высказываниями Герцена о материалистах XVIII в. в статьях Плеханова не встречается. В частности их нет и в той статье, которую Плеханов мог подразумевать здесь, отсылая к «Истории О.-К.», т. е. к «Истории русской литературы XIX в.» под ред. Овсянико-Куликовского, в которой была напечатана его статья «Герцен—эмигрант».

[17] Цитата из книги представителя так называемого немецкого «истинного социализма» Моисея Гесса (1812—1875) «Philosophie der Tat» («Философия действия»).

[18] Приведенная цитата заимствована из речи французского социалиста реформистского направления Пьера Леру (1798—1871), произнесенной во французской палате депутатов 15 июня 1848 г., накануне июньской бойни. Впоследствии, в 1853 г., в доказательство своей непричастности к расстрелам, Леру напечатал эту речь в приложении к своей книге «Aux états de Jersey», заимствовав ее из книги Даниель Стерн (M-me Agoult) «Histoire de la révolution de 1848», t. III.

[19] Плеханов имеет в виду следующее место из статьи «Еще вариация на старую тему»:

«...глядя на неразвитость масс, на незрелость и шаткость революционной пар-

тии, я не предвижу без страшнейшей кровавой борьбы близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя» (Соч., т. X, стр. 285).

Плеханов приводит эту цитату в статье «Герцен и крепостное право», подчеркивая, что Герцен признавал неизбежность революции на Западе только как следствие неразвитости народных масс (Соч., т. XXIII, стр. 308).

[20] Даем цитату в более полном виде:

«Говоря о возможном развитии, я не говорю о его *неминуемой необходимости*; что из возможного осуществится, что нет — я не знаю, потому что в жизни народов очень много зависит от лиц и воли. Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота» (Соч., т. X, стр. 294).

[21] В предисловии к «Письмам из Франции и Италии», датированном 1 февраля 1858 г., Герцен писал, формулируя свои первые впечатления от Западной Европы:

«Чем пристальнее я всматривался, тем яснее видел, что Францию может воскресить только коренной экономический переворот — 93 год социализма. Но где силы на него?.. Где люди?.. а пуще всего где мозг?» (Соч., т. IV, стр. 119; Соч., т. V, Спб., 1915, стр. 109).

[22] Рассуждая в своем «Дневнике» о славянофильстве Мицкевича, в связи с курсом лекций, читанных последним в 1840—1842 гг. в Collège de France, Герцен говорит, что «славяне имели более внешних препятствий к развитию, нежели романо-германские народы». Он усматривает эти физические препятствия в суровом климате, дальних расстояниях и недостатке водных сообщений.

[23] Приведенная цитата, как и следующая, взяты Плехановым из сочинений А. Мицкевича, т. III, Спб., 1883.

Перечисляя физические препятствия к развитию славянских народов (см. предыдущее примечание), Герцен говорит о согласии с Мицкевичем: «Тут, впрочем, и могла развиться *деревня*, но всякая централизация должна была встретить большие препятствия, города не могли получить важного значения, а деревни были впоследствии подавлены» (Соч., т. I, стр. 172; Соч., т. III, 1919, стр. 309).

[24] В письме из Неаполя, написанном осенью 1863 г. и напечатанном в № 173 «Колокола» («С континента»), Герцен пишет:

«Глядя на то, как здесь, при отсутствии сильной буржуазии, столичная чернь остается лаццаронами, поневоле приходит в голову то, что народ, по тяжелому закону sélection (подбора), только и поднимается через буржуазию к более развитой жизни» (Соч., т. XVI, 1920, стр. 523).

ИЗ ЗАМЕТОК НА ПОЛЯХ И ОБЛОЖКАХ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА

(Сочинения А. И. Герцена. Génève — Bâle—Lyon, 1875—1879)

Том I*

147 — Они [славянофилы] говорят, что плод европейской жизни созреет в славянском мире.

Не это ли говорил впоследствии Г[ерцен]?

Заметки на обл.: Первый зародыш герценовского славянофильства. — Очень важно. — Славянофилы и будущий Герцен.

156 — Вообще историю этого времени читать грустно, все так мелко, пошло... разумеется, прорываются громадные деяния и громадные характеры — но это исключение.

№3

* Большинство заметок относится к «Дневнику», последние две — к статье «Дилетантизм в науке». — *Ред.*

Заметка на обл.: Первое проявление сомнения Г[ерцена] в Западе.

157 — Кто-нибудь должен проснуться: или правительство или народ. О первом так же трудно поверить, как о другом.

Заметка на обл.: Неверие в русский народ.

164 — Главная ошибка их, что, веря (и не без основания) в огромное будущее славян, как того племени, которое имеет призвание своею непосредственностью соответствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотят и в самом младенчестве его видеть что-то высшее евронейского развития, как будто возможность будущего значит превосходство над действительностию развитою и осуществившей свое призвание.

Заметка на обл.: Герцен сдается славянофилам. Ср. выше его безнадежность.

193 — Дух вечен, материя — всегдашняя форма его инобытия.

Тут еще не Фейербах.

205 — L'organisation de la Commune est la pierre angulaire de l'édifice social, quelque vaste et quelque parfait qu'il soit. *V. Considérant,* Destinée sociale *.

№3

Заметка на обл.: Выписка из Консидерана[1] о коммуне. Очень важно.

208 — Дух, мысль — результаты материи и истории.

Фейербах.

Заметка на обл.: Фейербах (поворот к материализму).

220 — Пора же, наконец, опомниться людям, пора явиться религии, которая на хоругви своей поставит уничтожение беззаконной привилегии меньшинства.

Заметка на обл.: Социальная религия.

261 — Наказание — современная нелепость; в развитом государстве и в будущем будут удивляться, как правительство вступало в соревнование с каждым злодеем и делало такую же мерзость над ним, которую он сделал, с тем различием, что он был более или менее вынужден обстоятельствами, а правительство так, без всякой нужды. Казни — это абсолютные преступления, поэзия преступления. Но где же истинное,

Ср. Толстого и Гегеля.

* Организация Коммуны — это краеугольный камень общественного здания, как бы обширно и как бы совершенно оно ни было (*В. Консидеран,* Судьбы общества). — *Ред.*

№3

непогрешающее мерило того, что хорошо, и того, что дурно для человека? В самом понятии человека, развивающегося в истории, в историческом моменте, в среде, в которой он вырос.

378
Где же история?

Природа и наука — два выгнутые зеркала, вечно отражающие друг друга.

380
Ср. Лаврова[2].

Где начинается сознание, там начинается нравственная свобода; каждая личность одействоряет *по-своему* призвание, оставляя печать своей индивидуальности на событиях.

Том II *

40
Оч[ень] верно.

Естествоиспытатели никак не хотят разобрать отношение знания к предмету, мышления к бытию, человека к природе... им мышление представляется действием чисто личным, совершенно внешним предмету. Они пренебрегают формою, методою, потому что знают их по схоластическим определениям... метода в науке вовсе не есть дело личного вкуса или какого-нибудь внешнего удобства... она, сверх своих формальных значений, есть самое развитие содержания, эмбриология истины, если хотите.

Он сам забывал это.

№3

Заметка на обл.: Ошибка натуралистов, ср. Оствальда[3].

57—58

Может быть, собранные материалы в самом деле недостаточны, даже наверное так; но не говоря о том, что фактов бесконечное множество и что, сколько их ни собирай, до конца все не дойдешь, это не мешает поставить надлежащим образом вопрос, развить действительные требования, истинные понятия об отношении мышления к бытию.

№3

Заметка на обл.: Очень верно. Заметить.

59

Странное положение естественных наук относительно мышления долго продолжиться не может: они до того богатеют фактами, что нехотя взгляд их делается яснее и яснее. Они неминуемо должны, наконец, будут откровенно и не шутя решить вопрос об отношении мышления к бытию, естествоведения к философии...

Ср. Энгельса[4].

66
Да он и не побеждал его. Ср. 68. №3[5].

Шеллинг, напротив, считал себя по превосходству философскою, спекулятивною натурою, и потому живое свое сочувствие и предведение старался заморить схоластическою формою; он победил в себе идеализм не на деле, а только на словах.

* Заметки относятся к статье «Письма об изучении природы». — *Ред.*

Заметка на обл.: Ошибка насчет Шеллинга (см. мои заметки).

70
Гегель[6].

Первый пример наукообразного изложения естествоведения представляет гегелева энциклопедия.

Заметка на обл.: Гегель: ошибочное суждение о нем.

80
Точнее: не было бы существ, одаренных разумом.

Человек не вне природы и только относительно противоположен ей, а не в самом деле; если бы природа действительно противоречила разуму, все материальное было бы нелепо, нецелесообразно.

81
Точнее: мысль не имеет силы над природой, если не опирается на нее же.

Природа не имеет силы над мыслью, а мысль есть сила человека; природа, как греческая статуя; вся внутренняя мощь ее, вся мысль ее — ее наружность: все, что она могла собою выразить, выразила, предоставляя человеку обнаружить то, чего она не могла.

82
Герцен не сумел развить идею отрицания.

История мышления — продолжение истории природы: ни человечества, ни природы нельзя понять мимо исторического развития.

96
Истор[ический] идеализм. №3 Ср. «Дневник», 120[7].

Жизнь восточных народов проходила или в брожении страшных переворотов, или в косном покое однообразного повторения. Восточный человек не понимал своего достоинства; оттого он был или в прахе валяющийся раб, или необузданный деспот.

155
Да возможен ли вообще опыт без «смысла»?

Знание равно невозможно без опыта и без смысла.

Заметка на обл.: Об опыте; важно.

159

Метод.

В наше время подвиг Гегеля состоит именно в том, что он науку так воплотил в методу, что стоит понять его методу, чтобы почти вовсе забыть его личность, которая часто без всякой нужды выказывает свою германскую физиономию и профессорский мундир Берлинского университета... его же методою бьют на голову те выводы, в которых он является не органом науки, а человеком, не умеющим освободиться от паутины ничтожных и временных отношений.

Заметка на обл.: О гегелевой методе. Важно. Тут видно, что Г[ерцен] — младогегельянец, но все-таки гегельянец, т. е. идеалист.

161
№3

Неоплатонизмом перешла древняя мысль в новый мир, — но это было более переселение душ, нежели развитие.

Заметка на обл.: Необычайно ярко и хорошо.

162

Отыскивание критериума, т. е. поверки, с рассудочной точки зрения — неразрешимая задача; ум, отрешившийся от предмета и определивший себя отрицательно, может понять истину, как свой закон, но никогда не поймет этого закона истиною предмета.

Заметка на обл.: Очень хорошо о критериуме истины.

166

Человек нравственный должен носить в себе глубокое сознание, как следует поступить во всяком случае, и вовсе не как ряд сентенций, а как всеобщую идею, из которой всегда можно вывести данный случай; он импровизирует свое поведение. Но стоики — формалисты и недоверчивые, с юридической точки зрения смотрели на нравственный вопрос и составляли моральные сентенции; их учение стремилось явным образом окрепнуть, оцепенеть в оконченной догматике.

Заметка на обл.: Характеристика стоиков — блестящая — относится к *Толстому*.

172

№3

Догматизм в науке не прогрессивен; совсем напротив, он заставляет живое мышление осесть каменной корой около своих начал.

Заметка на обл.: Гениальная яркость выражения.

232—233

Первая необходимая задача, вопрос, от которого мыслящей голове нельзя было отвернуться, состоял в разрешении мышлением отношения самого мышления к бытию, к предмету, к истине вообще. И действительно, с этим вопросом на устах является новая наука в мир.

Заметка на обл.: Основная задача философии, по Герцену.

255

Вера Бэкона в разум и в природу непоколебима; он с таким же отвращением говорит о скептицизме, как о метафизике; это совершенно последовательно в нем; ему надобны знания, сведения, а не мучительные стоны о бессилии ума и неуловимости истины; ему надобно деятельное развитие, ему надобна истина и ее практическое приложение, он считает *ничтожною* философию, не ведущую к делу; для него знание и деяние — две стороны одной энергии. Человек, так думающий, всего менее способен к романтизму, к мистицизму и к схоластике.

Заметка на обл.: Характеристика Бэкона, подходящая к самому Г[ерце]ну.

258
Решение 2-го вопроса отвечает на первый. Г[ерце]н сам признает, что законы мысли не противоречат законам жизни. Ср. 261

Материализм ставит беспрерывно вопрос: «знание наше истинно ли?» — и отвечает на него ответом на совершенно другой вопрос: «откуда мы получаем наши знания?»... мысль, истина имеет источником деятельность разума, а не внешний предмет, деятельность, возбуждаемую опытом, — это совершенно справедливо, — но самобытную и развивающуюся мысль по своим законам.

Заметка на обл.: Критика материалистич[еской] гносеологии.

261
Ср. 258
Мое примечание [8].

На науку пенять нельзя; она, как мы имели случай заметить, отражает очищенными, приводит в сознание обобщенными те элементы, которые находятся в жизни, ее окружающей.

276

Но ко всей истории новой философии надо подходить с другого конца.

Дело состоит в том, что из этих формальных противоречий, из этих непоследовательностей, выйти, стоя на локковой точке зрения, невозможно; рассудок... не имеет в себе средств разрешить противоречие, самим им поставленное и условно истинное только в отношении к нему. Разум на этой разлагающей степени похож на химический реактив: он может разложить данное, но всякий раз отделить одну сторону, а с другой соединиться; таков спор о врожденных идеях, о сущности и проч.; во всех подобных вопросах есть две стороны; на закраинах своих одни односторонни, противоречат друг другу, на средине они сливаются; взятые врозь — они просто ложны и дают безвыходные ряды антиномий, в которых обе стороны неправы, пока существуют в отвлеченной отдаленности, и могут быть истинными только при сознании единства.

282
Ср. Дидро. Откуда это видно? [9]

Природа помимо мышления — часть, а не целое, мышление так же естественно, как протяжение, так же степень развития, как механизм, химизм, органика — только высшая. Этой простой мысли не могли понять материалисты.

Заметка на обл.: Standpunkt Г[ерце]на — ср. Дицгена.

296
Ср. Гегеля[10].

Энциклопедисты действительно разболтали общую тайну, и за это их обвинили в безнравственности, а они собственно не были безнравственнее тогдашнего парижского общества, — они были только смелее его.

Заметка на обл.: Ошибочное суждение об энциклопедистах. Ср. Гегеля.

297

Слабо.
Ср. Гегеля [11].

Эгоизм доходил до безобразия в обществе и скрывался под личиною самоотвержения, презрения к богатству: философы доказали, что эгоизм — один из необходимых элементов всего живого, сознательного, и, оправдывая его, раскрыли, что человеческий эгоизм — не только чувство личной любви к самому себе, но, сверх того, чувство любви к роду, к человечеству, к ближнему.

298

№3

Непременно надобно было дойти... до скептицизма... или до материализма, ничего не понимающего, кроме вещества и тела, и именно потому не понимающего ни вещества, ни тела в их действительном значении.

Заметка на обл.: Поверхностная критика материализма.

299
№3

Крайность реализма выразили энциклопедисты: они так же действительно, так же верно, так же полно представляют свою сторону духа человеческого, как идеалисты свою.

Заметка на обл.: Реализм = материализм.

Том V *

25
Мусор — это старые идеи интеллигенции.

Худо то, что развалины, мусор мешают на каждом шагу.

26
Ср. Белин[ского][12].

№3

Нет, отказаться от развития невозможно. Как сделать, чтоб я не знал того, что знаю. Наша цивилизация лучший цвет современной жизни, кто же поступится своим развитием? Но какое же это имеет отношение к осуществлению наших идеалов, где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?

Заметка на обл.: Вся умственная драма Г[ерцена] в том, что он хотел избавиться от идеализма и не мог. Та же драма, что у Белинского, и под тем же влиянием.

* Заметки относятся к статье «С того берега». — *Ред.*

30
Ср. Маркса. Почему? Что же это за диалектика? Ср. Гегеля и Маркса.

Но кто же, по-вашему, прав? мысль ли теоретическая, которая точно так же развилась и сложилась исторически, но сознательно, или факт современного мира, отвергающий мысль и представляющий, так же как она, необходимый результат прошедшего.

— Оба совершенно правы. Вся эта запутанность выходит из того, что жизнь имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диалектикой чистого разума.

32
Зародыш народничества.
№3

Цивилизация Рима была гораздо выше и человечественнее, нежели варварский порядок; но в его нестройности были зародыши развития тех сторон, которых вовсе не было в римской цивилизации, и варварство восторжествовало, несмотря ни на Corpus juris civilis, ни на мудрое воззрение римских философов.

36
Ср. ответ Маркса Прудону. (Исторический идеализм.)
Тут ср. с Чернышевским[13].

Каждая эпоха, каждое поколение, каждая жизнь имели, имеют свою полноту, по дороге развиваются новые требования, испытания, новые средства, одни способности усовершаются на счет других, наконец, самое вещество мозга улучшается... что вы улыбаетесь?.. да, да, церебрин улучшается... древний бык был, очевидно, сильнее нашего, а наш развился в отношении к мозгу в своем мирном подчинении человеку. За что же вы считаете человека менее способным к развитию, нежели быка?

Заметка на обл.: Зародыш материализма.

37
Ср. Белинского «абстрактный героизм» [14].

Мы воспитали себя в идеализм, в искусственную жизнь и разрушили равновесие. Мы были велики и сильны, даже счастливы в нашей отчужденности, в нашем теоретическом блаженстве, а теперь перешли эту степень, и она стала для нас невыносима; между тем разрыв с практическими сферами сделался страшный.

38—39
№3

Логика и история, бытие и сознание.

Струве.

Ср. разговор с Хомяковым[15].

Если б человечество шло прямо к какому-нибудь результату, тогда истории не было бы, а была бы логика, человечество остановилось бы готовым в непосредственном status quo, как животные. Все это по счастию невозможно, не нужно и хуже существующего... великие люди сойдут на одну доску с театральными героями, которые, худо ли, хорошо ли играют, непременно идут и дойдут к известной развязке. В истории все импровизация, все воля, все ex temporе, вперед ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, итти вдаль куда хотят, куда только есть дорога... Со скуки люди не умрут, если род человеческий очень долго заживется; хотя, вероятно, люди и натолкнутся на какие-нибудь пределы, лежащие в самой природе человека, на такие физиологические условия, которых нельзя будет перейти, оставаясь человеком... С другой стороны,

я ничего не имею против окончания истории завтра. Мало ли что может быть! Энкиева комета зацепит земной шар, геологический катаклизм пройдет по поверхности, ставя все вверх дном, какое-нибудь газообразное испарение сделает на полчаса невозможным дыхание — вот вам и финал истории.

42
Г[ерцен] входил в 1848 г. глубоко разочарованным.

Мысль была и прежде нетерпелива, ей хочется сейчас, ей ненавистно ждать — а жизнь не довольствуется отвлеченными идеями, не торопится, медлит с каждым шагом, потому что ее шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положение мыслящих...

46—47

После таких потрясений живой человек не остается по-старому. Душа его или становится еще религиознее, держится с отчаянным упорством за свои верования, находит в самой безнадежности утешение, и человек вновь зеленеет, обожженный грозою, нося смерть в груди, — или он мужественно и скрепя сердце отдает последние упования, становится еще трезвее и не удерживает последние слабые листья, которые уносит резкий весенний ветер.

Заметка на обл.: Непременно см. стр. 46—47. Вот это вводило в заблуждение историков. Ср. с Жорж Занд [16].

Том VII *

267

Ср. 269

Важность их воззрения, его истина и существенная часть вовсе не в православии и не в исключительной народности, а в тех *стихиях* русской жизни, которые они открыли под удобрением искусственной цивилизации.

Заметка на обл.: «Важность» славянофильства [17].

272

? !

Встреча московских славянофилов с петербургским славянофильством Николая была для них большим несчастием. Николай бежал в народность и православие от революционных идей. Общего между ними ничего не было, кроме слов.

Заметка на обл.: Крайне важно о славянофилах. — Несчастье слов.

284

«История других народов — повесть их освобождения. Русская история — развитие крепостного состояния и самодержавия». Переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей, — *просвещенных* рабов.

Заметка на обл.: Очень важно.

* Заметки к первому тому «Былого и дум». — *Ред.*

286

Ср. Землю и Волю.

№3

Возвратиться к селу, к артели работников, к мирской сходке, к казачеству, другое дело; но возвратиться не для того, чтоб их закрепить в неподвижных азиатских кристаллизациях, а для того, чтоб развить, освободить начала, на которых они основаны, очистить от всего наносного, искажающего, от дикого мяса, которым они обросли, — в этом, конечно, наше призвание.

Заметка на обл.: Ср. Герцена и «Землю и Волю» № 1, передовую [18].

287
№3
А *какие* силы дал «петровский» период? Интеллигенцию?

Это основы нашего быта — не воспоминания, это живые стихии, существующие не в летописях, а в настоящем; но они только *уцелели* под трудным историческим вырабатыванием государственного единства и под государственным гнетом, только сохранились, но не развились. Я даже сомневаюсь, нашлись ли бы внутренние силы для их развития без петровского периода европейского образования.

Заметка на обл.: Очень важно. Метод «славянофилов».

289

А между тем Европа показала удивительную *неспособность* к социальному перевороту.

Мы думаем, что Россия не так неспособна к нему и на этом сходимся с славянами. На этом основана наша вера в ее будущность.

Заметка на обл.: Резюме гер[цено]ва учения.

293
Из этого общества вышел и Герц[ен].

Московское неофициальное общество составлено странно и, может, потому недурно. Оно состоит из помещиков и из талантливых людей и носит на себе эту двойную печать.

Том VIII *

274

№3

Идеи, пережившие свое время, могут долго ходить с ключкой, могут даже, как Христос, еще раз, два показаться после смерти своим адептам, но трудно для них снова завладеть жизнью и вести ее. Они не увлекают всего человека или увлекают только неполных людей.

Заметка на обл.: Социалистам-революционерам. — К роману Ропшина [19]. — Идеи отжившие.

283

Я заметил ему, что если уже это зависит от нашей воли заводить или нет новую религию, то лучше не заводить никакой, а предоставить это воле божией, оно же и по сущности дела относится более до нее.

Заметка на обл.: Луначарскому о религии.

* Заметки относятся к пятой части «Былого и дум». — *Ред.*

316

Англо-германская порода гораздо грубее франко-романской. С этим делать нечего, это ее физиологический признак, сердиться на него смешно.

Заметка на обл.: Теория рас.

334

Он [Фази] и Маццини, бывши социалистами прежде социализма, сделались его врагами, когда он стал переходить из общих стремлений в новую революционную силу. Много поломал я копий с обоими и с удивлением увидел, как мало можно взять логикой, когда человек *не хочет* убедиться.

Заметка на обл.: Герцен о том, как мало можно взять логикой.

355

Иронией высказывается досада, что истина логическая не одно и то же с истиной исторической, что, сверх диалектического развития, она имеет свое страстное и случайное развитие, что, сверх своего разума, она имеет свой роман.

Заметка на обл.: Крайне важно о диалектике.

366—367

Пролетариат.

Все партии и оттенки мало-помалу разделились в мире мещанском на два главных стана: с одной стороны, мещане-собственники, упорно отказывающиеся поступиться своими монополиями, с другой — неимущие *мещане*, которые хотят вырвать из их рук их достояние, но не имеют силы, т. е., с одной стороны, *скупость*, с другой — *зависть*.

Заметка на обл.: Пролетариат. В других местах отзывается лучше.

370

Ср. Ив[анова]-Разумника.

Ср. 393 (непременно)[20].

Отрицание мира рыцарского и католического было необходимо и сделалось не мещанами, а просто свободными людьми, т. е. людьми, отрешившимися от всяких гуртовых определений. Тут были рыцари, как Ульрих фон Гутен, и дворяне, как Арует Вольтер, ученики часовщиков, как Руссо, полковые лекаря, как Шиллер, и купеческие дети, как Гёте. Мещанство воспользовалось их работой и явилось освобожденным не только от царей, рабства, но и от всех общественных тягот, кроме складчины для найма, охраняющего их правительства.

Заметка на обл.: В пользу Иванова-Разумника.

371

Ср. Бакунина[21].

Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелее и невыносимее там, где современное западное состояние наибольше развито, там, где оно вернее своим началам, где оно богаче, *образованнее*, т. е. промышленнее. И вот отчего где-нибудь в Италии или в Испании не так невыносимо удушливо жить, как в Англии и во Франции...

Том IX *

48

Ср. «Колокол» [22].

В политических вопросах он равнодушен, готов делать уступки, потому что не приписывает особой важности формам, которые, по его мнению, не существенны.

Заметка на обл.: Ср. «Колокол» о политике.

253—254

Если народ сломится, новый Китай и новая Персия неминуемы.

Но если народ сломит, неминуем *социальный переворот!..* Народ побили на голову. Вероятности Персии *поднялись*, и с тех пор все идут в гору...

...Трагическая безвыходность состоит именно в том, что та идея, которая может спасти народ и устремить Европу к новым судьбам, — *невыгодна* господствующему классу, что ему, если б он был последователен и смел, *выгодно* только государство с американским невольничеством.

Заметка на обл.: Тут ответ Б[елинскому]. — Важно для характеристики взгляда Г[ерце]на на борьбу классов [23].

Том X **

62

№3

Если б в европейской народной жизни была одна цель, одно стремление, та или другая сторона взяла бы давно верх. Но так, как сложилась западная история, она привела к вечной борьбе. В основном бытовом факте двойного образования лежит органическое препятствие последовательному развитию. Жить в две цивилизации, в два пласта, в два света, в два

№3

возраста, жить не целым организмом, а одной частью его, употреблять на топливо и корм другую и повторять о свободе и равенстве становится труднее и труднее.

Заметки на обл.: Ср. непременно 209. Замечательное место о борьбе классов. — 62—209. Классовая борьба. Крайне, донельзя важно [24].

199

Ср. его же письмо к Мишле [25].

Было время, ты защищал *идеи* западного мира, и делал хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляли давным-давно всеми признанный майорат человечества... Теперь ты хочешь права майората перенести и на самые формы западной жизни...

---

* Заметки относятся ко второму тому «Былого и дум». — *Ред.*

** Большинство заметок относится к статье «Концы и начала», впервые опубликованной в 1863 г. — *Ред.*

202

Мещанство — идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек дна. Это та «курица во щах», о которой мечтал Генрих IV. Маленький дом с небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работник для тяжелой работы, да это в самом деле гавань спасения — havre de Grace!

Заметка на обл.: Мещанство и работник, ср. непременно 203, 204 и 251, тут ответ 268 [26].

251

Между фантастами наверху и дикими внизу колышется *среднее состояние*, не имея ни силы гордо сказать свое: *Я — царь*, ни самоотвержения итти в иезуиты или в социалисты.

Заметка на обл.: Вот разгадка.

253 №3

Кое-где на вершинах начинается заря нового дня и борется с месячным светом, обличая вопиющее противоречие веры и сознания, церкви и науки, закона и совести, но об этом на долинах не знают. Это для малого числа избранных.

№3

Честный союз науки с религией невозможен, а *союз есть;* отсюда и делай заключение о нравственности, которая основана на таком союзе. Дело в том, что разум, боясь скандала, скрывает свою истину.

Заметка на обл.: К реферату о религии.— Союз религии и науки.

257 К работе моей.

...В альпийских ледниках всякое лето оттаивает кора льда, но масса его так толста, что осень всякий раз захватывает на полдороге дело лучей солнечных и кора опять начинает замерзать, иногда, впрочем, не достигая прежней толщины.

268

На что вопрос о пролетариате — и тот утих. Голодные сделались ревностными поклонниками чужой собственности, в надежде приобрести свою, сделались тихими лаццарони индустрии, у которых ропот и негодование сломлены вместе со всеми остальными способностями.

Заметка на обл.: Пролетариат. — Крайне важно (объясняет его взгляд на прол[етариат]).

275 Ответ Чернышевскому? [27]

Например, факт, что мы, русские, принадлежим и по языку и по породе к европейской семье, genus europeum, и, следовательно, *по самым неизменным законам физиологии должны итти по той же дороге*. Я не слыхал еще об *утке*, которая, принадлежа к породе уток, дышала бы жабрами...

Заметка на обл.: Законы физиологии.

278

Ср. 285

Она [Россия] вероятно *пройдет* и мещанской полосой. Может, народы европейские сами перейдут к другой жизни — может, Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это *может быть — может быть* и другое. И тем больше, что в том череду, как стали вопросы, в случайностях места и времени развития, в условиях быта и жизни, в постоянных *складках* характера, бездна указаний.

Заметка на обл.: Россия пройдет мещанской полосой. Разгадка. Подтверждает мое мнение.

285 №3 Ср. 286

...я не предвижу без страшнейшей кровавой борьбы близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя.

Заметка на обл.: Падение мещанства. Ср. IX, стр. 240 (on liberty) [28].

286

Кто работает?

Не естественно ли в этом положении современному человеку порасширить свой взгляд, осмотреться вокруг, изучить, как другие страны, не вовлеченные в смертный бой Европы, относятся к будущему, чего от них можно ждать, куда они тянут, и нет ли там глухой, приготовительной работы.

287 *Что* же растет?

Что растет, то юно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Утопический социалист, фурьерист Консидеран, признавая классовое строение общества и классовую борьбу, не видел в последней ничего положительного для рабочего класса. Он одинаково отрицательно относился как к экономической, так и к политической борьбе рабочих, придавая значение только мирным формам рабочего движения. После революции 1848 г. Консидеран бежал из Франции и основал в Техасе (в Северной Америке) фурьеристскую коммуну, фаланстер, погибшую через два года, во время гражданской войны.

[2] Эту мысль Герцена о свободе личностей, действующих в истории «по-своему», Плеханов называет в своей статье «Философские взгляды А. И. Герцена» «алгеброй исторического идеализма в его применении к философии практического действия, или *алгеброй утопизма*». Тут же он указывает на связь между этой мыслью и субъективной социологией П. Л. Лаврова, учившего, что «история делается критически мыслящими личностями, *«по-своему»* перерабатывающими культуру» (Соч., т. XXIII, стр. 385).

[3] *Оствальд*, Вильгельм (род. 1853) — немецкий естествоиспытатель и натурфилософ, пытающийся истолковать все явления с точки зрения универсального приложения понятия «энергия». Плеханов писал об Оствальде в предисловии к книге А. Деборина «Введение в философию исторического материализма»: «Хороший химик Оствальд единственно потому надеется «преодолеть» материализм посредством энергетики, что слишком плохо осведомлен по части философии» (Соч., т. XVIII, стр. 319—320).

[4] Энгельс писал в «Анти-Дюринге»:

«Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то это противоречие добытых научных ре-

зультатов с вышеизложенным метафизическим способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании...» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XIV, М.—Л., 1931, стр. 23).

[5] На стр. 68 Плехановым отчеркнуто следующее место:

«Шеллинг в своей области поступал так, как Наполеон: он обещал примирение мышления и бытия; но, провозгласив примирение противоположных направлений в высшем единстве, остался идеалистом».

Ссылаясь на свои заметки, Плеханов, вероятно, имеет в виду сохранившиеся в одной из его тетрадей заметки о книге Куно Фишера «Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение», где он многократно подчеркивает идеализм Шеллинга.

[6] В статье «Философские взгляды А. И. Герцена» Плеханов пишет:

«... теперь даже идеалистически настроенные естествоиспытатели... решительно не находят возможным объяснить мировой процесс логическим движением понятия и не видят в таком объяснении ровно ничего «наукообразного». Герцен не только не отмечает этого основного промаха Гегеля, а как будто видит в нем, наоборот, большую научную заслугу» (Соч., т. XXIII, стр. 356—357).

[7] На стр. 120 «Дневника» Герцен приписывает падение Робеспьера тому, что он «провозгласил *демократическую* неправду», употребив выражение: «атеизм аристократичен» и сделав из этого вывод, что атеизм — ложь. Назвав это «возмутительной демагогией», Герцен говорит: «народной религии он не восстановил, а указал предел своих сил, указал межу, за которой и он не революционер, а указать это во время переворота и движения значит напомнить, что время лица миновало...»

[8] Плеханов имеет в виду свою заметку на полях стр. 258 (см. выше).

[9] В статье «Философские взгляды А. И. Герцена» Плеханов указывает, что французские материалисты XVIII в., напротив, прекрасно понимали единство мышления и бытия и никогда не смотрели на человека «как на что-то постороннее природе». В частности Дидро, как неоднократно повторяет Плеханов в ряде своих статей, был спинозистом, т. е. признавал единую субстанцию, обладающую двумя атрибутами — протяженностью и мышлением.

Относительно высказанной в этом отрывке мысли, что мышление есть «так же степень развития, как механизм, химизм, органика», Плеханов говорит: «Мышление вовсе не есть *надорганическое* явление: оно есть *функция организма*, стоящего на известной высоте развития» (Соч., т. XXIII, стр. 367).

Дицген, Иосиф (1828—1888) — немецкий философ-самоучка, рабочий социал-демократ. Дицген особенно напирал в своих работах на диалектический характер материализма и резко нападал на старых материалистов, что и сближает его в данном случае с Герценом. Так, например, Дицген пишет:

«Обратим нашу задачу еще раз на фехнеровскую всемирную душу. Помощью его экстравагантного одушевления всех вещей, его растительных, каменных и звездных душ, нам легче вывести доказательство, что общая природа тех частей души, которые называются разумом, или интеллектом, или духом, или познавательной способностью, отличается от общей природы камней, дерева не так чрезмерно, как об этом думали старые идеалисты и материалисты» (*Иосиф Дицген*, Завоевания (аквизит) философии и письма о логике, Спб., 1906, стр. 21).

Отчеркнув в своем экземпляре книги Дицгена это место, Плеханов написал на полях: «Будто? Дицген о материалистах понятия не имеет».

Недооценка старого материализма со стороны Дицгена и Герцена могла объясняться тем, что они жили в эпоху, когда материализм опошлялся и упрощался рядом представителей так называемого «вульгарного материализма».

[10] Взгляды Гегеля на французскую философию XVIII в. изложены в «Лекциях по истории философии». Говоря об «отрицательной», т. е. критической, разрушительной стороне этой философии, Гегель говорит, что она «относилась разрушительно только к тому, что было разрушено внутри себя». «Нам легко, — говорит он дальше, — делать упреки французам за их нападки на религию и государство; нужно представить себе картину ужасного состояния общества, бедственности и подлости, царивших во Франции, чтобы понять заслугу этих философов. Теперь лицемерие, ханжество, тирания, видящая, что у нее отняли награбленное ею, слабоумие могут сказать, что французские философы нападали на религию, государство и нравы. Но какая это была религия! Какое это было государство!» (Соч., т. XI, М.—Л., 1935, стр. 388).

[11] Гегель дает следующий анализ взглядов Гельвеция на эгоизм, или «себялюбие», как основу всех человеческих поступков. «Это выставленное Гельвецием начало, — пишет Гегель в «Лекциях по истории философии», — односторонне, хотя «я сам» составляет существенный момент. Все, чего я хочу, самое благородное, самое святое, есть *моя* цель; «я» должен в этом наличествовать, «я» должен это одобрять, «я» должен находить это хорошим. Со всяким самопожертвованием всегда связано чувство удовлетворения, всегда связано *некое нахождение самого себя*. Этот момент самости субъективной свободы должен всегда присутствовать. Если брать это односторонне, то можно из этого сделать выводы, ниспровергающие все святое, но то же самое мы встретим в самой что ни на есть благородной морали» (Соч., т. XI, стр. 397—398).

[12] В статье «Герцен—эмигрант» Плеханов делает указанное им сопоставление: «... смысл этой драмы [пережитой Белинским в эпоху его примирения с действительностью] заключался в том, что Белинский, не удовлетворяясь «абстрактным героизмом», т. е. отвлеченным идеалом, стремился понять действительность, как закономерный процесс развития. Mutatis mutandis это та самая задача, которую пытался решить Герцен лет около десяти спустя. Пользуясь выражением Белинского, мы скажем, что Герцен, подобно ему, стремился «развить идею отрицания», т. е. убедить себя в том, что идея эта сама является необходимым продуктом общественного развития и что за ее осуществление в будущем ручается вся объективная сила этого последнего» (Соч., т. XXIII, стр. 424).

[13] По всей вероятности, Плеханов хочет провести здесь параллель между Герценом, признающим, что природа человека меняется на протяжении истории человечества, и Прудоном, которому Маркс в «Нищете философии» бросил упрек: «Г-н Прудон не знает, что вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, Гиз, 1929, стр. 394).

Разбирая отчеркнутое место в статье «Философские взгляды А. И. Герцена», Плеханов отмечает здесь переход естественнонаучного материализма Герцена в исторический идеализм («как видно улучшенный церебрин должен способствовать появлению у людей более правильных взглядов на свои взаимоотношения»). Ту же черту Плеханов отмечает и у Чернышевского, которому его исторический идеализм не мешал по временам становиться «в исторических убеждениях последователем естественнонаучного материализма» (Соч., т. XXIII, стр. 405).

[14] В письме к Станкевичу от 1839 г. Белинский поясняет, что он раньше ненавидел Шиллера «за субъективно-нравственную точку зрения, за страшную идею долга, за абстрактный героизм, за прекраснодушную войну с действительностью», и дальше, несколько раз на протяжении письма, он возвращается к этому «абстрактному героизму», вне которого он все презирал, все ненавидел... и в котором... несмотря на свой неестественный и напряженный восторг, сознавал себя — нулем» (*В. Г. Белинский*, Письма, т. I, Спб., 1914, стр. 346—347).

[15] Вероятно, Плеханов имеет в виду переданный Герценом в «Дневнике» 1842 г. философский спор его с Хомяковым, который велся на тему о необходимости и случайности в истории. В этом споре Герцен высказывал мысли, несколько отличные от тех, которые развиты им здесь, доказывая Хомякову «кругом ограниченные влияния случайности» (Соч., т. I, стр. 65).

[16] В отчеркнутом месте речь идет о потрясении, вызванном июньскими расстрелами рабочих в 1848 г.

Сравнение с Жорж Занд, вероятно, имеет тот смысл, что эта писательница, до 1848 г. являвшаяся в своих многочисленных социальных романах активной проповедницей идей утопического социализма, после июньских дней 1848 г. резко изменила политические и социальные установки своего творчества. Уехав из Парижа в свое поместье, она примирилась с воцарением Наполеона III и посвятила свой талант идиллическому изображению деревенской трудолюбивой бедноты.

[17] На стр. 269 Плехановым отчеркнуто следующее место:

«Славянизм или руссицизм, не как теория, не как учение, а как оскорбленное народное чувство, как темное воспоминание и верный инстинкт, как противодействие исключительно иностранному влиянию, существовал со времени обрития первой бороды Петром I».

[18] В конце передовой статьи первого номера «Земли и Воли» (от 25 октября 1878 г.) развиты мысли, близкие к отчеркнутым в тексте высказываниям Герцена:

«Оставьте катехизисы и учебники! — говорится там. — Погрузитесь в великое море народное, раскройте ваши очи, разверзайте уши. Прислушайтесь к рокотанию волн народной жизни, уловите ту струю, которая прямо брызжет из сердца народного, и тогда смело беритесь за руль... Труден ваш путь... Нелегко отличить действительно жизненное стремление массы от уродливых болезненных продуктов ее ненормальных условий. Но разве трудности пугают бойца?..»

[19] Плеханов имеет в виду нашумевший в свое время и вызвавший горячие протесты роман Ропшина (Савинкова) «То, чего не было». Плеханов посвятил разбору романа Ропшина статью «О том, что есть в романе «То, чего не было» (Соч., т. XXIV).

[20] В своей статье «Идеология мещанина нашего времени» (Соч. т. XIV) Плеханов устанавливает различие во взглядах на мещанство Иванова-Разумника и Герцена. Рядом цитат из Герцена он доказывает, что с точки зрения последнего «этическое мещанство» являлось неизбежным и вполне естественным продуктом мелкобуржуазных отношений. Иванов Разумник, напротив, считает, что «понятие мещанства неизмеримо шире [понятия буржуазии], так как внесословность и внеклассовость являются его характерными признаками» (*Иванов-Разумник*, История русской общественной мысли, т. I, Спб., 1908, стр. 14).

На стр. 393 отчеркнут рассказ Герцена о жирондисте Кондорсе, который, спасаясь от якобинской полиции, попадает в деревенскую харчевню. Старушка трактирщица, большая патриотка, выдает его якобинцам, руководствуясь следующими признаками: «Он в пыли, стало пришел *издалека*, он спросил курицу, стало у него есть *деньги*, руки у него белые, стало он *аристократ*».

[21] Бакунин в своей анархистской деятельности опирался именно на такие экономически отсталые страны, как Италия, Испания, Россия и др. Стремясь к немедленной организации бунта угнетенных, Бакунин обращал свою пропаганду к крестьянским и преимущественно чернорабочим массам, люмпен-пролетариату.

[22] Герцен в своем отношении к политике иногда сходился со взглядами Прудона, который, по его словам, «не приписывал особой важности политическим формам», считая их несущественными. Плеханов пишет, что в этом равнодушии к политике Герцен видел доказательство зрелости своей политической мысли («Герцен — эмигрант» — Соч., т. XXIII, стр. 435). Таково же было и направление «Колокола», где социальный вопрос отодвигал политику на задний план. В действительности все это было проявлением колебаний Герцена между революционным демократизмом и либеральными реформами.

[23] См. выше, прим. 13. Здесь Герцен указывает ту объективную силу, которая ручается за осуществление в будущем «идеи отрицания» Белинского.

[24] На стр. 209 отчеркнуто место, которое Плеханов неоднократно приводит в своих работах о Герцене:

«Где тот псалом, который могут в наше время с верой и увлечением петь во всех этажах дома от подвала до мансарды, где наша Gottes feste Burg или Марсельеза?»

Слова «от подвала до мансарды» подчеркнуты Плехановым.

[25] Плеханов имеет в виду письмо Герцена к французскому историку Мишле (1798—1874), написанное 22 сентября 1851 г. и вышедшее по-русски под заглавием: «Русский народ и социализм». Это письмо Плеханов цитирует в своей статье «Герцен — эмигрант». Приводим эту цитату, так как именно ее, повидимому, Плеханов имел в виду и в данном случае:

«Из всего этого вы видите, — пишет Герцен, — какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания» (Соч., т. VI, 1919, стр. 449).

Отчеркнутое в книге место находится в статье «Концы и начала», написанной в 1862 г. «Письмо первое» (Соч., т. XV, 1920, стр. 244).

[26] На стр. 203 Герцен пишет: «... работник всех стран — *будущий* мещанин». На стр. 204 отмечено:

«Господство мещанства — ответ на *освобождение без земли*, на открепление людей и прикрепление почвы малому числу избранных». На полях написано: Ср. 205.

На стр. 205 отчеркнуто:

«*В самой природе, можно сказать, бездна мещанского;* она очень часто останавливается на середке на половину — видно, дальше итти духу нехватает».

Выписки из стр. 251 и 268 приведены ниже в тексте.

[27] Чернышевский, оспаривая взгляд Герцена на «западного старика» в своей статье «О причинах падения Рима», приводит среди других и физиологические доводы.

«Говорят, — пишет Чернышевский, — что римский мир истощил свои жизненные силы. Тут опять забывается сущность вещи. О чем говорится? О населении Римской империи. Что же, разве люди, его составлявшие, утратили человеческую натуру? Разве они перестали родиться имеющими человеческий ум и человеческие наклонности? Или разве по какому-то особенному случаю все люди в Римской империи рождались идиотами? Что за вздор! Пока общество состоит из людей, оно имеет в себе все свойства человеческой натуры. Отживает свою жизнь организм отдельного человека; но с каждым вновь родившимся человеком является новый организм с новыми свежими силами, и при каждой смене поколений возобновляются силы народа» (*Н. Г. Чернышевский*, Соч., т. VIII, Спб., 1906, стр. 158).

[28] В статье «Джон Стюарт Милль и его книга «On liberty», напечатанной в «Колоколе» № 40 и 41, 15 апреля 1859 г., Герцен говорит о «всходах новой силы», которые могут «обновить старую кровь» Европы... Он задается вопросом, «потерпит ли народ, чтоб его окончательно употребили для удобрения почвы... на безвыходную черную работу», и отвечает, что теоретически этот вопрос не разрешишь, но что «если народ сломит, неминуем социальный переворот». Дальше, в той же статье, Герцен приходит к заключению, что весь трагизм положения состоит в том, что благо народа невыгодно господствующему классу (Соч., т. IX, Женева, 1879, стр. 253; в издании М. Лемке эта статья отсутствует).

РАБОТЫ О БЕЛИНСКОМ

Первая серия статей Г. В. Плеханова о Белинском относится к концу 90-х годов. Спустя 10 лет он снова возвращается к этой теме. В первом периоде им написаны статьи «Белинский и разумная действительность» и «Литературные взгляды Белинского», опубликованные в журнале «Новое слово» за 1897 г., и «Речь о Белинском», произнесенная в 1898 г. по поводу пятидесятилетия смерти Белинского на собраниях в Женеве, Берне и Цюрихе и вышедшая отдельной брошюрой в 1899 г.

1909 год открывает новый ряд статей о Белинском. Первая из них — статья «Виссарион Григорьевич Белинский», напечатанная в «Истории русской литературы в XIX в.», изд. т-ва «Мир», во 2-м томе, вышедшем в 1909 г. Однако написана была эта статья в 1908 г., что видно из неопубликованного письма Овсянико-Куликовского к Р. М. Плехановой от 29 августа 1908 г., в котором он благодарит Г. В. Плеханова «за статью о Белинском» и просит выслать ее по адресу т-ва «Мир». В следующем, 1910 г., Плехановым была написана статья «О Белинском», помещенная в майской и июньской книжках «Современного мира» за тот же год. В примечании к статье Плеханов пишет: «Статья эта написана была мною в ожидании столетнего юбилея Белинского, но С. А. Венгеров документально доказал, что Белинский родился не в 1810, а в 1811 г. Юбилей следовало бы отложить до будущего года; не знаю, сделают ли это. Во всяком случае думаю, что вопросы, затронутые в этой статье, имеют интерес и независимо от юбилея». Следующий год, юбилейный, принес с собой подъем интереса к Белинскому и, в связи с этим, естественно, появление ряда книг о нем. Одна из них — книга Ашевского «Белинский в оценке его современников» — вызвала критическую статью Плеханова «О книге Ашевского», появившуюся в майской книжке «Современного мира»; там же была помещена еще и другая статья — «Виссарион Белинский и Валериан Майков». Желая отметить юбилей Белинского, редакции некоторых других повременных изданий обратились к Плеханову с просьбой дать статью о Белинском. Редакция «Звезды» в письме от 29 мая 1911 г. пишет: «Было бы особенно важно, чтобы газета получила возможность своевременно отметить столетие со дня рождения Белинского статьей, написанной именно Вами». Срок для написания статьи предоставлялся крайне ограниченный. «Не найдете ли вы возможным, — говорится в письме, — в ближайшие дни прислать... статью о Белинском. Если бы Ваша статья была получена до 10 июня, то она пошла бы в очередном номере в субботу 11 июня». Таким образом, на написание статьи предоставлялось дней 10. Вероятно, эта краткость срока была причиной того, что просьба редакции исполнена Плехановым не была: во всяком случае статья о Белинском в «Звезде» не появилась. Больше посчастливилось двухнедельному профессиональному журналу металлистов «Наш путь», обратившемуся к Плеханову с такой же просьбой, должно быть, без всяких ограничений в смысле сроков. Из сохранившихся в архиве двух писем редакции «Нашего пути» первое, с просьбой о статье, не датировано. Но уже 21 мая, во вто-

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

ром письме, редакция благодарит Плеханова за обещание прислать статью. Напечатана статья в 18-м номере журнала, т. е. не раньше конца сентября. Заглавие ее — «Столетие со дня рождения Белинского». Конечно, интерес к Белинскому не ограничился пределами юбилейной даты (май 1911 г.), а держался на том же уровне во всяком случае в течение всего 1911 года. Об этом свидетельствует письмо Плеханову от Лозаннской группы содействия, датированное 2 июля 1911 г.; в нем речь идет о предстоящем прочтении Плехановым реферата о Белинском в октябре того же года. «Будьте добры сообщить нам, можем ли мы теперь же анонсировать о предстоящем реферате, так как некоторые студенты постараются вернуться на день-два раньше, чтобы попасть на вашу лекцию». В дальнейшей переписке Плеханова никаких упоминаний о работе над Белинским нет, как не было больше и печатных статей о нем.

Таким образом, всего работ о Белинском Плехановым было написано восемь. В архиве сохранились оригиналы некоторых из этих статей, а также ряд вариантов и черновиков. Из этих материалов мы печатаем здесь две работы: 1) отрывок первоначальной редакции статьи «Литературные взгляды Белинского» вместе с планом этой статьи; 2) отрывок первоначальной редакции речи о Белинском и конспект ее. Мы даем также перепечатку статьи из журнала «Наш путь», не вошедшей в собрание сочинений Плеханова. Кроме того, сохранился ряд подготовительных работ к статьям о Белинском. Сюда относятся разборы сочинений Белинского, книги Волынского «Русские критики», книги Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» и статьи Писарева «Пушкин и Белинский». Все эти разборы, как дающие полную и яркую картину работы Плеханова над Белинским, печатаются нами целиком. Разборы дополнены заметками на полях разбираемых книг.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ БЕЛИНСКОГО

Статья «Литературные взгляды Белинского» — вторая из серии «Судьбы русской критики» — появилась впервые в октябрьской книжке «Нового слова» за 1897 г. Имеются переиздания 1922 и 1923 гг. В Собр. соч. вошла в X том.

Из сохранившихся в архиве черновиков статьи публикуются два небольших, но связанных отрывка первоначальной редакции, представляющих интерес своими отклонениями от окончательного текста. Один из отрывков заключает в себе стр. 1—4, второй — стр. 36—37. Четвертая страница имеется в двух вариантах. Отрывки написаны на восьми тетрадочных листах, чернилами, с одной стороны листа.

Из подготовительных работ к этой статье в архиве сохранился подробный план ее. План этот записан в тетради с синей обложкой (№ 95), где занимает 14 страниц, исписанных карандашом.

Все страницы сочинений Белинского, на которые ссылается в этом плане Плеханов, относятся к изданию Павленкова 1896 г. Книги эти, сохранившиеся в библиотеке Плеханова, испещрены его пометками.

ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

I

1 «Литература есть народное самосознание, и там, где нет этого самосознания, там литература есть или скороспелый плод, или средство к жизни, ремесло известного класса людей. Если и

в такой литературе есть прекрасные и изящные создания, то они суть исключительные, а не положительные явления, а для исключений нет правила...»

Так писал Белинский, заканчивая свою статью *«Ничто о ничем, или отчет издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы»*. И хотя взгляд на литературу, как на выражение народного самосознания, был в то время одинаково распространен как во Франции, так и в Германии, но Белинский заимствовал его не у французов, а у немецких идеалистов. Французам он приписывал тогда другой взгляд на литературу. «Французы, — говорил он в своих знаменитых «Литературных мечтаниях», — называют литературу выражением общества». Это определение «глубоко и верно» для Франции,
2 где | преобладает светская жизнь и где «бал, собрание» имеет то же значение, какое имели для греков площадь или игры олимпийские. Во Франции литература «всегда была верным отражением общества, забывая о массе народа». Не то мы видим в других странах. Там литература «не суть выражение общества, но выражение духа народного, ибо нет ни одного народа, жизнь которого преимущественно проявлялась бы в обществе, и можно сказать утвердительно, что Франция составляет в сем случае исключение».

Это противопоставление Франции «другим народам», конечно, неосновательно. В дореволюционной Франции влияние на литературу светского общества было действительно очень сильно, — сильнее, чем во всех других странах цивилизованного мира. Но и в дореволюционной Франции литература выражает собою
3 не одни только нужды | (и идеалы светского общества: достаточно указать на энциклопедистов, в сочинениях которых нашли яркое и резкое выражение все существенные потребности и все прогрессивные стремления третьего сословия, т. е. почти всего французского народа. В девятнадцатом же веке влияние светских салонов на французскую литературу совершенно ничтожно в сравнении с влиянием на нее «площади», т. е. социально-политической жизни в самом широком смысле этих слов. Белинский был несправедлив к французам уже задолго до своего примирения с «разумной действительностью». Но мы лишь мимоходом указываем на эту несправедливость. Для нашей цели важно)*
4 | оттенить здесь лишь то, что Белинский уже с самого начала своей писательской деятельности заимствовал свои литературные взгляды именно у немецких идеалистов. Это обстоятельство придает развитию этих его взглядов замечательное единство. Когда, сбросив с себя иго *абстрактного идеала*, Белинский стал проповедывать примирение с «разумной действительностью» и горячо осуждать «рефлектирующую поэзию», он только в некоторых, — правда, далеко не маловажных, — частностях изменил свои литературные взгляды, по существу же они остались совершенно такими, какими были прежде примирения с действительностью и какими остались после нового, окончательного восстания против нее. «Искусство есть воспроизведение действительности, — говорит он в статье «Менцель, критик Гете», — следовательно, его задача не...*

* Вся 3-я страница Плехановым перечеркнута. — *Ред.*

II

36 ... | со всею искренностью, со всем фанатизмом дикого убеждения! Более всего печалит меня теперь выходка против Мицкевича, в гадкой статье о Менцеле: как! отнимать у великого поэта священное право оплакивать падение того, что дороже ему всего в мире и в вечности — его родины... И этого-то благородного и великого поэта назвал я печатно крикуном, поэтом рифмованных памфлетов! После этого всего тяжелее мне вспомнить о «Горе от ума», которое я осудил с художественной точки зрения и о котором говорил свысока, с пренебрежением, не догадываясь, что это благороднейшее, гуманическое произведение, энергический (и притом еще первый) протест против гнусной российской действительности, против чиновников-взяточников, барразвратников, против... светского общества, против невежества, добровольного холопства и пр. и пр. и пр» **.

К тому же времени относится интересный отрывок из письма
37 к Боткину, | где Белинский так формулирует свои новые литературные понятия:

«Я решил для себя важный вопрос. Есть поэзия художественная (высшая — Гомер, Шекспир, Вальтер Скотт, Купер, Байрон, Шиллер, Гете, Пушкин, Гоголь), есть поэзия религиозная (Шиллер, Ж. П. Рихтер, Гофман, сам Гете); есть поэзия философская («Фауст», «Прометей», отчасти «Манфред» и проч.). Между ними нельзя положить определенных границ, потому что они не пребывают одна к другой в неподвижном равнодушии, но, как элемент, входят одна в другую, взаимно модифицируя друг друга. Слава богу, наконец, *всем нашлось место*. Вот отчего в Фаусте есть дивные вещи (т. е. даже во 2-й части)... Даже есть поэзия общественная, житейская, — французская, — и такой

* Имеется вариант 4-й страницы. Приводим его:

...«оттенить здесь лишь то, что уже с самого начала своей писательской деятельности Белинский — посредственно или непосредственно — заимствовал свои литературные взгляды именно у немецких идеалистов. Это обстоятельство придало развитию этих взглядов замечательное единство. Когда Белинский сбросил с себя иго *«абстрактного идеала»*, начал проповедовать примирение с разумною действительностью, он, разумеется, не мог не поразить своих друзей горячими нападками на всех тех, кто позволял себе осуждать существовавший тогда порядок вещей». — *Ред.*

** *А. Н. Пыпин*, Белинский, его жизнь и деятельность, том II, стр. 77—78. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Цитата из письма к Боткину от 10—11 декабря 1840 г. (*Белинский*, Письма, т. II, Спб., 1914, стр. 185). — *Ред.*

человек, как Гюго, несмотря на все его дикости, есть большой талант и заслуживает великого уважения, даже и прочие очень и очень примечательны, кроме Ламартина — сей... рыбы, сей водяной элегии» [1].

38 | Тут еще заметно несколько пренебрежительное отношение к французской литературе. Впоследствии оно окончательно исчезло, оставив по себе Белинскому лишь неприятное воспоминание. «Художественная точка зрения довела было меня до последней крайности, нелепости, и я не шутя было убедился, что французская литература вздор, а о самих французах стал думать точь-в-точь, как думают о них наши богомольные старухи», — говорит он в апреле 1841 года *. Известно, с каким энтузиазмом относился он впоследствии к сочинениям Жорж Занд, «этой Иоанны д'Арк нашего времени». В письме к Панаеву от 5 дек[абря] 1842 года, написанном тотчас по прочтении романа «Мельхиор», Белинский восторженно восклицает: «Мы счастливцы — очи наши узрели спасение наше, и мы отпущены с миром владыкою — мы дождались пророков наших — и узнали их, мы дождались знамений — и поняли, и [уразумели их]» **.

ПЛАН СТАТЬИ

(Тетрадь № 95)

Начать придется с изложения взглядов Рётшера [2] на философскую критику и с замечаний на несостоятельность противопоставления философской критики — исторической. О Белинском можно сказать, как говорит он о французах: у него конечный рассудок борется с стремлением к мировому созерцанию. I, стр. 694 [3]. Там же отметить взгляд Бел[инского] на французскую философию. Он хочет абсолютного. Он находит, что В[ольтер] выражал собою известный момент, а романтики не выражают. Но на самом деле выражают и они. У него преобладает не идеалистический взгляд, а абсолютный. И это везде. И во взгляде на трагедию также. Что думает г. Пыпин о литературных взглядах Бел[инского] в эпоху примирения с действительностью [4]. Действительно, это так: достаточно прочитать статьи о повестях Гоголя и повестях Марлинского [5]. Белинскому хочется попытаться писать á la Рётшер.

О религии в Питере: применить к Пушкину (II, 9) [6].

В статье об «Очерках» Полевого (II, 830) превосходнейшая характеристика Державина. Но это не философская критика. Он смотрит на Жуковского, как на *момент* в развитии русского самосознания (ст. 833).

* В письме к Н. Б., которого г. Пыпин называет (т. II, стр. 129) молодым другом Белинского, стоявшим вне его кружка. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Письмо к М. А. Бакунину от 6—8 апреля 1841 г. (Письма, т. II, Спб., 1914, стр. 232). — *Ред.*

** Рукопись обрывается на словах: «и поняли и...» Восполняем цитату по собранию писем Белинского (Письма, т. II. Спб., 1914, стр. 325). — *Ред.*

Но в какой связи этот момент находится с историей России? На это нет ответа. 835. «К вопросу об исторической критике и классовой точке зрения». В чем упрекает Б[елинский] Полевого: отсутствие философской мысли. Что такое философская мысль? Отношение Белинского к предисловиям Гюго показывает, что и в период консер[вативный] он понимал истинное органическое значение поэзии [7].

III, 459. Признание историч[еской] критики [8].

Непосредств[енный] творческий элем[ент] в Пушкине сильнее мыслительного. III, 533. Идея *Цыган.* Характер Алеко. Пушкин написал на него не сатиру, а изобразил верно весь характер романтизма. Романтизм вообще есть Алеко. Он восстановляет то, что сам же отрицает. Пример у Жорж Занд на счет мужей и предисловие к petite Fadette [9]. Нападая на Алеко, Бел[инский] с истор[ической] точки зрения становится на публицистическую. Он обличает неискренних либералов словами Давыдова: А глядишь, наш Мирабо... [10] Алеко погубил эгоизм — это абстрактная критика.

У Пушкина характер Земфиры не выдержан в ее отношении к «мужу». Она за ним признает права. Но почему же? Ведь цыгане их не признавали (см. рассказ старика). О ревности, III, 536 [11]. Из того, что говорит Бел[инский], выходит, что ревность есть истор[ическая] катег[ория]. Но он не замечает этого. Ревность свойственна людям, неразвитым нравственно. А цыгане? Развиты? Или «эгоистам». А цыгане? Альтруисты? Ревность перешла к нам от «средних веков» (III, 540). А в ср[едние] века как возникла? Ведь у цыган ее нет: ты для себя лишь хочешь воли. В этом действ[ительно] характ[ер] романтизма. Стр. *546. Гегелевщина* [12]. III, 538 — отчеркнуты слова, которые независимо от всего другого должны были сделать его кумиром наших просветителей [13]. 540 — эта страница породила «Что делать?» [14] — Отелло — значит, и это историческая категория [15]. Весь разбор характера Алеко абстрактен.

Обратить внимание (к вопросу об исторической критике и классовой точке зрения) на т. I, стр. 468. Замечание о Гоголе [16].

562. Критик должен быть поэтом. III, 575—576. Белин[ский] видит в дворянстве самое прогрессивное сословие. III, 580 — то же. Писарев так смотреть уже не мог. Точка зрения Белинского есть историческая категория: *особая эпоха в развитии разночинца.* У Белинского антитезой были славянофилы, у Писарева — само дворянство. III, 583 — недостатки комедии Грибоедова. III, 585. У Бел[инского] разбор характ[ера] Татьяны неясен. Почему? Ср. это с тем, что говорится о замужестве Татьяны у Писарева [17]. III, 587 — Бел[инский] видит в «Онегине» историч[ескую] заслугу, а Писарев — образец, с которым надо воевать. III, 587 — взгляд на дворянство [18]. Писарев этого сказать не мог. III, 589. *Историческое значение Онегина.* И в Онег[ине], и в Татьяне надо видеть представителей дворянства того времени. Писарев этого не видел. Он предпочитал «Горе от ума». Но это другая сторона дела. III, 590 — ср. выраженное здесь настроение Белинского с настр[оением], выразившимся в статье Писарева [19]. 594. *Что нравственно?* [20] У Писарева та же борьба против неправды. Но общество

пошло дальше, и Пис[арев] обруш[ился] на того самого Пушкина, кот[орого] хвалил Бел[инский].

Белинский, несомненно, идеализирует Онегина (он не вполне *истор[ически] смотрит* на него, а отчасти и *публицистически*).

Тупая чернь III, 603. Ясно, что это относится не к народу. 605. *Просветитель* [21]. 610. Ленский — эгоист, но и Онегин тоже. Почему же Бел[инский] не замечает этого в Онегине? *Трезвость*. Тут уже виден просветитель. 610 [22]. Женщина в Европе. Ошибка. Ср. Мадам д'Агу [23]. 613. Проповедь просветителя [24]. 635—636. *Просветитель* [25]. 637. Просветитель на половину с историком. 640 [26]. Принцип класса для Пушкина — вечная истина [27]. Но ведь и для Татьяны тоже. Это тоже «совесть». III, 653. Недостаток идеалистич[еского] взгляда Б[елинского] [28]. 658. Что значит в духе времени? Верного во всем этом то, что за Борисом никто не шел [29]. 659. Общая характеристика Пушкина [30]. 662. *Отзыв о Корнеле и Расине* [31]. 672. По поводу «Родословной моего героя» совершенно просветительские рассуждения. Б[елинский] сам сказал, что П[ушки]н поэт дворянского класса. Значит, и надо было рассматривать его психологию с этой стороны, а не оспаривать его мнения. 672. Вопрос на счет смысла: *в каком же*? А есть стихотворение, разъясняющее этот смысл [32]. Его должен был знать Б[елинский]. Он говорит: ни одно историческое явление не делается спроста. Это так. Но тогда и Пушкин рассуждал не спроста. 673—4. *Славянофильское мнение* [33]. У *Пушкина лампа* всегда называется *лампадой*. А родословная героя — не начало ли это Медного всадника? Пушкин говорит в М[едном] В[саднике] о родослов[ной] Евгения. А окончание родословной надо сравнить со стих[отворением] *Чернь* [34]. 683. Чарский *не* стыдится своего ремесла [35]. Откуда взял это Б[елинский]? Чарский стыдится за людей, толкующих о поэзии. Б[елинский] сам признает, что отношения света к искусству странны. 687. *Что значит любить искусство для искусства*? [36] Белинский очень стоит за эмансипацию женщин, но он представляет себе женский характер совсем не так, как представляли его просветители 60-х годов. Напр. 696 [37]. Кстати: *искусство* — истина в представлении. Критика переводит эту истину с языка представления на язык мысли. 704. Заключение о Пушкине. *483*. Национальный ли поэт Пушкин? Б[елинский] отвечает на этот вопрос очень ебивчиво: см. субстанцию и проч. [38]. А в действительности — очень национальный: — и русский и помещичий в лучшем смысле. 487. III. *Тут уже положительно утопическое соображение*. Оно основано на несбыточной надежде о каком-то новом русском слове [39]. 489. Вот именно поэтому и не любил его Писарев. Все у него гуманно. 489 [40]. А Писарев находит, что нет. Почему же? Да потому что гуманность Пушк[ина], несомненно, односторонняя. Пример Толстого [41]. О любви и дружбе. Писарев ловит Б[елинского] на противоречии [42]. Но противоречия нет. Иное дело воспевать дружбу, иное дело поэтически говорить о них: в 1-м случае дидактика, во втором искусство для искусства. Для Бел[инского] важно было, что у Пушкина нет мечтательности, а поэтизируется действительность. А для Писарева досадна была именно эта идеализация действительности. В известном смысле можно сказать, что Писарев смотрел на вещи конкретнее: он чувствовал, что напрасно стали бы мы идеализировать старое.

Народность Пушкина: Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика [43]. Сколько поэзии в стихотв[орении]: Зима, что делать нам в деревне? Но это поэзия помещичьего быта. Бел[инский] понимал ее. И ее можно понять в сравнительно спокойное время. Но Писарев не мог понять ее в эпоху борьбы. А Писарев сам из помещичьей среды. Значит, тем более охватила его идея. Ответ Анониму (703 Пушкин) [44], есть много для пояснения его психологии. Ложна ли мысль «Поэта»? Ср. Бел[инского] III, 495 [45]. Стр. 500, III, посмотр[ите], как исказил эти слова Писарев. В статье о Пушкине Белинский стремился выйти из «тесной сферы эстетики». Но для выхода из тесной сферы эстетики есть два пути. Белинский пошел по пути просветителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из письма к Боткину от 10—11 декабря 1840 г. (*Белинский*, Письма, т. II, Спб., 1914, стр. 193).

[2] *Рётшер*, Генрих Теодор (1803—1871) — немецкий эстетик, находившийся под сильным влиянием Гегеля. В своих работах сделал попытку подвести под драматическое искусство философскую основу и подготовить научную театральную критику.

[3] Эта мысль высказана Белинским в рецензии на книгу Мишле «Краткая история Франции до французской революции».

[4] В своей книге «Белинский, его жизнь и переписка» Пыпин, касаясь вопроса о литературных взглядах Белинского в указываемую Плехановым эпоху, говорит: «Несмотря на то, что мнения Белинского еще не установились правильно в общественных предметах, что он мало интересовался ими, даже впадал в грубые ошибки, его критика не теряла своего значения. Его теоретические ошибки в толках о «действительности» не затемнили поэтического понимания; суждения о главнейших явлениях, напр. Гоголе, остались неизменны» (*Пыпин*, Белинский, его жизнь и переписка, т. I, Спб., 1876, стр. 256).

[5] Обе статьи находятся в I томе.

[6] В письме к Боткину от 22 ноября 1839 г. Белинский пишет:

«В Питере только поймешь, что религия есть основа всего и что без нее человек — ничто, ибо Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить *в человеке* все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное» (*Пыпин*, т. II, стр. 9).

[7] В статье об «Очерках русской литературы» Полевого Белинский цитирует письмо Полевого к Булгарину, где Полевой, говоря о своих драматических произведениях, подробно объясняет, что он хотел показать каждым из них. «Читаешь — и глазам не веришь,—говорит Белинский.—Точь в точь будто читаешь свод предисловий Виктора Гюго к его драмам: тут я хотел высказать такую мысль; здесь — я задал себе для разрешения такую-то задачу; там хотел доказать неоспоримость такого-то положения, — как будто поэзия все равно, что математика, как будто поэт может повелевать своим вдохновением».

[8] Все ссылки на III том имеют в виду статью «Сочинения Александра Пушкина».

[9] Жорж Занд писала: «Я нападаю не на брак, а на мужей». В предисловии к «La petite Fadette» («Маленькая Фадетта») она выражает ужас и отчаяние, внушенные ей революционными бурями, только что пронесшимися над Францией (предисловие написано в 1851 г.), и говорит о своем желании уйти в мечты, в прославление мирных радостей и добродетелей.

[10] *Давыдов*, Денис Васильевич (1781—1839) — генерал-лейтенант, известный поэт-партизан. Литературная деятельность Давыдова выразилась в ряде стихотворений и в нескольких прозаических статьях. Из стихотворений наибольшей известностью пользуются те, в которых он воспевал быт тогдашнего государства.

Громкой известностью пользовалась также его «Современная песня» — сатирическое произведение, направленное против тех слоев современного Давыдову общества, в которых бродило недовольство существовавшим порядком вещей.

Эту песню и цитирует здесь Плеханов. Приводим полностью начатую им строфу:

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус, да в рыло.

(Соч. *Д. В. Давыдова*, т. I, Спб., 1893, стр. 69)

[11] Белинский говорит о ревности: «Эта страсть свойственна или людям по самой натуре эгоистическим, или людям неразвитым нравственно».

[12] На стр. 546 отчеркнуто следующее место: «... несмотря на всю возвышенность чувствований старого цыгана, он — не высший идеал человека: этот идеал может реализоваться только в существе сознательно-разумном, а не в непосредственно-разумном, не вышедшем из-под опеки у природы и обычая. Иначе развитие человечества через цивилизацию не имело бы никакого смысла, и люди, чтоб сделаться разумными и справедливыми, должны бы в диком состоянии видеть свое призвание и свою цель. Человечество должно было примириться с природой, но не иначе, как достигши этого примирения свободно, путем духовного, противоположного природе развития».

Против этого места на полях заметка: «Идеализм».

[13] На стр. 538 отчеркнуто следующее место: «Так как человек не только существует, но еще и мыслит, то всякий предмет в отношении к нему существует не только практически, но и теоретически, и человек только тогда вполне владеет предметом, когда схватывает его с этих обоих сторон».

[14] По мнению Белинского, которое имеет здесь в виду Плеханов, в случае охлаждения любимого существа, человеку истинно нравственному остается сделать только одно: «со всем самоотвержением души любящей, со всей теплотой сердца, постигшего святую тайну страдания, благословить *его* или *ее* на новую любовь и новое счастье, а свое страдание, если нет сил освободиться от него, глубоко схоронить от всех, и в особенности от *него* или от *нее*, в своем сердце». Эта мысль легла в основу романа Чернышевского «Что делать?»

[15] Вот взгляд Белинского на «Отелло»: «В образованном человеке нашего времени шекспиров «Отелло» может возбудить сильный интерес, но с тем однако же условием, что эта трагедия есть картина того варварского времени, в которое жил Шекспир и в которое муж считался полновластным господином своей жены...»

[16] На стр. 468 первого тома отчеркнуто следующее место: «...комедия Гоголя [«Ревизор»] представляет собой художественное произведение, особый и замкнутый в самом себе мир, и может подлежать только рассмотрению немецкой умозрительной критики, а отнюдь не французской исторической. Лица поэта нет в этом создании, и потому, чтобы понять «Ревизора», нам совсем не нужно знать ни образа мыслей, ни обстоятельств жизни его творца».

[17] Излагая содержание «Евгения Онегина», Белинский говорит о замужестве Татьяны следующим образом: «Разочарованная в своих мечтах, бедная девушка склоняется на слезы и мольбы старой своей матери и выходит замуж за генерала, потому что ей было все равно, за кого бы ни выйти, если уж нельзя было не выходить ни за кого».

Писарев в своем разборе «Евгения Онегина» («Пушкин и Белинский». Соч. *Д. И. Писарева*, т. V, Спб., Ф. Павленков, 1894 г.) излагает то же самое в ироническом тоне.

[18] Белинский называл дворянство времени Александра I лучшим сословием в том смысле, что оно, как наиболее образованное, могло заимствовать передовые идеи Запада.

[19] На стр. 590 отчеркнуто следующее место: «Будьте вы человеком какого вам угодно происхождения, держитесь каких вам угодно убеждений, — светскость вас не испортит, только улучшит. Говорят: в свете жизнь тратится на мелочи, самые святые чувства приносятся в жертву расчету и приличиям. Правда, но разве в среднем кругу общества жизнь тратится только на одно великое, а чувство и ум не приносятся в жертву расчету и приличию?»

[20] Защищая Пушкина от обвинений безнравственности, которым он подвергался за правдивое описание родственных отношений, Белинский пишет: «Стало быть, если бы он описал родство между некоторыми людьми таким, каким оно не существует, т. е. неверно и ложно, — его похвалили бы. Все это значит ни больше, ни меньше как то, что нравственна одна ложь и неправда...»

[21] Плеханов имеет в виду следующее место, характерное для Белинского, как просветителя: «Человечество еще далеко не дошло до той степени совершенства, на которой все люди, как существа однородные и единым разумом одаренные, согласятся между собой в понятиях об истинном и ложном, справедливом и несправедливом, законном и преступном, так же точно, как они уже согласились, что не солнце вокруг земли, а земля вокруг солнца обращается, и во множестве математических аксиом».

[22] Это замечание, повидимому, относится к следующему, отчеркнутому Плехановым месту на стр. 610: «Вечно копаясь в самих себе и становя себя центром мира, они [мечтатели] спокойно смотрят на все, что делается в мире, и твердят о том, что счастье внутри нас, что должно стремиться душой в надзвездную сторону мечтаний и не думать о суетах той земли, где есть и голод, и нужда, и...» Фраза обрывается на полуслове в тексте статьи Белинского.

[23] Белинский пишет о роли и значении женщин в Европе: «В Европе женщина — действительно царица общества: весел и горд мужчина, с которым она больше говорит, чем с другими».

Графиня д'Агу (1805—1876) — французская писательница, выступавшая под псевдонимом «Даниель Стерн». Написала ряд романов, затем перешла к политической литературе. Ее трехтомная «История революции 1848 г.» проникнута сочувствием к революции. Оставила также книгу мемуаров, которую, очевидно, и имеет здесь в виду Плеханов. В этих мемуарах она говорит о «женщине и салоне в демократическом государстве» следующее: «Нашим революционным поколениям... влияние женщин в салоне показалось бы ниспровержением всех законов. Французский демократ, в принципе и в своих писаниях, высоко чтит мать и супругу, но на деле, в своем доме, хочет видеть ее подчиненной и признает ее только как хозяйку» (*Daniel Stern*, Mes souvenirs, Paris, 1877, p. 365).

[24] На 613 стр. Белинский с негодованием рисует картину воспитания русской девушки — воспитания, видящего в ней не человека, а только «невесту».

[25] На этих страницах Белинский выражает свое возмущение страхом Татьяны перед мнением света и ее безропотным подчинением его житейским правилам.

[26] Со стр. 639 начинается разбор «Бориса Годунова».

[27] Очевидно, Плеханов имеет в виду следующее место на стр. 637: «... в лице Онегина, Ленского и Татьяны Пушкин изобразил русское общество в одном из фазисов его образования, его развития... Затем одно: личность поэта, так полно и ярко отразившаяся в этой поэме, везде является такой прекрасной, такой гуманной, но в то же время по преимуществу аристократической. Везде видите вы в нем человека, душой и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, везде видите русского помещика... Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности; но принцип класса для него — вечная истина...»

[28] На стр. 653 отчеркнуты следующие строки: «Народ даже старался, силился полюбить Годунова — и никак не мог».

[29] Белинский говорит об отмене Годуновым Юрьева дня, единственного дня в году, когда разрешался свободный переход крестьян от одного владельца к другому: «Этот новый закон был так в духе тех времен, что утвердился и укоренился надолго...».

[30] Здесь Белинский дает такую характеристику Пушкина: «...он в душе был больше помещиком и дворянином, нежели сколько можно ожидать этого от поэта. Говоря в своих записках о своих предках, Пушкин осуждает одного из них за то, что тот подписался под соборным деянием об уничтожении местничества. Первыми своими произведениями он прослыл на Руси за русского Байрона, за человека отрицания. Но ничего этого не бывало: невозможно предположить более антибайронической, более консервативной натуры, как натура Пушкина... Пушкин был человек предания гораздо больше, нежели как об этом еще и теперь думают».

Это место отчеркнуто, на полях заметка: «Это так. Оттого-то и был несимпатичен он Писареву».

[31] По поводу монолога Пимена Белинский пишет: «... эти прекрасные слова — ложь, но ложь, которая стоит истины: так исполнена она поэзии, так обаятельно действует на ум и чувство. Сколько лжи в этом роде сказали Корнель и Расин — и однако же просвещеннейшая и образованнейшая нация в Европе до сих пор рукоплещет этой поэтической лжи».

[32] На стр. 672 Белинский приводит отрывок из «Родословной моего героя»:

«Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ».

После слов «в этом смысле», напечатанных курсивом, Белинский в скобках вставляет вопрос: «В каком же?»

[33] Это замечание относится к следующему месту: «Ничего не может быть нелепее, как приложение к нашему русскому быту фактов истории Западной Европы, с ее католическими и рыцарскими преданиями, вовсе для нас чуждыми и нисколько к нам не идущими. И оттого слова: «аристократический», «демократический», встречающиеся изредка в русских стихах или русской прозе, тем смешнее и забавнее, чем серьезнее смотрят они...».

[34] Плеханов, очевидно, имеет в виду следующую строфу из «Родословной моего героя»:

«Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,
Перед кумирами земными
Проходишь ты уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: «Куда, куда?
Дорога здесь». Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные. Твой труд
Тебе награда: им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты».

[35] Имеется в виду разбор Белинским «Египетских ночей» Пушкина. Чарский — одно из действующих лиц этой повести, светский человек и поэт.

[36] В разборе «Моцарт и Сальери» Белинский пишет: «Есть организации несчастные, недоконченные, одаренные сильным талантом, пожираемые сильной страстью к искусству и к славе. Любя искусство для искусства, они приносят ему в жертву всю жизнь, все радости, все надежды свои...»

[37] На стр. 696 отчеркнуто следующее место: «Женщина больше всего обожает в мужчине силу, мужественность, могущество. Она любит, чтобы он был с ней не только нежен, но и дерзок».

[38] На стр. 483 Белинский дает такое определение национального поэта: «Национальный поэт выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциальную стихию, которой представителем бывает масса народа, и определенное значение этой субстанциальной стихии, развившейся в жизни образованнейших сословий нации».

[39] Здесь, вероятно, имеется в виду следующее отчеркнутое место на стр. 487: «...Пушкин более национальный поэт, нежели кто-либо из его предшественников; но дело в том, что нельзя определить, в чем состоит эта национальность. В том, что Пушкин чувствовал и писал так, что его соотечественникам казалось, будто это чувствуют и говорят они сами. Прекрасно. Да как же чувствуют и говорят они? Чем отличается их способ чувствовать и говорить от способа других наций?.. Вот вопросы, на которые не может дать ответа настоящее, ибо Россия по преимуществу — страна будущего...».

[40] Белинский пишет: «Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической — внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность».

[41] Имеется в виду односторонний гуманизм Толстого (его сочувствие Нехлюдову, мучающемуся угрызениями совести после избиения своего слуги).

[42] По поводу стихотворения Пушкина *«Чернь»* Белинский пишет (на стр. 399): «...смешны и жалки глупцы, которые... требуют от поэта непременно, чтобы он воспевал им все любовь и дружбу...» Писарев ловит здесь Белинского на противоречии, указывая, что на стр. 391 он же спрашивает, что составляет содержание мелких пьес Пушкина, и отвечает так: «Почти всегда любовь и дружба, как чувства, наиболее обладавшие поэтом и бывшие непосредственным источником счастья и горя всей его жизни».

[43] Цитата из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога».

[44] Приводим из стихотворения Пушкина «Ответ Анониму (Ив. Ал. Гульянову)» несколько строк, которые, вероятно, имел в виду Плеханов:

«Смешон, участия кто требует у света.
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый
Ударит по сердцам с неведомою силой —
Она в ладоши бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,
«Тем лучше», говорят любители искусств;
«Тем лучше; наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ними не найдет сердечного привета,
Когда боязненно, безмолвствует оно...»

(*А. С. Пушкин*. Соч., т. II, Спб., А. С. Суворин, 1903 г.).

[45] Белинский говорит: «Превосходно его [Пушкина] стихотворение «Поэт», в котором он развивает мысль, что поэт, пока не потребует его Аполлон к священной жертве, ничтожнее всех ничтожных детей мира, а как скоро коснется его слуха божественный зов, душа его стряхивает с себя нечистый сон жизни, как пробудившийся орел; но мысль эта теперь совершенно ложна». По этому поводу Писарев пишет: «С нашей реальной точки зрения такое явление немыслимо; по-нашему, если мысль совершенно ложна, то и все стихотворение никуда не годится; но так как эстетики обладают специальной способностью услаждаться стихотворениями, как *жареными птичками величиной с наперсток*, то, разумеется, на их каббалистическом языке слово *превосходно* может иметь гастрономическое или какое-нибудь другое, столь же непостижимое значение».

РЕЧЬ О БЕЛИНСКОМ

Речь о Белинском, произнесенная Плехановым на собраниях русской колонии в Женеве, Берне и Цюрихе в 1898 г., появилась в 1899 г. отдельной брошюрой, а также в журнале «Работник», и в том же году была переведена на болгарский язык. В Собр. соч. вошла в X том.

В архиве сохранился отрывок первоначальной редакции статьи, всего 9 листов, а также вариант начала ее (3 листа). Кроме того, имеется конспект речи, разбитый на два часа.

Отрывок первоначальной редакции написан в тетради с синей обложкой, где занимает 9 листов, исписанных чернилами с обеих сторон; остальные листы

вырваны. Пронумерована только первая страница каждого листа, исписанные же обороты нумерации не имеют. Непронумерованным оборотам нами даны номера их лицевой стороны, с прибавлением буквы а: 1а, 2а и т. д.

Вариант начала написан на трех отдельных тетрадочных листах. Здесь также обороты, хотя и исписаны, нумерации не имеют.

Конспект речи написан на восьми отдельных тетрадочных листах, исписанных чернилами с обеих сторон и пронумерованных; каждый час имеет свою особую нумерацию, причем на этот раз пронумерованы и обороты.

Выписки написаны на отдельных тетрадочных листах рукой Р. М. Плехановой и пронумерованы самим Плехановым; на некоторых из них заголовки написаны также его рукой.

ОТРЫВОК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

1 Мм. гг.

Прежде чем приступить к моей беседе о Виссарионе Григорьевиче Белинском, я считаю нужным оговориться.

Значение этого человека в истории нашего умственного развития так велико, его литературная деятельность была так плодотворна; наконец, его личность так привлекательна, что мне нужно было бы прочитать по крайней мере 10 или 15 лекций, если бы я захотел исчерпать свой предмет хотя бы приблизительно. Но в моем распоряжении находится всего полтора, много — два часа. Поэтому я должен быть очень краток и ограничиться рассмотрением наиболее важной стороны его деятель-
1а | ности. Какая же это сторона?

На этот вопрос можно ответить его собственными словами. Он не раз говорил в своих статьях, что поэт должен выражать в своих произведениях не частное и случайное, а общее и необходимое. С этим критерием подходил он к оценке великих художественных произведений. С этим же критерием подойдем мы к самому Белинскому. Мы скажем: крупный литературный деятель выражает в своих произведениях не *частное* и *случайное*, а *общее* и *необходимое*. И мы спросим, — *в чем же заключается то общее и необходимое, выразителем которого явился В. Г. Белинский*?

Чтобы выяснить себе это, мы должны будем обратиться частью
2 к сочинениям Белинского, а частью | к его биографии.

Вот, например, я попрошу Вас, господа, припомнить тот факт из его жизни, который изображен на известной картине Наумова: *Белинский перед смертью*. Уже в феврале 1848 года начальник третьего отделения звал к себе Белинского для объяснения. Но Белинский был уже очень болен и не мог выходить из дому. На время его оставили в покое. Но 27 марта к нему
2а явился жандарм с новым приглашением. | Это-то появление жандарма и изображено Наумовым.

Один из друзей Белинского так рассказывает о впечатлении, произведенном на нашего критика этим визитом:

«Белинский, не вставáвший [уже с кресла, задыхающимся от волнения и от слабости голосом просил меня... отыскать бывшего его учителя Попова... и узнать, для чего его требуют. Приехав к Попову, я объяснил ему о тяжкой болезни Белинского, приковавшей его к креслу, и спросил, чего от него желают. Попов вспомнил с нежностью о детских годах Белинского, выражал участие к его болезненному состоянию, просил меня успокоить больного и объяснить ему, что он вызывался не по какому-либо частному делу или обвинению, но как один из замечательных деятелей на поприще русской литературы, «единственно для того, чтобы лично познакомиться с начальником ведомства (где служил Попов)], *хозяином* русской литературы»*...

5 | Вы только что видели, господа, что за этой милой шуткой 1
тюремщика скрывалось нечто весьма серьезное. Вы знаете также, что имени Белинского нельзя было называть в печати в течение довольно продолжительного времени после его смерти. Уже одно это доказывает, что почтенные «*хозяева*» русской литературы действительно смотрели на Белинского как на государственного преступника и что только смерть спасла его от переселения в один из более или менее «тепленьких» казематов Петропавловской крепости.

Вы знаете, господа, что до сих пор то ведомство, которое так настойчиво хотело познакомиться с Белинским, является «*хо-*
5а *зяином русской литературы*»; вы знаете, что до сих пор | всякий русский писатель сколько-нибудь оппозиционного образа мыслей может не без основания думать, что для него уже приготовляется каземат в Петропавловской крепости; что, одним словом, русские люди до сих пор не имеют права думать, что хотят, и говорить, что думают. Вот почему факт, изображенный на картине Наумова, до сих пор имеет самое несомненное *общее* значение. Я считал нужным напомнить о нем, приступая к оценке значения Белинского в истории нашего умственного развития.

Надо заметить, однако, что, смотря на Белинского как на государственного преступника, правительство показало, что

---

* В рукописи указаны начало и конец цитаты: «Белинский, не вставáвший и т. д., т. II, 333... хозяином русской литературы».

Цитата взята из книги *А. Н. Пыпина*, Белинский, его жизнь и переписка, т. II, стр. 331.

Следующую за цитатой страницу рукописи (третью) занимает следующая «вставка», перечеркнутая сверху донизу:

«Вы согласитесь, конечно, со мной, господа, что этот факт сам по себе имеет общее значение: в самом деле, ведь то ведомство, которое так настоятельно стремилось «лично познакомиться» с Белинским, до сих пор является «хозяином русской литературы»; до сих пор всякий талантливый человек сколько-нибудь оппозиционного образа мыслей может каждый день ожидать жандармского визита, ареста, тюрьмы и ссылки; словом, до сих пор русские люди не имеют права думать, что хотят, и говорить, что...»

Следующая, четвертая, страница из тетради вырвана. — *Ред.*

6 оно понимало характер этого человека. В самом деле | этому характеру трудно было ужиться с нашим тогдашним порядком вещей, как, впрочем, трудно было бы ему ужиться и с нынешним нашим порядком. Чтобы освежить в вашей памяти образ Белинского, я напомню Вам следующее место из «Былого и дум» Герцена:

«В этом застенчивом человеке, в этом хилом теле [обитала мощная гладиаторская натура!.. Да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он нехорошо говорил, но, когда он чувствовал себя уязвленным, когда касалось до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла; бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем он говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный физической слабостью. Как я любил и как жалел я его в эти минуты!»] *.

7 | Совершенно то же говорит о нем, в своих воспоминаниях, *Панаев*.

«Для того, чтобы иметь о Белинском полное понятие, видеть его во всем блеске, [надобно было навести разговор на те общественные вопросы, которые живо его затрагивали, и раздражить его противоречием; затронутый, он вдруг вырастал, слова его лились потоком, вся фигура его дышала внутренней энергией и силой, голос по временам задыхался, все мускулы лица приходили в напряжение... Он нападал на своего противника с силой человека, власть имеющего, мимоходом играя им, как соломинкой, издевался, ставил его в комическое положение и между тем продолжал развивать свою мысль с энергией поразительной. В такие минуты этот обыкновенно застенчивый, робкий и неловкий человек был неузнаваем» **.]

Заимствую отгуда же *** два чрезвычайно характерных случая из жизни Белинского.

---

* В рукописи сказано: «В этом застенчивом человеке, в этом хилом теле и т. д. т. VII, стр. 138». Конец цитаты не указан. Даем ее в том виде, в каком она приведена в печатной статье (Соч., т. X, стр. 321). Указывая т. VII, Плеханов имеет в виду старое, женевское издание Герцена (Сочинения *А. И. Герцена*, т. VII, Женева, 1879). В новом издании (*А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, Петроград, Госиздат, 1919) цитата находится в т. XIII, на стр. 24. — *Ред.*

** В рукописи: «Для того чтобы иметь о Белинском полное понятие, видеть его во всем блеске и т. д., стр. 214, т. 2-й».

Цитата взята из книги: *И. И. Панаев*, Литературные воспоминания, Спб., 1876, стр. 395. Плеханов, очевидно, пользовался другим изданием. — *Ред.*

*** Т. е. из «Былого и дум». — *Ред.*

«Раз приходит он обедать [к одному литератору на страстной неделе, подают постные блюда. «Давно ли, — спрашивает он, — вы сделались так богомольны?» — «Мы едим, — отвечает литератор, — постное просто-напросто для людей». — «*Для людей*? — спросил Белинский и побледнел. — Для людей? — повторил он и бросил свое место. — Где ваши люди? Я им скажу, что они обмануты, всякий открытый порок лучше и человечественнее этого презрения к слабому и необразованному, этого лицемерия, поддерживающего невежество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами. Прощайте, я не ем постного для поучения, у меня нет *людей*!»] *.

Второй случай еще характернее. 139, т. VII **.

8 | Противоправительственное настроение было очень сильно у всех наших западников сороковых годов. Но ни у кого не доходило оно до такой степени, как у Белинского, у которого оно становилось, как вы только что видели, настоящей революционной страстью. 〈Давно уже сказано, что без страсти не делалось

8а и не де|лается ничего великого. Это лучше всего подтверждается примером Белинского. Если его деятельность повлияла на

---

* В рукописи: «Раз приходит он обедать и т. д. 139, т. VII». Цитата из «Былого и дум» (Соч. *А. И. Герцена*, т. VII, Женева, 1879). В новом издании (Соч., Пг., 1919) цитата находится в т. XIII, на стр. 25. — *Ред.*

** Этот «второй случай» приводится Плехановым в его печатной статье (Соч., т. X, стр. 330—331):

«Раз на вечеринке, у того самого литератора, который постился для своих «людей», один магистр Петербургского университета, по словам Герцена, ослабивший свои способности философией и филологией, долго рассуждал на тему об умеренности и аккуратности и, коснувшись знаменитого «философического письма» Чаадаева, заявил, что автор этого письма не достоин уважения. Присутствовавший на вечеринке Герцен, который был лично знаком с Чаадаевым, стал возражать магистру, объясняя ему, как несправедлив его отзыв о человеке, смело высказавшем свое мнение и пострадавшем за него. Магистр отвечал, указывая на необходимость уважать разные «основы». Спор затягивался...

Вдруг мою речь подкосил Белинский... — рассказывает Герцен, — он подошел ко мне уже бледный, как полотно, и, ударив меня по плечу, сказал: «Вот они высказались — инквизиторы, цензоры, на веревочке мысль водить»... и пошел, и пошел. С грозным вдохновением говорил он, приправляя серьезные слова убийственными колкостями. «Что за обидчивость такая: палками бьют, не обижаемся, в Сибирь посылают, не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, зацепил народную честь, не смей говорить; речь — дерзость, лакей никогда не должен говорить! Отчего же в странах образованных, где, кажется, чувствительность тоже должна быть развитее, чем в Костроме да Калуге, — не обижаются словами?»

— В образованных странах, — сказал с неподражаемым самодовольством магистр, — есть тюрьмы, в которые запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит... и прекрасно делают.

Белинский вырос, он был страшен, велик в эту минуту; скрестив на больной груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом:

— А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным.

Сказавши это, он бросился на кресло изнеможенный и замолчал. При слове «гильотина» хозяин побледнел, гости обеспокоились, сделалась пауза. Магистр был уничтожен...» — *Ред.*

историю нашего умственного развития сильнее, чем деятельность всякого другого западника сороковых годов, не исключая и Герцена, то это объясняется не только его необычайными умственными способностями, но и его страстным темпераментом. «Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума, — говорит он в письме к своему другу Боткину от 27—28 июня 1841 года, — я начинаю любить человечество маратовски: чтобы [сделать] счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...» Приведя этот отрывок из письма Белинского, г. Пыпин (во втором томе своего сочинения: «Белинский, его жизнь и переписка», стр. 118) ставит несколько точек и излагает продолжение уже своими
9 словами: | «Следует страстная тирада в защиту достоинства человеческой личности, — говорит он, — обвинение против ее угнетателей». Из этих слов видно, какую именно часть человечества наш великий критик готов был истреблять *«по-маратовски»*.>

9а | Страстность вообще была важнейшей отличительной чертой характера Белинского. Он сам сознавал это. «Страстность составляет преобладающий элемент моей *прекрасной души*,—говорит он в одном из писем к Бакунину. — Эта страстность источник мук и радостей моих; а так как, притом, судьба отказала мне слишком во многом, то я не умею отдаваться в половину тому немногому, в чем не отказала она мне. Для меня и дружба к мужчине есть страсть, и я бывал ревнив в этой страсти [2]...» Сколько страсти вкладывал он в свои отношения к противникам, видно частью из его полемических статей, а еще больше из ... *

ВАРИАНТ НАЧАЛА РЕЧИ

БЕЛИНСКИЙ

1 *(Речь и т. д.)*

Мм. гг.

Мне предстоит сегодня говорить о В. Г. Белинском.

Значение этого человека в истории нашего умственного развития так огромно, его литературная деятельность была так плодотворна, наконец, его собственная личность так привлекательна, что мне нужно было бы прочитать по крайней мере десять лекций, если бы я захотел приблизительно исчерпать свой предмет. Но в моем распоряжении находится всего полтора или много два часа. Поэтому я должен, во-первых, быть очень краток, а, во-вторых, ограничиться рассмотрением предмета лишь с некоторых сторон, почему-либо наиболее интересных и важных в настоящее время.

а этом рукопись обрывается. — *Ред.*

Какие же это стороны?

Не подлежит никакому сомнению, что при существующих в России условиях русская печать в статьях, вышедших по случаю пятидесятилетней годовщины смерти Белинского, не могла свободно коснуться политических его взглядов, — не могла осветить ярким светом всех тех данных, которые имеются у нас
2 для характеристики | отношения его к нашему правительству в последние годы его жизни, когда миросозерцание его уже окрепло, а личность окончательно сложилась. Вы согласитесь, господа, что это очень интересная и очень важная сторона нашего предмета, и вы не удивитесь, если я посвящу ей некоторую часть времени, находящегося в моем распоряжении.

Существует другая сторона, очень близкая к только что указанной, и по-своему не менее важная. Я говорю о *личном* характере Белинского, о тех особенностях его нравственной личности, которые наложили индивидуальную печать на его политические взгляды и придали им особенный оттенок, свойственный одному только Белинскому во всем том кружке, который носит название кружка западников сороковых годов. Этой стороне мы тоже должны посвятить 〈некоторую часть нашего времени, потому что〉 она не могла быть свободно рассмотрена в статьях и речах, напечатанных или произнесенных в России по случаю пятидесятилетней годовщины его смерти.

Но огромная важность этих двух сторон не безусловна. Они важны и интересны лишь потому, что речь идет у нас о человеке, имевшем огромное влияние на наше умственное развитие. Они тем более важны и тем более интересны, чем более важно историческое значение деятельности В. Г. Белинского. Поэтому оценке его исторического значения и должна быть посвящена большая часть нашего времени и главная доля нашего внимания *.

3 | По причинам, о которых нет надобности распространяться, я начну не с этой, наиболее важной стороны предмета. Вы сами увидите, надеюсь, что хотя такой план имеет свои неудобства, но зато он очень удобен в некоторых других отношениях.

Приступим же к делу.

Белинский умер [26] ** мая 1848 года. За несколько дней до его смерти, рассказывает... ***

---

* Первая половина стр. 3 перечеркнута. Приводим ее:

«Из этого не следует, впрочем, что мы должны начать нашу беседу с рассмотрения именно этой, наиболее важной стороны нашего предмета. Мы можем расходиться между собою в оценке исторической роли Белинского, можем не вполне ясно понимать весь ее колоссальный смысл, но все мы достаточно знакомы с сочинениями Белинского и все мы достаточно чтим и любим его святую личность, чтобы интересоваться...» — *Ред.*

** День смерти Плехановым не указан. В рукописи здесь пропуск. — *Ред.*

*** На этом рукопись обрывается. — *Ред.*

КОНСПЕКТ РЕЧИ

КОНСПЕКТ

1 *1-й час*

Вступление. О страстности Белинского: *Выписка* № 1 *. В общ[ественном] отнош[ении] она играла еще больш[ую] роль, чем в личных. Бел[инский] — человек крайний; «жид по натуре и за одним столом с филистимлянами есть не могу»[3]. Война с филистимлянами — его призвание. «Гадки и пошлы ссоры, но борьба за понятия— дело святое, и горе тому, кто не боролся»[4]. В литерат[уре] борьба за понятия есть полемика. Бел[инский] страстный полемист. *Выписка* № 2 **. Из письма к Боткину о борьбе с славянофилами. *Выписка* № 3 ***. Другое его письмо, напис[анное] около того же времени: полемика — призвание Белинского: «Чувствую теперь вполне и живо, что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — *полемика*»[6]. Это чувствуют и его друзья. Враги зов[ут] его *бульдогом*, а друзья вот как вспомин[ают]. Выписка № 4.

* В архиве сохранился ряд относящихся сюда выписок, сделанных рукой Р. М. Плехановой и перенумерованных рукой Г. В. Плеханова. Первая из них, озаглавленная: «О страстности», приводится в первоначальной редакции, на 9-й странице рукописи. — *Ред.*

** Приводим выписку № 2:

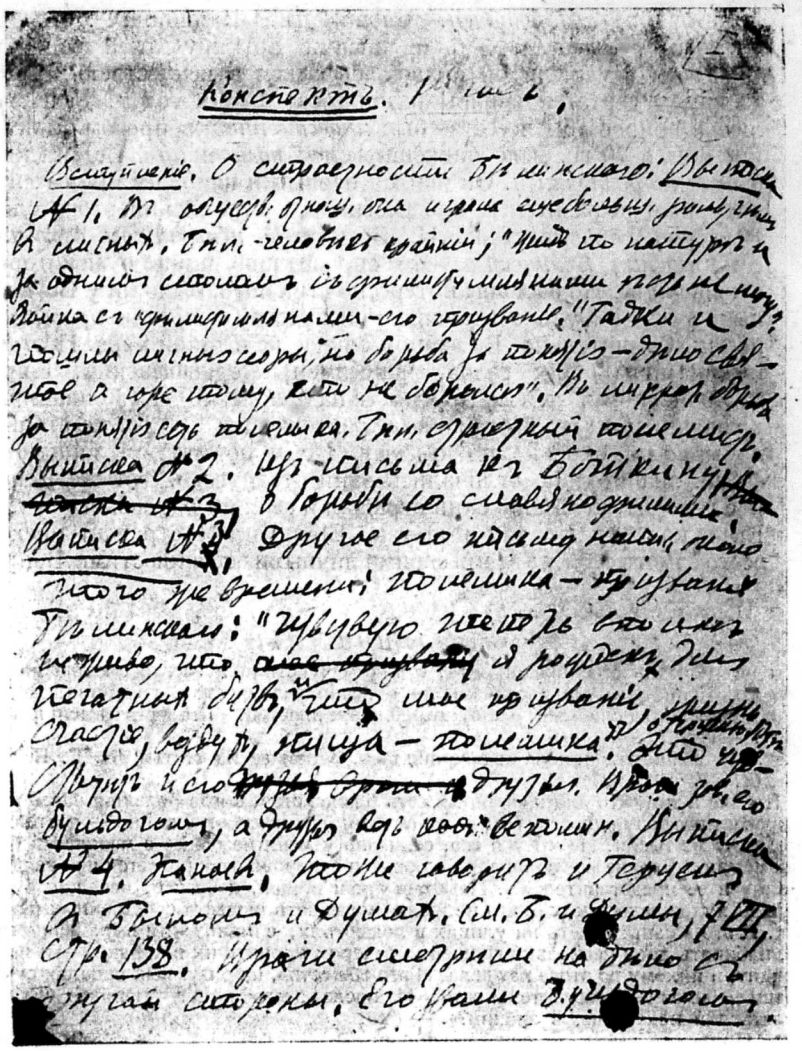
«О ПОЛЕМИКЕ

У нас нападают иногда на полемику, особенно на журнальную, — говорит он в знаменитой своей первой статье «Литературные мечтания». — Это очень естественно. Люди, хладнокровные к умственной жизни, могут ли понять, как можно предпочитать истину приличиям и из любви к ней навлекать на себя ненависть и гонение. О! Им никогда не постичь, что за блаженство, что за сладострастие души сказать какому-нибудь гению в отставке без мундира, что он смешон и жалок своими детскими претензиями на великость; растолковать ему, что он не себе, а крикуну-журналисту обязан своей литературной значительностью, сказать какому-нибудь ветерану, что он пользуется своим авторитетом на кредит, по старым воспоминаниям или по старой привычке; доказать какому-нибудь литературному учителю, что он близорук, что он отстал от века и что ему надо переучиваться с азбуки, сказать какому-нибудь выходцу бог весть откуда, какому-нибудь пройдохе и Видоку[5], какому-нибудь литературному торгашу, что он оскорбляет собою и эту словесность, которой занимается, и этих добрых людей, кредитом которых пользуется, что он надругался и над святостью истины и над святостью знания, заклеймить его имя позором отвержения, сорвать с него маску, хотя бы она была и баронская, и показать его свету во всей его наготе... Говорю вам, во всем этом есть блаженство неизъяснимое, сладострастие безграничное». — *Ред.*

*** Приводим выписку № 3:

«ПИСЬМО К БОТКИНУ

Спасибо тебе за вести о славянофилах... Если не ошибаюсь в себе и в своем чувстве, ненависть этих господ радует меня, я смакую ее, как боги — амброзию, как Боткин (мой друг) всякую сладкую дрянь; я был бы рад их мщению... Я буду постоянно бесить их, выводить из терпения, дразнить. Бой мелочный, но все же бой, война с лягушками, но все же не мир с баранами». — *Ред.*



Конспект речи о Белинском

Панаев *. То же говорит и Герцен в «Былом и думах». См. «Б[ылое] и думы», т. VII, стр. *138*[7]. Враги смотрели на дело
2 с другой стороны. Его звали *бульдогом*. | Его старались осмеять. *Стихи:* Твой подвиг не похвален и т. д.[8]. Этот «Бульдог»[9] был

* Выписка № 4 повторяет цитату, приведенную в первоначальной редакции (см. выше стр. рукописи 7). — *Ред.*

чрезвычайно *добродушен*. Слова Дм. Калинина [10]. *Выписка № 5* *. *Выписка № 6* из письма Боткину от 8 сентября 1841 года (имеет ли он право забываться в искусстве?) **. Это та самая черта, кот[орая] развил[ась] в 60-х годах. Для этих людей вопрос об искусстве был *нравственным* вопросом. Движение 60-х и 70 гг. было движением слоя *разночинцев*. Бел[инский] был тоже *разночинец*. Он явился первым и наиболее ярким литературным выразителем прогрессивных стремлений этого слоя. Венгеров [11] называет В. П. Боткина [12] *источником духовного возбуждения Белинского*. Это справедливо лишь в некоторых отношениях. Но было бы интересно выяснить, было ли у Боткина хоть когда-нибудь отношение к искусству *вопросом нравственности*. Сомнительно. Во всяком случае не в такой мере. Поэтому разноч[инцы] 60-х годов, напр[имер] Чернышевский, ближе к Белинскому, чем к другим западникам 40 гг. Гениальный
3 разночинец 40 гг. был ближе к разночинцам | 60 гг. не столько по мыслям, сколько по *чувству*. Но и по мыслям западники 40 гг. значительно отличались один от другого. Тот же Венгеров говорит, что Белинский отражал и себя и Грановского и т. д. Выписка ***. Это так и не так. Б[елинский] отражал прежде всего самого себя, со всеми своими личными особенностями. Вопрос

* Приводим выписку № 5:

«Д. КАЛИНИН

Ты не можешь себе представить, с каким чувством я всегда смотрю на несчастного. Если при мне рассказывали о несправедливостях, гонениях, жестокостях сильных над слабыми, о злоупотреблении властей, — то ад бунтовал в моей груди». — *Ред*.

** Эта выписка в архиве не сохранилась. Берем ее из статьи «В. Г. Белинский» (т. X, стр. 321).

«Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно — достояние мне одному из тысяч. Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими... Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей... Подавши грош нищей, я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая услышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улицах в лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке, — и люди это видят, и никому до этого нет дела. И это общество, на разумных началах существующее, явление действительности! И после этого имеет ли право *человек* забываться в искусстве, в знании?». — *Ред*.

*** Приводим выписку, озаглавленную:

«ВЕНГЕРОВ

Ведь самые-то настоящие великие люди те, которые не сами по себе, а отражают великие эпохи. Второстепенно было бы значение Белинского, если бы он отражал одного Станкевича, одного Боткина, одного Бакунина, одного Грановского, одного Герцена. Но если он одновременно, и притом по отношению к большинству из них с бесконечно большею силою и блеском, отражал и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановского, и Герцена, то это уже значит, что он является центральным пунктом знаменитейшей эпохи, выразителем самого замечательного момента русской культуры, давшей ту плеяду великих писателей, которая поставила Россию на один уровень с великими литературными державами человечества». — *Ред*.

только в том, не имеют ли эти личные, индивидуальные особенности *общего* исторического значения. Только при такой постановке вопроса можно выяснить себе во всей полноте историческую роль великого человека. В «Дн[евнике]» Гер[цен] наз[ывает] Бел[инского] *фанатиком, человеком экстремы*. Действ[ительно], в кружке тогдашних западн[иков] Бел[инский] пред[ставлял] *крайнюю левую*. Он не понимает полудружеских связей Герц[ена] со славянофилами. О письме, написан[ном] Герц[еном] по этому поводу, говорит: от него попахивает умеренностью и благо-
4 разумием житейским, | началом нравств[енного] падения [13]. О Гранов[ском] и неприличном месте [14]. Грановский и модерация. *Выписка* *. Грановский пораж[ается] его крайностями. *Выписка из Кавелина* ** [15]. Это как нельзя более справедливо. И уже по одному этому нельзя ограничиться указанием того, что Б[елинский] «отражал и Гр[ановского]» и др. Гранов[ский] спорит с Бел[инским] о французской революции, о Р., т. е. о *Робеспьере*. После сказан[ного] это понятно, паче раз прав *Кавелин*. Венгер[ову], и не ему одному, хочется *смягчить* некоторые крайности в характере Бел[инского], сделать его salonfähig *** Увлечение Б[елинского] *соц[иализмом]*. *Выписка* ****. Г. Венгеров, очевидно, имея в виду это письмо, говорит в своей статье: *Выписка* *****. Венг[еров] плохо выяснил себе характер Бел[ин-

* Выписка не сохранилась. Плеханов, вероятно, имел в виду привести слова Белинского о Грановском в письме к Боткину от 6 февраля 1843 г.: «он человек хороший, но одно в нем худо: модерация». — *Ред*.

** Эта выписка не сохранилась. Берем ее из печатной статьи (т. X, стр. 325):

«Между Белинским и Грановским была великая дружба, — говорит в своих воспоминаниях Кавелин, — но я думаю, что непосредственной симпатии между ними не было, да и не могло быть. Это были две натуры совершенно противоположные... О Белинском Грановский говорил всегда с большим уважением, с большой любовью, но прибавлял, что он страшно увлекается и впадает в крайности. Если бы эти натуры не сплочали в теснейший союз внешние обстоятельства, благородство общих стремлений, личная безукоризненность, а также гнет мысли, науки, литературы, — Белинский и Грановский наверное разошлись бы, как Грановский впоследствии разошелся в Герценом». — *Ред*.

*** — приличным. — *Ред*.

**** Приводим эту выписку:

«БЕЛ[ИНСКИЙ] И СОЦИАЛИЗМ

Ты знаешь мою натуру — пишет он Боткину, — она вечно в крайностях... Я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеей идей... альфой и омегой веры и знания... Она для меня поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объяс[няю] теперь жизнь мою, твою и всех, с кем я встречался на пути жизни».

Выдержка из письма к Боткину от 8 сентября 1841 г. («Письма», т. II, стр. 262). — *Ред*.

***** Эта выписка не сохранилась. Берем ее из печатной статьи (т. X, стр. 325—326):

«Самою лучшею характеристикою миросозерцания кружка Белинского и Герцена было бы назвать их «социалистами». Но я боюсь этого названия, позднее приобревшего иной оттенок, воинственный. Я же, напротив того, сейчас собираюсь показать, что «социализм» в позднейшем смысле, агрессивном, был чужд людям 40-х годов. Белинский в одном письме называет себя «социалистом», но только

ского]; Бел[инский] всегда был *агрессивен* в своих пристрастиях. «Я начинаю любить человечество маратовски, — говорит он о себе — чтобы сделать счастливой» и т. д. *. Кажется, это довольно *агрессивная* любовь. Сопоставьте это с его пристрастием
5 к Робеспьеру. Это тоже довольно агрессивно. | Соц[иализм] Бел[инского] совсем не чужд *агрессивных элементов*. Но «Р[усское] б[огатство]» не хочет согласиться с этим, и вот оно, в лице Венг[ерова], употр[ебляет] все усилия, чтобы стереть яркие краски с образа нашего великого писателя. Венг[еров] и свидетельство *Щедрина*. *Выписка* **. Итак, тут не борьба классов, а человечество, не политич[еская] экономия, а вера. Ост[авляя] Щедр[ина] в стороне, точно ли борьба классов чужда была Бел[инскому]? Статья о *Парижских тайнах Эженя Сю*. Бел[инский] сож[алеет] об участии рабоч[его] класса в рев[олю]ции 1830 г. *Выписка* ***.

в смысле человека, интересующегося по преимуществу «социальными», т. е. общественными, вопросами. Да будет мне позволено поэтому называть наших западников 40-х годов не «социалистами», а «общественниками», и тогда под эту кличку подойдут и Герцен, и Белинский, и безусловно мирные писатели — Григорович, Тургенев, Достоевский, Салтыков, Некрасов и др.» — *Ред.*

* Восполняем эту цитату по первоначальной редакции (стр. 9 рукописи): «...чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...»

Из письма к Боткину от 27—28 июня 1841 г. («Письма», т. II, стр. 247). — *Ред.*

** Выписка не сохранилась. В печатной статье (стр. 326) имеется соответствующее место. Приводим его:

«Щедрин писал когда-то:

«Из Франции Сен-Симона, Кабэ, Фурье, Луи-Блана и в особенности Жорж Занда лилась в нас вера в человечество; оттуда воссияла уверенность, что золотой век не позади, а впереди нас».

По этому поводу г. Венгеров замечает:

«В этом важном историческом свидетельстве драгоценны не только факты, но и общий тон. Речь как будто идет о политико-экономических теориях, но на самом деле воспоминания расшевелили в суровом старике только память сердца, тут не «борьба классов», *а человечество*, не политическая экономия, *а вера*, и эта вера воспринята не сухо логически, потому что факты и цифры неотразимы, — она воссияла...» и т. д. — *Ред.*

*** Приводим выписку, озаглавленную:

«БЕЛИНСКИЙ И БОРЬБА КЛАССОВ»

«В смелом и безумном самоотвержении народ не щадил себя, сражаясь за нарушение прав, которые нисколько не делали его счастливее и, следовательно, так же мало касались его, как и вопрос о здоровье китайского богдыхана». Далее Белинский осмеивает буржуазное понятие о равенстве.

Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником и капиталистом, тот и другой судится одинаковым судом и по вине наказывается одинаковым наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственник с этой оплаты берет 99 процентов... Хорошо равенство».

«Бедствия народа в Париже выше всякой меры превосходят самые смелые выдумки фантазии, — восклицает он. — Но и искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил

Какой вид имеет здесь *вера в человечество*? Она покрывается верой в народ, а народ — рабоч[ие]. Инт[ересы] и нрав[ственность] рабоч[их] противоп[оложны] интер[есам] и нравств[енности] буржуазии. Это ли не точка зрения борьбы классов? Это ли не узкость, в которой обвиняют нынешних соц[иалистов]. Оговорка. Никто из нынеш[них] соц[иалистов] не осуд[ил] бы участия раб[очего] класса в рев[олюции] 1830 г. Это нач[ало] политич[еской] борьбы. Политические права гораздо важнее для рабоч[их], чем здоровье богдыхана. Бел[инскому] это было неясно. В этом — слабая стор[она] его социализма. Но это не мешало [ему] стоять на т[очке] зрения борьбы классов. Что такое
6 борьба классов? | Рус[ские] перед[овые] [люди] часто похожи тут на немец[ких] и французских филистеров. Слова Скобелева Белинскому: когда же к нам? Бел[инского] считали опасным человеком. Эпизод, увековеченный на извест[ной] картине Наумова. Уже в феврале Бел[инского] зовут к Дуббельту [16]. Он болен; его ост[авляют] в покое. 27-го марта, — новая повестка с жандармом. Этот визит и изображен Наумовым. Впечатление визита. *Выписка* *. Панаев говорит о шпионах («неизвестных»), сопровождавших тело Белин[ского] на кладбище. Мысль о лотерее. Поехали к Попову. *Выписка* **. Белин[ский] не преступник с формальной точки зрения, и тем не менее наше правительство могло считать его государств[енным] преступником. Вы помните об его маратов[ской] любви к человечеству. Об его пристрастии к Робеспьеру. Прибавлю: он не умел скрывать своих мыслей. Два эпизода из Герцена. Случай с постом. Случай с магистром. «Былое и думы», том VII, стр. 139 и 141—142 [17].
7 | Я прошу Вас, гг., поставить себя на место Дуббельта и сказать: ну разве же это не гос[ударственный] прест[упник]?

Но именно за эту преступность мы и любим «неистового Виссариона»; именно за это мы питаем к нему чувство, которое выше и чище чувства сыновней любви, мы, госуд[арственные] преступники не только по существу, но и формально, мы, изгнанники, сохранив[шие] веру в свой народ и убежденные в том, что Россия достигнет, наконец, той цивилизации, о которой говорил Бел[инский]. Реакц[ионный] кнут и революц[ионная] гильотина. *Стихи Некрасова*: молясь [18]...

бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя, но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума... он еще слаб, но он еще один хранит в себе огонь национальной жизни и ее свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях образованного общества» и т. д. — *Ред.*

* Выписка не сохранилась. См. ее в первоначальной редакции на 9-й странице рукописи. — *Ред.*

** Выписка не сохранилась. Берем ее из печатной статьи, где она находится на стр. 330:

«Услышав о смерти Белинского, Попов выразил сожаление о столь преждевременной кончине замечательного критика, но лишь только ему сказано было о лотерее, он весь изменился в лице и ответил в самом раздраженном тоне отказом. Его слова имели тот смысл, что для него имя Белинского было равнозначительно имени государственного преступника...» — *Ред.*

1 *КОНСПЕКТ*

2-й час

Бел[инский] отражал не только Гран[овского] и друг[их] западников, но и самого себя. Его величие в том, что даже его личные особенности имеют огромное общественное значение. В лице его выступает на сцену слой разночинцев, которому суждено было играть такую крупную роль в нашем обществ[енном] движении 60 и 70 гг. Первый пред[ставитель] его, он сразу обнаружил всю страстность и всю революционную энергию, которые так свойственны были нашим разночинцам последних десятилетий. В этом отношении он далеко оставил за собою своих друзей из образованного и гуманного дворянства. В таком качестве он сталкивается с «проклятыми вопросами». С ними связано увлечение философией Гегеля.

Эпоха, к котор[ой] относ[ятся] юношеские годы Бел[инского]. Ему было около 15 лет во время 14 декабря. Оно должно было произвести на него сильное впечатление. Герцен об обществе. *Выписка* *. Белинский полон героич[еских] стремлений, но
2 сознает себя нулем [19]; 2 возможных выхода отсюда. | 1) Индиферентизм; 2) искание в науке и в философии объяснения и указания. Белин[ский] идет по второму пути.

В Герм[ании] царит философия Гегеля. Бел[инский] захвачен ею. Почему? Потому же, почему она захватывала лучшие умы в Германии. Она была фокусом и освещала пути дальнейш[его] развития мысли и жизни. Штраусс. Б. Бауер. Фейербах. Лассаль. Энгельс. Маркс.

Я не могу указать *всех* важных сторон гегелизма, укажу *самую* важную.

Последующее и предыдущее в истории умственного развития. Отличие и *противоположность*. Это общее правило. Оно оправдывается при сравнении философии 18-го в. с философией 19-го столетия. В философии 18-го в. *отсутствовала точка зрения развития*. Это и во взглядах на природу и особенно на историю. Для них главной пружиной умственного развития было развитие знаний и просвещения. Это и так. Der Feind,
3 den wir am tiefsten hassen, | das ist der Unverstand der Massen [20] и т. д. Всякому прогрес[сивному] деятелю приходится считаться с идеями. Но можно спросить себя: чем же обусловливается накопление знаний и распростр[анение] просвещ[ения]? Нет ли и тут *законосообразности*? Если да, — *наука*; нет — науки нет

* Выписка не сохранилась. Берем ее из печатной статьи (т. X, стр. 332): «Нравственный уровень общества пал, — говорит Герцен, — развитие прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные, испуганные, слабые, потерянные, были мелки, пусты, дрянь александровского поколения заняла первое место».

Цитата из «Былого и дум», ч. IV (Полное собрание сочинений, под ред. М. К. Лемке, т. XIII, стр. 30). — *Ред.*

и следа. Философы 18-го в. не задавались вопросом о законосообразности в развитии знаний (исключ[ение] — *Гельвеций*). *Практически* до поры до времени это было даже хорошо. Но вот пришла *революция*. Ход вещей не подчинялся ходу идей. Разочарование. Попытки понять революцию, как *законосообразный процесс*. Начинаются попытки создания de *la science sociale* *. Переход на точку зрения развития. Высшее выражение в Гегеле. Основная идея его философии есть идея развития. Такая точка зрения должна была действовать успокоительно и освежи-
4 тельно. | Пример: революционеры во время реставрации. Точка зрения развития важна для *новаторов, когда они еще слабы*. Герцен называл философию Гегеля азбукой революции.

Отрицание 19-го в. гораздо сложнее простого отрицания 18 столетия. Метафизич[еское] мышление 18-го в.: да — да; нет — нет. Пример: духовенство. Отношение к нему Вольтера и Сен-Симона [21]. Сен-Симон даже преувеличил заслуги духовенства. Люди 19-го в. в своем отрицании *гораздо требовательнее*. Пример *Арнольда Руге* [22].

Сам Гегель давал консерв[ативное] истолкование своей философии: как объяснял он свою формулу: was wirklich и т. д. **.

Вернемся к Белин[скому].

5 | Белинский чувствовал поверхностность своего отрицания: *нуль*. Чье отрицание стоит на конкретной почве, нулем себя не почувствует, хотя идеал его осуществится не скоро. Философия Гегеля должна была привести его к *сознанию* того, что он *чувствовал*. Он окончательно убедился в *неосновательности своего отрицания*. Пылкий отрицатель — пылкий отрицатель отрицания. Бородинская годовщина. Инстинкт морального самосохранения: отрицание = муке. Ультиматум Герцена. «*Без всякого сомнения*» [23]. Психолог[ическая] неизбежность этого ответа.

Не нужно и говорить, что это непродолжительно. Письмо с *колпаком*. *Выписка* ***. Белинский становится революционером.

Покинув «*колпак*», Белинский остается все-таки гегельянцем.
6 | Он понял теперь азбуку революции. Что должен был он сделать в статье о Бород[инской] годовщине? *Развить идею отрицания*. Итак, идея верна. Какая же это идея? Идея законосообраз-

* — социальной науки. — *Ред.*

** Что действительно, [то разумно]. — *Ред.*

*** Приводим относящуюся сюда выписку:

«Благодарю покорно, Егор Федорович (так шутя называли Гегеля в его кружке), кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр., иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою и т. д. (*Пыпин*, II, стр. 105)».

Выдержка из письма к Боткину от 1 марта 1841 г. («Письма», т. II, стр. 213). — *Ред.*

ности общественного развития. Как же развить идею отрицания? Показать историч[ескую] необходимость исчезновения дурных сторон действит[ельности]. Сделать это значило выработать цельную и стройную философию рус[ской] общественной жизни. При неразвитости рус[ской] общ[ественной] жизни — нельзя без помощи Запада. На Западе философия переживает *кризис*. Гегель — Фейербах. Слабая сторона философии Фейербаха [24]. Белинскому так и не удалось «*развить идею отрицания*». Он глубоко страдал от этого. *Выписка*: «увы, друг мой» *.

7 Анахарсисы [25] | новой Греции. Сопоставить с Герценом. *Выписка* **. Недовольство Бел[инского] *народом*. *Выписка* ***.

Недовольство *социализмом*. Письмо к Боткину от 6 февраля 1847 г. Литтре [26]. Недостаток *утопического социализма*. Белинскому этот недостаток, как гегельянцу, должен был броситься

* Выписка не сохранилась. Берем ее из печатной статьи (стр. 340):

«Увы, друг мой, — пишет он Боткину, — без общества нет ни дружбы, ни любви, ни духовных интересов, а есть только порывания ко всему этому, порывания неровные, бессильные, без достижения, болезненные, недействительные. Вся наша жизнь, наши отношения служат лучшим доказательством этой горькой истины... Человечество есть абстрактная почва для развития души индивидуума, а мы все выросли из этой абстрактной почвы, мы — несчастные Анахарсисы новой Скифии. Оттого мы зеваем, толчемся, суетимся, всем интересуемся, ни к чему не прилепляясь, все пожираем, ничем не насыщаясь».

Выдержка из письма к Боткину от 27 июня 1841 г. («Письма», т. II, стр. 243). — *Ред.*

** Выписка не сохранилась. Берем ее из печатной статьи (стр. 341):

«Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? — с отчаянием восклицает он [Герцен] там [в «Дневнике»]. — Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего мы ищем всяких наслаждений, пьем вино и проч.? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?.. О, пусть они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть. Была ли такая эпоха для какой-либо страны? Рим в последние века существования, и то нет... Там были святы воспоминания, было прошедшее, наконец, оскорбленный состоянием родины мог успокоиться на лоне юной религии, являвшейся во всей чистоте и поэзии. Нас убивают пустота и беспорядок в прошедшем, как в настоящем — отсутствие всяких общих интересов...» — *Ред.*

*** Приводим эту выписку, озаглавленную:

«ОТРИЦ[АТЕЛЬНОЕ] ОТНОШЕНИЕ К НАРОДУ

Смерть Кольцова тебя поразила. Что делать? На меня такие вещи иначе действуют: я похож на солдата в разгаре битвы — пал друг и брат — ничего — с богом — дело обыкновенное. Оттого-то, верно, потеря сильнее действует на меня тогда, как я привыкну к ней, нежели в первую минуту. Об отце Кольцова думать нечего: такой случай мог бы вооружить перо энергическим, громоносным негодованием где-нибудь, а не у нас. Да и чем виноват этот отец, что он — мужик? И что он сделал особенного? Воля твоя, а я не могу питать враждебности против волка, медведя, или бешеной собаки, хотя бы кто из них растерзал чудо гения или чудо красоты, так же как не могу питать враждебности к паровозу, раздавившему на пути своем человека. Поэтому-то Христос, видно, и молился за палачей своих, говоря: не ведят бо, что творят. Я не могу молиться за волков, ни за медведей, ни за бешеных собак, ни за русских купцов и мужиков, ни за русских судей и квартальных, но и не могу питать к тому или другому из них личной ненависти. (*Пыпин*, II, 157)».

Выдержка из письма к Боткину от 9 декабря 1842 г. («Письма», т. II, стр. 326). — *Ред.*

в глаза. Выписка *. Это не то, что в статье об Эжене Сю. Что же это? Новый фазис? Сейчас увидим.

Славянофилы смотрят на народ как соц[иалисты] [27]. Как же? «Спасительная неподвижность» [28]. *Взгляд соц[иалистов] на капитализм*. Замеч[ание] Маркса [29]. Белинский замечает этот недостаток и выдвигает элемент развития: *буржуазия*. Ошибка и правда Белинского [30].

8 | *Гегель. Фейербах. Маркс.*

Маркс развивает идею отрицания и несет в народ. Рабочие — наследники философии [31]. Как дело у нас. Если бы Бел[инский] был жив — стр[астные], сочув[ственные] вдохновенные слова.

Истинное значение Бел[инского] не критика, а указание недостаточности «абстрактного идеала», необходим[ости] обосновать идею отрицания с точки зрения законосообразности. Бел[инский] предш[ественник] рус[ского] марксизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под тюремщиком подразумевается комендант Петропавловской крепости Скобелев, который, как рассказывает в «Былом и думах» Герцен, при встречах с Белинским на Невском шутя говорил ему: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас и берегу». Очевидно, об этом и шла речь на вырванной четвертой странице.

[2] Выдержка из письма Белинского от 8 марта 1843 г. к А. А. Бакуниной и Н. А. Бакунину («Письма», т. II, стр. 345).

[3] Из письма к Герцену от мая 1844 г. (см. «Дневник» Герцена — Соч., т. III, Пг., 1919, стр. 327—328).

[4] Из письма Белинского от 28 ноября 1842 г. к Н. А. Бакунину («Письма», т. II, стр. 322—323).

[5] *Видок*, Эжен-Франсуа (1775—1857) — известный французский сыщик. После выхода в отставку написал свои записки. Намек Белинского относится к Булгарину (см. прим. 22 к публикации о Писареве).

[6] Выдержки из писем к Боткину от 9—10 декабря 1841 г. и 31 марта 1842 г. («Письма», т. II, стр. 289 и 327).

[7] См. первоначальную редакцию, стр. рукописи 6.

[8] Цитата из направленного против Белинского стихотворения М. А. Дмитриева «Безымянному критику». Приводим полностью эту строфу:

«Нет, твой подвиг не похвален,
Не привет России он.
Карамзин тобой ужален,
Ломоносов уязвлен».

(Стихотворения *М. А. Дмитриева*, ч. I, М., 1865).

* Выписка не сохранилась. Берем ее из печатной статьи (стр. 343):

«Кстати в «Gazette de France» я прочел отрывок из первого тома «Истории революции» Луи Блана. Это его суждение о Вольтере! Святители, да это Шевырев! Все, что говорит Луи Блан в порицание Вольтера, справедливо, да глупо то, что он не судит о нем, а осуждает его, и притом, как нашего современника, как сотрудника «Journal des débats». Луи Блан — историк современных событий; но за прошедшее, сделавшееся историей, ему, кажется, не следовало бы браться».

Выдержка из того же письма. — *Ред.*

Первоначально это стихотворение появилось в 1842 г. в «Москвитянине». Тогда эта строфа имела такой вид:

«Нет, твой подвиг не похвален,
Он России не привет.
Карамзин тобой ужален,
Ломоносов не поэт».

В таком виде эта строфа и приводится как Пыпиным, так и Плехановым в его печатной статье (Соч., т. X, стр. 321).

[9] Белинский сам подписал псевдонимом «Петр Бульдогов» полемическую статью «Педант, литературный тип», направленную против реакционного критика Шевырева.

[10] «Дмитрий Калинин» — юношеская драма Белинского.

[11] *Венгеров*, Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы, один из крупнейших представителей русской либерально-буржуазной интеллигенции. Здесь имеется в виду его статья о Белинском «Великое сердце», напечатанная в «Русском богатстве» за 1898 г.

[12] *Боткин*, Василий Петрович (1811—1869) — писатель, любитель и знаток искусства либерально-западнического направления. Сотрудничал в ряде журналов (статьи о музыке, живописи, литературе, переводы, путевые записки и пр.). В настоящее время все эти работы за немногими исключениями забыты. Боткин был близок с Белинским, Станкевичем, Грановским, Герценом и другими общественными и литературными деятелями 40—50-х годов, входил в их кружки, занимая в них умеренно-либеральные позиции. После реформы 1861 г. резко отошел вправо.

[13] В письме к Боткину от 6 февраля 1843 г. («Письма», т. II, стр. 334).

[14] В письме к Герцену от мая 1844 г. Белинский писал: «Грановский хочет знать, читал ли я его статью в «Москвитянине»? Нет, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видеться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания» (цитируется по Пыпину, т. II, стр. 235. В собрание писем Белинского не вошло).

Грановский, Тимофей Николаевич (1813—1855) — профессор всеобщей истории московского университета в 40-х годах XIX в., на лекциях которого воспитывался целый ряд выдающихся ученых. Лекции эти, противопоставлявшие гнету и насилиям николаевского режима идеалы западного буржуазного либерализма, оказывали огромное влияние на широкие круги студенчества и общества. Грановский близко стоял к Герцену, Огареву, Белинскому, но отличался от них большей умеренностью.

«Москвитянин» — консервативный журнал, издававшийся в Москве с 1841 по 1856 г. под редакцией историка М. П. Погодина и ведший яростную борьбу с западниками.

[15] *Кавелин*, Константин Дмитриевич (1818—1885) — либеральный публицист, научный и общественный деятель западнической ориентации. В своих философских, психологических и юридических работах является чистейшим буржуазным идеалистом. К концу жизни Кавелин из либерала превратился в реакционера и приветствовал правительство Александра III в его борьбе с революцией.

[16] *Дуббельт*, Леонтий Васильевич (1792—1862) — генерал, царский жандарм. В 1835 г. был назначен начальником штаба корпуса жандармов, в 1839 г. — управляющим Третьего отделения.

[17] См. первоначальную редакцию, стр. рукописи 7.

[18] Цитата из «Медвежьей охоты» Некрасова. Приводим полностью эту строфу:

«Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени».

(«Полное собрание стихотворений *Н. А. Некрасова* в двух томах», т. I, Спб., 1895, стр. 460.)

[19] В письме к Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839 г. Белинский говорит: «Его [Шиллера] «Дон Карлос»... бросил меня в абстрактный героизм, вне которого я все презирал, все ненавидел (о, если бы ты знал, как дико и болезненно) и в котором я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторг, сознавал себя — нулем» («Письма», т. I, стр. 347).

[20] В печатной статье Плеханов приводит полностью эту строфу из Марсельезы немецких социал-демократов (т. X, стр. 334):

«Der Feind den wir am tiefsten hassen,
Der uns umlagert, schwarz und dicht,
Das ist der Unverstand der Massen
Den nur des Geistes Schwert durchbricht».

В переводе:

«Враг ненавистнейший для нас,
Что нам со всех сторон грозит,
Он — в несознательности масс,
Но духа меч его сразит».

(Пер. *С. И. Хмельницкого*).

[21] Вольтер видел в церкви главный тормоз общественного прогресса и призывал сокрушить ее, «раздавить гадину», как он выражался. Сен-Симон же смотрел на духовенство уже с точки зрения исторического развития этого сословия. «Отрицая правомерность его господства в настоящее время, — говорит Плеханов в печатной статье, — Сен-Симон указывал на его исторические заслуги и, становясь в этом случае в противоречие с философами XVIII века, он невольно преувеличивал важность этих заслуг...» (Соч., т. X, стр. 337).

[22] Там же Плеханов, говоря об умственной требовательности людей XIX века, приводит следующий пример: «Известный немецкий писатель-революционер Арнольд Руге рассказывает, что в первые дни его студенчества ему пришлось присутствовать на лекции не помню уже какого профессора, говорившего о религии. Профессор обнаружил очень свободное к ней отношение; «но именно это подействовало на меня довольно неприятно, — говорит Руге, — не потому, чтобы я сам был тогда верующим человеком, а потому, что меня не удовлетворяла манера отрицания, свойственная XVIII веку».

[23] Как известно, Белинский на короткое время, в 1838—1839 гг., не переварив как следует идей гегельянства, которыми он увлекался, и не чувствуя за собой социальной силы, способной к революционному преобразованию общества, пришел к примирению с существующей в крепостнической России действительностью. При этом он исходил из неверно истолковываемой формулы Гегеля «все действительное разумно», в которой понятие «действительное» отождествлялось им с понятием «существующее».

«Оспаривая этот новый взгляд Белинского, — говорит Плеханов, — Герцен однажды сказал ему, думая поразить его своим ультиматумом: «Знаете ли вы, что с вашей точки зрения вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать?» — «Без всякого сомнения», — смело отвечал Белинский» (Соч., т. X, стр. 338).

Этот свой взгляд Белинский высказал в статье «Бородинская годовщина», которую впоследствии резко осуждал.

[24] Здесь Плеханов имеет в виду несостоятельность фейербаховского материализма в деле объяснения общественно-исторического процесса.

[25] *Анахарсис* — скиф царского происхождения, предпринимавший далекие путешествия для удовлетворения своей любознательности и посетивший между прочим Афины во времена Солона; по возвращении на родину был казнен за попытки ввести греческие мистерии. Французский писатель Бартелеми написал на эту тему роман «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию».

[26] *Литтре*, Эмиль (1801—1881) — французский ученый, филолог и философ позитивной школы. Сотрудничал в журналах «Journal des débats» и «Revue des deux mondes». Во время июльской революции 1830 г. сражался на баррикадах, во время революции 1848 г. боролся против крайних революционных партий. Белинский пишет Боткину по поводу перевода статьи Литтре «Важность и успех

физиологии», напечатанного во второй книге «Современника»: «Статья о физиологии Литтре — прелесть. Вот человек! Он него морщится «Revue des deux mondes», хотя и печатает его статьи; а социальные и добродетельные ослы не в состоянии и понять его. Я без ума от Литтре именно потому, что он равно не принадлежит ни... подлецам и ворам-умникам «Journal des débats» и «Revue des deux mondes», ни... социалистам...» («Письма», т. III, стр. 165).

[27] В письме к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. Белинский пишет: «...лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг [вероятно, Бакунин]; они высосали эти понятия из социалистов...» («Письма», т. III, стр. 339).

Белинский хочет сказать, что как славянофилы, так и утопические социалисты закрывали те социальные бедствия, которые несет с собой капитализм.

[28] «Спасительная неподвижность русского народа» — выражение И. С. Аксакова.

[29] Имеются в виду социалисты-утописты, во взглядах которых элемент развития не играл почти никакой роли. В «Коммунистическом манифесте» в главе «Критически-утопический социализм и коммунизм» отмечается, что социалисты-утописты не находили в действительности материальных условий освобождения пролетариата, так как они не видели, что рука об руку с промышленным развитием идет и развитие классовых противоречий. Отсюда вытекало и создание социальных утопий (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 510).

[30] В вышеуказанном письме к Анненкову Белинский пишет: «Когда я, в спорах с вами о буржуазии, называл вас консерватором, я был глупец, а вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной... Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, как русское дворянство обратится в буржуазию».

В этом понимании значения буржуазного развития — «правда» Белинского, «ошибка» же его в том, что, подобно социалистам-утопистам, он не понимал всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и его роли как руководителя революционной борьбы всех трудящихся классов.

[31] «Немецкое рабочее движение является наследником классической немецкой философии» — заключительная фраза Энгельса в его статье «Людвиг Фейербах».

ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ 1911 Г. ИЗ ЖУРНАЛА «НАШ ПУТЬ»

Статья Г. В. Плеханова «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского» была напечатана в 1911 г. в двухнедельном профессиональном журнале металлистов «Наш путь» № 18, от 17 июня ст. ст. Эта статья не вошла в 24-томное собрание сочинений Г. В. Плеханова. Сотрудники «Дома Плеханова» разыскали ее в вышеупомянутом журнале после того, как натолкнулись в переписке Плеханова на публикуемые ниже письма редакции «Нашего пути». Вскоре после этого статья была напечатана в журнале «Литературное наследство» 1931 г., № 1 и в 1933 г. перепечатана вторично в сборнике: «Г. В. Плеханов — литературный критик».

Когда в 1887 году почитатели Г. И. Успенского праздновали двадцатипятилетие его литературной деятельности, он поздравил русского писателя с появлением нового читателя — читателя из народной среды. Он имел при этом в виду собственно читателя-пролетария, читателя-рабочего. Такой читатель многим интеллигентам казался тогда не только новостью, но, — это главное, — неожиданной и даже почти невероятной новостью.

Под влиянием господствовавших тогда в среде нашей интеллигенции народнических взглядов русские интеллигенты ждали всего от *крестьянина* и ничего от рабочего, т. е. от *пролетария*. Теперь не то.

Теперь народнические взгляды почти совершенно отошли в область литературного предания, главным образом по той причине, что русский пролетарий выступил на историческую сцену в роли наиболее передового общественного класса.

Теперь читатель из рабочей среды никого не удивляет своим существованием. И когда вся мыслящая Россия будет праздновать столетие со дня рождения Виссариона Григорьевича Белинского, не мало мозолистых рук потянется к газетам и журналам, ища в них оценки нашего великого писателя. Ввиду этого мне хочется на страницах «Нашего пути» поговорить о том, чем была деятельность В. Г. Белинского в русской литературе.

Спросите кого угодно, всякий скажет вам, что Белинский велик прежде всего как литературный критик. И это правда. В России не было критика, равного Белинскому. Да и во всей всемирной литературе немного найдется писателей, равных ему по своему критическому дарованию.

Поэтому я и буду говорить здесь о нем собственно как о литературном критике, оставляя без рассмотрения другие стороны его деятельности *.

I

Что такое литературная критика?

Это — оценка художественных произведений, как говорит сам Белинский в одной из своих первых статей. Стало быть, сказать, что Белинский был величайшим русским критиком, значит сказать, что в его статьях мы найдем самую верную оценку выдающихся произведений русской художественной литературы. И в самом деле, его статьи могут служить самым надежным руководством в деле изучения наших великих поэтов. Возьмем пример.

Если вас заинтересует поэзия М. Ю. Лермонтова, то вы, конечно, прочитаете собрание его стихотворений. Но как бы внимательно вы ни читали и как бы ни было сильно впечатление, которое произведет оно на вас, не довольствуйтесь им, а призовите на помощь В. Г. Белинского. В четвертой части его сочинений ** напечатана большая статья: «Стихотворения М. Ю. Лермонтова».

Прочтите эту статью, перечитывая при этом каждое из тех лермонтовских стихотворений, на которые ссылается Белинский. По окончании такого вдумчивого чтения вы сами увидите, что могучая красота лермонтовской поэзии несравненно лучше чувствуется вами теперь, чем чувствовалась прежде, когда вам были еще незнакомы отзывы о ней Белинского или когда они были отчасти позабыты вами. И совершенно тот же совет можно дать читателю, если он возьмется за чтение А. С. Пушкина, которому посвящена чуть ли не вся восьмая

* Подробнее о нем см. мои статьи в сборнике «За двадцать лет»: «Белинский и разумная действительность» и «Литературные взгляды Белинского». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Я имел в виду московское издание 1883 г., к которому и будут относиться все мои ссылки. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

часть сочинений Белинского. Белинский в огромной степени увеличит наслаждение, доставляемое поэзией Пушкина, и углубит понимание этой поэзии. Но это еще не все. Ряду статей Белинского о Пушкине предшествует большое историческое введение, посвященное обозрению русской литературы от Державина до Пушкина [1]. Кто хочет знать историю русской поэзии указанного периода, тот непременно должен изучить это введение, следуя рекомендованному мною правилу, т. е. перечитывая каждое из тех стихотворений, на которые указывает Белинский, характеризуя данного поэта. А Гоголь? Прочтите статью Белинского о русской повести и повестях Гоголя (в 1 части собрания его сочинений) [2], прочтите сделанный им превосходный разбор «Ревизора» (собственно в статье о комедии Грибоедова «Горе от ума») [3], — и вы убедитесь, что Белинский необходим как руководитель также и при изучении Гоголя. Впрочем, известно, что он-то и выяснил всей читающей России колоссальное значение этого бессмертного художника. Наконец, я прибавлю, что годовые литературные обзоры, находящиеся в сочинениях Белинского, составляют драгоценнейший материал для истории русской литературы за то время, когда он действовал в ней. После этого становится совершенно несомненным, что чрезвычайно высоко то место, которое занимает в русской критике В. Г. Белинский.

II

Я сказал, что статьи Белинского, посвященные поэзии Пушкина, раскрывают ее красоты и углубляют ее понимание. В сущности то же самое можно сказать и о статьях его, посвященных другим художникам слова. Однако в его статьях о Пушкине, может быть, особенно заметно то обстоятельство, что он не только открывает перед своими читателями красоты разбираемых им художественных произведений, но и учит их понимать эти произведения.

Понять данное художественное произведение значит понять его идею. Чтобы уяснить себе это, возьмем опять пример.

Разбирая стихотворение Лермонтова «Бородино», Белинский говорит, что его основная идея выражена во втором куплете, которым начинается ответ старого солдата:

«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри — не вы!»

Эта идея есть «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависти к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» [4].

Белинский прибавляет, что эта «тоска по жизни» внушила Лермонтову не одно стихотворение, полное энергии и благородного негодования. В другом месте он утверждает, что основная идея знаменитой драмы Шекспира «Отелло» есть идея ревности. Я надеюсь, что это не требует дальнейших пояснений. Но очень важно заметить, что для полного понимания всякого данного художественного произведения

еще недостаточно выяснить себе его основную идею. Всякое такое произведение есть плод своего времени, т. е. известных общественных отношений. Легко понять, что в современной Европе невозможна такая поэзия, музыка и скульптура, какая возможна была в средние века или, скажем, в XVIII столетии. Искусство обязано своим происхождением общественному человеку, а этот последний изменяется вместе с развитием общества. Стало быть, понять данное художественное произведение значит не только понять его основную идею, но и выяснить себе, почему идея эта интересует людей, — хотя, быть может, и немногих людей, — данного времени. Так, недостаточно знать, что основная идея стихотворения «Бородино» есть жалоба поэта на современное ему поколение, «дремлющее в бездействии», а надо еще привести в ясность, какие исторические обстоятельства вырвали эту жалобу из сердца Лермонтова. Для разрешения этого вопроса надо будет вспомнить, что Лермонтов родился в октябре 1814 г. и что, следовательно, ему пришлось провести свою юность в таком обществе, которое было совершенно подавлено реакцией, очень усилившейся после неудачи известного движения декабристов, и которое, по выражению другого поэта (Некрасова), напоминало собою вырубленный лес, где были могучие дубы, а остались только пни. Когда мы вспомним это, тогда слова старого солдата, жалующегося на то, что нынешнее *племя* не похоже на старое *время* богатырей, получат в наших глазах глубокий психологический смысл. И не менее глубокий психологический смысл приобретет его сожаление о том, что богатырям старого времени досталась плохая доля, так как

«Не многие вернулись с поля...»

Наконец, нам покажется совершенно естественным и то, что основная мысль стихотворения «Бородино» встречается, по справедливому замечанию Белинского, и во многих других стихотворениях Лермонтова, например, в его знаменитой «Думе»:

«Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Меж тем под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно...»

Короче. Основная идея всякого данного художественного произведения вполне уясняется для нас только тогда, когда мы смотрим на него с исторической точки зрения. А эта точка зрения особенно заметна в последних статьях Белинского о Пушкине.

Говоря о «Борисе Годунове» Пушкина, Белинский замечает, что хотя те первые его произведения, которые долго оставались рукописными, в своем качестве запрещенных доставили ему славу русского Байрона, т. е. человека отрицания, но на самом деле он был гораздо более помещиком и дворянином, нежели того могли ожидать его современники. Вообще в последние годы своей деятельности Белинский смотрел на Пушкина как на поэта дворянского сословия. С точки зрения критиков-идеалистов, — а их очень много теперь в нашей литературе, — это, конечно, очень большая ересь: видеть в данном

1911. Годъ изданія 2-й. 1911.

НАШЪ ПУТЬ.

№ 18. Двухнедѣльное изданіе № 18.

С.-Петербургъ, 17 іюня.

Въ этомъ номерѣ печатается фельетонъ Г. В. Плеханова о В. Г. Бѣлинскомъ.

Адресъ редакціи
Загородный просп. д. 17, кв. 27.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 1 р. 50 к., на 6 мѣс. 75 к., на 3 мѣс. 40 к., на 1 мѣс. 15 к. Цѣна этого № въ Петербургѣ — 4 к., въ провинціи 5 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ столѣтней годовщинѣ В. Г. Бѣлинскаго. Стихотвореніе Некрасова. Фельетонъ: Г. В. Плехановъ. О Бѣлинскомъ. Юрій Чацкій. Очередныя задачи. — Ч. Памяти Б. Кнунянца (Радина-Петрова). А. В. Страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. — Бистрикъ. О сверхурочныхъ работахъ. — Отъ редакціи: Законопроекты о правѣ коалиціи. — По Россіи: Корреспонденція изъ Харькова. Изъ жизни и дѣятельности союза. Мѣстная хроника. Отчеты и объявленія.

Къ свѣдѣнію членовъ О-ва.

По постановленію Общаго собранія отъ 8-го мая 1911 года параграфъ инструкціи „о крайней нуждѣ" уничтоженъ и замѣненъ параграфомъ о выдачѣ пособія „нуждающимся при болѣзни".

Новый параграфъ инструкціи гласитъ слѣдующее: „Больной нуждающійся членъ О-ва имѣетъ право получить пособіе на случай болѣзни не болѣе 5 руб. единовременно и не превышая 15 руб. въ годъ".

Товарищи! Три мѣсяца тому назадъ была распространена среди членовъ анкета о взаимопомощи и до настоящаго времени еще многими не возвращена. Правленіе настоящимъ извѣщаетъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ приступлено къ подсчету и разработкѣ референдума. Кто еще почему либо не успѣлъ подать своего голоса, пусть поспѣшитъ это сдѣлать въ краткій двухъ-недѣльный срокъ.

Продолженіе объявленій см. стр. 16.

В. Г. Бѣлинскій.

Столѣтняя годовщина со дня рожденія В. Г. Бѣлинскаго.

Памяти пріятеля.

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли;
Кипѣлъ, горѣлъ, и быстро ты угасъ!
[illegible]

Н. НЕКРАСОВЪ.

Страница журнала «Нашъ путь» со статьей Г. В. Плеханова о Белинском

поэте литературного выразителя известного сословия или класса значит держаться, по крайней мере в применении к нему, материалистического взгляда на историю. Но зато для тех, которые считают этот взгляд вполне правильным, значение литературной деятельности Белинского представляется в совершенно новом свете. Они видят в нашем великом критике одного из тех писателей, которые впервые начали применять некоторые основные положения исторического материализма к изучению истории литературы. Это огромная заслуга.

Конечно, только что указанный метод изучения литературных явлений был выработан Белинским далеко не сразу. Скажу точнее: Белинский окончательно усвоил его лишь в последние годы своей жизни. Излагая ход развития его литературных взглядов, необходимо заметить, что он обусловливался развитием его философского миросозерцания. Когда Белинский держался гегелевского идеализма, он объяснял смену литературных явлений, равно как и все историческое движение человечества, диалектическим движением абсолютной идеи*. А когда он перешел на точку зрения фейербахова материализма, он *стал приурочивать развитие литературы к развитию общественных отношений, к исторической смене различных сословий и классов.* Сделанная им оценка Пушкина, как поэта дворянского сословия, относится именно к этому — материалистическому периоду его философского развития. Однако это нисколько не изменяет дела. Литературные взгляды, которых Белинский держался в последние годы своей деятельности, явились плодом долгой и подчас мучительной работы его ума над важнейшими вопросами теории литературы. Но приобретенная им истина не перестает быть истиной и для нашего времени. Мы и теперь плохо и поверхностно поймем Пушкина, если откажемся взглянуть на него как на поэта дворянского сословия.

Нечего говорить, что такой взгляд, как и всякий другой, может быть понят очень узко и односторонне. Называя Пушкина поэтом-дворянином, Белинский отнюдь не хотел сказать, что поэзия Пушкина представляет собой лишь художественный гимн в честь тех привилегий «доблестного российского дворянства», которые возвышают его над лицами «подлого состояния». Чтобы быть таким поэтом, надо приходиться родней какому-нибудь Волконскому (из III Думы) [5] или даже Пуришкевичу [6]. А Пушкин далеко не родня таким господам. Дворянское настроение Пушкина следующим образом характеризуется Белинским в разборе поэмы «Евгений Онегин».

«Личность поэта, так полно и ярко отразившаяся в этой поэме, везде является такой прекрасной, такой гуманной, но в то же время по преимуществу аристократической. Везде видите вы в нем человека, душой и телом принадлежащего к основному принципу, составляю-

* Теперь даже не легко понять, что это значит. Ради пояснения скажу, что в то время для Белинского, по его собственному выражению, «весь беспредельный, прекрасный божий мир» был не чем иным, «как дыханием единой, вечной идеи... проявляющейся в бесчисленных формах». История человечества представлялась с этой точки зрения одним из проявлений единой вечной идеи. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

щему сущность изображаемого класса; короче, везде видите русского помещика... Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности; но принцип класса для него вечная истина... И потому в самой сатире его так много любви, самое отрицание его так часто похоже на одобрение и на любование... Вспомните описание семейства Лариных во второй главе, особенно портрет самого Ларина... Это было причиной, что в «Онегине» много устарело теперь. Но без этого, может быть, и не вышло бы из «Онегина» такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого определенного факта для отрицания мысли, в самом же этом обществе так быстро развивающейся» [7].

В основе *такой* критики лежит тот основной принцип исторического материализма, что не мышление определяет собою бытие, а бытие определяет собою мышление. Литературная критика только тогда и станет обеими ногами на твердую почву, когда она целиком усвоит себе этот принцип. До этого, к сожалению, пока еще очень далеко. Но именно потому, что до этого еще очень далеко, людям, желающим выработать материалистический взгляд на литературу, необходимо снова и снова возвращаться к Белинскому. А эта необходимость снова и снова возвращаться к человеку, умершему более 60 лет тому назад, наглядно показывает, как велик был ум этого человека.

И вот почему становится смешно, когда вспоминаешь теперь, что в последние годы жизни Белинского некоторые друзья его начинали опасаться, что он уже исписался. А он не только не исписался тогда, но едва успел сделать первые шаги по тому великому пути, который был открыт для него гениальной проницательностью его мысли. Преждевременная смерть безжалостно убила в нем богатейшие теоретические возможности.

Недостаток места заставляет меня кончать. Но я не хочу положить перо, не отметив еще вот чего.

Во второй половине 40-х годов прошлого века писатель, руководившийся в своих суждениях о литературе тем принципом, что не мышление определяет собою бытие, а бытие определяет собою мышление, не мог не задуматься о положении рабочего класса в западноевропейском обществе и о роли, которую суждено ему играть в дальнейшем развитии такого общества, и Белинский, действительно, думал об этом. Он так рисует положение французского пролетария:

«Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату» [8].

И он с восторгом приветствует начало борьбы пролетариата против капиталистического ига. Он видит в пролетариате, который он иногда называет также народом, самый передовой класс Франции. «В народе уже быстро развивается образование, — говорит наш критик, — и он уже имеет своих поэтов, которые указывают ему его будущее, деля его страдания и не отделяясь от него ни одеждою, ни образом жизни. Он еще слаб, но один хранит в себе огонь национальной

жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного общества» [9].

Знаменитое письмо Белинского к Анненкову [10], не однажды цитированное мною в других статьях, дает повод думать, что он сильно переоценивал значение интеллигентов в освободительном движении пролетариата [11]. Такая переоценка была, конечно, ошибкой, но эта ошибка была естественная для человека, находившегося в положении Белинского, жившего в России, т. е. в стране, в которой пролетариат еще совсем не выступал тогда на арену истории. Эту ошибку долго после него повторяли люди, выросшие при новых экономических условиях, которые, казалось бы, давали им возможность отнестись к самодеятельности пролетариата с несравненно большим доверием. Эта ошибка Белинского была замечена только русскими марксистами... да и то, по правде сказать, далеко не всеми. И нам надо теперь не сожалеть об этой ошибке, а с радостным и благодарным удивлением вспоминать о том обстоятельстве, что, несмотря на отсталость родины Белинского, мысль его плодотворно работала в том самом направлении, в котором двигалась самая передовая мысль самых передовых стран Запада. Недаром он с увлечением читал «Deutsch-Französische Jahrbücher» [12], издававшиеся в Париже Арнольдом Руге [13] и Карлом Марксом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В восьмом томе сочинений В. Г. Белинского (4-е изд., М., 1880) страницы 90—697 посвящены разбору сочинений А. С. Пушкина. Этому разбору на страницах 9—89 предшествует статья под заглавием «Русская литература в 1843 году». Здесь, как и в дальнейшем, ссылаемся на 4-е и 5-е московские издания, которыми пользовался Плеханов для данной статьи.

[2] «О русской повести и повестях Гоголя» («Арабески» и «Миргород») — Соч. В. Белинского, ч. I, 4-е изд., М., 1881, стр. 165—235.

[3] Разбору «Ревизора» посвящены стр. 373—397 статьи Белинского «Горе от ума» (Соч., ч. III, 5-е изд., М., 1884, стр. 327—420).

[4] Цитата из статьи Белинского «Стихотворения М. Лермонтова» — Соч., ч. IV, 4-е изд., М., 1883, стр. 286.

[5] *Волконский*, Николай Сергеевич, князь (1848—1910) — крупный помещик, видный земский деятель, один из основателей «Союза 17 октября» — партии крупной торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии, основанной в 1905 г. для борьбы с революцией и защиты буржуазно-монархического строя в России. Был депутатом второй, третьей и четвертой Государственной думы.

[6] *Пуришкевич*, Владимир Митрофанович (1870—1920) — крупный помещик, ярый черносотенец, один из основателей «Союза русского народа», депутат второй, третьей и четвертой Государственной думы.

[7] Цитата из статьи о Пушкине — гл. IX, стр. 602—603 (см. прим. 1).

[8] Цитата из рецензии Белинского на роман Эжена Сю «Парижские тайны» — Соч., ч. IX, 4-е изд., М., 1884, стр. 14.

[9] Там же, стр. 16.

[10] *Анненков*, Павел Васильевич (1812—1878) — литературный критик 50-х годов, автор ценных мемуаров и пушкинист.

[11] Очевидно, Плеханов имеет в виду следующие слова Белинского об интеллигенции в его письме к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г.: «Где и когда народ освободил себя? Всегда и все делалось через личности. Когда я, в спорах с вами о буржуазии, называл вас консерватором, я был осел в квадрате, а вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть посильно вспомогательную роль»

(*Белинский*, Письма. Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого, т. III, 1843 — 1848 гг., Спб., 1914, стр. 335—339).

Упомянутое письмо цитируется Г. В. Плехановым в статьях: «Белинский и разумная действительность» (Соч., т. X, стр. 249—250) и «В. Г. Белинский» (там же, стр. 343—345).

[12] «Немецко-французские летописи», издававшиеся А. Руге и К. Марксом в Париже. В числе их сотрудников были Ф. Энгельс и Г. Гейне. Вышла одна только книжка в феврале 1844 г., содержащая I и II выпуски.

[13] *Руге*, Арнольд (1803—1881) — немецкий литератор, левый гегельянец, публицист, буржуазный демократ.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ К СТАТЬЯМ О БЕЛИНСКОМ

РАЗБОР СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО

Разбор относится к четырехтомному изданию Павленкова, вышедшему в 1896 г. (*В. Г. Белинский*, Сочинения в 4-х томах, Спб., 1896). Он находится в записной книжке с черной обложкой (№ 213), где перемежается с разбором книги Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» и книги Волынского «Русские критики» и где занимает около $4^1/_2$ листов, исписанных чернилами с обеих сторон. Кроме того, разбором сочинений Белинского заняты два исписанных с обеих сторон листа в тетради № 95; здесь он перемежается с планом статьи «Литературные взгляды Белинского» и разбором статьи Писарева «Пушкин и Белинский». Сохранился также отдельный лист с замечаниями, относящимися к тт. III и IV того же издания.

В библиотеке Плеханова, кроме четырехтомного издания Павленкова, сохранилось еще двенадцатитомное издание Мамонтова. На обоих этих изданиях имеются многочисленные заметки Плеханова. Мы приводим наиболее интересные из них в конце настоящей публикации.

ЗАМЕТКИ В ТЕТРАДЯХ

(Тетрадь № 213)

Менцель навсегда остался в глазах Бел[инского] «идиотом» [1]; о консерватизме Бел[инского] до сих пор рассуждали более Менцели. Замечательно, что еще до появления «Бор[иса] Год[унова]» начинается восстание Белинского против правых гегельянцев (стр. 278, Пыпин) [2]. Это показывает замечательную самостоят[ельность] его мысли. Восстание естественно началось с эстетики, потому что ею больше всего занимался Белинский.

Бел[инский] I т.

Менцель. Гегель и монархизм, стр. 381 [3].

Задача искусства, стр. *401* [4].

«*Горе от ума*».

Заметить, что говорится о песнях Байрона. Это — психология самого Белинского — стр. 420 [5].

424. Что значит идеализировать действительность.

424. *Что такое действительность*. Ср. также статью о «Горе от ума». Это очень важно. Это показывает, что Бел[инскому] вовсе не было неизвестно различие призрачности от действительности, на что как будто намекает Тургенев [6].

427. Ошибка Бел[инского]: *призрачность есть отрицание. В этом все*, тут позабыто *развитие*.

433. Абстрактное определение трагического. Сравнить это с определ[ением], даваемым Чернышевским [7].

468. Непременно отметить неудовлетворительный взгляд Бел[инского] на знач[ение] исторической критики. Дело не в родословной автора, а в родословной героев (привести выписку из Сент-Бёва) [8]. Бел[инский] не заметил этого, потому что тогда он вообще плохо замечал эволюционный характер гегелизма.

471. Личность и общество [9].

Уже в статье о повестях Гоголя Бел[инский] отзывается с неодобрением об ученых статьях этого автора.

15. Впоследствии Бел[инский] отказался от этого правила [10].

50. Уже в первой своей статье [11] Б[елинский] не очень доброжелательно относится к французам: поумнели во время реставрации.

52—53. 18-й век: «*лицемерный, развратный, приторный*» и т. д.

54. *Белинский о полемике*.

Бел[инский], т. I, стр. 683. *Обманываться общество не может*. Это так. Но почему же тогда Бел[инский] нападал на франц[узский] классицизм?

692. Т. I. Вольтер — подобен сатане. Гегель никогда не сказал бы ничего подобного. Ср. историю философии [12].

694. I. Замечательная вещь: в этом месте особенно заметно, что Бел[инский] плохо усвоил эволютивный дух гегелевой философии. Истина одна, твердит он, смеясь над теми, которые думают, что каждый народ должен иметь свою философию [13]. Белинский напирает на «абсолютную» сторону гегелизма.

Первая ст[атья] о Петре совершенно идеалистическая, местами она повторяет «Philosophie der Geschichte» Гегеля. Во второй идеалистич[еский] дух сквозит тоже весьма порядочно, но «реализм» берет свое в рассуждениях о климате, которому Белинский придает преувеличенное значение [14].

Наша история шла иначе, чем история Запада и проч. Т. II Бел[инского], стр. 226. Все у нас должно было начинаться сверху вниз. Ibid., ст. 227.

Поэзия всегда верна истории, потому что история есть почва поэзии. 631, т. 2-й.

Белинский мог сказать о себе стихами Батюшкова:

Напрасно и т. д., т. III, стр. 402 [15].

Т. III, стр. 445—7. Бел[инский] называет пушкинским элементом — элемент грусти.

К СТАТЬЕ ОБ УСПЕНСКОМ [16]

Ч. III, 575. Чувства и страсти людей этого мира так однообразны [17].

Н.—ону [18]. Вследствие реформы Петра Великого в России должно было образоваться общество, совершенно отдельное от массы народа по своему образу жизни. Бел[инский] 7, III, 587.

*

Т. III, стр. 637. О значении Пушкина как поэта дворянского сословия.

Herzen: L'agreste Russie se pliant á tout en apparence, n'a réellement rien accepté de la réforme de Pierre I. Il sentait cette résistance passive: il n'aimait pas le paysan russe...p. 176, Du développement des idées etc. *.

Пыпин. II, 158 говорит — и верно — об отношении круга Белинского к народу. Сравнить это с отнош[ением] фр[анцузских] просветителей [19].

О народе, т. I, *стр. 157.* 441, IV. Открытие русской самобытности.

(Тетрадь № 95)

БЕЛИНСКИЙ

Эклектизм во взглядах Белинского на будущее России. Т. I, стр. 307 [20].

Непременно обратить внимание на то, что Белин[ский] говорит об идеале:

I, стр. 423 [21].

I, 425. Тут разгадка значения Пушкина [22].

I, 430. Объективность [23].

I, 434. Отношение личности к обществу [24]: тут забыта историческая сторона дела, которая есть у Гегеля (диалектика), например, Сократ [25]. Все взгляды Бел[инского] здесь абсолютны.

О кулинарных священнодействиях Боткина II, 146 [26]. Взгляд на Пушкина, не нравящийся Волынскому, высказан был Боткиным и одобрен Б[елинским] еще в 1841 году [27], т. е. в то время, когда Б[елинский], по словам В[олынского], писал свои лучшие статьи. Вообще ничего не может быть поверхностнее работ Вол[ынского] [28].

СТАТЬЯ НИЧТО О НИЧЕМ

Пушкин... искал поэзии не в современных и преходящих интересах, а в вечном, неизменяемом интересе души человеческой (192, I).

Применить к Михайловскому в рецензии Скабичевского: *203, I* [29]. 206, I. О народности в литературе. О Пушкине и его народности [30]. Этот взгляд правильнее, чем последующий. Кто поэт истинный и т. д. 208, I [31]. О чувстве изящного. *231, I* [32]. К теории искусства для искусства.

* Герцен: Мужицкая Россия, внешне подчинясь всему, в действительности не приняла ничего из реформы Петра I. Он чувствовал это пассивное сопротивление; он не любил русского крестьянина... стр. 176 «О развитии идей и т. д.». Цитата из книги Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», Paris, 1851 («О развитии революционных идей в России», Париж, 1851). — *Ред.*

*О ЛЕРМОНТОВЕ **

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Искусство поэта должно состоять в том, чтобы показать, как данный природою характер должен образоваться при обстоятельствах и проч. 15, 11 [33]. Это важно для разбора вопроса о философской критике. В Печорине Бел[инскому] нравится прежде всего *прямота*, которую он впоследствии хвалил и в Онегине. 45, II. Кроме того — *сила. Очень важно.* Взгляд на искусство XVIII века [34].

Задача искусства — воспроизведение разумной действительности. 11, 48. И в отношении к искусству он совершенно прав. Несмотря на все рассуждения, *историческое* значение Печорина не понято. Характер Печорина объясняется с точки *зрения личной психологии.* II, 53—54—55 — сила всегда — сила и проч. — характеристика Печорина [35].

Вообще критика Бел[инского] оказывается не «философской» в его смысле. Обратить на это внимание. А в статье о «Герое нашего времени» у него выходит, что Печорин страдает оттого, что еще не примирился с действительностью. Оно и так, да не так. Ему примириться с действительностью было то же самое, что Александру Македон[скому] сделаться канцелярским писцом. *Характер Печорина.* 63—64, рассуждения о Печорине. Опять действительность [36]. 74. Печорин стремится к примирению противоположностей [37]. 77. Оптимизм во всем, кроме литературы. Дурных веков нет, а 18-й век предается анафеме [38].

Даже при переходе к новым взглядам он — *гегельянец. Диккенс и эстетика.* 597, IV [39]. *Направление.* 598. IV [40]. Непременно заметить т. IV, стр. 34 [41], 35, IV— Переход к диалектике [42]. Определить, есть ли творчество, полет фантазии, можно только с историч[еской] точки зрения, см. т. IV, 37 [43], 38.— Факторы [44]. В чем ошибаются эмпирики [45]. История искусства у отдель[ных] народов, 41 [46].

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ. Сочинения в четырех томах, Спб., 1896 **.

Том I

439 А каковы были их отношения к крестьянам? [47]

Отчего же так привязывают вас к себе эти люди, добродушные, но ограниченные, даже и не подозревающие, что может существовать сфера жизни, высшая той, в которой они живут и которая вся состоит в спанье или в потчеванье и кушанье. Оттого, что это были люди, по своей натуре неспособные ни к какому злу, до того добрые, что всякого готовы были угостить насмерть, люди, которые до того жили один в другом, что смерть одного была смертью для другого; смертью в тысячу раз ужаснейшей, нежели прекращение бытия, следовательно, основой их отношений была любовь, из которой вышла привычка, укреплявшая любовь.

* Настоящая заметка написана на отдельном листе. — *Ред.*

** Помещаем заметки к изданию 1896 г. на первом месте, так как именно это издание послужило материалом для разбора. — *Ред.*

Том II

83 Ср. Майкова [48].

Если я под словом «идеализирование» разумею представление действительности совсем не так, как она есть, — ходули мыслей, дыбы чувства, то как уверите вы меня, что «идеализирование» действительности есть только подчинение взятых из нее материалов известной цели, извлечение из нее, так сказать, ее сущности и сочленение в живое и органическое целое разнородных, повидимому, частей?

87 Ср. Флобера [49].

И что ж — разве не великое счастье — пробудить полет к высокому в иной дремлющей душе? разве не великое счастье — родить к себе сочувствие в сердце, которого мы никогда не знали и не узнаем, которое живет, может быть, в далеком от нас уголку этого мира, но которое от наших строк забьется в лад с нашим сердцем и, в общем человеческом интересе, сознает свое родство с нами по духу, в ознаменование торжества духа над условиями пространства и времени!..

95 Ср. Чернышевского [50].

Да, ландшафт, созданный на полотне талантливым живописцем, лучше всяких живописных видов в природе.

103 Ср. Чернышев[ского].

Итак, вдохновение есть источник всякого творчества; но искусство выше природы настолько, насколько всякое сознательное и свободное действие выше бессознательного и невольного.

Том III

459 Признание историч[еской] критики.

При этом вы строго вникнете в обстоятельства, которые, независимо от его воли, не могли не иметь большего или меньшего влияния на его деятельность и больше всего на дух времени, в которое он явился, на нравственное состояние, в котором он застал общество, и покажете, шел ли он наравне с своим временем, был ли его хорегом или только старался подпевать под его песни.

495 Да почем вы знаете, что «чернь» занята этими вопросами? [51]

Никто, кроме людей ограниченных и духовно-малолетних, не обязывает поэта воспевать непременно гимны добродетели и карать сатирой порок; но каждый умный человек в праве требовать, чтобы поэзия поэта или давала ему ответы на вопросы времени, или по крайней мере исполнена была скорбью этих тяжелых неразрешимых вопросов.

605 Из этого не следует, что на добро.

Мы лучше думаем о достоинстве человеческой натуры и убеждены, что человек родился не на зло, а на добро, не на преступление, а на разумно-законное наслаждение благами бытия; что его стремления справедливы, инстинкты благородны.

637—638

И потому в самой сатире его так много любви, самое отрицание его так часто похоже на ободрение и на любование... Вспомните описание семейства Лариных, во второй главе, и особенно портрет самого Ларина... Это было причиной, что

Разгадка появления Писарева.

в «Онегине» много устарело теперь. Но без этого, может быть, и не вышло бы из «Онегина» такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого определенного факта для отрицания мысли, в самом же этом обществе так быстро развивающейся...

638 Тут ошибся просветитель, забывший Гегеля der Widerspruch *.

Пусть идет время и приводит с собой новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет «Онегина»: как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненный любви и благодарности взор...

659 Это так, оттого-то несимпатичен он Писареву.

Пушкин был человек предания гораздо больше, нежели как об этом еще и теперь думают.

В. БЕЛИНСКИЙ, Сочинения, М., 1881.

Том I

170 N3 Действительность = *истине жизни.*

Поэзия всякого народа, в начале своем, бывает согласна с жизнью, но в раздоре с действительностью, ибо у всякого младенчествующего народа, как и младенчествующего человека, жизнь всегда враждует с действительностью. Истина жизни недоступна ни для того, ни для другого; ее высокая простота и естественность, непонятная для его ума, неудовлетворительна для его чувства.

175 А прежде этого не было?

Мир преобразился крестом, и обновленное и одухотворенное человечество пошло другою дорогою. Родилась идея человека, существа индивидуального, отдельного от народа, любопытного без отношения, в самом себе... Унылая песнь трубадура, в которой изливалось горе любви, жалоба тоскующей поселянки или заключенной принцессы, песнь торжества и победы, повесть любви, мщения, подвига чести — все это получило отзыв...

Том IV

25 Ср. Толстого [52].

Жуковский не понимает «Гамлета» и не должен — не по недостатку чувства изящного, не по недостатку образования, а по особенному свойству и направлению своего духа.

25 *Ср. Толстого.*

Шекспир — поэт нового времени, нового искусства — поэт не идеалов, а действительности, и потому его понимает только дух многосторонний, и не юноши, а мужи. Есть люди, которые на всю жизнь остаются детьми, и есть люди, которые на всю жизнь остаются юношами.

---

* — противоречие. — *Ред.*

227

Ср. Писарева.

Там освистали бы за громкое титло «критика», самовольно присваиваемое человеком... который силится уверить весь свет, что вся заслуга Пушкина, как поэта, состоит в усовершенствовании версификации и легкой, игривой форме, способной увлекать только легкомысленных людей; — или который кричит, что Гоголь — забавный писатель, верно списывающий с натуры, что его «Ревизор» — ряд смешных карикатур, а не комедия, проникнутая глубоким юмором и ужасающая своею верностью действительности.

252

Ср. Киреевского. Ср. 254 [53].

Поэзия и наука тождественны, как постигаемые не одною какою-нибудь из способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовного существа, выражаемою словом «разум».

254

Ср. Киреевского.

Кто, по натуре своей, есть дух от духа,— тот по праву рождения причастен всех даров духа, недоступных плоти и ее душе — рассудку.

255

Ср. Кир[еевского].

Поэзия первоначально воспринимается сердцем и уже им передается голове.

Том V

46

Ср. *Гамсуна* [54].

Единосущность идеи с формою так велика в искусстве, что ни ложная идея не может осуществиться в прекрасной форме, ни прекрасная форма быть выражением ложной идеи. Если в произведении искусства форма преобладает над идеей, — это значит, что идея не довольно определенна и ясна для созерцания творящего, и тогда форма не может быть вполне прекрасна, и произведение может быть даже уродливо, как неудачный порыв к творческому сознанию.

63

Ср. Сен-Симона [55].

Источник внутренней истории народа заключается в его «мирософерцании» или его непосредственном взгляде на мир и тайну бытия.

83

Ср. Чернышевского [56].

... где жизнь, там и поэзия.

159

Возм[ожная] основа народ[ничества].

Русская поэзия, как и русская жизнь (ибо в народе жизнь и поэзия — одно), до Петра Великого была только телом, но телом, полным избытка органической жизни, крепким, здоровым, могучим, великим, вполне способным, вполне достойным быть сосудом необъятно великой души, но — телом, лишенным этой души, и только ожидающим, ищущим ее... Петр вдунул в нее душу живу — и замирает дух при мысли о необъятно-великой судьбе, ожидающей народ Петра...

Том XI

41

Ср. Хомякова [57]. Ср. 43.

Что *личность* в отношении к *идее* человека, то *народность* в отношении к *идее* человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения.

43

Славянофилам.

Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура; но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их самодеятельностью собственной национальности в собственную же сущность, — тогда он гибнет политически.

353

Ср. Чернышевского.

Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек.

356

А французы?

Остается упомянуть еще о нападках на современную литературу и на натурализм вообще с эстетической точки зрения, во имя чистого искусства, которое само себе цель и вне себя не признает никаких целей. В этой мысли есть основание, но ее преувеличенность заметна с первого взгляда. Мысль эта чисто немецкого происхождения, она могла родиться только у народа созерцательного, мыслящего и мечтающего, и никак не могла бы явиться у народа практического, общественность которого для всех и каждого представляет широкое поле для живой деятельности.

360

Ср. Чернышев[ского].

Искусство есть воспроизведение действительности, повторенный, как бы вновь созданный мир; может ли же оно быть какою-то одинокою, изолированною от всех чуждых ему влияний, деятельностию?

378

Ср. Чернышевс[кого] [58].

В картинах поэта должна быть мысль, производимое ими впечатление должно действовать на ум читателя, должно давать то или другое направление его взгляду на известные стороны жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Менцель*, Вольфганг (1798—1873) — немецкий публицист и историк литературы. Проповедник националистической реакции, Менцель яростно боролся с революционно настроенной «молодой Германией». Белинский написал о нем статью «Менцель, критик Гёте», где характеризует его как человека с мелкой натурой и ограниченным умом.

В письме к Боткину от 30 декабря 1840 г. Белинский пишет: «... к Гёте начинаю чувствовать род ненависти, и, ей-богу, у меня рука не подымется против Менцеля, хотя сей муж и попрежнему остается в глазах моих идиотом» (*Белинский*. Письма, т. II, Спб., 1914, стр. 196).

[2] Плеханов имеет в виду приводимые в книге А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» выдержки из письма Белинского к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г. Белинский, вопреки мнению всех своих друзей, видел во второй части

«Фауста» только «сухую, мертвую, гнилую символистику и аллегорику». В этом письме он с радостью сообщает, что представитель *нового* поколения гегельянцев, немецкий философ-эстетик Фридрих Фишер развивает те же взгляды («Письма», т. I, стр. 331—335).

[3] Имеется в виду следующее место из статьи «Менцель, критик Гёте»: «Философия Гегеля признала монархизм высшей разумной формой государства, и монархия с утвержденными основаниями, из исторической жизни народа развившимися, была для великого мыслителя идеалом государства».

[4] Белинский так определяет задачу искусства: «Искусство есть воспроизведение действительности, следовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее так, как она есть на самом деле».

[5] На стр. 420 отчеркнуто следующее место: «Он [19-й век] смело и бестрепетно выслушал безотрадные песни Байрона и вместе с их мрачным певцом лучше решился отречься от всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлого века».

[6] В статье «Горе от ума» Белинский дает следующее определение действительности: «Разум в сознании и разум в явлении, словом, открывающийся самому себе дух есть действительность, тогда как все частное, все случайное, все неразумное есть призрачность, как противоположность действительности, как ее отрицание, как кажущееся, но не сущее».

Указание на Тургенева имеет в виду его «Воспоминания о Белинском». Говоря о толковании Белинским философии Гегеля, Тургенев делает следующее замечание: «Много хлопот тогда наделало в Москве известное изречение Гегеля: «что разумно — то действительно, что действительно — то разумно». С первой половиной изречения все соглашались, но как было понять вторую? Неужели же нужно было понять все, что тогда существовало в России, за разумное? Толковали, толковали и порешили: вторую половину изречения *не допустить*. Если бы кто-нибудь шепнул тогда молодым философам, что Гегель *не все существующее признает за действительное*,— много бы умственной работы и томительных прений было сбережено» (*И. С. Тургенев*. Полное собрание сочинений, т. III, Спб., 1891, стр. 24).

[7] Белинский дает такое определение трагического: «Трагическое заключается в столкновении естественного влечения сердца с идеей долга, в проистекающей из того борьбе и, наконец, победе или падении».

Чернышевский же определяет трагическое, как *ужасное человеческой жизни*.

[8] Здесь Плеханов имеет в виду следующее замечание Белинского: «...комедия Гоголя [«Ревизор»] представляет собой целое художественное произведение, особый и замкнутый в себе мир, и может подлежать только рассмотрению немецкой, умозрительной критики, а отнюдь не французской, исторической. Лица поэта нет в этом создании, и потому, чтобы понять «Ревизора», нам совсем не нужно знать ни образа мыслей, ни обстоятельства жизни его творца». Отмечая в статье «Литературные взгляды Белинского» ошибочность взгляда Белинского на французскую историческую критику, Плеханов указывает, что самый видный представитель этой критики, Сент-Бёв, «искал последних причин литературных движений... в общественных отношениях». В доказательство этой мысли Плеханов приводит следующую выписку из статьи Сент-Бёва «Espoir et voeu du mouvement littéraire et poétique après la révolution de 1830» («Надежды и чаяния литературного и поэтического движения после революции 1830 года»): «При каждом великом общественном и политическом перевороте изменяется и искусство, которое принадлежит к числу важнейших сторон общественной жизни: в нем тоже совершается переворот, захватывающий не внутренний его принцип, — этот принцип всегда остается неизменным, — но условия его существования, способы его выражения, его отношения к окружающим его предметам и явлениям, чувства и идеи, которые кладут на него свою печать, равно как и источники художественного вдохновения».

[9] Плеханов имеет в виду следующую мысль Белинского: «Общее всегда выше и правее частного человека, и частная индивидуальность только до той степени и действительность, а не призрак, до какой она выражает собой общество».

[10] Вероятно, здесь имеется в виду следующее положение, выставленное Белинским в статье «Литературные мечтания»: «Это беспристрастие, эта холодность поэта, который как будто говорит вам: так было, а впрочем мне какое дело! есть высочайший зенит художественного совершенства, есть истинное творчество...» (т. I, стр. 15).

[11] Т. е. в статье «Литературные мечтания».

[12] В своей «Истории философии» Гегель так говорит о материалистической философии XVIII века: «...в том, что получило название французской философии, представителями которой были Вольтер, Монтескье, Руссо, Даламбер, Дидро и которая выступила затем как просвещение также и в Германии, — в том, что было также ославлено как атеизм — мы можем различать три следующие стороны: во-первых, отрицательную сторону, которая чаще всего ставилась ей в вину; во-вторых, положительную сторону; в-третьих, философскую, метафизическую сторону».

[13] Речь идет о рецензии Белинского на книгу Мишле «Краткая история Франции до французской революции».

[14] Статьи о Петре находятся во втором томе, где занимают стр. 181—234.

[15] На стр. 402 третьего тома, в статье «Сочинения Александра Пушкина» напечатано стихотворение Батюшкова «К другу», которое имеет здесь в виду Плеханов. Приводим из него четверостишие, начинающееся словом «Напрасно...»

«Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали;
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов —
Они безмолвны пребывали».

[16] Плеханов имеет здесь в виду свою статью «Гл. И. Успенский», первую из серии его статей «Народники-беллетристы».

[17] Эти слова Белинского относятся к «Песне о купце Калашникове» Лермонтова. «Чувства и страсти людей этого мира, — говорит он в статье «Сочинения Александра Пушкина», касаясь этого произведения Лермонтова, — так однообразны в своем проявлении; общественные отношения людей этого мира так просты и несложны, что все это легко исчерпывается до дна одним произведением сильного таланта».

[18] Н. —он — псевдоним Даниельсона, Николая Францевича (1844—1918)— экономист 80—90-х годов, один из виднейших идеологов народничества. Его книга «Очерки пореформенного хозяйства» (1898), вместе с работами В. В. (Воронцова), послужила главным экономическим обоснованием народничества. Плеханов полемизировал с Н.—оном в ряде своих работ.

[19] Пыпин так характеризует отношение круга Белинского к народу: «...должно отметить, как черту времени, что слово и понятие «народ» еще не имели тогда своего нынешнего употребления, в каком они становятся выражением целого направления... В кругу Белинского и его друзей... еще не выработалось этого отвлеченного представления... и, напротив, еще памятно было, из недавнего образа мыслей, представление о народе как неразвитой массе, чуждой образования и враждебной ему».

В своих «Очерках по истории материализма» Плеханов считает, что аналогичный взгляд на народ был у французских просветителей. Гольбах считал, что народ «неспособен к размышлениям», и питал страх перед «темными» народными движениями. Гельвеций тоже говорит о невежестве народа, из которого проистекают его пороки и несчастья, и упрекает в этом невежестве правительство и духовенство.

[20] Это замечание относится к следующему месту: «Мы не должны и не можем быть ни англичанами, ни французами, ни немцами, потому что мы должны быть русскими; но мы возьмем, как свое, все, что составляет исключительную сторону жизни каждого европейского народа, и возьмем ее не как исключительную сторону, а как элемент для пополнения нашей жизни, исключительная сторона которой должна быть многосторонность, не отвлеченная, а живая, конкретная, имеющая свою собственную народную физиономию и народный характер». Это место в книге отчеркнуто, на полях заметка «Эклектика».

[21] На стр. 423 Белинский дает такое определение идеала: «Идеал есть общая (абсолютная) идея, отрицающая свою общность, чтобы стать частным явлением, а ставши им, снова возвратиться к своей общности».

[22] Здесь, очевидно, имеется в виду следующее отчеркнутое и отмеченное N3 место на стр. 425: «Если человеку недоступны объективные интересы, каковы жизнь и развитие отечества, ему могут быть доступны интересы своего сословия, своего городка, своей деревни, так что он находит какое-то, часто странное и непонятное для самого себя, наслаждение для их выгод лишаться собственных личных выгод — и тогда он живет в действительности. Если же он не возвышается и до таких интересов, — пусть будет он супругом, отцом, семьянином, любовником, но только не в животном, а в человеческом значении, источник которого есть любовь, как бы ни была она ограничена, лишь бы только была отрицанием его личности, — он опять живет в действительности. На какой бы степени ни проявился дух, он — действительность, потому что он любовь или бессознательная разумность — а потом разум или любовь, сознавшая себя».

[23] Здесь Плеханов имеет в виду следующую фразу: «Объективность, как необходимое условие творчества, отрицает всякую моральную цель, всякое судопроизводство со стороны поэта».

[24] Об отношении личности к обществу Белинский говорит: «Человек живет в двух сферах: в субъективной... и в объективной, которая связывает его с семейством, с обществом, с человечеством. Эти две сферы противоположны: в одной он господин самого себя, в другой он весь в зависимости от внешних отношений... Нравственность выходит из гармонии субъективного человека с объективным миром, и если та и другая сторона позволяет ему предаться влечению сердца, нет столкновения... но есть одно светлое торжество счастья. Когда же они расходятся...— является столкновение, и чем бы человек ни вышел из этой битвы — побежденным или победителем — для него нет уже полного счастья».

[25] В статье «Литературные взгляды Белинского» Плеханов, противопоставляя абсолютным взглядам Белинского историческую точку зрения Гегеля, говорит: «У Гегеля Сократ является героем потому, что его философия выражает собой новый шаг в историческом развитии Афин».

[26] Имеется в виду II том книги Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка». Здесь, на стр. 146, в письме Белинского к Боткину, бывшему большим гастрономом, читаем: «Вот и от тебя, любезный Боткин, уже другое письмо, да еще какое толстое, жирное и сочное, — и теперь все смакую, грациозно и гармонически прищелкивая языком, как ты во время своих потребительных священнодействий».

[27] Плеханов имеет в виду письмо Боткина от 20—23. III (не 1841), а 1842 г., где последний высказывает свой взгляд на Пушкина. Приводим выдержки из этого письма: «Общий колорит его [Пушкина] — внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность... Пушкин... всегда *здесь*, всегда на почве простой, общечеловеческой ежедневности — всегда с разительным, глубочайшим чувством действительности... Он человек предания и авторитета. Здесь, благо пришлось к слову, не могу умолчать, что как я высоко ни ставлю Онегина и как мне истинною и глубокомысленно-действительною ни кажется развязка его, — все однако же не могу я примириться с положением Татьяны, добровольно осуждающей себя на проституцию со своим старым генералом. Конечно, всякое художественное создание есть отдельный мир, входя в который мы обязуемся жить его законами, дышать его воздухом, но как тут быть, когда мы застигнуты другими понятиями и принципами, когда то, что прежде считалось нравственным, высокой жертвой, доблестью — кажется теперь безнравственным прекраснодушием, слабостью. Поэтические создания, являющиеся на таких всемирно-исторических рубежах враждующих миросозерцаний, становятся сами в трагическое положение...»

Далее, по поводу лермонтовского «Демона» Боткин говорит: «В молодости он [демон] тоже на мгновение являлся Пушкину, но кроткая, нежная, святая душа Пушкина трепетала этого страшного духа, и он с тоской говорил о печальных встречах с ним». (Цитируется по Пыпину, т. II, стр. 141—144.) На это письмо Белинский отвечает 4 апреля 1842 г.: «Письмо твое о Пушкине и Лермонтове усладило меня. Мало чего читывал я умнее. Высказано плохо, но я понял, что хотел ты сказать. Совершенно согласен с тобою. Особенно поразили меня страх и боязнь Пушкина к демону: «печальны были наши встречи»... именно отсюда и здесь его разница с Лермонтовым. О Татьяне тоже согласен: с тех пор как она хочет век быть верной своему генералу... — ее прекрасный образ затемняется. Глубоко верно твое замечание: «поэтические создания, являющиеся на таких всемирно-исторических рубежах враждующих миросозерцаний — становятся сами в трагическое положение». Это очень идет к Онегину» («Письма», т. II, стр. 293—295).

[28] См. ниже разбор книги Волынского «Русские критики».

[29] На стр. 203 отчеркнуты следующие строки: «Провинция и подозревать не может, чтоб знаменитый Ушаков теперь был уволен из знаменитых в чистую». В. А. Ушаков — беллетрист, повести которого, печатавшиеся в «Сыне отечества», «Отечественных записках» и других журналах, одно время пользовались большим успехом. Ироническое замечание Плеханова, вероятно, имеет в виду книгу А. М. Скабичевского «История новейшей русской литературы», где имеется глава, посвященная характеристике взглядов и значения Н. К. Михайловского. Заканчивается эта глава следующей фразой: «Его статьи о Спенсере, о Дарвине и вообще по социологии имеют не одно только публицистическое значение, а представляют ценный вклад в науку, и если бы их перевести на один из иностранных языков, они не замедлили бы доставить автору их общеевропейскую известность». В имеющемся в библиотеке Плеханова экземпляре книги (*А. Н. Скабичевский*, История новейшей русской литературы, Спб., Ф. Павленков, 1891) эта фраза взята в скобки, отчеркнута с обеих сторон и отмечена N3. На обложке имеется заметка: «Михайловский — 120», т. е. указывается именно эта страница.

[30] О народности у Пушкина Белинский пишет: «Что ж касается до народности собственно поэта, то вам стоит только попристальнее вглядеться в «Онегина», чтобы в мыслях и чувствах самого автора увидеть элементы народности, чтобы признать, что только русский поэт, и притом в известный момент русской жизни, мог так мыслить и чувствовать и так выражать свои мысли и чувства!»

[31] Имеется в виду следующая фраза на стр. 208: «...у кого есть талант, кто поэт истинный, тот не может не быть народным!»

[32] О чувстве изящного Белинский говорит: «Без него, без этого чувства, нет гения, нет таланта, нет ума — остается один пошлый «здравый смысл», необходимый для домашнего обихода жизни, для мелких расчетов эгоизма. Кто откликается на одну плясовую музыку, откликается не сердцем, а ногами; чью грудь не томит, чью душу не волнует музыка, кто видит в картине только галантерейную вещь, годную для украшения комнаты, и дивится в ней одной отделке; кто не любил стихов смолоду, кто видит в драме только театральную пьесу, а в романе сказку, годную для занятия от скуки, — тот не человек...»

[33] Восполняем конец цитаты: «...при обстоятельствах, в которые поставит его судьба».

[34] Об искусстве XVIII века Белинский пишет: «Литература восемнадцатого века была по преимуществу моральной и рассуждающей, в ней не было других повестей, как contes moraux и contes philosophiques [моральные и философские рассказы]; однакож эти нравственные и философские книги никого не исправили, и век все-таки был по преимуществу безнравственным и развратным».

[35] «Сила всегда останется силой, — говорит Белинский, — и всегда будет полна поэзии, всегда будет восхищать и удивлять вас, хотя бы она действовала и деревянным мечом вместо булатного... Есть люди, в руках которых и простая палка опаснее, чем у иных шпага: Печорин из таких людей...»

[36] На стр. 64 отчеркнуто следующее место: «Дух его [Печорина] созрел для новых чувств и новых дум, сердце требует новой привязанности: *действительность* — вот сущность и характер всего этого нового».

[37] На стр. 74 отчеркнуто следующее место: «Он [Лермонтов] видимо находится в том состоянии духа, когда в нашем разумении всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тех пор пока дух наш не созреет для великого процесса разумного примирения противоположностей в одном и том же предмете».

[38] Имеется в виду следующее место: «...всякий современный человек, в смысле представителя своего века, как бы он ни был дурен, не может быть дурен, потому что нет дурных веков, и ни один век не хуже и не лучше другого, потому что он есть необходимый момент в развитии человечества или общества».

[39] На стр. 597 отчеркнуто следующее место: «Говорят, Диккенс своими романами сильно способствовал в Англии улучшению учебных заведений, в которых все основано было на беспощадном дранье розгами и варварском обращении с детьми. Что ж тут дурного, спросим мы, если Диккенс действовал в этом случае как поэт? Разве от этого романы его хуже в эстетическом отношении?»

[40] Имеется в виду следующее отчеркнутое место на стр. 598: «Теперь многих увлекает волшебное словцо «направление»; думают, что все дело в нем, и не понимают, что в сфере искусства, во-первых, никакое направление гроша не стоит без таланта, а во-вторых, самое направление должно быть не в голове только, а прежде всего в сердце, в крови пишущего; прежде всего должно быть чувством, инстинктом, а потом уже, пожалуй, и сознательной мыслью, — что для него, этого направления, так же надобно родиться, как и для самого искусства».

[41] Это указание, как и все последующие, относятся не к четвертому тому, а к третьему. Здесь, на стр. 34, отчеркнуто следующее место: «Искусство никогда не развивается независимо — одиноко: напротив, его развитие всегда бывает связано с другими сферами сознания. В эпоху младенчества и юношества народов искусство всегда более или менее — выражение религиозных идей, а в эпоху возмужалости — философских понятий».

[42] На стр. 35 третьего тома отчеркнуто следующее место: «...это значит смотреть на «вечное» и «безусловное», как на отвлеченные понятия, чуждые всякого содержания, как на логические построения, лишенные всякой жизненности: ибо «вечное» выражается во времени, «безусловное» ограничивается формой проявления, «бесконечное» делается доступным созерцанию в конечном».

[43] Белинский говорит (стр. 37 третьего тома):

«Естественно, прежде чем определить, к зодчеству какого народа, какой эпохи, какого стиля принадлежат здания такого-то архитектора, и великий ли он архитектор, должно показать, есть ли в его зданиях творчество, полет фантазии, словом — поэзия, или его здания — только груды камней, складенные по правилам архитектуры трудолюбивым ремесленником, тщательно изучившим техническую сторону искусства, или, пожалуй, и опытным академиком...» Место это отчеркнуто.

[44] Эта заметка может относиться к следующему отчеркнутому месту на стр. 37:

«Все сферы высшего сознания так родственны и тесно связаны между собой, что только через искусственное действие разума можно разделять их; показать же точные их границы так же трудно, как и показать, где в человеке оканчивается тело и начинается душа, где конец чувства и начало ума и т. д.»

[45] Приводим соответствующее место на стр. 38:

«Не признавая содержанием искусства той же вечной, в свободной необходимости диалектически развивающейся идеи, которая составляет содержание и истории, и философии, эмпирики низводят творческие произведения на степень предметов, имеющих целью приятно развлекать скуку и занимать праздное бездействие, — и это значит ставить их в один разряд с изящно сделанной мебелью и теми красивыми безделками, которыми мода и прихоть украшают в комнатах камины, столы и этажерки».

[46] Белинский говорит: «Как общечеловеческое искусство, так и искусство каждого народа, отдельно взятого, имеет свою историю, которая есть не что иное, как картина развития искусства от его первоначального исходного пункта до последнего заключительного звена». Место это, находящееся на стр. 41 третьего тома, отчеркнуто.

[47] Речь идет о «Старосветских помещиках» Гоголя.

[48] Плеханов сопоставляет это определение творчества, данное Белинским, со следующим определением В. Майкова, данным им в статье о Кольцове: «Тайна творчества состоит в способности верно изображать действительность с ее симпатической стороны. Иными словами, художественное творчество есть пересоздание действительности, совершаемое не изменением ее форм, а возведением их в мир человеческих интересов (в поэзию)». (*В. Н. Майков*, Соч., Киев, 1901).

[49] В письме к Луизе Колэ (1853 г.) Флобер заявляет, что он пишет и печатает «для неизвестных друзей». Приводим это место в переводе: «Кто знает, не находится ли в этот момент где-нибудь в глуши Пиринеев или Бретани какое-нибудь бедное существо, понимающее нас. Печатаешь для неизвестных друзей» (Flaubert, Correspondance, II, 357).

[50] Чернышевский придерживался того взгляда, что произведения искусства по своей красоте гораздо ниже созданий природы; прекрасное в действительности всегда выше прекрасного в искусстве.

[51] Эта страница посвящена разбору стихотворения «Чернь».

[52] В своем очерке «О Шекспире и драме» Толстой совершенно развенчивает Шекспира. А в статье «Что такое искусство» пишет о Гамлете, что на представлении его испытывал «особенное страдание» за это «фальшивое подобие произведений искусства».

[53] *Киреевский*, Иван Васильевич (1806—1856) — литератор, один из основателей славянофильского учения. Учение Киреевского имеет мистический характер. В основе его лежит представление о «внутренней цельности» человеческого духа или о «верующем разуме». Только «живое разумение духа», в котором гармонически слиты все внутренние силы человека (мысль, чувства и вера), и может, по мнению Киреевского, сделать доступной людям тайну их бытия. Подобное «высшее мышление», т. е. мистическое восприятие мира «всем своим существом», Киреевский и называет «разумом». Этот «богословско-философский способ мышления» он противополагает рационалистическому мышлению, которое, по его мнению, не дает нам познания «сущности» вещей.

[54] Здесь Плеханов, очевидно, имеет в виду драму Гамсуна «У врат царства». В своей статье «Искусство и общественная жизнь» (Соч., т. XIV) Плеханов говорит, что в основе этой пьесы лежит идея, находящаяся в непримиримом противоречии с действительностью, а именно идея о том, что пролетариат является классом, эксплоатирующим другие классы общества. Идея эта настолько нелепа, что испортила всю пьесу, так что наиболее трагические, по замыслу автора, места вызывают смех.

[55] По учению Сен-Симона, в основе процесса развития человеческих обществ лежит умственное развитие. Социальный и политический строй определяются философией данной эпохи.

[56] По учению Чернышевского, искусство есть воспроизведение жизни.

[57] *Хомяков*, Алексей Степанович (1804—1860) — один из наиболее видных вождей славянофильства. В своих сочинениях развивал теорию превосходства белой расы над черной, разновидностью которой он считал все другие цветные расы. Хомяков сильно преувеличивал также роль славянства в истории. Хомяков выступил с учением о гниении Запада и развивал теорию самобытного развития России, отводя ей «мессианистическую» роль.

[58] По учению Чернышевского, искусство, кроме воспроизведения, имеет еще другое значение — объяснение жизни. «Существенное значение искусства, — говорит Чернышевский, — воспроизведение того, чем интересуется человек в действительности. Но, интересуясь явлениями жизни, человек не может, сознательно или бессознательно, не произносить о них своего приговора: поэт или художник, не будучи в состоянии перестать быть человеком вообще, не может, если бы и хотел, отказаться от произнесения своего приговора над изображаемыми явлениями; приговор этот выражается в его произведении — вот новое значение произведений искусства, по которому искусство становится в число нравственных деятельностей человека» (Соч., т. X, ч. II, стр. 157—158).

РАЗБОР КНИГИ А. Н. ПЫПИНА «БЕЛИНСКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА»

Книга А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» использована Плехановым в ряде его статей о Белинском: «Белинский и разумная действительность», «Литературные взгляды Белинского», «Речь о Белинском». По словам самого Плеханова, большинство данных, относящихся к истории умственного развития Белинского, заимствовано им из книги Пыпина. Неудивительно, что книга Пыпина подверглась самому тщательному и подробному разбору. Разбор этот сделан в записной книжке с черной обложкой (тетрадь № 213), где находятся также разборы сочинений Белинского и книги Волынского «Русские критики». Он занимает здесь 6 листов, густо исписанных чернилами с обеих сторон. Кроме того, в тетради № 87, заключающей в себе разбор «Истории французской литературы» Лансона, одна страница также занята разбором Пыпина. Из многочисленных заметок на полях обоих томов книги Пыпина большинство совпадает с замеча-

ниями в тетрадях; мы приводим здесь только несколько заметок на полях второго тома, не повторяющихся нигде. Страницы, указываемые Плехановым, относятся к петербургскому изданию книги Пыпина 1876 г.

ЗАМЕТКИ В ТЕТРАДЯХ

(Тетрадь № 213)

Пыпин, I.

95—96. Никто еще не обратил внимания вот на что: если Б[елинский] был в первое время выразителем мнений Надеждина [1], то он должен был разделять и его скептицизм относительно русской истории (о скептицизме см. «Феноменологию духа») и литературы. Но скептицизм тяжел. Где выход? В «Лит[ературных] мечт[аниях]» указывается просвещение, вводимое правительством.

103. Если шеллингова фил[ософия] обрадовала возможностью примирения духа и природы, то гегелева — возможностью примирения личности и «действительности».

108. Бел[инский] и действительность. Консерватизму предшествует либерализм.

109. Война с действительностью предшествует примирению с нею. Война с обществом во имя идеала.

110. Свидетельство Аксакова о «нападениях» на Россию в противоположность казенным ей похвалам [2].

116. Важное замечание Пыпина [3].

141. Кав[елин], Бел[инский] и действительность [4].

150. Справедливое замечание Пыпина о гегелевой философии [5].

174. Письмо Бел[инского] от 10 сен[тября] 1838 г. о жертвах, кот[орые] он принес идее.

175. В «фихтеанском» периоде Бел[инский] еще радикален. Свою рад[икальную] *фразу* он объясняет как раз[умную] необходимость в г[егелев]ском смысле.

176. По слов[ам] Пыпина, к фихтеанскому периоду относится статья *о нрав[ственной] философии Дроздова*. Из этой статьи видно, что и для оправдания радикализма Бел[инскому] нужен был *идеализм* («реализм» давал слишком мало). А раз идеализм, то переход от Фихте к Гегелю понятен.

229. Радость человека, нашедшего себе дело.

233. Б[елинский] не признает себя учеником Гегеля «в полном смысле слова».

235. Из упреков, которые ему делают друзья, видно, [что] для кружка речь шла прежде всего о *понимании* действ[ительности], а не о примирении с нею.

237. Волынский только повторяет то, что говорит Бел[инский] сам о себе. Но это не верно [6].

Уже в 1838 г. Бел[инский] расходится с Б[акуниным] в пон[имании] действительности: тот упрекает его в бунте против идеальности и проч. см. Пыпина, т. I, стр. 286.

296. Пыпин, I, Письмо Бел[инского] о Шиллере, выясняющее его психологию. Немного толку в револ[юционном] духе, внушен[ном] «Разбойниками» Шиллера [7].

297, П[ыпин], I. Орлеанская дева кинула его в отвлеченное *общее* [8]. Михайловский *этого* общего не заметил [9].

297, П[ыпин], I. Непременно прочесть «Die Ideale» и разделать их, показавши здравый смысл Белинского. Также «Resignation», где будто бы свирепствует «*общее*». Также: «Der Kampf» [10].

225. П[ыпин], I. О Гегеле: сила есть право и т. д. Непременно сопоставить это с тем, что на стр. 297. Это стремление просветлить мыслию кухню и было в Б[елинском] «реакц[ионным] периодом» [11].

На стр. *226.* Нет ошибоч[ных] мнений. Но если их нет, то отчего же вражда к Менцелю? Ясно — оттого, что в Менцеле Бел[инский] побивал самого себя, свой абстрактный героизм. Против абстрактного героизма была направлена и «Бородин[ская] годовщина». А Г[ерце]н думает, что Бел[инский] не умел сделать некот[орого] очень простого вывода из этого положения, что все имеет причину (след[овательно] и революц[ионные] мнения). Вражда к революц[ии] есть противоречие с самим собою, как гегельянцем.

298. П[ыпин], I, Бакунин сам пугается крайностей Б[елинского].

На стр. 305 (I) П[ыпин] говорит так, как будто Бел[инский] нападал на Шиллера только за эстетические недостатки. В том-то и дело, что подкладка и здесь была общественная.

П[ыпин] употребл[яет] выражение: *Философский квиетизм.*

311, I, у Г[ерцен]а «Шиллеровский идеал[изм] сохранился весь». Хорош идеализм.

№3. П[ыпин] с большим сочувствием говорит о «просвещенном либерализме» Грановского (312, I).

Из письма Гр[ановского] видно, что Бакунин восстал против Бород[инской] годов[щины] Бел[инского]. См. Грановский, I, стр. 108 [12]. Уезжая в Питер и увозя с собой Бор[одинскую] год[овщину], Бел[инский] продолжает *страдать.*

Пып[ин], т. II, стр. 12.

Бел[инский] описывает свои страдания.

13. Чрезвычайно замечательно [13].

13. Нигде на наш вопль нет отзыва [14].

30. Бел[инский] хочет искать спасения в деревне.

31. Заметить и срав[нить] с подобным восклиц[анием] у Г[ерцен]а [15].

35. В письме 16 апр[еля] 1840 Б[елинский] ругает Бор[одинскую] год[овщину] *глупою.*

47. №3 [16].

48. *Взято эпиграфом* [17].

52. Замечательно, что Бел[инский] называл лучшим своим временем то время, когда он был «реакционером», и называл тогда, когда ст[атья] о Бород[инской] год[овщине] казалась ему *глупою.*

58. Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с действительностью. Этим заканчивается вторая треть статьи.

77. Как Бел[инский] преувеличенно бранит себя, теперь видно из его отзывов о своей статье о «Горе от ума». В сущности отзыв был справедлив с художественной точки зрения и несправедлив разве с *житейской*: М. Орлов [18] и П. Я. Чаадаев [19] были по-своему Чацкими.

78. Полное оправдание моих предположений [20].

86. Бел[инский] сожалеет о том времени, когда он мог мечтать о действительности.

88. Бел[инский] станов[ится] на точку зрения утопии.

105. Письмо с колпаком.

106. Настроение Бел[инского] после ссоры с Гегелем.

115. «Анахарсисы новой Скифии». Говорит слово в слово как Г[ерцен] в *«Дневнике»* [21].

117. Бел[инский] — Марат.

122. Бел[инский] поглощен идеей социализма.

123. Россия — *призрак*, а потому — и мы призраки. Это был необходимый результат, необходимая крайность, вызванная первым взглядом.

124. Опять Бел[инский] и действительность.

125. Ср[авнить] с теориями революционеров семидесятых годов [22]. Хорошо бы написать кое-что об этом по поводу лавровских статей 70-х годов.

209. Славянофильский взгляд Бел[инского] [23].

216. Отзыв Одоевского о Белин[ском] [24].

242—243. Отз[ыв] Бел[инского] о «Deutsch-Französischen Jahrbücher» [25].

(Тетрадь № 87)

324—325. Бел[инский] и буржуазия.

Перед Бел[инским] нет обществ[енной] деятельности. II, 183. Б[елинский] восхищ[ается] Луи Бланом. 188, II.

Тур[генев] (II, 199). Замеч[ание]: мы в философии тогда искали всего на свете, кроме чистого мышления. Это глубоко верно.

209. Бел[инский] — славянофил в соц[иальном] вопросе.

239, II. Славянофилы считали западников представ[ителями] петербург[ского] периода.

280, II, Бел[инского] мнение о таланте (напомнить его Волынскому) [26].

359, II. Политико-экономические вопросы должны сменить вопросы эстетические.

365, II. Совершенно справедливое замечание Пыпина об идеалистической эстетике.

366, II. Был бы Б[елинский] доволен «применениями новой критики»? И да и нет, хотя новая критика была логическим выводом из новой эстетической теории: если «идеал» искусства есть «хорошая жизнь», то критику естественно спросить себя: хороша ли эта жизнь? и прочитать ей нотацию, если она плоха.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

А. Н. ПЫПИН. БЕЛИНСКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Т. II, Спб., 1876.

30 Действительность — вне деревни.	Вполне понимаю страдания Г. [Гоголя] и сочувствую им. Понимаю и его Sehnsucht к Италии *. Родная действительность ужасна... Будь у него самого средства, он ушел бы от нее в глушь, в деревню, — но, впрочем, она и там найдет. «Страшная и гадкая действительность!».
40 Следовало с этой же точки зрения взглянуть на Пушкина.	...российская действительность ужасно гнетет меня. Я теперь понимаю раздражительность Гофмана при суждении глупцов об искусстве, его готовность язвить их сарказмами.
40 Ну, а Пушкин до этого не дошел или разочаровался в этом?	...он негодует на непонимание искусства; но негодование против «филистерства» и пошлой литературы, питающей это филистерство, обращается потом против более общих явлений действительности, служащих источником того и другого.
45 Ср. Пушкина.	« — Скучно, душа моя, хочешь заняться чем-нибудь высоким, а светская чернь не понимает».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Надеждин*, Николай Иванович (1804—1856) — литературный критик 30-х годов прошлого столетия, издатель «Телескопа». В качестве профессора московского университета по кафедре изящных искусств и археологии был учителем многих участников философских кружков 30—40-х годов (Станкевич, Белинский и др.). В 1836 г. за помещение «Философического письма» Чаадаева «Телескоп» был закрыт, а Надеждин сослан в Усть-Сысольск. По возвращении из ссылки занимался этнографическими и историческими исследованиями.

О скептицизме Надеждина Пыпин говорит следующее: «Надеждин видел много отрадного в старых преданиях русской литературы и в самой истории... Возникновение умственной жизни он начинает только с Петра, и литература или вся образованность русская с тех пор казалась ему только слабой копией европейского просвещения...»

Гегель говорит о скептицизме в своей «Феноменологии духа» («Die Phenomenologie des Geistes», Bamberg und Würzburg, 1807, стр. 134 и след.).

[2] Подразумеваются «нападения» на николаевскую Россию в кружке Станкевича.

[3] На 116 стр. отчеркнуто и отмечено NB следующее замечание Пыпина: «Понятия кружка уже тем составляли силу, что были сознательной и цельной теорией; она была выше ходячих мнений, потому что в ней был метод и возможность дальнейшего развития».

[4] Белинский в течение нескольких месяцев давал уроки русского языка и литературы, истории и географии шестнадцатилетнему Кавелину, готовившемуся поступить в университет. В своих воспоминаниях Кавелин пишет: «...критическое отношение ко всей окружающей меня действительности, социальной, религиозной и политической, благодаря Белинскому, во мне засело, хотя в очень

---

* — тоску по Италии. — *Ред.*

*

наивной, неопределенной и мечтательной форме» (Собр. соч. *К. Д. Кавелина*, т. III, Спб., 1899, стр. 1081—1098. У Пыпина эта выдержка из воспоминаний Кавелина приведена на стр. 141).

[5] Пыпин пишет: «Их [членов кружка Станкевича] упрекали потом, что они не совсем верно понимали некоторые существенные пункты гегельянства; мы думаем, что это бывали такие же ошибки и отступления, какие представляла гегельянская школа и в самой Германии». К этому месту Пыпин делает подстрочное примечание, Плехановым отчеркнутое и отмеченное NЗ: «Так, напр., неправильное понимание «разумной действительности». Но почему же, в самой Германии, гегелева философия могла так долго считаться капитальной опорой и оправданием «существующего порядка вещей»?»

[6] По утверждению Волынского (в его книге «Русские критики»), Белинский «не проявлял самобытного философского таланта». Волынский подчеркивает в Белинском непосредственность его ощущения, его «инстинктивное чутье к изяществу и красоте».

[7] В этом письме к Станкевичу от 28 сентября — 8 октября 1839 г. Белинский так объясняет ненависть, которую он одно время питал к Шиллеру. «За что эта ненависть? За субъективно-нравственную точку зрения, за страшную идею долга, за абстрактный героизм, за прекраснодушную войну с действительностью, за все за это, от чего страдал я во имя его...» «Его «Разбойники» и «Коварство и любовь», — пишет он дальше в том же письме, — наложили на меня дикую вражду с общественным порядком во имя абстрактного идеала общества, оторванного от географических и исторических условий развития, построенного на воздухе» («Письма», т. I, стр. 346—347).

[8] В том же письме Белинский пишет: «Его (шиллерова) «Орлеанская девственница»... ринула меня в тот же абстрактный героизм, в то же пустое, безличное, субстанциальное без всякого индивидуального определения — общее».

[9] Михайловский отрицал за Белинским способность к отвлеченному мышлению. В своей статье «Прудон и Белинский» он говорит: «Пройдет много лет, сменится много критиков и даже критических приемов, но некоторые эстетические приговоры Белинского останутся во всей силе. Но зато только в этой области Белинский и находил для себя почти непрерывный ряд наслаждений. Как только эстетическое явление осложнялось философскими и нравственно-политическими началами, так чутье правды более или менее изменяло ему, между тем жажда оставалась все та же, и это-то и делало из него того великомученика правды, каким он выступает в своей переписке» (*Н. К. Михайловский*, Сочинения, т. III, Спб., 1888, стр. 149).

[10] «Die Ideale» («Идеалы»), «Resignation» («Смирение») и «Der Kampf» («Борьба») — стихотворения Шиллера. Белинский пишет о них в том же письме следующее: «И куда сам он [Шиллер] заходил, запутываясь своими противоречиями! Влюбившись в девушку и женившись на ней, он скоро охладел к ней, дурно с ней обращался и написал свои «Die Ideale», где распрощался со всеми *призраками* жизни — поэзией, знанием, славой, любовью, и остался только с дружбой и трудом. В «Resignation» он принес в жертву общему все частное — и вышел в пустоту, потому что это общее было Молохом, пожирающим собственных чад своих, а не вечной любовью, которая открывает себя во всем, в чем только есть жизнь. В своем «Der Kampf» он прощается с гнетущей его добродетелью, посылает ее к чорту и, в диком исступлении, говорит — *хочу грешить*! Что это за жизнь, где рефлексия отравляет всякую блаженную минуту, вышедшую из полноты жизни, где общее велит смотреть, как на грех, на всякое человеческое наслаждение, где религия является католицизмом средних веков, стоицизм катоновский — искуплением!..»

[11] На стр. 225 приводится выдержка из этого же письма (см. выше прим. 7), в котором он вспоминает 1837 год: «...Летом просмотрел он [Бакунин] философию религии и права Гегеля. Новый мир нам открылся. Сила есть право и право есть сила: — нет, не могу описать тебе, с каким чувством услышал эти слова — это было освобождение. Я понял идею падения царств, законность завоевателей; я понял, что нет дикой материальной силы, нет владычества штыка и меча, нет произвола, нет случайности — и кончилась моя опека над родом человеческим, и значение моего отечества предстало мне в новом виде...» И дальше: «Блажен, кто может видеть в образе неба символ бесконечного, но ведь небо часто застилается серыми тучами, потому тот блаженнее, кто и кухню умеет просветлить мыслью бесконечною».

[12] Имеется в виду книга «Т. Н. Грановский и его переписка», Москва, 1897. На стр. 108 первого тома приводится следующая выдержка из письма Грановского к Я. М. Неверову (от 19 июля 1840 г.): «Помните, какие гадкие статьи напечатал Белинский о Бородине и т. д. Бакунин первый восстал против них, а кто внушил эти статьи? Он умнее и ловче Белинского...»

[13] На стр. 13 второго тома книги Пыпина отчеркнуто следующее место из письма Белинского к Боткину от 16 декабря 1839 г.: «Все эти аллегории и «придворные эквивоки» клонятся к тому, что права личного человека так же священны, как и мирового гражданина, и что кто на вопль и судорожное сжатие личности смотрит свысока, как на отпадение от общего, тот или мальчик, или эгоист, или дурак, — а мне тот, и другой, и третий равно несносны» («Письма», т. II, стр. 15—16).

[14] Фраза из того же письма.

[15] Здесь Плеханов имеет в виду следующее восклицание Белинского в письме к Боткину от 14 марта 1840 г. («Письма», т. II, стр. 91): «Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму, мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить...» Повидимому, Плеханов хотел сопоставить это восклицание с аналогичным восклицанием Герцена в его «Дневнике»: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почва, из которой разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего мы ищем всяких наслаждений, пьем вино и проч.? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?.. О, пусть они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть» (*Герцен*, Соч., т. III, Пг., 1919, стр. 41).

[16] На стр. 47 отмечена NЗ следующая фраза из письма Белинского к Боткину от 13 июня 1840 г.: «Отчего же европеец в страдании бросается в общественную деятельность и находит в ней выход из самого страдания?» («Письма», т. II, стр. 130).

[17] На стр. 48 отмечена NЗ следующая фраза из того же письма: «Да, наше поколение — израильтяне, блуждающие по степи и которым никогда не суждено узреть обетованной земли. И все наши вожди — Моисеи, а не Навины. Скоро ли явится сей вождь?» Однако такого эпиграфа к статьям о Белинском у Плеханова нет.

[18] *Орлов*, Михаил Федорович (1788—1842) — декабрист, крупный помещик, генерал-майор. Один из основателей и виднейших участников «Союза благоденствия», примыкал к его левому крылу. На съезде «Союза благоденствия» в 1821 г. формально порвал с декабристами, но был в курсе их дальнейшей деятельности. Когда в 1821 г. вспыхнуло восстание в Камчатском полку, Орлов объявил восставшим прощение. Благодаря связям при дворе, Орлов отделался исключением со службы и высылкой в деревню под тайный надзор полиции.

[19] *Чаадаев*, Петр Яковлевич (1794—1856) — выдающийся русский философ и публицист. В молодости примыкал к декабристам, состоял членом «Союза благоденствия». В 1836 г. опубликовал в журнале «Телескоп» одно из своих «Философических писем», в котором указывал на отсталость России, на ее оторванность от культурной жизни Запада. «Телескоп» за напечатание этого письма был закрыт, его редактор Надеждин сослан в Усть-Сысольск, а Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим. В дальнейших своих произведениях («Философические письма», «Апология безумного») Чаадаев продолжал развивать основные мысли, высказанные в первом «Философическом письме».

Чаадаев является одним из крупнейших предшественников западничества. Он оказал сильное влияние на Пушкина, Герцена и Белинского. Плеханов посвятил Чаадаеву две статьи: «Пессимизм как отражение экономической действительности» (т. X) и «П. Я. Чаадаев» (т. XXIII).

[20] Очевидно, здесь Плеханов имеет в виду следующую фразу из письма Белинского к Боткину от 10 декабря 1840 г. («Письма», т. II, стр. 186): «Конечно, идея, которую я силился развить в статье по случаю книги Глинки «О бородинском сражении», верна в своих основаниях, но должно было бы развить и идею отрицания, как исторического права, не менее первого священного и без которого человечество превратилось бы в стоячее и вонючее болото». Фраза эта отчеркнута сбоку и, кроме того, взята в скобки.

[21] В «Дневнике» от 21 апреля 1843 г. Герцен жалуется: «Мы вне народных потребностей».

[22] На 125 стр. отчеркнуто следующее место из письма Белинского к Боткину от 8 сентября 1841 г.: «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможностей. Прочь же от меня блаженство, если оно — достояние мне одному из тысяч. Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братиями моими» («Письма», т. II, стр. 266). К этому месту на полях заметка: «Ср. революционеров 70-х годов».

[23] В своих «Воспоминаниях» Кавелин пишет: «...в одном разговоре с Грановским, при котором я присутствовал, Белинский... выражал славянофильскую мысль, что Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа» (*К. Д. Кавелин*, Собр. соч., т. III, Спб., 1899, стр. 1091).

[24] На стр. 216 Пыпин приводит следующий отзыв о Белинском его современника писателя кн. В. Ф. Одоевского: «Белинский был одной из высших философских организаций, какие я когда-либо встречал в жизни».

[25] В письме к Герцену от 26 января 1845 г. Белинский пишет: «Кетчер писал тебе о Парижском Ярбюхере, и что будто я от него воскрес и переродился. Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня от нее был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах *бог и религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре. Все это так, но ведь я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать? — мертвый капитал» («Письма», т. III, стр. 87).

Под «Парижским Ярбюхером» Белинский подразумевал «Немецко-французские летописи», вышедшие в 1844 г. в Париже под редакцией Арнольда Руге и Маркса и заключавшие в себе статьи Маркса «К критике гегелевской философии права», «К еврейскому вопросу» и Энгельса «Очерки критики политической экономии».

Приведенная выше выдержка показывает, несмотря на оговорку Белинского, что он испытал сильное влияние той критики феодальных порядков, религии и идеалистической философии, которая была дана Марксом и Энгельсом в «Deutsch-Französische Jahrbücher», и горько сетовал на невозможность выступать с критикой подобного рода в России.

[26] В письме к Боткину от 4 марта 1847 г. Белинский дает такое определение таланта: «Талант — та же земля, но которая вместо хлеба родит истину» («Письма», т. III, стр. 194).

РАЗБОР СТАТЬИ Д. И. ПИСАРЕВА «ПУШКИН И БЕЛИНСКИЙ»

В статье «Литературные взгляды Белинского» Плеханов неоднократно касается отношения к Пушкину критики шестидесятых годов в лице Писарева, взгляды которого он сопоставляет со взглядами Белинского. Послужившая материалом для этого сопоставления статья Писарева «Пушкин и Белинский» (Соч. Писарева, Спб., 1894, т. V) была подвергнута Плехановым тщательному разбору как в одной из тетрадей, так и на полях самой книги. В тетради (№ 95) разбор этот занимает три страницы, исписанные частью карандашом, частью чернилами. Поля же книги буквально испещрены замечаниями Плеханова. Мы приводим из них те, которые не являются повторением замечаний в тетради.

ЗАМЕТКИ В ТЕТРАДЯХ

(Тетрадь № 95)

ПИСАРЕВ

Писареву *умные мысли* приходят независимо от нас, а форма от нас зависит[1]. Следовательно, он допускает вдохновение мыслителя, но не поэта. Первая и главная вина Пушкина, это, конечно, что он

всех любит. Писарев готов его проклинать за его общ[ественный] индифферентизм. Вторая вина: отсутствие веры в молодое поколение (стр. 86)[2]. Потом «*художническое* profession de foi» Пушкина.

В статье об Онегине: *один из упреков:* не видно существования крепостного права.

1. Онегин ест, пьет и проч., мало занимается делом. 7. У Онегина «Katzenjammer» * 7. Он пустой светский франт. Из Онегина можно, пожалуй, вывести, что для умных людей нет увлекательного труда. 11. Писарев напоминает о *бумажнике* [3]. Тут просветитель переходит в историка. Припомнить, как Гольбах и Дидро ненавидели дворян. (Бушэ) [4]. 13: выводы Писарева[5] «*Денег ради*» 14 стр. Что говорит Бел[инский] [6]. Бел[инский] первая ступень — Писарев последняя. 15. Насчет оброка [7]. У Пушкина нет резких убеждений: вариант на ту тему, что он все любит. Тирады насчет дуэли. *26.* Просветительская тирада [8]. 27. Пушкин усыпляет общественное самосознание. Рассказ о дуэли Писарев находит превосходным. 30. Тайна нападок на Пушкина [9]. 32. Ленский 32. Пушкин (тайна нападок Писарева на Пушкина). [10] 33. Писарев смеется над несчастиями российского помещика Онегина: это то же, что у Добролюбова в ст[атье] «Что такое Обломовщина». Далее Татьяна и ее разнос. У Белинского есть действительно противоречие в отношении к Татьяне [11]. Отчего? Ему трудно помириться с мыслью о безвыходности положения таких натур, как Татьяна, в тогдашнем русском обществе. В нападках на идеальных дев Бел[инский] — просветитель [12]. Нападки на «Онегина» за идеализацию русской жизни [13]. 59. Пушкин и Грибоедов [14]. *62.* Белинский и Писарев [15]. *63—64.* Тайна нападок на Пушкина [16].

Писарев, «*Пушкин и Белинский*» стр. 64 — в чем расходились «просветители» с Белинским и в чем сходились с ним ** [17].

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ПИСАРЕВ, Д. И. Полное собрание сочинений в шести томах, т. V, Спб., 1894.

93 Будто? Ср. письмо Пушкина [18].	В стихотворении «Поэт» мифологический язык оказал Пушкину драгоценную услугу. Попробуйте выгнать из этого стихотворения Аполлона, и все стихотворение окажется несуществующим, потому что тогда немедленно откроется вся его бессмысленность.
93 Будто!!	Аполлон призывает поэта к священной жертве, божественный глагол касается до чуткого слуха — это, конечно, только поэтические образы, или, вернее, аллегорические обороты речи, но именно только эти аллегорические обороты могут до некоторой степени заслонить как от самого автора, так и от читателя, совершенную несостоятельность основного мотива.

---

* — похмелье. — *Ред.*

** Последняя заметка написана на отдельном листе. — *Ред*

94
Есть, см. Пушкина.

Вся теория, очень любезная многим поэтам и превращающая поэта в совершенно исключительное существо, не похожее на обыкновенных людей, выразилась чрезвычайно ярко в той фикции, что Аполлон требует поэта к священной жертве. Эта фикция оказывается непереводимой на обыкновенный человеческий язык, потому что в действительной жизни нет такого процесса, который соответствовал бы призыванию поэта к священной жертве.

94—95
Ср. Некрасова, посвящение из Мороза красного носа [19].

Поэт, как и всякий другой человек, нуждается в отдыхе, но отдых, то-есть полоса бездействия, необходимая для восстановления потраченных сил, не имеет ни малейшего сходства с *малодушным погружением в суетные заботы света*. Это малодушное погружение для каждого умного и замечательного человека бывает обыкновенно гораздо изнурительнее, чем самый напряженный процесс творчества.

97
Да ведь рабство было в 1828 году в России.

Живя в таком обществе, которое отрицает рабство и, следовательно, по всем правилам здоровой логики, принуждено относиться серьезно и благоразумно к человеческому труду, поэт постоянно должен отдавать себе самый строгий отчет в том, зачем он посягает на труд наборщиков, печатников, корректоров, переплетчиков, разносчиков; зачем он посягает на деньги и на время своих читателей, то-есть также на труд этих читателей или каких-нибудь других людей, находящихся от них в экономической зависимости, и наконец, зачем он сам тратит свое время и свой труд, которые он мог бы употребить на какое-нибудь дело, выгодное для него самого и полезное для общества.

98
Да ведь рассеянность есть результат сосредоточенности.

Усерднейший адвокат *рассеянного бряцания*, Пушкин жестоко черкал и перемарывал свои рукописи, что уже нисколько не похоже ни на рассеянное бряцание, ни на бессознательное творчество.

99
Да слово *надменный* и показывает, что речь идет не о крестьянах.

Пушкин говорит, что поэту *бессмысленно* внимал *хладный и надменный* народ. Все три ругательных эпитета, которыми охарактеризован народ, не только сами по себе нелепы, но даже совершенно противоречат тем чертам, которыми сам же Пушкин обрисовывает народ в том же стихотворении.

99
А. де Виньи сам Джон Белль мог бы упрекнуть в том же [20].

Что народ не может быть назван *хладным* — видно из того, что он поддается влиянию даже той песни, которой бесцельность он сам замечает и осуждает. Народ говорит о поэте: «зачем сердца волнует, мучит, как своенравный чародей?» Если народ чувствует в своем сердце волнения и мучения в такой сильной степени, что даже уподобляет поэта своенравному чародею, то где же та *хладность*, в которой упрекает его Пушкин?

100—101
Есть два способа бороться с недостатками действительности: погрузиться в искусство или реформировать общество. Какой способ торжествует — решит в своем развитии сама действительность. Да пользы то в этом «народ» не видел бы.

Если бы он [поэт] пел о правах и обязанностях человека, о стремлении к светлому будущему, о *недостатках современной действительности*, о борьбе человеческого разума с вековыми заблуждениями, о сознательной любви к отечеству и человечеству, о значении того или другого исторического переворота, то, разумеется, его пение волновало и мучило бы сердце, но в то же время самый тупой, самый хладный, надменный и бессмысленный народ не мог бы упрекнуть его пение в том, что оно ничему не учит, не ведет ни к какой цели и не приносит никакой пользы.

101
Ср. положение Жорж Занд в обществе 30-х годов.

Эротические песни находят себе обыкновенно многочисленных и усердных слушателей; если же эротическая песня пушкинского поэта казалась народу *бесплодною* и если он вместо нее требовал себе такого пения, которое вело бы его к известной цели и приносило бы ему осязательную пользу, если он не довольствовался тем, что *волновало* его чувственность, то надо сознаться, что поэт имел дело с такой *чернью*, которая стояла на необыкновенно высокой степени умственного развития и отличалась замечательно серьезным и разумным взглядом на жизнь.

101
Почти все те вопросы, которые затрагивались романтиками. Буржуа волновались, чувствуя, что молодежь права.

Потрудитесь найти, кроме эротической песни, какую-нибудь песнь, которая могла бы волновать и мучить сердце, не удовлетворяя в то же время всем требованиям утилитарного взгляда на жизнь.

103
Да вовсе не трудящегося человечества.

«Он ничего не отрицает, — говорит Белинский о Пушкине, — ничего не проклинает, на все смотрит с любовью и благословением»... Все эти слова Белинского превращаются в жесточайшую иронию, когда вы ставите их рядом с словами

самого Пушкина, взятыми из того стихотворения, которое сам же Белинский считает его «поэтическим profession de foi». *Он ничего не отрицает и не проклинает* — кроме всего трудящегося человечества.

105 Да отчего не хватило-то? Это и Теофиль Готье не мог не ругать коммунаров[21].

Как только *тупая чернь* ясно сформулировала свои требования, как только обнаружился сильный запрос на обличительный товар, на прогрессивные стремления и на гражданские чувства, — так тотчас самые эфирные мотыльки нашего поэтического вертограда, наперерыв друг перед другом, стали прикладывать к делу русскую поговорку: «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней»... И никому из жрецов чистого искусства не пришло в голову крикнуть печатно: «молчи, бессмысленный народ!» Ни у кого нехватило храбрости открыто и решительно пойти против течения.

107 История романтизма доказывает, что правдоподобна. Писарев сам догадывается, в чем дело.

В стихотворении Пушкина... поэт торжественно отказывается от популярности, громко проклинает *тупую чернь* и погружается в одинокое созерцание чистой красоты, понятной только для посвященных. Эта совершенно неправдоподобная развязка объясняется очень легко и совершенно удовлетворительно тем обстоятельством, что общество, в котором жил Пушкин, спало мертвым сном... Можно предположить даже, что все стихотворение Пушкина было вызвано какой-нибудь тупой и пошлой статьей Булгарина, упрекавшего его в безнравственности и требовавшего от него поучительных стихов и медоточивых рассказов. Булгарин или какой-нибудь другой артист того же достоинства, по всей вероятности, показался Пушкину представителем массы и проводником ее умственных требований; дрянное поползновение булгаринской клики к пошлой нравоучительности принято Пушкиным за чистейшее выражение принципа утилитарности. Это предположение в высшей степени правдоподобно, потому что действительно во времена Пушкина в нашей литературе не было еще ни одного писателя, который постоянно и добросовестно защищал бы интересы массы и смотрел бы с чисто утилитарной точки зрения на все явления жизни, науки и искусства. Значит, Пушкин, ругая чернь и глумясь над идеей пользы, ратует против таких вещей, которых он никогда не видал в глаза.

Как же это значит, да ведь — чернь это Булгарин[22].

111 Справедливо ли это? Всякий чувствует, что нет.

Тому *гробу*[23], который просил у Пушкина *позволения итти*, и всем другим, подобным ему, *гробам* любвеобильный поэт великодушно советует обратиться за умственным и нравственным совершенствованием к бичам, к темницам и топорам:

«Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры. —
Довольно с вас, рабов безумных!»

Объявляя категорически, что поэты рождены *не для битв*, Пушкин в то же время пишет свои два слишком известные стихотворения: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». И он не только написал и напечатал эти два, в буквальном смысле слова, *воинственные* стихотворения, но даже сам придавал им серьезное европейское значение. «Пушкин, — говорит Анненков, — выразил во французском письме к князю Н. Б. Голицыну (переводчику по-французски «Чернеца» Козлова и пьесы «Клеветникам России») чувства, одушевлявшие его во время создания самого стихотворения: «Тысячу раз благодарю вас, любезный князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против врагов нашей земли... Зачем не перевели вы его во-время? — Я бы переслал его во Францию, чтобы ударить по носу всех этих крикунов палаты депутатов»... Но как же мы, однако, ухитримся помирить воинственный азарт Пушкина с тем категорическим объявлением, что поэты рождены *не для битв*?

113 *Ответ* см. в истории Готье. Он готов был писать воинственные стихотворения против немцев[24].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На стр. 71 Писарев пишет: «*Придумать мысль*... совсем не легко. Умные мысли приходят в голову только умным людям, и приходят сами, помимо нашей воли... Затем... надо потратить очень много труда на втискивание мысли в форму».

[2] Белинский особенно восхищался следующими строками из стихотворения Пушкина «19 октября 1825 года»:

«Несчастный друг! Средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...»

Белинский говорил об этих строках: «Этот переживший всех друзей своих друг, докучный, лишний и чужой гость среди новых поколений, дрожащей рукой закрывающий глаза при воспоминании о своих друзьях, — это не просто поэтические стихи, это — поэтическая картина». Приведя эти слова Белинского, Писарев продолжает: «А по-моему, эта *поэтическая картина* составляет именно самое крупное пятно во всем стихотворении... Автор думает, повидимому, что новые поколения будут уже не людьми, а орангутангами, и что вследствие этого *несчастный друг* непременно должен оказаться среди этих новых поколений *докучным, лишним* и *чужим гостем*». Это место в книге отчеркнуто и отмечено NB.

[3] Писарев говорит: «...демонизм Онегина... целиком сидит в его бумажнике. Как только бумажник опустеет, так Онегин тотчас пойдет в чиновники и превратится в Фамусова».

[4] *Бушэ*, Франсуа (1703—1770) — французский живописец, автор ряда картин, полных эротики и отличающихся грацией и изяществом, но поверхностных и манерных. Получил звание «первого художника короля». Упадочное, эротическое, поверхностное искусство Бушэ как нельзя лучше соответствовало вкусам терявшей реальную почву, стремившейся лишь к наслаждениям придворной аристократии. Но когда в искусстве стала проявляться идеология поднимающейся буржуазии, живопись Бушэ стала подвергаться нападкам со стороны Дидро и других критиков.

В своих так называемых «Salons» — критических заметках о произведениях искусства, появлявшихся на периодических выставках в Париже, — Дидро пишет о Бушэ: «У него извращение вкуса, колорита, композиции, характеров, выражения, рисунка шаг за шагом шло за развращением нравов».

[5] На основании произведенного им разбора первой главы «Евгения Онегина», Писарев приходит к выводу, что Онегин скучает «просто оттого, что у него лежат в кармане шальные деньги... Ум его ничем не охлажден, — он только совершенно нетронут и неразвит. *Игру страстей* он испытал настолько, насколько эта игра входит в «науку страсти нежной». О существовании других, более сильных страстей, — страстей, направленных к идее, он даже не имеет никакого понятия... *Мыслить* — для него значит критиковать балеты Дидло и ругать луну дурой за

то, что она очень кругла... *Чувствовать* значит завидовать волнам, которые ложатся к ногам хорошенькой барыни...»

[6] Писарев спрашивает: «Ради чего Онегин скачет *стремглав по почте* и приготовляется к хождению на задних лапках перед умирающим родственником?» И дает на это такой ответ: «*Денег ради*, отвечает Пушкин со свойственной ему откровенностью». Отсюда Писарев делает вывод: «С какой же стати Пушкин дает Онегину право презирать толпу, в которой молчалинство составляет самую темную сторону?» Белинский судит об этом совершенно иначе: «Каково же положение человека, который обязан играть роль огорченного, сострадущего и нежного родственника при смертном одре совершенно чужого и постороннего ему человека? Скажут: кто обязывал его играть такую низкую роль? Как кто? Чувство деликатности, человечности. Если, почему бы то ни было, вам нельзя не принимать к себе человека, которого знакомство для вас и тяжело и скучно, разве вы не обязаны быть с ним вежливы и даже любезны, хотя внутренно вы и посылаете его к чорту».

[7] У Пушкина Онегин, получив наследство, улучшает положение мужиков:

«Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил:
Мужик судьбу благословил».

По этому поводу Писарев рассуждает так: «Это, конечно, недурно со стороны Онегина. Но это доказывает только, во-первых, что Онегин не Плюшкин, и не Гарпагон, и не Скупой рыцарь, а, во-вторых, что полученное наследство было достаточно велико. Легкий оброк, несмотря на всю свою легкость, все-таки давал Онегину полную возможность иметь в деревне «обед довольно прихотливый», пить с Ленским бордо и шампанское, а потом, после смерти Ленского, разъезжать в течение двух лет по России. Если бы наследство было менее значительно, то, по всей вероятности, мужику не пришлось бы благословлять судьбу, потому что Онегин вряд ли отказался бы от бордо, от странствований по России и от разных других удобств жизни, которые должны оплачиваться «легким оброком» или «старинной барщиной». Значит, отношения Онегина к мужикам украшают нашего героя только отрицательным достоинством, т. е. спасают его от упрека в корыстолюбии».

[8] Говоря о дуэли Онегина с Ленским, Писарев подчеркивает зависимость Онегина от мнения светской толпы и, в связи с этим, обрушивается на Пушкина за его снисходительное отношение к этой черте характера Онегина. «Спрашивается теперь, — говорит он, — каким образом должен был отнестись поэт к этой черте в характере Онегина? Мне кажется, он должен был понять весь глубокий комизм этой черты, он должен был всеми силами своего таланта подметить и разработать в этой черте все ее смешные стороны, он должен был осмеять, опошлить и втоптать в грязь без малейшего сострадания ту низкую трусость, которая заставляет неглупого человека играть роль вредного идиота для того, чтобы не подвергнуться робким и косвенным насмешкам настоящих идиотов, достойных полного презрения. Поступая таким образом, поэт оказал бы действительную и серьезную услугу общественному самосознанию; он бы заставил толпу смеяться над теми формулами тупоумия и безличности, на которые она, по своей недогадливости и инерции мысли, привыкла смотреть не только равнодушно, но даже благосклонно».

[9] На стр. 30 отчеркнуто следующее место: «Если бы Белинский потрудился задать себе вопрос, на что потрачено это художественное совершенство [в описании дуэли] и к чему оно клонится, то он немедленно убедился бы в том, что за такие художественные фокусы надо не превозносить, а строго порицать поэта. Фанатические драмы Кальдерона могли быть превосходны в художественном отношении, но влияние их на испанское общество было во всяком случае отвратительно». Против этого места на полях заметка: «Тайна нападок Писарева на Пушкина».

[10] Писарев приводит суждение Белинского о Ленском: «Люди, подобные Ленскому, — говорит Белинский, — при всех их неоспоримых достоинствах нехороши тем, что они или перерождаются в совершенных филистеров, или, если сохраняют навсегда свой первоначальный тип, делаются теми устарелыми мистиками и мечтателями, которые так же неприятны, как и старые идеальные девы, и которые больше враги всякого прогресса, нежели люди просто, без претензий, пошлые. Вечно копаясь в самих себе и становя себя центром мира, они спокойно смотрят

на все, что делается в мире, и твердят о том, что счастье внутри нас, что должно стремиться душою в надзвездную сторону мечтаний и не думать о суетах этой земли, где есть и голод, и нужда, и...» Соглашаясь с этой мыслью Белинского, Писарев говорит: «Не мешает также заметить, что эти слова Белинского чрезвычайно сильно задевают самого Пушкина, который, в течение всей своей поэтической деятельности, постоянно и систематически игнорировал и голод, и нужду, и все остальные болячки действительной жизни».

[11] Писарев отмечает у Белинского в его отношении к Татьяне любопытное противоречие. «Рассматривая характер Татьяны отдельно и переделывая его по своему произволу, Белинский утверждает, что она может быть превосходной супругой и образцовой матерью. Но, анализируя тот же характер в связи с характером Онегина, Белинский приходит к тому заключению, что Онегин не должен был жениться на Татьяне, потому что Татьяна была бы с ним несчастнейшей женщиной и сделалась бы для него невыносимой обузой. — Что бы нашел он потом в Татьяне? — спрашивает Белинский. — Или прихотливое дитя, которое плакало бы оттого, что он не может, подобно ей, детски смотреть на жизнь и детски играть в любовь, — это, согласитесь, очень скучно; или существо, которое, увлекшись его превосходством, до того подчинилось бы ему, не понимая его, что не имело бы ни своего чувства, ни своего смысла, ни своей воли, ни своего характера. Последнее спокойнее, но зато скучнее».

[12] На стр. 54 Писарев приводит следующий выпад Белинского против «идеальных дев»: «Ужаснее всех других, — говорит Белинский, — те из идеальных дев, которые не только не чуждаются брака, но в браке с предметом любви своей видят высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при отсутствии всякого нравственного развития и при испорченности фантазии, они создают свой идеал брачного счастья, — и когда увидят невозможность осуществления их нелепого идеала, то вымещают на мужьях горечь своего разочарования».

[13] «Весь «Евгений Онегин», — говорит Писарев, — не что иное, как яркая и блестящая апофеоза самого бессмысленного status quo. Вся картина этого романа нарисована такими светлыми красками, вся грязь действительной жизни так старательно отодвинута в стороны, крупные нелепости наших общественных нравов описаны в таком величественном виде, крошечные погрешности осмеяны с таким невозмутимым добродушием, самому поэту живется так весело и дышится так легко, — что впечатлительный читатель непременно должен вообразить себя счастливым обитателем какой-то Аркадии, в которой с завтрашнего дня непременно должен водвориться золотой век».

[14] Писарев противопоставляет Пушкину Грибоедова. «Чтобы нарисовать историческую картину, — говорит Писарев, — надо быть не только внимательным наблюдателем, но еще, кроме того, замечательным мыслителем; надо из окружающей вас пестроты лиц, мыслей, слов, радостей, огорчений, глупостей и подлостей выбрать именно то, что сосредоточивает в себе весь смысл данной эпохи, что накладывает свою печать на всю массу второстепенных явлений, что втискивает в свои рамки и видоизменяет своим влиянием все остальные отрасли частной и общественной жизни.

Такую громадную задачу, действительно, выполнил для России двадцатых годов Грибоедов; что же касается до Пушкина, то он даже не подошел близко к этой задаче, даже не составил себе о ней приблизительно верного понятия».

[15] На стр. 62 отчеркнуто следующее место: «Белинский написал о Пушкине одиннадцать превосходных статей и рассыпал в этих статьях множество самых светлых мыслей о правах и обязанностях человека, об отношении между мужчинами и женщинами, о любви, о ревности, о частной и об общественной жизни, но вопрос о Пушкине в конце концов оказался совершенно затемненным. Читателям, а быть может и самому Белинскому показалось, что именно Пушкин породил своими произведениями все эти замечательные мысли, которые, однако, целиком принадлежали критику и которые, по всей вероятности, вовсе не понравились бы разбираемому поэту. Белинский преувеличил значение всех главных произведений Пушкина и каждому из этих произведений приписал такой серьезный и глубокий смысл, которого сам автор никак не мог и не хотел в них вложить».

[16] На стр. 63—64 отчеркнуто следующее место, к которому, очевидно, и относится эта заметка: «Белинский любил того Пушкина, которого он сам себе

создал, но многие из горячих последователей Белинского стали любить настоящего Пушкина в его натуральном и необлагороженном виде. Они стали возносить в нем именно те слабые стороны, которые Белинский затушевывал или перетолковывал по-своему. Вследствие этого, имя Пушкина сделалось знаменем романтиков и литературных филистеров. Вся критика Аполлона Григорьева и его последователей была основана на превознесении той всеобъемлющей любви, которой будто бы проникнуты насквозь все произведения Пушкина. Превознося кроткого и любвеобильного Пушкина, романтики и филистеры почти совершенно игнорируют произведения Грибоедова и относятся враждебно к Гоголю».

[17] На стр. 64 Писарев говорит: «Расходясь с Белинским в оценке отдельных фактов, замечая в нем излишнюю доверчивость и слишком сильную впечатлительность, мы в то же время гораздо ближе наших противников подходим к его основным убеждениям».

[18] Вероятно, Плеханов имеет в виду письмо Пушкина от 15 августа 1827 г., к которому было приложено стихотворение «Поэт». Письмо это, адресованное М. П. Погодину и написанное из Михайловского, кончается такой фразой: «Я убежал в деревню, почуя рифмы» (см. *А. С. Пушкин*, Соч., т. VII, «Письма А. С. Пушкина», изд. А. С. Суворина, 1903, стр. 281).

[19] Стихотворение Некрасова «Мороз красный нос» посвящено его сестре Анне Алексеевне. Приводим выдержку из этого посвящения:

«Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что работам текущего дня
И забавам его подчинился».

[20] Джон Белль — действующее лицо драмы Альфреда де Виньи «Чаттертон», фабрикант, выжимающий соки из своих рабочих, грубый эгоист, скупой и ревнивый.

[21] В одной из тетрадей Плеханова находится заметка о том, что французский поэт-романтик Теофиль Готье ругательски ругал коммунаров, которых вели в тюрьму Сатори. В своей книге «Tableau de siège» Готье говорит о «гориллах Коммуны».

[22] *Булгарин*, Фаддей Венедиктович (1789—1859) — журналист и беллетрист. Больше 30 лет был бессменным руководителем единственной частной ежедневной газеты в России — «Северной пчелы», являвшейся негласным органом III Отделения. Вместе с Гречем Булгарин издавал также журнал «Сын отечества». Булгарин засыпал III Отделение доносами: на полицию и министров, на цензуру и журналы, на писателей и ученых. Как журналист Булгарин подделывался к грубым вкусам читателей. В критических статьях сводил личные счеты с авторами. Имя Булгарина — символ политической продажности и бесчестья. Виднейшая роль в борьбе с Булгариным принадлежит Пушкину и особенно Белинскому.

[23] Здесь Писарев имеет в виду строку из стихотворения Пушкина «Чернь»: «Душе противны вы, как гробы». Строка эта предшествует приводимой в настоящей выписке цитате.

[24] Во время франко-прусской войны Готье говорил о себе: «Я никогда не поверил бы, что я такой шовинист».

РАЗБОР КНИГИ А. Л. ВОЛЫНСКОГО «РУССКИЕ КРИТИКИ»

Первая статья Плеханова из серии «Судьбы русской критики», написанная по поводу книги А. Л. Волынского «Русские критики. Литературные очерки», была напечатана в 7-й (апрельской) книге журнала «Новое слово» за 1897 г. В этой статье, посвященной полемике с идеалистическими взглядами Волынского, Белинскому уделено не много места. Однако этим немногочисленным высказываниям предшествовала тщательная подготовительная работа. Сохранившийся в архиве разбор книги Волынского отмечает исключительно те страницы, на которых говорится о Белинском. Разбор написан в записной книжке в черной обложке (№ 213), значительная часть которой занята разбором сочинений Белинского и

книги Пыпина о Белинском. Разбор книги Волынского занимает три листа в разных местах, исписанные чернилами с обеих сторон. Разбор в тетради дополнен заметками Плеханова на полях книги Волынского, издания 1896 г., к которому и относятся указываемые Плехановым страницы.

ЗАМЕТКИ В ТЕТРАДЯХ

(Тетрадь № 213)

ВОЛЫНСКИЙ

Отметить, что Вол[ынский] врет на стр. 22 [1].

38. Коренной вопрос о влиянии Гегеля на миросозер[цание] Бел[инского] не выяснен.

Волынский замечает: руководителем Бел[инского] был еще и Надеждин. Хорошо, но Над[еждин] мог привести его только к скептицизму. Тут выписку из *Феноменологии* насчет скептицизма.

Стр. 101 книги Волынского. Волынский решит[ельно] не понимает того, что говорит Бел[инский] о несамостоят[ельном] субъекте у Гегеля. «Именно в этом пункте и проч». Задать ему за это [2].

Когда в статье о Петре Бел[инский] говорит, что история есть жизненное развитие абсолютной идеи в форме политич[еских] обществ (Вол[ынский] 106), то ведь он — гегельянец. В статье о Петре Белин[ский] (182) [3] опять говорит: что такое любовь к своему без любви к общему? Значит, — напрасно возражение Волынского, что без общего невозможен прогресс и проч.

В статье о речи Никитенко II т., стр. 765 Бел[инский] говорит по крайней мере *языком* идеалиста [4].

Обратить особенное внимание на ст[атью] «Рус[ская] литература в 1842 г.»: на то, что говорится там о действительности [5].

Стр. 112 книги Волынского, останов[иться] на этом, начав этим новую главу [6]. Остановиться на том, что гов[орит] Бел[инский] о стих[отворении] Пушкина «*Чернь*». Показать, как явилась теория l'art pour l'art.

Стр. *117* книги Волын[ского]. Он находит, что роман Т[атьяны] дышит упоением нац[иональной] красоты(!)

Ст[раница] 121 книги Вол[ынского]. Где же «общие слова» в приводимых отзывах Бел[инского] о Лермонтове?

По слов[ам] Вол[ынского] Лермонтов мог явиться в любой момент рус[ской] истории. 121.

127. «Реализм» не дает искусству «самостоят[ельной] роли в жизни людей». Будто?! «*Реализм*» в воззрениях Бел[инского] восторжествовал «случайно». 128 стр. кн[иги] Волынского. Бел[инский] будто бы отшвыривал «великие теоретич[еские] вопросы», стр. *128* кн[иги] Волын[ского].

Напыщенные разглагольствования Волынского о «пафосе» Пушкина составляют неуклюжее подраж[ание] тому, что говор[ит] Белинский о русском нар[одном] характере. См. у Бел[инского] II т., стр. *217—218* [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На стр. 22 Волынский приводит следующий рассказ Герцена: «Однажды Белинский, проспорив несколько часов против берлинского пантеизма, поднялся с места и проговорил своим прерывающимся и задыхающимся голосом: «Вы хотите меня уверить, что назначение человека состоит в том, чтобы найти путь от абсолютного разума к познанию самого себя, и вы довольствуетесь этой ролью. Я не такое ничтожество, чтобы быть каким-то бессознательным орудием. Если я мыслю, если я страдаю, так это для меня самого. До вашего абсолютного разума, если он и существует, мне нет никакого дела. Мне незачем познавать его, потому что у меня нет с ним ничего общего».

Эпизод этот рассказан Герценом в его книге «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», Paris, 1851, p. 132.

Плеханов, вероятно, имел в виду не совсем точный перевод Волынского. В подлиннике первая фраза реплики Белинского имеет такой вид: «Vous voulez me faire accroire que le but de l'homme est d'amener l'esprit absolu à la conscience de soi-même...» (Вы хотите меня уверить, что цель человека — довести абсолютный разум до познания самого себя...)

[2] О несамостоятельности субъекта у Гегеля Белинский пишет в письме к Боткину от 1 марта 1841 г.: «Субъект у него не сам по себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него по отношению к субъекту Молохом, ибо, пощеголяв в нем, бросает его, как старые штаны». Возражая на это, Волынский говорит: «Зависимость субъекта от мирового, всеобъединяющего духа — истинная сила этой системы, определившей верховный закон, смысл и порядок в процессе жизни. Именно в этом пункте учение Гегеля поднимается над заурядным знанием, сливая науку с религией, давая твердый ответ на лучшие запросы человеческой души («Письма», II, стр. 213).

[3] Здесь цифра 182 означает не страницу книги Волынского, а страницу 2-го тома соч. Белинского (Спб., Ф. Павленков, 1896), где напечатана статья Белинского о Петре I.

[4] Имеется в виду статья Белинского «Речь о критике», написанная по поводу речи профессора А. Никитенко, произнесенной в Спб. университете в 1842 году (*Белинский*, т. II, стр. 758—824). По мнению Волынского, Белинский «выражает в ней... мысли в духе чистейшего идеализма». Плеханов вносит поправку: «... говорит, по крайней мере, *языком* идеалиста».

[5] В статье «Русская литература в 1842 г.» (*Белинский*, т. III, стр. 129—166) Плехановым отчеркнуто следующее место на стр. 146, говорящее об отношении между искусством и действительностью: «Сближение с жизнью, с действительностью, есть прямая причина мужественной зрелости последнего периода нашей литературы».

[6] На стр. 112 книги Волынского отчеркнута следующая фраза «Если бы реалистический взгляд на искусство был движением вперед в его умственном развитии, Белинский, при его громадном критическом таланте, оставил бы нам ряд характеристик, исчерпывающих предмет его исследования, ряд положений, которые должны были бы лечь в основу нашего понимания гигантов русской литературы». Однако ни одна глава статьи Плеханова не начинается с разбора этого положения Волынского и вообще не содержит такого разбора.

[7] На этих страницах Белинский говорит о грусти, как о черте русского народного характера: «Грусть есть общий мотив нашей поэзии — и народной, и художественной. Русский человек в старину не умел шутить забавно и весело: он шутил или плоско, или саркастически, и лучшие народные песни наши — грустного содержания, протяжного и заунывного напева. Нигде Пушкин не действует на русскую душу с такой неотразимой силой, как там, где поэзия его проникается грустью, и нигде он столько не национален, как в грустных звуках своей поэзии... Но эта грусть — не болезнь слабой души, не дряблость немощного духа; нет, эта грусть могучая, бесконечная грусть натуры великой, благородной».

Волынский говорит о «пафосе» Пушкина так:

«Его пафос не в том, в чем видит его Белинский. Его светлый гений широк и грустен, как русская природа. Раздолье без конца, простор, необъемлемый глазом, бесконечные леса, по которым пробегает таинственный шум, и во всем этом утомление какой-то невыразимой тоски и печали... Такова русская душа. В этом ее пафос, и в этом пафос Пушкина».

ПЛАНЫ, ЗАМЕТКИ, ДИСКУССИИ

Публикуемые ниже заметки Плеханова написаны на шести отдельных листах: двух больших почтовых разного формата и трех тетрадочных. Одни из этих листов исписаны с обеих сторон, на других набросано только несколько строк. Некоторые заметки снабжены заголовком: «К плану».

О Пушкине. Бе[линский] и материалистическое объяснение истории. Критический завет Бел[инского] до сих пор не выполнен [1]. Потом о прол[етариате]. Его эстетика (из статьи о Державине) [2]. Бессмертие Белинского.

Смешны те, которые думают, что Б[елинский] исписался. Они его не понимали. А между ними были очень умные люди.

Это чуяли в Б[елинском] реаки. Вопрос Скобелева, обращ[енный] к Белинскому. Оттого-то славянофилам не нравилась и натуральная школа, и Ж. Занд. Анализ[ир]уем шуточный отзыв Б[елинского] о баранах, верблюдах и пр. [3]. *Метод* Б[елинского] верен. Дальше об идеализме Б[елинского]. Потом Фейербах. Цитаты из обозр[ения] лит[ературы] 1847 г. [4]. Возврат назад. Пыпин понимает колебания в смысле возврата к фил[ософскому] абсолютизму, но интересны колебания в смысле тяготения к материализму.

Бел[инский] не думал *возвращаться* к гегелизму, а и был им *[5]. Попытки оживить Гегеля: неогегельянцы. Большинство марксистов ничего не хотят иметь [общего] с *гегельянством*. Бел[инский] был гегельян[цем], но это не значит, что он был предшественником рус[ской] соц[иал]-демократии. Да я не потому говорю: буржуазия. Говорил ли Г[егель] о значении капитализма? В наше время Бел[инский] думал бы не о буржуазии, а о рабочем классе. Не подлежит сомнению, что Бел[инский] усвоил Г[егеля] от Бакунина. Ссылаюсь на письмо, написанное по возвращении с Кавказа [6]. Религиозная черта. Ну, а статья о Бородинской годовщине? Основная мысль статьи верна. Разрыв Бел[инского] с Гегелем совершился под влиянием Герцена. Это фактически не верно. См. Пыпина. Что же говорит Герц[ен] о философии Гегеля? Что происходило в душе Б[елинского] во время писания статьи? Все это выдумка. Белинский отбросил Г[егеля] просто по страстности. А мнение об основной мысли Бород[инской] годовщины [7]. Бел[инский] совсем разорвал с фил[ософией] Гегеля.

Дополнительные углы в геометрии. Мы дополнительные ораторы. Борьба за понятия. Интересы человечества и точка зрения борьбы

* Так в рукописи. — *Ред.*

классов. *Наемники* и «другие элементы трудящихся». В «Новом слове» были статьи, из которых будто бы видно, что интересы рабочего класса расходятся с интересами крестьянства.

1) Отнош[ение] Б[елинского] к Гегелю. Отрицатели спрашивают себя: но ведь действ[ительность] не вечна, и получают утешение. Нет, не только это: они получают возможность *работать*. Элемент развития в философии Гегеля. Alles Endliche ist dies и т. д. [8]. *Объективизм Гегеля*. Разница между мировым разумом и индивидуальным разумом. Нет соответствия между *личными идеалами* и мировым разумом. Гегель отвечал: Ваши идеалы не имеют смысла. Наш субъективный разум не может быть мерилом общественного развития. Вся философия Гегеля была направлена на то, чтобы усмирять личность. Гегелизм требует большого напряжения ума. То-то и беда. Дело было не так: человек мучился, искал, и вдруг получил просияние ума.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В статье «Литературные взгляды Белинского» Плеханов указывает, что в последние годы своей жизни Белинский видел «последнюю инстанцию для критики... в историческом развитии общественных классов и классовых отношений». Вероятно, говоря о «критическом завете Белинского», Плеханов имел в виду именно это свое указание.

[2] Статья Белинского о Державине вошла в том III. Собр. соч., изд. 1896 г., где она занимает стр. 31—97. Плеханов приводит изложенный в ней (на стр. 41—43) «эстетический кодекс» Белинского в своей статье «Литературные взгляды Белинского» (Соч., т. X, стр. 276—277).

[3] Здесь имеется в виду письмо Белинского к Герцену от 6 сентября 1846 г. В письме этом Белинский пишет:

...Только бараны и верблюды упорно держатся святых праотеческих обычаев времен Кошихина: своего мнения не имеют, буйной воли и буйного разума боятся пуще чумы и бесконечно уважают старшего в роде, т. е. татарина, позволяя ему вести себя, куда угодно, и не позволяя себе спросить его, почему, будучи ничем не умнее их, гоняет он их с места на место? Словом, принцип смирения и кротости постигнут ими в совершенстве, и на этот счет они могли бы проблеять что-нибудь поинтересней того, что блеет Шевырко и вся почтенная славянофильская братия» («Письма», т. III, стр. 158—159).

[4] Имеются в виду приведенные в статье «Литературные взгляды Белинского» цитаты из статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» (*В. Г. Белинский*, Соч., т. IV, Спб., 1896, стр. 559—646).

[5] Настоящая заметка, как и следующая, представляет собой, по всей вероятности, запись прений после реферата Плеханова о Белинском.

[6] Имеется в виду письмо Белинского к Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839 г. («Письма», т. I, стр. 337—377). Из письма этого видно, что с Гегелем Белинского познакомили Бакунин и Катков. «Приезжаю в Москву с Кавказа, — пишет Белинский, — приезжает Бакунин — мы живем вместе. Летом просмотрел он философию религии и права Гегеля. Новый мир нам открылся... Перед этим еще Катков передал мне, как умел, а я принял в себя, как мог, несколько результатов «Эстетики»».

[7] Плеханов неоднократно подчеркивает, что даже в то время, когда Белинский относился к своей статье о Бородинской годовщине крайне отрицательно, он все-таки считал основную ее идею правильной.

[8] «Alles Endliche ist dies, sich selbst aufzuheben» («все конечное обречено на самоуничтожение») — цитата из «Логики» Гегеля («*Hegel*, Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, I Theil. Die Logik, Berlin, Duncker und Humblot, 1843, S. 152).

РАБОТЫ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Работы Плеханова о Чернышевском по времени их появления в свет можно разделить на две группы. Первая — это группа статей, появившихся в девяностых годах прошлого столетия, вторая — работы, вышедшие в конце первого и начале второго десятилетия XX века.

К работам первого периода относятся четыре статьи под заглавием «Н. Г. Чернышевский», опубликованные в журнале «Социал-демократ» за 1890—1892 гг. (кн. I—IV), и статья «Эстетические взгляды Чернышевского», напечатанная в 1897 г., в декабрьской книжке «Нового слова». Из четырех статей, появившихся в «Социал-демократе», первая излагает философские, социально-политические и литературные взгляды Чернышевского; остальные три посвящены изложению его взглядов в области политической экономии. Эти последние три статьи позднее в почти неизмененном виде вошли в книгу Плеханова «Н. Г. Чернышевский» (изд. «Шиповника» 1910 г.), составив второй отдел ее второй части. В Собр. соч. они вошли в т. VI, стр. 65—239, первая же статья в т. V, стр. 21—122.

Что касается статьи «Эстетические взгляды Чернышевского», то в 1897 г. свет увидела только ее первая половина, напечатанная, под псевдонимом «Н. Каменский», в третьей (декабрьской) книжке «Нового слова», как четвертая статья из серии «Судьбы русской критики». Декабрьская книжка была конфискована, и на ней журнал прекратил свое существование. Полностью статья появилась впервые в 1905 г. в сборнике статей Плеханова (Бельтова) «За двадцать лет», под заглавием «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», и под этим же заглавием она вошла в VI т. Собр. соч.

В архиве Плеханова сохранились черновые материалы, относящиеся к этим первым работам Плеханова о Чернышевском. Из этих материалов по своей цельности и новизне содержания наиболее интересны две работы. Первая из них — отрывок первоначальной редакции статьи «Эстетическая теория Чернышевского», вторая — реферат о Чернышевском.

Отрывок первоначальной редакции «Эстетической теории Чернышевского» представляет значительные отклонения от текста печатной статьи. Его первые страницы, т. е. стр. 84 и след. рукописи, почти совпадают со стр. 276—278 печатной статьи т. VI Собр. соч., но дальше отрывок резко расходится с текстом как по развитию, так и по самому содержанию излагаемых в нем мыслей.

Реферат представляет собой сжатый конспект первой статьи из «Социал-демократа» («Социал демократ» 1890, № 1), посвященной, как мы видели, изложению философских, литературных и политических взглядов Чернышевского; он весь испещрен ссылками на эту статью и цитатами из нее. Биографическая часть здесь значительно расширена сравнительно со статьей; прибавлено много данных, взятых, повидимому, из книги Скабичевского «История новейшей русской лите-

ратуры», первое издание которой вышло в 1901 г.; дается указание о вставке ряда выписок из той же книги, которые тут же прилагаются. Совсем вкратце, вскользь, излагаются экономические взгляды Чернышевского, причем здесь цитируется уже вторая статья из «Социал-демократа» («Социал-демократ» 1890, № 2). Но таких цитат всего три, и сейчас же после этого Плеханов снова возвращается к темам первой статьи и цитатам из нее. Таковы содержание и главные особенности реферата. Судя по бумаге, почерку и другим внешним признакам, он был написан Плехановым в конце 90-х годов. Это предположение вполне подтверждается данными переписки Плеханова, как опубликованной, так и неопубликованной, хранящейся в его архиве. В «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», в письме П. Б. Аксельрода, которое составители сборника датируют октябрем 1899 г., находим такие строки: «Обратился ко мне представитель колонии с предложением прочитать реферат 24 октября по поводу годовщины смерти Чернышевского. Разумеется, я не имел дерзости согласиться на это предложение и заявил, что лучше всего тебя попросить. С этой просьбой я и обращаюсь к тебе от имени колонии, а entre nous [между нами] и лично от себя и Веры [В. И. Засулич]. Побудешь, значит, и у нас по этому случаю. Пожалуйста, ответь сейчас — ко мне уже завтра, и уж наверно послезавтра придут за ответом» («Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», М., 1925, т. II, стр. 96). В действительности, годовщина смерти Чернышевского — десятилетие со дня его смерти — исполнялась по новому стилю 29 октября 1899 г. Плеханов, очевидно, не ответил на это письмо, так как в следующем письме (от 23—24 октября) Аксельрод пишет: «Ты мне не ответил, приедешь ли сюда (Берлина я не видел)» («Переписка», т. II, стр. 97). В архиве сохранилось письмо и самого Берлина, тогда цюрихского студента, которому, очевидно, было поручено вести переговоры о реферате.

Ответа Плеханова не сохранилось, и дальнейшая переписка не дает нам положительных данных для решения вопроса о том, был ли прочитан Плехановым в Цюрихе реферат к десятилетию со дня смерти Чернышевского. Но что настоящий реферат был подготовлен им именно в это время и по этому поводу, почти не возбуждает сомнений.

Из работ позднейшего периода мы считаем возможным и целесообразным перепечатать, как тесно увязывающийся по теме со всем материалом настоящего сборника, отрывок из статьи о Чернышевском 1910 г., найденный в архиве и напечатанный в первом сборнике «Литературного наследия Г. В. Плеханова». Отрывок этот входил, очевидно, в первоначальную редакцию статьи «Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского», составившей третий отдел книги о Чернышевском, изданной в 1910 г. изд-вом «Шиповник».

В дополнение ко всему указанному материалу мы печатаем выписки из некоторых томов Собр. соч. Чернышевского с заметками к ним Плеханова.

К отделу работ о Чернышевском мы приобщили также сделанный Плехановым разбор напечатанной в «Отечественных записках» за 1847 г. статьи неизвестного автора о переводе «Курса эстетики» Гегеля. А. М. Скабичевский, говоря в своей книге об этой статье, отмечает тот факт, что мысли, выраженные в ней, во многом сходятся с идеями, высказанными Чернышевским в его диссертации. В своем разборе этой статьи Плеханов неоднократно делает то же сопоставление. Повидимому, у Плеханова мелькала даже мысль, что статья написана самим Чернышевским, так как он считает нужным привести доказательства невозможности этого. Все это послужило основанием для включения данной работы в цикл работ о Чернышевском.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

ОТРЫВОК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ «ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Отрывок первоначальной редакции статьи «Эстетическая теория Чернышевского» заключает в себе 17 листов с нумерацией от 84 до 100 стр., с пропуском не сохранившейся стр. 93. Написан он весь на одной стороне листа, чернилами, с многочисленными помарками. Значительная часть оборотов является страницами из статей о Белинском, остальные — из других редакций той же статьи о Чернышевском.

84 ...|не заметим, потому что мы знаем, как трудно полное усвоение чужого языка. То же повторяется и в наших приговорах о произведениях искусства. В этих произведениях недостатков гораздо больше, чем в прекрасном живой действительности, но красота ее произведений не стоит природе никаких усилий, а художнику не легко дается его творчество. Поэтому мы не видим его недостатков или легко прощаем их. Мы готовы сказать,
85 что художник превзошел природу. | «Что легко, то мало интересует нас, хотя бы по внутреннему своему достоинству было несравненно выше трудного». В этом первый источник преувеличенно высокого мнения о достоинстве художественных произведений. Вторым источником его является то обстоятельство, что мы гордимся произведениями искусства, как произведениями человеческого гения. Как отдельный народ преувеличивает достоинство произведений своих художников сравнительно с произведениями художников других стран, так люди вообще преувеличивают достоинства человеческих произведений сравнительно с созданиями природы.

86 | Кроме того, произведениями искусства мы любуемся только тогда, когда хотим любоваться ими, а с прекрасными явлениями действительности мы сталкиваемся случайно, почти насильно. «Очень часто мы отправляемся в общество, на гулянье, вовсе не затем, чтобы любоваться человеческой красотою, не затем, чтобы наблюдать характеры, следить за драмою жизни; отправляемся с заботами в голове, с замкнутым для впечатлений сердцем. Но кто же отправляется в картинную галлерею не затем, чтобы наслаждаться красотою картин? Кто принимается читать роман не затем, чтобы вникать в характеры изображенных там людей и следить за развитием сюжета?» Развлекаемые всевозможными заботами, мы не замечаем золотых монет, разбро-
87 санных на | нашем жизненном пути, но зато у нас бывают настроения, когда мы готовы любоваться жестяными бляхами. Поэтому мы склонны ценить эти бляхи больше золотых монет. Но жесть не делается от этого дороже золота, произведения искусства — выше произведений природы.

Наконец, искусство льстит нашему, часто испорченному вкусу, а природа этого не делает. Мы хорошо понимаем теперь, как искусственны были нравы, привычки и весь образ мыслей французского общества XVII века. Но и в наших привычках и вку-

сах еще очень много искусственного. Мы и до сих пор еще, по-
88 добно французам XVII века, любим «умывать» природу. Чтобы | показать, до какой степени искусство стремится угодить господствующему вкусу, Чернышевский приводит два примера. В действительности часто совершаются события, участники которых совсем не симпатичны. Но мы хотим, как говорится, на ком-нибудь отдохнуть душою, и писатели идут навстречу этому нашему желанию, выводя в своих произведениях так называемые положительные типы. В русской литературе так не поступал только Гоголь, но и у него отсутствие «отрадных лиц» выкупается лирическими отступлениями. Точно так же писатели стараются угодить нашей склонности к сантиментальности, хотя сантименталь-
89 ное направление и противоречит истинному смыслу | жизни. Через это их произведения опять очень выигрывают в наших глазах, и мы готовы превозносить их на счет действительности.

Эти примеры можно повернуть против Чернышевского. Можно сказать, что произведения искусства именно тем и выше живой действительности, что лучше удовлетворяют нашим вкусам, склонностям и понятиям. В сущности это и говорили эстетики-идеалисты. Но Чернышевский возражает на это, что надо отличать искусственно привитые людям вкусы от нормальных. «Искусственно развитой человек — говорит он [— имеет много искусственных, исказившихся до лживости, до фантастичности требований, которым нельзя вполне удовлетворить, потому что они в сущности не требования природы, а мечты испорченного воображения, которым почти невозможно и угождать, не подвергаясь насмешке и презрению от самого того человека, которому стараешься угодить, потому что он сам инстинктивно чувствует, что его требование] не стоит удовлетворения» *.

90 | В другом месте своей диссертации он говорит: «Воображение [строит свои воздушные замки тогда, когда нет на деле не только хорошего дома, даже сносной избушки. Оно разыгрывается тогда, когда не заняты чувства; бедность действительной жизни — источник жизни в фантазии. Но едва делается действительность сколько-нибудь сносною, скучны и бледны кажутся нам перед нею все] мечты воображения» **. Это очень замечательное место: оно показывает, что у Чернышевского *речь идет не столько о том, что есть и что было, сколько о том, что должно было бы быть.* Если источником жизни в фантазии является бедность действительной жизни, то люди не перестанут жить в фантазии до тех пор, пока останется бедной действительная жизнь, и только тогда, когда будет устранена бедность

* В рукописи сказано: «Искусственно развитой человек, — говорит он и т. д. стр. 119 до слов: не стоит удовлетворения».
Цитируется по книге: «*Н. Г. Чернышевский*, Эстетические отношения искусства к действительности», Спб., 1865, стр. 119. — *Ред.*
** В рукописи: «Воображение и т. д. стр. 53 до слов: мечты воображения». Цитируется по тому же изданию, стр. 53. — *Ред.*

действительной жизни, народятся люди, способные оценить живую действительность по ее истинному достоинству. Тогда и явится настоящее искусство. А все то, что было до сих пор, по крайней мере вся история искусства в новейшем обществе,
91 оказывается продуктом человеческой бедности и невежества, | т. е. плодом заблуждения. Это неизбежный вывод, но Чернышевскому не хочется признать его во всей его наготе. Поэтому он, в своем разборе «*Эстетических отношений*», различает неправильный взгляд на искусство людей более или менее зараженных школьными предрассудками от простого, естественного взгляда массы. «Масса людей, — говорит он — [правда, ставит искусство очень высоко, быть может, даже выше, нежели давало бы ему на то право одно внутреннее достоинство, и это пристрастие удовлетворительно объясняется указаниями автора; но масса людей вовсе не ставит искусство выше действительности»] *. Но отчего же эстетики некоторых школ ставили искусство выше действительно[сти]? По мнению Чернышевского, это происходило от разных причин. Так, например, [если] «эстетики псевдоклассической школы предпочитали искусство действительности потому, что вообще страдали болезнью своего века и кружка — искус-
92 ственностью всех привычек и понятий», то | немецкие эстетики, воспитанные в школе Гегеля, превозносили искусство на счет действительности потому, что не успели освободиться от идеализма; романтики тоже страдают все искусственностью привычек и понятий и т. д., но отсюда опять выходит, что история искусства у народов христианской Европы почти всегда шла ошибочным путем ** и что правильный естественный взгляд на отношение искусства к действительности оставался неприкосновенным лишь у той «массы людей», которой некогда было заниматься эстетикой и которая имела мало влияния на историческое развитие искусства ...***

94 ## VIII

«Апология действительности сравнительно [с фантазией, стремление доказать, что произведения искусства решительно не могут выдержать сравнения с живой действительностью, вот сущность] этого рассуждения» ****, — говорит Чернышевский в заключительных строках своей диссертации. В предисловии к ней

* В рукописи сказано: «Масса людей, — говорит он, — выписка в моей тетради, спросить меня... До слов: искусство выше действительности».
Цитата из сделанного Чернышевским разбора своей же диссертации, напечатанного под псевдонимом Н. П-ъ (Собр. соч., т. X, ч. II, Спб., 1906, стр. 178). — *Ред.*
** Древние греки не превозносили, по словам Чернышевского, искусство на счет живой действительности. — *Прим. Г. В. Плеханова.*
*** Стр. 93 не сохранилась. — *Ред.*
**** В рукописи: «Апология действительности сравнительно и т. д. стр. 147 до слов: этого рассуждения».
Цитируется по тому же изданию, стр. 147. — *Ред.*

он указывает на то, что уважение к действительной жизни и недоверие к априорным, хотя бы и приятным для фантазии гипотезам составляют отличительный характер направления, господствующего в современной науке. В своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» он говорит, что главная заслуга немецкой философии, от Канта до Гегеля, заключается в чрезвычайном внимании к действительности, «над которою прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним убеждениям» *.
95 Чтобы понять эту заслугу | немецкой философии, «надобно вспомнить, — говорит он, — [какими странными и узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних школ: они принимались философствовать не иначе, как затем, чтобы «оправдать дорогие для них убеждения», т. е. искали не истины, а поддержки своим предубеждениям; каждый брал из истины только то, что ему нравилось, а всякую неприятную для него истину отвергал, без церемонии признаваясь, что приятное заблуждение кажется ему гораздо лучше беспристрастной правды. Эту манеру заботиться не об истине, а о подтверждении приятных предубеждений, немецкие философы (особенно Гегель) прозвали «субъективным мышлением», философствованием для личного удовольствия, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличал эту] пустую и вредную забаву» **. Замечательно, что, между тем как нынешние наши гг. субъективисты презрительно пожимают плечами, слыша слово: *диалектика*, Чернышевский превозносит диалектический метод именно как предохранительное средство против пустой и праздной забавы, называющейся субъективным мышлением. Сущность диалектического метода состоит, по его словам, в том, что «мыслитель не должен успокаиваться [ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд: таким образом мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений... Но, в действительности, все зависит от

* Имеется вариант этой страницы. Приводим его:
«Апология действительности и т. д. стр. 147 до слов: этого рассуждения», говорит Чернышевский в конце своей диссертации. И всякий, кто внимательно прочтет ее, должен будет согласиться, что она представляет собою чрезвычайно умную, талантливую, местами даже блестящую апологию действительности. Но правильна ли мысль, лежащая в ее основе? Дает ли Чернышевский научную теорию искусства? Удовлетворителен ли его опыт материалистической эстетики? Ответить на эти вопросы можно только разбором «Эстетических отношений» с точки зрения той философии, которая развилась из системы Фейербаха точно так же, как система Фейербаха развилась из...» — *Ред.*

** В рукописи: «Чтобы понять эту заслугу немецкой философии, надобно вспомнить, говорит он, и т. д. стр. 258—259 до слов: пустую и вредную забаву».

Цитируется по книге: *Н. Г. Чернышевский*, Очерки гоголевского периода русской литературы, изд. 2-е, Спб., М. Н. Чернышевский, 1893, стр. 258—259. — *Ред.*

обстоятельств, от условий места и времени, — и потому Гегель признал, что прежние общие фразы, которыми судили о добре и зле, не рассматривая обстоятельств и причин, по которым возникало данное явление, — что эти общие, отвлеченные изречения неудовлетворительны: каждый предмет, каждое явление имеет свое собственное значение, и судить о нем должно по соображению той обстановки, среди которой оно существует; это правило выражалось формулой: «отвлеченной истины нет; истина конкретна, т. е. определительное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит»] *.

96 | Это высокое мнение Чернышевского о Гегеле и о диалектическом методе мышления; это презрение его к отвлеченной истине очень характерно для него, как для продолжателя дела Белинского. Белинский увлекся гегелевой философией потому, что для него стало нестерпимо иго «абстрактного идеала», т. е. той же отвлеченной истины. Став на точку зрения гегелевой философии, Белинский проникся величайшим уважением к действительности. Но первоначально Гегель повлиял на Белинского исключительно только «абсолютной» стороной своих воззрений; поэтому наш великий критик сделался рьяным консерватором. Потом он понял, что «абсолютные» выводы Гегеля никуда не
97 годятся, и перешел | на диалектическую точку зрения, сделавшись горячим, крайним сторонником прогресса. При этом он попрежнему продолжал уважать действительность, но его уважение к ней выражалось уже не в отрицании ее недостатков, а в стремлении опереться в борьбе с ними на ее же развитие, в попытках обосновать на ее свойствах идею ее собственного отрицания. Но для такого обоснования нужно было ее всестороннее изучение и объяснение. Эта огромная задача была неразрешима для мыслящих людей того времени, потому что еще слиш-
98 ком мало развиты | были наши общественные отношения. А между тем эти неразвитые общественные отношения были важным препятствием на пути нашего общественного развития: они, так сказать, сами напрашивались на отрицание, которое отчасти и осуществлено было на практике реформами шестидесятых годов. Поэтому мыслящим людям того времени оставался только путь отрицания отживших учреждений во имя *отвлеченной*
99 истины, во имя *отвлеченного* разума просветителей. Белинский | смело выступил на этот путь, на котором за ним потом последовал Чернышевский. «Эстетические отношения искусства к действи-

* В рукописи: «Сущность диалектического метода всегда состоит, по его словам, в том, что «мыслитель не должен успокаиваться и т. д. стр. 259. (Выписать с этой страницы два указанных там отрывка, соединив их между собой точками...)».

Цитируется по книге: *Н. Г. Чернышевский*, Очерки гоголевского периода русской литературы, изд. 2-е, Спб., М. Н. Чернышевский, 1893, стр. 259. В экземпляре, сохранившемся в библиотеке Плеханова, приведенные нами два места заключены в скобки. — *Ред.*

тельности» представляют собою рассуждение об эстетике с точки зрения той отвлеченной истины, что «действительность выше мечты, и существенное значение выше фантастических притязаний». Можно сказать, что, становясь на отвлеченную точку зрения, наши просветители возвращались к тому «абстрактному идеалу», от которого Белинский искал спасения в гегелевой
100 философии, | отказывались от того уважения к действительности, которое они сами проповедывали, и забывали, что «отвлеченной истины нет, истина конкретна». И это будет справедливо. Отвлеченная точка [зрения] была ахиллесовой пятой всех просветителей вообще и русских просветителей в частности. Ею объясняются все их как теоретические, так и практические ошибки.

РЕФЕРАТ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Реферат написан рукой Плеханова на семи тетрадочных листах, чернилами, с обеих сторон листа. Страницы (1—14) перенумерованы самим Плехановым. Выписки, которыми дополнен реферат, сделаны на отдельных тетрадочных листах тоже рукой Плеханова и им же самим пронумерованы и озаглавлены.

1 *Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ*

〈Сцена на Мытнинской площади утром 13-го июня 1864 года: бледный, исхудалый, измученный арестант был выставлен к так называемому позорному столбу, и началось чтение приговора. Осужденный стоял все время молча, повернувшись спиною к чин[овнику], чит[авшему] приговор. По окончании чтения руки осужденного были продеты в кольца, прикованные к эшафотному столбу,— и [началось] преломление шпаги. В эту минуту на эшафот упал букет. Жандармы и сыщики бросились искать в толпе смельчака, бросившего букет, осужденного повезли в тюрьму...〉 *

Этот осужденный был Н. Г. Чернышевский, человек, сыгравший
2 огромную роль в истории нашего умственного движения. | Об этом человеке мне придется говорить сегодня. Признаюсь, что задача не легкая, попытаюсь решить ее, как умею. Но прежде, чем сделать какую бы то ни было попытку в этом направлении, я хочу оговориться.

В своем знаменитом сочинении «Очерки гоголевского периода русской литературы», которое должно быть известно всякому грамотному русскому человеку, Чер[нышевский], приступая к характеристике деятельн[ости] Бел[инского], замечает: См. «*Соц[иал]-дем[ократ]*» № 1, *стр. 90—91* **.

* Все это место в рукописи зачеркнуто. — *Ред.*

** Приводим соответствующую выписку из статьи Плеханова «Н. Г. Чернышевский», напечатанной в «Социал-демократе» за 1890 г., кн. I.

«Если у каждого из нас, — говорит он в этих очерках, переходя к критике гоголевского времени, — если у каждого из нас есть предметы столь близкие и дорогие сердцу, что, говоря о них, он старается наложить на себя холодность и спокойствие, старается избежать выражений, в которых бы слышалась его слишком сильная любовь, наперед уверенный, что, при соблюдении всей возможной для него холодности, речь его будет очень горяча, — если, говорим мы, у каждого из нас есть такие дорогие сердцу предметы, то критика гоголевского периода занимает между ними одно из первых мест, наравне с Гоголем... Потому-то будем говорить о критике гоголевского периода как можно холоднее; в настоящем случае нам не нужны и противны громкие фразы: есть такая степень уважения и сочувствия, когда всякие похвалы отвергаются, как нечто, не выражающее всей полноты чувства» («Социал-демократ», 1890, книга первая, стр. 90—91). — *Ред.*

Вот то же самое скажу и я, начиная свое чтение о Черн[ышевском]: я постараюсь говорить спокойно и холодно: есть такая степень уважения и сочувствия, когда всякие похвалы отвергаются, как не выражающие всей полноты чувства.

3 | *Биографич[еский] очерк.* Род[ился] в Сар[атове] 19 июня 1828 года. Отец (Гавриил Иванович) — свящ[енник], потом кафедральный протоиерей. Он — образов[анный] человек; знает иностр[анные] языки. Николай — единственный сын у него. Он очень любим род[ителями], которым платил горячей привязанностью. Влияние на него двоюродной сестры Любови Николаевны. Она прививает ему страсть к чтению и учит играть на фортепиано. Он уже тогда приобрел привычку читать даже за едою, которую и сохранил до самой смерти.

В 1842 г. — *в семинарию. Наружность его в это время.* См. *Выписку* *. Товарищи зовут его «*дворянчиком*». См. отзыв Розанова об его сведениях **.

* Приводим сохранившуюся в архиве выписку, озаглавленную:

«НАРУЖНОСТЬ ЧЕР[НЫШЕВСКОГО] В 1842 Г.

Несколько выше среднего роста, с нежным, женственным лицом, волнистыми светло-желтыми волосами, с манерами скромной девушки».

Выписка из книги *А. М. Скабичевского* «История новейшей русской литературы», Спб., 1891, стр. 58. Скабичевский цитирует здесь воспоминания о Чернышевском Розанова в «Русской старине» 1889, № 11 («Н. Г. Чернышевский»). — *Ред.*

** Приводим выписку, озаглавленную:

«РОЗАНОВ О СВЕДЕНИЯХ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Научные сведения его были необыкновенно велики: он знал языки латинский, греческий, еврейский, французский, немецкий, польский и английский. Начитанность была необыкновенная. Между нашими преподавателями был некто Воскресенский... лучший в семинарии. Заговорит, бывало, о чем-нибудь и спросит: не читал ли кто-нибудь об этом? все или молчат, или отвечают, что не читали. — Ну, а вы, Чернышевский, читали? — спросит он. В то время как он говорил и спрашивал, Чернышевский по обыкновению читал что-нибудь. Во время класса при наставниках он всегда делал выписки из лексиконов, это было его обыкновенное и неизменное занятие. Пишет Чернышевский, учитель спросит его и не повторяет вопроса, тот встает и начинает: германский писатель говорит об этом... французский... английский. Слушаешь, бывало, и не можешь понять, откуда человек набрал столько сведений. И так всегда; коль скоро о чем-нибудь не знает никто, то и берутся за Чернышевского, а тот уже знает непременно. Многосторонностью знаний и обширностью сведений по св[ященному] писанию, всеобщей гражданской истории, логике, психологии, литературе, истории, философии и проч. он поражал всех нас. Наставники наши считали удовольствием поговорить с ним, как с человеком, вполне уже развитым».

Выписка из той же книги Скабичевского, стр. 59. — *Ред.*

4 | *Аттестат* 1843 и 1844 г. * Неизвестно, был ли он религиозен в то время; вероятно — да, потому что он собирался ехать в духовную академию. Но в 1844 году родители взяли его из семинарии. *Отзыв инспектора* **.

В 1846 г. поступает в университет. Продолж[ает] изучение древних языков, общей словесности и изучение славянских наречий. Под руководством Измаила Ив. Срезневского — словарь к Ипатьевской летописи [1], напечат[анный] в «Известиях II отд. Академии наук».

В 1850 году окончил университет и оставлен при нем, но в 1851 г. едет в Сарат[ов]; учитель гимназии; в ян[варе] 1854 г. его переводят в Петерб[ург] учит[елем] 2-го корпуса.

5 Уже в то время начинается | его литерат[урная] деятельность: пишет библиограф[ические] статейки сначала в «О[течественных] з[аписках]», потом в «Современнике». В «О[течественных] з[аписках]» 1854 г. роман «Семейство Доддов» — Чарльза Ливера [2] его перевод.

Работает над диссертацией [3]. Одобрена советом университета, но не утверждена министром народного просвещения Норовым. Чер[нышевский] *не* удостоен звания магистра. Но диссертация обратила на себя внимание редакции «Сов[ременника]», которая поручила ему заведывать критич[еским] отделом. И с этих пор он т[аким] о[бразом] вплотную взялся за литературу, быстро приобретя в ней огромное влияние.

Деят[ельность] распад[ается] на 2 пер[иода]; до 1858 г. преимущественно лит[ературная], от 1858 г. до ареста — публицистическая.

6 | Задачи Ч[ернышевского] в литературной деятельности. См. «Соц[иал]-дем[ократ]» ***.

* Приводим соответствующую выписку:

«Аттестат 1843 г.: способностей отличных, прилежания ревностного, успехов отличных, поведения весьма скромного».

Скабичевский, стр. 60. — *Ред.*

** Приводим выписку под заглавием:

«ОТЗЫВ ИНСПЕКТОРА

Чернышевский думает ехать в духовную академию, но потом решил поступить в университет и вышел из семинарии в ноябре 1844 года. Инспектор семинарии, встретив мать Чернышевского у кого-то в гостях, спросил ее:

— Что вы вздумали взять вашего сына из семинарии?

Евгения Егоровна:

— Сами знаете, как унижено духовное звание, мы с мужем и порешили отдать его в университет.

— Напрасно вы лишаете духовенство такого светила».

Скабичевский, стр. 60. — *Ред.*

*** Приводим соответствующее место из статьи в «Социал-демократе»:

«...у Николай Гавриловича были очень своеобразные взгляды на задачи людей, желающих посвятить свои труды благу России. В силу этих взглядов он и не мог придавать большого значения чисто ученой деятельности своих соотечественников. В цитированных уже нами «Очерках гоголевского периода русской литературы» он очень определенно высказывается на этот счет. «Многие из великих ученых, поэтов, художников, — говорит он, — имели в виду служение чистой науке или чистому искусству, а не каким-нибудь исключительным потребностям своей родины. Бэкон, Декарт, Галилей, Лейбниц, Ньютон, Гумбольдт и Либих, Кювье и Фаредэй трудились и трудятся, думая о пользах науки вообще, а не о том, что именно в данное время нужно для блага известной страны, бывшей их родиною... Они, как деятели умственного мира, — космополиты». Но не в таком положении находятся, по его мнению, деятели умственного мира в России. Им еще нельзя быть космополитами, т. е. нельзя думать об интересах чистой науки или чистого искусства. В этом смысле, по условиям их страны, им приходится быть «патриотами», т. е. думать прежде всего о специальных нуждах своей родины... «До сих пор для русского человека единственная возможная заслуга перед высокими идеями правды, искусства, науки — содействие распространению их в его родине». («Социал-демократ», кн. 1-я, стр. 92—93). — *Ред.*

Характер лите[ратурной] деятельности. Рассмотрю: а) философские взгляды Чернышевского; b) его литературные взгляды; c) его экономические взгляды и d) его взгляды на тогдашнее положение России.

а) Философские взгляды Чернышевского. Презрит[ельное] отношение рус[ских] перед[овых] людей 60-х годов к немецкой философии, которую называли метафизикой. Не так относился к немецкой филос[офии] Черныш[евский]. К Гегелю он относился [с] велич[айшим] уважением. Но в то время идеализм уже падал. Он держался философской системы, которая, по его словам, «вышла из гегелевой системы точно так же, как гегелева вышла из шеллинговой». Его учитель — *Фейербах*.

Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку... [4]

7 | Намеки на то, кто его учитель: «С[*оциал*]-д[*емократ*]», стр. 94—95: «Вам, вероятно, хотелось бы и т. д. *. Чернышевский был материалистом. Философское воззрение на человеческую жизнь: стр. 95 **.

* Эта цитата находится на стр. 95-й первой книги «Социал-демократа». Приводим ее:

«Вам, вероятно, хотелось бы узнать, кто же такой этот учитель, о котором я говорю? — спрашивает Чернышевский Дудышкина в той же статье. — Чтобы облегчить вам поиски, я пожалуй скажу вам, что он — не русский, не француз, не англичанин; не Бюхнер, не Макс Штирнер, не Бруно Бауер, не Молешотт, не Фохт, — кто же он такой? Вы начинаете догадываться...» И действительно, нельзя не догадаться: Чернышевский говорит о Фейербахе». — *Ред.*

** Приводим соответствующую цитату, находящуюся на стр. 95—96 «Социал-демократа».

«Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами, — писал он в названной выше уже статье об «антропологическом принципе в философии», — служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет. Это не нуждается в толкованиях». — *Ред.*

Из материализма Фейербаха вышел материализм Маркса и Энгельса, так называемый экономич[еский] материализм. В чем его сущность? Неправильный взгляд на этот материализм. *Историческая точка* зрения его. Говоря вообще, Черныш[евский] еще чужд совр[еменному материализму] и только иногда приближается к нему. Его матер[иализм] проявляется больше в его антропологич[еских] и эстетич[еских] воззрениях. Человек — невольный продукт среды, Ч[ернышевский] относится чрезвыч[айно] гуманно даже к таким действиям, в которых идеалист может видеть лишь проявление *«злой воли»*. Выписка. Стр. 104 *. Но невыработанность историч[еских] взглядов Ч[ернышевского] ведет к неправильным понятиям о *характере и развитии* нравственных чувств людей. В основе бескорыстных поступков лежит | *эгоизм. Лукреция закололась, когда ее заколол* ** *Секст Тарквиний: она поступила очень расчетливо.* Исторические события он также склонен иногда объяснять сознательным расчетом пользы там, где надо объяснять их бессознательным ходом экономич[еского] развития. Много противоречий в его историч[еских] взглядах. Значение *случайности* в истории. *Завоевание*, как основа современного экономич[еского] быта. Пренебрежительное отношение к историческому методу в политич[еской] экономии. 113 стр. ***

8

Экономич[еские] взгляды Ч[ернышевского]. Гипотетический метод в полит[ической] экономии. *Выписка*. 114 стр.**** Неудовлетворит[ельность] этого метода. Сравни его собственное суждение о гегелизме. Стр. 116 *. Займы, II, 86 **. Главная задача политич[еской] экономии II, 84—85 ***. Учение о стоимости. Как

---

* Эта выписка, сохранившаяся в архиве, озаглавлена:

«БЕДА

Все зависит от общественных привычек и от обстоятельств, т. е. в окончательном результате все зависит исключительно от обстоятельств, потому что и общественные привычки произошли в свою очередь от обстоятельств. Вы вините человека — всмотритесь прежде, он ли виноват в том, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, — всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, только беда его».

В «Социал-демократе» место это находится на стр. 104. — *Ред.*

** Описка — надо: «осквернил». — *Ред.*

*** На стр. 113 «Социал-демократа» Плеханов приводит следующие слова Чернышевского, характеризующие его пренебрежительное отношение к историческому методу в политической экономии:

«Против средневековых учреждений, несогласных с выгодами коммерческого сословия, ратовали... во имя разума; а тут вот как на грех явились люди, начавшие говорить: по разуму действительно следует быть тому, чего желаете вы, только сверх того требуется по разуму еще многое другое; вы произносите только начало формулы, а конец ее вот каков; словом сказать, перед лицом мыслителей непоследовательных явились мыслители последовательные... Что тут делать? Если разум говорит против тебя, хватайся за историю, она выручит». — *Ред.*

**** Приводим соответствующее место на стр. 114 «Социал-демократа».

«Этот метод состоит в том, — говорит он в своих замечаниях на первую книгу Политической экономии Милля,— что, когда нам нужно определить характер известного элемента, мы должны на время отлагать в сторону запутанные задачи и приискивать такие задачи, в которых интересующий нас элемент обнаруживал бы свой характер самым несомненным образом, приискивать задачи самого простейшего свойства. Тогда, узнав характер занимающего нас элемента, мы можем уже удобно распознать ту роль, какую играет он и в запутанной задаче, отложенной нами на время. Например, вместо многосложной задачи: были ли войны с Францией в конце прошлого и начале нынешнего века полезны для Англии, берется простейший вопрос: может ли война быть полезна не для какой-нибудь шайки, а для многочисленной нации? Теперь, как же решить этот вопрос? Дело идет о выгоде, то-есть о количестве благосостояния или богатств, об уменьшении или об увеличении его, то-есть о величинах, которые измеряются цифрами. Откуда же возьмем мы цифры? Никакой исторический факт не дает нам этих цифр в том виде, какой нам нужен, то-есть в простейшем виде, так, чтобы они зависели единственно от определяемого нами элемента, от войны... Итак, из области исторических событий мы должны перенестись в область отвлеченного мышления, которое вместо статистических данных, представляемых историею, действует над отвлеченными цифрами, значение которых условно и которые назначаются просто по удобству. Например, оно (отвлеченное мышление) поступает так. Предположим, что общество имеет 5000 человек населения, в том числе 1000 взрослых мужчин, трудом которых содержится все общество. Предположим, что 200 из них пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношение этой войны к обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояние общества? Лишь только мы произвели такое простейшее построение вопроса, решение становится столь просто и бесспорно, что может быть очень легко отыскано каждым и не может быть опровергнуто никем и ничем... По термину «предположение», «гипотеза», самый метод называется гипотетическим». — *Ред.*

* Приводим соответствующее место на стр. 116 «Социал-демократа»:

«Объяснить действительность стало существенной обязанностью философского мышления. Отсюда явилось чрезвычайное внимание к действительности, над которой прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним предубеждениям... Но в действительности все зависит от обстоятельств, от условий места и времени, — и потому Гегель признал, что прежние общие фразы, которыми судили о добре и зле, не рассматривая обстоятельств и причин, по которым возникло данное явление, что эти общие, отвлеченные изречения неудовлетворительны. Отвлеченной истины нет, истина конкретна, т. е. определительное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит». — *Ред.*

** В своей второй статье о Чернышевском, напечатанной во второй книге «Социал-демократа», Плеханов приводит следующее замечание Чернышевского о займах: «Разумеется, бывают разного рода займы, как бывают разные роды налога, и некоторые из них более обременительны для нации, чем другие. Но место не дозволяет нам здесь вдаваться в эти подробности, которые, впрочем, теряют значительную часть своей важности для теоретического исследования, если мы твердо убедимся в общей невыгодности самого принципа заменять налог займами. Теория говорит, что займов не следует заключать; после этого, какую степень серьезности могли бы иметь рассуждения о том, в каких обстоятельствах и в каком размере можно заключать займы?» («Социал-демократ», 1890, кн. II, стр. 86). — *Ред.*

*** Приводим соответствующее место из той же статьи:

«Для Чернышевского, как и для всех социалистов-утопистов, главная задача науки заключалась в указании того, как должно быть устроено нормальное общество. Он очень недвусмысленно высказывает это в заключительных строках своих «Очерков из политической экономии»: «Не успела войти в наши очерки та часть теории, которая, по нашему мнению, наиболее важна в науке. Критикой господствующих понятий нам удавалось приводить читателя к общим принципам устройства, наиболее выгодного для людей. Но мы не успели изложить, в каких главных подробностях должны некогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могут уже теперь люди приближаться к наилучшему устройству своих материальных отношений. Нам пришлось в этом отношении довольствоваться неопределенными очерками, представленными у Милля в главе о вероят-

будет в социалистич[еском] обществе. II, *106* *. Опровержение Мальтуса. Неудовлетворительность этого опровержения: его *«гипотетичность»*. В С. Америке производство хлеба *упятерилось* в период времени от 1850 до 1884 года. | Iowa, Missouri, 9
Illinois, Indiana, Ohio, Michigan производят более половины хлебов, собираемых в Америке. И все-таки его экономич[еские] соч[инения] до сих пор очень полезно читать; они развивают критическое отношение к существующему порядку вещей.

Литературные взгляды Чернышевского.

Многие думают, что его взгляды на искусство являются каким-то унижением искусства. Нападки Волынского на критику шестидесятых годов [5]. Кто хочет уяснить себе взгляд на искусство наших передовых писателей 60-х гг., тот непременно должен прочесть диссертацию Чернышевского. Основные положения диссертации. См. Выписка **. Искусство — воспроизведение жизни. Воспроизводя жизнь, человек невольно произносит и свой приговор над нею. У иных художников суждение о жизни выра- 10
жается только в том, что они обнаруживают расположение — к известным сторонам действительности и избегают других — это люди, у которых умственная деятельность слаба; когда подобный человек — поэт или художник, его произведения не имеют другого значения, кроме воспроизведения любимых им сторон жизни. Но если человек, которого умственная деятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюдениями жизни, одарен художническим талантом и т. д. *** Содер-

ной будущности рабочих сословий. Мысли его верны, но слишком бледны. И мы очень жалеем, что не успели дополнить их очерками более точными. Но что же делать!» («Социал-демократ», 1890, кн. II, стр. 84—85). — *Ред.*

* На стр. 106 второй книги «Социал-демократа» Плеханов говорит: «Следовательно, уравнение запроса и снабжения потому *является* основным законом меновой стоимости, т. е., иначе сказать, одним из основных законов всего *буржуазного* хозяйства, что в *социалистическом обществе* производство *будет* основываться на правильной классификации предметов и потребностей. Такой способ решения спорных теорий буржуазной экономии как нельзя лучше характеризует утопическую точку зрения Чернышевского». — *Ред.*

** Эта выписка не сохранилась. Берем ее из статьи «Н. Г. Чернышевский», где Плеханов приводит некоторые из выставленных в диссертации тезисов.

«Истинное определение прекрасного таково: прекрасное есть жизнь; прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, как он ее понимает; прекрасный предмет — тот предмет, который напоминает ему о жизни». «Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии только бедные и почти всегда неудачные подделки действительности.

Прекрасное в объективной действительности вполне прекрасно...

Воспроизведение жизни — общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его: часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни...» («Социал-демократ», кн. 1, стр. 118). — *Ред.*

*** Приводим цитату из «Эстетических отношений искусства к действительности», начало которой дано здесь Плехановым:

«Но если человек, в котором умственная деятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюдениями жизни, одарен художническим талантом, то в его произведениях, сознательно или бессознательно, выразится стремление

жанием искусства является все вообще интересное для человека в жизни.

Но недолго пришлось заниматься Черн[ышевскому] эстети- 11
ческими вопросами. | Началась эпоха реформ. Прежде всего на очередь стал крестьянский вопрос. Отношение Ч[ернышевского] к крестьянскому вопросу. Советы правительству [6]. Мнение Ч[ернышевского] о программе демократов [7]. Тогда же он отстаивает общинное землевладение. Но уже в 1858 г. в ст[атье] «Критика философских предубеждений» он говорит: Выписка, стр. 137 *. Освобожд[ение] с землей. *139* **. Недовольство правительством и искание оппозиционных элементов. Недовольство рус[ским] обществом с этой стороны. Стр. 143. Насмешка над русскими либе-

произнести живой приговор о явлениях, интересующих его (и его современников, потому что мыслящий человек не может мыслить над ничтожными вопросами, никому кроме него не интересными), в его картинах или романах, поэмах, драмах будут предложены или разрешены вопросы, возникающие из жизни для мыслящего человека; его произведения будут, чтобы так выразиться, сочинениями на темы, предлагаемые жизнью» (*Н. Г. Чернышевский*, Полное собрание сочинений, Спб., 1906, т. X, ч. 2, стр. 158). — *Ред.*

* Выписка не сохранилась. Заимствуем ее из той же статьи:

«Я стыжусь самого себя, — говорит он в начале этой статьи. — Мне совестно вспоминать о безвременной самоуверенности, с которою я поднял вопрос об общинном землевладении. Этим делом я стал безрассуден, скажу прямо, стал глуп в своих собственных глазах... Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сделать это, как могу. Как ни важен представляется мне вопрос о сохранении общинного землевладения, но он все-таки составляет только одну сторону дела, к которому принадлежит. Как высокая гарантия благосостояния людей, до которых относится, этот принцип получает смысл только тогда, когда уже даны другие, низшие гарантии благосостояния, нужные для доставления его действию простора. Такими гарантиями должны считаться два условия. Во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении. Но этого еще мало. Надобно также заметить, что рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения... Когда человек уже не так счастлив, чтобы получить ренту, чистую от всяких обязательств, то, по крайней мере, предполагается, что уплата по этим обязательствам не очень велика по сравнению с рентою... Только при соблюдении этого второго условия люди, интересующиеся его благосостоянием, могут желать ему получения ренты» («Социал-демократ», кн. 1, стр. 137—138).

Цитата из статьи «Критика философских предубеждений против общинного владения» (Соч., т. IV, стр. 304).

** На стр. 139 первой книги «Социал-демократа» Плеханов приводит из романа Чернышевского «Пролог пролога» разговоры, касающиеся освобождения крестьян: «Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика, — говорит Волгин Соколовскому, и на замечание его собеседника о том, что, напротив, разница колоссальная, так как помещичья партия — против наделения крестьян землей, он решительно отвечает: «нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее человеку — разница, но взять с него плату за нее — все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги — тот купит себе землю. У кого нет — тех нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли...» — *Ред.*

ралами *. Нападки на западных либералов, напр. на прусских: те сердятся, что полит[ическая] свобода не водворяется сама собою. Мнение о помещичьей партии. 146 **. «Жалкая нация, от верху и до низу — все сплошь рабы» ***. И все-таки он счи-
12 тает возможным крестьянское восстание. | «Не спешите выводить» и проч. стр. 141 ****. Вообще в то время начинались горячие волнения. Настроение Ч[ернышевского] становится все более и более революционным. Ст[атья] «Русский реформатор» по поводу книги барона Корфа. Никакой реформатор не может

* На стр. 143 «Социал-демократа» Плеханов приводит следующую характеристику русских либералов, сделанную Чернышевским в статье «Русский человек на rendez-vous».

«Пока о деле нет речи, а надобно только наполнить праздное время, праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства, — большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке. Немногие, самые храбрейшие, кое-как успевают еще собрать все свои силы и коснеющим языком выразить что-то, дающее смутное понятие об их мыслях. Но вздумай кто-нибудь схватиться за их желания, сказать: вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же действовать, а мы вас поддержим, — при такой реплике одна половина храбрейших героев падает в обморок, другие начинают очень грубо упрекать вас за то, что вы поставили их в неловкое положение, начинают говорить, что они не ожидали от вас таких предложений, что они совершенно теряют голову, не могут ничего сообразить, потому что как это можно так скоро, и притом же они честные люди, и не только честные, но и очень смирные, и не хотят подвергать вас неприятностям, и что вообще разве можно в самом деле хлопотать обо всем, о чем говорится от нечего делать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено с хлопотами и неудобствами, и хорошего ничего пока не может быть, потому что, как уже сказано, они никак не ждали и не ожидали и проч.» — *Ред.*

** Приводим соответствующее место на 146 стр. «Социал-демократа»: «...и реакционная «помещичья партия» не отличалась большой храбростью. Чернышевский не имел прямых сношений с нашими «аристократами». «Он никогда не принадлежал к мелкому светскому обществу, не только к их высокому, важному. Но какой же город или городишко не гремел славою их подвигов? Он с детства знал, что это люди буйные, наглые». В эпоху освобождения крестьян было поставлено на карту все то, что эти люди считали своими важнейшими интересами. Они фрондировали и громко кричали: «не позволим, не допустим! — не хотим и не посмеют! — Пусть посмеют и увидят, что такое значит прогневать русское дворянство!» Но едва правительство прикрикнуло на них, они тотчас поджали хвост, «присмирели, будто были разбиты параличом». Чернышевскому, «как демократу», было и смешно и приятно видеть такое превращение. «Он не любил дворянства, но бывали минуты, когда он не имел вражды к нему. Можно ли ненавидеть жалких рабов?»

Приводимые здесь цитаты взяты Плехановым из «Пролога пролога»; все они относятся к Волгину. — *Ред.*

*** Слова того же Волгина: «Жалкая нация, жалкая нация, нация рабов, снизу доверху все сплошь рабы» («Социал-демократ», I, стр. 140). — *Ред.*

**** На стр. 141 «Социал-демократа» Плеханов цитирует статью Чернышевского «Не начало ли перемены» («Современник» 1861, кн. XI):

«Он [Чернышевский] категорически заявляет, что крестьяне крайне неразвиты или, попросту говоря, глупы. «Но не спешите выводить из этого никаких заключений о состоятельности или несостоятельности ваших надежд, если вы желаете улучшения судьбы народа, — говорит он в конце статьи. — Возьмите самого дюжинного... пошлого человека: как бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бывают в ней минуты совершенно другого оттенка, минуты энергичных усилий, отважных решений. То же самое встречается и в истории каждого народа». — *Ред.*

рассчитывать у нас на правительство. Тем менее революционеры. Деятельность Сперанского — вредная [8]. *Юдифь* [9]. Статья по поводу цензурного устава. Вызывающий тон. Законы о печати нужны у нас. 162 *. Статья: «*Научились ли?*» 163 [10]. Ему тогда уже около 35 лет. Сплетни о его связях с заграниц[ными] революционерами. В 1862 г. «Современник» приостановлен. Доносы в III Отдел[ение]. 166 **. Арест Ч[ернышевского] 7 июля 1862 года. Цитата из безыменного письма в обвинит[ельном]
13 акте, хотя русский закон запрещает начинать | дело по доносам и безыменным пасквилям. Арест на основании письма Г[ерцена] к Серно-Соловьевичу: мы здесь намерены издавать с Ч[ернышевским] журнал. В № 193 «Колокола» Г[ерцен] оспар[ивает] сущ[ествование] подобного письма. Дневник Ч[ернышевского], где он еще до жен[итьбы] говорит, что его каждый день могут взять.

Обв[инения]: 1) сношения с Г[ерценом]; 2) воззвание к крестьянам; 3) письмо к Алексею Ник[олаевичу]: теперь или никогда, времени терять нечего [11]. В числе улик письмо к жене из крепости [12].

Роман «Что делать?» Ca viendra, qui vivra verra ***. Основная идея романа: заведение ассоциаций. Рахметов — тип револю-

* Приводим соответствующее место на стр. 162 «Социал-демократа», где речь идет о статье Чернышевского «Французские законы по делам печати» («Современник», март 1862):

«...Чернышевский признает, что бывают такие эпохи, когда печать может оказаться опасной для правительства данной страны не менее картечи. Это именно такие эпохи, когда интересы правительства расходятся с интересами общества и приближается революционный взрыв. Находясь в подобном положении, правительство имеет все основания стеснять печать, потому что печать, наравне с другими общественными силами, готовит его падение. В таком положении постоянно находились почти все часто сменявшиеся французские правительства нынешнего века... О русском правительстве до самого конца статьи нет и речи. Но в заключение Чернышевский неожиданно спрашивает читателя, — а что если бы оказалось, что законы о печати действительно нужны у нас?.. «Мы опасаемся, — говорит он, — что добросовестное исследование привело бы нас к ответу: да, они нужны». Вывод ясен: нужны потому, что Россия вступила в революционный период своего развития». — *Ред.*

** На стр. 166 «Социал-демократа» приводится донос на Чернышевского, цитируемый обвинительным актом: «Управляющий Третьим отделением собственной е. и. в. канцелярии, — говорится в обвинительном акте по делу Чернышевского, — получил безыменное письмо, коим предостерегают правительство от Чернышевского, «этого коновода юношей, хитрого социалиста»; он сам сказал, что его никогда не уличат; его называют вредным агитатором и просят спасти от такого человека; все бывшие приятели Чернышевского, видя, что его тенденции уже не на словах, а в действиях, люди либеральные отдалились от него. Если не удалите Чернышевского, пишет автор письма, быть беде, будет кровь; эти шайки бешеных демагогов — отчаянные головы... Может быть, перебьют их, но сколько невинной крови прольется из-за них. В Воронеже, в Саратове, в Тамбове — везде есть комитеты из подобных социалистов, везде они разжигают молодежь. Чернышевского отправьте, куда хотите, но скорее отнимите у него возможность действовать. Избавьте нас от Чернышевского ради общего спокойствия». — *Ред.*

*** Это придет, кто доживет, увидит. — *Ред.*

*

ционера. Приговор Сената: 14 л[ет] каторги. Окончательный приговор — 7 лет. 13 июня 1864 г. чтение приговора на Мытнинской площади. 20 лет в Сибири. По настоянию шефа жандармов Шувалова, его миновали законы смягчения. Вилюйск. Возвращение Ч[ернышевского] из Сибири. Перевод «Истории» Вебера. Но он был уже не тот. Скончался в Саратове, в ночь с 16 на 17 октября от кровоизлияния в мозгу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ипатьевский список летописи назван так по костромскому Ипатскому (Ипатьевскому) монастырю, где он хранился. Список этот относится к концу XIV или началу XV века.

Срезневский, Измаил Иванович (1812—1880) — известный филолог-славист, профессор харьковского, а затем петербургского университета.

[2] В «Отечественных записках» за 1854 г., № 12, помещена первая часть романа Ливера «Семейство Доддов за границей» без указания имени переводчика.

[3] Темой диссертации Чернышевский избрал отношение между искусством и действительностью. Точное название диссертации — «Эстетические отношения искусства к действительности».

[4] Цитата из стихотворения Некрасова «Газетная» (Полное собрание сочинений, т. I, Спб., А. С. Суворин, 1895, стр. 368).

[5] В своей книге «Русские критики», Спб., 1896, А. Волынский ставил в упрек критике шестидесятых годов ее публицистический характер и нападал на Добролюбова и Чернышевского за «принижение» роли искусства.

[6] В своих статьях этого времени Чернышевский отстаивал освобождение крестьян с землей и доказывал, что правительство могло бы выкупить надельные земли не только без обременения крестьян, но и с большой выгодой для государственного казначейства.

[7] В первой из своих статей о Чернышевском Плеханов пишет: «...Он [Чернышевский], повидимому, считал возможным очень быстрый рост крайней партии, всецело стоявшей на стороне крестьянства... Крайняя демократическая партия не имела еще силы для серьезного давления на правительство. Приобретение партией достаточной для этого силы могло казаться ему делом лишь нескольких лет. Что революционное движение в тогдашней России представлялось ему вполне возможным, — на это есть совершенно ясные намеки в его статьях...» («Социал-демократ», I, стр. 140; Соч., т. V, стр. 81).

[8] Имеется в виду статья Чернышевского «Русский реформатор (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа)», напечатанная в октябрьской книжке «Современника» за 1861 г. В этой статье Чернышевский указывает на то, что Сперанский, увлеченный горячностью своих стремлений, не видел всего громадного несоответствия между ними и теми средствами, которыми думал воспользоваться. Таких людей Чернышевский считает вредными для общества. «В своей восторженной хлопотливости на ложном пути они как будто добиваются некоторого успеха и тем сбивают с толку многих, заимствующих из этого мнимого успеха мысль итти тем же ложным путем. С этой стороны деятельность Сперанского можно назвать вредной» (*Н. Г. Чернышевский*, Соч., т. VIII, Спб., 1906, стр. 319).

[9] В разборе книги американского экономиста Кэри, помещенном в первой книге «Современника» за 1861 г., Чернышевский восхваляет подвиг еврейской героини Юдифи, которая ради спасения родной страны убила ассирийского полководца Олоферна, усыпив его бдительность ласками. «Исторический путь не тротуар Невского проспекта, — говорит он там; — он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность: она — занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем приятное. Правда, впрочем, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному, может быть, кажется, что, напр., Юдифь не запятнала себя...» (*Н. Г. Чернышевский*, Соч., т. VIII, Спб., 1906, стр. 37—38).

[10] Статья «Научились ли?» («Современник» 1862, март) написана по поводу известных студенческих беспорядков 1861 г. Чернышевский защищает в ней студентов от упрека в нежелании учиться. Статья написана смелым, вызывающим тоном.

[11] Доносчиком В. Костомаровым было доставлено письмо к какому-то Алексею Николаевичу, в котором в неопределенных выражениях говорится, что времени терять нечего, что «теперь или никогда» и что у неизвестного Алексея Николаевича нет энергии. Чернышевский отрицал принадлежность ему этого письма.

[12] Обвинительный акт цитировал следующее место из письма Чернышевского к жене из крепости: «Наша с тобой жизнь принадлежит истории, пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям, и будут вспоминать о них с благодарностью...» Далее, говоря о своем намерении составлять «энциклопедию знания и жизни», Чернышевский пишет: «Со времени Аристотеля не было еще делано никем того, что я хочу делать, и буду я добрым учителем людей в течение веков, как был Аристотель». Эти строки также цитируются в обвинительном акте.

ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ 1910 г.

Публикуемый отрывок написан рукой Плеханова на 17 листах (6—20 стр.), с вариантами отдельных страниц.

6 ... | Из классиков немецкой литературы его больше всех привлекал к себе Лессинг, которому он посвятил замечательную работу в самом начале своей писательской деятельности [1]. Благородный образ великого немецкого просветителя служил ему как бы идеалом писателя, поставившего себе за правило работать не над тем, что было интересно ему самому, а над тем, что, по обстоятельствам времени, нужно было для читающей публики. Чернышевский сам всегда держался этого правила.

Но между тем как в эпоху Лессинга главным средством влияния на читающую публику, — по крайней мере в Германии, — оставалась литература в тесном смысле этого слова, т. е. беллетристика и | критика, в половине XIX века передовым деятелям
7 русской литературы приходилось считаться также с *общественными* вопросами разного рода. Наша критика вплотную подошла к этим вопросам уже в лице Белинского. И Чернышевский уже рано начинает изучать их. Есть все основания думать, что уже «в годы учения» он посвятил не мало времени политической экономии и социализму. Несомненно то, что уже в ранних своих статьях он выказал основательное знакомство с этими предметами *.

Что касается русских авторов, то уже из его, упомянутой выше, статьи о «Бригадире» [2] видно сильное влияние на него Белинского. Это влияние непременно должен как можно лучше выяснить себе всякий, кто хочет понять историческое зна|чение
8 Чернышевского.

В одном из главных сочинений нашего автора, — в «Очерках гоголевского периода русской литературы», — есть строки, лучше

* Для примера укажем на заметку о книге Львова: «О земле, как элементе богатства», появившуюся в 6-й книжке «Современника» за 1854 г. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

длинных рассуждений показывающие, как относился Чернышевский к Белинскому. Вот эти строки.

«Если у каждого из нас есть предметы, столь близкие и дорогие сердцу, что, говоря о них, он старается наложить на себя холодность и спокойствие, старается избежать выражений, в которых бы слышалась его слишком сильная любовь, наперед уверенный, что, при соблюдении всей возможной для него холодности, речь его будет очень горяча, — если, говорим мы, у каждого из нас есть такие дорогие сердцу предметы, то критика гоголевского периода занимает одно из первых мест, наравне с Гоголем. Потому-то будем говорить о критике гоголевского периода
9 как можно | холоднее; в настоящем случае нам не нужны и противны громкие фразы: есть такая степень уважения и сочувствия, когда всякие похвалы отвергаются, как нечто, не выражающее всей полноты чувства».

Под «критикой гоголевского периода» подразумевался именно Белинский, имя которого еще нельзя было произносить в печати в то время, когда появились первые из названных «Очерков» [3]. Чернышевский считал Белинского гениальным человеком, что было совершенно справедливо и что резко расходится с мнением многих последующих критиков, ценивших в «неистовом Виссарионе» лишь «великое сердце» и даже посматривавших сверху вниз на него, как на мыслителя.

Но вернемся к «годам учения» Чернышевского.

10 | В годы своего студенчества наш автор занимался, между прочим, составлением словаря для Ипатьевской летописи [4]. Необычайно усидчивый и в высшей степени даровитый, он вообще имел все данные для того, чтобы составить себе блестящую «академическую карьеру». Но он недаром увлекался Лессингом и Белинским. Он находил, что при тогдашних русских условиях работа *просветителя* (Aufklärer, как говорят немцы) была гораздо нужнее, чем работа *ученого*. Вот как он сам выражал этот свой взгляд в цитированных уже нами «Очерках гоголевского периода».

«Многие из великих ученых, поэтов, художников имели в виду служение чистой науке или чистому искусству, а не каким-нибудь исключительным потребностям своей родины. Бэкон, Декарт,
11 Галилей, Лейбниц, Ньютон, Гумбольдт и Либих, Кювье, | Фарадей трудились и трудятся, думая о пользе науки вообще, а не о том, что именно в данное время нужно для блага известной страны, бывшей их родиной. Мы не знаем и не спрашиваем себя, любили ли они родину: так далека их слава от связи с патриотическими заслугами. Они, как деятели умственного мира, космополиты. То же надобно сказать о многих великих поэтах западной Европы. Укажем в пример на величайшего из них, Шекспира. Назовем Ариосто, Корнеля, Гете. О художественных заслугах перед искусством, а не особенных, преимущественных стремлениях действовать на благо родины напоминают их имена». Не то с русскими деятелями умственного мира. По мнению Чернышевского, им еще нельзя быть космополитами, им еще рано думать об

12 интересах чистой науки или чистого искусства. Они должны | думать о специальных нуждах своей страны; они должны прежде всего перенести в нее результаты западно-европейского просвещения. В этом смысле мы, русские, обязаны быть *патриотами*. Чернышевский указывает на Петра Великого, как на идеал патриота, и прибавляет, что дело Петра не закончено и до сих пор. «До сих пор для русского человека единственная возможная заслуга перед высокими идеями правды, искусства, науки — содействие распространению их в его родине. Со временем будут и у нас, как у других народов, мыслители и художники, действующие чисто только в интересах науки или искусства, но пока мы не станем по своему образованию наравне с наиболее успевшими нациями, есть у каждого из нас другое дело, более близкое сердцу, —
13 содействие, по мере сил, дальнейшему разви|тию того, что начато Петром Великим. Это дело до сих пор требует и, вероятно, еще долго будет требовать всех умственных и нравственных сил, какими обладают наиболее одаренные сыны нашей родины» [5].

Эти строки как нельзя более характерны для того типа людей, которых мы называем *просветителями* и к числу которых, несомненно, принадлежал Белинский в *последнюю* эпоху своей литературной деятельности. Нужно только заметить, что ссылка на Петра Великого, весьма удобная ввиду цензуры, не совсем точно выражала мысль Чернышевского: у Петра была *власть*, которой не было и не могло быть у наших просветителей половины прошлого века. Сила, на которую они могли опереться, была *не силой*
14 *власти, а силой убе|ждения*. Для того, чтобы пользоваться этой силой, им нужно было *распространять свое убеждение*. Естественно было поэтому, что они готовили себя не в чиновники, а в пропагандисты просветительных идей. Естественно было и то, что взоры их обращались прежде всего к *литературе*.

Вообще говоря, Чернышевский не склонен был преувеличивать общественно-историческое значение литературы. В своем сочинении «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» он пишет:

«В древнем мире мы не замечаем ни одной эпохи, в которой историческое движение совершалось бы под преобладающим влиянием литературы. Несмотря на все пристрастие греков к поэзии, ход их жизни обусловливался не литературными влияниями, а религиозными, племенными и военными стремлениями, впоследствии, кроме
15 | того, политическими и экономическими вопросами. Литература была, подобно искусству, лучшим украшением, но только украшением, а не основною пружиною, не главною двигательницею их жизни. Римская жизнь развивалась военною и политическою борьбою и определением юридических отношений. Литература была для римлян только благородным отдыхом от политической деятельности. В блестящий век Италии, когда она имела Данте, Ариосто и Тассо, также не литература была основ-

ным началом жизни, а борьба политических партий и экономические отношения: эти интересы, а не влияние Данте, решали судьбу его родины и при нем и после него. В Англии, гордящейся величайшим поэтом христианского мира и таким числом первостепенных писателей, какого не найдется, быть может, в литературах всей
16 остальной Европы, | вместе взятых, — в Англии от литературы никогда не зависела судьба нации, определявшаяся религиозными, политическими и экономическими отношениями, парламентскими прениями и газетною полемикой: собственно так называемая литература всегда имела только второстепенное влияние на историческое развитие этой страны. Таково же было положение литературы почти всегда, почти у всех исторических народов» [6].

Однако есть и исключения из этого общего правила. Самым замечательным из них Чернышевский считал роль литературы в Германии во второй половине XVIII и XIX столетий. В эту эпоху немецкая литература явилась самым важным двигателем общественного развития. «Участие всех остальных общественных сил и событий в национальном развитии должно назвать незначи-
17 тельным сравнительно с влиянием | литературы». Почти все другие общественные условия не благоприятствовали развитию народа; одна только литература вела его вперед, несмотря на всевозможные препятствия.

Такую же важную роль играла, по мнению Чернышевского, и русская литература со времени Гоголя. До Гоголя она находилась еще в подготовительном периоде своего развития, в том периоде, когда главным делом ее была выработка *формы*. Только после того, когда форма была выработана,— для чего больше всех сделал *Пушкин*, — главным делом литературы явилось *содержание*. И тогда начался у нас новый литературный период, по всей справедливости связываемый с именем *Гоголя*. Только в течение гоголевского периода наша литература стала тем, чем
18 должна быть всякая литература: *выра|жением народного самосознания*. Но, раз приобретя это значение, она стала важнейшим двигателем нашего общественного развития. У людей, посвящающих себя литературному делу, явилась возможность выполнить свою прямую обязанность «патриотов», т. е. вести свой народ вперед, вопреки всем неблагоприятным условиям.

Неудивительно, поэтому, что для своей диссертации Чернышевский взял чисто литературную тему. Мы уже знаем, как нравилось ему в Лессинге то, что тот всегда делал не то дело, к которому влекли его личные вкусы, а то, которое больше всех других соответствовало в данное время общественным потребностям. Он сам всегда следовал такому правилу. И если его
19 литературная деятельность началась вы|яснением «эстетических отношений искусства к действительности» и закончилась критикой буржуазной политической экономии, то это объясняется переменой не в его личных вкусах, [а] в тех условиях, при которых совершалось его служение своей стране.

Писарев был совсем неправ, когда приписал Чернышевскому, — в своей знаменитой статье «Разрушение эстетики» [7], — намерение разрушить эстетику как науку. Цель, которую поставил себе Чернышевский в своей диссертации, заключалась, наоборот, в том, чтобы поставить эстетику на твердое основание науки. В статье о «Пиитике» Аристотеля («Современник», 1854 г., кн. 9-я) [8] он прямо говорит, что не считает эстетику ни мертвой, ни бесплодной наукой. «Эстетика наука мертвая! — восклицает он, — мы не говорим, чтобы не было наук живее ее; но
20 хорошо было бы, | если бы мы думали об этих науках. Нет, мы превозносим другие науки, представляющие гораздо менее живого интереса. Эстетика наука бесплодная! В ответ на это спросим: помним ли мы еще о Лессинге, Гете и Шиллере, или уже они потеряли право на наше воспоминание с тех пор, как мы познакомились с Теккереем? Признаем ли мы достоинство немецкой поэзии второй половины прошедшего века?»

Как видит читатель, [Чернышевский] здесь опять ссылается на тот период истории немецкой литературы, который ознаменовался, между прочим, деятельностью Лессинга *. Но Лессинг **...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лессинг*, Эфраим Готгольд (1729—1781) — немецкий писатель, замечательнейший представитель эпохи «просвещения» в Германии. Он первый объявил войну придворному ложноклассическому направлению в литературе. Лессинг — идеолог растущей буржуазии. Его трагедия «Эмилия Галотти» — бурный протест против феодализма и самодержавия. Драма «Натан Мудрый» — пламенное выступление в защиту свободы совести.

Работа Чернышевского о Лессинге — «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» — была напечатана в №№ 10—12 «Современника» за 1856 г. и №№ 1, 3—6 за 1857 г. В Собр. соч. Чернышевского изд. 1906 г. вошла в т. III.

[2] Статья о «Бригадире» Фон Визина представляет собой ученическое сочинение, написанное Чернышевским в бытность его на 4-м курсе Петербургского университета в 1849—1850 г. Она была найдена М. К. Лемке в бумагах А. В. Никитенки, бывшего тогда профессором университета по педагогике и по разбору ученических сочинений. Статья о «Бригадире» напечатана во 2-й части X тома Собр. соч. Чернышевского, издания 1906 г.

[3] «Очерки гоголевского периода» печатались в 1856 г. в «Современнике», 1855, № 12 и 1856, №№ 1, 2, 4, 7, 9—12. В Собр. соч. 1906 г. вошли в т. II.

[4] Напечатан в т. X, ч. II.

[5] Цитируемые Плехановым выдержки находятся в т. II Собр. соч. Чернышевского, стр. 120—122.

[6] Соч. Н. Г. Чернышевского, т. II, стр. 586.

[7] См. «Полное собрание сочинений Д. И. Писарева», Спб., Ф. Павленков, 1894, т. IV.

[8] Цитата из статьи Чернышевского «О поэзии. Сочинение Аристотеля» — Соч., т. I, стр. 28—29. Статья была опубликована в «Современнике», 1854, № 5 и в «Отечественных Записках», 1854, № 9.

---

* Взгляд Чернышевского был бы передан нами точнее, если бы мы сказали: «ознаменовался *главным образом* деятельностью Лессинга, так как «даже Шиллер, даже сам Гете в лучшую эпоху своей деятельности были учениками его». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** На этом рукопись обрывается. — *Ред.*

РАЗБОР СОЧИНЕНИЙ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Полное собрание сочинений в 10 томах, Спб., 1906

Том I

39

... когда Лизипп (рассказывает Плиний), еще будучи юношею, спросил у знаменитого в то время живописца Эвпомпа: кому из прежних великих художников надобно подражать? Эвпомп отвечал, указывая на толпу людей, среди которой они стояли: «не художникам надобно подражать, а самой природе». Ясно, он говорил о том, что живая действительность должна служить материалом и образцом для художника, а не о «садах», которые воспевал Делиль, и не об «озерах», которые описывались Уордсвортом и Уильсоном с братиею.

Ср. *Буало* [1].

275

Пути и проявления жизни бесконечно разнообразны; можно только находить общие элементы, участвующие в созданиях жизни, но нельзя сказать: такого-то рода деятельность всегда, во всем и у всех должна быть под исключительною властью такого-то правила: всегда и во всем могут быть случаи, когда самое общее, самое непреложное правило встречается с другими законами жизни, отнимающими у него исключительное господство над деятельностью.

Диалектика.

289

Из всех обстоятельств, имевших влияние на привычку Пушкина посвящать много внимания и усилий на обработку формы своих стихов, самое важное то, что Пушкин был по преимуществу поэт формы. Этим не хотим мы сказать, что существенное значение его в истории русской поэзии — обработка стиха; в такой мысли отзывался бы слишком узкий взгляд на значение поэзии в обществе. Но действительно, существеннейшее значение произведений Пушкина — то, что они прекрасны или, как любят ныне выражаться, художественны.

Ср. Писарева.

Том II

204

Вместо того, чтобы думать о невозможном, гораздо лучше, признав неотразимую и неизменную (т. е. *не подчиняющуюся фантазиям*) действительность существующего, действовать на его основании, руководясь разумом и здравым смыслом, а не маниловскими фантазиями.

Наша задача.

205

Были времена, когда мечты фантазии ставились гораздо выше того, что представляет жизнь, и когда сила фантазии считалась беспредельною. Но современные мыслители внимательнее прежнего рассмотрели этот вопрос и дошли до результатов, совершенно противоположных прежним мнениям, которые оказались решительно не выдерживающими критики. Сила нашей фантазии чрезвычайно ограничена, и создания

ее очень бледны и слабы в сравнении с тем, что представляет действительность. Самое пылкое воображение подавляется представлением о миллионах миль, отделяющих землю от солнца, о чрезвычайной быстроте света и электрического тока; самые идеальные фигуры Рафаэля оказались портретами с живых людей; самые уродливые создания мифологии и народных суеверий оказались далеко не столь непохожими на окружающих нас животных, как чудовища, открытые естествоиспытателями; историею и внимательным наблюдением современного быта доказано было, что живые люди, даже вовсе не принадлежащие к числу отъявленных извергов или героев добродетели, совершают преступления, гораздо ужаснейшие, и подвиги, гораздо более возвышенные, нежели все, что было выдумано поэтами. Фантазия должна была смириться перед действительностью; мало того: принуждена была сознаться, что мнимые создания ее только копии с того, что представляется явлениями действительности.

Ср. Эстет[ические] отношения [2].

239

«Дурное, ошибочное понимание истины не уничтожает самой истины. Если мы видим иногда людей, даже умных и благонамеренных, которые берутся за изложение общественных вопросов в поэтической форме, не имея от природы ни искры поэтического дарования, из этого вовсе не следует, что такие вопросы чужды искусству и губят его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искусству, их падение было бы еще разительнее. Плох, например, был забытый теперь роман *Пан Подстолич*, вышедший назад тому больше десяти лет и написанный с похвальною целью — представить картину состояния белорусских крестьян; но все же он был не совсем бесполезен, и хоть с страшною скукою, но прочли же иные. Конечно, автор лучше достиг бы своей благородной цели, если бы содержание своего романа изложил в форме записок или заметок наблюдателя, не спускаясь в поэзию; но если бы он взялся написать роман чисто поэтический, он еще меньше достиг бы своей цели».

Тенденция.

Том III

184

То, что представляется утопиею в одной стране, существует в другой как факт.

Ср. Самарина [3].

707—708

Широта и беспристрастие взгляда чаще встречаются у немца, нежели у кого-нибудь. Несправедливо было бы считать это достоинство особенным качеством немецкой национальности — логическая сила есть общее достояние человеческого ума; но то несомненно, что вследствие привычки к глубокому и беспристрастному мышлению это драгоценное качество сильнее развито в настоящее время в немецкой, нежели в какой бы то ни было другой нации. Нельзя приписывать, конечно, развитие этой привычки исключительно или преимущественно

Общественные отн[ошения] и *мысль*.

влиянию одного какого-нибудь человека — оно было следствием общего состояния Германии в половине прошлого века и свойства тех вопросов, на которые первоначально устремились умственные силы немецкого народа.

Том IX

239 *Ср. Лассаля* [4].

Ход истории неуклонно определяется реальным отношением сил, и ошибки, делаемые людьми, имеют влияние только на форму, а никак не на сущность вещей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Буало-Депрео, Н.* (1636—1711) — французский поэт. Вошел в историю, как автор стихотворного трактата «О поэтическом искусстве», являющегося наиболее полным выражением положений ложноклассической школы. Призывая к подражанию древним, Буало полагал, что тем самым он призывает к подражанию природе, так как, по мнению Буало, древние осуществили идеал такого подражания.

[2] Эта выписка находится в «Очерках гоголевского периода», в главе VII, носящей подзаголовок «Белинский». Высказанные в ней мысли развивают положения «Эстетических отношений искусства к действительности».

[3] Здесь Плеханов имеет в виду не раз цитировавшееся им рассуждение славянофила Самарина о том, что «западный мир выражает теперь требование общины» и что так как община у нас существует, то «в оправдание формулы мы приносим быт».

[4] В своей брошюре «О сущности конституции» Лассаль приводил мысль о том, что политический строй каждой страны обусловливается существующими соотношениями силы различных классов и слоев ее населения. Конституция представляет собой именно эти отношения, выраженные словами и занесенные на бумагу. С изменением отношения сил изменяется и политическое устройство, старая конституция превращается в негодный клочок бумаги и пишется новая.

РАЗБОР СТАТЬИ «КУРС ЭСТЕТИКИ ИЛИ НАУКА ИЗЯЩНОГО»

Разбор напечатанной в «Отечественных записках» за 1847 г. статьи неизвестного автора о «Курсе эстетики» Гегеля, повидимому, не использован Плехановым ни в одной опубликованной статье. Разбор написан в тетради с выписками из статей В. Майкова и о нем (т. № 171) и занимает в ней семь листов, исписанных чернилами с обеих сторон. Цыфры в тексте означают отсылки к страницам статьи.

(Тетрадь № 171)

«Отеч[ественные] записки», 1847 г., № 7 (июль). Статья: «Курс эстетики или наука изящного». Соч. В. Гегеля. Перевел Василий Модестов.

В примеч[ании] на стр. 1-й (отдел критики) ред[акция] обозначает автора буквами *П. В.*

Идеалистич[еский] взгляд на искусство несовместим «с существом и основаниями новой философии». 3.

Умозрительная эстетика, несмотря на свое высшее воззрение, на свободное саморазвитие художественного содержания, все еще крепко держится идеалистической теории под влиянием своего исторического происхождения. Чтоб освободиться от этих оков, она необходимо должна перестать выводить существо и происхождение искусства из недостаточности непосредственной действительности, представляющей собою частности и внешние случайности. Совершенно обратно, «человеческий дух и его потребность выразить себя в полном своем существе должны быть приняты за исходный пункт». Тогда только можно надеяться, что эстетика выдержит пробу эмпирии. 7. При том же не надобно забывать, что везде, где дело идет об искусстве, должно брать в соображение еще второй момент — выражение и условливание его чувственной материей. 7. *Этой последней мысли у Чернышевского нет.*

Итак, генетическое развитие искусства, *поставленное на чисто антропологическую почву* (курсив мой. — *Г. П.*), должно начать с признания его (искусства) «произведением духа человеческого, следовательно его выражением и одействорением». 7.

Фишера [1] нельзя считать одним из двигателей эстетической теории. Ее двинули те, которые сообщили движение всей философии, те, которых имена в будущем будут поставлены наравне с Кантом и Гегелем. 1 стр., вторая колонна.

П. В. цитирует «известные сочинения»: «Критику гегелевой философии», напечатанную в «Галльских летописях... 1839, № 208—216», «Философию будущности» и «Предварительные положения к преобразованию философии». 8. *Это все Фейербах.* Но странно: он признает (даже умозаключает: «итак»), что «воззрение умозрительной философии о природе и духе» — «глубоко верно» и «твердо будет вечно стоять». 8. *Этого* Фейербах не говорил: он *оспаривал* это. П. В. не признает только, что «всякое познание должно быть общее и разумное (begrifflich)». 8.

Искусство есть язык, но отличный от языка разумного (begrifflich), и по этому специфическому его отличию необходимо и существенное ополнение научного мышления. Только наука и искусство, вместе взятые, составят полное выражение теоретического духа. 9.

Иначе: искусство есть индивидуально-чувственное созерцание. Хотя и *не всякое.* Но П. В. не рассматривает, какое же именно, «потому что тут дело идет не столько о самых тайнах искусства, сколько о наукообразном построении эстетики». 9. (Об ее «пролегоменах».) 9.

П. В. готов согласиться с «кантовыми учениками»: искусство есть свободная гармоническая игра всех сил душевных. И он думает, что при *его* взгляде «искусство удаляется от всех практических целей». 10. *Противоположность Че[рнышевско]му и другим просветителям.*

Далее: «Искусство далеко не превосходит природу». См. у Скабичевского на стр. 59, изд. 1900 года. Скабич[евский] взял это со стр. 10 (первая и 2-я колонна) [2]. Сейчас по окончании этой выписки у Скабичевского идут слова: И только по той причине, что это индивидуально-чувственное содержание не может быть выражено никаким другим способом, как в этих чувственных формах природы и жизни, только потому и говорит ими искусство. 10, 2-я колонна.

Под искусством надо понимать «*чувственно-наглядный способ мышления и выражения*» (*курсив* везде, где не оговорено, его).

Принцип подражания природе и верен и ложен вместе... 10. У греков «поезды Бахусов и Посидонов» служат тому доказательством. 11.

Искусство тем отличается от науки, что оно имеет свой предмет не вне себя, как наука, а в себе самом; что оно не говорит о своем предмете, а осуществляет всю (вер[оятно], опечатка: *его — Г. П.*) *своею деятельностью. 11.*

Эта идеальная чувственность человека, которую мы признали основанием всякого искусства, есть фантазия. 11.

Характер всех произведений искусства вытекает последовательно из техники. 14. У него на этот счет встречаются очень тонкие замечания.

Искусство есть особенный, для себя самого существующий мир, внутренний живой организм, и материал для него то же самое, что материал для природы. 14.

Простые слепки с природы потому-то и отвратительны, как призраки, что они пренебрегают требованиями и влияниями материала. 14.

Многое, единственно приписываемое содержанию и в основании его лежащему миросозерцанию известной эпохи, есть простой результат художественной техники. 15.

Если наука об искусстве хочет быть вполне независимой от всех односторонностей априористического построения, то она должна принять в себя стилистические законы, только (?) необходимо вытекающие из природы чувственного материала, законы неизменные, которыми никогда не пренебрегают безнаказанно. 17.

Пример: «Невозможно представить себе рода живописи, называемого tableaux de genre, фрескою. 18.

Формы составляют сущность искусства... Но сами по себе они безжизненны. «*Они получают жизнь от содержания, творчески в них действующего, подобно тому, как неподвижные очертания лица только историей индивидуума, в них отражающейся, преобразуются, преисполняются в характерно-прекрасную физиономию* (пример плох — *Г. П.*). *Это животворящее дыхание, которое именно и составляет тайну искусства, вечно обновляя старые формы, есть отпечатлевающееся в них историческое содержание*». 19.

Искусство живо и не приносит форму в жертву содержанию. 19.

Существо искусства доступно только той науке, которая будет вместе и теоретическая и историческая. 19.

Теперь уже более не стоит философия на одной стороне, на другой эмпирия, как техническая теория, историческая и положительная ученость в искусстве, друг друга враждебно исключающие; напротив, обе составляют одно, ибо предмет их один и тот же. *Это единственно-возможное, но вместе с тем и вполне необходимое разрешение антиномии, которою страждет не одна умозрительная эстетика, но и вся вообще философия.* 20.

Эстетика и история искусств не две отдельные науки, а только две отрасли одной органической науки об искусстве. 20.

Это заключительные слова статьи.

Чер[нышев]ский вполне согласился бы с этим. Но эта статья отнюдь не могла быть им написана: у Че[рнышевско]го никогда не было столько знаний. Притом видно, что П. В. знает итальянские музеи (Трибуну, по крайней мере) и видел Неаполитанский залив (стр. 10) [3], а Че[рнышев]ский в Италии не был. Да и не во всем согласился бы он с автором, в котором еще не видно *просветителя*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фишер*, Фридрих-Теодор (1807—1887) — германский эстетик, последователь Гегеля. Основное произведение — «Эстетика, или наука о прекрасном».

[2] В своей «Истории новейшей русской литературы» А. М. Скабичевский, говоря о разбираемой Плехановым статье, приводит цитируемое место и указывает на то, что выраженные здесь идеи во многом сходятся с идеями Чернышевского, развитыми в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности».

[3] На стр. 10 читаем: «... не гармоничнее ли всякой прекраснейшей картины отзывается в нашей душе Неаполитанский залив в своей очаровательной действительности». И дальше: «Пусть спросит себя каждый, не обращались ли невольно его глаза в Трибуне во Флоренции от Венеры Медицейской на живые, одушевленные формы прекрасных женщин, рассматривавших статую, на их прелестно-застенчивую улыбку».

РАБОТЫ О ДОБРОЛЮБОВЕ

Известная статья Г. В. Плеханова «Добролюбов и Островский», вошедшая в XXIV т. Собрания его сочинений, первоначально была опубликована в московском журнале «Студия» за 1911 г. (№№ 5—8 от 29/X, 5/XI, 12/XI и 19/XI).

Еще до опубликования этой статьи, 15 октября 1911 г., в болгарском с.-д. органе, издававшемся в Софии, «Ново врѣме», № 19, появился реферат, или, вернее, изложение реферата Плеханова на ту же тему под заглавием «Два юбилея — Островский и Добролюбов».

В настоящее время этот опубликованный материал может быть отчасти дополнен, отчасти показан в новом освещении благодаря ряду сохранившихся в архиве материалов. К ним относятся: рукопись реферата об Островском и Добролюбове, переписка по поводу этого реферата и по поводу статьи на ту же тему, замечания на полях сочинений Добролюбова, имеющихся в библиотеке Плеханова, и, наконец, афиша от 12 октября 1911 г., гласящая, что «в большом зале Maison du Peuple, rue Dubois-Melly, 4, тов. Г. В. Плеханов прочтет реферат на тему «Островский и Добролюбов (Два юбилея)».

О том, что реферат, возвещенный этой афишей, действительно был прочитан Плехановым в назначенный день, свидетельствует опубликование его изложения в болгарском журнале, как реферата, произнесенного Плехановым 12 октября 1911 г. в Женеве. («Държанъ отъ Г. Плехановъ на 12/X 1911 в Женеве»). О том же говорит и сохранившееся в архиве письмо Антона Жоржолиани от 12 октября, написанное, очевидно, немедленно по прочтении Плехановым реферата, в котором он просит дать ему конспект реферата для помещения в грузинской печати.

Это письмо дает основание для предположения, что реферат Плеханова появился целиком или в изложении не только в болгарской, но и в грузинской печати.

Почти одновременно, в сентябре 1911 г., Плеханов получил следующее письмо от редакторов журнала «Студия»:

14/27 сентября 1911 г.

«Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Не получая до сих пор [ответа] на посланные нами Вам телеграмму и письмо с просьбой прислать статьи об Островском и Доброл[юбове] и приступить также и ко второй теме «Теория искусства для искусства», — покорнейше просим Вас поспешить высылкой статьи Островского по вышеуказанному адресу. Гонорар будет нами немедленно уплочен, по получении статьи. «Островский» должен пойти в первом же номере, поэтому крайний срок присылки 20—22-е сент[ября] старого стиля.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Материал для первого номера журнала подобрался очень интересный. Кстати вопрос: как будет подписана (согласно Вашему желанию) статья? Бельтов или Плеханов?

С искренним уважением

Готовые к услугам

Редакторы»

Публикуемый реферат отличается от известной статьи вошедшей в т. XXIV собр. соч. Плеханова, не только более сжатой формой изложения, но и тем, что Плеханов приводит в нем «внешнюю историю произведений Островского». Что касается болгарского реферата, то он несколько длиннее публикуемой рукописи, хотя она и производит впечатление вполне законченной. Это может объясняться как встречающейся в ней кое-где конспективностью изложения, так и тем, что устный реферат мог выйти за рамки темы, намеченной себе Плехановым в данной рукописи.

Вторую часть настоящей публикации составляет подготовительная работа к статье о Добролюбове и Островском. Она заключает в себе постраничный разбор статей Добролюбова об Островском, вошедших в III том Собрания сочинений Добролюбова. Страницы, к которым Плеханов отсылает в этом разборе, относятся к III тому 5 издания, вышедшему в 1896 г. и не сохранившемуся в его библиотеке.

Третья часть публикации представляет замечания на полях и обложках I и II тома сочинений Добролюбова, 2-го изд. 1871 г. Эти замечания, хотя они и не относятся к теме об Островском, дополняют настоящую публикацию, проливая еще некоторый свет на отношение Плеханова к Добролюбову.

РЕФЕРАТ О ДОБРОЛЮБОВЕ И ОСТРОВСКОМ

Рукопись данной публикации представляет собой тетрадь, исписанную рукой секретаря Плеханова, с одной стороны листа, с поправками Плеханова. Тетрадь начинается с 4 страницы и кончается 18-й. Первые три страницы, 10-я и 19-я, отсутствующие в тетради, были найдены среди разрозненных листов архива и присоединены к рукописи. Страницы 11—12 не сохранились. Цитаты не приведены, имеются лишь ссылки: «См. цитату 1-ю, см. цитату 2-ю» и т. д. Все они восстановлены в данной публикации по III тому сочинений Добролюбова, 4-е изд. 1885 г., на которое Плеханов ссылается в своей опубликованной статье на ту же тему.

1 *ОСТРОВСКИЙ И ДОБРОЛЮБОВ*

2 июня 1886 года скончался А. Н. Островский. Таким образом в этом году исполнилось двадцатипятилетие его смерти.

17 ноября 1861 года смерть прекратила блестящую литературную деятельность молодого Н. А. Добролюбова. Стало быть, в ближайшем ноябре исполнится 50 лет со времени его кончины.

Перед нами два юбилея, мимо которых нельзя пройти равнодушно никому из тех, которые интересуются русской литературой.

Как Белинский был лучшим критиком Гоголя, так Добролюбов явился лучшим критиком Островского. Это последнее

обстоятельство⟩ * дает возможность коснуться в одном чтении как Островского, так и Добролюбова. Для этого у нас есть тем больше оснований, что в статьях, посвященных Добролюбовым Островскому: «Темное царство» («Современник», 1859 г., кн. 7 и 9) и «Луч света в темном царстве» (там же, 1860 г., кн. 10), обнаружились едва ли не все литературные и даже общественные взгляды знаменитого|критика 60-х гг. Разбирая эти статьи, мы
2 припомним эти взгляды, а, припомнив эти взгляды, мы выясним себе характер породившей их эпохи.

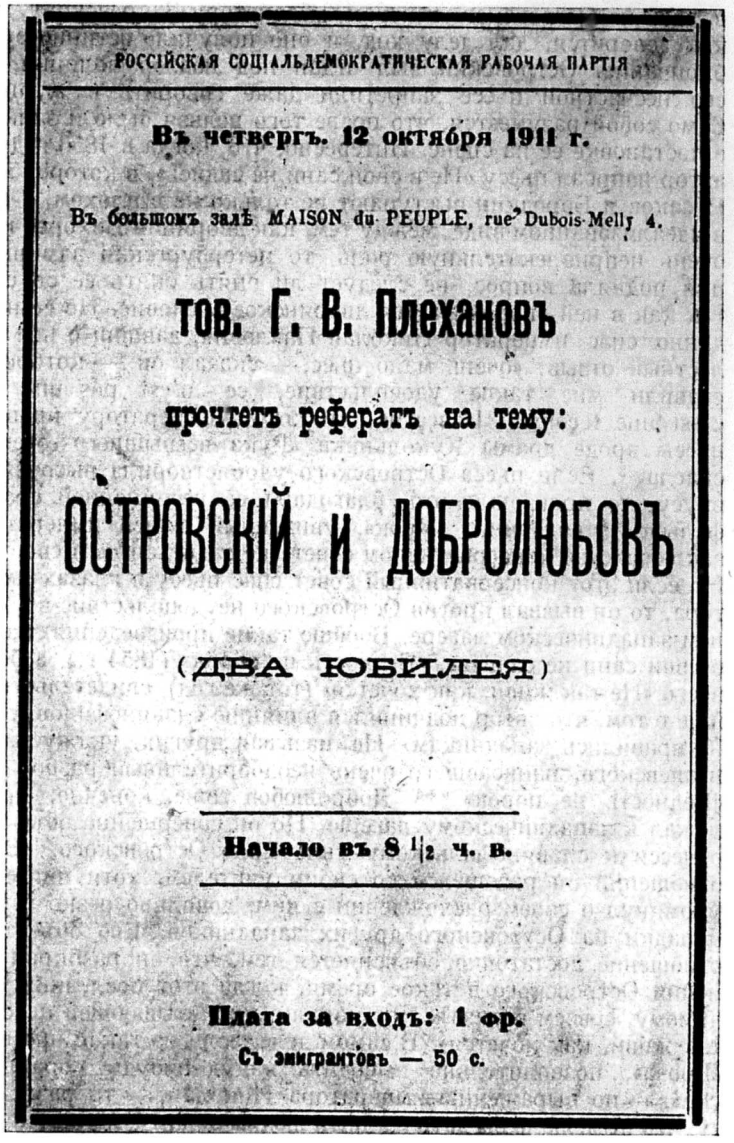
Начну с Островского ** и прежде всего укажу на некоторые обстоятельства, относящиеся к тому, что можно назвать внешней историей его произведений.

Он выступил на литературном поприще в 1847 г. — ему было тогда около 25 лет — пьесой «Картины семейного счастья», напечатанной в «Московском листке» [1], издававшемся В. Н. Драшусовым. Это талантливое произведение едва ли обратило на себя большое внимание читающей публики. Добролюбов даже прямо говорит, что оно прошло незамеченным. Но зато, тем больший успех имело другое его произведение, напечатанное в том же году в «Москвитянине» [2]. Оно первоначально озаглавлено было «Банкрот». И только по цензурным соображениям
3 получило потом название «Свои люди — сочтемся». Когда | Островский прочел у Погодина (издававшего «Москвитянин») эту пьесу, Шевырев, обратясь к присутствовавшим, сказал: «Поздравляю вас, господа, с новым драматическим светилом в русской литературе». Шевырев был плохим литературным критиком: он часто хвалил то, что заслуживало порицания, и порицал то, что достойно было похвал. Но в данном случае он не ошибся. В лице А. Н. Островского мы имеем дело с замечательным драматургом, а его пьеса «Свои люди — сочтемся» является одним из самых лучших его произведений. На одной высоте с нею стоит, по-моему, только его знаменитая драма «Гроза». Известный актер Садовский почти ежедневно читал «Банкрота» в московском обществе. Но шум, вызванный этой пьесой, оказал очень неблагоприятное влияние на ее судьбу.

Еще Гоголь жаловался, что если в данном произведении выступает в некрасивом виде какой-нибудь, скажем, надворный советник, то на автора дружно восстают все многочисленные
4 советники российской империи. | «Банкрот» выставлял в некрасивом виде лиц купеческого сословия. Поэтому на Островского обиделось московское купечество. Как наказать дерзкого автора? Наиболее испытанным средством являлась жалоба по

* Фраза, заключенная в угловые скобки, в рукописи зачеркнута. — *Ред.*

** В рукописи после слов: «начну с Островского» зачеркнуты следующие две фразы: «Его называют творцом русской самобытной сцены, и этим названием определяется его огромное значение в истории русской драматической литературы. Но чем больше это значение, тем более значительный интерес приобретают...» Слова: «и прежде всего укажу на» написаны сверху вместо зачеркнутого. — *Ред.*


РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Въ четвергъ. 12 октября 1911 г.

Въ большомъ залѣ MAISON du PEUPLE, rue Dubois-Melly 4.

тов. Г. В. Плехановъ

прочтетъ рефератъ на тему:

ОСТРОВСКІЙ и ДОБРОЛЮБОВЪ

(ДВА ЮБИЛЕЯ)

Начало въ 8 1/2 ч. в.

Плата за входъ: 1 фр.

Съ эмигрантовъ — 50 с.

Афиша о реферате «Островский и Добролюбов»

начальству. За него и взялись московские купцы. Они пожаловались на Островского генерал-губернатору Закревскому, а тот, как говорится, дал делу ход, и оно получило истинно-русское окончание. Островский был отдан под надзор полиции, а об его несчастной пьесе запретили даже говорить в журналах. Само собой разумеется, что после того нельзя было и заикаться о постановке ее на сцене. Интересно, что, когда в 1853 году наш автор написал пьесу «Не в свои сани не садись», в которой купцы Русаков и Бородкин выступают не только не в плохом, а прямо в идеализованном виде, между тем, как дворянин Вихорев играет очень непривлекательную роль, то петербургская администрация подняла вопрос, не следует ли опять снять ее со сцены, так как в ней опорочивается дворянское сословие. Но ее неожиданно спас император Николай Павлович, давший о ней очень лестный отзыв: «очень мало пьес, — сказал он, — которые доставили мне такое удовольствие, | ce n'est pas une pièce, c'est une leçon» *. Известно, что этому императору нравились пьесы вроде драмы Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» [3]. Если пьеса Островского удовлетворила высочайшему вкусу, то произошло это благодаря ее несомненной славянофильской тенденции. «Урок», увиденный в ней императором, заключался в консервативном совете не садиться не в свои сани. Но если этот консервативный совет спас пьесу в глазах императора, то он вызвал против Островского неудовольствие в тогдашнем западническом лагере. Вообще такие произведения, как «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» (1854 г.), а больше всего «Не так живи, как хочется» (тот же год), свидетельствовавшие о том, что автор подчинился влиянию славянофилов, сильно не нравились западникам. Не называя других, укажу на Чернышевского, написавшего очень неодобрительный разбор пьесы «Бедность не порок» **[4]. Добролюбов тоже, конечно, принадлежал к западническому лагерю. Но он совершенно объективно
6 отнесся к славянофильскому увлечению Островского. | В этом отношении он разошелся со своим учителем, хотя нигде и не упомянул о своем расхождении с ним, довольно резко осуждая нападки на Островского других западников. Его объективное отношение достаточно объясняется тем, что он разбирал сочинения Островского в такое время, когда этот последний, повидимому, совсем отказался от морали, пропитывающей пьесу «Не так живи, как хочется». В самом деле, если из такой пьесы, как «Гроза», позволительно выводить какую-нибудь мораль, «leçon», — по выражению императора Николая, — то разве лишь ту, что не мешало бы дать наконец людям пожить, как им хочется.

* — это не пьеса, это — урок. — *Ред.*

** Приводим вариант этой фразы, написанный на обороте настоящей страницы: «Даже Чернышевский, который в начале своей литературной деятельности был очень мало расположен спорить со славянофилами, написал очень неодобрительный разбор пьесы «Бедность не порок»». — *Ред.*

Объективность Добролюбова может быть объяснена еще и тем, что в статьях о темном царстве он встал на такую общую точку зрения, которая вообще ослабляла интерес к горячему некогда спору славянофилов с западниками. Эту точку зрения нам и надо выяснить сегодня.

Сам Добролюбов называет свою литературную точку зре-
7 ния | точкой зрения реальной критики, а особенности этой критики заключаются, по его словам, в следующем:

Во-первых, она не предписывает, а изучает. Она не говорит автору, что он должен писать так, а не иначе; она лишь рассматривает то и только то, что он пишет.

«Конечно, — оговаривается Добролюбов, — мы не отвергаем того, что лучше было бы, [если бы Островский соединил в себе Аристофана, Мольера и Шекспира, но мы знаем, что этого нет, что это невозможно, и все-таки признаем Островского замечательным писателем в нашей литературе, находя, что он и сам по себе, как есть, очень недурен и заслуживает нашего внимания и изучения»] *.

Во-вторых, реальная критика не навязывает автору своих мыслей. Это значит вот что. Положим, что автор в данном своем произведении изобразил лицо, отличающееся привязанностью к старинным предрассудкам. Лицо это выставляется добрым и хорошим. На этом основании некоторые критики заключают подчас, что автор защищает старину. Добролюбов решительно восстает против таких умозаключений. «Для реальной критики, — говорит он, — здесь представляется [прежде всего факт: автор выводит доброго и неглупого человека, зараженного старинными предрассудками. Затем критика разбирает, возможно ли и действительно ли такое лицо; нашедши же, что оно верно действительности, она переходит к своим собственным соображениям о причинах, породивших его, и т. д. Если в произведении разбираемого автора эти причины указаны, критика пользуется ими и благодарит автора; если нет, — не пристает к нему с ножом к горлу, как, дескать, он смел вывести такое лицо, не объяснивши причин его существования? Реальная критика относится к произведению художника точно так же, как к явлениям действительной жизни: она изучает их, стараясь определить их собственную норму, собрать их существенные, характерные черты, но вовсе не суетясь из-за того, зачем это овес — не рожь, и уголь — не алмаз»]**.

8 | Не трудно догадаться, припомнив тогдашние литератур-

* В рукописи сказано: «См. цитату I». Выписки, на которые ссылается Плеханов в этой публикации, в архиве не сохранились. Приводим их по имеющемуся в библиотеке Плеханова III тому Сочинений Н. А. Добролюбова в издании Л. Ф. Пантелеева, 1885 г. Книга эта испещрена пометками Плеханова. Цитируемое место находится в статье «Темное царство», стр. 13. — *Ред.*

** В рукописи сказано: «См. цитату 2». Цитата взята оттуда же, стр. 13—14. — *Ред.*

ные толки, что, указывая это второе свойство реальной критики, Добролюбов имел в виду критиков из западного лагеря, упрекавших Островского за то, что он изобразил в привлекательном виде таких, например, защитников старины, как Русаков и Бородкин все в той же пьесе «Не в свои сани не садись». Не трудно видеть также, что отвергаемый Добролюбовым упрек был в самом деле неоснователен, так как хорошие и добрые люди несомненно могут встречаться, между прочим, и между защитниками старины.

Пойдем дальше. Уже из сказанного видно, что реальная критика, как понимал ее Добролюбов, считала главным достоинством художественного произведения верное изображение в нем действительности или, как выражается наш критик, его жизненную правду. Жизненная правда и представляла собою ту мерку, с которой реальная критика подходила к разбираемым ею произведениям. Но тут необходимо заметить вот что: жизненная
9 правда может быть поверхностной и может быть глубокой. | Стало быть, узнав, что данное произведение отличается жизненной правдой, мы еще далеко не вполне определяем его художественное достоинство. Для полного определения необходимо указать, насколько *глубока* изображаемая им жизненная правда. Добролюбов указывает на Фета. У Фета есть талант, благодаря которому он верно изображает действительность. Но талант его способен только улавливать мимолетные впечатления от тихих явлений природы. Изображаемая им правда не глубока. Поэтому за его поэзией нельзя признать большого значения в русской литературе [5].

В чем же заключается критерий, позволяющий нам измерять глубину правды, изображенной в данном художественном произведении? Д[обролюбов] дает совершенно категорический ответ на этот вопрос. Он говорит, что искомый критерий сводится к естественным стремлениям данного времени и данного народа. Чем полнее изображаются эти стремления художником, тем глубже изображаемая им правда жизни. А что такое эти естественные стремления? В ответе на этот вопрос выражается вся свойственная Д[обролюбо]ву философия истории. Поэтому на нем стоит остановиться. Д[обролюбов] говорит: «Естественные стремления [человечества, приведенные к самому простому знаменателю, могут быть выражены в двух словах: «чтоб всем было хорошо». Понятно, что, стремясь к этой цели, люди, по самой сущности дела, сначала должны были от нее удалиться: каждый хотел, чтоб ему было хорошо, и, утверждая свое благо, мешал другим; устроиться же так, чтоб один другому не мешал, еще не умели. Так, неопытные танцоры не умеют распорядиться своими движениями и беспрестанно сталкиваются с другими парами, даже в довольно пространной зале. После, попривыкши, они станут лучше расходиться даже и в зале меньшего объема и при большем количестве танцующих. Но пока они не приобрели ловкости, до тех пор, разумеется, и невозможно допустить, чтобы в зале пускались в вальс многие пары; чтобы не переколотиться друг об друга, необходимо многим пережидать, а самым неловким — и вовсе отказаться от танцев и, может быть, сесть за карты, проиграть, и даже много... Так было и в устройстве жизни: более ловкие продолжали отыскивать свое благо, другие сидели, принимались за то, за что не следовало, проигрывали; общий праздник жизни нарушался с самого начала, многим стало не до веселья; многие пришли к убеждению, что к веселью только те и призваны, кто ловко танцует. А ловкие танцоры, устроившие свое благосостояние, продолжали следовать естественному влечению и забирали себе все больше простора, все больше средств для веселья. Наконец, они теряли меру; остальным становилось от них очень тесно, и они вскакивали с своих мест и подпрыгивали — уже не за тем, чтобы танцовать хотели, а просто потому, что им даже сидеть-то стало неловко. А между тем в этом движении оказалось, что и между ними есть люди, не лишенные некоторой легкости, — и те пробовали вступить в круг веселящихся. Но привилегированные, первоначальные танцоры смотрели на них уже очень неприязненно, как на непризванных, и не пускали их в круг. Начиналась борьба, разнообразная, долгая, большею частью неблагоприятная для новичков: их осмеивали, отталкивали, их осуждали платить издержки праздника, у них отнимали их дам, а у дам кавалеров, их совсем прогоняли с праздника. Но чем хуже становится людям, тем они сильнее чувствуют нужду, чтоб было хорошо. Лишениями не остановишь требований, а только раздражишь; только принятие пищи может утолить голод. До сих пор, поэтому, борьба не кончена; естественные стремления, то как будто заглушаясь, то появляясь сильнее, все ищут своего удовлетворения. В этом состоит сущность истории»] *.

Это чисто идеалистический взгляд на историю. Заметьте, что его высказывает здесь последователь Фейербаха и Чернышевского, т. е. материалист. Но сам Фейербах был идеалистом в истории, подобно материалистам XVIII века. Фейербах и эти материалисты тоже думали, что неудовлетворительный, по их мнению, общественный строй является результатом неумения людей устроить правильный общественный
10 порядок. Они тоже, подобно Д[обролюбову], апеллировали к природе. Не нравившийся им общественный строй они называли *искусственным*. Наша задача заключается сегодня не в критике исторического идеализма, а в рассмотрении того, каким образом материалист Д[обролюбов] прилагал свой идеалистический взгляд на историю к разрешению основных вопросов литературы. С этой стороны его критические статьи никогда еще не рассмат-

* В рукописи сказано: «См. 3-ю выписку». Цитата взята из статьи «Луч света в темном царстве», т. III, стр. 421—422. — *Ред.*

ривались, а между тем они глубоко поучительны в этом отношении. Он рассуждал так: первоначальная неумелость людей создать разумный общественный строй ведет к возникновению искусственных общественных комбинаций. Эти комбинации в значительной степени заглушают у людей их *естественные* стремления и вызывают *искусственные*. Литература часто служит выражением этих искусственных стремлений, и, поскольку она выражает их, она не пользуется сочувствием Добролюбова. Он пишет: «Все [например] певцы [иллюминаций, военных торжеств, резни и грабежа по приказу какого-нибудь честолюбца, сочинители льстивых дифирамбов, надписей и мадригалов — не могут иметь в наших глазах никакого значения, потому что они весьма далеки от естественных стремлений и потребностей народных»] *.

13 | [...В статье, посвященной повести] Тургенева «Накануне», он категорически отказывается от роли воспитателя эстетического вкуса публики и даже заявляет, что эстетическая критика сделалась теперь принадлежностью чувствительных барышень [6]. А в статье «Луч света в темном царстве» он в следующей общей форме дает изображение своих критических приемов. Разбирая данное произведение, он, по его словам, говорит: «Вот что автор изобразил; [вот что означают, по нашему мнению, воспроизведенные им образы, вот их происхождение, вот смысл: мы находим, что все это имеет живое отношение к вашей жизни и нравам и объясняет вот какие потребности, которых удовлетворение необходимо для вашего блага»] **.

Совершенно ясно, что критик, разбирающий таким образом художественные произведения, сознательно преследует преимущественно публицистические цели. И неудивительно, что эпиграфом к цитированной мной статье «Когда же придет настоящий день?» он взял выразительные слова Гейне: «Schlage die Trommel und fürchte dich nicht» — «Стучи в барабан и не бойся!» [7]

Д[обролюбов] был учеником Чернышевского в этом случае, как и во всех других. Его реальная критика есть не что иное, как приложение эстетической теории Чернышевского к разбору
14 художественных произведений. 17-й тезис | знаменитой диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» гласит: «Воспроизведение жизни [—общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его: часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни» ***.

* В рукописи сказано: «См. цитату 4-ю». Цитата взята оттуда же, стр. 424. Стр. 11 и 12 в рукописи отсутствуют, первые слова 13-й страницы — начало фразы — взяты из опубликованной статьи (Соч., т. XXIV, стр. 47). — *Ред.*

** В рукописи: «См. 5-ю цитату». Цитата взята оттуда же, стр. 427. — *Ред.*

*** В рукописи: «См. 17-й тезис». Цитируется по полному собранию сочинений Н. Г. Чернышевского, 1906, т. X, ч. 2, стр. 164. — *Ред.*

Д[обролюбо]ву хотелось, чтобы художественные произведения давали объяснение жизни. А его критические статьи имели значение приговора о явлениях жизни, как она изображается в произведениях художественной литературы.

О тенденциозности. Д[обролюбов] — враг ее.

Понятно почему. Тенденциозное изображение жизни не вполне соответствует ее правде. А для того, чтобы произнести вполне правильный приговор о явлениях жизни, необходимо иметь перед собою вполне правильное изображение в качестве материала.

Ошибся бы тот, кто подумал бы, что у Д[обролюбо]ва были мало развиты эстетические потребности. Его эстетические суждения поражают своей меткостью. Как Белинский написал лучший эстетический разбор сочинений Гоголя, так Д[обролюбов] дал
15 лучший эстетический | разбор сочинений О[стровско]го. Называю одного О[стровско]го только для того, чтобы остаться в пределах моей сегодняшней темы.

Теперь, когда мы знаем, что такое реальная критика Д[обролюбова], мы можем подойти к частному вопросу о том, чего искал и что нашел наш критик в сочинениях О[стровско]го.

Он нашел в них, по его собственному признанию, *полное и многостороннее изображение существенных сторон и требований русской жизни.* Другие авторы брали частные явления и временные требования общества: например, требование правосудия, веротерпимости, отмены крепостного права и проч. Еще иные брали внутреннюю сторону жизни, но подмечали лишь частные явления. Для примера Д[обролюбов] указывает на изображение в бесчисленном множестве художественных произведений людей, ставших по развитию выше окружающей их среды, но лишенных воли и погибающих в бездействии. Такие явления не имеют общенародного значения. В сочинениях же Островского современные стремления русской жизни выразились в самых обширных размерах. Он рисует нам ложные от-
16 ношения, | охватывающие всю нашу общественную жизнь, со всеми их непривлекательными последствиями; он через это является отголоском стремлений к лучшему общественному устройству. «Произвол, с одной стороны [и недостаток сознания прав своей личности, с другой, — говорит Добролюбов, — вот основания, на которых держится все безобразие взаимных отношений, развиваемых в большей части комедий Островского; требования права, законности, уважения к человеку — вот что слышится каждому внимательному читателю из глубины этого безобразия. Что же, разве вы станете отрицать обширное значение этих требований в русской жизни? Разве вы не сознаетесь, что подобный фон комедий соответствует состоянию русского общества более, нежели какого бы то ни было другого в Европе?»] *.

* В рукописи: «См. 6-ю цитату». Цитата взята оттуда же, стр. 430. — *Ред.*

Тут публицистическая критика Д[обролюбова] приобретает революционный характер. Произведения О[стровского] привлекают к себе ее внимание тем, что дают богатейший материал для революционной проповеди. В другом месте Добролюбов говорит, что основным мотивом пьес Островского служит неестественность общественных отношений, происходящая вследствие самодурства одних и бесправия других. «Чувство художника, — прибавляет он, — [возмущаясь таким порядком вещей, преследует его в самых разнообразных видоизменениях и передает на позор того самого общества, которое живет в этом порядке»] *.

Понятно, что критик-просветитель, задавшийся целью распространения здравых идей в обществе, должен был с восторгом
17 приветствовать | произведения, подобные пьесам О[стровского]. Но раз он стал их рассматривать с общей точки зрения неестественности существующих у нас отношений между людьми, то понятно, что из его поля зрения ушел частный вопрос, еще недавно вызывавший такие горячие споры между славянофилами и западниками. Возьмем хоть пьесу «Не в свои сани не садись!» Славянофилы увидели в ней довод в защиту старых русских порядков. Некоторые из западников — камень, брошенный в их лагерь. В глазах же Д[обролюбова] дело приняло совсем другой оборот. Вывод, к которому он пришел на основании пьесы «Не в свои сани не садись», состоял в том, что самодуры, — даже такие добрые, честные и по своему умные, как М. Ф. Русаков, — неизбежно уродуют всех тех, на которых им удается приобрести влияние. Дочь Русакова, Ав[дотья] М[аксимовна] ведет себя очень неумно с Вихоревым. Но за ошибки, сделанные ею, надо винить все то же самодурство, которое вызывает резкое осуждение с нашей стороны в других пьесах. Д[обролюбов] выражает это словами: «Самодурство обезличивает, а обезличение совершенно противоположно всякой свободной, разумной дея-
18 тельности». | Этот вывод имеет, как видим, такой отвлеченный характер, что с высоты его становится прямо невозможен вопрос, по какому пути должна пойти Россия: западному или самобытному. Очевидно, правильным должно было представляться одно то соображение, что необходимо добиться простора для свободной и разумной деятельности.

(№. *Точка зрения 60-х гг. была во многих отношениях отвлеченнее точки зрения 40-х гг. Белинский и просветители 60-х гг.*)

То же и с пьесой «Не так живи, как хочется». О[стровский] несомненно написал ее тогда, когда доходило до апогея влияние на него славянофильского кружка «Москвитянина». Но Д[обролюбов] со своей точки зрения увидел в ней только новый довод против самодурства. Ее главный герой, Петр Ильич, угнетает окружающих и пьянствует вплоть до тех пор, пока его не приводит в себя благовест к заутрене. Славянофилов наверное очень умилял этот благовест, а Д[обролюбов] и в нем увидел целый обвинительный акт против самодурства: очень дика
19 должна быть та общественная среда, в | которой люди отказываются от дурных поступков не в силу разумных соображений, а благодаря таким бессодержательным обстоятельствам, как утренний звон колокола. Но чем более дика общественная среда, тем энергичнее должны бороться люди, сознавшие ее несостоятельность, тем громче должны они «стучать в барабан». Написанные по поводу пьес Островского статьи Добролюбова и были красноречивым призывом к борьбе с самодурством. В этом их основной мотив и в этом их великое историческое значение. В молодом поколении той эпохи было уже не мало людей, готовых вступить в борьбу с самодурством. И все они с восторгом читали эти статьи, все они видели в их авторе одного из самых дорогих своих учителей.

* В рукописи: «См. 7-ю цитату». Цитата взята из статьи «Темное царство», стр. 62. — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Московский городской листок» — первая московская ежедневная газета, выходившая в 1847 г. Редактором-издателем был Вл. Драшусов, сотрудничали: Островский, Загоскин, Шевырев, Вельтман, Ф. Глинка, С. Соловьев, Грановский и др.

[2] «Москвитянин» — учено-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1841 по 1856 г. под редакцией историка М. П. Погодина. Орган крупной торговой буржуазии 40—50-х годов, «Москвитянин» стоял на позиции официальной правительственной идеологии, выдвинувшей знаменитую формулу «самодержавие, православие, народность». Хотя славянофилы и критиковали «Москвитянин», но особых принципиальных различий с направлением этого журнала у них не было. Сотрудниками его были: С. П. Шевырев, И. И. Давыдов, Ф. Н. Глинка, В. И. Даль и др. В 1850 г. журнал обновился, в него вошли: Островский, Аполлон Григорьев, Писемский и др., но старая репутация помешала журналу ожить, и в 1856 г. он прекратил свое существование.

[3] *Кукольник*, Нестор Васильевич (1809—1868) — русский драматург и беллетрист, выразитель националистических настроений эксплоататорских верхов русского общества 30-х годов. Ему был свойствен историко-патриотический жанр, прославляющий величие правящих классов русского народа в критические моменты его истории. Его пьеса «Рука всевышнего отечество спасла», изображавшая восшествие на престол Михаила Романова, имела такую поддержку царизма, что критиковавший ее журнал «Московский телеграф» был запрещен.

[4] Рецензия Чернышевского на пьесу Островского «Бедность не порок» была опубликована в «Современнике» за 1854 г. № 5 (Сочинения Чернышевского, 1906, т. I, стр. 123—130). В опубликованной статье Плеханов приводит следующие выдержки из этой рецензии:

«В двух своих последних произведениях г. Островский впал в приторное прикрашивание того, что не может и не должно быть прикрашиваемо. Произведения вышли слабые и фальшивые ... в правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении».

[5] В своей статье «Темное царство» Добролюбов для иллюстрации этой мысли проводит параллель между двумя поэтами разных темпераментов — Фетом и Тютчевым: «У г. Фета есть талант, — пишет он, — и у г. Тютчева есть талант;

как определить их относительное значение? Без сомнения, не иначе, как рассмотрением сферы, доступной каждому из них. Тогда и окажется, что талант одного способен во всей силе проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы; а другому доступна, кроме того, — и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни. В показании всего этого и должна бы собственно заключаться оценка таланта обоих поэтов» (Соч., т. III, стр. 21).

[6] Разбору повести Тургенева «Накануне» Добролюбовым посвящена статья «Когда же придет настоящий день?» Начав ее словами, приведенными в тексте, несколько дальше Добролюбов пишет: «Малому знакомству с чувствительными барышнями одолжены мы тем, что не умеем писать таких приятных и безвредных критик. Откровенно признаваясь в этом и отказываясь от роли «воспитателя эстетического вкуса публики», мы избираем другую задачу, более скромную и более соразмерную с нашими силами. Мы хотим просто подвести итог тем данным, которые рассеяны в произведении писателя и которые мы принимаем, как совершившийся факт, как жизненное явление, стоящее пред нами» (Соч., т. III, стр. 245).

[7] Словами «Schlage die Trommel und fürchte dich nicht» начинается стихотворение Гейне «Doktrin» (см. «Werke», т. I, Leipzig, Bibliographisches Institut, s. a., S. 310).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА К СТАТЬЕ «ДОБРОЛЮБОВ И ОСТРОВСКИЙ»

Настоящая публикация представляет собой разбор двух статей Добролюбова об Островском — «Темное царство» и «Луч света в темном царстве» — и статьи о повести И. С. Тургенева «Накануне» — «Когда же придет настоящий день?» Эти статьи использованы Плехановым в опубликованной статье о Добролюбове и Островском и в публикуемом выше реферате. Меньше всего им использована статья о Тургеневе, притом с другой стороны, чем в настоящих заметках. При разборе статей Добролюбова Плеханов, как уже было указано выше, пользовался 5-м изданием третьего тома 1896 года, не сохранившимся в его библиотеке, а не 4-м 1885 г., на которое он ссылается в своей опубликованной статье и которое сохранилось в библиотеке с его пометками. С последним совпадают только страницы, относящиеся к разбору статьи о Тургеневе.

Рукопись разбора представляет 7 разрозненных листов, исписанных Плехановым с обеих сторон чернилами и карандашом.

РАЗБОР СТАТЬИ «ТЕМНОЕ ЦАРСТВО»

64 — Основной мотив пьес Островского [1].

64 — Idem — как растворяется спор слав[янофилов] с западниками. Точка зр[ения] Добр[олюбова] [2]. (В конце). *Ср. 76.*

69 — Понятие о нравственном долге у Авд[отьи] Максим[овны][3].

74 — *Стихи*, относящиеся к лицам, страдающим от самодурства [4].

77 — *Самодурство и образование*—2 силы, *борющиеся в обществе.*

84 — *Погибну, но не уступлю.*

(Мы: не уступлю и выйду победителем) [5].

85 — Основной мотив Остр[овского] — преследование самодурства во всех его видах.

Задача молодежи: укрыться от мертвящего влияния самодурства.

93 — Отчего общество терпит самодурство? *2 причины*: 1) чувство законности; иллюстрация на стр. 101 [6]; 2) *необходимость материального обеспечения.*

Ad. 1 — законы условные 96 [7].

97. — *В темном царстве законы считаются вечными — ср. 99 смелость добра* [8].

100 — *Возведение послушания в абсолютный закон.*

103 — Не так живи, как хочется — иллюстрирует мою мысль: славянофильство и проч. исчезает из поля зрения [9].

113 — *Матер[иальные] средства (2-я причина).*

125 — Выход из темного царства. Его у Островского нет.

127 — Дуня — самое чистое лицо у Островского [10].

127. — Но она отвержена в нашем обществе.

128. — *Значение образования* [11].

129. — Метафорический способ выраж[ения] Добролюбов[а] [12].

Л. Торцов — тот же *Обломов*. Как же Д[обролюбов] не заметил этого? [13]

РАЗБОР СТАТЬИ «КОГДА ЖЕ ПРИДЕТ НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ?»

Соч. Д[обролюбова], т. III, стр. *255.* — Разъяснение явлений действ[ительности] — цель критики Д[обролюбова]; *255.* — Тург[енев] певец образованного слоя [14]. О[стровский] — певец народа (в «Грозе»).

257. Он определяет задачу Тургенева, как мы определили бы задачу *просветителя* [15].

РАЗБОР СТАТЬИ «ЛУЧ СВЕТА В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ»

437. — Почему Д[обролюбов] ставит Остр[овского] высоко и *438* [16].

439. — Произвол и проч. [17].

440. — Жизнь дала материал для комедий Остр[овского] — она же дает мат[ериал] и для борьбы [18].

442. — У Ост[ровского] не только *право*, но и *возможность*. — Указана *экономическая* сторона вопроса, а это — *сущность дела* [19].

443. — *Пьесы жизни* [20].

449. — Новая жизнь нарождается вокруг Кабановых и Диких.

456. — Значение характера Катерины 458—9 [21].

461. — Протестующий тип *женский* у Остр[овского]. Это понятно: женщина больше всего страдает от самодурства. 463—464.

472. — Протест К[атерины] — жизненная необходимость натуры [22].

473. — Диалог Варв[ары] с Катериной. — Восклицание Добр[олюбова] [23].

474. — В К[атерине] главное — ее *естественные стремления* [24].

482. — «Наследства».

484. — Вопросы Д[обролюбова] по поводу К[атерины] [25].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основным мотивом пьес Островского Добролюбов считает «неестественность общественных отношений, происходящую вследствие самодурства одних и бесправности других».

[2] Основной целью всех пьес Островского Добролюбов считает преследование самодурства описываемого им общества во всех его видах, и ни в одной пьесе не приписывает Островскому славянофильских тенденций. На указанной странице Добролюбов говорит: «Мы... вовсе не хотим видеть в «Не в своих санях» апологию патриархального, старинного быта и попытку доказать преимущества русской необразованности перед европейским образованием...» Приведя содержание этой комедии, Добролюбов говорит: «Таков факт, составляющий сущность комедии «Не в свои сани не садись». Какой же смысл его? Дает ли он хоть какой-нибудь повод к развитию темы о преимуществах старого быта, к выражению славянофильских тенденций? Кажется, нет. Смысл его тот, что самодурство, в каких бы умеренных формах ни выражалось, в какую бы кроткую опеку ни переходило, все-таки ведет — по малой мере — к обезличению людей, подвергшихся его влиянию».

[3] По словам Островского, у Авдотьи Максимовны («Не в свои сани не садись») «понятие о нравственном долге развито лишь до той степени, чтобы признать его, как внешнюю принудительную силу».

[4] Плеханов имеет в виду приводимый Добролюбовым отрывок из стихотворения Лермонтова «Три пальмы»:

«Напрасно пророка о тени он просит:
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним».

[5] Плеханов противопоставляет здесь активное сопротивление как метод борьбы с самодурством — пассивному.

[6] Чувство законности Добролюбов иллюстрирует на разборе сцены из комедии Островского «Не так живи, как хочется», в которой Даша, измученная пьянством, изменой и грубостью тиранящего ее мужа, уходит от него к родителям; но родители, хотя и потрясены горем дочери, заставляют ее не вольнодумствовать, поступить по закону и вернуться к мужу. Добролюбов объясняет это «привычкой подчинять все только внешним законам, установленным самодурством».

[7] На указанной странице Добролюбов пишет: «Таким образом, законы имеют условное значение по отношению к нам. Но мало этого: они и сами по себе не вечны и не абсолютны. Принимая их, как выработанные уже условия прошедшей жизни, мы чрез то никак не обязываемся считать их совершеннейшими и отвергать всякие другие условия». Ниже он говорит, что в «темном царстве», изображенном Островским, «вопрос ставится совершенно иначе. Там господствует вера в одни, раз навсегда определенные и закрепленные формы».

[8] На указанных страницах Добролюбов говорит о действующих лицах комедий Островского: «Даже в лучших натурах комедий Островского мы не видим той смелости добра, которой могли бы требовать от них при других обстоятельствах, но которой именно не может быть в них под гнетом самодурства».

[9] На указанной странице речь идет о нравственном перерождении героя комедии Островского «Не так живи, как хочется» под влиянием церковного благовеста. Плеханов считает, что Добролюбов не замечает «славянофильства» Островского, связывающего и такую развязку его пьесы с общей идеей, какую находим мы во всех произведениях Островского. «В раскаявшемся Петре Ильиче, — говорит он, — мы видим безотрадность и безвыходность того положения, в которое он сам и все, близко с ним связанные, ввергнуты самодурным бытом» (см. прим. 2).

[10] Добролюбов отмечает, что даже Дуня — героиня комедии «Бедная невеста», — подобно всем положительным персонажам Островского, тоже «уже забрызгана грязью чужих пороков». Отсюда — отсутствие выхода из «темного царства».

[11] Добролюбов говорит, что в пьесах Островского даже образование не дает никакого выхода из темного царства.

[12] Добролюбов сам отмечает свой «метафорический способ выражения» (вызванный, конечно, необходимостью обойти цензуру), состоящий в том, что действительную жизнь он был принужден изображать как «фантазию автора».

[13] Любим Торцов — действующее лицо пьесы Островского «Бедность не порок». Добролюбов видит в нем большую нравственную силу и находит, что тяжелая жизнь и нужда, надорвав и унизив его, оказала ему «то благодеяние, что надломила в нем основу самодурства». «В примере Торцова, — говорит Добролюбов, — можно отчасти видеть и выход из темного царства».

[14] Для разбора настоящей статьи Плеханов пользовался, как было указано, изданием, имеющимся в библиотеке и снабженным его отметками. На стр. 255 этого издания им отчеркнуты следующие слова: «Поставляя главной задачей литературной критики — разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное художественное произведение, мы должны заметить притом, что в приложении к повестям г. Тургенева эта задача имеет еще особенный смысл. Г-на Тургенева по справедливости можно назвать представителем и певцом той морали и философии, которая господствовала в нашем образованном обществе в последнее двадцатилетие».

[15] На указанной странице Плехановым отмечена следующая характеристика Тургенева: «Исходил он из сферы высших идей и теоретических стремлений и направлялся к тому, чтобы эти идеи и стремления внести в грубую и пошлую действительность, далеко от них уклонившуюся».

[16] Добролюбов говорит: «Мы поставили Островского очень высоко, находя, что он очень полно и многосторонне умел изобразить существенные стороны и требования русской жизни».

[17] Приводим продолжение начатой Плехановым фразы: «Произвол, с одной стороны, и недостаток сознания прав своей личности, с другой — вот основания, на которых держится все безобразие взаимных отношений, развиваемых в большей части комедий Островского; требования права, законности, уважения к человеку — вот что слышится каждому внимательному читателю из глубины этого безобразия».

[18] Эти слова, очевидно, вызваны следующим заявлением Добролюбова: «Жизнь, давшая материалы для таких комических положений, в какие ставятся часто самодуры Островского, жизнь, давшая им и приличное название, не поглощена уже вся их влиянием, а заключает в себе задатки более разумного, законного, правильного порядка дел».

[19] Указывая на то, что требование права, уважение личности, протест против насилия и произвола имеются во множестве литературных произведений последних лет, Добролюбов говорит, что в них «указывается *право*, а оставляется без внимания реальная *возможность*. У Островского не то: у него вы находите не только нравственную, но и житейскую, экономическую сторону вопроса, а в этом-то и сущность дела. У него вы ясно видите, как самодурство опирается на толстой мошне, которую называет «божьим благословением», и как безответность людей перед ним определяется материальною от него зависимостью».

[20] Добролюбов говорит: «Уже и в прежних пьесах Островского мы замечали, что это не комедия интриг и не комедия характеров собственно, а нечто новое, чему мы дали бы название «пьес жизни»... у него на первом плане является всегда общая, не зависящая ни от кого из действующих лиц, обстановка жизни. Он не карает ни злодея, ни жертву; оба они жалки вам, нередко оба смешны, но не на них непосредственно обращается чувство, возбуждаемое в вас пьесою. Вы видите, что их положение господствует над ними...»

[21] Добролюбов говорит о характере героини «Грозы» Катерины: «Решительный, цельный русский характер, действующий в среде Диких и Кабановых, является у Островского в женском типе, и это не лишено своего серьезного значения. Известно, что крайности отражаются крайностями и что самый сильный протест бывает тот, который поднимается, наконец, из груди самых слабых и терпеливых».

[22] Добролюбов говорит про Катерину: «В этой личности мы видим уже возмужалое, из глубины всего организма возникающее требование права и простора

жизни. Здесь уже не воображение, не наслышка, не искусственно возбужденный порыв являются нам, а жизненная необходимость натуры».

[23] Приведя диалог между Варварой и Катериной, заканчивающийся словами Катерины: «Эх, Варя, не знаешь ты моего характера. Конечно, не дай бог этому случиться, а уж коли очень мне здесь опостылит, так не удержать меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь». Добролюбов восклицает: «Вот истинная сила характера, на которую во всяком случае можно положиться».

[24] Характеризуя Катерину, Добролюбов дальше говорит, что ею руководят не отвлеченные верования, а жизненные факты, не образ мыслей, не принципы, а натура, «ее поступки находятся в гармонии с ее натурой, они для нее естественны, необходимы... напротив, все «идеи», внушенные ей с детства, все принципы окружающей среды восстают *против* ее естественных стремлений и поступков».

[25] Идея «Грозы», по мысли Добролюбова, заключается в том, что протест против гнета самодурства должен был воплотиться в женском типе, «так как самый сильный протест бывает тот, который поднимается, наконец, из груди самых слабых и терпеливых». Но формой протеста для цельных и решительных натур в то время могло быть только самоубийство, притом не надуманное, а естественно вытекающее из самой их сущности. В связи с этим, Добролюбов заключает статью двумя вопросами: «точно ли идея, указанная нами, — совсем посторонняя «Грозе», навязанная нами насильно, или же она действительно вытекает из самой пьесы, составляет ее сущность и определяет прямой ее смысл?..» и «точно ли русская живая натура выразилась в Катерине, точно ли русская обстановка во всем, ее окружающем, точно ли потребность возникающего движения русской жизни сказалась в смысле пьесы, как она понята нами?»

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СОЧИНЕНИЙ ДОБРОЛЮБОВА

Том I*

(Сочинения А. Н. Добролюбова 2-е изд.. Спб., 1871)

125 Новиков, прикидываясь, что не знает, *кто* сочинил «О, время!», говорит здесь о Екатерине и как об авторе, и как о правительнице, и одну восхваляет пред другим. Между прочим, он говорит автору комедии:

«Вы *первый* с таким искусством и остротою заставили слушать едкость сатиры с приятностью и удовольствием; *вы первый с такою благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие*... Продолжайте, государь мой, прославлять себя вашими сочинениями... Взгляните беспристрастным оком на *пороки наши, закоренелые, худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки*; вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния; и вы увидите, какое еще *пространное поле* к прославлению вашему осталось».

Слова эти можно заметить, как свидетельство писателя, что в 1772 г., несмотря на возгласы одописцев об Астрее [1] и золотом веке, господствовало еще в России полное развращение, и сатира, упражнявшаяся над ним уже три года (считая с 1769, когда начались сатирические журналы), попрежнему имела для себя еще «пространное поле».

Заметка на обл.: Наивное замечание Добролюбова.

* Заметки относятся к статье: «Русская сатира в век Екатерины». — *Ред.*

128 Даже в оде на кончину Екатерины (Память 6 ноября 1796 г.), сочиненной Капнистом (Соч. его, стр. 309), мы находим упоминание о том, что при ней

«Мы крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вещать».

Заметка на обл.: Обратить внимание на слова Капниста (о вольности он не смеет говорить).

136 ...вся литература тогда была делом не общественным, а занятием кружка, очень незначительного...

Сатирики того времени могли позволять себе в самом деле значительную свободу в своих обличениях частных недостатков и злоупотреблений.

Заметка на обл.: Литература — дело кружка. — Ошибка Добролюбова (ошибки две).

146 №3 В особенности относительно законодательства она [Екатерина] дала такие задатки своего мудрого попечения о благе народа, что возбудила изумление целой Европы.

Заметка на обл.: 3-я ошибка Добролюбова.

158 Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противоречащие законы. *Итак правосудие не в самих законах* [2].

Заметка на обл.: Неправосудие не в самих законах (французские просветители думали иначе) [3]. Ср. 160 и 161.

160 И ежели она [сатира] в самом деле не имела практического успеха, то не от слабости нападений на те или другие пороки: нет, на что она нападала, тому доставалось от нее очень сильно.

Не очень. Но слабая ее сторона заключалась в том, что она не хотела видеть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить.

171 *Случаи с Державиным [4] очень характерны. Они показывают, как бессознательно многое говорилось и как легко принималось, пока какая-нибудь случайность не привлекала на статью или книгу чьего-нибудь неблагонамеренного внимания.

Заметка на обл.: Очень верно.

178 ... надо же наконец бросить хоть догадку, хоть намек (если еще невозможно настоящее объяснение) на то, отчего наша литература сто лет обличает недуги общества, и все-таки недуги не уменьшаются. По нашему мнению, причина этого заключается (по крайней мере, заключалась во время Екатерины), в постоянной зависимости сатиры от случайностей положительного законодательства.

Заметка на обл.: Крайне важно.

Том II *

603 Весьма вероятно, что при других условиях жизни, в другом обществе, Онегин был бы истинно-добрым малым, Печорин и Рудин делали бы великие подвиги, а Бельтов оказался бы действительно превосходным человеком. Но при других условиях развития может быть и Обломов с Тентетниковым[5] не были бы такими байбаками, а нашли бы себе какое-нибудь полезное занятие...

Заметка на обл.: Обстоятельства.

608 Появление его было бы невозможно, если бы хотя в некоторой части общества не созрело сознание о том, как ничтожны все эти quasi-талантливые натуры, которыми прежде восхищались. Прежде они прикрывались разными мантиями, украшали себя разными прическами, привлекали к себе разными талантами. Но теперь Обломов является пред нами разоблаченным, как он есть, молчаливый, сведенный с красивого пьедестала на мягкий диван, прикрытый вместо мантии только просторным халатом. Вопрос *что он делает? в чем смысл и цель его жизни?* — поставлен прямо и ясно, не забит никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало или настает неотлагательно время работы общественной...

Заметка на обл.: Появление Обломова.

613 Когда я читаю в журналах либеральные выходки против злоупотреблений и радость о том, что, наконец, сделано то, чего мы давно надеялись и желали, — я думаю, что это все пишут из Обломовки.

Когда я нахожусь в кружке образованных людей, горячо сочувствующих нуждам человечества и в течение многих лет с не уменьшающимся жаром рассказывающих все те же самые (а иногда новые) анекдоты о взяточниках, о притеснениях, о беззакониях всякого рода, — я невольно чувствую, что я перенесен в старую Обломовку...

Заметка на обл.: Обличение и Обломовка.

616 Штольцев, людей с цельным, деятельным характером, при котором всякая мысль тотчас же является стремлением и переходит в дело, еще нет в жизни нашего общества (разумеем образованное общество, которому доступны высшие стремления); в массе, где идеи и стремления ограничены очень близкими и немногими предметами, такие люди беспрестанно попадаются.

№3

Заметка на обл.: Масса.

617 Штольц не дорос до идеала общественного русского деятеля. Да и нельзя еще: рано. Теперь еще, — хотя будь семи пядей во лбу, а в заметной общественной деятельности — можешь, пожалуй, быть *добродетельным откупщиком* Муразовым, делающим добрые дела из десяти миллионов своего состояния, или благородным помещиком Костанжогло[6], — но далее не пойдешь... Можем сказать только то, что не он тот человек, который «сумеет, на языке понятном для русской души, сказать нам это всемогущее слово: «вперед!»

Заметка на обл.: Заметная общественная деятельность.

618 Ольга, по своему развитию, представляет высший идеал, какой только может теперь русский художник вызвать из теперешней русской жизни. Оттого она необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармонией своего сердца и воли поражает нас до того, что мы готовы усомниться в ее даже поэтической правде и сказать: «таких девушек не бывает»... В ней-то более, нежели в Штольце, можно видеть намек на новую русскую жизнь, от нее можно ожидать слова, которое сожжет и развеет обломовщину... Она начинает с любви к Обломову, с веры в него, в его нравственное преобразование... Долго и упорно, с любовью и нежною заботливостью, трудится она над тем, чтобы возбудить жизнь, вызвать деятельность в этом человеке.

Ср. 620

Заметка на обл.: Ольга — высший идеал нашего времени.

620 ..... ясно, что это *он* [Штольц] не хочет «итти на борьбу с мятежными вопросами», *он* решается «смиренно склонить голову...» А она готова на эту борьбу, тоскует по ней и постоянно страшится, чтобы ее тихое счастье с Штольцем не превратилось во что-то, подходящее к обломовской апатии... Она бросила Обломова, когда перестала в него верить; она оставит и Штольца, ежели перестанет верить в него... Обломовщина хорошо ей знакома, она сумеет различить ее во всех видах, под всеми масками и всегда найдет в себе столько сил чтоб произнести над нею суд беспощадный...

* Заметки относятся к статье «Что такое обломовщина». — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Астрея» — пастушеский роман французского писателя Оноре д'Юрфе, (1568—1625). Написан в идиллическом тоне, проникнут мыслью об облагораживающем влиянии любви и о том, что истинная любовь свойственна лишь возвышенным, утонченным душам.

[2] Эти слова принадлежат не Добролюбову, а цитируются им из журнала Новикова «Трутень».

[3] Французские просветители XVIII века считали, что все зависит от законодательства: «совершенное законодательство» — способ водворения счастья на земле. Так, Гельвеций говорил: «Мудрые законы без сомнения могли бы произвести чудо всеобщего счастья». Он полагал, что «государь, желающий улучшить науку законодательства, должен побуждать гениальных людей к изучению этой

*

науки» и тогда «изменчивые, еще несовершенные, законы перестанут быть таковыми и станут неизменными и священными».

Плеханов характеризовал эту «утопию «совершенного законодательства» у Гельвеция и у Гольбаха, как и у всех «философов» XVIII столетия, как буржуазную» («Очерки по истории материализма» — Соч., т. VIII, стр. 120).

[4] Речь идет о забавном эпизоде с Державиным, вызвавшим гнев Екатерины II своими стихами, которые являлись переложением 81-го псалма Давида и которые она приняла за его собственные стихи, проникнутые якобинским духом. В то же время императрица осыпала поэта милостями за его оду «Фелица», не заметив содержащихся в ней дерзких намеков на близких к ее трону вельмож.

[5] Тентетников — персонаж из второй части поэмы Гоголя «Мертвые души».

[6] Муразов и Костанжогло — персонажи из второй части поэмы Гоголя «Мертвые души».

РАБОТА О ТУРГЕНЕВЕ

РАЗБОР РЕЧИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ»

Данная публикация представляет собой постраничный разбор вышеназванного произведения И. С. Тургенева. Среди опубликованных работ Плеханова мы не находим ни статьи общего характера, посвященной творчеству Тургенева, ни рецензии на какое-либо из его произведений, в частности, на речь о Гамлете и Дон-Кихоте. Однако упоминания об этой речи, рисующие отношение Плеханова к взглядам Тургенева на эти два типа мировой литературы и на их соотношение, мы у Плеханова встречаем. Так, в статье «Неудачная история партии «Народной воли», в которой Плеханов разбирает исследование Богучарского об истории партии «Народной воли», он, возражая против принципов деления Богучарским интеллигенции 70-х годов на две группы — либеральную и социально-революционную, говорит: «У г. Богучарского получается нечто, напоминающее известное тургеневское деление людей на Гамлетов и Дон-Кихотов: в русской интеллигенции семидесятых годов были Гамлеты, обладающие пониманием, но лишенные воли, и были Дон-Кихоты, одаренные сильной волей, но чуждые понимания. Однако такое деление неосновательно» (Соч., т. XXIV, стр. 131—132).

В статье «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» Плеханов еще резче высказывается против тургеневского деления людей на Гамлетов и Дон-Кихотов. Характеризуя главное свойство Гамлета — рассудочность — следующими словами: «рассудочность встречает широкое поле для своего развития и широко развивается у всех цивилизованных народов, переживающих эпоху перелома, когда старый общественный порядок клонится к упадку и когда представители новых общественных стремлений подвергают его своей критике», — Плеханов заявляет: «ее вообще совершенно напрасно считают монополией «Гамлетов», и делает к этому месту примечание: «Поэтому можно было бы сделать много сильных возражений против взгляда, изложенного И. С. Тургеневым в его знаменитой статье «Гамлет и Дон-Кихот».

Эти места из других произведений Плеханова могут послужить дополнением к тому наброску разбора статьи И. С. Тургенева, который дается в настоящей публикации.

Публикуемый разбор занесен Плехановым на $2^1/_2$ тетрадочные страницы, исписанные карандашом, с обеих сторон листа. Наверху написана, отделенная от остального текста чертой, фраза: «Великолепное замечание Тургенева: сама жизнь есть не что иное, как постоянно побеждаемое противоречие».

В плехановской библиотеке не сохранилось экземпляра книги, над которой работал Плеханов.

Д[он] Кихот — высокое начало самопожертвования, 334.
Д[он] К[ихот] — энтузиаст, служитель идеи.
Д[он] К[ихот] — положительно смешон.
Id[em] — мало знает.
339. — Самопожертвование.
340. — В чем главное дело и в чем результат. Так может говорить только Гам[лет]. Потому-то для него Венера Милосская несомненнее принципов 1789 г. Напрасно гов[орит] Тур[генев]: «наше дело бороться» [1].
343. Когда не будет Дон-Кихотов, история прекратится [2].
345. — С одной стороны стоят Гамлеты и т. д. (с одной стороны *либералы*) [3].
346. *Основной вопрос*. Коренной закон жизни!? На этой стр[анице] неверная характеристика Гамлета. Дело тут не только в эгоизме, а также и в неумении найти истину (см. предыдущую стран[ицу]).
Гамлет — сила косности. На стороне косности, стало быть, *ум*? Могущественные народы развивались не благодаря Дон-Кихотам [4].
351. Почему нам не думать о некоторой доле смешного? Да у тебя *не некоторая* доля [5]. В этом все дело.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плеханов имеет здесь в виду следующее восклицание Тургенева: «Мы смеемся над Дон-Кихотом... но кто из нас может, добросовестно вопросив себя, свои прошедшие, свои настоящие убеждения, кто решится утверждать, что он всегда и во всяком случае различит и различал цирюльничий оловянный таз от волшебного золотого шлема?.. Потому нам кажется, что главное дело в искренности и силе самого убеждения... а результаты — в руке судеб. Они одни могут показать нам, с призраками ли мы боролись, с действительными ли врагами, и каким оружием покрыли мы наши головы... Наше дело вооружиться и бороться».

Относительно выражения Тургенева о Венере Милосской Плеханов пишет в статье «Искусство и общественная жизнь»: «И. С. Тургенев, сильно недолюбливающий проповедников утилитарного взгляда на искусство, сказал однажды: Венера Милосская несомненнее принципов 1789 года. Он был совершенно прав. Но что же из этого следует? Вовсе не то, что хотелось доказать И. С. Тургеневу». Далее Плеханов доказывает, что, если есть люди, которые сомневаются в принципах 1789 года и даже не имеют о них никакого понятия, то то же применимо и к Венере Милосской, которая не может быть продуктом абсолютного искусства, как это думает Тургенев, потому что такого искусства на самом деле не существует. «И если И. С. Тургенев, — заканчивает Плеханов, — сослался на Венеру Милосскую, как на продукт такого искусства, то это произошло единственно потому, что он, подобно всем идеалистам, ошибочно смотрел на действительный ход развития человечества» (Соч., т. XIV, стр. 138—141).

[2] Восхваляя Дон-Кихота за его идеальную и чистую любовь, Тургенев говорит: «Мы сами на своем веку, в наших странствованиях — видали людей, умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала и превращение которого они также приписывали влиянию злых, — мы чуть было не сказали: волшебников — злых случайностей и личностей. Мы видели их, и когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории! в ней нечего будет читать».

[3] Тургенев следующим образом противопоставляет Гамлетов Дон-Кихотам: «И вот с одной стороны стоят Гамлеты, мыслящие, сознательные, часто всеобъемлющие, но также часто бесполезные и осужденные на неподвижность; а с другой — полубезумные Дон-Кихоты, которые потому только и приносят пользу

и подвигают людей, что видят и знают одну лишь точку, часто даже не существующую в том образе, какою они ее видят». Как видно, Плеханов проводит здесь параллель между этим противопоставлением Тургенева и противопоставлением Богучарского, делящего русскую интеллигенцию 70-х годов на две группы — либеральную и социально-революционную, за что Плеханов осуждает его в своей статье «Неудачная история партии «Народной воли».

[4] Дав сравнительную характеристику Гамлета и Дон-Кихота, Тургенев говорит: «В этом разъединении, в этом дуализме, о котором мы упомянули, мы должны признать коренной закон всей человеческой жизни; вся эта жизнь есть не что иное, как вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал». «Гамлеты суть выражение коренной центростремительной силы природы, по которой все живущее считает себя центром творения и на все остальное взирает как на существующее только для него». «Без этой центростремительной силы (силы эгоизма) природа существовать бы не могла, точно так же как и без другой, центробежной, силы, по закону которой все существующее существует только для другого». «Эти две силы косности и движения, консерватизма и прогресса, суть основные силы всего существующего. Они объясняют нам растение цветка, и они же дают нам ключ к уразумению развития могущественнейших народов».

[5] Тургенев следующим образом относится ко многому смешному, свойственному Дон-Кихоту: «Древние называли своих богов завистливыми — и в случае нужды считали полезным укрощать их добровольными жертвами; почему и нам не думать, что некоторая доля смешного неминуемо должна примешиваться к поступкам, к самому характеру людей, призванных на великое новое дело, как дань, как успокоительная жертва завистливым богам? А все-таки без этих смешных чудаков-изобретателей не подвигалось бы вперед человечество — и не над чем было бы размышлять Гамлетам».

РАБОТЫ О НЕКРАСОВЕ

Некрасову были посвящены Плехановым две статьи: «Н. А. Некрасов» и «Похороны Н. А. Некрасова». Статья «Н. А. Некрасов» представляет собой речь, произнесенную Плехановым 10 января 1903 г., в день 25-летия его смерти, на русском собрании в Женеве, устроенном для чествования его памяти. Тема речи, по словам самого Плеханова — «Народ и интеллигенция в поэзии Н. А. Некрасова». Речь была обработана Плехановым для печати и через несколько месяцев вышла отдельной брошюрой в издании «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». Легально она появилась в свет только в 1905 г., в сборнике плехановских статей «За двадцать лет», где текст ее сильно пострадал от цензурных искажений. В Собр. соч. (т. X) она воспроизведена по первому зарубежному изданию.

Вторая статья — «Похороны Н. А. Некрасова» — была написана Плехановым по поводу сорокалетней годовщины смерти Некрасова и опубликована в № 7 газеты «Наше единство» (от 29 декабря 1917 г.). Она перепечатывалась два раза: во II томе статей Плеханова «Год на родине» (Париж, 1921) и в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик», М., 1933. В Собр. соч. она не вошла.

В архиве сохранился конспект речи Плеханова в день 25-летия смерти Некрасова. К сожалению, конспект этот неполный, бóльшая часть его затеряна. Он написан рукой Плеханова на шести тетрадочных листах чернилами, с одной стороны листа.

КОНСПЕКТ РЕЧИ О НЕКРАСОВЕ

Н. А. НЕКРАСОВ

1 | Отзыв Бел[инского]: что за талант у этого человека, и что за топор его талант [1]. Этот отзыв не лишен двусмысленности: в сильной и умной руке топор служит страшн[ым] оружием и полезным, прямо необходимым орудием; в истории культуры топор является одним из первых приобретений человека. Но работа, сделанная топором, лишена изящества; отсюда выражение: *топорная работа*. И надо сказать по правде: стихи Некрасова нередко сделаны топором; слова Гаршина [2]; его пример:

«Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок.» } Рус[ские] женщины

«*Возок*», «*легок*» — это плохая рифма. Но Некр[асов] будто не замечает этого; он как будто доволен своей рифмой и повторяет ее в другом месте:

2 | «Покоен, прочен и легок
Катится городом возок».

Здесь недостаток сводится собственно к рифме, этой т[ак] с[казать] *наружности* стихотворения. У Некрасова есть более сущ[ественные] недостатки. Возьмите хоть знаменитое стих[отворение] «Размышления у парадного подъезда»:

«Ты, считающий [жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру, —]
«Пробудись. Есть еще наслаждение:
Вороти их! В тебе их спасение!»*

Это очень красноречиво, но — это не более, как красноречивая *проза*. Шекспир и Байрон тоже иногда очень красноречивы, но их красноречие поэтично, — их красноречие — красноречие
3 *образа*. | Некр[асову] часто плохо дается не только стих, но и вся вообще *художеств*[енная] *форма*. Его стихотворения часто *прозаичны*. И несмотря на это у него был большой талант, и он занимает очень видное место в истории нашей поэзии. Он лучше чем кто-либо другой характеризует знаменит[ый] поворот в истории нашей поэзии. До него наша поэзия и вообще изящная литература, за немногими исключениями вроде Кольцова, была литературой высшего класса: *дворянской* литературой. Ев[гений] Онегин Пушкина, Печорин Лермонтова. Они дворяне — с ног до
4 головы. «Дворянские гнезда» Тургенева. | Это не значит, что они отстаивали только дворянские привилегии. Нет, но их герои — дворяне. Некрасов, тоже происходивший из дворян, говорит о себе:

«Я дворянскому нашему роду
Славы лирой своей не стяжал» [3].

И действит[ельно], он изображал дворянский быт с его отрицат[ельной стороны], со стороны противоречия интересов дв[орян] интересам крестьянина. Этот антагонизм изображен у него иногда с замечат[ельным] юмором, в стихотв[орениях]: «Кому живется весело», «Крестьянские афоризмы» [4]. См[отри]. И это направл[ение] уже в том стихотв[орении], котор[ым] восхищался
5 еще Белин[ский]. | «Родина»: см. книгу, I-й том [5]. И не одно только дворянство изображается в таком невзрачном виде. Чиновничество: см. в «Кому жить на Руси», Как они делали следствие [6]. Но еще раньше в «Колыбельной песне»:

«Ты чиновник будешь с виду
И подлец душой,
Провожать тебя [я выйду
И махну рукой.»] *

---

* В рукописи:

«Ты, считающий...
. . . . .
Пробудись. Есть еще наслаждение.
Вороти их. В тебе их спасение».

Цитируется по Полному собранию стихотворений Н. А. Некрасова, 6-е изд., т. I, Спб., А. Суворин, 1895, стр. 191. — *Ред.*

Словом, Некрасов поэт «*отрицания*», того слоя разночинцев,
6 который не мирится с сущ[ествующим] порядком. | Он отрицает все карьеры. Гражданин [7]. Этот гражданин явился в лице разночинца-революционера. Но только он не плакал, а если и плакал, то не только плакал. Раз пробудились в нем гражданские чувства, он стал стремиться к борьбе:

«Не может сын [глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой».] **

Это родоначальник рев[олюционеров] 70 гг., тех бунтарей, которые... и тех террористов, которые...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В письме к Тургеневу от 19 февраля 1847 г. (*Белинский*, Письма, т. III, Спб., 1914, стр. 181).

[2] В. Гаршин, по воспоминаниям Плеханова, очень невысоко ставил поэтический талант Некрасова и резко осуждал «тенденциозность» его поэзии (Соч., т. X, стр. 377).

[3] Цитата из стихотворения «Скоро стану я добычей тления...» (Соч., т. II, стр. 413). Точный текст:

«Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не «стяжал...»

[4] Имеются в виду крестьянские афоризмы из стихотворения «Кому на Руси жить хорошо».

[5] Плеханов цитирует это стихотворение в своей статье. Приводим цитируемое им место:

«И вот опять знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда помещиком бывал и я...»

[6] Имеется в виду сцена следствия по поводу смерти ребенка, загрызенного свиньями. Сцена рисует картину дикого произвола и насилия (Собр. соч., т. II, стр. 192—197).

[7] В стихотворении «Поэт и гражданин» Некрасов говорит:

«Ах, будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,

---

* В рукописи приведено только начало стихотворения:

«Ты чиновник будешь с виду
И подлец душой,
Провожать тебя...»

Цитируется по полному собранию стихотворений Н. А. Некрасова, т. I, стр. 10. — *Ред.*

** В рукописи: «Не может сын и т. д.»
Цитата из стихотворения «Поэт и гражданин».
Цитируется по полному собранию стихотворений Н. А. Некрасова, т. I, стр. 141. — *Ред.*

Н. А. НЕКРАСОВ

Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан».

ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ 1917 Г.

ПОХОРОНЫ Н. А. НЕКРАСОВА

Двадцать седьмого числа текущего месяца исполнилось сорокалетие со дня смерти Н. А. Некрасова [1]. Некоторые газеты заранее, т. е. еще до праздников, посвятили поэту «мести и печали» особые статьи. Мне тоже хочется побеседовать о нем с читателем. Но я не вижу ни нужды, ни возможности возвращаться к вопросу о роли, сыгранной им в истории русской поэзии. Все то существенное, что можно было сказать о ней, уже сказано. Поэтому я предпочитаю рассказать здесь о том, какое участие приняли в похоронах Н. А. Некрасова революционеры-народники 70-х гг. в лице общества «Земля и Воля» [2].

Впрочем, не только этого общества. Как раз в то время в Петрограде — по-тогдашнему в Петербурге — собралось немало виднейших представителей южнорусского «бунтарства» [3]. Тут находились Фроленко [4], Волошенко [5], Валериан Осинский [6], Чубаров («Капитан») [7] и еще многие другие. Все это был народ «нелегальный», смелый, энергичный, прекрасно владевший оружием и весьма склонный к рискованным выступлениям. Заручившись содействием этих испытанных удальцов, общество «Земля и Воля» решило открыто явиться на похороны в качестве революционной социалистической организации. С этой целью оно заказало венок с надписью «от социалистов». Не могу припомнить, кем именно исполнен был этот заказ, но я хорошо помню, что он был исполнен. Вокруг социалистического венка тесным кольцом сомкнулись южнорусские бунтари и землевольцы вместе с членами рабочих кружков, уже весьма нередких тогда в разных петроградских фабриках и заводах. Бунтари и землевольцы захватили с собой револьверы, твердо вознамерившись пустить их в дело, если полиция вздумает отнять венок силой.

Не знаю почему — может быть потому, что, слишком поздно догадавшись о намерении революционеров сделать демонстрацию, она не приготовилась к отпору — полиция не сделала попытки захватить социалистический венок. Он благополучно достиг Волкова кладбища, и только в тамошней церкви, куда внесли тело Некрасова для отпевания, с нашим венком произошло какое-то замешательство.

Я не знаю, в чем оно состояло, так как в церковь вошли только немногие из нас. Все же остальные — за исключением «сигнальных», которые должны были поднять тревогу в случае, если бы полиция захотела арестовать лиц, приставленных к венку, — отправились к приготовленной для Некрасова могиле и расположились около нее сомкнутыми рядами. Нам было известно, что у гроба Некрасова будут произнесены речи, и общество «Земля и Воля» нашло нужным со своей стороны выдвинуть оратора, который должен был, не стесняясь присутствием тайной и явной полиции, высказать то, что думала об

авторе «Железной дороги» тогдашняя революционная интеллигенция. Выбор пал на пишущего эти строки. Я не помню, много ли ораторов говорило передо мною. Помню только, что в их числе были Засодимский [8] и Достоевский.

Речь народника Засодимского преисполнена была высочайшим сочувствием к поэзии Некрасова. Мы вполне разделяли это сочувствие, однако к речи Засодимского отнеслись довольно холодно. Она была неудачна по форме. У него все как-то выходило, что Некрасов нам «дорог, ибо симпатичен, и симпатичен, ибо дорог». И он никак не мог выбраться из заколдованного круга взаимодействия психологических мотивов. Зато речь Ф. М. Достоевского вызвала в наших рядах большое оживление.

Как известно, уже скоро после его выступления на литературное поприще у Ф. М. Достоевского были довольно большие неприятности с кружком Белинского, к которому принадлежал также Некрасов. Эти неприятности оставили свой след на отношении Достоевского ко всему кружку. Но и помимо того не подлежит ни малейшему сомнению, что Достоевский не мог без весьма существенных оговорок одобрять направление некрасовской музы. Достаточно вспомнить, что он, самым искренним образом восторгавшийся стихотворением «Дядя Влас», был глубоко возмущен теми строками, которыми Некрасов заканчивает в этом стихотворении изображение адских мук, представлявшихся бредившему Власу:

«Но всего не описать.
Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать.»

Тон этих строк, конечно, противоречит тону всего остального стихотворения. Их можно и должно было осудить во имя требования художественности. Но Достоевский увидел в них неуважение к дорогим ему религиозным верованиям народа. В этой области никакое соглашение невозможно было между ним и теми нашими писателями, которые усвоили себе миросозерцание, сложившееся у Белинского в последние годы его деятельности.

Тем не менее Достоевский, как видно, захотел на этот раз держаться правила: о мертвом надо говорить хорошее или вовсе не говорить. Он выставлял только сильные стороны поэзии Некрасова. Между прочим он сказал, что по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам вопиющей несправедливостью.

— Он был выше Пушкина, — закричали мы дружно и громко.

Бедный Достоевский этого не ожидал. На мгновение он растерялся. Но его любовь к Пушкину была слишком велика, чтобы он мог согласиться с нами. Поставив Некрасова на один уровень с Пушкиным, он дошел до крайнего предела уступок «молодому поколению».

— Не выше, но и не ниже Пушкина! — не без раздражения ответил он, обернувшись в нашу сторону. Мы стояли на своем: «Выше, выше!» Достоевский, очевидно, убедился, что нас не переговорит, и продолжал свою речь, уже не отзываясь на наши замечания [9].

Я хорошо помню, что, вернувшись с похорон, я записал небольшую речь, произнесенную мною на могиле Некрасова. Но сомневаюсь, чтобы она была напечатана в каком-нибудь революционном издании. О появлении же ее в легальной печати не могло быть и речи. Я оттенял революционное значение поэзии Некрасова. Я указывал на то, какими яркими красками изображал он бедственное положение угнетаемого правительством народа. Отметил я также и то, что Некрасов впервые в легальной русской печати воспел декабристов, этих предшественников революционного движения наших дней...

Вот все, что сохранилось у меня в памяти от содержания моей речи. Все — за исключением еще одной подробности, о которой я считаю своей обязанностью упомянуть.

Я начал свою речь тем замечанием, что Некрасов не ограничился воспеванием ножек Терпсихоры, а ввел в свою поэзию гражданские мотивы. Намек был совершенно ясен. Я, в свою очередь, имел в виду Пушкина. И само собой разумеется, что я был кругом неправ перед ним: Пушкин воспевал не только ножки Терпсихоры, о которых он, кстати сказать, и упомянул-то мимоходом. Но таково было наше тогдашнее настроение. Все мы в большей или меньшей степени разделяли взгляд Писарева, который «разнес» нашего великого поэта в известной статье «Пушкин и Белинский».

Я потому здесь привел это место из своей речи, что мне захотелось покаяться: лучше поздно, чем никогда. Но, каясь в своем грехе, я считаю справедливым привести то смягчающее обстоятельство, что далеко не один я грешил им в то время.

Каково бы ни было содержание моей речи, факт тот, что я говорил языком, недопустимым с точки зрения полиции. Это сразу почувствовала присутствовавшая на похоронах публика. Не знаю, по какой причине полиция не попыталась арестовать меня. Прекрасно сделала. Тесным кольцом окружавшие меня землевольцы и южнорусские бунтари ответили бы на полицейское насилие дружным залпом из револьверов. Это было твердо решено еще накануне похорон...

После меня произнес несколько слов один рабочий — к великому сожалению, никак не могу вспомнить его имени, — говоривший о том, что не зарастет тропа к могиле великого народного заступника.

Так почтили тогдашние революционеры память своего любимого поэта, собравшись на его могиле. Но они оставались неудовлетворенными. Им хотелось еще и еще говорить о нем. Как-то само собою, без всякого заранее обдуманного плана, вышло, что многие из нас собрались в одном недалеком от кладбища трактире. Там опять стали раздаваться речи о революционном значении Некрасова. Какой-то артист императорских театров с большим чувством прочел «Размышления у парадного подъезда». Его наградили бурными рукоплесканиями. Все мы были преисполнены бодрого, боевого настроения.

— А что, если бы начальство окружило трактир солдатами и арестовало находившихся там, — тогда же заметил один из наиболее осторожных «конспираторов», — ведь в его руках оказался бы чуть не весь штаб русской революции.

Это было справедливо. Но начальство не догадалось окружить трактир, а мы, совсем позабыв об угрожавшей нам опасности, отводили душу в разговорах о Некрасове. Засодимский был прав, несмотря на то, что рассуждал очень странно: Некрасов был нам и дорог и симпатичен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Некрасов умер 27 декабря (ст. ст.)1877 г. Статья Плеханова появилась в номере от 29 декабря.

[2] «Земля и воля» — крупнейшая организация народничества 70-х годов. Образовавшись в 1876 г., она в 1879 г. на съезде в Воронеже раскололась на две организации: «Народную волю» и «Черный передел».

[3] «Бунтари» — одно из течений в народничестве 70-х годов. «Бунтари» считали, что общественное переустройство можно вызвать лишь организацией бунтов в крестьянстве. «Бунтари» составили основное ядро движения, известного под названием «хождения в народ». С образованием «Земли и воли» уцелевшие после разгрома движения 1873—1874 гг. «бунтари» объединились вокруг нее.

[4] *Фроленко*, Михаил Федорович (род. 1848) — видный революционер, народник. Принимал активное участие в революционном движении, начиная с «хождения в народ» и включая 1 марта 1881 года. В день 1 марта должен был взорвать мину под Садовой улицей. Был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Освобожден в 1905 г. В 1934 г. принят в члены ВКП(б).

[5] *Волошенко*, Иннокентий Федорович (1848—1908) — один из энергичных членов группы южных бунтарей. В 1879 г. был по делу Валерьяна Осинского и др. осужден на 16 лет каторги, но по дороге, за попытку к побегу, ему было прибавлено еще 11 лет каторги. Был выпущен на свободу в 1906 г.

[6] *Осинский*, Валериан Андреевич (1853—1879) — один из основателей «Земли и воли». Осинский был организатором ряда террористических актов в 1878 г. на юге России. Арестован в Киеве в январе 1879 г. и повешен.

[7] *Чубаров*, Сергей Федорович (1845—1879) — участник бунтарского народнического движения. В 1878 г. стоял во главе «бунтарского» кружка в Одессе, под кличкой «Капитан». При обыске у него были найдены взрывчатые вещества. Был осужден по делу Лизогуба и др. и повешен.

[8] *Засодимский*, Павел Владимирович (1843—1912) — беллетрист-народник. Большим дарованием не обладал, тем не менее его романы и повести имели успех.

[9] Достоевский сам так передает этот инцидент в «Дневнике писателя», декабрь 1877 г., гл. II. После того как он высказал в своей речи на могиле ту мысль, что Некрасов должен стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым в ряду поэтов, сказавших «новое слово», произошел следующий эпизод. «Один голос из толпы, — пишет Достоевский, — крикнул, что Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова, и что те были только «байронисты». Несколько голосов подхватили и крикнули: «да, выше». Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться. Но вот что вышло потом: в «Биржевых ведомостях» г. Скабичевский, в послании своем к молодежи по поводу значения Некрасова, рассказывал, что будто бы, когда *кто-то* (т. е. я) на могиле Некрасова «вздумал сравнить имя его с именем Пушкина и Лермонтова, вы все (т. е. вся учащаяся молодежь) *в один голос*, *хором* прокричали: «он был выше, выше их». Смею уверить г. Скабичевского, что ему не так передали и что мне твердо помнится (надеюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнул всего один голос: «выше, выше их» и тут же прибавил, что Пушкин и Лермонтов были «байронисты» — прибавка, которая гораздо свойственнее и естественнее одному голосу и мнению, чем *всем* в один и тот же момент, т. е. тысячному хору, так что факт этот свидетельствует, конечно, скорее в пользу моего показания о том, как было это дело. И затем уже, сейчас после первого голоса, крикнуло еще несколько, типичного же хора я не слыхал, повторяю это и надеюсь, что в этом не ошибаюсь» (Собр. соч. Достоевского, т. XXI, Спб., «Просвещение», 1911, стр. 400—401).

Плеханов упоминает об этом инциденте в т. VI, стр. 388.

БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ

РАЗБОР I ТОМА СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. И. ЛЕВИТОВА [1]

Данная публикация представляет собой постраничный разбор I тома Собрания сочинений А. И. Левитова, вышедшего в издании К. Т. Солдатенкова в Москве в 1884 г. В библиотеке Г. В. Плеханова сохранились оба тома этого издания, но только I том снабжен отметками и заметками Плеханова.

Записи разбора сделаны в тетради рукой Плеханова, частью чернилами, частью карандашом, и занимают 4 страницы, исписанные с обеих сторон листа.

Том I

«Уличные картинки» (362 и след.). Превосходное описание бедноты и ее суеверий (напр. стр. 384).

388. Солидарность [2].

Стр. 402. Очерк «Газета в селе» своею насмешливостью (как сказал бы Скабичевский) не уступит очеркам Слепцова [3]. Как проглядел это наш строгий критик? [4]

428. Суеверия.

429. То же.

429—30. Превосходная картина ночи.

430. Из чего сложилась песня.

432—433. «Песня», то удалая, то горькая [5].

Рассказ «Насупротив» тоже стоит слепцовских рассказов. Как не заметил его Скабичевский?

526. Просветительное отношение [6].

528—29. То же самое [7].

531. Дикости противополагается добровольное холопство.

532. То же.

533. Характеристика мужика [8].

534. Сентенция просветителя.

546. Прекрасно изображается психология крестьянского легковерия.

563. Психология классовой борьбы и ненависти [9].

605. Удивительное выражение: безземельные жизни (речь идет о рыбах).

603—604. Чудная идиллия: весна и ее действие на выздоравливающих детей.

606. Сопоставить поэтические сны детей с тяжелой действительностью, описанной в очерке.

«Моя фамилия». Легко понять, как вырастает озлобление и как поэзия будущего («Zukunftstaat») * необходима для устранения этого озлобления.

В очерке «Сельское ученье» местами (напр[имер] обедня на троицын день) хорошо изображена поэзия (безотчетное настроение) крестьянской молитвы.

644. Стращание сатаны (молитвами спалим) производит поистине трогательное впечатление.

651—652 и след[ующие]. Превосходно ломается богатый старик, хвастаясь своим богатством (см. 652 — бог) [10].

654—655. Зародыш теории власти земли [11].

655—6. Картины природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Левитов*, Александр Иванович (1835—1877) — писатель-народник, представитель мелкобуржуазной, разночинной демократии, вышедшей на общественно-политическую арену в 60-х годах. Описывая тяжелую жизнь городского и сельского пролетариата, выводя своих героев мятущимися, страдающими, Левитов не идеализирует их.

[2] Замечание относится к сцене поимки толпой беглого солдата: «Вечер, — пишет Левитов, — посадская улица кипит народом, смотрит он, и даже как будто весело смотрит на горе, идущее теперь по посаду, уничтоженное, связанное горе, не понимая, что оно должно быть близко всему посаду, что общими кровавыми слезами, а не смехом и свистом нужно встречать и провожать то горе в алчную пасть его лютой судьбы».

[3] *Слепцов*, Василий Алексеевич (1836—1878) — беллетрист 60-х годов, представитель разночинных тенденций в литературе. В своих рассказах из крестьянского быта Слепцов в противовес дворянскому идеалистическому подкрашиванию мужика давал беспощадно правдивые и исполненные большого юмора изображения.

[4] Критик и историк литературы А. М. Скабичевский (1838—1910) уделил много внимания произведениям и личности Левитова. В главе о народниках-беллетристах своей «Истории русской литературы» Скабичевский, имея в виду Н. В. Успенского и В. А. Слепцова, говорит: «в противовес идеалистически сентиментальному воззрению на народ беллетристов сороковых годов, во второй половине пятидесятых годов явились беллетристы, выразившие противоположное отношение к нему, которое мы назовем смехотворно-отрицательным». И дальше: «в громадном вопросе, требующем глубокого изучения, — вопросе о народном быте — Слепцов ограничился одною комической стороной, да и для нее он выбирал такие редкие, исключительные факты, которые имеют почти анекдотический характер». «Все, о чем пишет Слепцов, преисполнено комизма; вы хохочете, читая его повести». Плеханов, давший резко отрицательную критику вышеупомянутого произведения Скабичевского, указывает и на то, как плохо понял Скабичевский Слепцова (Соч., т. X, стр. 312).

[5] Стр. 429—433 у Левитова посвящены описанию ночи и раздающейся то тут, то там песни. Во многих местах на этих страницах встречаются подчеркнутые Плехановым места и заметки: «ночь», «песня», и, наконец, двумя чертами отмечено следующее место: «И ежели бы у какого-нибудь человека были такие хорошие уши, чтоб он сразу мог услышать, как вся степь отдыхает вечером, изнывая над своей песней, то он, как разбитый громом господним, в одну секунду бы умер, захлеснутый первой волной того беспредельного моря всяких бед и печалей, из которых сложилась она» (стр. 430).

[6] На стр. 526 Плехановым отмечено чертой следующее место: «Ах ты, степь моя, степь, по песне Моздовская! Не одними только камышами заросла ты дремучими. Не одни они только седыми, хмурыми тучами темнят твой широкий простор, — темнят его, всего больше, дикие думы твои, разросшиеся в твоей недосягаемой глуши громаднее и темнее лесов самых темных... Пугают они и тоску на душу свежего человека наводят такую, какой не навести на нее самому мрачному, самому одинокому, безлюдному месту...» На полях этому месту соответствует заметка Плеханова: «Отношение Aufklärer'a [просветителя]».

[7] На стр. 528 отмечено следующее место: «Иду я, — и со мною вместе идет безотвязная дума о мысленном убожестве этой прекрасной стороны. Южная, темная, как глаза красавицы, ночь примирила меня с необходимостью ночевать в поле. В ее, так выразительно молчащей, тиши необыкновенно ясно и последовательно развивается эта дума, тихо скорбит и вместе надеется, что, наконец, по всей неоглядной ширине разольется благодетельный свет живых мыслей и знаний, который неминуемо поставит угрюмого, печального человека этой стороны в полное согласие с ее веселой, цветущей природой».

[8] На стр. 533 находим следующую. отмеченную Плехановым, характеристику мужика: «ежели бы, т. е. так глуп не был наш степной народ, — продолжал Максим Петрович, — хороший был бы народ, потому добр уж очень. Ведь вот теперича вас ночевать не пустили, а ежели бы пустил кто и увидал, что все благополучно, ни единой копейки с вас ни за ужин, ни за ночевку не взял бы, потому бога помнит и всякую нужду по себе знает».

[9] На стр. 536 мальчишка, высеченный отцом за то, что повел себя не так «как надобно дворовому мальчишке обходиться с господами», признается: «Дворовый!.. и я стал с этого времени человеком, потому что вся грудь моя закипела тогда той непримиримой, никогда не прекращающейся злобой, которая сделала хрипучим и шипящим мой, некогда звонкий, голос, и от которой избавит меня только темная, навсегда мирящая людей друг с другом, могила».

[10] Хвастающегося своим богатством старика Левитов описывает следующим образом: «Словно высеченный из гранита древним миром бог, сидел волосатый, седой старик под образами и величаво говорил».

[11] «Власть земли» — выражение, принадлежащее Г. Успенскому, озаглавившему так целую серию своих рассказов (Соч., Спб., 1897, т. II).

На стр. 655—656 речь идет о развращающем влиянии все больше и больше внедряющегося в деревенскую жизнь капитала. Плехановым подчеркнуто на стр. 655 следующее место: «Таким образом, в несколько лет мужицкая семья меняет свои крепкие, сельские нравы на изнеженные нравы горожан, и, вместе с этой переменой, неприметно тает и деревенское хозяйство, собираемое целыми десятками лет. В такой семье начинает примечаться нечто такое, чего нельзя увидеть ни в одном мужицком семействе, оставшемся верным дедовским привычкам, то-есть труду, умеренности, строгому порядку в жизни и т. д.».

* — государство будущего. — *Ред.*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. БЫСТРЕНИНА «ЖИТЕЙСКИЕ БЫЛИ»

Рецензия Г. В. Плеханова на книгу Быстренина «Житейские были» была опубликована в майской книге журнала «Новое слово» за 1897 г. (№ 8). Так как она была помещена среди анонимных рецензий, без подписи, то до сих пор авторство ее не приписывалось Г. В. Плеханову. В настоящее время оно устанавливается с несомненностью, благодаря наличию в плехановском архиве рукописного оригинала той же статьи, подобранного из разрозненных листов и полностью совпадающего с печатным текстом. После выяснения авторства Плеханова рецензия на книгу Быстренина была опубликована в 1931 г. в журнале «Литературное наследство», № 1, стр. 49—53 и перепечатана в 1933 г. в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик», стр. 39—45.

В. БЫСТРЕНИН [1]. *Житейские были. Очерки и рассказы. М., 1895, ц. 1 р.*

Каждому нашему сознательному действию предшествует известное волевое движение, а всякое данное волевое движение определяется

целым рядом условий, коренящихся в состоянии нашего организма или во внешних влияниях на него. Одни из этих условий способствуют данному движению воли, другие препятствуют ему. Поэтому каждое такое движение является результатом целой алгебраической суммы условий. Процесс их суммирования совершается более или менее быстро и отражается в нашем сознании в виде борьбы различных чувств или взвешивания различных доводов в пользу данного действия или против него. Окончание процесса суммирования сознается нами как торжество известного чувства или довода, за которым следует решение поступить так, а не иначе. Когда художник хочет изобразить психологию отдельного поступка или целой цепи поступков, он воспроизводит именно этот *сознательный процесс* борьбы различных чувств и доводов. Если воспроизведение удачно, то мы приобретаем твердое убеждение, что герой непременно должен был действовать так, как его заставил действовать художник, а если оно бледно и неполно, то развертываемая перед нами психологическая картина не убедительна. Большая или меньшая степень этой художественной убедительности зависит от размеров художественного таланта. Иногда художник и сам чувствует, что ее маловато в сделанном им изображении. Тогда он спешит указать причины, вследствие которых его герой не мог вести себя иначе. Но такая аргументация не поправляет дела. Мало-мальски опытный человек сейчас же видит, что автор вообще не может справиться со своей задачей или еще не приобрел того уменья, той технической сноровки, без которой трудно использовать все природные силы таланта. И чем скорее художник отделается от дурной привычки *доказывать* там, где надо *рассказывать*, *рассуждать* там, где надо *рисовать*, тем лучше будет и для него самого и для его читателей.

Эти мысли пришли нам в голову при чтении книги г. Быстренина, название которой выписано выше. Талант его невелик, да невелико пока и уменье пользоваться тем, что ему дала мать-природа. Когда г. Быстренин чувствует, что ему изменяет художественный талант, тогда он зовет на помощь силу логики, которая нередко изменяет ему еще коварнее. В очерке «На мирских хлебах» у него фигурирует подкидыш Васька, который уже в раннем возрасте обладает способностью составлять «обширные планы» для борьбы за свое существование. Нет ничего удивительного в том, что ребенок, никогда не испытавший заботливого родительского ухода, очень рано привыкает рассчитывать только на себя и потому становится смелее, настойчивее и самостоятельнее своих, воспитанных в семьях, ровесников. Но г. Быстренин боится, что мы усомнимся в этой старой истине, и потому спешит привести в ее пользу несколько новых соображений. «Пусть Васька был круглым невеждой, — говорит он между прочим, — но жизненный инстинкт, способность приспособления и даже хитрость были развиты в нем весьма сильно. Может быть, это было влияние наследственности, потому что мать, вынужденная бросить ребенка, понятно, пережила до этого времени целый ряд потрясающих ощущений, и ощущения эти вошли в его плоть и кровь» (стр. 117).

Этих соображений нельзя назвать удачными. Что женщина, которая тяжелыми обстоятельствами была принуждена забросить, как щенка, своего собственного ребенка, пережила много потрясающих ощущений еще до его рождения, это не подлежит ни малейшему сомнению. Но решительно непонятно, почему эти пережитые ею тяжелые ощущения должны были отразиться на характере ребенка в виде «хитрости» и «способности приспособления». По всему видно, что г. Быстренин вспомнил о «наследственности» по той простой, но печальной причине, что характер его героя ему самому показался невероятным. А между тем невероятного в характере Васьки ничего нет. Васька просто страдает *недоделанностью*, вследствие которой он только частью выступает как живое лицо, частью остается неодушевленным рассуждением на данную психологическую тему. Недоделанностью страдают решительно все герои г. Быстренина. Поэтому в их действиях совсем нет внутренней необходимости. Так, например, в очерке «Судьба» рабочий Гордей Иваныч рассказывает, как он влюбился в одну девушку, которая вела прежде нехорошую жизнь, но сильно страдала от этого и даже покушалась на самоубийство. Прочитав этот рассказ, вы не подумаете, конечно, что Гордей Иваныч лжет; вы поверите ему, так как не имеете ни малейшего основания не верить. Но у вас не явится и убеждения в том, что это непременно так было. Впечатление, производимое рассказом Гордея Иваныча, остается слабым и неопределенным.

Подобное же неопределенное впечатление производит и набросок «Святая ночь», хотя он написан несколько лучше. Накануне праздника пасхи к сельскому учителю Матвею Николаевичу возвращается его жена, за несколько лет перед тем убежавшая с начальником соседней железнодорожной станции. Ее появление вызывает в нем мучительную борьбу противоположных чувств. С одной стороны, в нем кипит злоба человека, много настрадавшегося в одиночестве и вдобавок твердо убежденного в том, что измена жены марает «доброе имя» мужа. Ему хочется прогнать ее, «послать ей в догонку позорный, заслуженный ею (sic!) эпитет». С другой стороны, он невольно жалеет ее: она выглядит такой униженной и несчастной. Выйдя из дому, чтобы собраться с мыслями, Матв[ей] Ник[олаевич] попадает на могилу своего ребенка, родившегося еще в первый год его брачной жизни и скоро умершего. Там он находит носовой платок своей жены, которая, очевидно, уже успела навестить им обоим дорогую могилу. Сначала это неожиданное обстоятельство еще более усиливает царивший в его голове хаос противоположных мыслей. Но раздается удар колокола, зовущего верующих к торжественной пасхальной заутрене, и в умиленной душе Матвея Николаевича разом воцаряется мир и к человекам благоволение: он бежит христосоваться с женою, «увлекаемый какой-то неведомой силой». И это, разумеется, очень хорошо. Когда г. Быстренин сообщает вам об этом, вы от души рады и за доброго, хотя неразвитого, учителя и за его бедную Елену Ивановну. Но ни «святая ночь», ни могилка, ни мокрый платок, ни даже жалкий вид измученной Елены Ивановны не внушают вам достаточного убе-

*

ждения в том, что Матвей Николаевич непременно должен был помириться с нею. Если бы г. Быстренин сказал вам, что его герой окончательно рассвирепел, когда убедился, что женщина, «заслужившая позорный эпитет», позволила себе осквернить своим присутствием могилу его ребенка, и, подстрекаемый «какой-то неведомой силой», вытолкал бедную Елену Ивановну в шею, то вы поверили бы и этому, хотя и заметили бы про себя, что такая развязка очень легко могла бы совершиться и в обыкновенную ночь. А затем вы сейчас же и забыли бы о непримиримом Матвее Николаевиче, как позабудете теперь о Матвее Николаевиче, умилившемся по случаю «Святой ночи». Это плохой знак. А мы взяли далеко не слабейшие произведения г. Быстренина. Вот в рассказе «Добился» дело обстоит еще хуже. Там выведен кулак, неизвестно почему вдруг почувствовавший, что «так жить нельзя», и решившийся покорить своею внезапною добродетелью тех самых крестьян, которых он прежде покорял рублем. Крестьяне крайне скептически относятся к его нравственному возрождению: «Так и поверили, говорят они, ишь дураков нашел, чорт зубастый, живорез». Мы понимаем этот скептицизм. Мы сами *не верим*, мы сами считаем совершенно ничем не обоснованным нравственный переворот, пережитый героем рассказа «Добился». Г-н Быстренин уверяет, что его герой «является не более как одним из мучеников разлада, внесенного общим движением жизни в ту среду, которая по справедливости зовется темным царством» (стр. 277). Может быть: но мы совсем не видим, каким образом этот разлад коснулся души его героя, а потому весь рассказ производит на нас очень неприятное впечатление выдуманности и неестественности. А при других условиях он имел бы большой интерес, потому что, действительно, «общее движение жизни», ломая наши старые экономические порядки, ломает также и некогда твердые взгляды людей, внося беспокойство и разлад туда, где еще недавно царили тишь да гладь да божья благодать. У г. Быстренина есть «этюд из крестьянской жизни» под названием «Вора поймали!» Крестьяне схватили конокрада, темной осенней ночью забравшегося на двор к одному из них. Связав ему руки, они толкуют, как поступить с ним. По старому обычаю его следовало бы «пришибить», как злого разорителя. К этому и склоняются «хозяйственные», зажиточные крестьяне. Но бедняки не согласны с этим. «Не ладно эдак-то, — кричит Ефим Борона, одетый не то в рваный пиджак, не то в бабью кофту — отчего Пашка вор? Тоже надо это постигнуть!.. У него жена хворая, да трое ребятишек, а надел-то какой? Летом, как землю делили, зачем у него полторы души взяли? Ну-ка, умная голова, объясни мне эту самую причину? То-то и есть! У Пашки-то взяли, а тебе, Демьяныч (тот самый крестьянин, у которого на дворе поймали Пашку), прирезали, потому ты старикам угощение выставил», и т. д. (стр. 158). После жестокой взаимной брани и бесконечных взаимных обвинений вора отпускают целым и невредимым на все четыре стороны, и, когда он пускается бежать со всех ног, его защитник, оборванец Борона, заливается добродушным смехом: «Ах, ты, проворный какой! Вишь обрадовался и не притворил двери-то... Ахти, грехи наши тяжкие!.. Ну, что ж, можно, чай, и по домам?» (стр. 166). Согласитесь, что это очень интересное нравственное явление, внесенное в нашу крестьянскую среду «общим движением жизни», так называемым *расслоением деревенского населения по различным степеням зажиточности*. Если бы Пашка имел дело с одними «хозяйственными» крестьянами, то ему пришлось бы плохо. Его спасло сочувствие бедняков, которые не могли не припомнить при этом, как много приходится терпеть им всем от «хороших» домохозяев. Они начинают разбирать, почему Пашка сделался вором, и вместо бесчеловечного приговора является гуманное решение, — это уже очень яркий луч света в некогда совершенно темном крестьянском царстве. Если бы наши беллетристы, изображающие народную жизнь, сумели совершенно отделаться от народнических предрассудков, то они, наверное, увидели бы много подобных явлений, которые мало-помалу совершат целый переворот в психологии нашей трудящейся массы. Но, к сожалению, эти беллетристы пока еще охотнее созерцают зрелище смерти, чем рожденья, охотнее изображают гибель старого, чем появление нового; их взоры прикованы к прошлому, а к будущему они упорно поворачиваются спиною.

Этюд «Вора поймали» есть положительно лучший из всех «этюдов», «набросков», очерков и т. д. г. Быстренина, хотя и он не чужд недостатков, свойственных этим очеркам. Г-н Быстренин хорошо сделал бы, если бы почаще брался за подобные этюды. От этого его талант выиграл бы гораздо больше, чем от литературных упражнений, подобных «фантазии Es-moll». В этой «фантазии» чересчур уже много той *фантазии*, которая близко граничит с *чертовщиной* и которая ни к чему хорошему не приводила даже и очень талантливых писателей. Мы уже не говорим о том, что в ней очень силен элемент *подражания*.

Все это мы говорим вовсе не потому, что какая-нибудь «неведомая сила» заставляет нас придираться к г. Быстренину. Мы совершенно искренно желаем ему большого успеха в будущем. Его талант невелик, но, во-первых, мы небогаты даже и небольшими талантами; во-вторых, и небольшой талант может и должен совершенствоваться; в-третьих, и с небольшим талантом, особенно при разумном употреблении его в дело, можно принести много пользы читающей публике; нужны только добрая воля да уменье выйти на настоящую дорогу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Быстренин*, Владимир Порфирьевич (род. 1856) — беллетрист и публицист. Печататься начал в 80-х годах в провинциальной пензенской прессе. В 90-х годах был сотрудником разных журналов и газет. Некоторые его произведения вышли отдельным изданием.

Являясь продолжателем традиций народнической беллетристики, Быстренин свои реалистические «очерки», «этюды», «наброски» и прочие мелкие повествовательные произведения почти всецело посвятил изображению наиболее мрачных, часто переходящих в уголовщину, элементов деревенского быта и жизни всякого рода «захудалых людишек» захудалого уездного городка. Слабые в художественном отношении рассказы Быстренина, ныне совершенно забытые, пользовались, однако, у читателей 90-х годов известной популярностью.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА К СТАТЬЕ: «НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ. Н. И. НАУМОВ»

Данная публикация представляет собой постраничный разбор двухтомного собрания сочинений Н. И. Наумова, вышедшего в С.-Петербурге в 1897 г. Этот материал был использован Г. В. Плехановым для его статьи: «Н. И. Наумов», опубликованной под псевдонимом «Н. Каменский» в «Новом слове» 1897 г., № 5 и вошедшей в 1905 г. в сборник статей Г. В. Плеханова «За двадцать лет», в серию «Наши беллетристы-народники» (Соч., т. X).

Публикуемый материал написан рукой Плеханова, чернилами, в тетради, где он занимает $8^1/_2$ страниц, т. е. 5 листов, из которых 4 исписаны с обеих сторон.

Экземпляр разбираемого издания с пометками Плеханова сохранился в его библиотеке.

Н. И. НАУМОВ[1]. *СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ*

В рассказе «Поскотник» автор, сообщив устами героя какой-нибудь факт, спешит подтвердить его ссылками на «*истинные происшествия*». А Поскотник-то добрый: говорит, — для меня ласка-то дороже горы золота (ч. 1, стр. 52). Эта нота заслуживает внимания в сочинениях Наумова. У него цель: показать нам, что и в жулике и даже каторжнике есть «человек». Может быть, это и нужно было для нас когда-то: может, некоторым и теперь нужно, как нужна была, может быть, слезливость карамзинской школы для смягчения нравов наших дедушек и бабушек.

Характеры кулаков рисуются посредством диалогов: автор откуда-нибудь едет, заезжает случайно к кулаку и начинает задавать ему ряд наивных вопросов вроде: см. т. 1, стр. 65 [2]. В разговорах и с кулаками и с бедняками оказывается, что экономической причиной кулачества является *натуральное хозяйство*. На стр. 65—66 (ч. 1) это видно из слов кулака, а на стр. 54—55 то же самое видно из слов ямщика [3]. Выходит, что мы страдаем от недостатка капитализма и что этим недостатком развития капитализма обусловливается господство капитала в самой гнусной его форме. А народники идеализируют натуральное хозяйство. Выходит, что Бельтов прав, упрекая народников и субъективистов в поддержании гнуснейших видов капитализма [4].

Прибавим еще. У Наумова собственно 2 героя: порок и добродетель, причем добродетель убеждена, что у порока бездна ума. См. т. 1. стр. 56 [5].

Все герои Наумова «с иронией произносят». См. т. 1, стр. 69, см. в «Поскотнике», см. также т. 1, стр. 71, см. что говор[ит] голова об обязан[ностях] настоящего мужика [6].

Один из часто повторяющихся вопросов автора: неужели все это правда, что ты (или вы) говоришь (имя рек), см. т. 1, стр. 72.

Добродетельный голова Флегонт Дмитрич гремит: Мужик для них разве человек, разве они понимают [што в нем такая же душа, как

и в них? Они скотину свою, сударь, более ценят и дорожат ею, чем рабочим] *.

Стр. 93—96 (I том) — мастерски написанная сценка.

Стр. 79. Каторжник — тоже человек. (Это все I т.)

Стр. 153, предыдущие и последующие — длиннейшая сцена расчета за постой.

См. стр. 153. Если бы «такой» мужик в «наших» местах, его бы съели. ⟨Кулак⟩. Порок отделен пропастью от добродетели.

Стр. 154, ср[авни] рассуждения кулака, который, однако, на стр. 157, по поводу слова «грабь», кричит: милый, зачем энти слова! [7]

В очерке «Паутина» не мало интересных сведений о быте и нравах приисковых рабочих, но жаль, что это — «сцены», а не простая *статья*.

Эти-то длиннейшие сцены и нравились: в них кулаков ругают *аспидами* и проч.

191. «Хождение на белку» [8] и крестьянская добродетель.

Хорошенькая вещица — «Последнее прости». Тут действительно творчество, хотя и тут подскоблить бы не мешало: рассудочность, мораль, назидание и тут проявляются: один ребенок спал тихим [безмятежным] сном, [приникнув к груди плачущей] Федосьи. Этого бы и довольно, но г. Наумов спешит пояснить: один он не понимал [всей горечи понесенной им утраты] **.

Слог: доказывало об отсутствии, стр. 196.

По мнению Наумова, меткий сарказм составляет чуть ли не отличительное свойство русской натуры (1, 199). Это так, сарказма не мало в речах русского крестьянина. Но не хорошо, что на этом основании у Наумова герои чуть не каждое слово «*произносят с иронией*». См. массу примеров.

1, 222. Бывший кулак говорит: «умом меня бог не обидел [и сметкой не обделил: уж очень я на все был проворен, где что стащить лучше меня мастера не было, всех купеческих детей перещеголял в этом качестве; ради потехи, бывало, в глазах у хозяина деньги стащу. Много тешил я гостинодворскую публику своим проворством, но этого было мне мало. Когда я стал в лета входить, разуму набираться, то захотелось мне до всего своим умом дойти, и спознал я в те поры грамоту, сам собой спознал ее и полюбил ее не в пример прочим. Попадается, бывало, мне книга какая, так я ночи не просплю, а прочту ее. И хозяин, и прочие купцы не надивились — откуда мне такой талант ниспослан»] ***. Автор соглашается.

---

* В рукописи сказано: «Мужик для них разве человек, разве они понимают и т. д.» Цитата находится на стр. 74-й I-го тома Собрания сочинений Н. И. Наумова. — *Ред.*

** Цитата находится на стр. 195; фраза: «один он не понимал всей горечи понесенной им утраты» подчеркнута. В рукописи цитата с пропусками, после слов: «он не понимал» стоит: «и т. д.». — *Ред.*

*** В рукописи сказано: «умом меня бог не обидел и т. д.» Цитата находится не на стр. 222, как указано в рукописи, а на стр. 202, где она отмечена сбоку вертикальной чертой, а за ней на полях Плехановым написано и подчеркнуто: «Заметить». — *Ред.*

Стр. 209: «с иронией» в 2-х местах.

212. — Насмешки деревни над беднотой.

213. — Мотивы творчества Наумова [9].

219. — Опять бессердечное отношение деревни к бедноте.

222. — Яшник робеет от ласки — все это надо сказать читателю, всего этого читатель еще не знает.

225. — «Люди ли вы, — кричит Яшник, — за что вы тиранствуете надо мною [што я сделал вам?]... * От этого — «люди ли вы» — веет Карамзиным.

Рассказ «Яшник» очень плохой рассказ, от него пахнет какой-то почти искусственной слезливостью.

«Паутина» — страшно растянута.

Наумову хорошо удаются «сцены» в собственном смысле, *описания*, напр[имер], начало очерка «У перевоза» *великолепно*. Бесталанным Н[аумова] назвать нельзя. Писатель умеет уже внимательно смотреть на народ и смотрит на него с интересом, но еще *не умеет говорить* и думать за него.

Обратить особое внимание на рассказ: «*Зажора*», а там о разделении труда: мужики говорят, им думать не полагается.

340 стр. Отношение к казне [10].

Чем не «народ» кулак Петр Матвеевич? И шутки вполне в народном вкусе, и песенки он напевает народные же.

344 стр. Роль богатства в народной жизни [11].

Стр. 393. Значение натур[ального] хозяйства в быту мужика [12].

355. «Своим умом худо жить».

«Юровая» написано довольно живо. Сцена, когда кулак хохочет до слез над смирившимися крестьянами, положительно *живая* сцена (стр. 355 внизу).

376. Нелепые вопросы Наумова: «неужели [исключительно для торговли вином они и ездят в город?»] **.

431. Значение натурального хозяйства и податей в крестьянском быту [13].

450. Когда «надоть» говорить [14].

«Горная идиллия» — «если бы описать».

«Крестьянские выборы» — страшные длинноты.

Второй том.

Деревенский аукцион. «Сделай милость, бедность, а!» Эта «бедность» только что хотела поживиться на счет другой, на этот раз уже непритворной бедности. «Нагревшийся» Хорин кричит: «да будь они прокляты, все эти кционы». Не нагревшись, он этого не сказал бы.

60 стр. Опять нелепый вопрос: да правда ли это?

74—75. Обратить внимание на психологию кулака из *крестьян* [15].

«Погорельцы» — довольно живо написанная вещь.

87. Насмешки крестьянина над бедностью своего же брата.

* В рукописи после слов: «надо мной» стоит: «и т. д.». — *Ред.*

** В рукописи сказано: «Неужели и т. д.». — *Ред.*

«Один из способов сближения с народом», — это уж почти анекдот обличительного содержания, но не лишенный значения как черта нрава.

Стр. 146. Действующие лица часто выражают свои чувства, как плохие актеры в мелодрамах. Это не только на стр. 146.

150. Недурно умиление кулака, молебен и оделение нищих грошиками.

В рассказе «Фургонщик» много юмору (ср. стр. 176—177).

179. Характерное рассуждение насчет «бунта» [16].

227. Печальная среда, которая, в ответ на все притеснения, умеет только бить себя по бедрам, восклицая: «а-а-ах!» или — «есь ли бог-то у тебя?»

324. Нелепый вопрос: А ты не врешь все это? а?

Наумов — чиновник; его сердце надрывается, и он все служит: см. начало «Эскизов без теней» [17].

330. Семейный быт у крестьян.

331. Ирония — отличит[ельная] черта сибирского мужика. Оттого-то у Наумова все и говорят «*с иронией*».

333. Добродетельный «раб Божий Иван», и отношение к нему крестьян [18].

338. *Жестокость.*

Иногда у Наумова рассказчик из крестьян выражается совсем «по интеллигентному» и только время от времени вставляет в свою речь слова вроде «слышь», «лонись» и т. д., как бы напоминает читателю, что он, рассказчик, — крестьянин.

377. Какие поучения выводит Наумов из приводимых им фактов [19].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Наумов*, Николай Иванович (1838—1901) — писатель-народник. Изображал главным образом жизнь сибирских крестьян и приисковых рабочих. Идеализируя крестьянство, он в мрачных красках рисовал кулаков, их бессердечие и жестокую эксплоатацию. Однако смотрел на кулаков, как на явление легко устранимое и объясняемое «неразумением» крестьян.

[2] На стр. 65 Плехановым отмечен следующий вопрос автора кулаку: «Если вы сознаете, Кузьма Терентьевич, что подобное ремесло, которым вы занимаетесь, и тяжело, и опасно, так отчего же не оставите его, чтоб не испытывать более таких трудов и опасностей, а?»

[3] На стр. 65—66 кулак на вопрос «Разве у вас в селе никто хлебопашеством не занимается?» — отвечает: «Кое-кто и сеются, есть, а нам не к чему-с. Мало ли окрест нас сел и деревень хлебопашество-то ведут, в хлебе-то по уши зарылись, а все нищие, все около нас же колотятся. Куда вы его сбывать-то будете? У иных вон есть хлеб-то в скирдах по пяти, по шести лет стоит, а у него бродней купить не на што, штобы от холоду оборониться. Вот и сейте его. Нет, не дело это, сударь. Сколь ни опасен наш промысел, а все он прибыльней».

На стр. 54—55 ямщик на вопрос: «Отчего же вы маетесь?» — отвечает: «И хорошие, брат, места у нас, да глухие. Суди сам: теперича в урожайный-то год хлеб-то хошь даром отдавай, так никто не берет у тебя, вот оно дело-то. А подать-то не ждет, по хозяйству тоже без гроша клина не вобьешь, а где их, грошей-то, брать прикажешь? И отдаешь все задаром, да еще накланяешься, только возьми Христа ради. Ну, у кого лошадей много да во времени избыток, нагрузит воза да в Т... город везет, ему и выгода, и богатеет, а нашему-то брату не сподручно это, потому и лошадушек намаешь, и время-то тебе терять не доводится».

[4] Плеханов имеет в виду свой труд «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедший в 1895 г. в легальном издании под псевдонимом «Бельтов».

[5] В опубликованной статье о Наумове Плеханов говорит, что у Наумова два героя: эксплоататор и эксплоатируемый (Соч., т. X, стр. 116). На стр. 56 крестьянин говорит о кулаке: «Ума этого у него в три беремя не облапишь».

[6] На вопрос кулака: «А какой же облик-то богом заповедано мужику носить?» — голова отвечает: «Жить по чести, в радении друг о друге, добывать себе хлеб в поте лица».

[7] На стр. 154 кулак в ответ на заявление мужика, что у них денег нет, зато есть совесть, отвечает: «У нас о совести-то энтой и попеченья не кладут, потому, сказывают, што хлеб-то на деньги продают, а на совесть-то его не вешают... Ну, и точно, чего сказать, по нашим местам все грешны перед богом, уж праведного не сыщешь... По энтому самому у нас и щи-то приправляют не молитвой, как у вас, а мясом... Так и живем вот все во грехе, полегоньку, не мотая слез на кулак, а праведных-и-и-и... не ищи лучче, в заводе нет...»

[8] Под названием «ходить на белку» был известен практиковавшийся в Сибири промысел крестьян, живущих в деревнях и селах, близких к приискам, состоящий в грабеже и убийстве золотоискателей, возвращающихся с приисков.

[9] На стр. 213—214 Плехановым отмечен большой абзац, где автор перечисляет печали и радости маленьких, «ничтожных людей», бедных крестьян, жалуясь на интеллигентного читателя, у которого они не встретят сочувствия, а только утомят и насмешат его (см. эту цитату в статье Плеханова — Соч., т. X, стр. 114).

[10] Старосте, пришедшему с купцом, чтоб помочь ему получить от крестьянина невозвращенный долг, крестьянин говорит: «Ты подушну-то спрашиваешь, вздоху не даешь... есть чего отдать, аль нет, а разорвись, да выдай. Пушшай уж казна берет, ну-у, божье попущенье. За што ж исшо купцы-то наезжают грабить нас, а?..»

[11] На 344 стр. говорится о том, что о сходке, назначенной в волости, оповестили всех крестьян, кроме самых бедных. «Все знали, — говорит автор, — что они придут и без повестки потолкаться в толпе, послушать, о чем говорят более зажиточные, и потом поднять вверх правую руку, утверждая этим принятым в быту их жестом то мнение, которое установит меньшинство их. В этой бедной, забитой жизни капитал играет еще бо́льшую роль, чем где-либо, подавляя всякую правдивую мысль, если она родилась в уме бедняка, одетого в оборванный полушубок и такие же бродни».

[12] На стр. 353 Плехановым отмечено место, рисующее переходный момент от натурального хозяйства к торговому: крестьянин отказывает себе в хлебе, рыбе, которые он продает, потому что ему нужны деньги и много денег, чтоб и «подушную справить» и «по домашности дыры заткнуть». Но и деньги не легко достаются крестьянину. Он унижается перед кулаком, молит взять у него товар, готов отдать его за бесценок, ибо в город его везти еще убыточнее.

[13] На стр. 431 речь идет о всяких способах безнедоимочного сбора податей, всегда отдающих большую половину населения деревень и сел в полную зависимость от зажиточных людей, которые, внося за неисправного плательщика подать, становятся хозяевами над его личным трудом и продуктами его хозяйства. Благодаря этому, крестьянин никогда не может иметь избытка, который он мог бы с выгодой продать.

[14] «Говорить-то надоть, — учит кулак крестьянина, — когда за каждое слово заплатить можешь, а коли исшо денег в обрез, и молчи».

[15] На стр. 74 и дальше в диалоге между разбогатевшим крестьянином и приехавшими к нему за покупкой скота соседями-погорельцами вырисовывается психология кулака из крестьян. Он не только не выражает никакого сочувствия своим попавшим в беду собратьям, но не упускает случая поиздеваться над ними, похвастать своей силой и властью, сказать им в назидание, что и он был бедняком, а вот разбогател благодаря своему уму, таланту, труду и — под видом благодеяния — умудряется продать им мелкий, идущий в брак, скот и завербовать за собою на весеннюю пору и сенокос их рабочие руки.

[16] На стр. 179 Плехановым подчеркнуты следующие слова о генерале Кутузове: «...кабы не он, так мы может теперя во французской бы вере были и все бы бунтовались... А он вот не попустил, смирнехонько живем по старым заветам...»

[17] «Эскизы без теней» начинаются следующими словами автора: «В последних числах октября 188... я выехал из города М... в село К... для открытия действий окружного по воинской повинности присутствия по призыву на службу молодых людей. Обязанности эти для меня были уже не новы. Я знал, что увижу при исполнении их много комичных сцен, которые в состоянии вызвать хохот у самого сумрачного ипохондрика, но много увижу и таких сцен, которые надорвут душу своим безысходным горем и долго, долго потом будут жить в памяти, угнетая ее, как тяжелый, виденный когда-то сон».

[18] Замечание относится в действительности не к «рабу божию Ивану», а к его сыну Осипу Иванычу, убежавшему на прииски от богатого отца, хотевшего женить его против воли. Богатырь, «всему делу голова», он нравом тих, как дитя. Стоит только ему получить расчет, как все до последней копейки раздаст подстерегающим этот момент и выманивающим у него деньги крестьянам. Стоит же ему только напиться, как эти самые крестьяне «разденут его, как есть до нага, вывезут за околицу да и бросят где-нибудь в логу, как падаль...»

[19] Плеханов имеет в виду следующие слова Наумова: «Освоившись с местными условиями хозяйства, приобретя лошадь и необходимые для пахоты и хозяйства орудия, переселенцы, при своем замечательном трудолюбии, быстро оправляются в Сибири. Но для того, чтоб спасать их от кабалы у местных кулаков, различных кабатчиков и проходимцев мещан, внедряющихся на жительство в их поселки с целью эксплоатации их, им необходимо оказывать на первых же порах по прибытии в Сибирь пособие. Во-время и разумно оказанная помощь сохранит их силы от преждевременного надлома и спасет, может быть, не одну жизнь от преждевременной могилы».

РАБОТЫ О ТОЛСТОМ

Настоящая публикация содержит то немногое, что сохранилось в плехановском архиве из работ Плеханова о Толстом. Интерес к Толстому, оживившийся после его смерти, был использован контрреволюционной буржуазной интеллигенцией для противопоставления «толстовства» революционному движению пролетариата и крестьянских масс. Плеханов принимал активное участие в борьбе против этой «толстовской» кампании. Ленин в январе 1911 г. писал по этому поводу М. Горькому: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в Ц. О. (следующий номер), я в «Мысли»... В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16. XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова с *пошлым* примечанием, за которое мы уже обругали *ре'дакцию*» (Соч., т. XV, стр. 57). Ниже мы печатаем мысли и заметки Плеханова о Толстом, которые использованы им при написании упоминаемой Лениным статьи «Карл Маркс и Лев Толстой», напечатанной 26 января 1911 г. в Ц. О. партии «Социал-демократ», а также заметки Плеханова, использованные в упоминаемом Лениным фельетоне Плеханова о Толстом под названием «Отсюда и досюда», напечатанном в № 1 «Звезды» от 16 декабря 1910 г.

Интерес к Толстому за границей нашел свое отражение в обращении «Neue Zeit» к Плеханову с просьбой написать статью о Толстом. Переписка Плеханова и Каутского, опубликованная в сборнике «Группа Освобождение труда», № 6, говорит о том, что Плеханов отослал в «Neue Zeit» статью «Смешение представлений» в половине декабря 1910 г. (см. письмо № 72). Однако печатание ее было отложено, ввиду помещения в журнале полученной раньше статьи Ш. Раппопорта. Надо думать, что именно эту статью Плеханов и отослал в журнал «Мысль», напечатавший ее в декабре 1910 — январе 1911 г. Мы печатаем первоначальную редакцию этой статьи, носящую более или менее цельный характер, на первом месте.

Вторая публикация представляет собой заметки, вызванные чтением некрологов о Толстом в газете «Киевская мысль», использованные в статье «Отсюда и досюда» («Звезда», 1910, № 1), и постраничный разбор книги «Какова моя жизнь», использованный в статье «Еще о Толстом» («Звезда», 1911, №№ 11—14).

В заключение помещены мысли и заметки Плеханова о Толстом, написанные на разрозненных листах и использованные при написании статьи «Карл Маркс и Лев Толстой».

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «СМЕШЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ»

Настоящая публикация представляет собой первоначальную редакцию статьи «Смешение представлений», опубликованной впервые в журнале «Мысль» № 1, декабрь 1910 г. и № 2, январь 1911 г. (Соч., т. XXIV, стр. 195—214). Рукопись

написана рукой Плеханова на небольших тетрадочных листах с одной стороны. Сохранившийся отрывок заключает в себе вместе с вариантами 68 страниц, из которых печатается 50.

СМЕШЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

(По поводу одной малоизвестной книги)

Есть очень поучительная, хотя, если я не ошибаюсь, мало известная книга, озаглавленная так: «*Спелые колосья*». — *Сборник статей, мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Л. Н. Толстого. — Составил с разрешения автора Д. Р. Кудрявцев.* Поучительность этой книги заключается в том, что она дает нам возможность видеть многие мысли Л. Н. Толстого in statu nascendi (в момент их рождения). Этим она разоблачает некоторые весьма серьезные недоразумения или, — как выражается сам Л. Н. Толстой, — *смешения представлений*. Я очень
2 советую читателю хорошенько ознакомиться | с этой поучительной книгой.

Л. Н. Толстой старается устранить в ней, между прочим, следующее «смешение представлений».

«Мы часто обманываемся, — говорит он, — тем, что, встречаясь с революционерами, думаем, что мы стоим близко — рядом.

«Нет государства!»

«Нет государства!»

«Нет собственности!»

«Нет собственности!»

«Нет неравенства!»

«Нет неравенства» и многое другое. Кажется все одно и то же.

«Но разница есть большая, и даже нет более далеких от нас людей».

«Для христианина нет государства, для них нужно уничтожить государство».

3 | «Для христианина нет собственности, а они сокрушить хотят собственность».

«Для христианина все равны, а они хотят уничтожить неравенство».

«Это, как два конца несомкнутого кольца. Концы рядом, не более отдалены друг от друга, чем все остальные части кольца».

«Надо обойти все кольцо для того, чтобы соединить то, что на концах» *.

Здесь верное перемешано с неверным. Но то, что здесь *верно*, крайне важно для решения поставленного гр[афом] Толстым во-
4 проса, а то, что | *неверно*, существенного значения не имеет.

Так, например, гр[аф] Толстой думает, что революционеры стремятся «уничтожить государство». Это верно только в применении к анархистам. А так как анархисты составляют ничтожное меньшинство в рядах революционеров нашего времени, —

* Назв. соч., стр. 69—70. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

если вообще можно признать их революционерами, чего я не думаю, — то выходит, что утверждение Толстого ошибочно. Ошибочно и то, что современные революционеры хотят «сокрушить собственность».

| Скажу больше. Кто привык мыслить ясно и отчетливо, тот даже и не поймет, что значит глагол «сокрушить» в применении к такому *общественному* учреждению как собственность, и несомненно, что революционеры наших дней в огромном большинстве своем, — т. е. опять за исключением анархистов, являющихся крайне сомнительными революционерами, — хотят не «сокрушить» собственность, а придать ей новый характер: заменить частную собственность на средства производства — общественною. «Сокрушение» | же собственности, — если понимать под ним насильственное уничтожение или порчу предметов, — всегда осуждалось и осуждается ими как вредное действие, свидетельствующее о бессознательности тех, которые его совершают.

Гр. Л. Толстой был, к сожалению, очень плохо знаком с современным социализмом. Это ввело его во многие ошибки. Но здесь это не существенно. Как бы ни были ограничены его сведения в указанной области, он чутьем великого художника открывал ту, совершенно неоспоримую | истину, что не было и не могло быть таких людей, которые стояли бы от него дальше, нежели современные социалисты... вернее, те из современных социалистов, которые до конца усвоили себе смысл своих собственных теоретических взглядов и своих собственных практических стремлений. Чутье обмануло его только в одном: оно подсказало ему довольно неточное сравнение. Ведь сам же он сказал: «нет *более далеких* от нас людей», а когда привел свой пример с несомкнутым кольцом, то у него вышло, что концы этого кольца *не более отда*[*лены* друг от друга, чем все остальные части кольца]*... | деле позабыли о неизмеримом расстоянии, отделяющем их взгляды от учения гр. Л. Толстого. И вы можете прибавить, что это случилось не только в России, а едва ли не во всем цивилизованном мире. Против этого я спорить и прекословить не буду: это так. Но не спешите торжествовать. Постарайтесь сначала выяснить себе, почему же это так случилось. И позвольте мне помочь вам в этом.

II

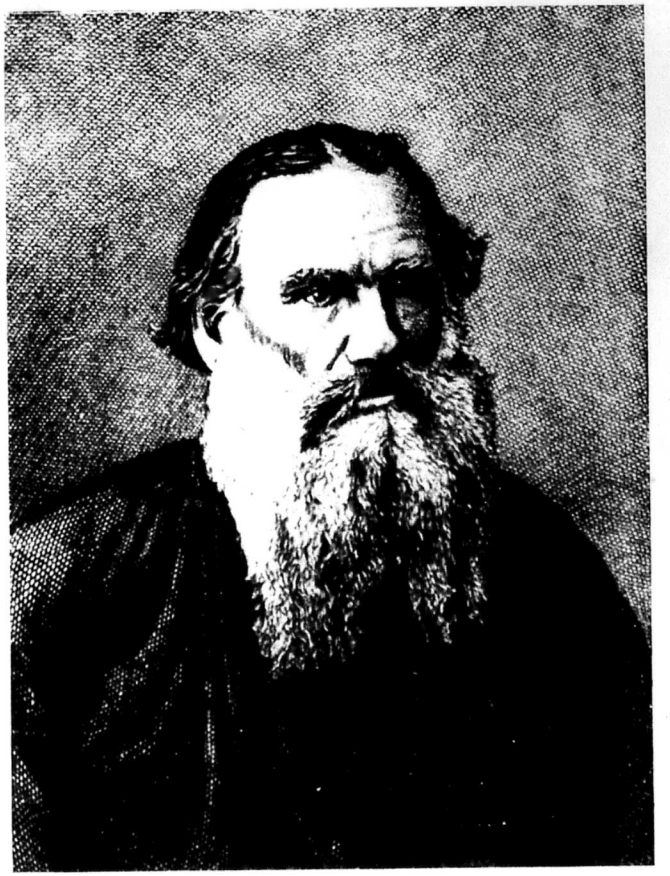
«Для христианина нет собственности», говорит [Толстой, — а они сокрушить хотят собственность]... **

* Слова Толстого процитированы здесь буквально по тексту «Спелых колосьев»; в опубликованной статье (Соч., т. XXIV, стр. 213) слово «не» заменено словом «но».

Стр. 8 не сохранилась. — *Ред.*

** Приводим вариант стр. 9:

«... деле позабыли о неизмеримом расстоянии, отделяющем их взгляды от учения Л. Н. Толстого. И к этому вы можете прибавить, что так случилось не



Л. Н. ТОЛСТОЙ

11 | Не признавая значения собственности для себя, нельзя, оставаясь последовательным, признавать ее значение для других. Это совершенно справедливо. А отсюда следует, что христианин не может освободиться от собственности ка[ким-нибудь «поступком»]... *

12 | Если это так, то я спрашиваю вас: что же мы должны думать о тех людях, — может быть, и вы были в их числе, — которые не переставали требовать от гр. Толстого «*поступка*», — вроде передачи им своей земли яснополянским крестьянам — и весьма огорчались тем, что от подобного «поступка» он воздержался?

Я утверждаю, что о таких людях можно сказать одно: *они не поняли гр. Толстого.*

А как он заботился о том, чтобы его поняли! Как он ста-
15 рался бы... ** | [«Я не говорю, что не надо действовать на других, помогать им, напротив, я считаю, что в этом жизнь. Но помогать надо чистым средством, а не нечистым — собственностью. Для того, чтобы быть в состоянии помогать, главное дело, пока мы сами не чисты, — очи]щать себя» ***.

Гр. Толстой старательно «очищал себя». С его точки зрения это представлялось и должно было представляться ему «главным делом». А от него ждали и требовали «поступка», совершив который, он изменил бы самому себе. Это ли не «смешение представлений»?

Мне возразят, разумеется, что гр. Толстой не «просто бросил» свою землю, а отдал ее своей семье, и воспоминание об этом поступке, противоречащем его взгляду на собственность, при-
17 чиняло ему большие нравствен[ные страдания]... **** | [вы]ручены от продажи некоторых, кажется посмертных, его сочинений на выкуп ясно-полянской земли для передачи ее крестьянам.

Я не знаю, справедлив ли этот слух, но знаю, что *если бы*
18 он был справедлив, то он означал бы не то,что... ***** | ...гр. Толстого не было какого-нибудь «смешения представлений»?

Вовсе не значит!

Ниже я покажу, что когда гр. Толстой закреплял ясно-полянскую землю за своими наследниками, он был значительно более

только в России, а едва ли не во всем цивилизованном мире, едва ли не везде, где говорили об уходе Толстого из Ясной поляны и об его смерти: а где же не говорили о них? Но что же из этого следует? Во всяком случае не то, что истина, почему-либо позабытая на более или менее продолжительное время, перестает быть истиной».

Стр. 10 не сохранилась. — *Ред.*

* Стр. 11 обрывается на полуслове. Дополняем ее по опубликованной статье (Соч., т. XXIV, стр. 202). Стр. 12 не является, таким образом, непосредственным ее продолжением. — *Ред.*

** Стр. 13 и 14 не сохранились. Начало цитаты и примечание на стр. 15 взяты из опубликованной статьи (стр. 202). — *Ред.*

*** Там же, стр. 159. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

**** Стр. 16 не сохранилась. — *Ред.*

***** Стр. 17 обрывается на половине. — *Ред.*

верен своему учению, чем это ему казалось впоследствии. Но это можно будет сделать, лишь рассмотрев предварительно выводы, логически вытекающие из того, — для гр. Толстого неоспоримого, — положения, что собственность есть фикция. Теперь же, пока, ясно одно:

19 | Сделанное гр. Толстым распоряжение о выкупе ясно-полянской земли доказывает не то, что его действия пришли, наконец, в согласие с его учением, а то, что он почувствовал себя нравственно вынужденным изменить своему учению.

Этого, я надеюсь, и доказывать не нужно; это должно быть само собою ясно для всякого непредубежденного человека... если только он способен к логическому мышлению.

Когда человек, умирая, завещает употребить в дело то сред-
20 ство, которое он же объявил *нечистым*, | то очевидно, что он разуверился, наконец, в правильности критерия, служившего ему для отличения нечистых средств от чистых.

Когда этот человек, умирая, хочет, чтобы крестьянам было передано в собственность известное пространство земли, то очевидно, что он перестал, наконец, смотреть на собственность, как на фикцию, существующую только для поклонников Мамона.

III

21 Мысль гр. Толстого не раз возвращалась к во|просу о собственности. Объявив ее фикцией, он признается: «Я все не могу себе уяснить, что она». Под влиянием этой неудовлетворенности своим собственным решением вопроса, он продолжает свой анализ и говорит, что собственность собственности рознь.

«Собственность, как она теперь, — зло».

«Собственность сама по себе, как радость на то, что и чем и как я сделал, — добро».

Стало быть, добро, это — так называемая *трудовая* собственность, созданная трудом собственника; а зло, это — собствен-
22 ность, созданная трудом другого человека. Тол|стой высказывается здесь как народник.

Его доводы не оставляют никакого сомнения на этот счет. Он говорит:

«Не было ложки, а было полено. Я подумал, потрудился и вырезал ложку. Какое же сомнение в том, что она моя, как гнездо этой птицы — ее гнездо, которым она пользуется, когда хочет и как хочет.

«Собственность же, ограждаемая насилием (городовым с пистолетом), — это зло.

«Сделай ложку и ешь ею, и то пока она другому не нужна, — это ясно» *.

* «Спелые колосья», стр. 154. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

23 Если же сделанная | мною ложка понадобится другому, то я должен уступить ему ее. Таков несомненный смысл слов гр. Толстого.

Но четырьмя страницами ниже мы в той же самой книге встречаем приведенное мною выше мнение гр. Толстого о том, что помогать людям «надо чистым средством, а не нечистым — собственностью». Как же понимать это? Остается предположить, что выражение: *«нечистое средство»* относится только к собственности, основанной на *чужом труде* и охраняемой *насилием*.

24 В пользу этого предположения можно привести | тот довод, что собственность, созданная трудом собственника, есть *добро* и что у нас нет логического основания, в силу которого мы должны были бы признать это добро *нечистым*.

И тогда выходит вот что.

Если я вырезал себе *ложку*, а она понадобилась моему ближнему, то я поступлю хорошо, отдав ему ее. В том средстве, которое я употреблю, чтобы помочь ему, не будет ничего *нечистого*.

25 | Не то будет, если я — помещик. Моя собственность не создана моим трудом, и она охраняется законом, т. е., по учению Л. Толстого, насилием. А так как собственность этого рода есть *зло*, то передать ее крестьянам значило бы помочь им «нечистым средством». А так как не должно прибегать к нечистым средствам в деле помощи своим ближним, то лучше мне «просто бро-
26 сить» свою землю, «не давая | никому».

Так надо понимать гр. Толстого. Так объясняется то, непонятное сначала, обстоятельство, что сделанное им, — и весьма важное в его глазах, — различение двух родов собственности * нисколько не помешало ему осудить ту помощь людям, которая делается посредством «дележа избытка».

Я не стану возвращаться к завещанию гр. Толстого и повторять, что оно означает его отказ (более или менее сознатель-
27 ный) от своего учения; что в нем содержится больше, чем | говорится, так как, завещав выкуп ясно-полянской земли, гр. Толстой *тем самым* завещал своим почитателям отвергнуть его взгляд на собственность и на распоряжение своим «избытком».

Я предположу, что этого завещания совсем не существует и посмотрю, как следует мне вести себя в том случае, *если* я буду продолжать считать взгляд Толстого на собственность правильным.

* На самом деле оно не так велико, потому что на известной стадии общественного развития *«трудовая»* собственность, непобедимой диалектикой общественных отношений, превращается в свою прямую противоположность: Eigenthum [своя собственность] порождает, по известному выражению Лассаля, Fremdenthum [чужую собственность]. Но Толстому никак не давалось понимание этой диалектики. Вообще в его мышлении совершенно отсутствовал диалектический элемент. Он всегда был типичным метафизиком. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

III *

Собственность, основанная на чужом труде и защищаемая
28 насилием, | есть зло, нечистое средство, фикция, воображаемое что-то, которое существует только для тех, кто верит Мамону.

Я в этом не сомневаюсь. Но все-таки не мешает получше вдуматься в это определение собственности.

Что это значит: собственность есть фикция, что-то воображаемое?

Разве принадлежность Ясной Поляны гр. Толстому существовала только *в его воображении?*

29 Вовсе нет! Ясная Поляна | принадлежала ему *в действительности.*

И он, конечно, сам очень [хорошо] знал это.

Его определение «злой» собственности надо понимать в том смысле, что люди только вообразили, будто она имеет для них серьезное значение. В действительности же она такого значения не имеет и иметь не может. Вот почему люди могут «бросить» ее, нисколько не насилуя своей истинной природы. А так как, сохраняя свою «злую» собственность, человек непременно остается участником зла, то ее не только *можно*, а и *должно* «бросить».

30 Чтобы сотворить благо, | надо отойти от зла.

Откуда же видно, что собственность, основанная на насилии, имеет для людей только воображаемое значение?

Это видно из того, что на самом деле людям важно только одно: творить волю пославшего их. А воля пославшего их состоит в том, чтобы люди любили друг друга и служили друг другу, а не требовали службы от других, как требует ее собственник **.

Но если это так, то почему бы не «сокрушить» собственность,
31 как этого хотят, по мнению | гр. Л. Толстого, революционеры?

Во-первых, потому, что «сокрушить» ее можно было бы только насилием, которое есть само по себе зло. Во-вторых, потому, что царство божие внутри нас, и существование собственности не может лишить нас того добра, которое одно только и важно для нас: *нравственного* добра.

Конечно, богатство одних предполагает бедность других, а бедность причиняет людям много страданий. Но не следует
32 поддаваться тому впечатлению, которое полу|чается у нас при виде человеческих страданий. Толстой категорически говорит это.

---

* Нумерация главы очевидно ошибочная. — *Ред.*

** Приводим вариант стр. 30:

«Откуда же видно, что собственность имеет для людей только воображаемое значение?

Это видно из того, что на самом деле для людей важно одно: делать добро. А добро невозможно там, где насилие, т. е. между прочим и там, где есть защищаемая с помощью насилия собственность». — *Ред.*

«На известной ступени духовного развития человеку следует воздерживаться от усиления в себе чувства личной жалости к другому существу. Чувство это само по себе животное, и у чуткого человека оно всегда проявляется в достаточной силе без искусственного разжигания. Поощрять в себе следует сострадание духовное. Душа любимого человека всегда должна быть для меня дороже тела» *.

33 | Толстого думали смутить, спрашивая его: а что вы стали бы делать, если бы пришли Зулу и захотели изжарить ваших детей? Но тому, кто любит «душу» людей более, чем их «тело», очень нетрудно найтись и не в таком казусном случае.

«Все люди братья, — отвечал Толстой, — все одинакие. И если пришли Зулу, чтобы изжарить моих детей, то одно, что я могу сделать, это постараться внушить Зулу, что это ему невыгодно и не хорошо, — внушить, покоряясь ему по силе. Тем
34 более, что мне нет расчета с | Зулу бороться. Или он одолеет меня и еще более детей моих изжарит, или я одолею его, и дети мои завтра заболеют и в мучениях худших умрут от болезни» **.

Подобно этому, на вопрос: «если на моих глазах мать засекает своего ребенка — что мне делать?» Толстой отвечает: «Одно — поставить себя вместо ребенка» ***.

Более того. Он, ни мало не колеблясь, утверждает: «лучше, чтобы любимый мною человек теперь же при мне умер оттого, что он не хотел лишить жизни хотя бы бешеную собаку, чем то, чтобы он умер от объедения через много лет и пережил меня» ****.

35 | Все это кажется очень странным. Но во всем этом нет ничего странного с той точки зрения, на которой стоял Толстой. Он говорил и без устали повторял: «надо заменять мирское, временное вечным, — это путь жизни, и по нем-то надо итти нам». Согласитесь с ним в [этом], и вы сами непременно должны будете признать, — Wer A sagt, muss auch B sagen *****, — что его отношение к бешеной собаке, розгам и Зулу совершенно правильно. Ведь важно только вечное, а Зулу не вечны. То же и с розгами, то же и с бешеной собакой. И не пытайтесь побивать Толстого пословицей: чужую беду руками разведу, а к своей
36 ума не приложу. Не подумайте, что он равнодушен | ко «временному» только тогда, когда речь идет о *чужих* интересах. Он и на свои собственные «временные» страдания смотрит, — или, по крайней мере, хочет смотреть, — с точки зрения вечности. Он рассуждает: «Ну, болит зуб или живот, или найдет грусть и болит сердце. Ну, и пускай болит, а мне что за дело. Либо поболит и пройдет, либо так и умру от этой боли, ни в том, ни

---

* «Спелые колосья», стр. 39—40. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** «Спелые колосья», стр. 220. — *Ред.*

*** Там же, стр. 210. — *Ред.*

**** Там же, стр. 40. — *Ред.*

***** — кто сказал А, должен сказать и Б. — *Ред.*

в другом случае нет ничего дурного» *. Это не эгоизм, а то самое равнодушие к интересам «тела», которое так свойственно
37 было первым христианам | и которое в самом деле лучше всего выражается словами: «Царство божие внутри вас».

Человек, охваченный таким равнодушием к интересам «тела», может *«бросить» свою собственность* или, — чего не советует Толстой, но что делалось первыми христианами, — *раздать ее бедным*. Но он *никогда не вмешается в борьбу* за установление таких отношений между людьми, при которых «злая» собственность сделалась бы невозможной. И не только не вмешается в подобную борьбу, но и строго осудит ее, как страшное зло.
38 Для него, | как мы уже знаем, нежелательно никакое другое «освобождение от собственности», кроме «внутреннего», т. е. освобождения посредством «сознания того, что ее (собственности — *Г. П.*) нет и не может быть». Вот почему Толстой вполне прав, говоря, что нет людей, более далеких от него, чем революционеры, желающие «сокрушить» собственность. С этим мы должны согласиться, *какой бы точки зрения ни держались мы сами.*

IV

Убеждение в том, что я не должен сопротивляться даже бешеной собаке, кусающей моего друга, или Зулу, собирающемуся
39 жарить моих детей, заключает | в себе, — подобно тому, как целое содержит в себе свои части, — убеждение в том, что не следует принимать участие ни в одном из действий, направленных на охранение существующего порядка: война с внешним или «внутренним» врагом, суды и т. п. Порядок, который перестают охранять, грозит разрушением, особенно в том случае, когда в основе его лежит «злая» собственность, предполагающая эксплоатацию одного общественного класса другим. Поэтому
40 человек, учение которого запрещает участвовать в | охранении общественного порядка, представляется *разрушителем*. Таким и считали Толстого очень многие наши соотечественники как в правом, так и в левом лагере. Надо сказать правду. Те, более или менее «передовые», русские люди, которые теперь, под свежим впечатлением его смерти, быстро последовавшей за уходом из Ясной Поляны, называют его великим учителем, совестью русской земли и т. п., видят в нем человека, стремившегося
41 к | тому же «идеалу», к какому стремятся они сами, и только расходящегося с ними в вопросе о средствах достижения этого идеала. Но это ошибка, большая и печальная ошибка, свидетельствующая о крайней неясности наших общественных понятий. «Идеал» Толстого не имел ровно ничего общего с передовым идеалом нашего времени.

Еще Руссо заметил, что хорошие христиане должны быть плохими гражданами, так как их религия, вместо того, чтобы

* «Спелые колосья», стр. 181. — *Ред.*

привязывать их к государству, отвращает их от всего земного. Руссо прибавлял к этому, давая еще более яркое выражение
42 своей мысли, что слово: «государство» | (Руссо говорит: республика) исключается словом: «христианская» *. И надо быть слепым, чтобы не видеть, до какой степени это верно в применении к христианству Толстого: оно являлось отрицанием не того или другого рода общественной или политической организации, а *всякого* гражданского союза, по той весьма простой и совершенно достаточной причине, что не придавало никакого
43 значения | тем «мирским» и «временным» интересам, ради удовлетворения и ограждения которых такие союзы существуют. И поскольку оно отвращало внимание людей от этих интересов, оно играло роль тормоза нашего общественно-политического союза. Ведь это же ясно, как день! Проповедуя непротивление «Зулу», собирающемуся пожрать данного ребенка, я оказываю существенную услугу этому людоеду, если только моя проповедь
44 имеет влияние на тех, которые могли бы помешать выполнению его гастрономического плана. Спора нет: у меня могут быть при этом хорошие намерения, но ведь хорошими намерениями вымощен весь ад. И уж разумеется тот, кому дорог ребенок, рискующий попасть в «зулусский» желудок, никогда не скажет, что, стремясь устранить «противление» дикарю, я преследую тот же самый идеал, который преследует он, стремясь спасти жизнь ребенка. На такое вопиющее «смешение представлений» способны только те, которые сами не твердо знают, в чем же именно состоит их «идеал».

45 | Насилие — зло. Именно поэтому я не должен сопротивляться «Зулу», делающему насилие над моим ребенком: присоединившись к *его* насилию, *мое* насилие только увеличило бы общую *сумму зла*. Прекрасно. Но мы уже знаем, что важны не интересы *«тела»*, а интересы *«духа»*. Стало быть, насилие, посредством которого я мог бы защищать моего ребенка, было бы злом не потому, что от него пострадало бы *тело* «Зулу», — ощутив известную боль, — а потому, что от него пострадал бы его *дух*: Зулу сделался бы еще более жестоким, нежели был прежде. Но если это так, то понятие непротивления злу насилием получает очень широкие размеры.

V

Человек живет в роскоши. Это значит, что у него много «злой» собственности — собственности, основанной на чужом труде. Это — зло. Что же делать?

Толстой отвечает так: «Я могу, по грубости своей, отнять

* «Du contrat social» [«Об общественном договоре»], кн. IV, гл. VIII. Толстой, как известно, очень любил Руссо. Но и это происходило вследствие «смешения представлений». *Диалектическое* мышление гениального женевца было, по своим приемам, как нельзя более далеко от метафизического мышления великого яснополянца. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

46 у него возможность роскоши и заставить его работать. | Если я сделаю это, я ни на волос не подвину дела божия — не двину душу этого человека». В интересах его души, — которая, повторяю, одна только и важна в глазах Толстого, — следует поступить совсем иначе. «Я не буду, — говорит Толстой, — ничего делать, ни говорить для того, чтобы за[ставить этого человека делать дело божье, а буду только жить с ним в общении, отыскивая и усиливая все то, что нас соединяет, и отстраняясь от всего
50 того, что мне чуждо]... * | Я вполне согласен с тем, что толстовская тактика борьбы со злом своей собственной природой осуждена на неизлечимое бесплодие. Но я не могу не видеть, что так часто и так жестоко противоречивший себе Толстой был в данном случае вполне верен духу своего учения. Иначе он поступить не мог. Напрасно огорчались добрые, но непоследовательные люди вроде г. Буланже [1].

Так же приходится ответить и на вопрос, почему Толстой продолжал оставаться в Ясной Поляне долго после того, как ему стало ясно, что это имение тоже принадлежит к разряду «злой» собственности. Уйти оттуда препятствовало ему его же
51 учение. | Если верить газетам, г. Чертков [2] рассказал следующее:

«Лев Николаевич не уходил из жизни, которая была ему тяжела, в жизнь, которую он считал лучшей, потому, что видел в таком переходе эгоистический шаг; пребывание в условиях для него не только тяжелых, но и мучительных, он считал тем крестом, нести который в жизни ему суждено и он должен. Однако то, что он терпел в течение долгих лет, начинало все более и более его тяготить, все более и более становясь ему не под силу. Наконец, мелкий случай толкнул его на уход: поздно вечером, 28 октября, когда он уже лег спать, он заметил свет в своем кабинете и увидел, что в его бумагах роется один из близких ему людей.

Этот пустяк переполнил чашу. Толстой оделся и стал укладывать свои вещи. Любопытно, между прочим, что он взял с собой только старое рваное белье и платье, оставив все новое дома. За этим занятием застала его Александра Львовна. Лев Николаевич сказал дочери: «Я сегодня уезжаю, сейчас ничего тебе
56 не скажу и скоро вызову тебя». («Б[иржевые] вед[омости]»)...** | [Это едва ли не единственные разумные слова, которые были произнесены с тех пор, как совершился «исход»] Толстого из его родового гнезда. Именно так! Именно эгоистический шаг! Господа, настойчиво требовавшие от Толстого такого шага, погрешили «смешением представлений».

---

* Стр. 47—49 не сохранились. Дополняем цитату по сборнику «Спелые колосья», стр. 32. — *Ред.*

** Стр. 52—55 не сохранились. Дополняем начало 56-й стр. по опубликованной статье (стр. 205). — *Ред.*

VI

Однако г. Чертков прибавил, что Толстой смотрел на свое пребывание в Ясной Поляне, как на тяжелый крест. И мне, разумеется, в голову ⟨не приходит оспаривать это... Только я
60 иначе объясняю себе его страдания⟩... * | ...*пытался* итти, так как в действительности по этому пути ходить невозможно.

То противопоставление «вечного» «временному», «духа» «телу», на котором основывается все учение Толстого, есть противопоставление *внутреннего* мира человека окружающему его *внешнему* миру, частью которого является его собственное тело, — противопоставление сознания бытию. Сознание не независимо от бытия. Оно сначала определяется им, а потом воздействует на него, способствуя его дальнейшему самоопределению. Сам Толстой не чужд понимания этой истины, однако его понимание ее не идет дальше некоторых отрывочных замечаний, формулированных к тому же [весьма неудовлетворительно]... **
62 | самой полной свободы внутреннего мира человека: противопоставление «вечного» «временному» не имеет другого смысла. И этим убеждением проникнуты его главнейшие практические советы, например, все тот же совет не противиться злу насилием, хотя бы зло являлось в виде «Зулу» или бешеной собаки. Но, признав полную свободу внутреннего мира и положив это признание в основу своих практических планов, Толстой тем
63 самым предоставлял внешний («временный») мир его собственной участи, т. е. провозглашал *полную свободу царившего в нем зла* ***.

---

* Стр. 57—59 не сохранились. — *Ред.*

** Стр. 61 не сохранилась. Дополняем текст по опубликованной статье. — *Ред.*

*** Приводим варианты последних страниц статьи:

Стр. 60:

«К ПЛАНУ

... пытался пойти.

Кто-то, кажется, г. Свентоховский [3], сказал, что уход Толстого из Ясной Поляны явился тем заключительным аккордом, которого до сих пор недоставало в жизни этого учителя. Это не верно. Уход из Ясной Поляны показал, что сам Толстой не мог выдержать того, что предписывала ему его доктрина».

Стр. 63—65:

«... чтобы сотворить благо, необходимо и достат[очно] отойти от зла. Но отойти от зла, это значит предоставить ему свободу действия. Временное торжествует над вечным. Т[олстой] хотел действовать во имя любви, а учил поступать так, как будто он совсем не любил людей. Пример с Болконским.

Т[олстой] не был любвеобилен. Далеко нет. Но он все-таки не мог выдержать того квиетизма ввиду зла, который рекомендуется его доктриной. Отсюда его бесчисленные противоречия и в теории и на практике. Одно из них: уход из Ясной Поляны. За ним следует новое противоречие. Последняя его статья: она совершенно в духе его житья в Ясной П[оляне] и передачи имения наследникам [4].

Противоречить себе можно разно. Он противоречил на социальный лад. В этом тоже материализм, который на практике есть возвышеннейший идеализм. Ср. Маркса. Выкуп Ясной Поляны — практическое отрицание учения Толстого».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Буланже*, Павел Александрович — один из последователей Толстого, высланный из России за содействие гонимым правительством духоборам.

[2] *Чертков*, Владимир Григорьевич (род. 1854) — один из виднейших последователей Толстого, его друг и секретарь. В 1897 г. за защиту сектантов от преследований правительства был выслан за границу, где основал русскую типографию для печатания запрещаемых в России писаний Толстого. Вернулся в Россию после 1905 г.

[3] *Свентоховский*, Александр (род. 1849) — польский публицист.

[4] Последняя статья Толстого, написанная в Оптиной пустыни 29 октября 1910 г. — «Действительное средство» (Соч., т. XVIII, 1913 , стр. 308—309). Эта небольшая статья посвящена вопросу о смертной казни и борьбе с нею. Толстой считает, что единственное допустимое и действительное средство борьбы с этим злом состоит в том, «чтобы внушить всем людям, в особенности распорядителям палачей и одобрителям их», правильные понятия о человеке и его отношении к окружающему его миру. По этому поводу Плеханов вспоминает советы Толстого лечь самому под розги, когда взбешенная мать засекает своего ребенка. «Теперь выходит, стало быть, — говорит он, — что нам уже нет нужды предоставлять наше грешное тело в распоряжение взбешенной матери... достаточно ознакомить ее с религиозным учением гр. Толстого» («Карл Маркс и Лев Толстой» — Соч., т. XXIV, стр. 220).

К этой предсмертной статье Толстого Плеханов возвращается несколько раз, говоря о ней с возмущением. «Только привыкнув рассматривать угнетение под углом того нравственного вреда, который оно приносит угнетателям, — говорит Плеханов, — граф Толстой мог, умирая, сказать своей стране: «я не признаю за тобой никакого другого права, кроме права содействовать нравственному исправлению твоих мучителей» (там же, стр. 225).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ К СТАТЬЯМ «ОТСЮДА И ДОСЮДА» И «ЕЩЕ О ТОЛСТОМ»

Печатаемые заметки делятся на две части. Первая часть относится к статье «Отсюда и досюда», вторая представляет собой постраничный разбор книги Л. Толстого «Какова моя жизнь», частично использованный в статье «Еще о Толстом». Ссылки на страницы, как явствует из подстрочных примечаний к напечатанной статье, относятся к изданию 1902 г. Однако такого издания ни в одном из крупных ленинградских книгохранилищ найти не удалось. Имеющееся издание 1902 г., вышедшее в Англии под названием «Так что же нам делать?» (т. VIII Полного собр. соч., запрещенного в России, изд. «Свободного слова», под ред. В. Черткова), дает, по словам предисловия, подлинный толстовский текст, известный до того времени в искаженном виде и состоявший из трех самостоятельных сочинений: «Какова моя жизнь?», «Деньги» и «Так что же нам делать?» Этим изданием, значительно отличающимся от того, на которое ссылается Плеханов, пришлось пользоваться при составлении комментария, и к нему относятся данные в нем ссылки на страницы.

Публикуемые заметки написаны в тетради небольшого формата, частью чернилами, частью карандашом, рукой Плеханова. Всего они занимают в ней 12 листов, исписанных с двух сторон. Большинство листов вырвано из тетради. Последняя часть публикации написана на отдельных двух листах с обеих сторон.

«Киев[ская] мысль» № 311, ст[атья] Homunculus'a (страница 3): вся Россия разделилась на 2 лагеря — одни просто любят Т[олстого]; другие отсюда и досюда [1]. Мы — отсюда и досюда и реакционеры

тоже. Так крайности сходятся. На похоронах *преобладают* студенты («К[иевская] мысль», № 311, стр. 3, столбец 2, справа) [2]. Отчего? В похоронах выразилось настроение интеллигенции. Оно не боевое. №3. На могиле опустились на колени. Рабы преклонились перед бессмертием гения [3]. Преклоняйтесь, но устраните рабскую форму преклонения. У Некрасова: учитель и т. д. (Белинскому) [4] тоже не хорошо, не красиво. Чертков смеется (там же). Что же! Отчего ему не смеяться: наша взяла [5].

Розанов (там же) говорит: Толстой — православный из православных [6].

Меньшиков — бессмертным праведником [7].

Боборыкин — о Толс[том] и о *хожалом*. Нет, Т[олстой] и хожалый дополняют друг друга [8].

М. Ковалевский (тот же №) советует *распространять его идеи* [9]. Гм! Это Ковалевский — европеец. Что это? Езоповская манера выражать протест против смертной казни? «*Рус[ский] инвалид*» [10]: Т[олстой] — гигант мысли. Ну, редакция «Рус[ского[инвалида» состоит не из гигантов мысли; «*Россия*» — *советует следовать заветам* Толстого [11]. Ср. Лассаля — слуги реакции не краснобаи [12]. А зачем полиция мешает хоронить? Потому что она боится, что Вы недостаточно толстовцы. И только потому. Характерно, что все толстовцы ужасно любят говорить о себе. Хилков [13] сообщил даже о своем поносе.

«Киевская мысль» № 312, 4-я колонна слева (или справа). Руссо и евангелие оказали на Толстого, по его признанию, огромное влияние, но ср. что говорит Руссо о логических выводах из евангелия [14].

Толстой хотел, чтобы всем было хорошо. Да этого хотели и буржуазные экономисты и тоже per enumerationem simplicem *. О любви к ближнему, ср. Ницше о любви к дальнему [15]. Об отсутствии жалости у Толс[того]. Сила Толстого в *обличении* — ср. «Моя жизнь», стр. 61 — *о светских женщинах*.

71 — Когда Т[олстой] обличает бар, прав он. А когда они чувствуют фальшь его деятельности — они правы.

88—89. — Тол[стой] — физиократ. И даже китаец [16].

90. — *В городах живут непроизводители.*

94. — *Городская бедность — паразитизм.*

Ср. 96—7—8. Вывод.

102. — Сютаев предлагает переселять бедняков в деревню, когда деревня перенаселена [17].

103. — Т[олстой] — *Мы.*

104. — *Открытие Т[олстым] классов* [18]. Противоядие — *если он. Но этому противоречит его же наблюдательность.*

107. — *Цель* образования [19].

107. — *Мы.*

108. — *Причина город[ской] бедности — наше богатство.*

110. — Причина деятельности Т[олстого] (Я) [20].

---

* — посредством простого перечисления. — *Ред.*

115. — *Мы, мы.*

115. — Т[олстой] и тут не доводит анализ до конца. Замечательно [21].

117. — Прекрасный анализ благотворительности.

117. — *Перестать делать зло. Как* начинаются противоречия. *Ср. 121* [22].

122. — *Простота* Т[олстого]. *Крайне важно* [23].

126. — *Насилие* [24].

128. — *«Марксизм».*

131. — *Открытие Т[олстого]. Ср. 132* [25].

136. — Факт тот, что об экономич[еском] вопросе Т[олстой] стал думать очень поздно. *Вывод его, слишком упрощенный из теории денег — христианство* [26].

139. Где начинается ошибка Т[олстого]?

Это все. Ср. 139, *моя. Нелепый экономич[еский]* вывод из теории денег [27].

141. — Причина страдания [28].

142. — Т[олстой] из теории денег выводит необходимость китайщины, забывая развитие произв[одительных] сил [29].

142. — Обличение. Не деньги, а *общественные отношения, как показал сам Толстой.*

148. — Бедность (городская) у Т[олстого] почти всегда *некрасивая.*

Толстому. А что сказал Иисус: *мертвые пусть хоронят мертвецов.*

155. — *Т[олстой] жил в местности, окруженной фабриками. Фабрики и балы.*

156. Т[олстой] и пролетариат.

Ср. 161 и описание бала (чувства Наташи. Наташа *не* видела. А Т[олстой] видел? Нет. Он *должен* был осуждать *«В[ойну] и мир»*. А реакционеры *могут* хвалить. А мы? Тоже. Почему? Объяснить [30].

165. — Т[олстой] советует *давать* деньги. Противоречие неизбежное, ибо другого выхода нет.

Сравнить рассуждения Т[олстого] с рассуждениями Карамзина о добродетели. Ср. Смирновского [31].

Что хорошего в сборах на бал? Настроение молодой дев[ушки]. Отношение к отцу: *ты как хорош!* (Наташа). Тут тоже правомерное. О том, что и Мавруша не протестует (ср. о рабстве в Африке) [32]. Отметить, как старая горничная любуется. Перонская [33]. Чувство Наташи, входящей на бал, опять *правомерное.*

Т[олстой] описывает танец адъютанта с Элен так, что вас захватывает. Восторг Наташи, когда ее приглашает *Болк[онский].*

«Я всех люблю» (стр. 283) *Ср. 284.* Наташа не верит в возможность зла. Ср. 285 как бы не верит и Т[олстой[[34]. А оно есть. См. какова моя жизнь.

Моя жизнь.

385. — Радость бытия.

386. — Отношение к труду прислуги (ср. выше: Фока и другие).

388—9. — *Сила* жизни Н[аташи].

396. — *Добродушие Меликовой.* — Общие игры господ и дворовых [35].

399. — *Радость жизни.*

356. — Солидарность на охоте. №3. 358. — 3 семьи дворовых за собаку [36].

Все ли то?

№3 — Точка зрения Т[олстого]: Горе вам, богатые!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] № 311 «Киевской мысли» от 10 ноября 1910 г., посвященный смерти Толстого, сохранился в плехановской библиотеке. На нем имеются подчеркивания и заметки Плеханова.

В статье Homunculus'a, которую цитирует здесь Плеханов, озаглавленной «Враздробь», говорится о реакционерах, с одной стороны, и социал-демократах, с другой, которые не приемлют Толстого целиком.

[2] В корреспонденции, описывающей похороны Толстого, сказано: «Подавляют студенты, курсистки, вообще публика исключительно интеллигентная с примесью только местных крестьян.

[3] В корреспонденции из Ясной Поляны так описывается картина похорон: «Гроб подносят к могиле. Из толпы раздается возглас: «На колени!» Все опускаются на колени. Ясная Поляна усеяна людьми, преклонившимися пред бессмертием гения».

[4] Незаконченная Плехановым цитата из поэмы Некрасова «Медвежья охота», относящаяся к Белинскому:

«Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени».

[5] О Черткове в одной из корреспонденций сказано:

«Одна из самых трагических фигур на похоронах — Чертков, затравленный семьей, держится сегодня в стороне. На вокзале шагает один; странно смеется. У могилы не был. Я встретил его случайно далеко от могилы в кустах. Идет, опять смеется».

[6] *Розанов*, Василий Васильевич (1856—1919) — реакционный русский философ-идеалист и публицист, постоянный сотрудник черносотенного «Нового времени».

В том же номере «Киевской мысли», в отделе «Печать о Л. Н. Толстом», приводится такая цитата из статьи Розанова:

«Пусть русские молятся за него привычными молитвами про себя, дома, все равно, как-нибудь. Наше «как-нибудь» — есть самая суть православия».

[7] *Меньшиков*, Михаил Осипович (1859—1919) — публицист, в 70—80-х годах толстовец, начиная с 90-х годов один из вдохновителей крайней реакции, черносотенец, после Октября враг Советской власти.

В той же газете, в отделе «Печать о Л. Н. Толстом» приводятся слова Меньшикова, называющего Толстого «бессмертным праведником, большой, напряженной, страстной, фанатической душой, ищущей бога, верной ему всегда». Цитата заканчивается словами: «Пусть отечество поклонится могиле праведника земным поклоном».

[8] *Боборыкин*, Петр Дмитриевич (1836—1921) — беллетрист и драматург. В своих произведениях изображал развитие русской буржуазии и смену настроений русской интеллигенции.

В цитате, приводимой «Киевской мыслью» из статьи Боборыкина, Плехановым подчеркнуты слова: «Народ, где родятся и умирают Толстые, не может оставаться под ферулой первого попавшегося «хожалого» [т. е. городового]».

[9] *Ковалевский*, Максим Максимович (1851—1916) — профессор юриспруденции, историк и публицист либерального направления.

В речи, произнесенной на торжественном заседании совета профессоров поли-

техникума, Максим Ковалевский сказал, что «лучшим чествованием Л. Н. явится широкое распространение его идей».

[10] «Русский инвалид» — военная газета, выходившая в Петербурге с 1813 г.

[11] «Россия» — газета радикального направления, издававшаяся в Петербурге Сазоновым при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова с 1899 г.

[12] Ссылкой на Лассаля Плеханов хочет подчеркнуть бесплодность либеральной интеллигентской болтовни. Аналогичную цитату он привел еще в 1888 г. в рецензии на «Самоуправление», орган социалистов-революционеров, напечатанную в сборнике «Социал-демократ». Там он писал:

«...каждое событие, указывающее на энергичное вмешательство правительства в борьбу рабочих с предпринимателями и на безучастное отношение к этой борьбе радикальной русской дамы, «интеллигенции», напоминает нам слова Лассаля: ...«слуги реакции не краснобаи... и дай бог, чтобы у прогресса было побольше таких слуг» (Соч., т. IV, стр. 271).

[13] *Хилков*, Дмитрий Александрович, князь (1858—1914) — общественный деятель и литератор, одно время последователь Толстого. Подвергался преследованиям правительства за связь с крестьянами, которым он передал свою землю с обязательством уплатить долг банку, и за отпадение от православия.

[14] Здесь Плеханов имеет в виду сообщение из Парижа корреспондента «Русского слова», в котором приводятся следующие строки из письма Толстого к президенту общества имени Руссо: «Руссо и евангелие оказали на меня самое огромное влияние. Руссо не стареется. Недавно я перечитал некоторые его творения и испытал чувство восхищения».

[15] Учение Ницше о любви к дальнему представляет полную противоположность учению Толстого. Любовь к дальнему, или, по выражению Ницше, «любовь к вещам и призракам», означает любовь к своим убеждениям и идеалам. Вместе с тем ко всем «христианским добродетелям» — кротости, состраданию и смирению — Ницше относится с величайшим презрением, как к морали рабов. Этой морали Ницше противопоставляет мораль господ, мораль «высшей расы». Проповедь неравенства, насилия и войны стала официальной философией фашизма, использующего Ницше для идейного оправдания политики порабощения и угнетения.

[16] Плеханов называет Толстого «физиократом» и «китайцем» за его взгляды на экономическое значение города и деревни (см. стр. 60—65). Подобно физиократам — французским экономистам XVIII в., — считавшим, что один лишь земледельческий труд создает ценности и является производительным, Толстой считал, что в городах живут «непроизводители», только растрачивающие то, что произведено деревней. Роскошь, тщеславие, разврат, паразитизм — такова характеристика города у Толстого, совершенно игнорирующего прогрессивную роль городов как центров промышленности, торговли и культуры.

[17] *Сютаев*, Василий Кириллович — крестьянин Тверской губ., основатель религиозно-нравственного учения, базирующегося на любви и самосовершенствовании, последователи которого получили название «сютаевцев». Учение Сютаева, по времени предшествовавшее толстовству, имело с ним много общего. Толстой посетил Сютаева в 1881 г., а затем часто встречался с ним в Москве. В одну из таких встреч, когда Толстой излагал перед Сютаевым свои планы широкой благотворительности, Сютаев отозвался на них словами: «Да все пустое дело». Действительной помощью он считал только «духовную милостыню». Выход же из материальной нужды для городских бедняков он видел в расселении их по деревням, где их «разберут» крестьянские дворы (стр. 69—70).

[18] На указанных страницах Толстой очень ярко рисует антагонизм между богатыми и бедными и неизбежную рознь между ними, вытекающую из стремления богатых отличить себя от бедных во всем, начиная с пищи и одежды и кончая образованием, чтобы отгородиться от них непроходимой стеной (стр. 71—74).

[19] Об образовании Толстой говорит, что это «те формы и знания», которые должны отличать человека от других. И цель его та же, как и чистоты; отделить себя от толпы бедных для того, чтобы они, голодные и холодные, не видели, как мы празднуем (стр. 74).

[20] Толстой говорит, что причиной его благотворительной деятельности является не достижение определенной материальной цели, а то, что он хочет «быть добрым человеком», т. е. хочет «видеть себя в каждом другом человеке» (стр. 76).

[21] Замечание относится к данному Толстым на нескольких страницах анализу благотворительности, исходящему из сопоставления того, что богатый отдает бедному, с тем, что он имеет. Давание денег для богатого не лишение, а «потеха», «швыряние дурашных, т. е. нетрудовых денег». «И я до такой степени заблудился, — пишет Толстой, — что это отбирание у бедных одной рукой тысячей, а другой швыряние копеек тем, кому вздумается, я называл добром. Не мудрено, что мне было стыдно» (стр. 81).

[22] Толстой делает из своих рассуждений следующий вывод, предопределяющий все его дальнейшие заблуждения:

«Да, прежде чем делать добро, мне надо самому стать вне зла, в такие условия, в которых можно перестать делать зло» (стр. 81).

«Я сижу на шее у человека, задавил его и требую, чтобы он вез меня, — говорит Толстой несколько дальше, — и, не слезая с него, уверяю себя и других, что я очень жалею и хочу облегчить его положение всеми возможными средствами, но только не тем, чтобы слезть с него.

Ведь это так просто. Если я хочу помогать бедным, т. е. сделать бедных не бедными, я не должен производить этих самых бедных» (стр. 84—85).

[23] Толстой говорит: «стоило мне признать свою вину, и все, что прежде казалось странно, сложно, неясно, неразрешимо, все стало совершенно понятно и просто. Главное же, путь моей жизни, вытекающий из этого объяснения, вместо прежнего запутанного и неразрешимого и мучительного, стал прост, ясен и приятен» (стр. 85).

[24] Ряд страниц посвящен Толстым вопросу о насилии в экономической жизни, ведущему к порабощению людей. Какое место этих рассуждений имеет здесь в виду Плеханов, сказать невозможно из-за расхождения страниц.

[25] Замечание относится к рассуждениям Толстого о вреде и ненужности всякого принуждения и насилия. По его мнению, «все дела могут быть благом только для тех, которые считают их благом и потому свободно и охотно исполняют их».

[26] Придя путем длинных рассуждений к выводу, что деньги — это «новая страшная форма рабства», Толстой говорит:

«Как только я понял, что такое богатство, что такое деньги, так мне не только ясно и несомненно стало, что мне делать, но и ясно и несомненно стало, что все другие должны делать и что потому они неизбежно будут это делать».

Этот ответ он находит в учениях Будды, Исайи, Лаотзе, Сократа и, главным образом, мифического Христа (стр. 153).

[27] Ставя на практическую почву вопрос о проведении в жизнь тех заключений, к которым он пришел, Толстой говорит, что человек, не желающий быть участником рабства, не должен пользоваться чужим трудом «ни посредством владения землей, ни посредством службы правительству, ни посредством денег». «Это неизбежно приведет такого человека к необходимости, с одной стороны, умерить свои потребности, с другой стороны, делать для себя самого то, что прежде делали для него другие» (стр. 156).

[28] «Причина страданий и разврата людей, — по словам Толстого, — та, что одни люди находятся в рабстве у других» (стр. 157).

[29] «Единственно возможное исцеление от окружающих нас зол» Толстой видит в отказе от денег и от пользования чужим трудом, в том, чтобы «делать своими руками все, что мы можем сделать» (стр. 158). Эту идеализацию натурального хозяйства Плеханов и называет «китайщиной».

[30] В статье «Еще о Толстом» Плеханов отмечает объективность Толстого в описании помещичьей жизни с ее эксплоатацией крепостных крестьян и объясняет его объективность тем, что Толстой не замечал этой эксплоатации и произвола, как само собой разумеющихся, неизбежных явлений. Позднее, поняв, что он идеализировал быт эксплоататоров народа, Толстой осудил свою художественную деятельность. Плеханов же полагал, что без этого «эпического спокойствия», даже при всем мастерстве Толстого, он не смог бы дать таких увлекательных картин помещичьего быта, какие мы находим в «Войне и мире» (см. *Толстой*, стр. 160—161 и *Плеханов*, Соч., т. XXIV, стр. 238).

[31] Рассуждения Карамзина о добродетели имеют много общего с толстовством. Так, в «Письмах русского путешественника» он пишет: «Когда люди уверятся, что для собственного их щастия добродетель необходима, тогда настанет век златой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни.

Всякие же насильственные потрясения гибельны...» (*Н. М. Карамзин*, Письма русского путешественника, т. II, изд. 4-е, стр. 99). В экземпляре, находящемся в плехановской библиотеке, это место отчеркнуто и отмечено N3).

Ссылка на Смирновского имеет в виду главу о Карамзине в его книге «Пособие при изучении истории русской словесности», т. III.

[32] Плеханов, говоря в своей статье «Еще о Толстом» о власти «гипноза», заставляющей людей, выросших при определенных общественных условиях, считать эти условия естественными и справедливыми, вспоминает слышанный им рассказ об африканских рабах, которые «смотрят на побег как на бесчестное дело, лишающее рабовладельца его законной собственности» (Соч., т. XXIV, стр. 240).

[33] Фрейлина Перонская, которой перед отъездом на бал восторженно любуется ее старая горничная («Война и мир», М., 1887, т. II, стр. 273), упоминается Плехановым в статье «Еще о Толстом» для иллюстрации той же мысли (см. предыдущее прим.).

[34] Ссылки на страницы относятся к сохранившемуся в плехановской библиотеке 7-му изданию Соч. Толстого 1887 г. — «Война и мир», т. II.

Замечание имеет в виду настроение Наташи Ростовой на ее первом балу. «Она была на той высшей ступени счастья, когда человек делается вполне добр и хорош и не верит в возможность зла, несчастья и горя».

Замечание о Толстом, вероятно, имеет в виду следующее отчеркнутое место на стр. 285:

«На глаза Наташи все бывшие на бале были одинаково добрые, милые, прекрасные люди, любящие друг друга: никто не мог обидеть друг друга, и потому все должны были быть счастливы».

[35] Мелюковка — поместье, в которое попадают на святки, катаясь на тройках, молодые Ростовы. Владелица поместья, Пелагея Даниловна Мелюкова, «после русских плясок и хороводов соединила всех дворовых и господ вместе, в один большой круг, принесли кольцо, веревочку и рублик, и устроились общие игры».

[36] Говоря об объективности Толстого в изображении помещичьей жизни, Плеханов приводит этот факт.

«Описывая псовую охоту Ростовых в Отрадном, — читаем в статье «Еще о Толстом», — Толстой мимоходом сообщает, что их сосед Илагин отдал за свою красношерстую собаку Ерзу три семьи дворовых. И это мимоходное сообщение о беспредельном помещичьем произволе делается с эпическим спокойствием...» (Соч., т. XXIV, стр. 238).

ЗАМЕТКИ К СТАТЬЯМ О ТОЛСТОМ

Заметки написаны на 18 разрозненных тетрадочных листах разного формата, частью чернилами, частью карандашом, рукой Г. В. Плеханова. Многие заметки имеют заголовок: «К плану». Последние четыре заметки извлечены из тетрадей Плеханова.

Толстой противоречил Иисусу, которому хотел быть верен. Пример: Библия, стр. ...

И всегда так бывает. Догматик всегда идет вразрез со своею целью.

Orecchianti di marxismo *. Маркс о недостатке диалектики. Важно избежать старых ошибок: опять Маркс (вступление в статут интерн[ационала]) [1].

БИР[ЮКОВ] [2]

Излаг[ает] Т[олстого] с той точки зрения, с которой его фил[ософия] станов[ится] проп[оведью] солидарности. Тут самые лучшие доводы не лучше доводов утопистов. Подчинение нашего *я* разуму;

* Те, кто внемлет марксизму. — *Ред.*

заповедь разума — l'amour *. Истинн[ый] амур. Далее следует что-то вроде не очень удачной нагорной проповеди. Нет *прав*, а только *обязанности*.

Т[олстой] supprime le droit **, но это и есть реакция.

Т[олстой] в своей «критике» — *физиократ*. А это для нынешнего времени не умно. О П. Ш. [3]

Когда 2 человека один держит другого за горло *** — и вы проповедуете обоим, что насилие зло, вы фактически становитесь на сторону душащего. А когда вы все сводите на мораль душ[имого], то ваш переход на сторону душащего еще более укрепляется. Это, конечно, происходит не от метафизики, а оттого, что Т[олстой] сам — барин.

Т[олстой] хотел устроить ц[арство] небесное на земле. Что из этого вышло? Его идеал — из стиха божьих людей [4] у П. Полевого.

Т[олстой] прежде любил жизнь. Эту его любовь выражает тип Наташи. А потом от *отрицал жизнь*. Ср. *со стоиками* [5].

О *любви*, *любви*, о любви «красивой» из «Юности».

После цитаты (к «царю и его помощникам») Т[олстой] сам не знал, какую глубокую правду он сказал [6]. Он идеолог высшего класса, Гомер дворянского быта. Влияние класса на нем сказалось очень сильно. А каково оно? Из «*Войны и мира*» [7].

Надо заменять мирское, временное, вечным. «*Сп[елые] колосья*», стр. *176* [8]. О физической боли: ну и пускай болит. «Сп[елые] колосья», стр. *181* [9] крайне важно. О ребенке. Это у Т[олстого] *не эгоизм*. Гнев не нужен. Ср. *191* [10]. Стр. 68 [11].

Ребенку только «*больно*», а мать *испыт[ывает] нравственный вред* [12].

Из того, что соб[ственность] — фикция, следует непротивление госуд[арству] и вообще непротивление. А из того, что от христианина не надо ждать поступков, следует, что плохо понимали Т[олстого] те, которые ждали от него таковых.

У Т[олстого] с соц[иалистами] было общего только то, что он был недоволен сущ[ествующим] порядком вещей (но мы именно требуем поступков, а тут он шел с нами в противоположную сторону). Но в своей критике сущ[ествующего] порядка он не мог сойтись с нами, по двум причинам...

С[оциал]-д[емократы] не могли назвать учителем Т[олстого]. Они должны были заявлять, что не учитель их тот, кто сказал не про-

* — любовь. — *Ред.*
** — уничтожает право. — *Ред.*
*** Так в рукописи. — *Ред.*

тивься злу насилием. Нет — зла слишком много. Сопротивление необходимо. Довольно мы врагов любили. С[оциал]-д[емократы] должны были найти...

А если уж отказываться от толстовщины, то лучше отказаться совсем, а не в розницу, как это делает Т[олстой].

Фр[анцузская] палата «преклонилась» перед Т[олстым] [13]. *Т[олстой], как критик.* Из Руссо [14]. Охранители ближе к гориллам и шимпанзе, чем к современному человеку [15].

№. О французской палате. Закончить моим объяснением того, почему Т[олстым] теперь увл[екается] интел[лигенция] и поч[ему] его не любят р[абочие]. Толки о Т[олстом] — душегрейка новейшего уныния [16]. Маклаков [17] и «законность», Т[олстой] и нравственность.

О религии. В чем «заблуждение» — «Спелые колосья», стр. *58—9*. Противопоставить этому Маркса [18]. Не забыть *о Ваське*. «Дело ваше *господское*» [19].

Цитата.

Но он сам только об этом думает. *Цитата*: (я не призван). Но если не призван, что выходит? Тот же индивидуалист Толстой = *святой эгоист. Переход к Ясной Поляне.*

Речь, № 334. Исаев об идеализме Т[олстого] [20]. Ср. у Жуковского о корове.

№. О *«не могу молчать»* [21].

Толстой не думает о Heilmittel *; для него главное, исключительное, это — «я», которое не должно грешить, сопротивляясь злу, а до других, до тех, которых надо лечить, ему нет дела **.

В статье о Толстом, там, где речь идет о смерти, сопоставить это место из Шеллинга: конечность сама по себе есть наказание. Ср. буддизм и Шопенгауера. Ш[опенгауер] говорит: Желание бессмертия проистекает из себялюбия ***.

«Ce n'est pas assez de dire aux citoyens, soyez bons; il faut leur apprendre à l'être, *p. 233* **** [22]. *Толстому* *****.

Lactance dit, qu'un chrétien ne peut être ni soldat, ni accusateur. V. t. I, p. 137. Les Quakers et les Mennonites ne portent point les armes; ils sont plus conséquents, que les autres chrétiens ****** [23]. (Ср. *Толстого*). Толстому *******.

* — о средстве исцеления. — *Ред.*

** Заметка находится в тетради № 13. — *Ред.*

*** Заметка находится в тетради № 107. — *Ред.*

**** Недостаточно сказать гражданам «будьте хорошими», надо научить их быть такими, стр. 233. — *Ред.*

***** Заметка находится в тетради № 24. — *Ред.*

****** Лактанс говорит, что христианин не может быть ни солдатом, ни обвинителем (см. т. I, стр. 137). Квакеры и менониты совершенно не носят оружия; они более последовательны, чем остальные христиане. — *Ред.*

******* Заметка находится в тетради № 48. — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плеханов имеет здесь в виду следующий абзац вводной части к «Временному Уставу Международного Товарищества рабочих», написанному Марксом в 1864 г.:

«Принимая во внимание:...

Что нынешнее пробуждение рабочего класса в передовых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем торжественным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения до сих пор разрозненных движений»... (*Карл Маркс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1935, стр. 347).

[2] *Бирюков*, Павел Иванович (род. 1860) — последователь и биограф Толстого. Его четырехтомная биография занимает видное место в литературе о Толстом.

[3] *П. Ш.* — автор статьи о Л. Толстом «Памяти одинокого», напечатанной в № 8 «Киевской мысли» за 1911 г. В этой статье П. Ш. уверяет, что «слово» Толстого обращено к далеким поколениям и непременно «дойдет» до них (см. статью Плеханова «Еще о Толстом» — Соч., т. XXIV).

[4] Вероятно, Плеханов имеет в виду приведенный им в статье «Карл Маркс и Лев Толстой» духовный стих «О вознесении христовом», где рассказывается, как нищая братия прощалась с собравшимся вознестись на небо Иисусом и как присутствовавший при этом Иоанн Златоуст говорил ему, чтоб он не давал им «гору золотую», потому что ее отнимут у них «князи и бояре», «пастыри и власти» и «торговые люди» (см. Соч., т. XXIV, стр. 228).

[5] Стоики — греческие философы IV—III в. до н. э. — соединяли в своем учении, с одной стороны, стремление освободить человека от влияния внешних аффектов, сделать его бесстрастным, равнодушным к жизни и к смерти, с другой стороны, они, как материалисты, признавали, что человеческая природа требует общения с другими людьми, и проповедывали солидарность, исходя из органической связи человека с человечеством и мировым целым.

[6] Плеханов хочет подчеркнуть здесь следующие слова Толстого из его обращения «К царю и его помощникам»:

«...обращаемся к вам не как к людям другого лагеря, а как к невольным единомышленникам, сотоварищам нашим и братьям» (см. статью «Карл Маркс и Лев Толстой» — Соч., т. XXIV, стр. 224).

[7] В статье «Карл Маркс и Лев Толстой» Плеханов доказывает, в частности цитатами из «Войны и мира», что Толстой, даже осуждая отрицательные стороны дворянского быта, продолжал интересоваться не столько эксплоатируемыми, сколько самими эксплоататорами, которым их привилегированное положение грозило нравственной гибелью (Соч., т. XXIV, стр. 224 и след.).

[8] Цитата из «Спелых колосьев», стр. 176: «Заменять мирское, временное, вечным — это путь жизни и по нем-то надо итти нам».

[9] Цитата из «Спелых колосьев», стр. 181: «Ну, болит зуб или живот, или найдет грусть и болит сердце. Ну, и пускай болит, а мне что за дело. Либо поболит и пройдет, либо так и умру от этой боли. Ни в том, ни в другом случае нет ничего дурного».

[10] На стр. 191 Толстой пишет о том, что не следует требовать от него полного соответствия между словами и поступками, что он слабый, увлекающийся человек, «говорящий иногда, вернее даже всегда, не вполне то», что он думает и чувствует. «Я вполне слабый, с порочными навыками человек, — говорит он, — желающий служить богу истины, но постоянно свихивающийся».

[11] На стр. 68 Толстой пишет:

«Принято считать, что негодование против несправедливости, гнев, вызванный злом, есть чувство не только благородное и похвальное, но даже полезное и нужное, как стимул для борьбы со злом. Но это большая ошибка. Гнев вовсе не нужен. Практически в этом может убедиться каждый из того, что гнев тотчас пропадает, лишь только человек берется поправлять результаты зла... Гневное возбуждение против зла есть признак того, что человек еще не противодействует злу делом...»

[12] Речь идет о матери, секущей своего ребенка. Толстой говорит об этом на стр. 210 «Спелых колосьев»:

«Если мать сечет своего ребенка, то что мне больно и что я считаю злом? То ли, что ребенку больно, или то, что мать, вместо радости любви, испытывает муки злобы. И я думаю, что зло в том и в другом».

[13] Плеханов пишет в статье «Карл Маркс и Лев Толстой»:

«Если французская палата депутатов «преклонилась» перед Толстым чуть ли не в тот же самый день, когда она «преклонилась» перед Брианом за его энергичную расправу со стачечниками, то это произошло по той простой причине, что толстовская проповедь совсем не пугает эксплоататоров».

[14] Возможно, что Плеханов имел в виду противопоставить подход к критике западноевропейской культуры Руссо и Толстого. Подвергая эту культуру огульной разрушительной критике, Толстой не ставит на ее место ничего конкретного. Живые реальные исторические задачи рассматриваются им отвлеченно, как формы проявления какого-то высшего внемирового и внеисторического закона. На утверждение Маркса, что Руссо и Лютер были выразителями потребностей своего времени, Толстой возражает: «Мы ищем то вечное начало, которое выразилось в них, а нам говорят о той форме, в которой оно выразилось».

[15] Мыслями, набросанными здесь, заканчивается статья «Карл Маркс и Лев Толстой» (Соч., т. XXIV, стр. 233).

[16] Душегрейка новейшего уныния — выражение Ивана Киреевского, употребленное им при разборе стихотворений Дельвига в «Обозрении русской словесности за 1829 г.»

[17] *Маклаков*, Василий Алексеевич (род. 1870) — политический деятель, присяжный поверенный, видный кадет, член трех Государственных дум, ныне белоэмигрант.

[18] На стр. 58—59 «Спелых колосьев» Толстой пишет:

«Главное заблуждение людей то, что каждому отдельно кажется, что руководитель его жизни есть стремление к наслаждению и отвращение от страданий...

Цель жизни вне наслаждений. Она достигается переходом через них.

Переход этот от наслаждений к страданиям — это дыхание жизни».

Сопоставление этих взглядов Толстого с взглядами Маркса имеется в статье Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой».

«Подобно другим материалистам, — пишет Плеханов, — Маркс был как нельзя более далек от той мысли, что цель жизни вне наслаждений. Уже в «Die heilige Familie» он показал связь социализма (и коммунизма) с материализмом вообще и, в частности, с материалистическим учением о «нравственной правомерности наслаждения». Но у него, как и у большинства материалистов, учение это никогда не имело того эгоистического вида, в каком оно представлялось идеалисту Толстому. Напротив, оно явилось у него одним из доводов в пользу социалистических требований» (Соч., т. XXIV, стр. 228).

[19] В статье «Карл Маркс и Лев Толстой» Плеханов говорит, что буржуазия должна быть довольна проповедью непротивления злу насилием, как крыловский кот Васька, пожирающий куренка, был доволен моральной проповедью повара (Соч., т. XXIV, стр. 232).

[20] Плеханов имеет в виду напечатанный в «Речи» от 5/18 декабря 1910 г. отчет о докладе профессора-экономиста А. А. Исаева. В этом докладе, прочитанном 3 декабря на собрании экономистов, на тему «Народное хозяйство и государство по учению Толстого», Исаев говорил, что экономические и социальные воззрения Толстого не выдерживают критики с точки зрения экономической науки, что идеалы его прекрасны, но средства их достижения не действительны, а его проповедь непротивления злу противоречит всей социальной науке.

[21] В статье «Не могу молчать», написанной в 1908 г. во время разгула царской реакции, Толстой выступил с протестом против смертной казни.

[22] Цитата из Руссо — Oeuvres complètes de J. J. Rousseau, Paris, 1839, t. IV.

[23] Цитата из книги Гольбаха «Christianismus» («Христианство»).

РАЗНЫЕ СТАТЬИ

ПЛАН РАЗБОРА ДРАМЫ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА [1] «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»

Публикуемый план представляет собой первую стадию работы Плеханова над указанной темой, работы, которая осталась незавершенной. Вообще Плеханов почти не затрагивает творчества Андреева в своих статьях. Повидимому, он не слишком высоко ценил это творчество, притом не только со стороны его содержания, его идеологии, но и с чисто художественной точки зрения. Это видно хотя бы из следующей фразы печатаемого плана, относящейся к «Человеку»: «Он не гений, он талант. Да и Андреев тоже». О том же говорят и другие, хотя и немногочисленные и краткие, но достаточно выразительные высказывания Плеханова об Андрееве, встречающиеся в его статьях. Из этих высказываний, как и из печатаемого плана, видно, как глубоко чуждо было Плеханову творчество Андреева в эпоху реакции, в годы, когда Плеханов вел идеологическую борьбу с символистами и импрессионистами, с эмпириокритиками, с богоискателями, с синдикалистами и с ликвидаторами. Таким образом, публикуемая краткая схема разбора андреевской драмы не является случайным эпизодом в творчестве Плеханова, но сплетена с ним самым тесным образом.

Печатаемый план написан Плехановым не раньше 1907 г., когда вышла пьеса «Жизнь человека». Указываемые Плехановым страницы относятся к берлинскому изданию («Das Leben des Menschen. Ein Spiel in fünf Bildern von Leonid Andrejew. Леонид Андреев. Жизнь человека. Berlin, Ladischnikow, 1907»), вышедшему приблизительно одновременно с первым русским изданием пьесы, которая была опубликована также в 1907 г. в литературно-художественном альманахе «Шиповник», кн. I. Повидимому, Плеханов писал под непосредственным впечатлением, вскоре после прочтения пьесы. В 1908 г., в четвертом альманахе «Шиповник», Андреев опубликовал второй вариант последнего действия драмы, под заглавием «Смерть человека». В этом варианте действие переносится из кабака в дом «Человека» и вместо «пьяниц» там фигурируют «наследники». Если бы Плеханов писал свой план позднее 1908 г., он без сомнения отметил бы это изменение. Косвенное подтверждение этой датировки мы находим также и в упоминаемом в 4-й картине имени Деннерта. Ссылка на книгу Деннерта «Die Weltanschauung des modernen Naturforschers», не имеющую прямого отношения к теме плехановского плана, объясняется тем, что Плеханов читал ее именно в это время. Книга Деннерта испещрена чрезвычайно интересными пометками Плеханова, имеющими тесную связь с его статьями об эмпириокритиках.

План разбора «Жизни человека» написан рукой Плеханова размашистым почерком на трех больших листах (4 страницах). Впервые он был опубликован в 1931 г. в журнале «Литературное наследство» № 1 и перепечатан оттуда в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик», М., 1933.

*

ПЛАН

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

ПРОЛОГ

Вся жизнь человека с темным началом и темным концом (7).
Жестокая судьба (8).
Слепое неведение (8). Круг железного предначертания (8).
Умрет человек, придя из ночи (8).
Люди — обреченные смерти (9).
Быстротечная жизнь человека (9).

1-я картина

Старухи (их 5) [2], взятые напрокат у Метерлинка?
Зачем они умирают?
Зачем они рожают?
Старухи жестоки, они говорят: вот она кричит: разве вам мало этого? (12).
Как одинок всегда крик человека! (12).
«Здесь чувствуется смерть».
Старухи постоянно смеются — Galgenhumor *.
Животные легче живут (15) ср. *Собаку* [3].
Родственники — символ пошлости.
Пример: их разговор о квартире (21).

2-я картина

Соседи? почему они добрые? и почему родственники хуже их? соседи также поэтичны (25).
Per che? ** ср. 26.
29. Счастье приходит к человеку неведомо и так же уходит (29).
31. Много хороших людей, а человек может умереть с голоду.
34. *Пеер Гюнт* [4].
34. Он вызывает на бой *Его*. Как? В одиночку. В одиночку его не победишь.
Бог — злой недруг человека (35) [5].
36. Пеер Гюнт [6].
36. Во 2-й картине масса поэтических картин.
37. От книг теплая тишина, тут масса поэзии... *индивидуализма*.
38. Мечта о славе *индивидуалистична*.
40. Она любит *талантливых художников*. Это именно жизнь талантливого художника.

3-я картина

Это именно жизнь талантливого художника. Оттого и публика на балу так пошла. Жена в рубинах (лай: 45) [7]. В этой пошлости

* — юмор висельника. — *Ред.*
** — почему? — *Ред.*

Рисунок Л. Андреева «Жизнь человека».

отражается недовольство художника буржуазным обществом, *ср. романтиков* [8].

48. Почему друзья хороши? Почему враги злы?

4-я картина

58. О линии — ср. Метерлинка «За стенами дома» [9].

59. Где справедливое? Он подходит к природе с точки зрения справедливости. *Ср. Деннерта* [10].

60. В молитве матери хороша *родинка*. В молитве человека сказывается антропоморфизм [11].

Основная ошибка здесь Андреева.

Он не гений, он талант.

Да и Андреев тоже.

У него любовь к природе (ср. 65 шуршат камыши). Но и тут индивидуализм.

Ср. Биографию Толстого. Развить это [12].

66. Бранит его. Антропоморфизм.

66—7. Проклятие *«безумной судьбе»*.

5-я картина

68. Комната *без* одного окна.

68. Кабатчик — символ общественности. Итак, 2 симв[ола]: он и кабатчик. Анд[реев] заним[ается] им. А надо бы кабатчик[ом].

69. Сцена как бы из Метерлинка.

70. Idem *.

71. Лучше ужас, чем жизнь. Per che? Ибо жизнь тоже ужас.

72. Сцена из Метерлинка.

73. Vanitas vanitatum **.

74. Idem.

76. Idem.

77. Он: тише! почему? [13]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Андреев*, Леонид Николаевич (1871—1919) — русский писатель, отражавший взгляды буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, представитель символизма и импрессионизма в литературе. Творчество Андреева после революции 1905 г. отличается крайним пессимизмом. Основные его темы — ужас одиночества, ужас жизни, бессилие разума. Пессимизм Андреева отражает упадочнические настроения буржуазной интеллигенции в эпоху реакции. Его произведения этого периода носят печать надуманности и искусственности.

[2] Непонятно, почему Плеханов подчеркивает число 5. У Андреева оно нигде не указано и из текста не вытекает. Вместе с тем оно не фигурирует и ни в одной из тех пьес Метерлинка, из которых Андреев мог «взять напрокат» своих старух («Слепые», «Принцесса Мален», «Сестра Беатриса» и др.).

[3] Старухи постоянно смеются. Аналогия с собакой. Одна из старух говорит: «А у меня собака. Я ей каждый день говорю: ты умрешь, — она осклабляет зубы и весело вертит хвостом».

* — то же. — *Ред.*

** — Суета сует. — *Ред.*

[4] Пеер Гюнт — герой одноименной драмы Ибсена, тип бесплодного фантазера. Он полон несовершенных дел и недодуманных мыслей. Проводя здесь аналогию между Человеком и Пеером Гюнтом, Плеханов имеет в виду именно это свойство уноситься в мир фантазии вместо того, чтобы бороться с реальной жизнью. Человек говорит жене: «Я не позволю тебе плакать. У нас нет ничего, мы бедны, но я расскажу тебе о том, что у нас будет... Я очарую тебя светлой сказкой, яркими мечтами обовью я тебя, как розами, моя царица».

[5] У Андреева не бог, а «Некто в сером», которому Человек бросает вызов: «Ты еще не победил, злой недруг человека».

[6] На протяжении длинной сцены Человек фантазирует, рисуя в ярких картинах свои будущие успехи, богатство и славу.

[7] Ремарка Андреева к разговору гостей на балу: «Некоторое время в разных концах отрывисто, звуком, похожим на лай, повторяют только два эти выражения: «Как богато! Как пышно!»

[8] Для пояснения мысли Плеханова приводим цитату из его статьи «Искусство и общественная жизнь» (Собр. соч., т. XIV, стр. 128):

«...Эти свидетельства достаточно убедительно показывают, что романтики в самом деле находились в разладе с окружавшим их буржуазным обществом. Правда, в этом разладе не было ничего опасного для буржуазных общественных отношений... Новое искусство, которым они так сильно увлекались, было для них убежищем от грязи, скуки и пошлости [буржуазного существования»].

[9] Человек, у которого за сценой умирает сын, говорит:

«Посмотри, жена, вот это я начал чертить, когда наш сын был еще здоров. Вот на этой линии я остановился и подумал: отдохну, а потом буду продолжать опять. Посмотри, какая простая и спокойная линия, а на нее страшно взглянуть: ведь она может быть последней, которую я провел при жизни сына...»

Это место Плеханов сопоставляет с пьесой Метерлинка «Interieur» (в разных переводах: «За стенами дома», «В доме», «Там внутри»). В глубине сцены дом, за его освещенными окнами мирная счастливая семья, не подозревающая о совершившейся уже катастрофе — самоубийстве любимой дочери и сестры. Снаружи — люди, знающие о ней, наблюдающие семью через окно и не решающиеся нарушить ее мир страшной вестью. Устами «старика» Метерлинк говорит:

«Они ждут ночи около своей лампы так же просто, как и мы ждали бы около своей; а между тем я вижу их точно с высоты иного мира, и только оттого, что я знаю маленькую правду, которая им еще неизвестна... Ужаснее их спокойствия я ничего не могу себе представить... Они слишком доверчивы к жизни...»

[10] Плеханов имеет здесь в виду книгу Деннерта, которую он читал в это время: *E. Dennert*, Die Weltanschauung des modernen Naturforschers («Миросозерцание современного естествоиспытателя»), Штутгарт, 1907. Из многих отмеченных Плехановым мест этой книги, приводим в переводе то, которое соответствует его мысли:

«...Можно подумать, что система природы, если таковая вообще существует, представляет собой создание духа, который отличается от высокоразвитого человеческого духа тем, что он неизмеримо умнее его, не обладая даже в отдаленной степени его нравственностью. Об этом свидетельствует то, на какой грубый и упрощенный лад воздается справедливость — если вообще можно сказать, что она воздается. Если мы сравним ту решительность и суровость, с которой карается природой каждое преступление против «законов природы» (безразлично, совершено ли оно по простому неведению), с нерешительностью и слабостью, с какой она относится к преступлениям против «нравственных законов», мы должны будем почувствовать, что эта система законодательства (если вообще можно ее так назвать) совершенно отлична от той, которую мог бы придумать ум, обладающий сколько-нибудь человеческой психикой» (стр. 203).

[11] Антропоморфизм в обращении Человека к слепому року (Некто в сером) проявляется в олицетворении его, доходящем до такой конкретизации: «Ты старик, и я ведь тоже старик. Ты скорей меня поймешь...»

[12] Плеханов развил эти мысли в статье «Толстой и природа», написанной в 1908 г.

[13] У Андреева бесстрастный «Некто в сером» прерывает шушуканье и пересменвание старух словами: «Тише. Человек умер».

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ПЕСНИ ТРУДА»

Статья представляет собой предисловие Г. В. Плеханова к сборнику стихотворений «Песни труда», предполагавшемуся к изданию группой «Освобождение труда» в Женеве в 1885 г. Издание сборника не было осуществлено, отпечатанным остался только первый лист брошюры (хранится в Институте Маркса — Энгельса — Ленина). Статья впервые опубликована к десятилетней годовщине смерти Г. В. Плеханова в журнале «Летописи марксизма», 1928, кн. V, затем в журнале «Читатель и писатель», 1928, № 21, и наконец в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик», стр. 25—31, откуда и производится перепечатка.

ДВА СЛОВА ЧИТАТЕЛЯМ-РАБОЧИМ

Давно уже известно, что у всякого народа есть своя поэзия и что чем развитее и образованнее данный народ, тем более глубокое содержание вкладывается в его поэтические произведения. С таким же правом можно сказать, что у каждого общественного *класса* также есть своя *поэзия*, в которую он вкладывает свое особое содержание. И в этом нет ничего удивительного, потому что каждый общественный класс имеет свое особое положение, свой особый взгляд на окружающий его порядок вещей, свое горе, свои радости, свои надежды и стремления, — словом, как говорится, свой особый *внутренний* мир. А этот-то внутренний мир и находит свое выражение в поэзии. Вот почему поэтические произведения, очень нравящиеся одному классу или слою общества, часто теряют почти всякий смысл для другого. Вот пример.

У нас в России еще в недавнее время почти все богатства, все почести, все высшие служебные места сосредоточивались в руках дворянства, которое было *господствующим классом*. Но у нас дворянство все-таки никогда не достигало такой огромной власти, как в некоторых других европейских государствах. Несколько сот лет тому назад — в течение всего так называемого средневекового периода — более крупные дворяне-аристократы (бароны, герцоги, графы) совсем не признавали над собой власти государей. Они были настоящими царьками в своих огромных имениях, к которым принадлежали целые области и города. Они считали — как считает теперь наш царь, — что властвуют «божиею милостью», сами творили суд и расправу над своими подданными, по своему собственному произволу вели войну или заключали мир со своими соседями. Можно сказать, что война была их ремеслом, их единственным занятием. Все остальные роды деятельности они считали низкими и недостойными их звания. И вот это-то богатое, праздное, воинственное и независимое — феодальное, как его называют, — дворянство выработало свой особый род поэзии, способный увлекать только его, а не другие классы общества. Один из таких владетелей, когда-то знаменитый своим задором

и своими песнями, говорит в одной из этих песен, что «человек только и ценится по числу полученных и нанесенных им ударов» (конечно, мечом, а не кулаком). «Мне нравится, — говорит он далее в той же песне, — когда люди и стада разбегаются перед скачущими воинами... еда, питье, сон — ничто так не манит меня, как вид убитых, в которых торчит пронзившее их насквозь оружие» [1]. Вы понимаете, читатель, что такого рода поэзия, такие песни могли восхищать только господ дворян и едва ли нравились их крестьянам, тем самым «людям», которым приходилось «убегать перед скачущими воинами». Эти «люди» имели свои песни, свои сказки и предания, не возбуждающие ничего кроме презрения в высшем классе общества.

Другой пример. Одним из лучших произведений нашего русского поэта А. С. Пушкина по справедливости считается роман в стихах под названием «Евгений Онегин». Роман этот написан прекрасно, стих у Пушкина превосходный. Но главным действующим лицом в романе — его *героем* — является барин (этот самый Онегин), о характере которого вам, людям тяжелого подневольного труда, нелегко даже составить себе понятие. Это — изволите ли видеть — человек «хандрящий», «разочарованный», т. е. попросту ни к какому делу не склонный, не способный и потому не знающий, куда девать себя от скуки. От скуки он таскается по белу-свету, от скуки ухаживает за барышнями, от скуки выходит на дуэль. В свое время роман этот наделал много шуму, да и теперь еще его с удовольствием читают люди высших классов. Но если, пользуясь воскресным отдыхом, за него возьмется человек, проработавший целую неделю на фабрике, то его вряд ли займут похождения «разочарованного» барина. Такой человек видел много настоящего, неподдельного горя, но он не знал «хандры» и «разочарования» точно так же, как не знали этих мудреных вещей те крепостные крестьяне, с которых получал оброк господин помещик Онегин. Рабочий просто не поймет внутреннего содержания этого романа [2].

Возьмем третий пример, еще более к нам близкий. Наша так называемая интеллигенция очень любит стихотворения Н. А. Некрасова. Эти стихотворения действительно очень недурны, *хотя Некрасов и не имел большого таланта*. Но опять-таки вам, живущим трудом рук своих, будут непонятны многие из некрасовских стихотворений. И не потому непонятны, что вы менее образованы, чем «интеллигенция». Нет, это различие происходит из особенностей вашего *общественного положения*. В своих произведениях Некрасов часто изображает те страдания «интеллигентного» человека, которые происходят от сознания его «вины перед народом». Откуда взялось такое сознание, откуда явились причиняемые им страдания? Дело, вообще говоря, понятное. Целые сотни лет высшие и средние классы — чиновничество, дворянство, духовенство, купечество — только и делали, что давили народ, целые сотни лет народные нужды и бедствия не вызывали в них ни малейшего сострадания. Но вот, с развитием образования — по причинам, о которых говорить здесь не место, — некоторым более честным личностям сделалось, наконец, стыдно за

дела их отцов, им стало невыносимо в кругу угнетателей народа, в этой среде

«...ликующих, праздноболтающих,
Обагряющих руки в крови» [3].

Они сознали, что все их благосостояние основано на бедствиях и нищете народа. Их мучило это сознание, и потому естественно, что им нравились стихотворения, в которых выражались их страдания. Для них прочитать такое стихотворение было все равно, что отвести душу в разговоре с сочувствующим и умным человеком. Но вы, трудящиеся, дети тружеников-отцов, перед каким «народом» и в чем вы «виноваты»? Вы сами «народ», вы сами принадлежите к числу «обиженных» и «униженных» и будете виноваты только перед своими детьми, если не завоюете для них лучшего будущего. Вот почему — только поэтому — вас не затронут многие из тех стихотворений, которые так глубоко трогают нашу интеллигенцию. За вами нет невольной вины интеллигентных людей, а потому вы и не знаете мук их раскаяния. А не испытавши этих мук, вы не можете восхищаться теми стихотворениями, в которых они выражаются.

У вас должна быть *своя* поэзия, *свои* песни, *свои* стихотворения. В них вы должны искать выражения *своего* горя, *своих* надежд и стремлений.

Чем сознательнее станете вы относиться к своему положению, чем больше гнева и негодования будет возбуждать в вас ваша современная участь, тем настойчивее будут эти чувства проситься наружу, тем богаче будет ваша поэзия.

И не одно только горе, не одно отчаяние найдет в ней свое выражение. Понявши, что такое *есть* работник, вы поймете, *чем* он может и должен быть. Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера также отразится в вашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми, как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства.

В ожидании этого желанного времени мы предлагаем вам, что можем: маленький сборник стихотворений, изображающих как ваше современное положение, так отчасти и ваши задачи в будущем. Стихотворения Некрасова, Гуда [4], Гейне, Морозова [5] изображают ту печальную долю, которая тяготеет теперь над рабочими всех полов, возрастов и национальностей. Собственный опыт подскажет вам, что прав был поэт, воскликнувший:

«Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля *.

* См. стихотворение «Размышление у парадного подъезда» Н. Некрасова, помещенное в нашем «Сборнике». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

В этих же стихотворениях вы найдете и ответ на вопрос: как же вам добиваться лучшей участи? Они призывают вас к упорной, беспощадной борьбе с вашими угнетателями.

«Довольно вы гнулись под игом судьбы,
Разбейте оковы. Смелее» *.

Но ваша борьба не имела бы смысла, если бы вы не дали себе ясного отчета о том, *во имя чего* вы ее начинаете, к *каким целям* вы стремитесь. Конечно, ошибкой было бы думать, что какие бы то ни было стихотворения могут *выяснить* такие сложные понятия. Но они могут служить выражением той мысли, которая должна руководить вами в борьбе. Это и делает, например, первая глава стихотворения Гейне «Германия». Автор советует читателям отбросить гнилые поверья относительно *загробной* жизни, в которой человек вознаграждается будто бы за испытанные им на земле несправедливости. Он говорит, что те, которые поддерживают эту веру, только

«...морочат ребенка-народ,
Чтоб гнул он покорнее шею» [6].

«Царство небесное», т. е. счастливая, свободная, независимая жизнь, будет «здесь», на земле, если только народ сумеет восторжествовать над своими врагами. Другого рая нет и быть не может. А в этом *земном* раю будут жить лишь одни трудящиеся люди. В нем не будет места праздным лентяям, эксплоататорам чужого труда.

«Ленивому брюху мы есть не дадим,
Что добыли дельные руки,
И царство небесное здесь создадим
Себе мы без слез и без муки».

Когда установится такой счастливый порядок, люди перестанут вырывать — как они это делают теперь — друг у друга кусок изо рта, подобно хищным зверям. Они будут *работать сообща на общую пользу*, наслаждаясь земной жизнью и не думая о небесной. Тогда ни для кого не будет недостатка ни в пище, ни в других *предметах потребления*, ни в образовании, ни в удовольствиях:

«У щедрой кормилицы нашей земли
Для всех нас довольно и хлеба,
И миртов зеленых, и роз, и любви, —
К чему торопиться на небо?»

Такова мысль этого стихотворения, которая есть в то же время *руководящая мысль современного рабочего движения* во всех цивилизованных странах. Именно этой мыслью должны проникнуться наши рабочие, пристающие к социал-демократии: им не нужно ни царя, ни бога, они должны стать своими собственными господами и, завоевавши себе свободу действия, создать новый, *социалистический*, порядок.

* См. «Тюремные видения» Н. Морозова, также помещенные в «Сборнике». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Теперь вы понимаете, читатель, какой смысл имели наши слова о том, что всякий общественный класс вкладывает в поэзию *свое особое содержание*. Только что разобранное стихотворение Гейне есть лишь слабый зачаток поэзии рабочих; а между тем попробуйте сравнить ее с вышеприведенными отрывками из песни *феодального поэта*. Одного вдохновляет мысль о просвещении, равенстве и счастье людей. Другой ничем так не восхищается, как видом трупов, «в которых торчит пронзившее их оружие». Похожи ли эти два рода поэзии один на другой? Какой из них лучше и возвышеннее?

Правда, цивилизованные люди давно уже перестали восхищаться кровожадными песнями феодального дворянства. Но только рабочий класс даст поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть истинным представителем идеи *труда и разума*.

Проникнитесь же важностью этого сознания и дружнее принимайтесь за предстоящее вам трудное, но великое дело своего освобождения. *Ваша победа* принесет счастье всему человечеству.

Женева, 25 апреля 1885 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитата из старинной военной песни одного из крупнейших поэтов феодализма, французского трубадура *Бертрана де Борн* (1140—1215).

Приводим выдержку из заметок Плеханова о поэзии трубадуров, найденных в одной из его тетрадей (№ 45).

«Из военной песни трубадура Бертрана де Борна, сеньйора Готфорского: человек только и ценится по числу полученных и нанесенных им ударов.

Этот рыцарь, современник Ричарда Львиное Сердце, которому «любо теплое время весны, когда распускаются листья и цветы, любо слушать щебетанье птиц и веселое их пенье, раздающееся в кустах», признается, что ему нравится, когда «люди и стада разбегаются перед скачущими воинами», что «убитый лучше живого побежденного», что «еда, питье, сон, ничто так не манит его, как... вид умерших, в которых торчит насквозь их пронзившее оружие». («История завоевания Англии норманами». Ог. Тьерри, ч. II, pièces justificatives к книге 8, № пиесы 2, стр. 342—4)».

[2] Позднее Плеханов отказался от высказанных в этой ранней его работе мыслей о Пушкине. Вспоминая в 1917 г. о своей речи на похоронах Некрасова в 1877 г., Плеханов говорит: «Я начал свою речь тем замечанием, что Некрасов не ограничился воспеванием ножек Терпсихоры, а ввел в свою поэзию гражданские мотивы. Намек был совершенно ясен. Я в свою очередь имел в виду Пушкина. И само собой разумеется, что я был кругом неправ перед ним: Пушкин воспевал не только ножки Терпсихоры, о которых он, кстати сказать, и упомянул-то мимоходом. Но таково было наше тогдашнее настроение. Все мы в большей или меньшей степени разделяли взгляд Писарева, который «разнес» нашего великого поэта в известной статье «Пушкин и Белинский». Я потому привел здесь это место своей речи, что мне захотелось покаяться: лучше поздно, чем никогда. Но, каясь в своем грехе, я считал справедливым привести то смягчающее обстоятельство, что далеко не один я грешил им в то время» («Похороны Некрасова» — «Год на родине», т. II, стр. 256. См. перепечатку этой статьи в настоящем сборнике).

[3] Из стихотворения Некрасова «Рыцарь на час».

[4] *Гуд*, Томас (1799—1845) — английский поэт, в стихотворениях которого частично нашло отражение бедственное положение английских рабочих. Особенной известностью пользуется его «Песнь о рубашке», где он рисует яркую картину тяжелого труда и нищенского положения работницы швеи; это стихотворение заново переведено на русский язык Э. Багрицким.

[5] *Морозов*, Николай Александрович (род. 1854) — народоволец, просидевший более 20 лет в Шлиссельбургской крепости, ученый и поэт. Его стихотворения собраны в книге «Звездные песни», М., 1920.

[6] Цитаты из поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка» даны здесь в переводе Заезжего, просмотренном И. С. Тургеневым, по лейпцигскому изданию 1875 года.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «РЕАКЦИОННЫЕ ЖРЕЦЫ ИСКУССТВА»

Публикуемая рукопись представляет собой черновой набросок незаконченной первоначальной редакции статьи «Реакционные жрецы искусства и г. А. В. Стерн», опубликованной в 1888 г. в журнале «Свобода», № 15. В Собрании сочинений Г. В. Плеханова она вошла в X том, стр. 408—422. Первоначальная редакция несколько отличается от статьи. Рукопись ее занимает 8 листов, исписанных рукой Плеханова с одной стороны, в тетради с разными его набросками и заметками, относящимися к концу 80-х годов.

«РУССКИЙ ВЕСТНИК» В РОЛИ ЗАЩИТНИКА РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Что представляют собою русские революционеры? Откуда взялась эта категория людей, так мало похожих на других обывателей святой Руси? На эти вопросы различные органы нашей печати отвечали различно. «Русский вестник» [1] старался уверить читающую публику в том, что наши революционеры или — как любил он выражаться — анархисты представляют собою не что иное, как

«Сброд воришек и грабителей,
Огорчающих родителей...»

Между тем как реакционная публицистика призывала на головы революционеров уголовные и административные громы, гг. беллетристы «Русского вестника» старались доканать их с помощью «искусства». Всякому известно, какие чудовища играют обыкновенно роль нигилистов в «художественных» произведениях писателей этого пошиба. Невежественный и вообще совершенно ничтожный в умственном отношении «нигилист», фигурирующий на страницах «Русского вестника», представляет собою кроме того сосуд всевозможных нравственных пороков. К отвратительным чертам духовной физиономии прибавляется еще и физическое уродство, оттеняемое до крайности неряшливым костюмом. Словом, наш нигилист необразован, глуп, подл, ленив, труслив, развратен, некрасив и грязен. Так говорил покойный М. Н. Катков [2], так говорили литературные «молодцы», зачисленные им по беллетристической «части». По смерти Каткова г. Берг [3], принявший на себя редакцию «Русского вестника», обещал во всем остаться верным программе своего предшественника. Читатели могли ожидать, таким образом, что столь знакомый им и столь интересный тип нигилиста не будет изгнан со страниц «Русского вестника». Но хотя г. Берг и не отказывает себе в удовольствии облить грязью нашего революционера, однако мы с сожалением видим, что в редактируемом им органе уже нет прежнего единства направления. Это особенно заметно в отделе «изящной» литературы. Беллетристы

«Вестника» обнаруживают какое-то подозрительное шатание, а г. А. В. Стерн [4] так и прямо начинает противоречить всем литературным традициям приютившего его органа.

Названный писатель как будто бы задался целью показать, что наши реакционеры совершенно неправы в своей оценке русского революционного движения и что не порочные наклонности, а напротив самые хорошие побуждения толкают нашу молодежь на путь «отрицания» и борьбы с правительством. Такова, по крайней мере, мораль его повести «*Из гнезда*», напечатанной в февральской, мартовской и апрельской книжках «Русского вестника».

Защита революционеров на страницах этого органа представляет собою до такой степени неожиданное и вместе с тем знаменательное явление, что мы считаем весьма полезным обратить на него внимание читателя.

Содержание повести очень несложно. В некотором уезде некоторой губернии жил-был помещик Степан Алексеевич Волков. Долго оставался холостяком сей почтенный представитель русского дворянского сословия, но в конце концов вспомнил, что не добро быть человеку едину и вступил в законный брак с весьма уже зрелой девицей Евгенией Васильевной Ставроховой. От этого брака родилась дочь Надя, которая и является главным действующим лицом в интересующей нас повести.

Степан Алексеевич и его супруга были люди очень добрые и мягкие. Даже свою комнатную собачку добрый барин «наказывал не иначе, как спустив рукав халата и тихонько ударяя им», — говорит автор. Их любимица Надя также отличалась очень добрым характером. Можно было бы думать, что эта семья имеет все данные, для того чтобы жить в ладу и согласии. Но на деле вышло иначе. Доброта Нади оказалась совсем не похожей на доброту ее родителей — и это обстоятельство роковым образом привело к страшному семейному разладу.

Гувернантка Нади, m-lle Joséphine, первая заметила некоторые странности в характере своей воспитанницы. «Elle a des idées, cette enfant, oh, mais des idées! * — говорила француженка. Г-жа Волкова вполне признавала справедливость этого замечания. «Идеи» дочери и ее нередко повергали в смущение.

В чем же заключались эти ребяческие «идеи»? Конечно, не в чем-нибудь разрушительном. Надя старалась лишь применять на практике те понятия о добре и справедливости, которые старательно внушались ей самими родителями. Ей и в голову не приходило, что в глазах взрослых главною отличительною чертою этих понятий является их полная практическая неприменимость.

Чтобы Надя не скучала в одиночестве, Степан Алексеевич решился взять к себе в дом, «на-вовсе», дочь одной бедной помещицы, обремененной многочисленной семьею. Но если присутствие Ани (так звали живую куклу, добытую Волковым для дочери) и способно было развлекать Надю, то, с другой стороны, оно же заставило ее задумываться.

* — у нее идеи, у этой девочки, и какие идеи! — *Ред.*

Первое время своего пребывания у Волковых Аня решительно во всем подчинялась Наде. — Хочешь в куклы играть? — спрашивала та.. — А вы хотите? — Хочу. — Ну так и я хочу. — Читать будешь? — А вы будете? — Ну так и я и т. д. Эта непостижимая для Нади покорность так раздражала ее, что однажды она даже прибила Аню. «Зачем ты меня все слушаешься, зачем слушаешься, противная девчонка», — вопила она «голосом, прерываемым рыданиями». Подоспевшая гувернантка восстановила порядок, рассадивши их по разным комнатам. Вспыльчивую Надю скоро взяло раскаяние, но она долго крепилась, повторяя: «так ей и надо, противной, так ей и надо, зачем слушается, иезуитка!» Однако в сумерки она пробралась в каморку своей подруги, и там между двумя девочками, одинаковыми по возрасту, но жившими до тех пор при совершенно различных условиях, произошло весьма интересное объяснение.

— Аня, перестань, прости меня, говорила Надя, вот я какая гадкая! Но зачем же ты меня всегда слушаешься?

— Мамаша говорила, что я должна ежечасно угождать вам, а то меня держать не станут, отправят домой.

— А ты не хотела бы вернуться к своим? — спросила Надя. — Ведь там на хуторе у тебя мама, сестры, братья; ты их не любишь?

Аня вдруг громко зарыдала... *

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русский вестник» — литературно-политический журнал, основанный в 1856 г. в Москве М. Н. Катковым. Вначале он имел либеральное направление. В нем сотрудничали: Тургенев, Л. Толстой и др. После польского восстания 1863 г. стал органом крайней реакции и яростно ополчился против «молодого поколения». С 11-го номера 1887 г. издание было приобретено Ф. Н. Бергом и перенесено в Петербург. В 1896 г. его снова приобрел и перевел в Москву сын Каткова.

[2] После польского восстания 1863 г. Катков из либерала, сторонника английской конституции, превратился в ярого защитника самодержавия и злобного противника прогресса.

[3] *Берг*, Федор Николаевич (1840—1909) — писатель. Литературную деятельность начал в 1860 г. в «Современнике» своими стихотворениями и переводами из Гейне и других поэтов, но в конце 60-х годов примкнул к представителям крепостнической литературы, сотрудничал в «Заре», «Гражданине» и других реакционных органах, выступая против освободительных идей 60-х годов.

[4] *Стерн, А. В.* — псевдоним Александры Алексеевны *Венкстерн* (род. 1844) — сотрудницы «Нивы», «Русского обозрения» и других журналов. Отдельным изданием из ее произведений вышли: «Три повести», «Брак по любви», «Очнулись» и др.

РЕЧЬ НА МОГИЛЕ ДЕЛИНА

Печатаемая речь, произнесенная Плехановым 14 марта 1914 г. на могиле литератора Делина (М. О. Ашкинази) в Ницце, имелась в архиве в двух редакциях. При первой публикации в сборнике «Группа Освобождение труда», № 3 обе редакции были объединены в одну с устранением повторений. В таком виде речь была

* На этом рукопись обрывается. — *Ред.*

перепечатана и в вышедшем в 1933 г. сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик». В настоящее время из этих рукописей сохранилась только одна, не совсем соответствующая первой части опубликованной статьи. Воспроизводим в точности эту рукопись, дополняя отсутствующий конец речи по опубликованному тексту. Сохранившаяся рукопись представляет собой автограф Плеханова, написанный чернилами с четырех сторон почтового листа.

ПАМЯТИ ДЕЛИНА

Гг.! Кто знал Делина [1], тот не мог не любить его. Для всех, имевших более или менее продолжит[ельные] личные отнош[ения] к нему, смерть его является большой потерей. Лично мне становится оч[ень] грустно при мысли о том, что я уже никогда, ни в Ницце, где навещал его зимою, ни в Женеве, где он навещал меня летом, не увижу его улыбки, полной такого неподдельного и такого беспредельного добродушия. Но его исчезновение не есть только личная потеря для его близких. Далеко нет. (Правда, Дел[ин] не был воинствующим представителем какого-нибудь определенного политического направления. В ранней молодости он склонялся к анархизму: но, насколько я знаю, склонность эта у него довольно скоро исчезла.)

Делин не был выдающимся работником в той области общ[ественной] деятельности, которая назыв[ается] у нас *культурной работой*. В течение долгих лет он неутомимо трудился над ознакомлением Франции с лучшими созданиями русской литературы и русского искусства. В этой области его заслуги поистине очень велики, и за это ему должна сказать большое спасибо вся культурная Русь, и не только *Русь*. Смею думать, что его новое отечество, *Франция*, тоже кое-что выиграло, ознакомившись, благодаря ему, со многими произведениями русского литературного и художественного творчества. О нем с полным правом можно сказать, что он много содействовал *франко-русскому союзу*, но тот союз России и Франции, для [которого] *он* работал, не имел ничего общего с *шовинизмом*. Симпатия к *Франции* не предполагала у него неприязни к *Германии*. Этот союз был сближением двух культурных народов на почве идейного и художественного творчества. Хотя он и не был исключительным сторонником одного какого-нибудь политич[еского] направления, но это не мешало ему быть убежденным *интернационалистом*. Вообще, он горячо сочувствовал всякому прогрессивному движению, какое он видел в области науки, литературы или искусства. Он был непримиримым врагом русского деспотизма. «Les victimes du tsar» (1880 г.), когда французы еще так мало знали о русском «нигилизме». Его ненависть к деспотизму и причинила то, что... *

* На этих словах рукопись обрывается. Дальнейший текст взят из опубликованной статьи.

В опубликованной статье имеется вариант этого места. Приводим его:

«Он горячо сочувствовал всякому прогрессивному движению в области науки, литературы, искусства и политики. Он был непримиримым врагом русского деспотизма, он горячо сочувствовал освободительному движению пролетариата: «Фердинанд Лассаль» (брошюра), «Праздник в честь Герцена» и «Жертвы царя» (1880 г.), когда французы еще так мало знали о русском нигилизме». — *Ред.*

Вы все помните праздник в честь Г[ерцен]а; вы все помните, какое горячее участие принимал в нем Делин *. У Делина не было таланта Г[ерце]на. Да и никто из нас не имеет его. Но это горячее сочув[ствие] одного выходца из России другому выходцу, представителю более раннего времени, свидетельствует о том, что, вообще говоря, они принадлежали к одному разряду общественных деятелей.

Во времена Г[ерце]на таких деятелей было очень мало, теперь их гораздо больше. Но их все-таки еще меньше, нежели нужно. Тем теснее должны они сомкнуться.

Пусть об этом напомнит нам нынешний день, когда мы провожаем Делина в его [последний путь] **.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Под фамилией Делин натурализовался во Франции старый русский эмигрант и литератор М. О. Ашкинази (1851—1914). Ашкинази в конце 70-х годов сотрудничал в «Новороссийском телеграфе», а позже в «Неделе» и «Деле», в Париже им переведен на французский язык ряд произведений Гончарова, Достоевского, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина и др. На французском же языке вышел ряд его романов, в том числе «Les victimes du tsar», и несколько сборников публицистических и критических статей.

* См. выше письма Делина к Плеханову в предисловии к публикации «Работы о Герцене». — *Ред.*

** Последние слова взяты в скобки Л. Г. Дейчем, как написанные неразборчиво. — *Ред.*

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ» [1]

В настоящей публикации даны выборки из многочисленных рукописей и тетрадей Плеханова, относящихся к его работе над «Историей общественной мысли». Отбор произведен по двум признакам — по связи с темой настоящего сборника и по большей или меньшей новизне материала. Исходя из этого, мы остановились на четырех темах, которые и составили содержание настоящего отдела: 1) Кантемир, 2) Ломоносов, 3) Фон-Визин и 4) Радищев.

А. Д. КАНТЕМИР [1]

Настоящая публикация состоит из двух частей. В первую вошли небольшие отрывки первоначальной редакции главы «Общественная мысль в изящной литературе» из второй книги «Истории общественной мысли» (Соч., т. XXI, стр. 208 и след.). Эти отрывки относятся, главным образом, к творчеству Кантемира. Вторую часть публикации составили заметки в черновых тетрадях Плеханова, представляющие собой подготовительную работу частью к той же главе, частью к главе, специально посвященной Кантемиру, вошедшей в ту же книгу (Соч., т. XXI, стр. 78—102).

Отрывки первоначальной редакции занимают в общей сложности 17 листов, из которых печатается только 8; остальные слишком разрознены. Почерк рукописи частью Г. В. Плеханова, частью Р. М. Плехановой. Печатаемая часть статьи написана чернилами на линованных писчих листах большого формата, с одной стороны листа. Заметки написаны рукой Плеханова, карандашом, в тетради (№ 184), где они занимают три листа, и в блокноте (№ 202), где занимают 38 листов, исписанных с одной стороны, и на 11 листах разного формата, исписанных в большинстве с двух сторон.

ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

1 *ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

I

В одной из замечательных статей своих, посвященных «критике гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевский говорит, что критический элемент играл в нашей литературе до Гоголя второстепенную роль. «Да и не только критического, но и почти никакого другого определенного элемента нельзя было отыскать в ее содержании, — прибавляет он, —

если смотреть на общее впечатление, производимое всею массою сочинений, считавшихся тогда хорошими или превосходными, а не останавливаться на немногих исключениях, которые, являясь случайными, одинокими, не производили заметной перемены в общем духе литературы». В подтверждение этой своей мысли Чернышевский указывает на то, что многие его современники уже не удовлетворялись содержанием пушкинской поэзии, «но у Пушкина было во сто раз больше содержания, нежели у его сподвижников *, взятых вместе». Их поэзия была почти совсем лишена содержания: «форма была у них почти все, под формою не найдете у них почти ничего» **.

2 Чернышевский потому и придавал | огромное значение литературной деятельности Гоголя, что именно под влиянием автора «Мертвых душ» в литературе нашей явилось серьезное содержание. «Он пробудил в нас сознание о нас самих — вот его истинная заслуга», утверждал Чернышевский, подводя итог своим суждениям о Гоголе.

Само собою понятно, что если даже у сподвижников Пушкина форма была почти все, а под формой не было почти ничего, то еще беднее была содержанием изящная литература XVIII века. Сам Чернышевский не делает этого вывода; но он не делает его единственно потому, что в указанной его статье вообще нет речи о русской изящной литературе предшествовавших столетий. Если бы он заговорил о ней, то, конечно, отозвался бы об ее деятелях еще суровее, нежели о поэтических сподвижниках Пушкина. Правда, Чернышевский гораздо благосклоннее смотрел на литературных деятелей сатирического направления. По его словам, направление это «всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы». Если он не счел нужным говорить о Кантемире, Сумарокове, Фонвизине и Крылове, как о предшественниках Гоголя, старавшихся внести живую струю в нашу литературу, то единственно потому, что не нашел нужным распространяться по поводу «общепризнанной истины». Но дальше он говорит, что до появления Гоголя сатирические произведения... [2]

---

8 ... | [бро]сается в глаза, например, при изучении французской просветительной литературы XVIII века. Она же весьма заметна и в сочинениях русских просветителей XIX столетия. Так как разум и благородное чувство Чернышевского и его единомышленников во многих отношениях сильно отличались от разума и благородного чувства литературных деятелей прежних периодов, то наши просветители и находили, что литература прежних периодов слишком мало проникнута была сознанием о соответ-

---

* Чернышевский называет «Языкова, Козлова и проч.» — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** *Н. Г. Чернышевский*, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 13. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

*

ствии или несоответствии изображаемых ими явлений с нормами разума и благородного чувства, т. е. что она была слишком бедна содержанием.

Так объясняется происхождение той неправильной мысли Чернышевского, что только Гоголь пробудил в нас сознание о нас самих *. От просветителей шестидесятых годов эта неправильная мысль заимствована была некоторыми позднейшими исследователями. Именно ею порожден был тот взгляд на нашу изящ-
9 ную литературу XVIII в., согласно которому | [она] занята была выработкой формы для содержания, имевшего возникнуть лишь в более или менее отдаленном будущем.

На самом деле, это было, повторяю, не так. На самом деле наша изящная литература XVIII столетия, — и, в частности, в первой его половине, — вовсе не лишена была содержания. Наконец, не подлежит сомнению и то, что литературе этой совсем не чуждо было сознание о соответствии или несоответствии изображаемых ею явлений жизни с нормою разума и благородного чувства. В глазах историка русской общественной мысли весь вопрос сводится лишь к тому, какова именно была эта норма. А на него нам должна ответить сама эта литература.

II

Мы начнем с Кантемира, сатиры которого были будто бы «часто совершенно отрешены от жизни и современной действительности».

Под конец своей жизни Белинский с удовольствием отмечал, что литература наша, по его словам, бывшая для нашего общества живым источником даже практических нравственных идей,
10 «в | лице Кантемира объявила нещадную войну невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, ябеде, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которые она застала в старом обществе, не как пороки, но как правило жизни, как моральное убеждение» **. Кантемир, в самом деле, вел эту нещадную войну. И прежде всего он воевал с невежеством.

В сочинениях, посвященных русской литературе, нередко можно прочитать, что первая сатира Кантемира («К уму своему») была подражанием девятой сатире Буало («A mon esprit»). Но подражание ограничивалось в этом случае второстепенными или даже третьестепенными частностями. По содержанию своему сатиры эти совсем не похожи одна на другую. В сатире Буало

* Внизу страницы имеется вычеркнутое примечание Плеханова. К какому месту оно относится, Плехановым не показано. Приводим это примечание:

〈Собственно говоря, мысль эту можно найти еще в некоторых статьях Белинского, но нам нет надобности писать здесь ее точную родословную. Достаточно вспомнить, что родоначальником наших просветителей явился именно Белинский〉. — *Ред.*

** Сочин[ения] *В. Белинского*, часть двенадцатая, Москва, 1882 г., стр. 245—246. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

мы имеем дело с литературной полемикой, между тем как в сатире Кантемира осмеивались обскуранты, хулившие учение [3]. В борьбе с ними Кантемир выступает перед нами не только просвещенным птенцом гнезда Петрова, но также, — что следует помнить, — птенцом, поставленным судьбою в определенные исторические условия. Сатира «К уму своему» написана в то печальное время (царствование Петра II), когда не... [4]

---

18 .... | его отцом *, и вы увидите, что она может с честью выдержать сравнение (конечно, я не говорю о языке). Но за этой блестящей характеристикой следует (довольно сомнительное) соображение. Кантемир говорит, что у Клита [5] следует кое-что заимствовать тому, кто хочет служить при дворе:

> «Короткий язык, лицо и радость удобно
> И печаль изображать, когда больше способно
> К пользе себе, по других лицу применяясь,
> Честнее будет он друг, всем дружен являясь...»

По поводу этого сомнительного соображения Галахов говорил: «в изображении обязанностей придворной особы вы видите не строгое требование нравственного долга, а какой-то нравственный эклектизм, подозрительную снисходительность» [6]. Это верно. Подозрительная снисходительность тут есть. В защиту Кантемира можно сказать, — и это очень важно, — что он изображает не *нравственные* обязанности «придворной особы», а те средства, к которым нужно прибегать этой особе, если она
19 хочет, подобно Клиту, служить с успехом. | Иное дело нравственность, а иное дело целесообразность **. И ниоткуда не видно, что сам Кантемир когда-нибудь собирался стать сослуживцем Клита. Напротив, его уже известная нам склонность к умеренности внушала ему совсем другой план устройства своей жизни. «Кто в тихом своем углу молчалив таится», тайно веселя себя тем, что дает ему мудрость всеблагая, тот не имеет никакой нужды в усвоении себе вкрадчивых манер Клита. Всего этого было бы вполне достаточно, чтобы отвести от Кантемира упрек, направленный против [него] Галаховым. Но наш сатирик высказывает общую мысль, позволяющую утверждать, что он, до известной степени, вообще не чужд был подозритель-

---

* «Мне завещал отец:

> «Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
> Хозяину, где доведется жить,
> Начальнику, с кем буду я служить,
> Слуге его, который чистит платье,
> Швейцару, дворнику для избежанья зла,
> Собаке дворника, чтоб ласкова была». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Сатирик так и говорит:

> «... Многосмирение и рассудность многу
> Советую при дворе...» — *Прим. Г. В. Плеханова.*

ной снисходительности в своих нравственных требованиях. Мы читаем у него в той же сатире:

〈... Лучшую дорогу избрал, кто правду всегда говорить принялся, но и кто правду молчит, виновен не стался, буде ложью утаить правду не посмеет〉 *.

NN ... | Жить согласно правилам «златой умеренности», «вне знатности сидеть», т. е. не занимать высших ступеней общественной иерархии [7]. А какими средствами достигались эти ступени? Это известно. Допустим, что при Петре I на эти ступени попадали в большинстве случаев способные и деятельные люди. Но сколько интриг нужно было преодолеть, сколько интриг нужно было придумать этим способным и деятельным людям для того, чтобы проложить себе дорогу и удержать за собою те позиции, которые им удавалось занимать! Чтобы упражняться в этих позициях, нужно было обладать волчьим ртом и лисьим хвостом. Феофан Прокопович обладал и тем и другим [8]; у Кантемира, повидимому, не было ни того, ни другого. Разница — в пользу Кантемира.

Чтобы употреблять в дело волчий рот и лисий хвост, нужно было следовать правилам такой морали, в сравнении с которой дорогая Кантемиру мораль «златой [умеренности]...» **

ЗАМЕТКИ К СТАТЬЕ О КАНТЕМИРЕ

ЗАМЕТКИ В ТЕТРАДИ

ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА

О журналах времени Елизаветы — нападки на салонную жизнь. Обратить внимание на статью *Морозова о Кострове, Венгеров, стр. 296. — Поэзия = забава* — сравнить это с моим отзывом о взгляде Кантемира на занятия поэзией (№) [9]. У Морозова же — *подобострастный клиентизм* рус[ской] литературы [10]. Львов Н. А. называл Ломоносова сыном усилия. Венгеров, 456 [11].

К рус[ским] писателям, даже дворянам, применимы слова Хемницера: Жил честно, целый век трудился и т. д. [12]. *Венгеров, 460.*

---

* Приводим вариант стр. 19:

Наш сатирик так и говорит:

«И многосмирение, и рассудность многу советую при дворе...» Если хотите служить при дворе, то ведите себя так-то. Иное дело требования нравственности, а иное дело целесообразные средства. Ниоткуда не видно, что сам Кантемир завидовал искусству Клита. Совсем напротив, мы имеем основание предполагать, 〈что златая умеренность казалась ему привлекательной отчасти и потому...〉 — *Ред.*

** Эта страница не имеет нумерации. На ней рукопись обрывается. — *Ред.*

Замечание Белинского о сатире Кантемира, 117, VIII [13].

Белинский, XII, 243, 248. №. Литература создала нравы нашего общества — сравни XII, *245, крайне важное замечание о литературе:* (источник нравственных идей) [14] — *246* — замечание Б[елинского] о *сатире* [15]; XII, 250 — литература копирует Запад.

XII, 261, Бел[инский] в старой русской литературе *нет содержания.*

Учась писать, рус[ские] писатели заимствовали у западных и *форму*, и мысли. Бел[инский], *XII, 267—8.*

Бел[инский] XII, 271 — «Дмитрий Самозванец» Сумароков давал еще в 20 гг. XIX века. № [16].

КАНТЕМИР

1-я сатира. — Положение писателя — 9 [17]. — 13 — царапает духовенство по вопросу об имениях [18].

19. — Иронич[еское] замечание о Г. Дашкове [19]. — *Понимание веры.*

2-я сатира. — 35 стр. — «*Горе от ума*» — раскланяйся, тупеем не кивнут и т. д. [20]. 36 — *мнение К[антемира] о благородстве* [21].— 42—45 — требования служебные. — 46 — похвала Петру I. — *46 — Клит — Молчалин* [22].

(Примеч[ание]) 61 — обращение со слугами (№) [23].

63. — несправедливые нападки Галахова на *Кантемира — Клита* [24].

50. — Порода и чин ср. 48 — приложения, первоначальный текст сатиры.

ЗАМЕТКИ В БЛОКНОТЕ

КАНТЕМИР

Стоюнин (В. Я.) называет Кантемира образованнейшим. Но образование Тат[ищева] было, кажется, солиднее (XI), ср. XVIII и XXXVII [25]. Кантемир — преображенского полка «*фендрик*» №, XXI, примечание.

XXV — интересно замечание Стоюнина *о Ф. Лопатинском.* В слове о власти и чести царской есть *личные намеки.* №. *Адрес Кантемира Анне* — LIV [26].

Gantier-Bibliothéque des philosophes.

Abbé Vénouti — Les satyres de monsieur le prince Cantemir. Londres, 1749*.

— Бирон и Кантемир. — LXVIII.

LXXI — *Политическая мораль Кантемира* [27].

LXXV — очень важно сравнение *Буало* с *Кантемиром* [28].

Обратить внимание на ст. «Кн. Антиох Кантемир» «В[естник] Европы», 1867, кн. 1 и 2.

---

* Гантье — Библиотека философов. Аббат Венути — Сатиры князя Кантемира, Лондон, 1749. — *Ред.*

LXXXIII — важное замечание о деятельности Кантемира за границей. №.

CXII — *Узкая сфера влияния Кантемира. «Отеч[ественные] записки»*, 1848 г., XI, соч. Кантемира, Галахова.

№. Отметить рассуждение Кантемира о благородстве, стр. *54*. Отметить противоречие, здесь заключенное, очень важно [29]. Развить. Сравнить с *Кантом*, где Кантемир говорит *о полуправде* [30].

Кантемир пишет по должности гражданина, стр. *204*.

204. — *Там же о дворянстве.* — Сравнить с 2-й сатирой Кантемира, V сат[ирой] *Буало* и VIII Ювенала [31].

219. — Ошибки Кантемира: об Елене, будто бы сестре Гектора 219 и *о ссоре Ахилла с Менелаем стр. 220*, но это, вероятно, *описки*. Ср. описку на стр. 81, I. *В I т.*, стр. *408—409*, он поправляет одну из ошибок.

87, I, ср. (№) *Гоголя и Кантемира* [32].

В V сатире, в начале — хороша картина пьянства. Министру финансов хорошо было бы перечитать стр. 112.

Письма Кантемира о природе и человеке I-е, II, III, IV, V.

II, 43 — *зачем нужны бесполезные мушки?*

По Кантемиру, материя — *гнусна*. 43, II.

46, превращение материи [33].

49, II. — *Интересное замечание о материи*, которая, м[ожет] б[ыть], способна мыслить (это все рассуждения «*Мирмона*»). — Ср. 58, II и 60 — Повторение: эти мысли сильно занимали Кантемира [34].

61, II. *Мужик простой и бессмысленный* [35].

65, II. — *Отношение субъекта к объекту, по Кантемиру* [36].

На стр. *40*, II, Кант[емир] напоминает *Карамзина*.

Неправильно относить попытки выработать цельное миросозерцание к масонству (*Семека*, Рус[ское] масонство, т. I, стр. 132). Такое миросозерцание было уже у Татищева, да и у Кантемира: его «долг гражданина».

II, 74. — Письмо VII. — Все, что знает во мне существо, есть невещественно, 74, II.

Идеализм — 74.

Достойная замечания идея о высшем существе — *74*, №.

Отголосок спинозизма?

76, II. — *Врожденная идея — 78 — Невещественность души. Свойства материи.*

78—79. №. Душа *и тело. — Ср. Кареева: человек — душа и тело* [37].

II, 81. — *Резюмэ философии Кантемира:* 81—82, II [38].

82. — *Ответ на возражения* — 82.

85. — *Возражение материалистам.* №.

88, II. — *Возражения против материализма* [39].

97, II. — *Английский народ волен* — №.

98. — *А. Кантемир борется со свободой английской печати*, 99, 100.

Кант[емир] шпионит — 101.

Кант[емир] шпионит — 102.

№ — Ср. 310, II (*о переводах*).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кантемир*, Антиох Дмитриевич, князь (1708—1744) — первый русский сатирик. Получил блестящее образование, принимал живое участие в политической борьбе, отстаивая интересы служилого дворянства против дворянской знати, позднее был посланником России в Лондоне и Париже. Кантемир является выразителем настроений той нарождающейся дворянской интеллигенции, «ученой дружины», которая создавалась в эпоху петровских реформ и очень живо ощущала наступившую после смерти Петра реакцию. В творчестве Кантемира с особой силой проявляются элементы просветительства. Нападки Кантемира на темные стороны жизни тогдашнего дворянства нашли яркое выражение в его сатирах. Однако сатиры его не могли оказать большого влияния на современных ему писателей, не могли стать литературным фактом эпохи, так как были напечатаны только в 1762 г., через 18 лет после смерти Кантемира. Тем не менее Кантемир сыграл положительную роль в развитии русского литературного языка.

[2] Все цитаты настоящего отрывка взяты из статьи Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» — Полное собрание сочинений, т. II, 1906, стр. 12—14.

Чернышевский высказывает там ту мысль, что до Гоголя сатирическое направление, которое, по его словам, правильнее было бы назвать «критическим», не было проникнуто характерным для последнего «сознанием о соответствии или несоответствии изученных явлений с нормами разума и благородного чувства» (стр. 12, примечание).

Об этом и идет речь на дальнейших страницах.

[3] О подражании Кантемира французскому поэту и критику Буало (1636—1711) Плеханов говорит в главе «Общественная мысль в изящной литературе»:

«Произведение Буало несравненно выше произведения Кантемира в смысле *формы*. Но при этом оно беднее его конкретным, прямо из жизни взятым *содержанием*» (Соч., т. XXI, стр. 213).

[4] В главе о Кантемире Плеханов указывает на затруднительное положение, в которое попали первые русские просветители, «птенцы гнезда Петрова», после смерти царя-реформатора, и которое «начало казаться почти безнадежным в царствование Петра II» (Соч., т. XXI, стр. 94).

[5] Клит — персонаж из второй сатиры Кантемира «Филарет и Евгений». См. ниже в прим. 14 к «Заметкам к статье о Кантемире» выдержку из этой сатиры, где дана характеристика Клита, сближающая его с грибоедовским Молчалиным.

[6] Приведенная цитата заимствована Плехановым из статьи А. Галахова, автора книги «История русской словесности древней и новой». Эта статья была напечатана в отделе «Критика» журнала «Отечественные записки» за 1848 г., т. LXI, и представляет собой рецензию на только что вышедшие тогда в изд. Смирдина «Сочинения Кантемира». Цитируемое место находится на стр. 17.

[7] Кантемир воспевает умеренность и довольство малым в шестой сатире «О истинном блаженстве», начинающейся словами:

«Тот в сей жизни лишь блажен,
кто малым доволен,
В тишине знает прожить,
от суетных волен
Мыслей, что мучат других...»

[8] *Прокопович*, Феофан (1681—1736) — архиепископ, государственный деятель, сотрудник Петра I, один из идеологов самодержавия. Плеханов приводит в посвященной Прокоповичу главе «История русской общественной мысли» следующие слова Прокоповича: «Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владетельством храним быть может, а если каковое-нибудь иное владения правило восприимет, содержаться ему в целости и благости отнюдь не возможно». Плеханов отмечает крайнюю убогость теоретической базы мировоззрения Прокоповича (см. *Плеханов*, Соч., т. XXI, стр. 46—56).

[9] Плеханов имеет в виду статью П. Морозова о русском писателе и переводчике XVIII в. Е. И. Кострове (1750—1796) в издании «Русская поэзия», под ред.

С. А. Венгерова, вып. I, Спб., 1893. Морозов говорит там: «Поэзия была в то время еще только забавой отдельных личностей, поддерживавших ее своим меценатством... Источник такого взгляда на людей, посвятивших себя литературе, заключается, конечно, в том, что общество не развилось еще настолько, чтобы понимать настоящее значение литературы и видеть в ней не пустую только прихоть, а насущную потребность; но с другой стороны... сама литература отчасти способствовала появлению в обществе таких суждений».

В главе «Ученая дружина и самодержавие» второй книги «Истории общественной мысли» Плеханов говорит о Кантемире и о других писателях, «тянувших служебную лямку», что они «постоянно должны были чувствовать себя в неловком положении людей, приставленных к серьезному делу, но время от времени забывающих об его интересах ради пустой забавы» (Соч., т. XXI, стр. 80).

[10] П. Морозов (см. прим. 1) говорит о тяжелом положении писателей, вышедших из низших слоев общества и не имевших ни определенного общественного положения, ни связанных с ним доходов и поэтому становившихся в зависимость от разного рода милостивцев и льстивших им в ожидании награды. Отсюда и «развился в нашей литературе... подобострастный клиентизм» (стр. 296).

[11] *Львов*, Николай Александрович (1751—1803) — писатель и общественный деятель, принадлежавший к литературному кружку Державина, Хемницера, Капниста и др.

В своей «Богатырской песне Добрыни», напечатанной в «Друге просвещения», 1804, ч. III, стр. 201, Львов называет Ломоносова «богатырем русской словесности, сыном усилия, который трудности пересиливал дарованием сверхъестественным» (Цитируется по статье Я. Грота «Иван Хемницер» — Русская поэзия, изд. Венгерова. Вып. I, стр. 456).

[12] Начало эпитафии, написанной Хемницером самому себе и вырезанной на его памятнике:

«Жил честно, целый век трудился,
И умер гол, как гол родился».

[13] Белинский в статье «Александр Сергеевич Пушкин» пишет о поэзии Кантемира, как о явлении жизненном и органическом. «С легкой руки Кантемира, — говорит он, — сатира внедрилась, так сказать, в нравы русской литературы и имела благодетельное влияние на нравы русского общества».

Ссылки из Белинского относятся к 4-му изд. Соч., т. VIII, М., 1880.

[14] На стр. 245 т. XII Белинский пишет: «Литература была для нашего общества живым источником даже практических нравственных идей. Она началась сатирою, и в лице Кантемира объявила нещадную войну невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, ябеде, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству...»

На стр. 248 Белинский называет литературу «живым источником, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия».

[15] Плеханов имеет в виду следующие слова Белинского: «Басня потому так хорошо и принялась у нас, что она принадлежит к сатирическому роду поэзии».

[16] Белинский говорит, что «трагедии Сумарокова дали пищу нашему рождающемуся театру» и восхищали не только современников.

[17] В первой сатире «К уму своему» Кантемир пишет:

«... Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду».

Ссылки на страницы относятся к изд. «Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира», Спб., 1867.

[18] Замечание относится к стиху:

«... тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».

[19] На указанной странице в примечании приведена характеристика епископа Егора Дашкова, сделанная Кантемиром, в которой говорится, что он «в наружных церемониях поставлял всю преосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поучениями и добродетели наставлять паство свое, презирал».

[20] Во второй сатире Кантемира «Филарет и Евгений» Евгений рассказывает о своем отце:

«Когда было выедет, всяк долой с дороги,
И, шапочку сняв, ему головой в ноги».

Плеханов сопоставляет Кантемира с Грибоедовым. Слова, приведенные им, принадлежат Фамусову. Сопоставляя «век нынешний и век минувший», он говорит:

«При государыне служил Екатерине,
А в те поры все важны! В сорок пуд,
Раскланяйся, тупеем не кивнут...»

[21] Кантемир говорит:

«Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
Сколь важно, и много в нем пользы признаваю».

[22] Характеристика Клита, дающая тип, близкий к Грибоедовскому Молчалину, сделана Кантемиром в следующих выражениях:

«Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой *,
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти не верит...»

[23] В примечании к стиху 290 второй сатиры Кантемир пишет о том, что чрезмерная суровость господ к слугам «обличения достойна» и что следует «сколько можно отдаляться от побоев», а если уж «настанет нужда к наказанию», то «наказывать беззлобно» и с целью исправления и примера.

[24] В примечании к словам сатиры «ползать не советую» Кантемир поясняет: «Не советую подражать Клиту в снискании себе милости высших или дружбы равных всякими подлыми поступками...»

Плеханов, в главе «Общественная мысль в изящной литературе», протестует против отождествления умеренности Кантемира с умеренностью Молчалина.

«Он [Кантемир] советует, — говорит Плеханов, — не унижаться, *а беречь свое человеческое достоинство*, не угождать тем, от которых можно чем-нибудь попользоваться, а учиться, «исследуя всех вещей действа и причины» (Соч., т. XXI, стр. 217).

[25] Настоящее замечание, как и дальнейшие, относится к статье В. Стоюнина «Князь Антиох Кантемир», помещенной, в качестве вводной, в Собр. соч. Кантемира, изд. 1867—1868 г.

[26] Речь идет об адресе императрице Анне Ивановне, составленном Кантемиром по предложению дворянских депутатов, собравшихся, при вступлении ее на престол, чтобы выразить новой императрице свои пожелания. В этом адресе, выражая волю дворянства, Кантемир писал:

«... мы... всемилостивейше просим вас соизволить принять самодержавие, с которым царствовали ваши предшественники, и уничтожить условия, присланные вашему величеству от верховного совета и подписанные вами...»

[27] Политическая мораль Кантемира выражена в стихе:

«Кто древо, как говорят, не по себе рубит,
Тот, большого не достав, малое погубит».

[28] Кантемир говорил, что в хвалебной оде императрице Елизавете он подражал Буало в его посланиях, восхвалявших короля. Однако Стоюнин отмечает существенную разницу между обоими писателями, считая, что Буало, в противополож-

---

* — в приемной у знатных. — *Ред.*

ность Кантемиру, умел держаться в пристойных границах и не унижая своего достоинства, «чтобы потомство назвало его правдивым».

[29] В примечании к 107-му стиху второй сатиры: «разнится потомком быть предков благородных или благородным быть» Кантемир говорит, что «одна добродетель может показать нас благородными» и что надо различать «меж истинным благородным и меж тем, который от благородных предков происходит; сего должно бы звать потомком благородных, а не благородным».

Противоречие, о котором говорит Плеханов, заключается в том, что предков Кантемир продолжает считать «благородными», независимо от «добродетели».

[30] Кантемир пишет о правде во второй сатире:

«... Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит, виновен не стался,
Буде ложью утаить правду не посмеет:
Счастлив, кто средины той
держаться умеет».

Параллель между этими высказываниями Кантемира и этическими взглядами Канта находим у Плеханова, в главе «Общественная мысль в изящной литературе»:

«Можно строго критиковать, — говорит там Плеханов, — ... кантову теорию нравственности. Однако никто не скажет, что Кант не был достаточно строг в своих практических нравственных требованиях. Но и строгий Кант совершенно согласился бы с Кантемиром. Известны его слова: «Если все, что говоришь, должно быть истинным, то тем не менее человек не обязан высказывать гласно всякую истину» (Соч., т. XXI, стр. 220).

[31] Плеханов отмечает здесь влияния на Кантемира Буало (см. выше прим. 19), с одной стороны, и римского сатирика Ювенала (ок. 60 — ок. 140), с другой.

[32] Вероятно, Плеханов имеет в виду стих Кантемира из четвертой сатиры «К музе своей»:

«Смеюсь в стихах, а в сердце
о злонравных плачу»,

напоминающий «смех сквозь слезы» Гоголя.

[33] Кантемир пишет:

«... пища, будучи бездушна, животворит зверя, и потом сама бывает зверем; части прежние тела его исчезли нечувствительно в непрестанной перемене» и т. д.

[34] На стр. 49 читаем:

«Я не говорю теперь, что материя мыслить не может и что не можно заключить, что части камня никогда не могут без прибавки признать себя...»

На стр. 58—60 Кантемир подвергает подробному обсуждению проблему о способности материи мыслить, приходя в общем к заключению, что «материя не может думать» (см. об этом у Плеханова в главе о Кантемире — Соч., т. XXI, стр. 91).

[35] Кантемира повергает в изумление власть ума и воли человека над его телом. Он пишет: «мужик простой и бессмысленный умеет ворочать своим телом, также и философ в анатомии искусной; ум того простака повелевает жилам, состава которых он не знает...»

[36] Вероятно, Плеханов имеет в виду следующее место на стр. 65:

«Не может быть существо, линия, циркуль, триангуль без особливых своих правил, которые от начала время и всегда будут непременны; пускай весь свет сокрушится и обратится в ничто, так что никого не останется рассуждать что о существах, линиях, циркулях и триангулях; однако они сами в себе свою правду сохранять будут...»

[37] Плеханов имеет в виду следующие высказывания Кареева, цитируемые им в ряде работ:

«И у тела и у души есть свои потребности, ищущие своего удовлетворения и ставящие отдельную личность в различное отношение к внешнему миру, т. е. к природе и к другим людям...» (*Н. И. Кареев*, Экономический материализм в истории — «Вестник Европы» 1894, № 7).

[38] Резюме философии Кантемира:

«...бог один, всемогущ и властен над нами, и для того мне с моей стороны повиноваться воле его должно и почитать божественное его определение в моей жизни».

[39] На стр. 88 Кантемир пишет:

«Все философы эпикуровой секты так слабы в своих смятениях, что они ни с которой стороны ясным доказательством утвердить не могут, признают атомы вечные, отчего — не знают; какое доказательство имеют в том, что они всегда были и сами от себя взялися? Все ль то, что есть само собою, есть главное совершенство?.. Мы знаем, что движение всякого тела не естественно, но приключение и причину имущее... Мы ясно видим, что все на свете божественную власть и премудрость нам являет» и т. д.

М. В. ЛОМОНОСОВ

ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ РЕДАКЦИЙ

Настоящая публикация представляет собой небольшие отрывки первоначальных редакций главы о М. В. Ломоносове, вошедшей во вторую книгу «Истории русской общественной мысли» (Соч., т. XXI, стр. 137—160). Вначале мы даем два варианта начала статьи, а затем два сохранившихся ее отрывка. В общей сложности печатается всего 10 листов, остальные слишком разрознены. Кроме этих отрывков первоначальных редакций, в архиве сохранился полный оригинал опубликованной статьи. Печатаемые отрывки написаны рукой Плеханова на листах писчей бумаги, чернилами, с одной стороны.

1

М. В. ЛОМОНОСОВ

Читатель, вероятно, помнит стихотворение Некрасова «Школьник». Одна строфа в нем прямо относится к Ломоносову:

«Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик,
По своей и доброй воле,
Стал разумен и велик».

Поэту «мести и печали», горячо любившему русский народ, судьба Ломоносова и других более или менее крупных выходцев из народной среды представлялась ручательством за светлое будущее России:

«Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай».

И не подлежит ни малейшему сомнению, что народ, способный выдвигать таких крупных людей, как «знаменитый архангельский мужик», не может считаться «бездарным», если уж признавать правильность той теории, согласно которой есть «бездарные» народы. Но нельзя не заметить, что Некрасов, увлекшись своей мечтой о светлом будущем России, неправильно

изобразил, как довольно легкий, тот путь к просвещению, который на самом деле был... *

1 | Россия была, по выражению Ключевского, самодержавно-шляхетским государством. Этим обстоятельством определился, между прочим, и ход ее просвещения. Лица, находившиеся около трона, сравнительно легко могли удовлетворить потребность знания, раз она возникала у них. Правда, она возникала у них очень редко. Придворная обстановка создавала особого рода потребности, ставила особого рода задачи. «Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людских отношений; поступки и дела оценивались по степени успеха, нравственное чувство... внешним приличием... лицам... **

4 ... | ученая деят[ельность] Ломоносова не имела влияния на дальнейший ход развития западной науки. И почему его открытия не обратили на себя серьезн[ого] вним[ания] даже со стороны рус[ских] ученых, шедших с ним по одной дороге. Выдающиеся умы тоже имеют свою судьбу. Их судьба в весьма знач[ительной] степени определяется не их собств[енным] удельным весом, а той ролью, которую играет их родина в ходе культурного развития человечества. И заметьте: Ломоносов был *первым* рус[ским] человеком, не получившим того влияния, которое он, казалось

* Даем два варианта начала статьи:

«Читатель, вероятно, помнит стихотворение Некрасова «Школьник». Одна строфа этого стихотворения прямо относится к Ломоносову:

«Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик,
По своей и божьей воле,
Стал разумен и велик».

И все стихотворение пропитано горячей любовью к народу:

«Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай...»

Нельзя сказать, чтобы русский север не знал крупного землевладения. Как и везде [в] России, там были монастыри, владевшие землею и рабочей силой крестьян. Но, в отличие от других частей государства, там отсутствовало поместное землевладение, что выгодно отражалось на судьбе трудящейся массы. Потомки новгородских колонистов, русские северяне, отличались более независимым характером, нежели жители ближайших к Москве местностей.

Известно, что «архангельский мужик», сделавшийся великим «по своей и божьей воле», читал книгу о скудости и богатстве и даже принял меры к тому, чтобы Академия наук приобрела для своей библиотеки список этого сочинения[1]. Это может служить одним [из] бесчисленных свидетельств [в] пользу удивительной разносторонности умственных интересов Ломоносова. Но если его занимали, между прочим, и вопросы общественного быта, то все-таки совершенно неоспоримо, что он посвящал им несравненно меньше внимания, нежели вопросам естествознания и литературы». — *Ред.*

** Нижняя половина страницы оборвана. — *Ред.*

бы, должен был приобрести и на своей родине и за границей, благодаря своим перворазрядным способностям. Но он был далеко не последним из них.

Кстати. У нас вполне (да и вполне ли?) [признали] научные заслуги Лебедева лишь после того, как о нем лорд Кель[вин] [2]...

8* ... | по дороге к свету.

Но еще прежде, нежели научиться читать, Ломоносов научился путешествовать. Отец его занимался рыбными промыслами в Белом море и в Ледовитом океане. Он нередко брал сына с собою. Многие исследователи утверждали, что величественные явления северной природы должны были будить мысль молодого Ломоносова. Некоторые из них приурочивают к этим его отроческим ⟨впечатлениям⟩ мысль о величии творца природы, часто повторявшуюся им впоследствии в своих стихах и в прозаических сочинениях. Ниже мы увидим, что происхождение этой мысли Ломоносова может быть объяснено иначе. ⟨Но здесь мы не будем останавливаться на ней⟩ *, так как наше внимание привлекает к себе теперь другая сторона дела.

Если бы Михаил Ломоносов родился в какой-нибудь помещичьей деревне, то очень может быть, что его отцу и ему не пришлось бы путешествовать дальше господской усадьбы и господских полей. А в таком случае отход в далекую Москву должен был бы представиться ему несравненно более и, пожалуй, даже | прямо несбыточным. Да и стал ли бы он тогда задумываться об отходе в Москву?

9

Наконец, если бы он все-таки ушел туда, его путь преградило бы правило, запрещавшее принимать в школы детей закрепощенного сословия.

Мы видим, что архангельский *мужик* стал разумен и велик не только по своей и божьей воле. Ему сильно помогло то, что он был именно *архангельским* мужиком, мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника.

Счастливое незнакомство с крепостным ошейником, так сильно облегчившее Ломоносову его первые попытки выйти на путь просвещения, имело еще другое влияние на его умственное развитие. И это влияние можно назвать благотворным лишь в известном смысле.

⟨Поморское население, не знавшее крепостного ошейника или только отчасти знакомое с ним, не имело повода для борьбы со служилым классом, стремившимся закрепостить крестьян⟩ **...

10 | Ничего потрясающего какие бы то ни было основы не было и в деятельности Ломоносова. Свойственная ему «благородная

* Эта фраза в тексте зачеркнута и над ней написано: «Гораздо более вероятно, что богатые приключениями путешествия». — *Ред.*

** Стр. 10 не сохранилась, но имеется дополнение к ней, которое и нумеруется, как 10-я страница. — *Ред.*

упрямка» сделала то, что никто не мог наступить ему на ногу в такое время, когда русские образованные разночинцы на каждом шагу терпели более или менее чувствительные унижения со стороны высокопоставленных «милостивцев». Правда, и ему приходилось искать покровительства И. И. Шувалова: без него нельзя было обойтись. Но вспомните гордые слова, написанные Ломоносовым по адресу того же мецената: «Не только у стола знатных господ, или у каких земных владетелей, дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл,
11 пока разве отнимет». Говорить таким языком мог только | независимый человек, умеющий постоять за свое достоинство. И при всем том, в сочинениях этого гордого и, к тому же, разносторонне ученого поморца нет и следа того недовольства «земными владыками», которое так часто выражается в книге разбогатевшего московского крестьянина-самоучки Посошкова. В сравнении с автором «Книги о скудости и богатстве» Ломоносов представляется писателем, не имеющим никакого интереса к основным вопросам общественного устройства. Конечно, по ходу своих занятий этот Малэрб [3] наших стран, подобный Пиндару [4], как назвал его Сумароков, был прежде и больше всего естествоиспытателем, а естествоиспытателю поневоле приходится оставлять общественные вопросы вне своего поля зрения. И я вовсе не ищу интереса к вопросам этого рода в таких произведениях Ломоносова, как «Слово о происхождении света» или «Слово о воздушных явлениях, происходящих от электрической силы». В них, разумеется, не могло быть места рассуждениям о тогдашних общественных отношениях в России. Но согласитесь, что для них легко могло бы найтись хоть небольшое местечко, например, в «Похвальном слове Петру Великому» или в «Похвальном слове императрице Елизавете Петровне». Еще более уместными и даже почти неизбежными явились бы такие рассуждения
12 в записке «О | размножении и сохранении российского народа». Однако их нет ни там, ни тут. Н. Булич справедливо заметил, что Ломоносов никогда не видел черных сторон петровской реформы [5]. Незаметными остались для него и черные стороны времени Елизаветы, к которому относится расцвет его ученой и литературной деятельности. Записка о размножении и сохранении российского народа, разумеется, не могла быть написана в духе панегирика: надо же было указать в ней на то, что мешало российским людям множиться и сохранять свое существование. Но и в ней мысль ученого Ломоносова останавливается на поверхности народной жизни. Мысль самоучки Посошкова проникала гораздо глубже. На первый взгляд это может показаться непонятным. Разгадка заключается в том, что, проникнутый духом личной независимости, Ломоносов был едва ли не совершенно равнодушен к тому, что совершалось в общественной жизни. Видно, что из своей родной Денисовки он не вынес таких впечатлений, которые заставили бы его впо-

М. В. Ломоносов

13 следствии задуматься над тем, | что же можно и должно было бы сделать для существенного облегчения участи порабощенного народа. Этим, я полагаю, в немалой степени определилась его роль в истории русской общественной мысли.

Что Ломоносов был горячим сторонником Петра, это как нельзя более понятно. Горячий сторонник просвещения, он не мог не преклоняться перед правителем, который «предусмотрел за необходимо нужное дело, чтобы всякого рода знания распространить в отечестве и людей искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить» *. Но когда он заявляет: «ежели человека, богу подобного, по нашему понятию найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю», тогда его похвальное слово производит на читателя впечатление лести, недостойной такого независимого человека, каким был Ломоносов. Такое же впечатление недостойной и на этот раз даже смешной лести производят следующие строки:

«За великие к отечеству заслуги назван он отцем отечества. Однако мал ему титул. Скажите, как его назовем за то, что он родил дщерь всемилостивейшую государыню нашу, которая на
14 отеческой престол мужеством вступила, | гордых врагов победила, Европу усмирила, благодеяниями своих подданных снабдила».

Это — слишком сильно даже с точки зрения риторики Ломоносова, которая гласит: «штиль в панегирике, а особливо в заключении, должен быть важен и великолепен». Выходит, что главная заслуга Петра заключается в том, что он «родил» Елисавету! Тут нет ни важности, ни великолепия. Как человек умный и чуткий, Ломоносов сам почувствовал бы ⟨негодность таких преувеличенно-«великолепных» вы...⟩

ЗАМЕТКИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

Заметки написаны рукой Плеханова карандашом на пяти листах разного формата.

Его занятия (Соловьев, Соч., 1352, 34) [6].
1353 — *периоды рус[ской] истории* (№3) [7].
335, V, Положение дел в Академии, Соловьев, *История*.
545. *Задача Ломоносова*, Сол[овьев], Ист[ория], V [8].
546. «*Шумство*» *Лом[оносова]*, С[оловьев], И[стория]. V [9].
549. Л[омоносо]в «природный русский», С[оловьев], И[стория]. V.
551. Тредьяковский хочет принести пользу *отечеству*.
845 — *Л[омоносо]в в 1748 г. составляет риторику* (№3), *а потом занимается химией*. — №3 — 850, 852.
847. — *Л[омоносо]в историк в одах и ритор в истории*.
850 — *Ломо[носо]в — помещик* [10].

* Сочинения *М. В. Ломоносова*, издание Академии наук, т. IV, стр. 368. — *Прим. Г. В. Плеханова*.

855 — *Донос Л[омоносо]ва на Миллера* [11].
859 — *«Кроме крепостных людей»* [12].
Чин и порода при Петре. Но это все такие... *
Православие и самодержавие, IV, 256, 262—*263*—265 [13]. — *Тон противен*, воспевание «благоутробия» царицы: — *265*.
267 — *Утилитарный взгляд Ломоносова на науку.*
268 — В России наукам удобнее процветать, нежели где-либо (№3).
269 — *Задачи науки в России* [14].
Платонов (№3), Лекции, 549 — Кирилл Разумовский был президентом Десьянс ** Академии 18 лет [15].
549 — Платонов, лекции. Отмена внутренних таможен для личных выгод Шувалова (№3) 549, лекции Плат[онова].
Дворянство (см. Милюкова, ст. 148, III, 1) [16].
№3. В кадетском корпусе преподавали историю Германии, но не России.
365, IV. — Бесприкладные добродетели Елисаветы [17].
368 — Первое дело Петра — распространение *наук.*
369 — Развитие производ[ительных] сил Руси.
371. — «Видели, видели отцы наши» и т. д. [18].
376 — *Петр и древность.*
381. — При Петре благосостояние Руси будто бы умножилось. — *Ср. Милюкова* [19].
382. — Величина перемены.
383. — Стрельцы, казаки, разбойники. №3.
386. — Петр умел себя побеждать.
390. — Петр — бог[20]. — *Ср. 295: Мы в жизни на великого государя воззреть не сподобились.*
390. — Смешная лесть.
Слово о пользе химии [21].
278, IV. *Выражение: прекрасные натуры рачительный любовник.*
279—280. — Химия и геометрия.
282. — Важность химии для медицины.
284. — *Огонь — общая душа.*
285. — Это для теории. — Теперь для практики.
286. — Польза металлургии.
287. — Металлургия в России.
390. — Натянутый довод: живопись и химия (№3).
292. — Умаление кровопролития химией. — №3.
293 — Химия уменьшила кровопролитие войн [22]. *Взгляд просветителя*: прямолинейный прогресс. — *294* (№3) [23].
Гимн бороде, том II, стр. 137—140.
Том III, 24. Определение причины — есть конец, для которого всякая вещь есть или бывает, н[а]п[ример], дождь кропит и солнце оную согревает для того, чтобы плоды произрастали.

* Фраза, очевидно, не закончена. — *Ред.*
** Des sciences — наук. — *Ред.*

Ломоносов, — О нынешнем состоянии словесных наук в России — Сочинения, изд. Академии наук, т. IV, стр. 247—248 говорит — красота, великолепие, сила и богатство *российского языка*, 248.
О выводе беглых силой из-за границы.
О борьбе с немцами — ср. с Посошковым [24].
Примечание. Об университетах. — Сам наш первый университет. — Грамматика, риторика. — *Благодаря ему, наука заговорила по-русски. 91, П. Смирновский* [25]. — *О русском языке.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор «Книги о скудости и богатстве» — крестьянин-самоучка ***Посошков***, Иван Тихонович (1652—1726). В этой книге Посошков разбирает вопрос о приспособлении крепостной самодержавной России к начальным процессам капиталистического развития. Основной движущей силой этого приспособления, как и развития производительных сил страны, должна явиться, по мнению Посошкова, царская власть. За свои сочинения, проповедывавшие неприемлемые для царского правительства взгляды, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где и умер.

[2] *Лебедев*, Петр Николаевич (1866—1912) — русский физик. Плеханов говорит о нем в главе о Ломоносове: «Давно ли мы убедились, благодаря лорду Кельвину, что наш Лебедев был очень большой величиной в физике» (Соч., т. XXI, стр. 158, прим.).

[3] *Малэрб*, Франсуа (1555—1628) — известный французский поэт, один из основоположников классицизма. Малэрб был придворным поэтом Генриха IV. Стихи его, написанные чаще всего «на случай» для могущественных покровителей или высокопоставленных друзей, выражали верноподданнические чувства и воспевали абсолютную монархию, как залог мира и процветания страны.

[4] *Пиндар* (около 522—443 до н. э.) — древнегреческий лирик, оставшийся чуждым современному ему развитию рабовладельческой демократии в ионических городах-республиках. В своих одах воспевал победителей на состязаниях (олимпийских и других играх).

[5] Приведенные слова находятся в статье Н. Н. Булича «К столетней памяти Ломоносова», перепечатанной в виде вводной статьи о Ломоносове в сборнике «Русская поэзия» под ред. Венгерова (стр. 77).

[6] Ссылка на страницы относится к Собр. соч. С. М. Соловьева, Спб., [1901]. На указанных страницах Плехановым отчеркнут ряд мест. Приводим наиболее характерное — из письма Ломоносова к Шувалову: «Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение российской истории и на украшение российского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтоб их вместо бильярду употребить на физические и химические опыты».

[7] Соловьев говорит, что Ломоносов, не имея возможности изучить вполне русскую историю, не мог уяснить себе ее хода и потому не мог представить никакой системы и удовольствовался, как выражался сам, «некоторым общим подобием в порядке деяний российских с римскими».

[8] «Русский человек, с возбужденною знанием мыслью, — говорит Соловьев, — испытывал самое тяжкое чувство, чувствовал себя немым. И понятно, почему высокодаровитый русский человек, естествоиспытатель, чувствует обязанность, потребность заняться устройством родного языка».
Ссылки на страницы здесь и в дальнейшем относятся к труду С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», книга пятая.

[9] Под «шумством» (от слова «шум») подразумевается «буйный нрав» Ломоносова, особенно проявившийся в бытность его за границей и в русской Академии наук.

[10] Когда Ломоносов получил с помощью своего мецената Шувалова населенное имение, последний высказал ему свои опасения, не отразится ли обеспеченность на его занятиях науками. Ломоносов ответил с пылкостью, что если крайняя

*

нужда не отвратила его от усердия в науках, то тем более этого не случится теперь. «А те, которые из недоброхотной зависти толкуют, — пишет он, — посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились... что музы не такие девки, которых всегда изнасильничать можно: они кого хотят, того и полюбят». Последняя фраза подчеркнута Плехановым.

[11] Плеханов имеет в виду речь одного из немцев-академиков Миллера, написанную в 1749 г. для торжественного заседания Академии наук, на тему «О происхождении народа и имени руссов». В речи заключались оскорбления для чести русского народа. Тогда шестерым членам Академии, в том числе Ломоносову, было поручено дать отзыв о речи с указанной точки зрения. Ломоносов в своем отзыве целиком поддержал это обвинение против Миллера.

[12] Речь идет о проекте И. И. Шувалова об учреждении в Москве университета для дворян и разночинцев и двух гимназий, одной для дворян и другой для разночинцев, «кроме крепостных людей».

[13] Настоящая заметка, как и дальнейшие, относится к книге «Сочинения М. В. Ломоносова», изд. имп. Акад. наук, Спб., 1898, т. IV.

На стр. 256 отчерк нуто следующее место из «Слова похвального императрице Елисавете Петровне»: «Благополучна Россия, что единым языком едину веру исповедует, и единой благочестивейшей самодержицей управляема, великий в ней пример к утверждению в православии видит». На стр. 262—263: «Другие день и ночь страхом объяты трепещут, видя с обнаженными мечами бегающих друг за другом граждан и единородную кровь по стогнам проливающих; но ты единодушных сынов единыя общия всех матери согласным подданством украшаешься».

[14] В том же похвальном слове Ломоносов вкладывает в уста императрицы такие слова: «Обучайтесь прилежно... Не описаны еще дела моих предков и не воспета по достоинству Петрова великая слава... В пространной моей державе неоцененные сокровища, которые натура обильно произносит, лежат потаенны и только искусных рук ожидают. Прилагайте крайнее старание к естественных вещей познанию...»

[15] Настоящее замечание и следующее относятся к книге «Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова», изд. 6-е, Спб., 1909.

[16] Замечание относится к развиваемому Милюковым в «Очерках по истории русской культуры» положению, что Петр с самых первых шагов проводил сознательно и обдуманно систему устранения из государственного аппарата и войска аристократии и привлечения мелкого дворянства.

[17] Настоящее замечание, как и все следующие до стр. 390, относится к «Слову похвальному Петру Великому», произнесенному Ломоносовым 26 апреля 1755 г. на публичном собрании Академии наук по случаю коронации императрицы Елисаветы Петровны.

[18] Окончание цитаты. «Видели, видели отцы наши венчанного своего государя не в числе кандидатов римского консульства, но меж рядовыми солдатами».

[19] П. Милюков доказывает в своих «Очерках по истории русской культуры», что классовые интересы старой аристократии и вообще русского дворянства были существенно затронуты новыми порядками.

[20] Замечание относится к словам Ломоносова: «Итак, ежели человека богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю».

[21] «Слово о пользе химии» было произнесено Ломоносовым в публичном собрании Академии наук в сентябре 1751 г. В этом слове Ломоносов поет хвалебный гимн этой науке, перечисляя ее заслуги в самых различных областях как теоретических, так и прикладных.

[22] Ломоносов имеет в виду изобретение пороха и применение огнестрельного оружия, которое, по его мнению, сделало войны менее кровопролитными сравнительно с прежними рукопашными боями.

[23] Плеханов имеет здесь в виду гимн разуму и наукам, которым Ломоносов заканчивает свое «Слово о пользе химии». От прогресса наук ждет Ломоносов расцвета благосостояния культуры.

[24] Плеханов пишет в главе о Ломоносове, что он «видел, как видел Посошков, эти эксплоататорские поползновения иностранных торговцев, и опять, подобно Посошкову, стремился избавить русских от подчинения иностранцам» (Соч., т. XXI, стр. 153). Посошков, который стремился к развитию производительных сил России, считал, что мы вполне можем обойтись без иностранных товаров, но на практике, сознавая нашу отсталость, предлагал более осторожные меры борьбы с «немецкими затейками и прихотями». Свои взгляды на этот вопрос Посошков изложил в главе V «Книги о скудости и богатстве» (Соч., М., 1842, т. I, стр. 140—153).

[25] Последние слова принадлежат П. Смирновскому (см. его «Пособие при изучении теории русской словесности», М., 1909, ч. 2, стр. 91).

Д. И. ФОН-ВИЗИН

ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ РЕДАКЦИЙ

Настоящая публикация представляет собой отрывки первоначальных редакций главы о Фон-Визине, вошедшей в третью книгу «Истории русской общественной мысли» (Соч., т. XXII, стр. 79—93). Публикуемые отрывки написаны на разрозненных листах линованной писчей бумаги, рукой Плеханова, чернилами, с одной стороны листа. Всего они занимают 27 листов. Остальные сохранившиеся листы почти не отличаются от напечатанной статьи и потому здесь не публикуются.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОК

11 ...| Существует известие, согласно которому наш сатирик сочувствовал замыслу гр. Н. И. Панина [1] более или менее ограничить самодержавие и обеспечить дворянству деятельное участие в управлении страною. Говорят даже, будто Фон-Визин написал, под руководством Н. И. Панина, проект будущей русской конституции. К этому прибавляют, что в проекте, толковавшем
12 почти исключительно о правах дворянства, шла также речь | о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых. Это, — к сожалению, слишком краткое, — известие может служить новым подтверждением сказанного мною о весьма значительных колебаниях во взглядах автора «Недоросля».

12 bis | Как сообщает М. А. Фон-Визин [2], вступление к написанному его дядей проекту дворянской конституции начиналось приблизительно так: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностью сея истины и великими качествами души одаренный монарх, приняв бразды правления, тотчас почувствует, что власть делать зло есть несовершенство и что прямое самовластие только тогда вступает в истинное величие, когда само у себя отъемлет власть и
13 возможность к содеянию | какого-либо зла» *.

Читая эти строки, можно подумать, что они написаны кем-нибудь из передовых французских просветителей. Под ними не отказался бы поставить свою подпись даже Дидро; он увидел бы в них свойственный ему самому взгляд на политическую обязанность просвещенного монарха, точно так же, как привыч-

* См. статью *М. А. Фон-Визина* (который был родным племянником Дениса Ивановича): «Обозрение проявлений политической жизни в России», «Библиотека декабристов», выпуск четвертый, стр. 31.

М. А. Фон-Визин цитировал это вступление на память. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

ный ему самому ход рассуждения. Но хотя наш сатирик рассуждал тут совершенно в духе передовых французов, он, в своих письмах из-за границы, отзывался о тех же французах крайне враждебно и презрительно. И вообще взгляды, выраженные им в этих письмах, резко расходятся с тем, что сказано во вступлении к конституционному проекту. Вот, для примера, отрывок из его письма к гр. П. Н. Панину от 18/29 сентября 1778 года [3]...

ВТОРОЙ ОТРЫВОК

...| Во всем этом нет и следа хотя бы самых слабых конституционных стремлений. Напротив, та мысль нашего сатирика, что не так важна *вольность по праву*, как действительная вольность, повидимому, совсем лишила его психологической возможности оценить значение правовых гарантий. Ему естественнее было думать, что при «настоящем развращении совестей человеческих» юриспруденция ни к чему почти не служит и что наилучшие законы ничего не значат, когда люди | утрачивают веру *. И в самом деле, тому же Панину он писал, что «вольность есть пустое имя и что право сильного остается правом превыше всех законов» **. Идя дальше в этом направлении, придешь не к конституционным замыслам, а только к учению о том, что царство божие — внутри нас.

В комедии «Выбор гувернера» благонамеренный дворянин Нельстецов, — выражающий взгляды Фон-Визина, как Стародум[4] выражал их в «Недоросле», — говорит:

«Нигде и никогда не бывали и быть не могут такие законы, кои бы каждого частного человека счастливым делали». Отсюда он не совсем логично заключает, что одна часть подданных всегда будет принесена в жертву другой и что равенство состояний есть вымысел «ложных философов». | И опять недоумеваешь: как же согласить это с мыслью о необходимости постепенной отмены крепостной зависимости дворовых людей и крестьян?

Комедия «Выбор гувернера» была одним из последних произведений Фон-Визина [5]. Можно предположить поэтому, что он, к концу своей жизни, изменил свой взгляд на крепостное право, подобно тому как отказался некогда от религиозного вольнодумства. Но, как мы только что видели, он уже в семидесятых годах настаивал на преимуществах положения русского крестьянина сравнительно с положением французского и объявлял «вольность» простым словом. Между тем | к тому же десятилетию надо отнести и написанный им проект конституции ***. Правда, проект был написан, вероятно, в 1773 г., а письма, содержащие

* См. письмо к гр. П. Панину от 15/26 января 1778 г. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** От 24 декабря 1777/4 января 1778 г. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

*** А не к 1762 г. как это думают, повидимому, некоторые исследователи. В 1762 г. Д. И. Фон-Визину было только 18 лет и он не был знаком с Н. И. Паниным. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

в себе размышления о суетности правовых вольностей, — в 1777 и 1778 гг. Возможно, стало быть, что Д. И. Фон-Визин отказался от мечты о политической свободе — и об отмене крепостного права — именно около половины семидесятых годов. Но этому положению противоречит тот факт, что в 1777 г. он перевел «Похвальное слово Марку Аврелию», написанное членом французской академии Тома («Томасом») и заключающее в себе, например, место:

«Вольность есть первое право человека, право повиноваться единым законам и кроме их ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся | произносить ее имя! Горе той стране, где изречение его вменяется в преступление!»

А вот еще:

«Всегда благотворящая природа создала существа в свободе и равенстве; настало тиранство и сотворило существа слабые и несчастные. Тогда малым числом все объято стало» и т. д.

Разумеется, тут неизмеримо больше академического красноречия, нежели любви к «вольности» и равенству. А еще менее здесь признаков серьезной политической мысли. Но эти риторические тирады все-таки идут вразрез с афоризмами, заключающимися в письмах Д. И. Фон-Визина. Неоспоримое противоречие это разрешается, по-моему, единственно тем предположением, что наш сатирик не умел свести концы с концами в своем понимании права и политики и потому | одновременно колебался между взглядами, совершенно несогласимыми между собою.

Но, даже принимая это предположение, мы должны будем сказать, что его тяготение к религиозному и политическому вольномыслию было гораздо слабее, нежели склонность к консерватизму. Хотя Екатерина жаловалась однажды в кругу своих приближенных: «Плохо мне приходит жить! Уж и г. Фон-Визин хочет меня учить царствовать!», но на самом деле настроение Фон-Визина ничем плохим ей не угрожало *.

Его последним словом в области политики было высказанное Стародумом — и отмеченное мною выше — убеждение в том, что способ сделать людей счастливыми находится в руках государя и состоит в предоставлении выгод по службе единственно тем чиновникам, которые покажут себя благонравными...

ТРЕТИЙ ОТРЫВОК

...[наилучшие законы ничего не значат, когда люди] утрачивают религиозные верования **. «Вольность есть пустое имя, — провозгласил он в письме из Монпелье от 24 декабря/4 января

* Дальше идёт зачеркнутое место:

«Французская революция еще более увеличила тяготение Фон-Визина к охранительному образу мыслей. Вероятно, в то время, когда он подсказывал своему Нельстецову...». — *Ред.*

** Мысль Фон-Визина, данная Плехановым в изложении и заимствованная им из письма Фон-Визина к Панину от 15/26 января 1778 г., восполнена по указанному письму (Соч., Спб., 1866, стр. 328). — *Ред.*

1777/1778 г., — и право сильного остается правом превыше всех законов». Ввиду этого вполне понятен образ мыслей симпатичного ему Нельстецова, который говорит: «Необходимо надобно, чтобы одна часть подданных для блага целого государства чем-нибудь жертвовала; следственно, равенство состояний и быть не может». Но трудно понять, как мог Фон-Визин находить, что следует постепенно освободить дворовых людей и крепостных крестьян.

Я вовсе не хочу выразить какое-нибудь сомнение насчет правдивости показания, сделанного племянником Д. И. Фон-Визина. Я только считаю нужным подчеркнуть, что высокоталантливый автор «Бригадира» и «Недоросля» не отличался устойчивостью и совсем не сумел свести концы с концами в своем миросозерцании. Подчинившись влиянию Н. Панина, он мог
18 мечтать | о «вольности», а под влиянием других впечатлений мог объявить «вольность» пустой мечтою. Правда, консервативный образ мыслей притягивал его к себе гораздо сильнее, нежели прогрессивный. Но он все-таки колебался между ними. И таких колебавшихся было тогда не мало.

III

В своих комедиях Фон-Визин осмеивал те же общественные недостатки, которые обличались в сатирических журналах. В «Бригадире» он издевался над приверженностью европеизированных русских людей ко всему иностранному и преимущественно французскому. Для наших сатириков «*русский парижанец*» был еще более благодарной темой, чем для Мольера — французский провинциал, желавший изобразить из себя настоящего парижанина. Сатира этого рода, конечно, должна быть признана вполне уместной. Однако нельзя не видеть, что она оставалась — и должна была оставаться по самой природе своей — весьма
19 поверхностной. | Поверхностным оставалось и завещанное сатирой первой половины столетия осмеяние взяточников. Вообще в смысле глубины наша сатирическая муза Екатерининской эпохи нимало не превосходила сатирической музы Кантемира. А по части смелости она даже уступала ей. Дело в том, что в эпоху Екатерины весьма значительно ослабели традиции той борьбы взглядов, которая вызвана была петровскою реформой и благодаря которой власть разрешала иногда довольно смелые нападки над некоторыми, сравнительно высоко поставленными элементами населения. Ученица Вольтера, наверно, не позволила бы так осмеивать духовенство, как осмеивал его Кантемир *. Мы уже знаем, что от сатиры Екатерина требовала панегириков **.

* Вспомним, что эти стороны кантемировой сатиры осудил даже С. М. Соловьев [6]. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Приводим вариант 19-й страницы:

«... поверхностным оставалось и осмеяние взяточников. Вообще в смысле глубины наша сатирическая муза второй половины XVIII в. совсем не превосходит сатирической музы Кантемира. А в смысле смелости она даже уступает ей. На это была, разумеется, своя общественная причина.

Сатирическая муза Кантемира точно так же готова была служить верховной власти, как и муза второй половины столетия. Но в эпоху Петра, — традициями которого жила муза Кантемира, — верховной власти приходилось встречать в известных общественных кругах оппозицию...». — *Ред.*

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТРЫВОК

III

22 | В эпоху Екатерины II значительно ослабела борьба мнений, вызванная той оппозицией, которую делали реформе Петра некоторые сравнительно высоко поставленные слои населения. Поэтому правительство менее расположено было терпеть выходки сатириков против этих элементов. «Ученица Вольтера», наверно, не позволила бы так резко нападать на «большие бороды», как это делал Кантемир *. Таким образом, вопреки тому, чего можно было ожидать, пределы дозволенного сатирикам стали теснее. Еще больше сузились они, благодаря непомерному тщеславию Екатерины, не допускавшей даже и мысли о том, что в ее благополучное царствование могли остаться незамеченными какие-нибудь общественные язвы. Но после всего, сказанного
23 мною о воззрениях наших сатириков, ясно, что | и сами они не были, да и не могли быть склонны слишком глубоко запускать жало насмешки.

Кантемир бичевал «хулящих учение» [7]. Их же осмеял и Фон-Визин в своем «Недоросле». Кантемир написал сатиру на зависть и гордость дворян злонравных [8]. Фон-Визин выводил на сцену князей, на каждом шагу нелепо кичащихся своим сиятельным происхождением. Сумароков клеймил «крапивное семя» [9]. Не мало досталось этому семени и от Фон-Визина. Кантемир язвил Медора, тужившего о том, что на книги идет слишком много бумаги, вследствие чего ему «не в чем уж завертеть завитые кудри». У него же Филарет отчитывал Евгения, этого «нового Нарциса», который был всецело поглощен заботами о своей наружности и из долголетнего пребывания в краях чужестран-
24 ных вынес только совершенное знание моды | (см. вторую сатиру). Но известно, что наши сатирики второй половины XVIII в. тоже очень усердно осмеивали щеголей и щеголих **. Круг тех предметов, которых касалась сатира, остался таким же, каким был прежде. Но русская жизнь все-таки подвигалась вперед, хотя и медленно. Поэтому и в русской сатире все-таки являлись новые ноты.

* Вспомнимте, что его нападки на них были осуждены в XIX в. С. М. Соловьевым. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Можно подумать, что в своих насмешках над этими куклами они сознательно подражали Кантемиру (ср., например, листы 3-й и 4-й «Живописца» 1772 г., часть I с первой сатирой Кантемира). Но иногда сатирики Екатерининской эпохи очень сгущали краски и, в своих обличениях модников и модниц, употребляли такие выражения, каких мы не найдем у Кантемира: поросенок, свинья и т. п. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Поворот к Западу привел к тому, что наше служилое сословие
25 перестало | смотреть на западноевропейские костюмы и образ жизни, как на нечто смешное, нелепое и безбожное и даже принялось подражать им. Сначала подражали голландцам и немцам, потом начали искать образца для подражания во Франции. Этот переход к французскому образцу был неизбежен: раз принявшись подражать иностранцам, наш служилый класс должен был рано или поздно взять за образец именно французское дворянство, которое отличалось наибольшею утонченностью манер («людскостью») и которому подражало дворянство всех цивилизованных стран европейского материка. Во второй половине XVIII столетия воспитать юного русского дворянина на *иностранный* лад значило дать ему *французское* воспитание. А так как подражание почти всегда порождает смешные крайности, то естественно, что подражание французам вызывало насмешки не только
26 у нас, но и за границей. Сатирические журналы | Новикова обязаны были своим успехом, между прочим, именно таким нападкам. В «Бригадире» Фон-Визина самые забавные глупости говорятся безусловными поклонниками всего французского: Иванушкой и советницей. Вот этими-то насмешками над французоманией и вносился в нашу сатиру новый элемент, какого еще не было в сатире Кантемира.

Медор (первая сатира) и Евгений (сатира вторая) возмущали «рогатого пророка» ученой дружины [10] тем, что пренебрегали просвещением и тратили все свое время на пустяки. Ему в голову
27 не приходило | упрекать их в пренебрежении к России и к русским обычаям. Да и не было у него достаточного повода для этого. В его время еще было больше оснований опасаться противоположной крайности: пренебрежения ко всему иностранному. Но в произведениях сатириков второй половины XVIII века слышится голос обиженного национального чувства. Чтобы найти нечто подобное этому чувству у русских писателей первой половины того же века, надо обратиться к сочинениям Посошкова, у которого оно состояло в близком родстве с националистической реакцией против поворота к Западу.

«Может ли русский человек, не закрасневшись, осмелиться подумать, что он может в чем-нибудь поровняться со французом?— спрашивает автор одного письма к издателю «Живописца» [11] — ...О вы, из русских чиновных дворян обожающие французов... вы достойны великого почтения за то одно, что удивляетесь французам» *. По всему видно, что это письмо написано, — ко-
28 нечно, с обличительной целью, — самим Но[виковы]м. | В своем «Кошельке» тот же Новиков поместил еще более любопытное письмо другого поклонника французов, которого он заставил доказывать, что напрасно Петр Первый, стараясь просветить нас, обратился к немцам, голландцам и англичанам. «Одним

* «Живописец», 1772 г., часть I, лист 21. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

французам честь сия предоставлена была, — говорится дальше в письме: — а вы осмеливаетесь поносить сих людей, которые достойны всего нашего почтения, всея доверенности, всякия благодарности и всякого возмездия. Одно только обхождение с французами и путешествие в Париж могло хотя некоторую часть россиян просветить. Без французов разве могли мы назваться людьми? *

В том же журнале Новиков, выражая свой взгляд на этот предмет от своего собственного имени, говорит:

«Я никогда не следовал правилам тех людей, кои... обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются соотечествен[никами]...»

пятый отрывок

30 [Ежели бы malheureusement я попался к русскому, который бы любил] свою нацию, я, может быть, не был бы таков **.

〈У Крылова, поселившаяся в России француженка-модистка сообщает своему брату, бежавшему из Франции уголовному преступнику, что «американцы, в первые времена прибытия к ним европейцев, не столько их уважали, сколько здесь уважают французов: те победили американцев оружием, а мы побеждаем их хитростью» ***.

Таким настроением отчасти объясняется и обнаруженная Фон-Визиным, во время его заграничных путешествий, склонность превозносить русские порядки на счет западных. П. Н. Милюков заметил, что идейный элемент был слаб в тогдашнем нашем национализме, представлявшем собою простой «продукт непосредственного раздражения эксплуатируемого против своего конкуррента, с которым, за слабостью мысли и знания, приходится
31 бороться силой и | хитростью» ****. Но то обострение национализма, которое произошло в Московской Руси вследствие поворота к Западу, тоже было плодом раздражения отсталого народа против иностранного «конкуррента», налагавшего на него ярмо эксплуатации. Однако национализм сатирических журналов имеет очень мало общего с национализмом старо-московских ненавистников Запада.

Если Фон-Визин, в своих письмах из-за границы, высказывал пренебрежение западноевропейским порядкам и освободительным стремлениям, то это не значит, что он был против реформы Петра

* «Кошелек» (1774 г.), лист пятый. — *Прим. Г. В. Плеханова.*
** Действие V, явление 2-е. — *Прим. Г. В. Плеханова.*
Начало цитаты восполнено по «Бригадиру» Фон-Визина. — *Ред.*
*** Письмо гнома Зора к волшебнику Маликульмульку в «Почте духов», Соч. И. А. Крылова, т. III, стр. 139—140. — *Прим. Г. В. Плеханова.*
**** «Очерки по истории русской культуры», часть третья, выпуск второй, Спб., 1903, стр. 305. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Великого. Напротив! Недовольный некоторыми современными ему явлениями русской жизни, он указывал на птенцов гнезда Петрова именно как на примеры для подражания. Его Стародум говорит [12]...⟩

ШЕСТОЙ ОТРЫВОК

32 ...| В борьбе нашей сатирической литературы с французским влиянием на русскую молодежь ясно слышится голос обиженного национального чувства. Националистической реакцией против французского влияния отчасти объясняется и обнаруженное Фон-Визиным, во время его заграничных путешествий, стремление превозносить русские порядки на счет заграничных вообще и французских в особенности. Но, конечно, это его стремление только отчасти объясняется националистической реакцией. Да и сама эта реакция определялась причинами более глубокими, нежели крайности слепого подражания французским модам.

IV

У Фон-Визина глупый щеголь Иванушка [13] старался усвоить манеры французских поклонников моды. Французские поклонники моды принадлежали к светскому обществу, в состав кото-
33 рого | входили тогда, главным образом, члены привилегированного сословия. Против этого сословия направлялось во Франции то общественное движение, идеологами которого явились «энциклопедисты». Казалось бы, что энциклопедистам и должен был сочувствовать величайший русский сатирик, осмеивавший наших тогдашних Иванушек. В действительности мы видим другое. Отвращение от русских Иванушек сочеталось у него с крайне враждебным отношением к французской освободительной философии. Можно предположить, что здесь перед нами личная особенность Фон-Визина, испугавшегося религиозного свободомыслия передовых французов. Но та же самая особенность встречается и у другого сатирика этой эпохи Н. И. Новикова.
34 И у него | борьба с преувеличенной подражательностью русских французам сочеталась с отрицательным отношением к французским философам. Временами он рассуждал так, что можно подумать, будто в его представлении «Энциклопедия» смешивалась с «Академией волосо-подвивательной науки».

35 | Скажут, пожалуй, что ведь Новиков, подобно Фон-Визину, принадлежал к числу тех деятелей русской литературы XVIII столетия, которых испугал разрыв передовой французской философии с религией. Это правда; но это не ответ.

Разрыв французских просветителей с религией был идеологическим выражением борьбы третьего сословия с духовенством. Если он ужаснул у нас даже таких людей как Новиков, который вовсе не склонен был упрямо отстаивать привилегии высших сословий, то это произошло оттого, что Россия далеко отстала

от Франции на пути общественного развития. Только нашей общественной отсталостью и может быть объяснено то, на первый взгляд поразительное, обстоятельство, что даже искренние сторонники просвещения, каким, безо всякого сомнения, был Новиков, — могли, обличая пустоту светских модников, ставить на одну доску...

ЗАМЕТКИ В ТЕТРАДЯХ

Публикуемые заметки извлечены из тетради Г. В. Плеханова (№ 184), заполненной преимущественно выписками и заметками, относящимися к «Истории русской общественной мысли». Большинство заметок представляет собою постраничный разбор сочинений Фон-Визина, вышедших в одном томе в изд. Глазунова «Русские писатели XVIII и XIX ст. Д. И. Фон-Визин», Спб., 1866. Заметки написаны рукой Плеханова, карандашом, и занимают в тетради 4 страницы.

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ

У Фон-Визина, *ст. 229* — Стародум пишет Фон-Визину: Прежде страшно боялись рассуждения о дворе и о дурных вельможах [14]. Это и понятно: вельможи правили всем. — Като [15] поняла, что от вельмож выгодно апеллировать к общ[ественному] мнению, которое начинало зарождаться. Эта апелляция усиливала ее власть и в то же время создавала иллюзию свободы. Но Като выпускала очень острые когти, когда дело касалось ее власти. — Кстати, Стародум был запрещен ею [16].

237. — Петр, подобно Тарасу Скотинину, «исправлял нравы березой» [17]. — Като это уже не нравилось.

238. — Ода стала (ср. 248) надоедать. См. отрывок из «Смеси» у Тихонравова и у Фон-Визина — стр. 238 — подходит к определению оды [18].

239. — Фон-В[изин] различает *прислугу* от *заслуг*. Ср. Грибоедова: служить бы рад и т. д. [19].

239. — Слово раб уже не нравится * [20].

240. — Люди, напоминающие букву ъ [21].

248. — К вопросу об оде. — Оч[ень] важно [22].

249 и *359*. — Отношение Фон-Визина к политике. — *Ср. 254* [23].

Взять стихи Хемницера, о вос[*питании*] *на стр. 229—230*. Сопоставить с рассуждениями Фон-Визина о влиянии распоряжения государыни. Ср. *Каллаш* [24], *Като — к ее властолюбию*. Слова ею сказанные Петрову. Вы незнакомы с Сибирью. «Рус[ская] стар[ина]» 677, т. V [25].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Панин*, Никита Иванович (1718—1783) — дипломат и политический деятель екатерининской эпохи. Сторонник ограничения самодержавной власти, воспитатель наследника престола — будущего императора Павла I. Панин принимал

* Ропщут, что Фирлюфюшкова, в комедии Като, бьют палками. — *Прим. Г. В. Плеханова*.

участие в дворцовом перевороте, возведшем на престол Екатерину II, и пытался, хотя и неудачно, заставить ее подписать конституцию в интересах дворянства.

Фон-Визин служил в иностранной коллегии у графа Панина, которому был предан до самой смерти последнего. Панину же были адресованы письма Фон-Визина во время его заграничной поездки.

[2] *Фон-Визин*, Михаил Александрович (1788—1854) — племянник Д. И. Фон-Визина, декабрист.

[3] Отрывок из указанного письма приведен в статье (см. Соч. Плеханова, т. XXII, стр. 80).

[4] Стародум — главный резонер в комедии Фон-Визина «Недоросль», устами которого автор развивал собственные мысли.

[5] Комедия «Выбор гувернера» была написана в 1790 г. за два года до смерти Фон-Визина.

[6] Историк С. М. Соловьев писал:

«Говоря о зависти, Кантемир непременно выставит зависть попов соборных... Кантемир не пропустит укорить попа и за то, что он молитвы ворчит, спеша сумасбродно, сам не зная, что поет. Посмеется и над аппетитом поповской семьи и т. д.» (*С. М. Соловьев*, История России, кн. 4, стр. 1496—1497).

[7] В первой сатире «К уму своему».

[8] Вторая сатира «Филарет и Евгений».

[9] *Сумароков*, Александр Петрович (1718—1777) — один из зачинателей дворянской литературы XVIII в., первый русский драматург и издатель первого русского журнала, идеолог европеизированной части русского дворянства.

Сумароков в своих сатирах особенно ядовито изобличал дьяков и приказных («крапивное семя»), что было отмечено еще Белинским в качестве большой его заслуги. Плеханов очерчивает роль Сумарокова в посвященной Кантемиру и Сумарокову главе «Истории общественной мысли» — «Общественная мысль в изящной литературе» (Соч., т. XXI, стр. 208—244).

[10] «Рогатый пророк» — Кантемир. Так называл его в обращенных к нему стихах Феофан Прокопович («Не знаю кто ты, пророче рогатый...»).

[11] Издатель «Живописца» — *Новиков*, Николай Иванович (1744—1818) — общественный деятель, писатель и педагог, выразитель настроений нарождающегося третьего сословия. Его сатирические журналы «Трутень», «Живописец», «Кошелек» и др. бичевали нравы придворной жизни, возмущались крепостным правом, восхваляли трудолюбие и добродетели мещан. За свою широкую просветительную деятельность Новиков подвергся суровым преследованиям.

[12] Плеханов имел в виду дать здесь следующую цитату из «Недоросля»:

«...служил он [отец Стародума] Петру Великому. Тогда один человек назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобы всякий считал себя за многих. За то нонче многие не стоят одного... В тогдашнем мире придворных были воины, да воины не были придворные... В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову» (действие 3, явл. 1).

[13] Из комедии «Бригадир».

[14] Цитата взята из статьи «Друг честных людей или Стародум. Ответ Стародума. Москва, январь 1788». Выражая радость по поводу того, что теперь «честный человек может мысль свою сказать безбоязненно», Фон-Визин устами Стародума говорит:

«Я сам жил большею частью, когда каждый, слушав двоих так беседующих, как я говорил с Правдиным, бежал прочь от них стремглав, трепеща, чтобы не сделали его свидетелем вольных рассуждений о дворе и о дурных вельможах» (Соч., Спб., 1866, стр. 229).

[15] Като — императрица Екатерина II.

[16] Речь идет о журнале, который Фон-Визин задумал издавать в 1788 г. под названием «Друг честных людей или Стародум. Периодическое издание, посвященное истине». В объявлении об этом издании сказано: «Напрасно было бы предварять публику, какого рода будет сие сочинение, ибо образ мыслей и объяснения Стародума довольно известны» (*Д. И. Фон-Визин*, стр. 227). Все остальные статьи, приготовленные для журнала — письма Стародума, его ответы и т. д., — были опубликованы позднее, уже во второй четверти XIX века.

[17] Цитируемые Плехановым слова взяты из «Письма Тараса Скотинина» — отрицательного персонажа комедии «Недоросль», невежды и крепостника. Это письмо входило в число материалов, подготовленных Фон-Визиным для проектировавшегося им журнала «Стародум». Скотинин пишет своей сестре Простаковой:

«Хочу прилепиться к нравоучению, т. е. исправить нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнейшее средство, то, находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березой» («Друг честных людей или Стародум» — Соч., стр. 237).

[18] Тихонравов приводит следующую цитату из сатирического журнала «Смесь» (1769 г.), высмеивающую торжественную оду:

«Имеет ли простой народ добродетели? и того не знаю. Затем, что стихотворцы прославляют добродетели лирическим гласом, однако я никогда не читал похвальной оды крестьянину, так же как и кляче, на которой он пашет» (Соч. *Н. С. Тихонравова*, т. III, ч. 1. «Русская литература XVIII и XIX вв.», М., 1898, стр. 188).

Приводим место из Фон-Визина, которое имеет здесь в виду Плеханов, находящееся в одной из его сатирических статей, предназначавшихся для журнала «Стародум» — «Всеобщая придворная грамматика»:

«В о п р. Что есть придворная ложь?

О т в. Есть выражение души подлой перед душой надменной. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет».

Против этого места на полях книги Плеханов сделал заметку: «Ода».

[19] В той же «Всеобщей придворной грамматике» (см. предыдущее примечание) Фон-Визин пишет:

«Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам».

Незаконченная фраза из «Горя от ума» принадлежит Чацкому: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

[20] Фирлифлюшков — дворянин из анонимной комедии императрицы Екатерины II «О, время!», которого, за многократное неисполнение обещания заплатить карточный долг, бьют палками. Екатерина ответила на толки, вызванные комедией, письмом к издателю «Живописца» (Новикову):

«Дошло до меня, что некоторые критики за непристойно поставляют, что Фирлифлюшков за бесстыдное слова несдержание наказан палкою. Говорят они, что как, дескать, дворянина за бесчестное дело бить палкою?» В свое оправдание Екатерина ссылается на Уложение: «в нем господа критики найдут, чему за несдержание слова и за бездельство люди подвергаются».

Телесное наказание для дворян было отменено Екатериной жалованной грамотой дворянству в 1785 г.

[21] Цитата из той же статьи:

«В о п р. Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

О т в. Они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то-есть: сами собой, без помощи других букв, никакого звука не производят».

[22] На стр. 248 Фон-Визин говорит о том, что причина малого числа «русских красноречивых творений» заключается в недостатке случаев для проявления красноречия. «Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны».

[23] На стр. 359 Фон-Визин говорит в «Письме к родным»: «С чего вы вздумали обвинять меня политикою, которую я ненавижу?»

На стр. 254 в статье «Разговор у княгини Халдиной» устами Здравомысла он говорит:

«Я хотел бы, чтобы у нас по сим предметам сочинены были на каждую часть особенные книжки, по коим бы преподавалась в университетах политическая наука. Сим способом будет Россия иметь во всех частях гражданской службы людей годных и просвещенных».

[24] Плеханов имеет в виду басню Хемницера «Добрый царь», приведенную в «Русской старине», в статье «Иван Иванович Хемницер». В этой басне рассказы-

вается о царе, который ради блага народа создал новые законы и сменил всех судей. Далее Хемницер говорит:

«И перемена вся была бы хороша,
Но скоро новые по-старому судили,
Понеже старая в судьях была душа;
А это зло тотчас поправить
Царь способу не находил,
Но должен был
То воспитанию и времени оставить».

По всей вероятности, Плеханов имеет в виду статью В. В. Каллаша «Что сделала Екатерина II для русского народного просвещения», в которой приведены следующие слова деятеля екатерининской эпохи в области просвещения, Бецкого:

«...ясно, что корень всему злу и добру — воспитание. Достигнуть же последнего... не инако можно, как... произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие они получили сами, и от них дети передали бы паки своим детям, и так следуя из родов в роды в будущие века» (*В. В. Каллаш*. Очерки школ и просвещения, М., 1902, стр. 134).

Приведенная цитата отчеркнута Плехановым в экземпляре, сохранившемся в его библиотеке.

[25] На указанной странице «Русской старины» рассказан анекдот о неком генерал-рекетмейстере И. И. Козлове, который однажды сказал Екатерине:

«Я изготовлю указ по воле вашего величества, но это будет явная несправедливость».

Екатерина ответила:

«Вы незнакомы с Сибирью, я посоветую туда съездить и прикажу выдать прогоны».

А. Н. РАДИЩЕВ

РАЗБОР КНИГИ РАДИЩЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

Настоящая публикация представляет собой подготовительную работу к XIII главе третьей части «Истории русской общественной мысли», — главе, посвященной Радищеву. Эта неоконченная глава, вошедшая в XXII том Собр. соч., дополнена там найденным в архиве вариантом, напечатанным в приложении к тому же тому. В варианте Плеханов довольно подробно останавливается на радищевском «Путешествии из Петербурга в Москву». К сожалению, конец варианта затерялся, и мнение Плеханова о книге осталось неизвестным в полном своем объеме. Указанный пробел до некоторой степени восполняется обнаруженным в архиве подробным разбором «Путешествия», отчасти использованным уже в найденном отрывке варианта. Этот разбор и составляет содержание настоящей публикации.

Разбор написан Плехановым в тетради с черной клеенчатой обложкой (№ 106), значительная часть которой заполнена выписками из статьи Стоюнина о Княжнине и Иванюкова о торговом договоре с Германией. Разбор написан на 14 листах, то на одной, то на обеих сторонах листа; на некоторых страницах имеется только несколько строк, иногда не больше двух — трех. Разбор написан то чернильным карандашом, то простым, то синим, то красным, то зеленым; несколько строк написаны чернилами.

Ссылки на страницы относятся к изданию 1905 г. («Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева», Санктпетербург, 1905).

(Тетрадь № 106)

РАДИЩЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Удивительно, как Пушкин не заметил у Радищева (Едрово, 120) того же настроения, которое выразилось в «*Цыганах*»[1].

123. — Пугачев — крестьянин мертв. №[2].

126. — *Народничество Радищева.* — Оно с поправкой — 127 — *идеализации еще не много*[3].

134. — *О рабстве.* №. *Излишне* разбирать основы рабства *в наше философское время — 136* №.

136. — Рад[ищев] рассматривает вопрос о рабстве с точки зрения естественного права (см. инструкцию Като[4]).

138. — *Трудовая теория*[5].

139. — «*Устройство нащет свободы*»[6].

141—2 — *Демократия, царизм и блаженство*[7] — *143* — *Ср. Чернышевского*[8]. — (№) — *143—144* — Производительность труда и свобода[9].

146. — *Грозит восстанием.*

147. — Горячее воззвание к дворянству — №.

ЦЕЛЬ РАДИЩЕВА

149. — Восстановление равенства в гражданах. — Ср. 156 №.

РАБСТВО КРЕСТЬЯН

См. назад —

151. — (канал[10]) — Проклятие бога на рабской ниве.

ЖЕСТОКОСТЬ ПОМЕЩИКОВ

Месячина. — 153 — Богатство помещика не ему принадлежит. — 154.

192. — Продажа крестьян (Медное[11]).

194. — *От кого ждать свободы крестьянам? — 194.* №[12].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВОРЯНСТВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

156. — Прямая противоположность со взглядом Щербатова. — 156: *против* наследственности[13].

157. — У Р[адищева] тоже антипатия к «знатному боярству». — Ср. *Новикова*[14]. — №. (Тут речь идет о *проекте* уничтожения дворянства, составленном *государем*) — ср. Крижанича: опять «*Жезл Моисеев*»). — *Уничтожается ср[авнение] царедворцев с чинами граждан[скими] и военными*[15].

160. Это — как бы программа, диктуемая им для Като. — №[16].

160. — «*Божьею милостью*»[17].

161. — Сочетание власти со свободой. — 161.

ЦЕНЗУРА

162. — *Цензура-нянька.* — Следствия ее. — *163.* — *Власть и истина*[18].

163. — Откупы в помышлениях — №, ср. 164[19].

165. — Радищев, свобода печати и наказ. — 165 [20].
169. — Порнография и цензура на «развратных девок». — *169* [21].
175. — Разногласие = опора истины.

ДЕИЗМ РАДИЩЕВА

Бог — 165—166 [22].

НАРОД

Ст[епан] Разин в «Житии Ушакова» [23] — Пугачев в «Путешествии» (см. выше) [24].

Раскол — «Путешествие», стр. *165* [25]. —*181* — Народ хотят держать в невежестве.

210. — Неразвитость народа.

217. — Важно. «Парабола» Радищева. Ср. Сен-Симона. «*Я зрю сквозь целое столетие*». 217 [26]. Ср. 234 [27].

№ *208—220*: *Рекрутский набор.* — №.

237. — *Ограниченность народных понятий.* — №.

ПРАВИТЕЛИ

167. — Правители и вольность мыслей. — 167 [28].

168. — *Примечание по адресу Като* [29].

170. — Свобода печати и деспотизм [30] — *182.* — Правительство исторгает шуйцею то, что десницею насадило (*ср. Герцена* и И. Аксакова [31]) — *183.* — «Власть когда краснела» — 183.

185. — «*Судебная казнь Карла I*».

186. — *Примечание — Похвалою, даже мудрому правителю, спешить не надлежит.*

187. — «Перемена» *1789 г.*

187. — «*Осмеяние*» *силы.*

187. — *Необузданность и безначалие* фр[анцузских] революционеров.

188. — *Отношение к просвещенному деспотизму* №№ [32].

189. — *Отношение к царской власти.* — №№ [33].

223. — При самодержавии хорошо вельможам.

№ *237.* — *Поет хвалу не правителю, а слуге общества.*

РАДИЩЕВ И ДУХОВЕНСТВО

175. — Духовенство.

Цензура [34] — *181* — Отношение духовных к просвещению народа [35].

СТИХИ—ОДА «ВОЛЬНОСТЬ»

198. — Предмет (оды этой) несвойствен нашей земле.

203. — Народ восседает на престоле — (ср. 202— казнь царя).

204. — *Божиею милостью* (№) — *205.* — *Казнь Карла I.* — (№)

205. — *Кромвель.* — №№ [36].

206. — *Философия истории свободы* — №№ [37].

207. — *Крайне важно: судьба отечества: разделение России?*

СЛОГ РАДИЩЕВА

Как плохо повлияли на него славянизмы, видно в особенности из оды «Вольность». — К славянизмам совсем не подходит сентиментализм. Это несоответствие иногда, к сожалению, производит почти комическое впечатление — ср. *224—226* — Пример: *226.* №№ [38].

Ср. также: 280 (касался, казалось и т. д.) [39].

240. Ссылка на Ломоносова. — 240 (изучение славянского языка) [40]. Иногда он впадает в «*велеречие*» (248) [41].

249. — Важно: *отношение к одам Ломоносова.* — 249 [42].

КАЮЩИЙСЯ ДВОРЯНИН

227 [43] (см. выше, где речь идет о дворян[ской] жестокости: *217*, — и еще выше [44]).

230. — Idem [45].

231. — Крестьянская обстановка [46].

232. — *Особенно важно* [47].

245. — *Вера в народ.* — №№ [48].

Философия: 241. *Отзыв* о *Вольфе.* — 241 [49].

243—244. — *Геология.* — №: *250.* — *Взаимное отношение невещественностей* [50].

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАДИЩЕВА — 289

290—2. — Письма и денежные затруднения Радищева.

Замечания. — Като хотела, чтобы наши лейпцигские студенты изучали «наипаче право естественное и всенародное». 4 стр. Радищев хорошо изучил их: какие выводы он сделал?

2) Сравнить оду Капниста «На рабство» с мнением Радищева о том, кто может дать свободу крестьянам [51].

3) Обратить внимание на те страницы «Путешествия», где видно доверие к доброй воле монархов и сравнить со страницей 31 рукописи [52].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плеханов имеет в виду посвященную Радищеву статью Пушкина «Александр Радищев» и его же «Мысли на дороге», навеянные чтением книги Радищева. Рассуждения Радищева, напомнившие Плеханову «Цыган», вызваны разговором его с простодушной крестьянской девушкой, которая делится с ним своей мечтой иметь ребенка. «О моя Анютушка, — восклицает он под впечатлением этого разговора, — сиди всегда у околицы и давай наставления своею незастенчивой невинностью». Эту невинность он противопоставляет светской развращенности и выражает уверенность, что она может вернуть на путь добродетели юношу, сердце которого еще не окончательно испорчено.

[2] В той же главе Радищев рассказывает о том, как в одной деревне крестьяне во время пугачевщины связали и вели на казнь помещика, обесчестившего их дочерей и жен; наехавшая команда выручила помещика. Высказав сожаление о том, что крестьяне «искали правосудия в самозванце», а не предали злодея в руки законных судей, Радищев прибавляет: «Но крестьянин в законе мертв, — сказали мы. — Нет, нет; жив будет, если захочет».

[3] Убеждая деревенскую девушку не отпускать своего жениха в город, Радищев говорит: «Там он научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню... Городской пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень...» (стр. 126). А дальше, на стр. 127, Радищев говорит: «Я не мог надивиться, нашед толико благородства в образе мыслей у сельских жителей».

[4] Радищев был в числе двенадцати молодых людей, отправленных по приказанию Екатерины в Лейпцигский университет для изучения наук. По инструкции, написанной самой Екатериной, они должны были обучаться латинскому, немец-

кому, французскому и, по возможности, славянскому языкам, моральной философии, римскому праву, «а наипаче праву естественному и всенародному».

[5] Радищев доказывает, что право на владение землей имеет только тот, кто ее обрабатывает, и горько оплакивает положение крестьянина, который лишен этого своего естественного права и, «работая ниву чуждую, зрит пропитание, зависящее от власти другого».

[6] Говоря о том, что внешнее спокойствие и устройство государства не должно ослеплять нас, и мы не должны считать его счастливым («блаженным»), Радищев рисует такое государство в виде огромного лагеря. В нем царствует тишина и стройность. «Но, — спрашивает Радищев, — можем ли назвать воинов блаженными? Превращенные точностию воинского повиновения в куклы, отъемлется у них даже движения воля, толико живым веществам свойственная. Они знают только веления начальника, мыслят, что он хощет, и стремятся, куда направляет. Толико всесилен жезл над могущественнейшею силою государства. Совокупны, возмогут вся, но разделенны и наедине пасутся, яко скоты, аможе пастырь пожелает. Устройство нащет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы».

[7] На стр. 141—142 отчеркнуто следующее место: «Итак, огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостиниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий; во градах же, где известнее было я, а не мы, находим остатки великолепных чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое; выбор ваш не будет затруднителен».

[8] Это замечание относится к следующей фразе: «Человек, в начинаниях своих двигаемый корыстию, предприемлет то, что ему служить может на пользу, ближайшую или дальную, и удаляет того, в чем он не обретает пользы, ближайшей или дальновидной». Эта фраза Радищева напоминает следующее рассуждение Чернышевского: «При внимательном исследовании побуждений, руководящих людьми, оказывается, что все дела, хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские и малодушные, происходят во всех людях из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия» («Антропологический принцип в философии» — Соч., изд. 1906 г., т. VI, стр. 231).

[9] Исходя из соображения, что люди делают хорошо только то, что делают для себя, Радищев указывает на непроизводительность труда крепостных крестьян: «Нива у них чуждая, плод оной им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво; и не радеют о том, не запустеет ли среди делания».

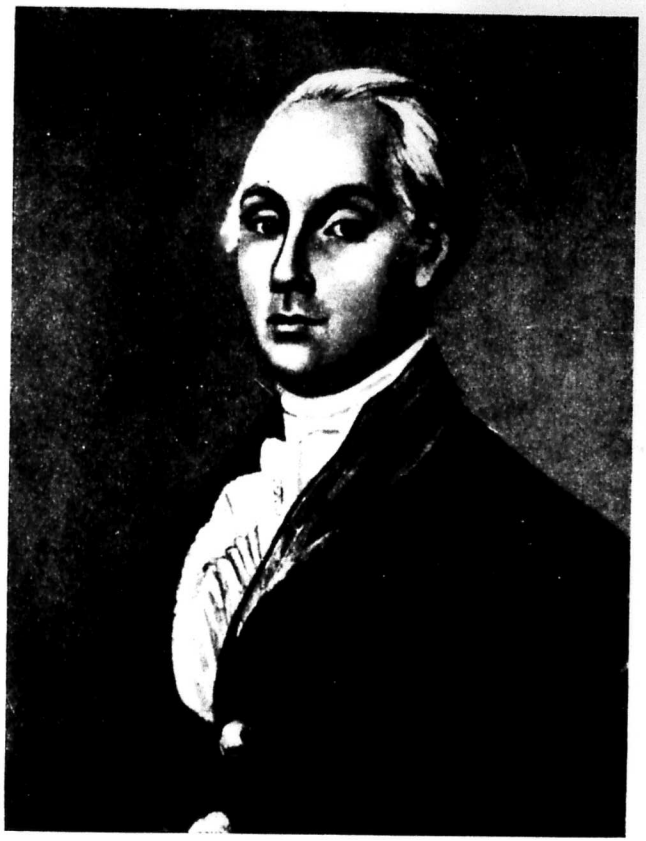
[10] В главе «Вышний Волочек» Радищев описывает радостное впечатление, которое произвел на него вышневолоцкий канал своим оживлением, свидетельствующим об изобилии. «Но если при первом взгляде — продолжает Радищев — разум мой усладился видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование. Ибо воспомянул, что в России многие земледелатели не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей».

[11] Название одной из почтовых станций. В главе под этим названием описывается продажа крепостных крестьян.

[12] По словам Радищева, «все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ждать должно, но от самой тяжести порабощения».

[13] О дворянстве Радищев говорит: «Полезно государству в начале своем личными своими заслугами, ослабело оно в подвигах своих наследственностью, и, сладкий при насаждении, его корень принес, наконец, плод горький».

Щербатов, Михаил Михайлович (1733—1790), князь — русский историк, публицист и политический деятель, идеолог крупного дворянства в эпоху царствования Екатерины II. Участвовал в Комиссии для сочинения нового уложения 1767 г., где выступил ярым защитником дворянских привилегий. В «Истории русской общественной мысли» изложению взглядов Щербатова посвящены главки 4 и 5 главы X третьей части (Соч., т. XXII, стр. 213—223).



А. Н. РАДИЩЕВ

[14] В своих сатирических журналах Новиков выставляет в самом отрицательном свете именно богатый и знатный слой дворянства.

[15] В главе «Выдропуск» Радищев приводит проект положения об уничтожении придворных чинов, будто бы найденный им в случайно попавших к нему бумагах одного друга. В этом проекте от имени государя говорится: «Мы уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с военным и гражданским».

Плеханов производит здесь сближение этого проекта с программой реформ ученого хорвата Юрия Крижанича (около 1617—1683), жившего в России во второй половине XVII века. Программа эта изложена им в воображаемом обращении московского царя к жителям своей страны. Крижанич верил в возможность коренной реформы сверху. В своей статье о нем («История русской общественной мысли» — Соч., т. XX, стр. 304) Плеханов приводит его обращение к московскому царю: «О царю, ты в руках держишь чудотворный Моисеев Прут (т. е. жезл) и можешь ним творить дивна во владению чудеса».

[16] На стр. 160 отмечено N3 следующее место (из того же проекта): «Если бы древние персы управлялися всегда щедротою, не бы возмечтали быти Ариману или ненавистному началу зла».

[17] Это замечание относится к следующей фразе: «Слабые перуанцы охотно верили Манко-Капаку, что он сын солнца и что закон его с небеси истекает». Последние слова подчеркнуты и на полях заметка, взятая в кавычки: «Божьей милостью».

[18] На стр. 163 приводятся рассуждения немецкого мыслителя Гердера (1744—1803) о цензуре. Приводим соответствующее место: «В областях истины, в царстве мысли и духа, не может никакая земная власть давать решений и не должна». Вся эта фраза подчеркнута.

[19] На той же странице подчеркнута фраза: «Откупы в помышлениях вредны». На стр. 164 взята в скобки следующая фраза, которую, повидимому, и имеет в виду Плеханов: «Один несмысленной урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума; запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого».

[20] На стр. 165 отчеркнута следующая фраза: «Слова не всегда суть деяния, размышления же — не преступления. Се правила наказа о новом уложении». На полях заметка: «Ср. «Наказ». В своем «Наказе» Екатерина разъясняла, что «слова не вменяются никогда в преступление», так как «законы не обязаны наказывать никаких других, кроме внешних или наружных действий»; то только слова, «совокупленные с действием, принимают на себя естество того действия и могут подлежать наказанию». Сочинения Екатерина приравнивала к словам и относительно «очень язвительных сочинений» специально указала, что они подлежат ведению полиции, но не составляют преступления.

[21] О порнографических произведениях Радищев говорит, что «таковые сочинения могут быть вредны: но не они разврату корень». Указав далее на вред проституции и связанную с ней опасность заражения, Радищев продолжает: «но книга не давала еще болезни. Итак цензура да останется на торговых девок, до произведения же развратного хотя разума ей дела нет».

[22] Называя атеистов безумцами, Радищев в то же время выступает против цензурного запрета атеистических сочинений: «Бог всегда пребудет бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбится, урядник ли благочиния может быть за него истец?.. Кто ж может быть судиею в обиде отца предвечного? — Тот его обижает, кто мнит, возможет судити о его обиде. Тот даст ответ пред ним».

[23] Здесь Плеханов имеет в виду следующую фразу в статье Радищева «Житие Ушакова»: «... равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий, Калигула и Тит, Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин».

[24] См. прим. 2.

[25] Радищев восстает против преследования раскольников: «Действия расколов суть иногда вредны. Воспрети их. Проповедуются они примером. Уничтожь пример. От печатной книги раскольник не бросится в огонь, но от ухищренного примера. Запрещать дурачество то же, что его поощрять. Дай ему волю; всяк увидит, что̀ глупо и что̀ умно. Что запрещено, того и хочется. Мы все Евины дети».

[26] При виде проданных помещиком в рекруты крестьян, крепко скованных во избежание побега, Радищев восклицает: «О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои, что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

В журнале «Organisateur» помещена знаменитая «Парабола» Сен-Симона, в которой он делает предположение, что Франция вдруг потеряет три тысячи своих первых ученых и художников, а также наиболее способных техников, негоциантов, фабрикантов, ремесленников и т. д. Так как люди эти «составляют цвет французского общества».., то нация сделается телом без души... И ей нужно будет по крайней мере целое поколение, чтобы вознаградить свои потери. «Но если бы внезапно умерло три тысячи человек другого сорта — членов королевского рода, всяких сановников и чиновников и, кроме того, десять тысяч собственников самых богатых, из тех, которые живут по-барски», — что тогда? «Из этого несчастного случая не произойдет никакого политического зла для государства», так как скоро найдутся тысячи людей, готовых и способных занять места умерших.

[27] На стр. 234 Радищев восклицает: «О, горестная участь многих миллионов, конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих...»

[28] На стр. 167 Радищев говорит: «... вольность мысли правительствам страшна».

[29] Плеханов имеет в виду следующие отмеченные NB строки в примечании на стр. 168: «Если кто свирепствует против печатныя строки, тот заставляет мыслить, что печатное истинно, а мстящий таков, как о нем напечатано».

[30] По словам Радищева, при свободе печати «не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся».

[31] В своей статье «Новый защитник самодержавия» Плеханов отмечает, что И. Аксаков в газете «Русь» (от 30 октября 1882 г.) указывал на ряд фактов несогласованности действий различных ведомств, — несогласованности, приводившей к тому, что то, что давалось одной рукой, отнималось другой (Соч., т. III, стр. 76).

Из многочисленных высказываний Герцена, которые мог здесь иметь в виду Плеханов, приведем следующее (из статьи «Розги и розги» в «Колоколе» от 15 мая 1858 г.): «Нельзя служить двум господам, нельзя разом освобождать крестьян и сечь их».

[32] Отношение Радищева к просвещенному деспотизму выражено в следующих словах: «Покойный Фридрих II, король прусский, в землях своих печатание сделал почти свободным; не каким-либо законоположением, но дозволением токмо и образом своих мыслей. Чему дивиться, что он не уничтожил цензуры; он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие». Предшествующее замечание Радищева о «разнузданности французских революционеров» объясняется его возражениями против введения революционным правительством Франции цензуры в отношении статей, направленных против Народного собрания.

[33] Упрекнув австрийского императора Иосифа II в непоследовательности, Радищев прибавляет: «Чему дивиться, скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?»

[34] О соотношении царской цензуры и духовенства Радищев говорит: «Цензура была современна инквизиции».

[35] Приведя изданный в 1486 г. архиепископом майнцким указ о запрещении издания книг греческих, латинских и пр. на народном языке, Радищев отмечает, что законоположение это «клонилось более на запрещение, чтобы мало было книг печатано на немецком языке, или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве».

[36] В 22-й строфе оды Радищева «Вольность» говорится:

«Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил,

Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла, на суде, казнил».

[37] Здесь имеются в виду следующие два места на стр. 206, отмеченные NB:

«Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог».

И дальше: «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...»

[38] На стр. 226 Радищев описывает впечатление от песни слепого старика. Здесь отчеркнуты следующие два места: «Сколь сладко неязвительное чувствование скорби. Колико сердце оно обновляет и оного чувствительность! Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из серца Вертером... О, мой друг, мой друг, почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее». И дальше: «Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние чувствительности».

[39] Приводим эту фразу полностью: «касался, казалося, возкраия сосуда сладостей, любил и был любим».

[40] Последняя глава «Путешествия» посвящена Ломоносову и носит название «Слово о Ломоносове». О языке Ломоносова Радищев говорит в ней следующее: «...частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство российского слова».

[41] Восхваляя язык Ломоносова, Радищев говорит: «Ломоносов надежнейшие любящим российское слово оставил примеры в своих творениях. В них сосавшие уста сладости цицероновы и демосфеновы растворяются на велеречие».

[42] Об одах Ломоносова Радищев пишет: «Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалой в стихах Елисавете». Последняя строка в книге подчеркнута.

[43] Подав рубль слепому старику-певцу, Радищев огорчен, не услыша от него обычной благодарности... «сие уязвило мое сердце, — говорит он. — Колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полушка. Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О, колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу».

[44] См. прим. 26.

[45] На этой странице приводится разговор с хозяйкой избы, из которого Радищев узнает, что крестьяне не употребляют сахара; по выражению хозяйки, сахар покупается на крестьянские слезы. Приводим это место, отчеркнутое Плехановым:

«Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать? — Не все, но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?»

[46] Это описание крестьянской избы приведено Пушкиным в его «Мыслях в дороге».

[47] Описав всю нищету и убогость крестьянской обстановки, Радищев восклицает: «Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что мы крестьянину оставляем? — То, чего отнять не можем, воздух».

[48] Это замечание относится к следующей фразе: «...когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкой, но многими стезями вдруг».

[49] Радищев называет немецкого философа Христиана Вольфа (1679—1754), популяризатора философии Лейбница и учителя Ломоносова, славным.

[50] Радищев имеет в виду действие одной души на другую, «связь между умами».

[51] Ода «На рабство», где Капнист призывает Екатерину «сложить с дорогой отчизны постыдное бремя вериг» и «дать узреть» то время, когда рабство будет уничтожено и «с счастьем вольность процветет», была написана им в 1783 г., но издана только в 1806 г.

[52] Здесь Плеханов имеет в виду черновую рукопись своей статьи о Радищеве, составившей XIII главу третьей части «Истории русской общественной мысли» (Соч., т. XXII). Здесь на стр. 29—30 Плеханов указывает на примечание, сделанное Радищевым к тому месту в его брошюре «Письмо к другу, «жительствующему в Тобольске», где говорится, что монархи никогда не делали добровольных уступок свободе и никогда не будут их делать. Примечание это гласит: «Если бы сие было писано в 1790 году, то пример Лудвига XVI дал бы сочинителю другие мысли». «Что же это значит? — спрашивает Плеханов на стр. 31. — Конечно, не то, что в 1782 году слабы были идеалистические стремления Радищева, а то, — и *только то*, — что, вообразив, будто Людовик XVI искренно расположен был удовлетворить политические требования французского народа, Радищев стал доверчивее, нежели прежде, относиться к доброй воле власть имущих» (см. т. XXII, стр. 348—349).

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в. Под редакцией Д. Н Овсянико-Куликовского. При ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина. Том I. М., 1908.

248—249 Не совсем так. Не только отсюда. Ср. стр. 264. Отношение Ст[анкевича] к философии истории, стр. 264

Станкевич, как тип, — дитя общественной реакции начала николаевского царствования; отсюда его стремление в надзвездные края романтизма, его отрицательное отношение к «политике» и т. п.

264 Очень важно.

Немедленно по окончании университета он снова принимается за Шеллинга, желая изучением философии очистить путь для научного понимания истории, которая привлекательна для Станкевича, как «огромная задача философская».

275 Они шли «навстречу» с самого начала[1]. №3

Действительность не совсем укладывается в эту схему, так как утверждение, что Белинский или Бакунин *примкнули* к кружку Герцена, настолько же неверно, насколько и противоположное, — что Герцен примкнул к кружку Станкевича. В действительности оба эти кружка пошли навстречу друг другу и сошлись посредине дороги.

279

Ср. Михайловского [2].

Захваченные этим культом индивидуальности, свойственным эпохе, романтики конца XVIII и начала XIX столетия в поэтической форме выразили философские воззрения века на человеческий индивидуум: для них человеческое «я» — выражаясь словами Новалиса — представлялось величайшей тайной, вечной загадкой, и всемирную историю они рассматривали, как постепенное разрешение этой бесконечной проблемы.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в. Под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского. Том II. М., 1909. Вып. VII.

63 Бальмонт.

Чтоб выразить таинственные муки,
Чтоб сердца огнь в словах твоих изник,
Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык [3].

63
Бальмонт.

Когда в сердце горит настоящий огонь, то он сам собою «изникнет» в словах, не изобретенных и не выдуманных. Бенедиктов [4] же, действительно, — поэт-изобретатель, выдумщик; ему принадлежит много неологизмов, но из них очень немногие получили себе право гражданства в русском языке.

65
Бальмонт [5].

За это дыхание вечного простится Бенедиктову то бренное и суетное, что есть в его стихах и, любитель слова, любовник слова, он в истории русской словесности должен быть упомянут в этом своем качестве, в этой своей привязанности к музыке русской речи.

89
Наши нынешние «искатели» [6].

Горе тому, кто, соблазненный обаянием этого внутреннего мира души, закроет глаза на внешний мир и уйдет туда в глубь себя, чтобы питаться блаженством страдания, лелеять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его. Люди с сильными натурами, погружаясь в эту пучину внутреннего созерцания, могут делаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тенями в чуждом и страшном для них мире действительности. Люди недалекие и неглубокие делаются пиэтистами, мистиками и моралистами.

114
Утопический противовес борьбе классов.

Община дорога славянофилам, как единственная общественная среда, в которой возможно осуществление христианской любви... Общинное устройство противопоставляется государству, как осуществление братолюбия и внутренней правды, нравственного закона. Она есть союз людей, отказывающихся от своего эгоизма, от личности своей, и являющий общее их согласие.

115
Ср. мою статью в № 3 Земли и Воли [7].

Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего, из него же может развиться целый гражданский мир.

121
Ср. *Писарева* [8].

Нам кажется почти невозможным без естествознания воспитать действительное, мощное умственное развитие... Им бы мы начали воспитание для того, чтобы очистить отроческий ум от предрассудков, дать ему возмужать на этой здоровой пище и потом уже раскрыть для него, окрепнувшего и вооруженного, мир человеческий, мир истории, из которого двери отворяются прямо в деятельность, в собственное участие в современных вопросах.

291
Очень хорошо.

Чрезвычайно характерно для Гоголя то, что, как только он берется за сюжет из помещичьей жизни, неизменно исчезают всякие признаки романтизма в манере письма; но стоит ему после этого снова вернуться к изображению народного быта или старины, — и снова сильно дает себя чувствовать романтическая струя [9].

292
Гм! Хорошо «если»!

Наше мелкопоместное дворянство, если отнять у него признак владения крепостными, очень хорошо подходит под понятие сельской буржуазии.

313
Очень важно. Ср. типы Бальзака [10].

Чичиков, как тип европейский, даже как современный русский, обнаружил бы больше лицемерия: его плутни были бы облечены в форму «дела», «предприятия», он стал бы грюндером или панамистом. В примитивном, хотя и разлагавшемся, быту России времени Гоголя и Чичиков проще, наивнее и откровеннее.

316
Ср. отца Грандэ [11].

Плюшкин — русский скупец, скупец от боязни за будущее, в устройстве которого русский человек так беспомощен. Плюшкин больше заботится о том, чтобы не выпустить из рук того, что в них попало, чем о наживе.

318—319
Ср. Толстого.

Да, слава богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями. За это мы, просто, должны благодарить бога. Да, хлебопашцы для меня всех почтеннее. Дай бог, чтобы все были хлебопашцы[12].

327—328
Ср. Михайловского [13].

«Словом, — спрашивает Гоголь, — как возвратить все на свое место? В Европе сделать этого невозможно: она обольется кровью, изнеможет в напрасных бореньях и ничего не успеет. В России есть возможность; в России может это нечувствительно совершиться — не какими-нибудь нововведениями, переворотами и реформами... в России может этому дать начало всякий генерал-губернатор... *Патриархальностью* жизни своей и простым обращением со всеми он может вывести вон моду с ее пустыми этикетами и укрепить те русские обычаи, которые в самом деле хороши».

329
Верно.

... раз стать на путь идеализации патриархальности, то этот путь легко приводит, если не к идеям «Выбранных мест», то к сочувствию им, и чем бесстрашнее мысль (какой является мысль Толстого и Гоголя, в противоположность славянофилам), тем легче притти к ярко реакционным выводам.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в. Под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. IV, М., 1910.

17
Прудонизм [14].

Бакунин... занимает по отношению к крестьянскому вопросу позицию, далекую от непримиримости: он готов поддержать монархию, если последняя пойдет навстречу желаниям освобождаемых крестьян и тем поведет Россию в сторону от европейского капитализма к торжеству общинного начала.

25 !!! Как будто этика Чернышевского не была гуманитарной? [15]

Но резкий индивидуализм, характеризующий взгляды Писарева, у Лаврова, более знакомого с европейским социалистическим движением и симпатизировавшего ему, смягчен гуманитарной этикой, освобожденной от эвдемонистического базиса, на котором строилась этика Писарева и Чернышевского.

27 ? Надо было показать, как же разрешается это кантовское противоречие [16].

«Что общество повинуется в своем развитии известным законам, это несомненно, но не менее несомненно присущее человеку *сознание свободного выбора деятельности*... В момент деятельности я сознаю, что ставлю себе цель свободно, совершенно независимо от влияния исторических условий: пусть это — обман, но им движется история». Из рамок этого кантовского противопоставления сущего и должного Михайловский никогда не выходит.

28 Неправда, Лавров лучше Мих[айловского] понимал значение пролетариата. Вот именно. Ср. «*Вперед*» [17].

В отличие от Лаврова, имеющего дело с абстракцией трудящейся массы, Михайловский, идя навстречу Бакунину, именно в русском крестьянине, как самостоятельном мелком хозяине и члене земельной общины, усматривает хозяйственный тип, приближающийся к идеалу целостной личности... П. Л. Лавров при всем просветительском рационализме, окрашивавшем его воззрения, основной источник той революционной силы, которой он наделял критически-мыслящих идеологов, видел в конце концов в реальном факторе мировой борьбы труда с капиталом.

П. В. АННЕНКОВ. Литературные воспоминания. Спб., 1909.

415 Sic! Субъективизм Станкевича.

«Теперь ты занимаешься историей: люби ее как поэзию, — прежде нежели ты свяжешь ее с идеею, — как картину разнообразной и причудливой жизни человечества, как задачу, которой решение не в ней, а в тебе... [18]

420 Верное определение.

Недремлющая оглядка на себя, или *рефлексия*, тотчас подметила настроение души в самую минуту его развития.

447 Ср. *Герцена* [19].

Еще в январе 1839 пишет он [Станкевич], что доселе был не в состоянии прямо приступить к пространной логике Гегеля... Он не чувствует в себе довольно жизни, единства, полноты, чтоб броситься в этот мир скелетов, по собственному его выражению.

447 Ср. Киреевского [20].

«Вообще, если трудно становится решить что-нибудь, переставай думать и живи. В сравнениях и выводах будет кой-что истинное, но верно вполне схватишь вещь только из общего живого чувства».

460 Белинский не мог бы не думать об его назначении.

Он [Станкевич] не заглядывает в книжку, отдаваясь вполне одним своим впечатлениям, и встреча с Колизеем вырывает у него восклицание: «Не знаю, каков он был в своем цвету, в первобытном виде, но верно не лучше, чем теперь. Я не думал много о его назначении... я видел только огромную гармоническую развалину и темносинее небо, просвечивавшее во все ее окна»...

П. В. АННЕНКОВ И ЕГО ДРУЗЬЯ. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. I. Спб., 1892.

42 Замечательно.

Нисколько я не полагаю разумения результатом организма, а организм результатом идеи, к которой относится как форма.

Заметка на обл.: Идеализм Огарева [21].

45 Утопическая задача.

«Теперь я намекну только на задачу общественной организации: сохранить при высочайшем развитии общественности полную свободу индивидуальную. Да, это задача для жизни рода человеческого — чем ближе к разрешению, тем ближе к совершенству» [22].

88 Пролетариатом.

«Нами заключается Петровское время. Мы, выходящие из национальности в чисто европейскую форму и сущность, заканчиваем великое дело очеловечения Руси».

Заметка на обл.: Кем заключается Петровское время? [23]

525 Ср. Белинского [24].

Дело не в том только, чтобы нападать на то, что есть, а отыскать, почему это есть, словом, отыскать законы, действующие в мире промышленном».

Заметка на обл.: Разумная действительность Боткина.

624 Ср. Маркса [25].

«Теперь сильны не короли и не князья, но bourgeoisie, которая отчаянно отвергает республику, как ведущую за собой социальные вопросы и торжество демократии».

Заметка на обл.: Бакунин о немецкой буржуазии в 1848 г.

А. Н. ПЫПИН. История русской литературы. Том IV. Изд. 3-е, без перемен. Спб., 1907.

95 Отрицания нет, ср. Письма Фон-Визина [26].

Темы комедии Фон-Визина известны; это были, рядом с ним и вслед за ним, очень распространенные темы тогдашней сатиры: если не косвенное отрицание самого крепостного права, то прямое осуждение его злоупотреблений, обличение старого невежества и грубых предрассудков, судейской продажности, дурного воспитания с французскими гувернерами и проповедь истинного просвещения и гражданской честности.

106
Римляне у греков, французы у римлян, русские у французов [27].

...у Богдановича был «образец»: он переделал поэму Лафонтена Les amours de Psyché, сюжет которой был заимствован у Апулея.

107
К вопросу о содержании.

Была, впрочем, одна черта, которая объясняет успех трагедии Княжнина у современников: он с особенной любовью изображает, в условиях трагедии, высокие чувства, любовь к отечеству, гражданский долг, нравственное достоинство личности [28].

135
В известном смысле — все масонство было «подновлением средних веков» или *сделкой* с ними.

Это последнее [розенкрейцерство] было подновлением средних веков.

143
Ср. стоиков — результат разочарования.

Человек счастлив и в оковах, если «добродетелен» и «искусен в знаниях», — душу заковать нельзя. Мы выше всех бедствий земной жизни: можно ли назвать несчастным невольника, который на-завтра будет королем, — мрачная ночь подает более света звездам [29].

240

Жуковский объясняет, что прекрасное является к нам только минутами, чтобы оживить нас, возвысить нашу душу... «В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и чего с ним нет, и что для тебя где-то существует ... эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимолетающий благовеститель лучшего, но есть восхитительная тоска по отчизне; оно действует на нашу душу не настоящим, а темным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем».

Сравнить эстетику Фейербаха — Чернышевского [30].

329—330

«У Грибоедова, — говорит один близкий к нему современник, — навертывались слезы, когда он говорил о бесплодной почве нашей словесности. Жизнь народа, как жизнь человеческая, есть деятельность умственная и физическая, словесность — мысль народа об изящном. Греки, римляне, евреи — не погибли от того, что оставили по себе словесность, а мы... мы не пишем, а только переписываем. Какой результат наших литературных трудов по истечении года, столетия? Что мы сделали и что могли бы сделать! Рассуждая о сих предметах, Грибоедов становился грустен, угрюм».

Ср. Чаадаева [31].

390

Из целого европейского движения к нам обыкновенно проникали одни явления и не проникали другие, иногда гораздо более многозначительные: Карамзин увлекается только сентиментальными писателями и Лафатером, Жуковский — немецкими романтиками, Батюшков — Тассом; английская литература долго остается почти неизвестна; Пушкин мало интересуется немецкой литературой и т. д.; большею частью наши заимствования были запоздалы, и нам, по выражению одного сурового критика, приходилось «донашивать старые шляпки»...

Ср. наши шестидесятые годы.

391
Ср. Мюссэ [32].

В письме 1821 года он [Пушкин] говорит об основной мысли поэмы [«Кавказский пленник»]: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века».

420

Литературная судьба сверстников, его переживших, может в значительной мере служить указателем течения литературы в обычных условиях того времени: они хранили Пушкинское предание лишь в тех размерах, в каких способны были его воспринять; предоставленные самим себе, они (за редкими исключениями) не в состоянии были понять того литературного движения, которое наступило уже вскоре после смерти Пушкина, в сороковых годах.

Ср. «друзей Белинского» [33].

569—570

Тот разрыв высших классов от народа, который происходил с XVIII-го века частию от влияния учреждений, частию от распространения иностранного обычая, в значительной мере происходил однако просто оттого, что высшие классы приобретали известное образование в то время, как масса довольствовалась остатками старой книжности или пребывала в круглом или довольно круглом невежестве.

Только-ли оттого?

574
Славянофилы же говорили и об учреждениях.

Кольцов вырос именно в русской народной среде. «Он не для фразы, не для красного словца, не воображением, не мечтою, а душою, сердцем, кровью любил русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, как зародыш, как возможность, живет в натуре русского селянина [34].

Н. В. УСПЕНСКИЙ [35]. Сочинения в четырех томах. Том второй. М., 1883.

163
Все это совсем уже не могло нравиться народникам 1870-х годов.

Он читал множество этнографических произведений русской литературы и знает, что в уезде нет ни торговли, ни чтения, нет никакой вообще деятельности и производительности, и что с 7 часов вечера улицы пустеют, а жители, икая и крестясь, ложатся спать с мыслью завтра сделать ловкий шаг в борьбе за свое существование или, по крайней мере, чем-нибудь заявить свое немое ожесточение против жизни себе подобных.

177
Одного этого было довольно, чтобы погубить Н. У[спенского] в мнении народников.

Повторяем, мы вправе рассматривать уездную жизнь не только, как организм, но и как особое царство. Взглянем на предмет и с этой точки зрения, относя, напр., деревни к отряду черепах, наземных Testudo, а другие сословия к остальным отрядам.

201
Разгадка его отношения к народу.

Понятно, что крестьянин, воспитанный в рабстве, не мог вдруг сделаться свободным — в настоящем значении этого слова; лишь только крепостной туман и чад рассеялись, мы увидели нашего мужика обезображенным... крестьянин попрежнему беден и ему долго, долго еще нужно поправляться, после крепостного разгрома. Да и как поправляться? Начинать с ничего — дело крайне мудреное.

202
Ну, понятно, как должны были читать это народники.

...от теперешних крестьян, недавно бывших жертвами крепостного состояния, ждать нечего: — не воскреснуть им... атрофию едва ли когда-нибудь будет лечить медицина, потому что эта болезнь основывается на *органическом* повреждении...

224
Ну, тут мало пищи своему уму нашел бы народник.

Для русского крестьянина даже нет пока ни гуано, ни костяного порошка: у него прежний, неизменный картофель и квас с луком...

326
Это уже напоминает слог и приемы «Путешествия из Петербурга в Москву» [36].

Мне было так грустно, я так полюбил избу, этих добрых людей, что у меня подступили слезы. Я вышел на улицу.

379
Тенденциозное окончание. Но такой тенденции уже мало было в то время, когда писалось это.

Месяца через два школа была выстроена. Училищная библиотека обогатилась следующими книгами, пожертвованными землевладельцем Свиноуховым:

Переписка адских вельмож.

Псовая охота.

Русский театр.

Природное мщенье.

Сочинения Булгарина...

Недоставало только учителя. Прежний, говорят, лишил себя жизни через повешение...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из наиболее значительных кружков тридцатых годов — кружок Станкевича, в который входили Белинский и Бакунин, занимался преимущественно немецкой философией, кружок же Герцена, увлекавшийся трудами французских социалистов-утопистов, интересовался больше всего политикой. По возвращении Герцена из ссылки, в начале сороковых годов, оба кружка слились в одну идейную группу западников.

[2] Согласно социологической теории Н. К. Михайловского, мерилом всякого прогресса как в биологии, так и в общественной науке, должно быть гармоническое развитие всех органов каждой особи. Идеальным общественным строем является такой, в котором каждая личность живет полной и всесторонней жизнью.

Примечание о Новалисе см. ниже (к заметкам на монографии о нем).

[3] Настоящая выписка, как и две следующие, взяты из статьи Ю. И. Айхенвальда «В. Г. Бенедиктов».

Приведенная в тексте цитата представляет собой обращение к поэту из стихотворения Бенедиктова «Гремучие напевы».

[4] *Бенедиктов*, Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт-лирик, модный в тридцатых годах XIX в. в мещанских и чиновничьих кругах, увлекавшихся шаблонной романтикой его стихов.

Успеху Бенедиктова много способствовала «гремучесть» его стихов, смелость в создании новых словосочетаний, богатство языка и рифмы.

Интерес к Бенедиктову воскресили в 90-е годы символисты, поэзия которых имеет родственные черты с поэзией Бенедиктова.

[5] *Бальмонт*, Константин Дмитриевич (род. 1867) — русский поэт-декадент, представитель старшего поколения символистов. Находится в белоэмиграции. При отсутствии глубокого содержания, поэзия Бальмонта сыграла известную роль в деле обогащения русского поэтического языка и развития музыкальности нашего стиха. Бальмонт перевел на русский язык выдающееся произведение грузинской классической литературы — «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели.

[6] Настоящая выписка, как и следующие до стр. 121 включительно, взяты из статьи В. Е. Чешихина «Сороковые годы XIX века».

Приведенное в тексте место представляет собой цитату из статьи В. Г. Белинского «Русская литература в 1841 г.».

Плеханов имеет в виду развившиеся у нас в годы реакции философские и религиозные искания буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые вылились в увлечение философией Маха и Авенариуса, богоискательство и богостроительство.

[7] Слова, приведенные в тексте, принадлежат славянофилу Хомякову.

Плеханов имеет в виду свою статью «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанную в № 3 журнала «Земля и воля» в 1879 г., когда он был еще народником. В этой статье Плеханов пишет:

«Преобладающая форма землевладения в России не только не нуждается в пропаганде, но составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянина к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории.

Коллективный труд не только служит у нас прецедентом коллективного владения, но, напротив, он сам может развиться только из этого последнего» (Соч., т. I, стр. 65).

[8] Мысли, высказанные здесь, принадлежат А. И. Герцену и предвосхищают до известной степени то увлечение естественными науками, которое характерно для шестидесятых годов прошлого века и которое особенно ярко сказалось у наиболее талантливого представителя мыслящих реалистов Д. И. Писарева.

[9] Настоящая выписка, как и все дальнейшие до конца книги, заимствованы из статьи Н. И. Коробка «Н. В. Гоголь».

[10] *Бальзак*, Онорэ (1799—1850) — французский писатель-реалист, один из крупнейших в европейской литературе бытописателей буржуазного общества. Энгельс писал в письме к Маргарет Гаркнес, что из романов Бальзака он «узнал даже в смысле экономических деталей больше... чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе» («Литературное наследство», № 2, М., 1932, стр. 285).

В романах Бальзака фигурируют разнообразные типы, в том числе многочисленные банкиры, коммерсанты, биржевики, спекулянты, проникнутые жаждой власти и наживы.

[11] Отец Гранде — жадный богач из романа Бальзака «Эжени Гранде». Гранде — не скупец, а стяжатель. Его сбережения не загнивают, не погибают зря, как у Плюшкина. Они — основа новой власти, они — сила, созидающая новую Францию. Гранде, у которого каждый кусок сахара на учете, держит в своих руках всю свою провинцию.

[12] Слова, приведенные в тексте, принадлежат Скудронжогло, идеальному хозяину, одному из положительных персонажей второй части «Мертвых душ» Гоголя.

[13] Приведенная в тексте цитата взята из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя — произведения, реакционный характер которого вызвал гневную отповедь Белинского (в 1847 г.). Своим сопоставлением Плеханов хочет подчеркнуть элементы политического консерватизма у Н. К. Михайловского, который во имя сохранения «устоев» русской жизни, т. е. крестьянской сельской общины, готов был пойти на компромисс с самодержавием (см. его статью «Литературные заметки», 1880 г., октябрь — Собр. соч. *Н. К. Михайловского*, т. IV, 1897, стр. 963—977).

[14] Настоящая выписка, как и четыре следующие, взяты из статьи Л. Мартова «Общественные и умственные течения 70-х годов».

Прудонизм Бакунина заключается в данном случае в отрицательном отношении к политическим формам борьбы. По мнению Прудона, не существовало ни одной формы правления, которую можно было бы признать лучше других; все формы хороши, если правительство действует в духе справедливости. В согласии с этими взглядами, Прудон допускал после государственного переворота 2 декабря 1852 г., что демократический идеал осуществится с помощью Наполеона III.

[15] Чернышевский стоял в этике на точке зрения «разумного эгоизма», считая эгоизм, человеческую выгоду единственным двигателем человеческих поступков, даже самых бескорыстных, вплоть до самопожертвования. Однако, у него понятие эгоизма выходило за пределы личной выгоды. Он исходил из того, что человек существо общественное и, потому, индивидуальный интерес должен смыкаться с общественным, в общественном же мнении добром признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членов.

[16] Слова, заключенные в кавычки, принадлежат Н. К. Михайловскому.

Плеханов имеет в виду то разрешение этого противоречия, которое было дано в исторической теории Маркса.

[17] Защищая по отношению к России идеи народнического, мелкобуржуазного «социализма», П. Л. Лавров в то же время признавал для запада справедливость принципов рабочего социализма. Журнал Лаврова «Вперед», выходивший в 1873—1877 годах, тяготел к немецкой социал-демократии, с которой редакция поддерживала самую живую связь, чему немало способствовали хорошие личные отношения Лаврова с Марксом и Энгельсом. Того же направления держалась и двухнедельная газета «Вперед», выходившая в 1875—1876 годах, большинство передовиц которой принадлежало самому Лаврову. В «Наших разногласиях» Плеханов цитирует, например, такое место из № 27 этой газеты: «Самое развитие капиталистического строя должно вызвать и подготовить переворот, который унесет этот строй» (Соч., т. II, стр. 289).

[18] Все цитаты взяты из статьи Анненкова об идеалисте тридцатых годов Н. В. Станкевиче (1813—1840).

[19] Совершенно иначе подходил к изучению Гегеля молодой Герцен. «Нет ничего смешнее, — пишет он в «Дневнике» от сентября 1844 г., — что до сих пор немцы, а за ними и всякая всячина, считают Гегеля сухим логиком, костяным диалектиком вроде Вольфа, в то время как каждое из его сочинений проникнуто мощной поэзией, в то время как он, увлекаемый (часто против воли) своим гением, облекает спекулятивнейшие мысли в образы поразительности, меткости удивительной» (*А. И. Герцен*. Соч., Пг., изд. под ред. М. К. Лемке, т. III, 1915, стр. 352).

[20] Аналогичные мысли высказывает и современник Станкевича славянофил И. В. Киреевский. В статье «Обозрение современного состояния литературы (1845 г.)» он пишет:

«*Составить* убеждение из различных систем — нельзя, как вообще нельзя *составить* ничего живого. Живое рождается только из жизни» (Полн. собр. соч. *И. В. Киреевского*, т. I, М., 1911, стр. 172).

[21] Настоящая выписка, как и следующие до 88 стр. включительно, взяты из статьи Анненкова «Идеалисты тридцатых годов».

[22] Приведенные мысли принадлежат Н. П. Огареву (1813—1877). То же относится и к предыдущей цитате.

[23] Цитата из письма Герцена к друзьям от 1 марта 1841 г.

[24] Приведенное место взято из письма к П. В. Анненкову В. П. Боткина. Боткин был одним из первых среди западников, усвоившим мысль о преимуществах буржуазного строя перед феодальным. Эту точку зрения заимствовал от него и Белинский, для которого, однако, она послужила лишь мостом к социалистической мысли Запада. Боткин же в своей буржуазно-либеральной идеологии отразил интересы рвавшегося на простор промышленного капитализма.

[25] Приведенное место взято из письма Бакунина к Анненкову из Кельна от 17 апреля 1848 г. и относится к положению в Германии.

Плеханов, очевидно, хочет здесь противопоставить точке зрения Бакунина следующее место из «Коммунистического манифеста»:

«В Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией, — как только она выступает революционно, — против абсолютной монархии, против феодального землевладения и мелкой буржуазии».

Дальше в «Манифесте» развивается та мысль, что ни на минуту не должна ослабляться работа по развитию классового сознания немецкого пролетариата, чтобы «после крушения реакционных классов в Германии», он начал борьбу «против самой буржуазии» (Соч. *К. Маркса* и *Ф. Энгельса*, т. V, стр. 512).

[26] В своих письмах из Парижа, адресованных графу П. И. Панину, Фон-Визин сравнивает экономическое положение русских и французских крестьян и находит, «беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим» (письмо от 20/31 марта 1778 г. — Сочинения, письма и избранные переводы, Спб., 1866, стр. 330). При этом он совершенно не интересуется их юридическим положением, не придавая никакой цены тому, что французское крестьянство тогда уже вышло из личной зависимости по отношению к помещикам.

[27] Речь идет о поэме Богдановича «Душенька», сюжет которой был заимствован им через посредство Лафонтена из романа латинского поэта Апулея «Золотой осел», где впервые был приведен греческий миф об Амуре и Психее.

[28] *Княжнин*, Яков Борисович (1742—1791) — драматург ложно-классического направления. Его трагедия «Вадим», в которой Екатерина II усмотрела сочувственное изображение борьбы республиканцев-новгородцев с самодержавием, была подвергнута конфискации.

[29] Пыпин излагает здесь credo журнала «Утренний свет», издававшегося Новиковым в 1777—1780 г.

[30] В противоположность этому взгляду на прекрасное романтика Жуковского, Чернышевский, исходя из философии Фейербаха, которая всякое превознесение вымысла и абстракции над действительностью считала не только ошибочным, но и вредным, выдвинул положение: «прекрасное в действительности всегда выше прекрасного в искусстве».

[31] В своем известном первом «Философическом письме», опубликованном впервые в 1836 г. в журнале «Телескоп», Чаадаев высказывает те же мысли, что и Грибоедов. «Все народы мира, — говорит он, — выработали определенные идеи... У нас ничего этого нет... Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества... Ни одной полезной мысли не возросло из бесплодной нашей почвы».

[32] Французский поэт-романтик Альфред Мюссе (1810—1857) так характеризует созвучные ему настроения французской молодежи первой половины XIX века (даем цитату в переводе): «... экзальтированные страдающие умы, экспансивные души, чающие бесконечности, в слезах склонили головы и окутали себя болезненными грезами» («La confession d'un enfant du siècle», Paris, s. a., p. 10).

[33] Плеханов касается вопроса об отношении к Белинскому его «друзей» в рецензии на книгу С. Ашевского «Белинский в оценке его современников». Признавая широкую популярность, которой Белинский пользовался еще при жизни,

*

Плеханов отмечает, что в этом поклонении не было понимания. «Белинского плохо понимали его поклонники при его жизни, — пишет он, — большинство из них плохо понимало его после его смерти, и, наконец, едва ли не такое же большинство их продолжает плохо понимать его теперь» (Соч., т. XXIII, стр. 263).

[34] Слова, заключенные в кавычки, принадлежат Белинскому.

[35] *Успенский*, Николай Васильевич (1837—1889) — радикальный разночинец, писатель, правдиво и без идеализации изображавший жизнь крестьянской массы. В главе «Белинский, Чернышевский и Писарев» своей книги о Чернышевском Плеханов останавливается на творчестве Н. Успенского и отмечает благожелательное отношение к нему шестидесятников, в частности Чернышевского (в статье «Не начало ли перемены») и непопулярность его у семидесятников, которые предпочитали писателей, изображавших отрадные, а не темные явления крестьянской жизни (см. Соч. Плеханова, т. V, стр. 341—346).

[36] См. выше публикацию: «Разбор книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДВЕ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ Г. ЛАНСОНА ПО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Настоящая публикация заключает в себе две рецензии на книгу известного французского литературоведа Густава Лансона «Histoire de la littérature française», впервые вышедшую в Париже в 1894 г., и подготовительные работы к этим рецензиям.

Книга Лансона стала впервые известна русской читающей публике в 1896 г., когда в Москве вышел первый том этого труда, охвативший период от X до XVII века включительно. Вскоре после этого, в 1897 г., до выхода в свет следующего тома, в Петербурге появился новый перевод той же книги Лансона, но в извлечении, заключающем в себе только часть книги — литературу XIX века. Именно на это второе издание и реагировал первоначально Плеханов, не подозревая, очевидно, в тот момент о существовании первого тома полного перевода, «несравненно более тщательного и умелого», как он пишет во второй рецензии, посвященной этому ранее вышедшему изданию. Обе рецензии Плеханова были напечатаны в журнале «Новое слово» в 1897 году, первая — в июньской книжке (№ 9, стр. 62—67), вторая — в сентябрьской (№ 12, стр. 30—36). Они были помещены в библиографическом отделе «Новые книги», обе без подписи автора. Авторство Плеханова, оставшееся неизвестным его библиографам и издателям Собрания его сочинений, удалось установить лишь несколько лет тому назад при работе над плехановским архивом, когда среди массы разрозненных листов плехановских рукописей были найдены несколько страниц оригинала этих рецензий. Страницы эти, написанные рукой Г. В. Плеханова, устанавливают его авторство совершенно неопровержимо. При всей своей немногочисленности и отрывочности (большинство из них заключают в себе по нескольку строк и обрываются на полуслове), они не оставляют сомнения в своей принадлежности именно к данным статьям, местами точно совпадая с ними, местами являясь слегка отличными от них вариантами.

В переписке Плеханова имеется единственное упоминание, относящееся к его рецензиям на книгу Лансона. Это упоминание находится в сохранившемся в архиве неопубликованном письме заведующего издательством «Общественная польза» С. Н. Салтыкова к Плеханову, датированном 23 апреля, без указания года. По содержанию письмо несомненно относится к 1905 году, когда С. Н. Салтыков издавал сочинения Плеханова. В нем идет речь о сборнике плехановских статей «За 20 лет», вышедшем первым изданием в 1905 г., куда и должна была войти рецензия на книгу Лансона. Приводим то место письма, которое относится к этому вопросу:

«Статья «рецензия на кн[игу] Скабичевского» действительно не была у Вас в гранках. Но в книгу она вошла и уже давно отпечатана. Вот рецензия на кн[игу] Лансона по недосмотру не вошла. Но об этом я писал уже Вам два дня тому назад

и жду Вашего решения до 27-го числа, конечно уж телеграммой, чтобы успеть приложить в конце книги хотя».

За отсутствием ответа Плеханова на это письмо, а также каких-либо иных указаний трудно сказать, почему рецензии на Лансона так и не увидели света под именем автора и какую из них он имел в виду поместить в своем сборнике «За 20 лет».

Как уже было сказано, публикуемые рецензии не вошли в Собрание сочинений Плеханова, но они были напечатаны в 1931 г. в журнале «Литературное наследство», № 1 и оттуда перепечатаны в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик», М., 1933.

Настоящая публикация производится по тексту «Нового слова», местами дополненному рукописными вариантами, помещенными в подстрочных примечаниях.

В заключение даны две найденные в архиве подготовительные работы к печатаемым рецензиям.

В библиотеке Плеханова имеются оба русские издания книги Лансона, рецензируемые в печатаемых статьях, второе с отметками Плеханова. Кроме того, имеются два французских издания книги Лансона «Histoire de la littérature française» 1903 и 1908 гг. Пометки и надписи Плеханова на последнем из этих изданий показывают, что он работал над Лансоном для позднейших своих статей.

ПЕРВАЯ РЕЦЕНЗИЯ

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. XIX ВЕК. *Г. Лансон* [1], проф. Ecole Normale в Париже. Перевод с французского под редакцией П. О. Морозова. Издание редакции «Образование». С.-Петербург, 1897.

Вы хотите переводить? Это хорошее намерение, но помните, что вы должны знать, во-первых, тот язык, с которого переводите; во-вторых, тот, на который делается ваш перевод; в-третьих, тот предмет, о котором идет речь в переводимом вами сочинении. Если не соблюдено хоть одно из этих условий, то вам лучше вовсе не браться за перо, потому что ваш перевод будет плох и вы только введете читателей в заблуждение. Особенно не советуем вам полагаться на приятельские обещания «*просмотреть*» и «*поправить*» ваш перевод: по большей части из них равнехонько ничего не выходит, и если перевод плох, то он таким и остается, несмотря ни на какие «*редакции*». А сделать и напечатать плохой перевод хорошей книги — значит ввести в заблуждение и подвергнуть пытке читателя, виновного только в любознательности да в незнании языка, на котором написана эта книга; согласитесь, что это чересчур строго.

Книга, название которой мы написали выше, переведена плохо. По всему видно, что переводчик недостаточно владеет французским языком *. Он неловко передает мысль подлинника, и подчас у него

* Приводим вариант начала статьи (вторая страница рукописи):

«Но «редактированный» г. Морозовым перевод указанных глав из рук вон плох: поэтому их надо перевести заново. К тому же самая мысль об издании их отдельной книгой была очень неудачна. В изложении Лансона литературная история каждого данного столетия тесно связана — как тому и следует быть — с предшествовавшим ей литературным развитием. Какое же значение может иметь для русского читателя знакомство...». — *Ред.*

попадаются настоящие курьезы по этой части. Так, на стр. 13 мы читаем о наружности Мирабо: «Наконец, вся непропорционально-развившаяся голова его сидела на широком неуклюжем туловище». Скажите, может ли быть такой человек, у которого *не вся* голова сидела бы на туловище? В подлиннике Лемерсье, свидетельство которого приводит здесь Лансон, заметив, что Мирабо был некрасив, и довольно подробно описав его лицо, заканчивает свое описание словами: «toute cette tête disproportionnée que portait une large poitrine». Это значит, что *некрасива была вся его голова*, сидевшая и проч., а не что *вся голова сидела* на туловище. На стр. 66 русского перевода говорится о Ройе-Келларе [2]: «Отличаясь изобретательностью как в области политических теорий, так и в области спекулятивной философии, он явился в палате главой школы, ученики которой носили название *доктринеров*, что прекрасно выражало их умственную посредственность». В подлиннике, вместо «*их умственной посредственности*», стоит: leur esprit commun, что значит: *свойственный им всем* (т. е. всем ученикам этой школы) дух, или их общий дух. Эта ошибка сильно искажает мысль Лансона, который очень высоко ставит умственные способности некоторых доктринеров. В примечаниях, на стр. IX, в кратком жизнеописании Гизо находится такое место: «После этого (после отказа от политической деятельности) он принимается за свои литературные труды... совмещая эти занятия с управлением французской кальвинистской церковью и являясь в этих делах строгим католиком». Читатель недоумевает: как же это *католик*, да еще строгий католик, мог управлять *кальвинистской* церковью? И когда же это Гизо сделался католиком? Это недоумение может быть разрешено только справкой с подлинником. В подлиннике стоит: sévèrement orthodoxe, а это значит — строго правоверный или ортодоксальный. Гизо был строго правоверным в *кальвинистском смысле*, а кальвинистское правоверие, как известно, очень далеко от католичества. Мы могли бы привести еще много подобных примеров, но вынуждены ограничиться указанием на то, что благодаря плохому знакомству переводчика с французским языком и французской литературой у него попадаются странные промахи при переводе на русский язык названий всем известных сочинений; так «Compagnon du tour de France» Жорж Занд назван «Спутником в поездке по Франции» (!!), «La maison du chat, qui pelote» перекрещен в «Дом изнеженной кошки» (!?) и т. п.

Вообще книга по-русски читается с трудом, и от ее чтения остается очень не эстетичное впечатление, хотя по-французски она хорошо написана. Переводчик не настолько владеет русским языком, чтобы, передавая на нем мысли иностранного писателя, сохранить свойственную этому языку гибкость и свежесть; напротив, он неловко и несвободно идет за подлинником, который, как мы уже видели, не всегда ему и понятен. Нельзя не пожалеть читателя и нельзя не упрекнуть г. П. О. Морозова в том, что он недостаточно внимательно отнесся к своей обязанности редактора.

Что касается до самой книги, составляющей часть «XIX век» довольно известного сочинения Лансона «Histoire de la littérature fran-

çaise», она могла бы быть очень полезна русской читающей публике. Написана она с несомненным знанием умным и серьезным человеком. Правда, иногда у него попадаются ни с чем несообразные литературные суждения. Так, он думает, что «у Жорж Занд больше психологии, чем у Бальзака». По этому поводу можно только развести руками. Автор вообще несправедлив к Бальзаку. По его словам, Бальзак был необузданный романтик, «но так как ему недоставало художественного чутья, поэтического гения и слога, то его романы и сцены, проникнутые романтическим вдохновением, сделались в настоящее время мертвыми частями, так как всегда были неудачны. Наоборот, он изображал в совершенстве души среднего или низкого уровня развития, нравы буржуазии или народа, материальные или чувственные предметы, и его темперамент оказался удивительно подходящим к сюжетам, на которых, повидимому, должно сосредоточиться у нас реальное искусство. Таким образом, своими достоинствами и недостатками Бальзак отделил в романе романтизм от реализма. И все-таки в его сочинениях остается нечто громадное, какое-то ненужное изобилие, ни к чему не ведущее преувеличение, словом, нечто такое, что указывает на их романтическое происхождение» *. Все это очень странно. Каково бы ни было происхождение сочинений Бальзака, не подлежит ни малейшему сомнению то обстоятельство, что между ним и романтиками — *целая пропасть*. Перечитайте предисловия, которые писал Гюго к своим драмам; вы увидите там, как понимали романтики задачу психологического анализа. Гюго обыкновенно сообщает, что он в данном своем сочинении хотел показать, к чему приводит такая-то страсть, поставленная в такие-то и такие-то условия. Человеческие страсти «*берутся*» им при этом в самом абстрактном виде и действуют в выдуманной, искусственной, можно сказать, совершенно *утопической* обстановке. С подобной же «психологией» мы в огромном большинстве случаев встречаемся в романах Жорж Занд. Сочинения Бальзака чужды этого недостатка. Он «брал» страсти в том виде, какой давало им *современное ему буржуазное общество*; он со вниманием естествоиспытателя следил за тем, *как они растут и развиваются в данной общественной среде*. Благодаря этому он сделался реалистом в самом глубоком смысле этого слова, и его сочинения представляют собою незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика-Филиппа. Если его нельзя назвать отцом французского реализма, то разве лишь по той единственной причине, что между французскими реалистами не было ни одного человека, способного понять во всей ее полноте ту великую задачу, которую поставил себе гениальный автор «Comédie humaine»: дети оказались недостойными отца. Но в этом надо винить не Бальзака, а всю историю французского общества со времени февральской революции и июньских дней 1848 года.

* Так сказано в русском переводе, а по-французски говорится просто, что в его сочинениях есть «что-то огромное, что-то излишнее и преувеличенное, изобличающее их романтическое происхождение». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Лансон не понимает значения Бальзака. Это плохо; но это не мешает ему очень хорошо понимать и очень метко характеризовать многих других французских писателей. Его характеристика Гюго безукоризненна (см. стр. 191—197 русск[ого] перевода). О Ройе- (т. е., правильнее, — Руайе) Колляре он говорит: «Он изобрел нового рода спиритуализм, ораторскую философию, философский либерализм — умеренное и удобное учение *, подогнанное как раз к умственному складу и интересам французского буржуа» (стр. 66 русск[ого] перевода). Эти немногие слова лучше характеризуют Руайе-Колляра, чем это могли сделать в специально посвященных ему сочинениях писатели вроде Спюллера [3]. Прекрасно понят им также Гизо: «Гизо был человек с оригинальным, властным и энергичным характером, — говорит он, — с умом могучим, узким, догматическим, ясным и непоколебимо-самоуверенным; идеи, полезные его классу, имели в его глазах всю силу разума и всегда представлялись ему в свете полной очевидности. Вне своей деятельности он нигде не видел удовлетворительного осуществления этих идей в правительственной политике. По его мнению, вся история Европы, а особенно Франции, начиная от нашествия варваров, как бы по особой воле провидения, вела к тому, чтобы создать, возвысить, просветить и обогатить средний класс; задача его как историка состояла в том, чтобы изобразить это движение. Религию он считал необходимой «для порядка и для сохранения общества» и т. д. (см. стр. 67 рус[ского] перевода, который мы, впрочем, несколько изменили в выписанных нами строках). Это как нельзя более справедливо. Далее Лансон замечает, что «феодальные вожделения не пугали Гизо: все его усилия были направлены против демократии. Он вызывает удивление и досаду своей политикой сопротивления, своим упрямым отождествлением буржуазии с Францией, а буржуазных интересов с требованиями разума... никогда не был он более блестящим оратором, никогда рассуждения его не достигали большей силы и речь большего одушевления, как в то время, когда, рискуя существованием всего дорогого ему порядка, он надменно шел против необходимости и справедливости, отстаивая неправду, царившую в пошатнувшемся обществе» (стр. 68 русск[ого] перевода, который мы опять должны были несколько исправить). Тут есть большие неточности. До революции 1830 года Гизо *очень боялся* стремлений легитимистов [4]; тогда он энергично боролся с ними и в своей борьбе проявил те самые свойства, которые сказались потом в его борьбе с демократией. Доводы его достигали наибольшей силы именно в брошюрах, направленных (в самом начале двадцатых годов, после падения министерства Деказа [5]) против реакционных стремлений легитимистов. Несмотря на эти неточности, роль и взгляды Гизо рисуются здесь очень ярко. Возьмем еще пример совсем из другой области, именно из истории французского водевиля. Вот как характе-

* В русском переводе стоит: *верное*, во французском *подлиннике*: *juste*. Но Лансон вовсе не хочет сказать, что учение Руайе-Коллляра было *истинно*; он хочет сказать только, что оно было чуждо крайностей, являлось настоящим «juste milieu». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

ризует Лансон Скриба [6]: «Скриб — художник в том смысле, что его драматические комбинации не имеют никаких целей, кроме тех, которые в них заключаются. Для него театр — искусство, которое само себя удовлетворяет; ему не нужно ни мысли, ни поэзии, ни стиля: достаточно, чтоб пьеса была хорошо построена. Техника в его глазах — все, и в ней он мастер своего дела... Однако, сам того не подозревая, он вложил мораль в эти незначительные водевили, они наивно отражают миросозерцание автора и его публики, их ходячие мысли, которыми они руководились в своей деятельности и по которой судили о деятельности других. Эта мораль отличается самою вульгарною заурядностью; везде только и речи, что о деньгах, карьере, удаче; самый низменный идеал успеха и материального довольства — вот что Скриб и его публика называют здравым смыслом... Нельзя не чувствовать отвращения, видя, что каждый акт честности, доброты, преданности неизбежно оплачивается деньгами, крупным приданым или хорошим наследством. Скриб мог бы внушить романтическую страсть к нравственным эксцентричностям» (стр. 31—32 рус[ского] перевода). Это безусловно справедливо и прибавлять к этому нечего, кроме разве того, что, как это говорит Лансон, публика, рукоплескавшая Скрибу, была именно буржуазная публика.

Читатель заметил, может быть, что в приведенных нами примерах Лансон рассматривает характеризуемых им писателей как представителей *буржуазии*. Он вообще довольно охотно связывает развитие французской литературы с развитием общественного строя во Франции. Кто внимательно прочтет его книгу, тот найдет в ней немало доказательств той мысли, что, так как литература есть отражение общества, а общество есть, по выражению Белинского, *единство противоположностей*, то борьба этих противоположностей определяет собою ход литературного развития. Жаль только, что Лансон не понял всего значения этого взгляда, а потому и не сумел последовательно применить его к изучению истории литературы. Местами он готов даже восставать против него. Его мысль не вполне мирится с *детерминизмом в применении* к литературе, да пожалуй и вообще к историческим явлениям.

«Я отлично понимаю, — говорит он, — почему явилась французская трагедия; но почему именно Корнель или почему Расин, а не другие писатели трагедии? Лафонтен в своих произведениях должен был проявить оригинальность, которую разбирает Тэн. Но почему он проявил ее именно в баснях, это неясно. Если не ввести в объяснение элемент свободы, то три условия, о которых говорит Тэн *, недостаточно мотивируют результат». Тут самая очевидная и вопиющая путаница понятий. Во-первых, для истории литературы важно выяснить, *как и почему явилась, как и почему исчезла* французская трагедия; но почему *именно Корнель*, а не кто-нибудь другой написал «Сида», это вопрос не существенный для научного объяснения литературной истории. Если бы на самом деле «Сид» был написан не Корнелем, а

* Т. е. 1) *раса*, 2) *среда*, 3) *исторический момент*. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

«кем-нибудь другим», то можно было бы спросить наоборот: почему «кем-нибудь другим», а не Корнелем?

Подобные вопросы можно плодить до бесконечности, и они не заслуживают никакого внимания. И пусть не говорят нам, что если мы не в состоянии перечислить всех условий, вызвавших собой появление данного литературного деятеля, то мы не можем научно объяснить его литературную деятельность. Это довольно жалкий софизм. Что можем мы требовать от научного объяснения истории литературы? Указания тех *общественных условий*, которыми определилась эта история. А когда нас спрашивают, почему именно Корнель написал «Сида», то требуют, чтобы мы не только определили свойства той *общественной среды*, в которой жили Корнель и другие современные ему литераторы, но также перечислили все те *обстоятельства частной жизни*, которыми обусловливалось развитие личности Корнеля и всех его литературных современников.

Говорим — *всех*, потому что только подробное перечисление условий развития каждого отдельного писателя показало бы, почему только Корнель был Корнелем, а никто другой им не был и не мог быть. Наука никогда не будет в состоянии перечислить все эти условия. Но из этого не следует, что на помощь ей нужно призвать «элемент свободы». Механика может точно определить траекторию всякого данного артиллерийского снаряда, но она не в состоянии сказать, почему данный осколок ядра полетел именно сюда, а не в другое место. Следует ли из этого, что мы должны ввести «элемент свободы» в объяснение движения артиллерийских снарядов?

«Немыслимо, чтобы в литературе не отразилось обновление, которое, повидимому, совершается в мире общественном, политическом и нравственном, — говорит Лансон в последней главе своей книги. — Стоите ли вы за социализм или против него? Таков великий вопрос настоящего времени. Более, чем когда бы то ни было, бескорыстие и единомыслие стали необходимостью для буржуазии; она должна проникнуться духом солидарности, который один только в состоянии расширить круг идей и убить эгоизм» (стр. 237—238 русск[ого] перевода). На основании того, что Лансон говорил о Гизо, можно было подумать, что он враждебен буржуазии. Теперь мы видим, что ему хотелось бы спасти ее посредством нескольких благодушно-утопических советов. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что на самом деле он только против привилегий, которые могла бы присвоить себе, и действительно присвоила крупная буржуазия, а вовсе не против буржуазного порядка вещей. Он знает, что во Франции этот порядок трещит по всем швам, но он не знает, чем можно заменить его. Поэтому его гибель кажется ему гибелью всякого человеческого общежития и всех плодов цивилизации. И вот он старается спасти его, взывая к «элементу свободы». Вера в этот «элемент» дает ему некоторый нравственный отдых. Иначе сказать: Лансон апеллирует от необходимости к свободе потому, что чувствует, как объективная необходимость все решительнее и решительнее обращается во Франции против средних классов».

ВТОРАЯ РЕЦЕНЗИЯ

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *Гюстава Лансона*. Перевод со второго французского пересмотренного и дополненного автором издания. Издание К. Т. Солдатенкова. Том I, М., 1896, ц. 3 р. 50 к.

Недавно — в июньской книжке «Нового слова» — мы отметили появление в русском переводе под «редакцией» г. Морозова части («девятнадцатый век») истории французской литературы Лансона. Теперь мы хотим указать читателям на существование другого — несравненно более тщательного и умелого — перевода того же сочинения. Это пока еще тоже неполный его перевод: вышел только первый том — с десятого до XVII века включительно. К сожалению, издание г. Солдатенкова чрезвычайно дорого и по своей цене будет многим совершенно недоступно. Это тем более жаль, что теперь более, чем когда-либо, нам надо усердно и внимательно изучать историю духовного развития человечества во всех областях и всюду, где она имела место: теперь у нас очень сильно распространяется так называемый (в нашем литературном просторечии) *экономический* материализм, согласно которому духовное развитие человечества определяется в последнем счете экономическими отношениями, *отношениями производства*. Это, конечно, совершенно правильный взгляд: лишь с точки зрения экономического (т. е., правильнее, *диалектического*) материализма и возможно действительно научное объяснение духовной истории человечества. Но такое объяснение — как и всякое другое *научное* объяснение — предполагает внимательное изучение фактов, хорошее знакомство с действительностью, которого не заменят никакие теории, никакие общие взгляды, хотя бы эти взгляды и теории и были в общем совершенно правильны. Кто, говоря о духовном развитии человечества, ограничивается ссылкой на то, что оно в последнем счете вызвано было развитием производительных сил, определившим собою все последовательные перемены в общественных отношениях людей, тот несомненно высказывает вполне верную мысль. Но мы еще не знаем, правильно ли понимает он эту несомненно правильную мысль, или она остается в его голове мертвой абстракцией, бесплодным догматом, взятым на веру и окостеневшим в своей величавой неподвижности. Диалектический материализм больше всякой другой философской системы пострадал бы от догматического к нему отношения, так как догматизм есть злейший враг диалектики. Диалектический материализм — не совокупность окостенелых догматов; это прежде всего *метод изучения явлений*. Его значение поистине колоссально. Но оно навсегда останется не вполне понятным и ясным для тех, кто ограничивается одними методологическими рассуждениями и не старается применить свой правильный метод к изучению действительности.

Повторяем, теперь более, чем когда-либо, надо изучать духовную историю человечества. Очень полезным помощником в этом деле, поскольку оно касается истории французской литературы, может служить Лансон. Правда, его собственные взгляды на главную задачу, которую должны поставить перед собою люди, изучающие историю

литературы, не могут быть признаны удовлетворительными; но этот важный недостаток выкупается глубоким знанием предмета, тонкостью литературного чутья и добросовестностью, которая не позволяет автору оставлять в тени или совсем замалчивать явления, резко противоречащие его любимым взглядам. От этой добросовестности много выигрывает читатель, хотя в то же время очень проигрывает сам Лансон: написанная им история французской литературы уже сама в весьма значительной степени опровергает его ошибочные взгляды; а еще того лучше указывает он тот путь, который неизбежно ведет к обнаружению их ошибочности.

В июньской книжке [«Нового слова»] мы уже отчасти указали как на слабые, так и на сильные стороны сочинений Лансона. Но мы сделали это именно только отчасти, потому что для полного их рассмотрения нужно было бы написать большую критическую статью. Мы пользуемся настоящей заметкой для того, чтоб досказать хоть кое-что из недосказанного нами.

«Изучение литературы, — говорит Лансон, — не может обойтись в настоящее время без научной подготовки; известное количество точных положительных знаний должно служить необходимой опорой и руководством при наших суждениях. С другой стороны, ничего не может быть законнее всякой попытки связать путем научного метода наши идеи и отдельные впечатления и представить общую синтетическую картину хода развития * и преобразования литературы. Но не следует упускать из виду, что история литературы имеет целью характеристику отдельных писателей и что в ее основе лежат индивидуальные впечатления, индивидуальные интуиции. Она изучает не виды или категории по Корнелю, Расину или Гюго, и для изучения их она пользуется не такими приемами или опытами, которые могли бы быть повторяемы каждым и давали бы всегда неизменные результаты, а применением способностей, различных в каждой отдельной личности и дающих по необходимости относительные и недостоверные результаты. Ни по своей цели, ни по своим средствам литературные сведения не могут быть названы в строгом смысле научными» (стр. 7).

В четвертом французском издании своей книги Лансон, в особом примечании, старается устранить некоторые недоразумения, вызванные его взглядом на цель и средства изучения истории литературы. «Я не хочу сказать, — говорит он, — что надо вернуться к методу Сент-Бева[7] и составлять галерею портретов. Я говорю только, что когда мы исчерпали все средства, способные объяснить нам появление данного произведения; когда мы отдали должное расе, среде и моменту; когда мы приняли в соображение весь ход развития того литературного вида, к которому принадлежит это произведение, у нас остается нечто такое, чего не коснулись все эти объяснения, чего не объяснила ни одна из этих причин; это-то нечто, этот неопределенный и необъяснен-

* У Лансона сказано — рост: des accroissements. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

ный остаток и составляет высшую оригинальность данного произведения; это-то нечто и вносится лично Корнелем или Гюго, составляет их литературную индивидуальность; поскольку этот личный остаток не поддается научному анализу, постольку и история литературы не может быть предметом строго научного изучения».

Подобные взгляды приходится часто слышать не только в применении к истории литературы, но и в применении к истории вообще или даже ко всей общественной науке. По существу Лансон здесь совсем не оригинален. Но во всем, что говорит этот умный и серьезный человек, есть некоторый «*личный остаток*», придающий что-то оригинальное и убедительное мыслям, в сущности не оригинальным и совсем не верным. В интересующем нас случае оригинальна та формулировка, которую придал Лансон ходячему возражению против попыток научного объяснения общественных явлений. Благодаря этой формулировке, оно на первый взгляд кажется неотразимым: так как известный «личный остаток», вероятно, найдется в произведениях любого писателя, то, повидимому, надо признать, что Лансон прав, то-есть, что «литературные сведения не могут быть названы в строгом смысле научными».

Но взглянем на дело несколько ближе и для этого возьмем одного из тех писателей, на которых ссылается Лансон, а именно Корнеля. Корнелю посвящены страницы 545—564 разбираемой нами книги. Перечитаем эти страницы и посмотрим, какой именно «личный остаток» нашел наш автор у этого великого драматического писателя.

Начнем с «*психологии корнелевского героя*». По словам Лансона, «героизм Корнеля — не что иное, как экзальтированная воля, признаваемая безусловно свободной и безусловно могущественной». Корнелевский герой прежде всего человек, обладающий чрезвычайно сильной волей и сознающий это отличительное свойство своего характера: «Я властелин над собой так же, как и над вселенной», говорит Август в «Цинне». Такими же господами над собой являются и другие герои Корнеля, и это относится не только к мужчинам: его женщины отличаются не менее гордой энергией, не менее величавой силой самообличения. Спрашивается, чем объяснить это интересное литературное явление? «Влиянием общественной среды, — отвечает сам Лансон. — Мы находим удивительную гармонию между психологическими сюжетами Корнеля и действительной психической жизнью того времени: даже в женщинах было тогда мало женственного, они жили более головой, нежели сердцем» (стр. 554). Отчего же это было так? Известно, что вторая половина XVI в. ознаменовалась во Франции чрезвычайно сильными общественными смутами, ожесточенной борьбой партий. Эта борьба и эти смуты вызывали сильное напряжение воли, закаляли характер. В литературе это отразилось в виде усиленного интереса к тем нравственным учениям, в которых воле отводится главное место: Дю-Вер [8] переводит Эпиктета [9], Дю-Плесси-Морнэ [10], Д'Юрфе [11] и другие перефразируют Сенеку [12] и т. д. «Это пробуждение нравственной энергии подготовляет картезианскую теорию воли [13] и корнелевскую теорию героизма, — говорит Лансон, — им же объясняется успех *янсенизма* [14], представляющего собою суровую форму католицизма» (стр. 448). В том же направлении влияла и общественная жизнь первой половины XVII века. «Поколение, выросшее среди воспоминаний об ужасном прошлом и потрясений еще тревожного настоящего, люди эпохи Тридцатилетней войны и заговора против Ришелье [15] отличались сильной и даже грубой натурой; они не чувствовали склонности к ребяческим забавам сантиментальной жизни... страсти людей этого типа были скорее грубы, нежели утонченны... в них не было абсолютно ничего женственного, ими управляли разум и воля... их романтический героизм соответствовал неодолимой потребности в усилии и деятельности» (стр. 512). Литература продолжает отражать эти выдающиеся черты общественной психологии: «Романы и эпические поэмы того времени — только карикатуры того энергичного и сильного типа, изображение которого мы находим у Корнеля, а определение — у Декарта» *. Во второй половине XVII века, когда прекратились смуты и когда полное торжество абсолютной монархии надолго закрыло те пути, по которым направлялась прежде энергия отдельных личностей (принадлежащих к более или менее привилегированным классам и слоям), — как в жизни, так и в литературе выдвигаются на первый план другие типы. Мы не станем вдаваться здесь в их характеристику; нам нужно было только отметить то в высшей степени важное для нас обстоятельство, что, *по признанию самого Лансона*, психология корнелевских героев является верным отражением психических свойств современной ей общественной среды **. А теперь мы пойдем за нашим автором дальше и послушаем, что скажет он нам *о «форме корнелевской драмы»*.

«Основным принципом произведений Корнеля, — говорит он, — была истина, сходство с жизнью. Первое время он брел ощупью, так как вырос в такое время, когда никому не приходило в голову направлять драматическую поэзию к подобной цели; он устремлял свою фантазию в разные стороны... Но уже и тогда он создал свою особую, трезвую, серьезную, правдивую форму комедии... Затем он создал настоящую трагедию, на которой и остановился» (стр. 547).

На этот раз мы, повидимому, имеем дело с тем, что составляет «личный остаток» в произведениях Корнеля. В самом деле, если за основной принцип своих драматических произведений он взял истину, хотя вырос в такое время, когда о ней никто не думал, то кажется

* Дальнейший текст имеет вариант. Приводим его:
«Во второй половине того же столетия, когда Франция успокоилась и отдохнула, наконец, под управлением «короля-солнца», как в жизни, так и в литературе, начинают преобладать другие типы. Но мы не будем говорить об этих новых типах; нам нужно было только отметить то в высшей степени важное для нас обстоятельство, что, по признанию самого Лансона, преобладающие черты психологии корнелевских героев...» (стр. рукописи 12). — *Ред.*

** Еще нагляднее показано это в другом сочинении нашего автора, а именно в книге «Nivelle de la Chaussée et la comédie larmoyante», Paris (1887), deuxième partie, chapitre premier: Origine de la comédie larmoyante [16]. Было бы очень полезно приложить русский перевод этой интересной и прекрасно написанной главы ко второму тому «Истории французской литературы». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

ясно, что важнейшей отличительной чертой своих произведений он обязан был самому себе, а не окружающей его общественной среде. Однако и тут приходится заметить, что такой вывод правилен только на первый взгляд. Истина корнелевской трагедии заключается в отсутствии той романтической запутанности, которая преобладала в драматических произведениях его предшественников и благодаря которой действие обусловливалось не характерами и положениями действующих лиц, а случайными сочетаниями случайных причин *. Лансон говорит, что Корнель никогда не прибегал к романтическим приемам. C'est trop dire **. Еще Лессинг в своей *«Гамбургской драматургии»* [17] показал, что немало умышленно запутанного и неестественного встречается иногда даже в лучших произведениях Корнеля, например в «Rodogune» ***. Тем не менее все-таки неоспоримо, что в этих произведениях *истины* было несравненно больше, чем в сочинениях Гарди [18], Скюдери [19] и т. п. Поэтому все-таки необходимо признать Корнеля *первым* по времени представителем стремления к истине во французской драматической поэзии. Но это обстоятельство ничего не говорит в пользу взгляда Лансона на литературу. Дело в том, что стремление Корнеля к истине в драматической поэзии было простым выражением тех рационалистических стремлений, которые свойственны были всему тогдашнему обществу и которые сами явились естественной реакцией настроению, господствовавшему в предшествовавший исторический период. Вот что говорит об этой реакции сам Лансон, перечисляя общие результаты XVI столетия: «Восстановлением абсолютной монархии и католической религии (при Генрихе IV [20]) французы отстраняют от себя все раздражающие и опасные вопросы. Монтэнь [21] уже ограничил область непознаваемого; но если он мог довольствоваться своим позитивизмом, то люди, нуждавшиеся в чем-нибудь несомненном, искали в религии ответа на вопросы, о которых молчал разум... Обеспечивши себя с этой стороны, ум, созревший в волнениях XVI в. и в изучении древних, признает себя верховным судьей всякой познаваемой истины, и литература проникается позитивным и научным рационализмом. Область веры ограничена, а все, выходящее из ее пределов, решается разумом... Литература, в которой начинает господствовать разум, стремится

* *В изображении* этой истины было, в свою очередь, очень много условного соответственно привычкам и вкусам тогдашнего светского общества. Но речь идет теперь не об этом. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Это слишком! — *Ред.*

*** Приводим рукописный текст этого места:

«... не было неизбежным результатом характеров и положений действующих лиц, а определялось независимым от их воли случайным сочетанием случайных причин. Вот на это-то отсутствие романтической запутанности и указывает Лансон: «Корнель никогда не прибегал к романтическим приемам: вы не найдете в его произведениях ни одного переодевания, ни одного incognito, исключение составляют только «Don Sanche», которого нельзя назвать трагедией, и «Héraclius», но в последнем произведении подмена детей является не средством развития сюжета, а его сущностью, и поэт пользуется этим». По мнению Лансона, Корнель никогда не прибегал к романтическим и т. д. Лессинг — в «Rodogune» действие умышленно запутано и неестественно». — *Ред.*

к всеобщему; ее объектами становятся истина и обычай» и т. д. (стр. 447, 448). При таких условиях стремление Корнеля к истине не представляет собою ровно ничего такого, чего нельзя было бы объяснить общественными причинами, и можно удивиться только тому, что истина не восторжествовала в драматической поэзии еще раньше появления Корнеля.

Итак, Корнель явился во французской драматической поэзии первым гениальным представителем рационалистических стремлений, которые вообще были свойственны его эпохе и которые частью еще раньше, а частью одновременно, выразились в других отраслях литературы, например в философии. Если мы не ошибаемся, такого рода «личные остатки» не могут препятствовать научному объяснению развития всемирной литературы.

Перейдем к выбору сюжетов. Корнель «думал о сюжетах частной буржуазной жизни, о том, что мы называем в настоящее время *драмой*, — говорит Лансон, — и он дал формулу этой драмы; но сам он не применил этой формулы» (стр. 550). Почему же? Не составляет ли это обстоятельство какого-нибудь «личного остатка» в литературной деятельности Корнеля? Лансон думает, что оно было вызвано многими причинами. Во-первых, потому, что *«власть обнаруживает человека»*, как говорили древние греки: она освобождает его от многих стеснений частной жизни и дает возможность лучше исследовать природу его страстей. Это плохое объяснение. Оно оставляет совершенно неразрешенным вопрос о том, почему же это соображение относительно влияния власти было убедительно для всех выдающихся писателей XVII в. и стало неубедительным в XVIII столетии, когда Нивель-де-ля-Шоссе, Дидро и Бомарше начали в своих драматических произведениях выводить обыкновенных смертных вместо традиционных королей и героев. Не объяснит ли дела вторая из перечисляемых Лансоном причин? «Во-вторых, — продолжает он, — в его (Корнеля) время судьба знаменитых людей интересовала публику больше судьбы простых буржуа и давала более поводов для проявления великих страстей». Вот это другое дело. Если во время Корнеля судьба простых буржуа была мало интересна театральной публике, то понятно, что писатели не делали этих буржуа героями своих драматических произведений. Скажем более: буржуазная жизнь *того времени* была и в самом деле неинтересна с точки зрения драматического действия. А если в следующем веке судьба буржуазных героев могла вызвать огромный интерес в зрителях, то для этого была совершенно достаточная причина в том общественном положении, которое тогда частью заняла, а частью стремилась занять французская буржуазия. «Наконец, — заключает Лансон, — в общем исторические интересы дают страстям более понятное для всех основание, чем профессиональные или финансовые интересы, являющиеся источником буржуазных страстей». Это и так и не так. Источником буржуазных страстей не всегда являются одни только профессиональные или финансовые интересы: вот, например, в конце прошлого века буржуазию волновали также и великие «исторические интересы». Но разумеется они могли явиться

у нее только при наличности известных условий, которые отсутствовали во времена Корнеля. Значит... значит, и для выбора этим писателем сюжетов именно того, а не другого рода была совершенно достаточная *общественная* причина.

Легко было бы показать, — *заметьте, на основании фактов и соображений, приводимых самим Лансоном*, — что «форма корнелевской драмы» во всех своих частностях прекрасно объясняется психологией и обычаями господствовавшего сословия, которое во время Корнеля собственно и составляло театральную «публику». Но где же тот «личный остаток», который непременно должен был оказаться в произведениях Корнеля, если бы была верна теория Лансона? Этого остатка мы не видим. И это не удивляет нас. Всякое литературное произведение есть выражение своего времени. Его содержание и его форма определяются вкусами, привычками и стремлениями этого времени, и чем крупнее писатель, тем сильнее и яснее эта зависимость характера его сочинений от характера его времени, то-есть, иначе сказать, тем меньше в его сочинениях тот «остаток», который можно было бы назвать личным. Главнейшая личная особенность, «высшая оригинальность» (читатель помнит это выражение Лансона) великого человека заключается в том, что он в своей области выразил раньше или лучше, полнее других общественные или духовные нужды и стремления своей эпохи. Перед этою особенностью, составляющей его «историческую индивидуальность», исчезают все другие, как исчезают звезды при солнечном свете. А такая историческая индивидуальность вполне может быть предметом точного научного анализа.

«Я не допускаю, — говорит Лансон, — чтобы можно было изучать литературу с какою-нибудь другою целью, кроме саморазвития, и руководясь какою-нибудь другой причиной, кроме доставляемого ею удовольствия». Это вполне понятно, принимая в соображение его теорию личных остатков. Понятно также, что с ним не согласится никто из тех, кто, подобно нам, считает эту теорию неосновательной. Литературу можно и должно изучать с тою же целью, с какой биолог изучает органическую жизнь. Едва ли надо прибавлять при этом, что подобное изучение не может итти вразрез с целями саморазвития и что доставляемое им умственное наслаждение в своем роде не меньше и не ниже эстетического удовольствия, доставляемого чтением выдающихся художественных произведений *.

* Приводим рукописный вариант конца статьи (последних двух абзацев):

«... психологией и обычаями господствующего сословия, которое во время Корнеля собственно и составляло театральную публику. Но место не позволяет нам пускаться в подробности. Ограничимся тем общим замечанием, что единственный заметный «личный остаток» в сочинениях всякого великого писателя есть именно тот, что эти сочинения удачно выражают общественные стремления своего времени. Главная личная особенность, «высшая оригинальность» — чтобы употребить здесь выражение Лансона — великого человека заключается в его отношении к общественным (или духовным) нуждам и стремлениям своей эпохи. Перед этой особенностью — составляющею его историческую индивидуальность — исчезают все другие его особенности, как исчезают звезды при солнечном свете.

При своем взгляде на значение «личных остатков» Лансон совершенно прав, говоря: «Я не допускаю, чтобы можно было изучать литературу с какой-нибудь другой целью, кроме саморазвития, и руководясь какой-нибудь другой причиной, кроме доставляемого ею удовольствия». Однако само собой понятно, что с ним не согласится никто из тех, кто, подобно нам, не придает «остаткам» никакого существенного значения. Саморазвитие — великое дело; но разве научное познание истории человеческого духа не может содействовать целям саморазвития? Эстетическое удовольствие, доставляемое чтением великого литературного произведения, есть тоже нечто весьма почтенное; но оно не исключает удовольствия, которое может доставить анализ этого произведения как плода того или иного состояния общества. На самом деле только такой анализ и способен раскрыть перед нами его живую душу во всей ее глубине» (стр. рукописи 21—22). — *Ред.*

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ К РЕЦЕНЗИЯМ

Публикуемые ниже две подготовительные работы к рецензиям Плеханова представляют собой постраничный разбор обоих рецензируемых переводов книги Лансона. В первой из этих работ, относящейся к рецензии, помещенной нами на первом месте, ссылки на страницы имеют в виду петербургское издание 1897 г. Во второй, которая относится к рецензии, написанной позднее и потому помещенной нами на втором месте, ссылки даны на московское издание 1896 г. Обе публикуемые подготовительные работы написаны рукой Плеханова, первая в тетради (№ 87), где она занимает 4 страницы, вторая на одном вырванном из тетради листе.

I

ИСТОР[ИЯ] ФРАНЦ[УЗСКОЙ] ЛИТЕР[АТУРЫ] ЛАНСОНА

Стр. 1. Плохой язык.

2. Писатель стал зависеть (после революции) только от себя. Это странно [22].

2. Замечание о женщинах. Сопоставить с этим слова Madame d'Agoult о женщинах. Дворянство никогда не унижало женщину так, как унизила ее буржуазия. Это было также недурно отмечено Герценом, который был, когда не поддавался вредному влиянию своего славянофильства, тонким наблюдателем общественной жизни Запада [23].

3. Плохой перевод.

4. Лансон сам признает, что власть салонов сменилась властью газет.

10—11. Неправильность языка. Морозов плохо проредактировал книжку.

11. Мирабо не удалось добиться отмены развода. Что это такое?

12. Мирабо сначала помогал, а потом вел борьбу с Каленном. Что это за фраза и что это за Каленн? [24]

13. Вся голова Мирабо сидит на туловище.

13. У Мирабо были заслуги, заслуживающие и т. д.

15. На что надеялся Мир[або]. Дурной язык.

В прилож[ении], гл. II о Барнаве — дурной язык.

38. «Неизгладимые морщины». Плохой язык.

40. Победа оскорбляет гордость (?).

63. Плохой перевод места об анархии.

64. Почему Фуко назван Фукольдом? «Заграбастали» выражение

*

не хорошее. А в примечании совсем чорт знает что: французская опечатка пресерьезно переводится на русский язык.

66. Ройе-Колляр и его философия как продукт буржуазии. Ср. Тэна [25].

66. Esprit commun — вовсе не умственная ограниченность.

IX. Почему Деказ называется Деказесом? А Кабанис — Кабани.

IX. Гизо вовсе не католик.

67. Характеристика Гизо — выписать [26].

68. Стремл[ения] легитим[истов], напротив, очень пугали Гизо до революции 1830 года.

IX. Неправда, ср. подлинник.

68. Пользовался философией Скриба.

69. Вовсе не это и дало повод и проч. [27].

71. Часто служило поводом для борьбы: просто боролось.

72. Непременно выписать характеристику Кузэна [28].

117. Человек и женщина [29].

137. Пармская *Партезианка* (?) [30].

138. Очень умное замечание [31].

Le compagnon du tour de France превращается в путеводителя, а La maison du chat qui pelote в дом изнеженной кошки.

У Ж. Санда больше психологии, чем у Бальзака! Он вообще несправедлив к Бальзаку. Не понимает огромного значения *его* психологии. У других романтиков (напр[имер] у Гюго): возьмем такую-то страсть и посмотрим, что будет, а у него изучается то, что есть, что дано жизнью. Оттого он и есть отец реализма.

Леконт де Лиль родился на Реюнионе [32].

211. Что следует из романа Бовари [33].

234. Значение Ренана. Сопоставить это с тем, что говорится о Тэне[34].

234. Плохой перевод.

Герцог Брольи называется то так, то Брогли.

Стр. 235. *Проникновение*?

240. Замечание Ж. Леметра [35].

241. Критика Брюнетьера [36]. Опять личности. Сравнить это стремление отстоять личность с под[обным] стремл[ением] наших субъективистов.

242. Неверный перевод.

243. Пропуск.

Слово: Curieux он часто переводит словом забавный.

246. Интересный конец: вера в людей, ибо отсутствует вера в возможность изменения существующих отношений.

II

Обратить внимание (стр. 535) на то обстоятельство, что фр[анцузский] театр в XVI веке обращался к одним классам, а во второй половине XVII — к другим, именно высшим. Успех Гарди [37] убеждает светских людей писать для театра.

Стр. 537. Обратить внимание на значение факта заимствования трех аристотелевых единств [38].

537. И далее — что принесло светское общество театру [39]. *Откуда взялись рационалистические стремления светского общества*?

Чем нравилась св[етскому] обществу идея единства.

538. Было ли «неизбежное» в том, что Корнель написал в 1636 г. своего «Сида» [40].

Стр. 512 [41]. Психология современников Корнеля.

603. То же самое.

688—689. Трагедия Расина соответствует известному периоду развития фр[анцузского] общества [42].

698. Обр[атить] вним[ание] на конец [43].

470. «Причины успеха» Малерба [44].

479 №3 [45].

Отметить, что произошло X ans après Molière (Nivelle) p. 112 [46].

Стр. 115 — отзыв Гримма о комедиях: «блестели остроумием» и проч. [47].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лансон*, Густав (р. 1857) — французский буржуазный литературовед, профессор Сорбонны. Наибольшей известностью пользовалась его «История французской литературы», выдержавшая до десяти изданий. Идеалистическая сущность взглядов Лансона на историю литературы ярко выражена в следующих словах: «История литературы имеет целью характеристики отдельных писателей, и в основе ее лежат индивидуальные впечатления индивидуальной интуиции». На русский язык, помимо работы Лансона по истории литературы, переведен М. Гершензоном «Метод в истории литературы» (М., 1911; перепечатано в кн. М. Гершензона «Видение поэта», М., 1919).

[2] *Руайе-Коллар*, Пьер-Поль (1763—1845) — французский политический деятель. В эпоху реставрации Бурбонов (1814—1830) был в палате депутатов вождем умеренно-консервативной буржуазной партии «доктринеров», отрицавших принципы революции 1789—1793 гг. и правомерность насильственного переворота, но признававших новый «гражданский», т. е. буржуазный порядок. Кроме Руайе-Коллара виднейшим представителем этой партии был Гизо.

[3] Речь идет о книге *Spuller*, E. Royer Collard, Paris, 1895.

[4] Легитимизм (от слова legitimus — законный) — политическая теория в западной Европе, преимущественно во Франции, признающая законность всякого владения, в частности владения престолом. Впервые эта доктрина была выдвинута, как практическая директива, на Венском конгрессе (в 1814 г.) Талейраном, стремившимся вернуть европейские государства к их дореволюционным границам.

[5] *Деказ*, Эли (1780—1860) — французский политический деятель, стремившийся в царствование Людовика XVIII объединить вокруг трона всю Францию путем точного соблюдения конституционной хартии и осторожной политики лавирования между партиями (политика «коромысла»).

[6] *Скриб*, Эжен (1791—1861) — французский драматург эпохи июльской монархии и Второй империи, идеолог крупной буржуазии, критиковавший нравы буржуазного общества, но преклонявшийся перед ним. Отличался большим мастерством в развертывании сложной драматической интриги.

[7] *Сент-Бев*, Огюстен (1804—1869) — французский литературный критик, идеалист. Усматривая причину смены литературных форм и направлений в исторических условиях и общественных отношениях, Сент-Бев пытался в то же время установить тесную связь между произведением и личностью писателя, его биографией. Плеханов в своих статьях «Литературные взгляды Белинского» и «К вопросу о роли личности в истории» подробно высказывается об «историко-биографическом» методе Сент-Бева.

[8] *Дю-Вер*, Гильом (1556—1621) — французский политический деятель и оратор эпохи гражданских и религиозных войн XVI и начала XVII столетия, один из вождей буржуазной партии «политиков», боровшихся с католическим дворянством.

Дю-Вер оставил несколько нравственных трактатов, основной идеей которых является «христианский стоицизм, предпочитающий деятельность созерцанию и гражданскую жизнь монастырю» (*Лансон*, стр. 438).

В тексте имеется в виду трактат Эпиктета, переведенный Дю-Вером под названием «Le manuel d'Epictète».

[9] *Эпиктет* — греческий философ I века, бывший в Риме рабом, один из виднейших представителей философии стоицизма, считавшей человека, в силу его мудрости, господином своих страстей, обязанным стойко и хладнокровно переносить все жизненные испытания.

[10] *Дю-Плесси-Морнэ*, Филипп (1549—1623) — французский государственный деятель, приверженец Генриха IV (см. прим. 20), редактор его манифестов, автор ряда трактатов, красноречивый защитник политических и религиозных идеалов гугенотов.

[11] *Д'Юрфе*, Онорэ (1568—1625) — французский дворянский романист, автор знаменитого романа «Астрея», написанного в 1610 г., изображавшего под видом пастушеской жизнь светского общества и имевшего огромный успех. Плеханов вскрывает классовую подоплеку этого романа и увлечения им современников в одном из своих конспектов по искусству (см. «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. III. Искусство, стр. 125—128 и 138—139).

[12] *Сенека*, Луций-Анней (III век до н. э.) — римский философ-стоик. Д'Юрфе перефразирует Сенеку в «Epitres morales», написанных им в 1595 г. в тюрьме, где он находился за связь с католической лигой, боровшейся с Генрихом IV.

[13] Картезианская теория воли — теория воли французского философа Декарта (1596—1650) и его школы. Исходя из идеи противоположности духа и материи, Декарт доказывал с помощью разума свободу воли и ее независимость от всего телесного. В условиях XVII века картезианские принципы разумной «свободы воли» и необходимости солидарности с другими существами были, хотя и робкой, попыткой выступления против господствовавшей феодальной идеологии.

[14] Янсенизм — религиозное учение, выдвинутое голландским богословом Корнелием Янсениусом в 1640 г. и отрицавшее свободу воли. Янсенисты боролись с иезуитами за «свободу совести».

[15] *Ришелье*, Арман-Жан дю-Плесси (1585—1642) — французский кардинал и с 1622 г. всесильный министр, основной задачей которого было усиление королевской власти путем ликвидации старинных феодальных вольностей и феодальной раздробленности страны. Ришелье опирался в своей политике на служилое дворянство и буржуазию.

[16] *Нивель де-ля-Шоссэ*, Пьер Клод (1691—1754) — французский драматург, пьесы которого относятся к жанру «слезливых комедий» или буржуазных драм. Пользовался большим успехом, как выразитель настроений французской буржуазии первой половины XVIII в., и явился предшественником позднейшей комедии нравов.

[17] «Гамбургская драматургия» (1767) — собрание театральных рецензий, в которых Лессинг, крупнейший представитель немецкого просвещения, в борьбе за буржуазное искусство против придворной ложноклассической трагедии дал теоретическое обоснование так называемой буржуазной драмы.

[18] *Гарди*, Александр (род. между 1569 и 1575 — умер около 1631—1632) — французский драматург, сыгравший большую роль в деле развития французского театра, способствовавший его переходу от средневековых драм к классическим. Ему удалось популяризировать театр перед широкой аудиторией. Гарди написал от 600 до 700 пьес: трагедий, пасторалей и трагикомедий.

[19] *Скюдери*, Жорж (1601—1667) — французский драматург, не отличавшийся большим талантом, но сыгравший известную роль в деле создания «правильной» французской трагедии псевдоклассического стиля; в своих комедиях Скюдери допускал большие вольности. Его имя приобрело печальную известность в связи с придирчивой и враждебной критикой, с которой он выступил против знаменитой трагедии Корнеля «Сид».

[20] *Генрих IV Бурбон* (1553—1610) — французский король, вначале вождь гугенотов, вел борьбу с феодальной католической партией, опираясь на буржуазию и крестьянство. Позднее перешел в католичество, предоставив гугенотам религиозную свободу. Его царствование знаменовало экономический подъем страны и расцвет абсолютизма.

[21] *Монтэнь*, Мишель (1533—1592) — французский философ-скептик, подчеркивавший слабость человеческого разума и обманчивость чувств. В политических вопросах — сторонник королевской власти, в которой видел спасение от гражданских и религиозных смут второй половины XVI века.

[22] У Лансона речь идет о тирании светской жизни, до революции 1789 г. диктовавшей писателям свои салонные вкусы. В период революции и первой империи, как пишет Лансон, «внешние правила и законы литературного творчества уступили место внутреннему импульсу, и писатель стал зависеть от одного лишь своего темперамента, от свойственного ему личного идеала».

[23] Заметка относится к утверждению Лансона, что со времени революции женщины утратили свое «почти двухсотлетнее господство» над литературой и она стала «литературой мужчин», созданной «ими и для них».

Madame d'Agoult, французская писательница, выступавшая под псевдонимом Даниэль Стерн (см. выше публикацию «Литературные взгляды Белинского», прим. 20), в своих мемуарах описывает литературные салоны предреволюционной эпохи, отмечая то исключительное положение и ту роль, которую играли в них женщины. Сравнивая их с положением и ролью женщины в эпоху господства буржуазии, писательница приходит к следующим выводам (даем цитаты в переводе):

«Ни привилегированная буржуазия царствования Луи-Филиппа, ни эгалитарная демократия, которая с водворения республики захватила и поглотила у нас все и все, не обладали тем секретом, тем врожденным даром, который на протяжении двух столетий превращал знатную французскую даму в королеву европейской утонченности...»

«Нашим революционным поколениям кажутся подозрительными аристократические традиции, галантность кажется им стеснительной, вежливость лицемерной, влияние женщин в салоне показалось бы им ниспровержением всех законов. Французский демократ в принципе и в своих писаниях высоко чтит мать и супругу, но на деле, в своем доме, хочет видеть ее подчиненной и признает ее только как хозяйку». (Daniel Stern, Mes souvenirs, Paris, 1877, p. 364—365).

Одно из высказываний Герцена, о которых говорит здесь Плеханов, находим в его «Письмах из Франции и Италии». Герцен пишет во втором письме:

«Буржуа — деспот в семье, тиран детей, тиран жены... В Париже, как некогда в Афинах, а потом в Италии, почти нет выбора между двумя крайностями — или быть куртизанкой, или скучать и гибнуть в пошлости и безвыходных хлопотах. Вы помните, что речь идет о буржуазии; сказанное мной не будет верно относительно аристократии, но ведь ее почти нет» (Соч., изд. Лемке, т. V, 1915, стр. 315).

[24] Имеется в виду французский государственный деятель Калонн.

[25] Характеристика Руайе-Коллара, данная Лансоном, приведена выше, в рецензии. Тэн посвятил Руайе-Коллару главу в своей книге «Les philosophes classiques du XIX siècle en France» («Классические философы XIX века во Франции»).

[26] Выписка о Гизо приведена в рецензии.

[27] Лансон пишет, что Тьер создал культ поклонения Наполеону и что «это и дало ему повод вообразить с чересчур большой легкостью, что вся слава Наполеона должна послужить в пользу июльской монархии, восстановившей трехцветное знамя».

[28] *Кузен*, Виктор (1792—1867) — французский философ-эклектик. Его учение, явившееся выражением реакционного поворота буржуазии после революции, представляет собой смесь различных философских систем, из которых каждая заключает в себе, по его мнению, зерно истины.

Характеризуя Кузена, Лансон говорит, что после революции 1830 г., сделавшей его членом правительства, он «стал философом буржуазии, строгим хранителем нравственных приличий, религии и собственности. Страх перед демократией *заставил* его броситься в объятия епископов... упрямый, завистливый, деспотичный... он обращался с университетскими философами, как с монахами... строго следил за тем, чтобы они исполняли свою службу общественных охранителей, и сделал из них жандармов, обязанных подвергать аресту все превратные идеи. Благодаря ему философия на целые полвека перестала быть свободным проявлением мысли».

[29] Замечание относится к главе «Теория романтической драмы». «Два человека,— говорит там Лансон, — муж и любовник, повелитель и изгнанник, — символы

всех отношений, какие могут существовать между человеком и женщиной, с одной стороны, и обществом — с другой».

[30] Имеется в виду роман Стендаля «Пармская чертоза», или «Пармский монастырь».

[31] Возможно, что Плеханов имеет в виду следующее замечание Лансона о романе Гюго «Несчастные» («Les misérables»).

«Наконец, в «Несчастных» есть даже несколько глав реалистического романа: сюда относятся описания буржуазной или народной среды, грубые и низкие нравы, сцены семейной и уличной жизни, очерченные в высшей степени реально. И мне кажется, что настоящего источника Э. Золя следует искать скорее в «Несчастных», чем в «Госпоже Бовари».

[32] *Леконт де Лиль*, Шарль Мари Рене (1818—1894) — французский поэт-романтик, глава романтической школы «парнасцев». В молодости — последователь Фурье и пламенный республиканец.

Леконт де Лиль родился во французской колонии, на африканском острове Реунион.

[33] Дав оценку романа Флобера «Госпожа Бовари», Лансон говорит о «глубоком и важном уроке», заключенном в этом произведении. «Он гласит об опасности романтизма: мы видим, что высокие лирические стремления, смутная экзальтация, перенесенная в обычную жизнь вульгарными душами, приводят только к безнравственности, падению и мелким страданиям».

[34] Лансон говорит о трех сторонах влияния французского историка и мыслителя Эрнеста Ренана (1823—1892):

1) он возбудил повсюду любопытство к религиозным вопросам,

2) он учил оценивать прежде всего нравственное значение каждого произведения,

3) он учил любить человека и стремиться к истине и добру.

В главе, посвященной Тэну, Лансон, признавая его «одним из великих умов нашего века», говорит:

«Все поколения, созревшие с 1865 г., обязаны своим развитием Тэну более, чем кому-либо другому, за исключением (для очень немногих) Ренана» (стр. 188).

[35] Говоря о современной ему французской литературе 80—90-х годов, Лансон отмечает значительное влияние на нее иностранных авторов, нанесших «последний удар французскому натурализму». Среди этих писателей, — говорит Лансон, — тоже были последователи натурализма, но «их натурализм был психологией, их натурализм был состраданием».

«Жюль Лемэтр [французский критик (1853—1914)] упрекает всех этих иностранцев в том, что они принесли нам наши же собственные идеи, высказанные уже сорок или пятьдесят лет тому назад». «Это во многом верно, — заканчивает Лансон, — но они принесли нам то, что мы потеряли по собственной вине».

[36] *Брюнетьер*, Фердинанд (1849—1906) — французский критик, литературовед, придерживавшийся эволюционного метода исследования.

[37] Лансон говорит о драматурге Гарди (см. выше прим. 18), что «ему удалось вывести французский театр из мрака и презрения, в котором его держали аристократические классы»... Только с этого времени «литературные трагедии начали обращаться в сценические произведения».

[38] Здесь имеется в виду та мысль Лансона, что французская драма, заимствуя теорию трех единств, подчинялась закону собственного развития, которое направлялось к ограничению «чрезмерности внешнего действия, затруднявшего выяснение моральных причин». «Таким образом, — заключает Лансон, — не ученые критики, а *разум* доставил Аристотелю победу на французской сцене».

[39] Лансон говорит: «Присоединившись к театру, светское общество внесло в него сухость своего воображения и свои рационалистические стремления». — Дальше он поясняет, что резкий контраст между действительностью и тем, что происходило на сцене с ее жалкими декорациями и аксессуарами того времени, шокировало светского зрителя. Идея единств соблазняла его тем, что «позволяла сценическому отражению достигнуть полного соответствия с действительностью» и сводила к минимуму условное на сцене. Установление единств было, таким образом, «торжеством реализма над воображением».

[40] Лансон считает, что создание «Сида» в 1636 г. не было неизбежно, но подчеркивает влияние на Корнеля теории единств, которая «дала классическому направлению самую подходящую литературную форму для своего выражения».

Трагедия Корнеля «Сид», появившаяся в ту эпоху, когда французский театр представлял, как говорит Лансон, «странную смесь грубости и чрезмерной изысканности» и встреченная враждебной и придирчивой критикой завистников, сыграла громадную роль в жизни французского театра. По словам Лансона, ей принадлежит честь его основания.

[41] На стр. 512 Лансон говорит о стоицизме поколения, выросшего среди тревог и волнений гражданских войн: «Страсти людей этого типа скорей грубы, нежели утонченны; но их умы отличались быстротой, гибкостью и неутомимостью; в них не было абсолютно ничего женственного, ими управляли разум и воля... После 1660 г. начал преобладать другой тип, в котором чувствительная сторона развилась на счет волевой...»

[42] Лансон характеризует различие между трагедиями Корнеля и Расина, указывая на то, что у первого столкновения между страстями и волей оканчиваются победой воли, а у последнего — торжеством страсти. Объяснение этому различию Лансон находит в изменившейся общественной обстановке. «С Расина, — говорит он, — начинается господство женщины в литературе; это соответствует тому моменту, когда все честолюбивые и страстные стремления, бросавшие мужчин в политическую и военную деятельность, затихают среди мирной общественной жизни, когда женщина начинает нераздельно господствовать в ней и когда от нее исходят все почести, заслуги и радости».

[43] На стр. 698 внизу подчеркнуты следующие строки:

«Не будем обманывать себя: обилие трагического творчества сосредоточивается вокруг Корнеля. Расин один способствовал его дальнейшему процветанию в ту эпоху, когда общество было способно понимать только оперу».

[44] Причины успеха французского поэта Малерба (1555—1628) Лансон видит в том, что «он выражал собой стремление к миру, порядку и дисциплине», разделявшееся в его эпоху всей Францией. В духе эпохи было и то, что он жаждал ясности и точности, считая верховным руководителем и властелином «здравый смысл» и устраняясь от «направления вольнодумцев и еретиков».

[45] На стр. 479 отчеркнуто следующее место:

«В конце царствования Генриха IV замечается важное явление: из аристократического класса образуется светское общество; причем возникают отношения, привычки, житейские и духовные формы, характеризующие так называемый «высший свет», и устанавливается двухсотлетнее общественное и литературное господство этого замкнутого меньшинства...»

[46] Настоящая заметка, как и следующая, относится к книге Лансона «Nivelle de la Chaussée et la comédie larmoyante» («Нивель-де-ля-Шоссэ и слезливая комедия»). На указанной странице Плехановым отчеркнуто следующее место (даем его в переводе):

«Через десять лет после Мольера уже не умеют изображать забавные характеры в высокой комедии, ей приходится искать источника своей занятности не в смешном, и не оно обеспечивает ей успех».

[47] Плеханов имеет в виду слова немецкого литературоведа Ф. М. Гримма (1723—1807), приведенные у Лансона и характеризующие так называемую «слезливую комедию», сменившую комедию Мольера и явившуюся выражением идеологии выступавшей на историческую сцену буржуазии. Представителями слезливой комедии во Франции были Детуш, Мариво и в особенности Нивель-де-ля-Шоссэ.

Даем продолжение цитаты, приводимой Плехановым (в переводе): «...их пьесы блистают остроумием и замораживают холодом; они навевают скуку тем более нестерпимую, что эта скука весела и легкомысленна с виду, между тем как слушать эти пьесы тяжелый труд».

РАБОТЫ ОБ ИБСЕНЕ

Статья «Генрик Ибсен» была напечатана Плехановым в 1906 г. и тогда же вышла отдельной брошюрой в издательстве «Библиотека для всех». Статья эта заключала в себе восемь глав. В последних строках восьмой главы Плеханов, соглашаясь с мнением Брандеса, что «одним талантом Ибсена его успех за границей объяснить нельзя», обещает впоследствии коснуться «вопроса о том, каким образом мастером драмы в современной всемирной литературе мог сделаться представитель одной из самых неразвитых европейских стран». В 1908 г. статья была переведена на немецкий язык для опубликования ее в «Neue Zeit»; в этой связи редактор «Neue Zeit» писал Плеханову в мае 1908 г.: «Я только что намеревался отдать в печать вашу превосходную статью об Ибсене в качестве ближайшего приложения, как обратил внимание на то, что вы оканчиваете ее обещанием написать еще о причинах ибсеновского успеха у публики. Появилась ли эта работа? Тогда, пожалуйста, пришлите нам ее поскорее, чтобы мы могли ее опубликовать вместе со статьей об Ибсене». В ответном письме Плеханов указывает, что «вопрос о том, чем объясняется большой успех Ибсена в странах, далеко не являющихся мелкобуржуазными по существу, не требует многих доводов, достаточно главы в несколько страниц». И, удовлетворяя просьбу «Neue Zeit» написать и прислать эту главу, сообщает: «Решено: через 10 дней я пришлю вам новую главу моей брошюры об Ибсене» (см. сборник «Группа Освобождение труда», № 6, стр. 272—273). Так была написана девятая глава статьи «Генрик Ибсен». Работа Плеханова «Генрик Ибсен» вместе с этой главой появилась в приложении к «Neue Zeit» за 1908 г. от 10 июля.

Между тем русская статья «Генрик Ибсен» вошла в Собр. соч. Плеханова (т. XIV) попрежнему в объеме восьми глав: девятая же глава, содержащая важнейшие существенные моменты, не была включена в него. В 1930 г., при разборе архива «Дома Плеханова», был обнаружен русский оригинал этой главы, с указанием для переводчика о переходе к ней от восьмой главы.

В 1931 г. глава эта была напечатана в журнале «Литературное наследство», № 1, а затем была перепечатана в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик». М., 1933.

Кроме оригинала этой новой, девятой главы, в архиве был обнаружен отрывок первоначальной редакции статьи 1906 года. Этот отрывок, соответствующий приблизительно стр. 224—236 печатной статьи в XIV т. Собр. соч., представляет значительные отклонения от окончательного текста.

ОТРЫВОК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ «ГЕНРИК ИБСЕН»

Отрывок написан рукой Плеханова в тетради с синей обложкой и занимает все ее уцелевшие девять листов, с нумерацией от стр. 100 до 111, причем одна страница написана на обороте, а трех недостает.

100 | ... [муж достой]ной фру Елены Альвинг и отец страдающего наследственным недугом Освальда Альвинга — тоже был самим собою, а из этого не вышло ничего, кроме гнусностей и зла для него самого и для его семейства. Выходит, что не всякий тот, кто остается самим собою, поступает хорошо. Выходит, что и для человека, остающегося самим собою, существуют известные общие нормы поведения, от которых он не должен отступать
101 под страхом столкновения с моралью. | Где же следует искать этих норм? Само собою понятно, что мы не найдем их ни в заповеди: «будь самим собою», ни в заповеди: «очищай свою волю, освобождай свой ум». Эти заповеди не более, как формы, содержание которых определяется интересом целого: племени, семьи, класса, общества и т. д.

Драма *«Привидения»* своей трагической развязкой лучше всего показывает несостоятельность индивидуализма в морали.
102 Камергер Альвинг оставался | самим собою и этим осудил на страшную болезнь и гибель своего сына [1]. Это напоминает нам о том, что поступки отдельных лиц должны подчиняться известным правилам не только потому, что они могут затрагивать существенные интересы их современников, но также и потому,
103 что они касаются интересов последующих поколений *. | И вот почему Ибсен уничтожал свою собственную мораль, когда говорил: «Главное в том, что[бы] оставаться правдивым и верным самому себе. Дело не в том, чтобы хотеть того или другого, а в том, чтобы хотеть того, что человек безусловно должен именно потому, что он остается сам собой и не может иначе. Все прочее ведет только ко лжи». Вовсе нет. Весь вопрос в содержании этого безусловного долженствования. Достоинство этого содержания определяется общественным интересом...
104 Условность **. Закон, ограничивающий эксплоатацию детей на фабриках, охраняет самый существенный интерес подрастающего поколения. А мало ли может быть издано подобных законов. Один немецкий критик говорит, что у Ибсена заповедь: «будь самим собою» имеет в виду только *избранных людей*, а простые смертные должны следовать заповеди самоотвержения ***. Это очень похоже на правду. Но кто же избранный? Тот, — отвечает Вильгельм Ганс, — кто [служит интересам
107 общего, развитию человечества] ****... | должна сметь свое суждение иметь. А так как ему приходится иметь дело с толпой,

---

* После этих слов несколько строк зачеркнуто и вместо них написано: «Смотри на обороте». Оборот пронумерован стр. 103. Первоначальная же стр. 103 из тетради вырвана. — *Ред.*

** Разрыв в тексте объясняется, очевидно, тем, что первоначальная стр. 103 была вырвана и текст стр. 104 остался неувязанным с новой стр. 103. — *Ред.*

*** *Wilhelm Hans*, Schicksal und Wille, München, 1906, ss. 56—61. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

**** Стр. 105—106 отсутствуют. Цитата восполняется по печатной статье (т. XIV, стр. 225), где слово «избранный» заменено словом «герой». — *Ред.*

обладающей довольно широкими политическими правами, то эта его героическая проповедь, совершенно против воли автора, вовсе не желающего зла народу и обещавшего дронтгеймским рабочим посвятить все свои силы «преобразованию социальных отношений» [2], принимает явно реакционный характер. Это лишь одно из тех многочисленных противоречий, в которых Ибсен
108 неизбежно должен был запутаться вследствие | ⟨своего неумения выйти из пределов морали.⟩

Раз мы поняли все это, нам становится понятным и весь во всяком случае замечательный характер Бранда [3]. Его создатель не умел выйти из области морали. Он справедливо презирал *мелкобуржуазную* политику, а о *пролетарской* он не имел ни-
109 какого | представления, потому что такой политики он еще не видел в своей стране и потому что на все вообще рабочее движение он не без основания смотрел как на что-то, происходящее в чужих странах, «там, в Европе» *, поэтому он, Бранд, не идет дальше очищения своей воли и освобождения своего ду-
110 ха; | поэтому он и советует народу неустанно бороться «всю жизнь, до самого конца», который опять-таки состоит в том, что

...Станет ваша воля цельной, сильной...

Ибсен не видит конкретного выхода из окружающей его крайне непривлекательной действительности. Поэтому и Бранд проповедует очищение воли ради очищения воли.

Мелкий буржуа прежде всего оппортунист до конца ногтей.
111 Он | родится бернштейнианцем. Ибсен хорошо знал эту черту мелкобуржуазного характера и ненавидел ее всеми силами своей на редкость цельной души. Он часто изображал ее в своих произведениях, и каждый раз ее изображение выходило у него чрезвычайно ярким и выпуклым. Вспомните ⟨хоть ту сцену в третьем действии «Врага народа», где Петра сообщает редактору «*Народного вестника*» Говстаду, что она не хочет переводить указанный им английский рассказ, так как находит его неподходящим по своему направлению.

Говстад. Почему же? **⟩

|*Петра.* Потому что идет совершенно вразрез с вашими личными мнениями.

Говстад. Ну, из-за этого-то одного...

Петра. Вы меня, кажется, не совсем поняли... Тут речь идет о том, как сверхъестественные силы покровительствуют

* С пролетарской политикой и до сих пор дело обстоит в Норвегии не совсем благополучно. После недавнего отделения Норвегии от Швеции некоторые норвежские социал-демократы высказались за *монархию*. Это было поистине изумительно, и я, встретившись недавно с известным шведским социал-демократом Брантингом[4], спросил его, чем объясняет он поведение этих норвежских товарищей. «Они не хотели отстать от шведов, которые имеют своего короля», с тонкой лыбкой ответил мне Брантинг. Avis для «трудовиков» [5], которые хотели бы сделать из России страну мелкой буржуазии. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Все это место в рукописи зачеркнуто. — *Ред.*

так называемым «добрым» людям и все устраивают для них в конце концов к лучшему, а так называемые «злые» несут кару.

Говстад. Да это же как раз отлично. Как раз во вкусе большой публики.

Петра. И вы будете пичкать ее подобным? Сами вы ничему такому ведь не верите. И отлично знаете, что в действительности оно вовсе не так.

Говстад. Вы совершенно правы. Но редактор не всегда волен поступать, как ему желательно. Часто приходится считаться с вкусами и мнениями публики — в менее важных вещах. Главное дело ведь политика — для газеты, по крайней мере; и если я хочу вести публику к свободе и прогрессу, мне нельзя запугивать ее. Увидав такой рассказ в «подвальных этажах» газеты, она охотнее поддастся тому, что печатается у нас в верхних... Это усыпляет мнительность читателей, укрепляет в них доверие к нам...] *.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В драме Ибсена «Привидения» изображается молодой художник Освальд Альвинг, являющийся жертвой развратной жизни своего отца. Тяготеющая над ним страшная наследственность приводит его к тяжелой болезни и безумию.

[2] Плеханов имеет в виду следующие слова Ибсена в речи, произнесенной им в дронтгеймском рабочем союзе 14 июня 1885 г.: «Преобразование общественных отношений, подготовляющееся теперь в Европе, занимается, главным образом, вопросом о будущем положении рабочего и женщины. Я жду этого преобразования, я уповаю на него, и я хочу и буду действовать на его пользу всеми силами в течение всей моей жизни».

[3] Бранд — герой одноименной драматической поэмы Ибсена, ставящий целью жизни достижение внутреннего совершенства и полной духовной свободы. Явить пример цельной личности, осуществляющей себя до конца и гибнущей в борьбе за свое утвержденье, — вот, по мнению Бранда, единственная благородная и достойная человека задача. Никаких других, более конкретных задач Бранд себе не ставит и этому абстрактному идеалу приносит в жертву своего ребенка и жену.

[4] *Брантинг*, Карл Яльмар (1860—1925) — вождь шведских социал-демократов, один из виднейших руководителей II Интернационала; входил в его правое крыло. В 1920, 1922 и 1924 гг. возглавлял социал-демократическое правительство в Швеции. Ярый враг большевизма и Великой Октябрьской революции.

[5] Трудовики — мелкобуржуазная группировка, образованная в 1906 г. в I Государственной думе, главным образом, депутатами-кулаками с интеллигентами народнического направления во главе.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА СТАТЬИ ОБ ИБСЕНЕ

Русский оригинал девятой главы написан не плехановским почерком с поправками Плеханова в тетради с синей обложкой. Он заключает в себе 16 листов, исписанных с одной стороны и пронумерованных арабскими цифрами.

* Рукопись обрывается на слове: «Почему же?»

Цитата восполнена по пьесе Ибсена «Враг народа» — Соч., т. V, М., С. Скирмунт, 1903, стр. 376. — *Ред.*

(Для переводчика):

Эта новая, IX глава начинается непосредственно после слов: «*Ведь на это также должна быть своя общественная причина*» (на стр. 64-й русского текста брошюры, строка 5 и 6 сверху): те же строки, которые следуют за указанными словами, должны быть зачеркнуты и заменены нижеследующей рукописью [1].

IX

Какая же причина? Чтобы найти ее, нужно предварительно выяснить себе социально-психологические условия успеха Ибсена в тех странах Запада, в которых развитие общественно-экономических отношений достигло несравненно более высокой ступени, нежели в Скандинавии.

Брандес [2] говорит: «Чтобы добиться признания за пределами своей страны, одного таланта недостаточно. Должна еще быть восприимчивость к нему. Среди своих земляков выдающийся ум либо сам медленно создает эту восприимчивость, либо чутко прощупывает и использует настроения, которые уже существуют или же назревают. Но Ибсен не мог создать эту восприимчивость среди иноязычных кругов, ничего не знавших о нем, и даже там, где он как будто чувствовал что-то назревающее, он вначале не нашел никакого отклика» *.

Это совершенно справедливо. Одного таланта в таких случаях никогда не бывает достаточно. Жители средневекового Рима не только не увлекались художественными произведениями античного мира, но подвергали древние статуи обжиганию для получения из них известки. А потом настало другое время, когда римляне и вообще итальянцы начали увлекаться античным искусством и брать его себе за образец. В тот долгий период, в течение которого жители Рима, — да не одного только Рима, — так варварски расправлялись с великими произведениями античной скульптуры, во внутренней жизни средневекового общества медленно совершался процесс, глубоко изменивший его строение, а вследствие этого также и взгляды, чувства и вкусы людей, входивших в его состав. Изменения бытия (des Seins) повели за собой изменения сознания (des Bewusstseins), и только эти последние изменения сделали римлян эпохи Возрождения способными наслаждаться произведениями античного искусства, — вернее сказать, только эти последние изменения и сделали возможным само «Возрождение».

Вообще, чтобы художник или писатель данной страны приобрел влияние на умы жителей других стран, необходимо, чтобы настроение этого писателя или художника соответствовало настроению тех иностранцев, которые читают его произведения. Отсюда следует, что если влияние Ибсена распространилось далеко за пределы его родины, то это значит, что в его произведениях были такие черты, которые соответствовали настроению читающей публики современного цивилизованного мира. Какие же это черты?

Брандес указывает на *индивидуализм* Ибсена, на его презрительное отношение к *большинству*. Он говорит: «Первый шаг к свободе и величию заключается в том, чтобы иметь индивидуальность. У кого ее мало, тот только обломок человека, у кого ее совсем нет, тот — нуль. Но только нули равны между собою. В современной Германии снова находят приверженцев слова Леонардо да Винчи: «По своему содержанию и ценности все нули мира равны одному единственному нулю». Лишь здесь достигается идеал равенства. А в мыслящих кругах Германии не верят в идеал равенства. Генрик Ибсен тоже не верит в него. В Германии многие придерживаются того мнения, что вслед за эпохой веры в большинство наступит эпоха веры в меньшинство, и Ибсен из тех, кто верит в меньшинство. Наконец, многие утверждают, что путь к прогрессу ведет через изоляцию личности. Эту мысль разделяет и Генрик Ибсен» *.

Здесь опять Брандес отчасти прав. Так называемые мыслящие круги действительно совсем не расположены ни к «идеалу равенства», ни к «вере в меньшинство». Факт этого нерасположения верно указан Брандесом. Но он ошибочно объясняется им. В самом деле, у него выходит, будто стремление к идеалу равенства несовместимо со стремлением к развитию личности и что именно по этой причине «мыслящие круги Германии» отворачиваются от названного идеала. Но это неверно. Кто решится утверждать, что «мыслящие круги» Франции накануне Великой революции менее дорожили интересами «личности», нежели те же круги современной нам Германии? А между тем тогдашние «мыслящие» французы несравненно благосклоннее относились к идее равенства, нежели нынешние немцы. Большинство (Majorität) тоже пугало этих французов несравненно меньше, нежели оно пугает нынешних «мыслящих» немцев. Никто не усомнится в том, что аббат Сиейс и его единомышленники принадлежали к «мыслящим» французским кругам того времени, а между тем у Сиейса главным доводом в пользу интересов третьего сословия служило именно то обстоятельство, что они были интересами *большинства*, расходившимися лишь с интересами небольшой кучки *привилегированных*. Значит, дело тут вовсе не в свойствах самого идеала равенства или самой идеи большинства, а в тех исторических условиях, при которых «мыслящим кругам» данной страны приходится иметь дело с этими идеями. Мыслящие круги Франции XVIII в. стояли на точке зрения *более или менее революционной* буржуазии, которая в своей оппозиции против духовной и светской аристократии сознавала себя солидарной с огромной массой населения, т. е. с «большинством». Нынешние же «мыслящие круги Германии», — и не только Германии, а и всех тех стран, в которых вполне установился капиталистический способ производства, — держатся в огромнейшем большинстве случаев точки зрения буржуазии, *понявшей, что ее классовые интересы ближе к ин-*

* *Brandes*, Werke, I-er Band, S. 38 [*Брандес*, Сочинения, т. I, стр. 38]. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

* Ibid., S. 40. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

тересам аристократии, — которая, впрочем, тоже вполне проникалась теперь буржуазным духом, — *нежели к интересам пролетариата, составляющего большинство населения передовых капиталистических стран. Поэтому* «вера в большинство» (Majoritätsglauben) вызывает в этих кругах неприятные представления; *поэтому* она кажется им несовместимой с идеей «личности»; *поэтому* у них все более проникает «вера в меньшинство» (Minoritätsglauben). Революционная буржуазия Франции XVIII века рукоплескала Руссо, которого она, впрочем, тогда не вполне понимала: нынешняя буржуазная Германия рукоплещет Ницше, в котором она верным классовым инстинктом сразу почуяла поэта-идеолога классового господства.

Но как бы там ни было, а несомненно то, что индивидуализм Ибсена действительно соответствует той «вере в меньшинство», которая свойственна буржуазным «мыслящим кругам» современного капиталистического мира. В письме к Брандесу от 24 сентября 1871 г. Ибсен говорит: «Больше всего я вам желаю здорового эгоизма, который заставил бы вас считать все принадлежащее вам единственно имеющим действительную ценность и важность, а все остальное несуществующим *. Настроение, выразившееся в этих строках, не только не противоречит настроению «мыслящего» буржуа нашего времени, но совершенно совпадает с ним. И точно так же совпадает с ним настроение, продиктовавшее следующие строки того же письма: «Я никогда не понимал хорошенько солидарности. Я принял ее, как традиционный догмат. Если бы мы имели мужество совершенно отбросить ее, то избавились бы от тягчайшего бремени, стесняющего индивидуальность». Наконец, всякий «мыслящий», проникнутый классовым сознанием буржуа (Klassenbewusster) не будет в состоянии отнестись иначе, как с величайшей симпатией к человеку, написавшему вот эти слова: «Я не думаю, чтобы в других странах дело обстояло лучше, чем у нас. Повсюду высшие интересы чужды массе» **.

Более 10 лет спустя Ибсен в письме к тому же Брандесу говорил: «Я ни в коем случае не мог бы принадлежать к партии, которая имела бы за себя большинство. Бьернсон [3] говорит: «Большинство всегда право». А я говорю: «Меньшинство всегда право» ***. Такие слова опять могут вызвать только одобрение со стороны «индивидуалистически» настроенных идеологов нынешней буржуазии. А так как настроение, выразившееся в этих словах, окрашивало собой все драматические произведения Ибсена, то неудивительно, что сочинения эти привлекли к себе внимание «идеологов» этого рода, что эти последние оказались «восприимчивы» («empfänglich») для них.

Правда, недаром сказано было еще античными римлянами, что когда двое говорят одно и то же, то это не одно и то же (non est idem). У Ибсена со словом «меньшинство» связывалось совсем другое представление, нежели у буржуазной читающей публики передовых капиталистических стран. Ибсен оговаривается: «Я подразумеваю то меньшинство, которое идет вперед, оставляя большинство позади. Я считаю, что прав тот, кто больше находится в согласии с будущим» *. Стремления и взгляды Ибсена сложились, как мы уже знаем, в такой стране, где не было революционного пролетариата и где отсталая народная масса сама была мелкобуржуазна до мозга костей. Эта масса в самом деле не могла стать носительницей передового идеала. Поэтому всякое движение вперед необходимо должно было представляться Ибсену в виде движения «меньшинства», т. е. небольшой кучки мыслящих индивидуумов. Не так было в странах развитого капиталистического производства. Там движение вперед, очевидно, должно было сделаться — или, вернее, очевидно должно было *стремиться сделаться* — движением эксплоатируемого *большинства*. У людей, воспитывающихся в тех общественных условиях, при которых воспитывался Ибсен, «вера в меньшинство» имеет совершенно невинный характер. Более того: она служит выражением прогрессивных стремлений небольшого интеллигентного оазиса, окруженного безводной пустыней филистерства. Напротив, в «мыслящих кругах» передовых капиталистических стран эта вера знаменует собой консервативное сопротивление революционным требованиям рабочей массы. Когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же. И когда двое имеют «веру в меньшинство» (Minoritätsglauben), — то это опять не одно и то же. Но когда один человек проповедует «веру в меньшинство» (Minoritätsglauben), то его проповедь может и должна встретить сочувствие со стороны другого человека, разделяющего ту же веру, хотя бы он разделял ее по совершенно другим психологическим причинам. Так было с Ибсеном. Его резким, глубоко прочувствованным нападкам на «большинство» рукоплескали многие и многие из тех, которым «большинство» представлялось прежде всего в виде пролетариата, стремящегося к своему освобождению. Ибсен нападал на то «большинство», которому были чужды всякие прогрессивные стремления, ему сочувствовали те, которые боялись прогрессивных стремлений «большинства».

Пойдем далее. Брандес продолжает: «Если, однако, мы исследуем глубже этот (т. е. ибсеновский. — *Г. П.*) индивидуализм, то откроем в нем затаенный социализм, который чувствуется уже в «Столпах общества» [4] и который проявился во вдохновенном ответе дронтгеймским рабочим во время последнего пребывания Ибсена на севере» **[5].

Как я уже заметил выше, нужно много доброй воли для того, чтобы открыть социализм в «Столпах общества». На самом деле, социализм Ибсена сводился к доброму, но весьма и весьма неопределенному желанию «поднять народ на более высокую ступень». Но и это не только не мешало, а, напротив, очень много способствовало успеху Ибсена в «мыслящих кругах Германии» и других капиталистических

* «Lettres de Henrik Ibsen à ses amis», 2-me édition, Paris, 1906, p. 130 [Письма Генрика Ибсена к друзьям», 2-е изд., Париж, 1906, стр. 130]. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Ibid., p. 131, то же письмо. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

*** Ibid., p. 223. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

* Ibid., p. 223. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Ibid., p. 42. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

стран. Если бы Ибсен в самом деле был социалистом, то ему не могли бы сочувствовать те люди, у которых «вера в меньшинство» порождена была страхом перед революционным движением «большинства». Но именно потому, что «социализм» Ибсена означал не более как желание «поднять народ на высшую ступень», он мог и должен был нравиться тем, которые готовы схватиться за *социальную реформу* как за средство предотвращения *социальной революции*. Тут происходило qui pro quo, совершенно подобное тому, которое имело место по отношению к «вере в меньшинство». Ибсен не шел дальше стремления «поднять народ на более высокую ступень» по той причине, что его взгляды сложились под влиянием мелкобуржуазного общества, процесс развития которого еще не выдвинул на сцену великой социалистической задачи, но эта ограниченность стремлений Ибсена обеспечивала ему успех в высшем классе (в «мыслящих кругах») тех обществ, вся внутренняя жизнь которых определяется теперь наличностью этой великой задачи.

Надо напомнить, впрочем, что в драматических произведениях Ибсена почти совсем не дают себя чувствовать даже и его весьма ограниченные реформаторские стремления. В них его мысль остается аполитической в широком смысле этого слова, т. е. *чуждой общественных вопросов*. Он проповедует в них «очищение воли», «бунт человеческого духа»; но он не знает, какую цель должна поставить себе «очищенная воля», против каких общественных отношений должен бороться «взбунтовавшийся» человеческий дух. Это опять огромный недостаток; но и этот огромный недостаток, — подобно двум указанным выше, — должен был очень сильно способствовать успеху Ибсена в «мыслящих кругах», капиталистического мира. Эти круги могли сочувствовать «бунту человеческого духа» только до тех пор, пока он совершался ради бунта, т. е. *оставался бесцельным*, т. е. *не угрожал существующему общественному порядку*. «Мыслящие круги» буржуазного класса могли с величайшим сочувствием внимать Бранду, обещавшему:

«Ввысь по застывшим
Волнам ледников,
Вниз по долинам, селеньям
Вдоль — поперек мы всю
Землю пройдем,
Петли, силки все развяжем,
Выпустим души, попавшие в плен,
Их обновим и очистим...»

Но если бы тот же Бранд дал понять, что он обновляет и очищает души не только затем, чтобы заставить их прогуливаться по застывшим волнам ледников, а также затем, чтобы побудить их к совершению какого-нибудь определенного революционного действия, то «мыслящие круги» с ужасом увидели бы в нем «*демагога*» и объявили бы Ибсена «*тенденциозным писателем*». И тут уже Ибсену не помог бы его талант: тут ясно обнаружилось бы, что «мыслящие круги» не обладают той восприимчивостью, которая необходима для сочувствия таланту.

Теперь ясно, почему *слабость Ибсена*, состоявшая в неуменьи найти выход из морали в политику и отразившаяся на его произведениях внесением в них элемента символизма и рассудочности, *не только не вредила, но была полезна ему* во мнении большей части читающей публики. «Идеальные люди», «люди-пудели» [6], являются у Ибсена неясными, почти совершенно бескровными образами. Но это-то и нужно было для их успеха во мнении «мыслящих кругов» буржуазии: эти круги могут сочувствовать только таким «идеальным людям», которые обнаруживают лишь неясное, неопределенное стремление «*ввысь*» и отнюдь не грешат серьезным стремлением «здесь, на земле уже, воздвигнуть небесное царство».

Такова психология «мыслящих кругов» буржуазии нашего времени, *психология*, объясняемая, как мы видим, *социологией*. Эта психология наложила свою печать на все современное нам *искусство*. В ней надо искать разгадки того, что символизм пользуется теперь таким широким успехом. Неизбежная неясность создаваемых символистами художественных образов соответствует неизбежной туманности практически совершенно бессильных стремлений, зарождающихся в тех «мыслящих кругах» современного общества, которые даже в моменты самого сильного своего недовольства окружающей действительностью не могут подняться до ее *революционного отрицания*.

Таким образом, создаваемое современной нам борьбой классов настроение «мыслящих кругов» буржуазии по необходимости *обесцвечивает* современное искусство. Тот самый капитализм, который в области производства является препятствием для употребления в дело всех тех производительных сил, которыми располагает современное человечество, является тормозом также и в области художественного творчества.

А пролетариат? Его экономическое положение не таково, чтоб он мог теперь много заниматься искусством. Но поскольку «мыслящие круги» пролетариата занимались им, постольку они, разумеется, должны были стать в определенные отношения к нашему автору.

Сознавая указанные недостатки мышления и творчества Ибсена и понимая происхождение этих недостатков, «мыслящие круги» пролетариата не могут не любить его, как *человека*, глубоко ненавидевшего мелкобуржуазный оппортунизм, и как *художника*, пролившего такой яркий свет на психологию этого оппортунизма. Ведь «бунт человеческого духа», выражающийся теперь в революционных стремлениях пролетариата, является между прочим и восстанием против той мелкобуржуазной пошлости, против той «дряблости душевной», против которой гремел Ибсен устами своего Бранда.

Мы видим, стало быть, что Ибсен представляет собой парадоксальный пример художника, едва ли не в одинаковой мере, хотя и по противоположным причинам, заслуживающего симпатии «мыслящих кругов» двух великих, непримиримо враждебных друг другу классов современного общества. Таким художником мог явиться только человек, развившийся при обстановке, очень мало похожей на ту, при которой совершается великая классовая борьба нашего времени.

*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для лучшего понимания текста приводим абзац, которым теперь, по мысли Плеханова, должна заканчиваться восьмая глава:

«Слабость Ибсена, состоявшая в неумении найти выход из морали в политику, безусловно должна была отразиться на его произведениях внесением в них элемента символизма и рассудочности, если хотите, — тенденциозности. Она обескровила некоторые его художественные образы, причем пострадали именно его «идеальные люди», «люди-пудели». Вот почему я и говорю, что как драматург он оказался бы ниже Шекспира, даже если бы имел его талант. В высшей степени интересно выяснить себе, как и почему этот несомненный огромный недостаток его произведений мог быть принят читающей публикой за их достоинство. Ведь на это также должна быть своя общественная причина».

Вычеркнуты же должны были быть те строки, в которых Плеханов обещает вернуться к этому вопросу впоследствии.

[2] *Брандес*, Георг (1842—1927) — известный датский критик и историк литературы, автор монументальной работы «Главные течения европейской литературы XIX века». Последователь тэновского историко-культурного метода и «психологического биографизма» Сент-Бева. На исходе империалистической войны и после нее выступал против шовинизма за идею «солидарности международной интеллигенции» и в защиту Советского Союза.

Приводимая цитата, как и последующая, взята из статьи Брандеса «Henrik Ibsen und seine Schule in Deutschland» («Генрик Ибсен и его школа в Германии») — *G. Brandes*, Gesammelte Schriften, Bd. I, München, A. Langen, 1902 (*Г. Брандес*, Собр, соч., т. I, Мюнхен, А. Ланген, 1902).

[3] *Бьернсон*, Бьернстерне (1832—1910) — норвежский писатель и общественный деятель. Убежденный демократ, Бьернсон в течение всей своей жизни вел агитацию за политическую независимость Норвегии. Демократические и национальные стремления пронизывали и его литературную деятельность.

[4] «Столпы общества» — комедия Ибсена, в которой он разоблачает лицемерие и нравственное разложение буржуазного общества.

[5] См. прим. 2 к первоначальной редакции.

Указание Плеханова (см. подстр. прим.) относится к уже цитированной статье Брандеса «Henrik Ibsen und seine Schule in Deutschland».

[6] Доктор Стокман в драме Ибсена «Враг народа», оспаривая положение демократии, что народная масса есть истинное ядро народа, говорит: «Толпа есть сырой материал, из которого мы, лучшие люди, должны создать народ». Для доказательства этой мысли он ссылается на существование различных пород собак: «... поставьте рядом с дворняжкой пуделя, предки которого в течение нескольких поколений жили в хороших домах, где они слышали гармонические голоса и музыку. Не думаете ли вы, что мозг пуделя гораздо более развит, чем мозг дворняжки...» И дальше: «О, между людьми-пуделями и людьми-простыми псами огромная разница!».

РАЗНЫЕ СТАТЬИ

ОТРЫВОК КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ О ДРАМЕ ЗУДЕРМАНА «СРЕДИ ЦВЕТОВ»[1]

Найденный среди рукописей Плеханова отрывок критической статьи о драме Зудермана «Среди цветов», к сожалению, обрывается в самом начале и не дает возможности предугадать замысел автора. Некоторый свет в этом отношении проливают заметки Плеханова на имеющемся в его библиотеке экземпляре книги Зудермана «Das Blumenboot» («Среди цветов»). Среди многочисленных заметок особенно обращают на себя внимание те, где против отчеркнутых мест написано: «мораль»; таких мест больше всего, и относятся они к речам самых различных персонажей. Несколько раз повторяются такие заметки, как «Ницше», «Uebermensch» (сверхчеловек), «Wille» (воля), «личность» и т. д. Все это позволяет предположить, что Плеханов имел в виду в своей статье выявить мораль той общественной группы, которую рисует Зудерман, и особенно подчеркнуть отражение в ней ницшеанских влияний.

В полном согласии с этим предположением находятся и те высказывания Плеханова о драме Зудермана, которые мы встречаем в его статьях «Materialismus militans» (1908 г.) и «Искусство и общественная жизнь» (1912 г.) В обеих статьях Плеханов цитирует одно и то же место из драмы Зудермана.

«У Зудермана в его очень интересной пьесе «Das Blumenboot», — пишет он в статье «Искусство и общественная жизнь», — баронесса Эрффлинген говорит своей дочери Тэе в первой сцене второго действия: «Люди нашего разряда существуют затем, чтобы из вещей этого мира создавать что-то вроде веселой панорамы, которая проходит перед нами, вернее, кажется проходящей. Потому что на самом-то деле в движении находимся мы. Это несомненно. И при этом нам не надо никакого балласта». Этими словами как нельзя лучше обозначена жизненная цель того разряда, к которому принадлежит г-жа Эрффлинген, людей, которые с полнейшим убеждением могут повторить слова Баррэса: «Единственная реальность, это — наше я» (Собр. соч., т. XIV, стр. 168).

В статье «Materialismus militans» он комментирует то же место следующим образом: «Другими словами, это значит, что люди, вроде этой блестящей баронессы, которая, кстати сказать, происходила из самого буржуазного рода, должны воспитать себя так, чтобы на все совершающееся в мире смотреть исключительно с точки зрения своих личных, более или менее приятных переживаний» (Собр. соч., т. XVII, стр. 20).

Как мы видим, Плеханов возвращался к драме Зудермана в таких различных по своей теме статьях, как «Искусство и общественная жизнь» и «Materialismus militans» именно в связи с вопросом об индивидуалистической морали буржуазии.

Из задуманной столь интересно статьи в архиве сохранилось только пять листков, видимо вырванных из тетради, исписанных с одной стороны чернилами рукой Плеханова с многочисленными поправками. Впервые было опубликовано в «Литературном наследстве», 1931, № 1.

«СРЕДИ ЦВЕТОВ»

Насколько мне известно, драма Зудермана «Среди цветов» не обратила на себя большого внимания критики, а между тем она чрезвычайно интересна в некоторых отношениях. И именно потому, что она чрезвычайно интересна, мне хочется поговорить о ней здесь с читателем. С точки зрения драматического действия главным действующим лицом является в ней жена некоего Леопольда Бреземана, Раффаэла, выданная замуж для спасения фирмы «Гойер и Вендрат», находившейся на краю банкротства. Леопольд Бреземан — человек по-своему весьма хороший. Он плохо скроен, но крепко сшит. В нем нет ни следа светской элегантности, но в нем очень много простоватой и, можно сказать, даже дубоватой энергии. И эта дубоватая, но огромная энергия целиком посвящается им на защиту интересов фирмы Гойер и Вендрат. Он так поглощен делами фирмы, что ему решительно некогда заниматься своей женой. Ее внутренний мир остается для него совершенно неизвестным. Он совсем не понимает того, что происходит в душе его Раффаэлы. А она бьется над неразрешимой задачей: полюбить уважаемого, но нелюбимого человека. Она стремится к точному исполнению того, что она считает своим долгом. Но силы стали слабеть с тех пор, как перед ней появилось искушение в лице «охотника на львов» доктора фон-Шверте. Ей нужна поддержка, а поддержки нет ниоткуда. Она просит мужа уехать с нею куда-нибудь подальше, но мужу нельзя отлучиться из Берлина, — где происходит значительная часть действия, — да и не понимает он, зачем это нужно. Желание его жены представляется ему пустым капризом светской женщины. По этому поводу у него происходит характерный разговор с нею.

Раффаэла. Леопольд, у меня к тебе большая, большая просьба.

Бреземан. Ну, так говори скорее, мое дитя.

Раффаэла. Уедем куда-нибудь отсюда.

Бреземан. Уехать? Зачем? Куда?

Раффаэла (с тоской). Леопольд, ты не знаешь, что во мне происходит. Ты мне нужен. Мне нужно уединение.

Бреземан (смеясь). Это значит, я должен ехать — ха-ха-ха! Аббация, Канны, вилла Иджеа, Каир. Таково ваше уединение. Ты это хочешь сказать?

Раффаэла. Все равно. Туда, где я могла бы прилепиться к тебе, склонить свою голову на твое плечо. Ничего не видеть. Ничего не слышать. Ни о чем не думать.

Бреземан (озабоченный). Это было бы хорошо (обнимает ее, гладит по щеке и целует). До свиданья.

Раффаэла (бросается вслед за ним). Леопольд! (Бреземан уходит).

Леопольд ничего не понял. А кроме него и неоткуда было ждать поддержки. Мать Раффаэлы... *

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Зудерман*, Герман (1857—1928) — известный немецкий романист и драматург. В своих пьесах выдвигал злободневные проблемы, трактуя их в духе натурализма и разрешая с точки зрения буржуазного либерализма. Зудерман никогда не затрогивал основ буржуазного общества, ограничиваясь критикой узко-мещанской морали и обличением праздных «высших» слоев общества. Из его драм особенной известностью в свое время пользовались «Честь», «Родина», «Гибель Содома», «Бой бабочек» и др.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. ШАХОВА [1] «ГЕТЕ И ЕГО ВРЕМЯ»

Рецензия на книгу Шахова была напечатана в декабрьском номере журнала «Современный мир» за 1908 г. в отделе библиографии за подписью Г. П. В своем сообщении «Неизвестная рецензия Г. В. Плеханова», помещенном в гетевской книге «Литературного наследства» (№ 4—6, 1932, стр. 940—942) И. Ипполит приводит убедительные доказательства принадлежности этой рецензии Г. В. Плеханову. Рецензия перепечатывалась два раза: в вышеуказанном номере «Литературного наследства» и в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик».

Мы восстанавливаем первоначальный текст рецензии, данный в «Современном мире», в котором имеется небольшое разночтение сравнительно с последующими перепечатками.

А. Шахов. «Гете и его время». Это — старая книга в новом, четвертом издании. Но старая книга уж тем хороша, что пополняет старый, давнишний пробел в нашей литературе. Гете в России не посчастливилось. Его совсем не знают, во всяком случае — меньше, чем Шиллера. Для нас это понятно. Но на родине германских диоскуров [2] этому бы сильно изумились. Когда я молод был, — любят говорить в Германии, — я произносил сразу: «Шиллер и Гете», теперь я этого не делаю, теперь я между Шиллером и Гете делаю большую паузу. К сожалению, необходимости этой паузы, понять эту паузу — прекрасная книга Шахова нас не научит. Труд его во всех отношениях замечательный. У нас, если не ошибаюсь, нет ничего равноценного этой книге о Гете. Шахов знает Гете и его время по самым непосредственным источникам, и книга его еще долго будет нужной и полезной. Но Шахов ограничен своим временем и смотрит на Гете глазами русского шести-семидесятника и, конечно, не видит многого из того, что, согласно новейшим данным о жизни и творчестве Гете, составляет его доподлинную сущность. Гете — все еще равнодушный к делам всего мира олимпиец, все еще сказочный счастливец, не знавший ни муки, ни сомнений. Короче, книгу Шахова можно снова с бла-

* На этом рукопись обрывается. — *Ред.*

годарностью принять, но только с тем ограничением, что индивидуальность Гете должна быть заново изучена и обязательно вразрез с устаревшим мнением о его мнимом равнодушии к «юдоли печали и скрежета зубовного» [3].

Г. П.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шахов*, Александр Александрович (1850—1877) — историк литературы, представитель так называемой культурно-исторической школы. Им написаны «Очерки литературного движения в первую половину XIX в.» и «Лекции по истории французской литературы».

[2] Диоскурами в греческой мифологии назывались близнецы Кастор и Поллукс, сыновья Зевса. Позже их имя стало нарицательным для обозначения тесной дружбы. Здесь Плеханов под диоскурами подразумевает Гете и Шиллера.

[3] Плеханов был глубоким почитателем Гете. В его сочинениях можно насчитать свыше полусотни цитат из Гете, упоминаний и ссылок на его произведения.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГ

П. КОГАН. Очерки по истории древних литератур. Том I, М., 1907.

227 (Совпав с нею).

Свободомыслие периклова века, его философский свободный дух, его гуманистическое направление, стремление дать простор свободному проявлению всех сторон человеческой души — все это отразилось в речи Антигоны. Традиция окончательно уступила свое место рационализму.

247 Но ведь поэты мировой скорби выдвигали эти вопросы.

В этой трагедии нетрудно проследить основные черты эврипидовского творчества. Сюжет лишен того величия и возвышенного характера, которым отличаются трагедии Эсхила и Софокла... из атмосферы мировых вопросов и великих нравственных проблем, в которую уносил нас творец *Прометея* и певец *Эдипа*, мы спускаемся в область практической жизни.

271 Ср. сатиру Новикова [1].

Судя по дошедшим отрывкам, Эвполид был страстным обличителем, *не* щадил личностей, пользовался сценой в качестве политической трибуны.

Заметки на обл.: Ср. сатиру Новикова. Ср. 284 (важно).

284

№3

Сатира его [Аристофана] отличается грубостью и цинизмом, и его нападки на общественные пороки и литературных противников нередко напоминают пасквиль; вообще это — сатира, проникнутая вполне духом времени, когда борьба принципов сменилась борьбой личностей; это была эпоха упадка широких политических направлений, когда исчезла республиканская доблесть, благом родины играли в личных интересах, и на комедии Аристофана отразилось это падение афинского общества.

Д. Г. ЛЬЮИС. Жизнь И. Вольфганга Гете. Часть II, Спб., 1867.

56 *Субъективизм.*

«... все эпохи упадка субъективны, и, наоборот, все прогрессивные эпохи имеют объективное направление. Наше время ретроградно и потому субъективно» [2].

111

Ср. Маркса и Дарвина [3].

... он [Гете] был положительный мыслитель, но его метод был априористический, — метод вредный, когда исследователь довольствуется своими априористическими выводами или довольствуется только частной несовершенною фактической проверкой этих выводов... но метод вполне научный

и высоко плодотворный, когда исследователь только опережает факты, предвосхищает то, что потом ему говорит опыт.

E. SPENLE. Novalis. Essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne, Paris, 1904.

Е. СПЕНЛЕ. Новалис[1]. О романтическом идеализме в Германии, Париж, 1904.

27 Наша интеллигенция. №3

... умы, наиболее пылкие, если только они не находятся во власти исключительной идеи, которая захватывает их целиком, обладают нерешительным, вялым и изменчивым характером. Закон контраста управляет их активностью: это значит, что, как только одно чувство потеряло свою власть над ними, они в большинстве случаев переходят к противоположному чувству. «У болезненно сентиментальных людей, — говорил Жан Поль, — каждое умонастроение является уже симптомом противоположного умонастроения».

29 Спрос на силу.

«... дай мне заботы, нужду, горе, — но закали в них мой характер, и дай силу».

53 №3 Sic!

Любить, — говорит он, — значит пожирать любимое существо, питаться им, уподоблять его себе. В этом тайна связи между любовью и жестокостью. «Чем больше сопротивления оказывает то, что мы пожираем, тем острее и ярче наслаждение. Насилие — самое интенсивное из наслаждений».

59 №3 Субъективизм.

«Я наслаждаюсь, — говорит он, — глядя на скопления странных фигур, наполняющих залы; но у меня такое ощущение, что это лишь призраки, внешние оболочки, узоры вокруг божественного и чудесного Образа, и что этот Образ находится в глубине моего сознания».

65 *Пшибышевский* [5].

«У таких больных, — замечает Крафт-Эбинг, — душевная жизнь колеблется беспрестанно между экзальтацией и депрессией, так что никогда нельзя достигнуть у них состояния душевной устойчивости, уравновешенного или нормального состояния, в котором отсутствовало бы волнение. В периоды экзальтации проявляется тревожная жажда деятельности, которой сопутствуют желания, склонности, неожиданные и порой даже достойные осуждения импульсы; в периоды депрессии больной страдает тягостной нерешительностью, полной неспособностью действовать и в особенности навязчивой мыслью о самоубийстве и мучительной боязнью умопомешательства...»

79 Эгоизм.

«Моя любовь стала пламенем, пожирающим мало-помалу всю земную грязь», и он нашел в смерти Софи «ключ, отмыкающий все, — этап, чудесным образом ему необходимый».

100 *Скрябин* [6].

Новалис упрекает Фихте в том, что экстаз не является основой его философской системы.

105 Оч[ень] важно.

Две идеи особенно пленяли Новалиса в идеализме Фихте: прежде всего творческое и созидательное всемогущество «Я», т. е. внутреннего мира, веры — и тем самым отрицание внешнего, чувственного мира.

106 Истинное значение фразы: без субъекта нет объекта.

В действительности я был раньше, чем был ты.

115 Ср. Шницлера [7].

«Кто смотрит на жизнь иначе, чем на иллюзию, которая гибнет, тот сам еще находится во власти этой иллюзии».

122 Субъективизм.

... дух диктует миру его законы. Если, паче чаяния, дух и опыт не оказались в согласии, тем хуже для опыта!.. «Чем сильнее маг, тем произвольнее его действия, его заклинание — его орудие. Каждый творит чудеса на свой лад».

129 Наши марк[систы] легальные [8]. №3

«Воображаемое согласие не было действительным... это согласие существовало только в общих полемических задачах и в общем употреблении известных положений и известных методов».

135 Аналогия. Очень хорошо.

Аналогия — это рудиментарная форма индукции.

136 Метод, доведенный до карикатурности нашими сектантами.

Это все тот же способ, состоящий в доведении до конца поверхностной аналогии.

140 Наши идеалисты.

Философия определена так: «искусство изобретать без каких-либо данных, искусство абсолютного вымысла».

G. GROMAIRF. La littérature patriotique en Allemagne 1800—1815, Paris, 1911.

Г. ГРОМЕР. Патриотическая литература в Германии 1800—1815, Париж, 1911.

38

Французы кажутся ему [Шлегелю] все одинаковыми. Он раздражается, не находя в их идеях ничего стихийного. Он, один из основателей романтизма, стремящийся к неограниченной свободе воображения, находит в тогдашней Франции самый узкий классицизм, мелочные и обветшалые предрассудки. В каждодневной жизни царит то же однообразие и та же су-

Ср. Герцена [9].

хость. «Каждый сколько-нибудь образованный француз знает заранее, точно и определенно, как надо вести себя, думать и даже говорить во всевозможных обстоятельствах и условиях, физических, моральных и социальных... Умный француз никогда не делает ничего, не имея практической цели». Светское однообразие, банальность вкуса, вот что он находит повсюду и что ему не нравится.

41

Ср. П. Киреевский [10].

Для тех, кто знает народную поэзию, страна уже больше не является абстракцией; она встает живая перед его глазами. Знание этих произведений приведет к обновлению поэзии в Германии. Мало того, в стране осуществится моральное единство, которое будет источником новых достижений. «Собиратель этих песен собирает свой народ, рассеянный, разъединенный диалектами, государственными предрассудками, религиозными заблуждениями и бесполезными новшествами; он собирает его под своим знаменем и с пением ведет к будущим временам».

55—56

Ср. Карамзина [11].

Арндт отходит от космополитизма XVIII века. Он объявляет себя немцем; он не хочет стать одним из тех людей, существующих только в теории, которые не принадлежат ни к одному народу в частности. Он, как и предыдущее поколение, придает чрезвычайное значение языку. Отсюда он делает вывод: политическую границу определяет только язык. По его теории, всякое государство, выходящее за пределы своих естественных границ, совершает ошибку; оно совершает двойную, когда выходит за пределы границ своего языка.

LEON PINEAU. L'évolution du roman en Allemagne au XIX siècle, Paris, 1908.
ЛЕОН ПИНО. Эволюция романа в Германии в XIX веке, Париж, 1908.

X

Ce n'est pas pour cela. [Это не потому.]

Романист-натуралист исходит из того принципа, что всякий выбор, будучи субъективным, неизбежно является произвольным, что все существующее имеет ту же ценность и заслуживает того же внимания. Поэтому он описывает все существующее: подробности, крупные и мелкие, для него одинаково важны. Как фотограф, объектив которого воспроизводит все предметы, находящиеся в районе его действия... он из клише, без всякой их ретушировки, составляет картины различных размеров, которые соединяет между собой; его произведение имеет только одно достоинство — достоинство новизны, и вот почему оно изображает главным образом уродства и пороки.

105

Pourquoi donc? [Почему же?]

Цель исторического романа — заставить ожить перед нашим взором исчезнувшие века. Это тоже ложный жанр. Ибо, если он хочет быть правдивым, он не должен ничего менять в истории, а тогда это уже больше не роман... или же он ставит своей задачей, прикрывшись историческими именами, забавлять или поучать.

256

Ср. Белинского [12].

«У нас есть литература», — заявляли в 1882 г. братья Гарт в своих «Критических стычках», — но — зачем скрывать это от себя? — она не больше заслуживает это имя, чем поле, где несколько колосьев высятся среди плевел, заслуживает название нивы».

PIERRE MARTINO. Le roman réaliste sous le Second Empire, Paris, 1913.
ПЬЕР МАРТИНО. Реалистический роман во Второй империи, Париж 1913.

96

Ср. Шевырева [13].

В 1839 году он [Сент-Бев] впервые забил тревогу: он констатировал пришествие «промышленной литературы»: меркантилизм и демократия наводнили все, в особенности творения фантазии; пользуясь равнодушием критики, «недоброкачественная продукция распространяется и растет»; надо собрать людей доброй воли и бороться. Он ревностно занялся этим.

97

Ср. Шевырева.

Один за другим все ее редакторы... твердили общие места о «меркантильной литературе», о «плачевно реалистических тенденциях», об отсутствии всякого идеала, об исчезновении инстинкта прекрасного, о вторжении посредственности, об упадке нравственности среди литераторов!

208

№3

Ср. Писарева.

Мало-помалу, начиная с 1855 г., Тэн стал настоящим теоретиком реализма.

217—218

Ср. Чернышевского [14].

«Я думаю, — писал он [Тэн] в 1861 г., — что каждый образованный и умный человек, собрав весь свой опыт, может написать один или два хороших романа, потому что в конце концов всякий роман это только скопление опыта».

G. BRANDES. Die Emigrantenliteratur, Leipzig, 1894.
Г. БРАНДЕС. Эмигрантская литература, Лейпциг, 1894.

190—191

Михайловский и Со [15].

Однако в этой философии, почти во всех странах, где она возникала, с самого начала проявлялись тенденции ненаучного и зловещего характера. Она стремилась не столько доказать свои утверждения, сколько засвидетельствовать свою моральную и религиозную сущность. Она прилагала все усилия не к опровержению своих противников, а к тому, чтобы доказать отсутствие у них чувства благородства, стремления к высшему, чувства долга и энтузиазма.

193

№3

Вот Вам и возвышенная философия.

Она [г-жа Сталь] предчувствует, что примирение с вызванным обстоятельствами гнетом будет характерным признаком новой эпохи, она предвидит, что философия этой эпохи в своей значительной части должна будет состоять в доказательстве, что действительное разумно, с прозорливостью гения она как будто видит, какую двусмысленность будет заключать в себе это слово «действительное», и для какого безыдейного консерватизма послужит лозунгом это положение.

HENRI HAUVETTE. Littérature italienne, Paris, 1910.
АНРИ ГОВЕТТ. Итальянская литература, Париж, 1910.

297 Ср. *Гоголя* [16].

... признательный поэт [Торкват Тассо] посвятил им, в 1593 г., окончательную редакцию своего «Иерусалима», тщательно пересмотренную и лишенную всего, что составляло ее красоту и обаяние.

417 Ср. *Толстого* [17].

Между 1812 и 1825 гг. заключен наиболее плодотворный период поэтической деятельности Манцони; он находится во власти религиозной, философской, патриотической веры, и его взгляд на поэзию уточняется: в его намерения входит «свести к религии все благородные, великие и гуманные чувства, естественно из нее вытекающие».

424 №3 После объединения Италии.

В одном письме... написанном как раз в 1823 г., он [Манцони] заявлял, что поэзия должна иметь «целью — полезное, сюжетом — истинное, средством — выгодное» — спорная формула, которую Манцони сам осудил через пять десятков лет.

А. И. ЯЦИМИРСКИЙ. Новейшая польская литература. От восстания 1863 года до наших дней. Том второй, Спб., 1908.

118 Что же тут удивительного? Sic!

Одна черта в творчестве Конопницкой [18] может показаться вносящей диссонанс во все ее социальное миропонимание. Певица пролетариата часто обращается к природе, как будто даже понимает ее, быть может, и любит.

270 Дело тут не в шаблоне.

История Фалька, это — история души сильной, необыкновенной, в себе самой носящей собственную смерть. Фальк, такой, каким его создал Пшибышевский, не может втиснуться ни в какие общественные категории, не подойдет ни под одну шаблонную рамку [19].

287 Какую?

Пигмеи, улитки тихо умрут в раковине, когда другие жизнью пожертвуют за правду [20].

288 №3

И теперь бодрое настроение, основанное на новой вере, на вере в единицы, уже не покидает поэта. Он находит силы в борьбе даже тогда, когда на первый взгляд сам не умеет бороться, когда дух его настроен пассивно [21].

Заметка на обл.: Борьба с кем? За что?

349 Платонизм.

«Искусство, — говорит он, — есть отражение того, что вечно, независимо ни от каких перемен и случайностей, независимо ни от времени, ни от пространства, следовательно — отражение сущности, т. е. души...» [22]

384

Если польские модернисты переносятся в царство мечты, то во имя самого царства — нисколько не думая о «роде людском». Из этого не следует, что поэты-мечтатели непременно

Тогда зачем они говорят о правде? №3

смеются над общественностью, не уважая человека; что на земле для них нет ничего святого, привлекательного. Нет, их мысль — *аморальна*. У них нет границ между великим и ничтожным, между правдой и кривдой, между благородным и отвратительным: они знают разницу только между красивым и некрасивым. Поэтому и реальная жизнь может быть для них привлекательна, раз она или абсолютно красива, или же почему-нибудь способна уносить поэта в край мечтаний, в область таинственного, к чудесам.

Заметка на обл.: Характеристика польского модернизма.

СТАНИСЛАВ ПШИБЫШЕВСКИЙ. Homo sapiens, М., 1902.

250 Это не Лермонтов, а Марлинский [23].

Воздух был до того насыщен электричеством, что вокруг него, казалось ему, волнуется море пламени. Он шел, окутанный дикой бурей; шел и размышлял.

253 Что?

Да, да: разрушать... Разрушать!

278 №3

Фальк хотел взвесить опасность, но мозг его устал; одно лишь представление о гибели, о разрушении бытия охватывало его невыразимым мучением.

Заметка на обл.: Гибель собственного бытия.

330

Вы, вы, Фальк, несмотря на весь ваш самодовлеющий индивидуализм, все же маленький человек.

Заметка на обл.: Характеристика Фалька.

336 №3

Ибо и я плюю на все: и на себя, и на Наполеона, и на сверхчеловека, и на весь свет... Все глупость!.. Глупость и ерунда, слышите, — крикнул он.

Заметка на обл.: Вывод.

361

Но мозг его был в каком-то тумане; у него ежеминутно темнело в глазах, и он каждый раз хватался за стакан с вином.

Заметка на обл.: Печорин [24].

381

Был в состоянии какого-то торжествующего восторга! Теперь, наконец, я нашел себя. Себя самого. Себя — бога.

Заметка на обл.: Печорин?

384 ***Ты*** есть *ты*, а не мое *ты*.

Мое ты — это душа, которая никогда не проституировалась в мозгу. Мое ты — это праздничная душа, которая редко приходит ко мне, быть может, один только раз, как св. дух один только раз сошел на апостолов. Мое ты — это моя любовь, моя судьба, моя преступная воля!

384 Вот это верно. — Я лгу, я лгу, — сказал он вдруг хрипло, — я слишком много лгал...

387 №3 А так как Я есмь Я, т. е. бог, ибо каждый, кто подчиняет себе все окружающее, — есть бог, а вокруг меня все подчинено мне, то я, следовательно, совершил преступление против бога, т. е. святотатство.

Заметка на обл.: Profession de foi.

400 Я, быть может, мог бы кое-что сделать, но безрассудные распутства изгрызли мою волю. Я шел, уничтожал и страдал...

Заметка на обл.: «Формула прогресса».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Замечание Плеханова относится также и к приведенной ниже выписке с стр. 284. В отличие от греческой сатиры времен «упадка широких политических направлений» русская сатира XVII и XVIII века отличалась вполне серьезным характером и ставила себе высокие цели. В частности, Н. И. Новиков, один из первых русских просветителей, издававший в екатерининскую эпоху, один за другим, три сатирических журнала — «Трутень», «Живописец» и «Кошелек», — был уверен в высоком значении сатиры. В посвящении «Живописца» императрице он писал, что сатирические произведения очень важны и полезны и достойны великой похвалы, потому что они «с благородной смелостью» нападают на пороки. «Живучи давно в свете, — пишет Новиков в седьмом листе журнала (в 1772 г.),— я приметил, что осмеяние порока умаляет силу его более, нежели иногда нравоучение, со скукой смешанное».

Соответственно с таким взглядом сатира Новикова никогда не приносит серьезных целей в жертву желанию смешить, и встречающиеся в ней намеки на живых людей всегда скрывают за собой общую мысль.

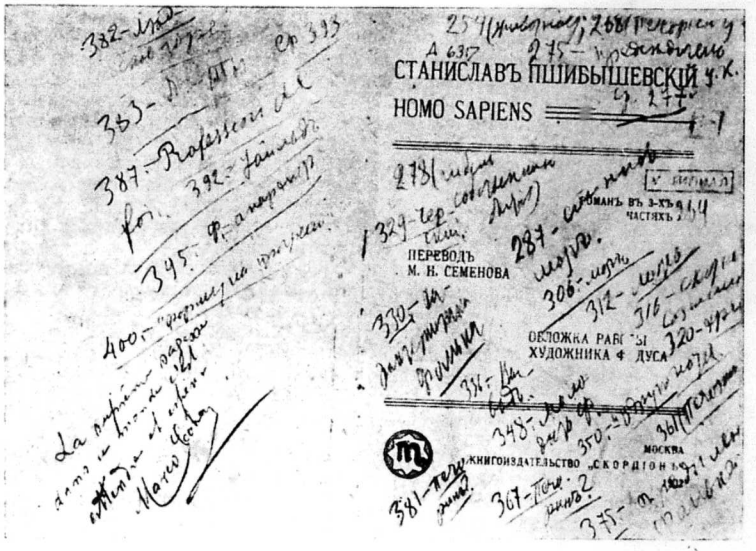
[2] Приведенные в тексте мысли были высказаны Гете в разговоре с его секретарем Эккерманом («Разговоры Гете, собранные Эккерманом», Спб., 1891, ч. I, стр. 223—224). Плеханов неоднократно цитировал эти слова Гете в своих статьях.

[3] Плеханов имеет в виду широко развитую Марксом и Дарвином в применении к обществу и природе теорию развития, основанную на обобщении колоссального конкретно-исторического материала и делающую возможным прогнозы о дальнейшем развитии природы и общества.

Проводя параллель между Марксом и Дарвином, Плеханов пишет в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», что Маркс разрешил целый «Монблан противоречий», накопившийся в предыдущей истории общественной науки, «с помощью теории, которая, подобно теории Дарвина, состоит из нескольких обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей. Когда явились эти идеи, тогда выяснилось, что с их помощью разрешаются все смущавшие прежних мыслителей противоречия» (Соч., т. VII, стр. 230).

[4] *Новалис*, псевдоним *фон Гарденберга* (1772—1801), — немецкий поэт и философ, один из основоположников романтизма, явившегося отражением реакции дворянской интеллигенции на буржуазную революцию XVIII в. В своих произведениях мечтатель и фантаст Новалис развивает теорию «магического идеализма», по которой поэт-маг обладает способностью претворять идеи в действительность, а действительность в идею.

[5] *Пшибышевский*, Станислав (1868—1927) — польский писатель-«модернист», типичный представитель упадочной буржуазной литературы, пользовавшийся большой популярностью в России в начале 900-х годов. Особенное распространение получил его роман «Homo sapiens». Пшибышевский в своем творчестве был крайний индивидуалист. Художник, по его мнению, должен черпать свой материал только из мира собственной души, бесконечно богатого, так как за порогом сознания лежит еще целый мир бессознательного. Однако темы для своих произведений Пшибышевский черпал только из одного источника — чувства любви. Во всех его драмах и романах трактуется одна и та же тема — трагедия любви. Герои Пшибышевского — безвольные индивидуумы с утонченным интеллектом, с больным воображением, полные ужаса перед жизнью.



2 страницы из книги Ст. Пшибышевского „Homo sapiens"

[6] Плеханов имеет в виду «Поэму экстаза» русского композитора и пианиста А. Н. Скрябина (1871—1915). исполненную впервые в России в 1909 г.

[7] *Шницлер*, Артур (род. 1862) — австрийский писатель, отразивший в своих произведениях быт и психологию рантьерской буржуазии и связанной с ней интеллигентской верхушки. Главной темой произведений Шницлера является наслаждение, обостряемое мыслью о смерти. Шницлер воспринимает жизнь, как игру, в которой фикция переплетается с реальностью.

[8] Плеханов имеет в виду временное сближение революционных социал-демократов с легальными марксистами — Струве, Туган-Барановским, Булгаковым и др., — имевшее место во второй половине 90-х годов XIX в. для борьбы с народничеством. Это сближение выразилось, главным образом, в сотрудничестве в легальных журналах: «Новом слове», «Начале» и «Научном обозрении».

[9] Эта характеристика французов, принадлежащая одному из вождей немецкого романтизма, Августу Шлегелю (1767—1845), относится к началу XIX века. Характеристики Герцена в его «Письмах из Франции и Италии», написанных значительно позднее, в 1847—1851 гг., имеющие много общего с характеристикой Шлегеля, существенно отличаются от нее тем, что различают Париж «за цензом стоящий» от Парижа «за ценз стоящего», т. е. Париж пролетарский от Парижа «буржуа, проприетеров, лавочников и рантье», к которому, главным образом, и относятся суровые обличения Герцена, направленные против французского «мещанства».

[10] Славянофил Петр Васильевич *Киреевский* (1808—1856), младший брат Ивана Киреевского, собиратель народных песен. Его сборник, начатый в 30-х годах, был опубликован полностью только после его смерти — в 1860—1874 гг.

[11] Приведенные в тексте мысли принадлежат известному немецкому поэту и патриоту Эрнсту Морицу Арндту (1769—1860). Мысли эти имеют много общего с взглядами Карамзина на значение народного элемента в языке. Придавая большое значение народному самосознанию, Карамзин отвергал мысль, что «все народное — ничто перед человеческим». По словам Пушкина, Карамзин «освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова».

[12] Взгляд Белинского на русскую литературу, в особенности в начале его критического поприща, был близок к приведенному в тексте. Его первая статья «Литературные мечтания», относящаяся к 1834 г., посвящена доказательству той мысли, что «у нас нет литературы». В конце этой статьи Белинский говорит: «В самом деле, Державин, Пушкин, Крылов и Грибоедов — вот все ее представители; других покуда нет и не ищите их. Но могут ли составить целую литературу четыре человека, являвшиеся не в одно время? И притом, разве они были не случайными явлениями?» (Соч. *В. Г. Белинского*, т. I, Спб., 1896, стр. 88).

В статье «Ничто о ничем» 1835 г. Белинский пишет: «Я так уже устал, а впереди предстоит большой труд: трудно обозреть цветущую долину, но еще труднее — бесплодную аравийскую пустыню» (Соч., т. I, стр. 197).

Несмотря на то, что позднее Белинский признавал, что русская литература прогрессирует, и очень высоко ставил натуральную школу Гоголя, в его годовых обзорах последних лет продолжает звучать та же нота. Так, в обзоре 1844 г. он пишет: «... о русской литературе за тот или другой год, право, не о чем слишком много или слишком интересно разговориться. И это-то составляет особенную трудность подобных статей. Легко пересчитывать богатства истинные или мнимые; много можно говорить о них; но что сказать о бедности, близкой к нищете? Да, о совершенной нищете, потому что теперь нет уже и мнимых, воображаемых богатств» (Соч., т. IV, стр. 2).

[13] Речь идет о критике, которой романтики встретили первые выступления реалистов во Франции. Обвинения в «меркантилизме» носили вполне конкретный характер. Несколько ниже Мартино приводит цитаты из Сент-Бева, где последний говорит, что народилась новая порода беспринципных и беспардонных людей, жадных до заработка и готовых на все ради того, чтобы «жить, но жить не скромно, а роскошно: порода пауков, которая хочет золота». С этими обвинениями Плеханов сопоставляет созвучные с ними обвинения Шевырева, который дебютировал в 1835 г. в «Московском наблюдателе» статьей «Словесность и торговля». В этой статье Шевырев выражает сожаление, что наша литература превратилась в промышленность, что она «подружилась с книгопродавцем, продала ему себя за деньги и поклялась в вечной верности».

Ответ на эти обвинения Шевырева дал Белинский в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (Соч., т. I, Спб., 1896, стр. 239—242).

[14] Плеханов имеет в виду романы Чернышевского «Пролог» и в особенности «Что делать?». Хотя Чернышевский в этих романах выступал не столько как художник, а прежде всего как публицист революционно-демократического направления, они имели огромный успех, что объясняется злободневностью поставленных в них проблем, их смелой трактовкой, большой правдивостью и глубиной содержания.

[15] Речь идет о теории французского историка и публициста Баранта (1782—1866), имеющей много общего с «субъективным методом» Михайловского, с его теорией двух правд — правды-истины и правды-справедливости — и его обвинениями, направленными против марксистов, в жестокости и равнодушии к народным страданиям.

[16] Плеханов проводит здесь параллель между судьбой двух великих писателей — Гоголя и Торквато Тассо (1544—1595). Писатель итальянского Возрождения Торквато Тассо, создавший замечательную поэму о крестовых походах «Освобожденный Иерусалим», к концу жизни впадает в религиозное настроение, очищает свою поэму от светского и еретического элемента, лишая ее лучших красот, и создает сухое и прозаическое, но вполне правоверное произведение «Завоеванный Иерусалим». Вторая часть «Мертвых душ» Гоголя явилась в русской печати таким же «Завоеванным Иерусалимом».

[17] *Манцони*, Алессандро (1785—1873) — итальянский поэт, глава итальянских романтиков-патриотов. Вначале выступил в духе свободолюбия, но затем превратился в защитника католической морали. Повидимому, в заметке Плеханова заключается та мысль, что, в противоположность Манцони, Толстой дал свои лучшие художественные произведения еще до того периода, когда он оказался во власти философских, моральных и религиозных проблем.

[18] *Конопницкая*, Мария (1846—1910) — польская писательница. Главным мотивом ее творчества являлся протест против угнетения обездоленных масс пролетариата. Позднее, по мере роста революционности пролетариата, творчество Конопницкой стало приобретать более туманный «общечеловеческий» и отчасти патриотический характер.

[19] Речь идет о Фальке — герое романа Пшибышевского «Homo sapiens».

[20] Приведенные слова представляют собой цитату из цикла стихотворений польского поэта Яна Каспровича (1860—1926). Начав с участия в национально-освободительном движении, Каспрович пришел к ярко выраженному индивидуализму. Он не стесняясь высказывал свое презрение к «толпе», к народным массам. В приведенной цитате слова «пигмеи» и «улитки» характеризуют его отношение к толпе.

[21] Речь идет о Яне Каспровиче (см. предыд. прим.).

[22] Приведенное определение искусства принадлежит Пшибышевскому.

[23] *Марлинский* — псевдоним *Бестужева*, Александра Александровича (1797—1837), писателя-декабриста. Марлинский — создатель напыщенной прозы романтизма — пользовался в тридцатых годах громадной популярностью и оказал большое влияние на начинающих писателей, в том числе до известной степени и на Лермонтова.

[24] Печорин — главное действующее лицо повести Лермонтова «Герой нашего времени» — тип «лишнего человека», одаренного умом и волей, но не находящего поприща для их применения в условиях окружающей русской жизни и потому растрачивающего свои силы на всякие пустяки и недостойные его поступки.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ПЕРЕПИСКА

ПЕРЕПИСКА Г. В. ПЛЕХАНОВА С РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ

В настоящий сборник, помимо писем, использованных в исторических справках, предшествующих публикациям, включено 12 наиболее интересных писем на литературные темы из переписки Г. В. Плеханова с русскими и иностранными корреспондентами. Из печатаемых писем четыре принадлежат самому Плеханову. Из них два относятся к вопросу об участии Плеханова в комитете чествования Л. Толстого, создавшемся в 1908 г. по случаю 80-летия со дня его рождения. Переписка по этому вопросу ярко характеризует отношение Плеханова к Толстому и является интересным дополнением к печатаемым в настоящем сборнике материалам об этом писателе. Из публикуемых писем шесть печатаются впервые, с оригиналов. Остальные перепечатываются из первых изданий.

№ 1. Г. В. ПЛЕХАНОВ — С. М. СТЕПНЯКУ-КРАВЧИНСКОМУ [1]

[1888, конец][2]

Дорогой Сергей! [3]

Лично я давно уже не писал вам, но из писем Веры [4] вы знаете, что я был болен. Теперь начинаю оправляться и, конечно, сталкиваюсь с роковым вопросом — *чем жить*. Нужна работа, работа во что бы то ни стало. Поэтому я надумал вот что: вместе с письмами в Петербург, в которых я просил разных знакомых достать мне литературную работу, я обращаюсь к [вам] со следующей просьбой: не захотите ли вы вместе со мной написать книжечку под заглавием «The governement and Litterature in Russia» *. Мы изложили [бы] в ней мартиролог русской литературы, начиная с Новикова и Радищева (предварительно в нескольких словах упомянувши о Крижаниче и Посошкове). Мы рассказали [бы] о лицемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдаче в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М. Михайлова [5], Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского от «квартиры у Дуббельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебывали или еще остаются в ссылке. Европа, восхищающаяся теперь русской беллетристикой, понятия не имеет о том, в каких ужасных условиях находится наша литература. Мы

* «Правительство и литература в России». — *Ред.*

обязаны указать на то, что деспотизм был всегда самым ярым и непримиримым врагом ее.

Эпиграфом мы взяли бы слова Герцена: *Деспотизм существовал и в Западной Европе, и, несмотря на это, там все-таки никому не приходило в голову сечь Лессинга или отдавать в солдаты Спинозу* (цитирую на память) [6].

Как вы думаете? Книжка пошла бы [7], а нам с вами был бы заработок. Постарайтесь, голубчик, работа нужна мне теперь дозарезу.

Ваш лестный отзыв о моих статьях в Сборнике [8] очень польстил мне. Если вам нравится литературная сторона дела, то значит, она хороша, или по крайней мере недурна, а это все, что нужно для того, чтобы с новой энергией приняться за работу. Скоро сяду писать брошюру по поводу измены Тихомирова [9]. О нем-то собственно я буду говорить очень мало, но остановлюсь подробно на некоторых вопросах русского общественного развития.

Когда-то мы с вами увидимся, дорогой Сергей Михайлович? Я-то уж видно не попаду в Англию, но вам-то следовало бы подумать о том, чтобы повидаться со всеми нами.

Искреннейший привет вашей супруге. Из вашего молчания об ее мнении относительно Сборника я заключил, что он ей не понравился. Это жаль.

Ваш *Г. В. Плеханов*

[1] Письмо перепечатывается из сборника «Группа Освобождение труда», 1924, № 1, стр. 145—146, где оно было опубликовано впервые. Позднее оно было перепечатано в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик», М., 1933, стр. 33—34.

[2] Письмо датировано концом 1888 г. — оно не могло быть написано ни раньше этого года, так как в нем упоминается о вышедшем в 1888 г. сборнике «Социал-демократ», ни позднее его, так как в 1889 г. уже вышла упоминаемая в нем брошюра о Тихомирове.

[3] *Кравчинский*, Сергей Михайлович (1852—1895), псевдоним *Степняк*, — революционер-народник и писатель. С начала 80-х годов эмигрировал и поселился в Лондоне. В своих литературных произведениях Кравчинский рисовал жизнь и быт русских революционеров 70-х годов. Большинство его произведений вышло впервые в Лондоне на английском языке. С Плехановым Кравчинского связывала большая личная дружба.

[4] Вера Ивановна Засулич.

[5] Н. И. Новиков — за «вольнодумство» в 1792 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Освобожден в 1796 г.

А. Н. Радищев — за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1790 г. приговорен к смертной казни, но помилован и сослан в Сибирь на 10 лет. В 1799 г. возвращен из ссылки. В 1802 г. отравился.

Б. Крижанич — за политические памфлеты и резкие суждения об украинской политике Москвы в 1666 г. сослан в Сибирь. В 1676 г. освобожден.

И. Т. Посошков — за сочинения, проповедывавшие религиозные нововведения, заключен в Петропавловскую крепость, где и умер в 1726 г.

И. С. Тургенев—за некролог на смерть Гоголя арестован и выслан в свою деревню в 1852 г.

А. И. Полежаев — за сатирическую поэму «Сашка» с выпадами против религии и существующего строя в 1826 г сдан в солдаты. В 1838 г. умер от чахотки.

Н. Костомаров — за принадлежность к кружку прогрессивной украинской молодежи («Кирилло-Мефодиевскому братству») заключен в 1847 г. в Петропавловскую крепость, откуда через год «переведен на службу» в Саратов с запре-

щением преподавать и печатать свои произведения. Запрет печатать отменен в 1856 г., запрет выезда и преподавания — в 1859 г.

М. Михайлов — за составление (вместе с Н. В. Шелгуновым) и распространение революционной прокламации «К молодому поколению» в 1861 г. заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан на каторгу, где и умер в 1865 г.

[6] Плеханов, вероятно, имел в виду следующее место из «Былого и дум», относящееся к Прудону, которого французское правительство преследовало и унижало даже в тюрьме: «Неуважение к гению, впрочем, явление новое, возобновленное в последнее десятилетие. Со времени Возрождения талант становится до некоторой степени охраной; ни Спинозу, ни Лессинга не сажали в темную комнату, не ставили в угол; таких людей иногда преследуют и убивают, но не унижают мелочами; их посылают на эшафот, но не в рабочий дом» (Соч., т. IX, Женева, 1879, стр. 57—58; изд. 1919 г., т. XIII, стр. 457).

[7] Предложенный Плехановым проект совместного труда со Степняком не осуществился. Тема его — мартиролог русской литературы — была затронута Плехановым в его речи в день похорон П. Л. Лаврова 11 февраля 1900 г. (см. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 149—150).

[8] Речь идет о сборнике «Социал-демократ», вышедшем в Женеве в 1888 г., в котором был помещен ряд статей Плеханова.

[9] Плеханов имеет в виду свою брошюру «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова», вышедшую в Женеве в 1889 г. (Соч., т. III, стр. 45—82).

№ 2. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

Цюрих, 10 ноября 1889 г.

Уважаемый Петр Лаврович,

Посылая Вам объявление об издании *«Социал-демократа»* [2] на 1889 г., я от имени всей редакции позволю себе выразить Вам надежду на то, что Вы не откажете нам в литературной поддержке. На первый раз просьба наша будет очень скромна.

Вы знавали Чернышевского. Вы встречались с ним, если не ошибаемся, около времени известных студенческих беспорядков 60-х годов. Мы просили бы Вас написать Ваши воспоминания о встречах с ним. У нас, правда, уже есть разбор его сочинений [3], но Вы знаете, что ничто не обрисовывает так личность общественного деятеля, как воспоминания о нем лиц, сталкивавшихся с ним. Не нужно и прибавлять, что Ваши воспоминания будут иметь *особенный интерес* в глазах публики и *особенную цену* в глазах редакции [4].

Ожидая от Вас ответа, остаемся готовыми к Вашим услугам.

Zürich
10 ноября 1889. *Г. Плеханов*

P. S. Ответ прошу Вас адресовать на мой женевский адрес: 18, Chemin de la Cluse. Прибавлю еще, что мы не хотели бы распространять в публике объявление до выхода журнала.

Г. Плеханов

[1] Письмо впервые опубликовано в книге «Из архива П. Б. Аксельрода», Берлин, 1924. Там оно напечатано не полностью и без подписи Плеханова, по черновику, как обращение редакции «Социал-демократа». В 1933 г. письмо это было опубликовано в журнале «Литературное наследство» № 7/8, стр. 97, но на этот раз уже с оригинала, обнаруженного в архиве Лаврова, и как письмо Плеханова. Затем оно вошло в появившийся в том же году сборник «Г. В. Плеханов — литературный критик», стр. 35. Последним текстом мы и пользуемся при перепечатке.

[2] «Социал-демократ» — журнал, издававшийся в 1890—1892 гг. группой «Освобождение труда» в Женеве. Всего вышло 4 номера.

[3] Плеханов имеет в виду свои статьи о Чернышевском, над которыми он работал в то время, предназначая их для «Социал-демократа», и которые появились позже во всех четырех книжках этого журнала.

[4] Лавров не послал своих воспоминаний о Чернышевском, но ответил письмом от 25 ноября 1889 г. В этом письме он сообщает, что его встречи и разговоры с Чернышевским были так редки и так бедны содержанием, что не могут служить материалом для «Воспоминаний». Письмо опубликовано в журнале «Литературное наследство» 1933, № 7/8, стр. 115 и в сборнике «Г. В. Плеханов — литературный критик», стр. 38. Черновик письма находится в архиве Лаврова.

№ 3. С. А. ВЕНГЕРОВ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

С.-Петербург, 28 июля 1907 г.

Многоуважаемый

Георгий Валентинович,

Вы любили Сергея Кравчинского, и он Вас любил. И для меня короткое знакомство с Сергеем Михайловичем тоже принадлежит к лучшим воспоминаниям всей моей жизни. Во имя этой объединяющей нас привязанности, я, забывая о разделяющих нас теоретических разногласиях [2], решаюсь обратиться к Вам с нижеследующей просьбой.

В редактируемой мною «Библиотеке Светоча» в настоящее время выходит «Собрание сочинений Степняка-Кравчинского». Издано пока три тома: 1) «Штундист Павел Руденко» (с предисловием П. А. Кропоткина), 2) «Подпольная Россия» и 3) «Домик на Волге», и печатается 4-й том, в который войдет «Андрей Кожухов». Мне бы хотелось снабдить этот том предисловием, в котором была бы дана оценка романа как с литературной, так и с исторической точки зрения. Последнее особенно важно, по крайней мере, [мне] «Кожухов» представляется одним из важнейших источников для изучения истории 70-х годов.

Много раз приходилось слышать, что (правда, с небольшим отступлением от полной точности) все действующие лица романа списаны с натуры. Вам, как одному из деятельнейших участников движения того времени, вероятно, доподлинно известно, с кого именно списаны эти лица. И вот я обращаюсь к Вам с просьбой написать предисловие, — примерно, в журнальный лист, — в котором, наряду с литературной оценкой, была бы раскрыта и фактическая подкладка. Конечно, завершительную главу, которую, при современной литературной свирепости, придется совершенно обезличить, нужно оставить в покое.

К сожалению, мысль обратиться к Вам пришла мне слишком поздно: книга почти закончена, и, если бы Вы нашли возможным исполнить мою просьбу, я бы просил написать предисловие по возможности скорее [3].

Гонорар я могу предложить Вам в размере 100 рублей за журнальный лист (40 000 букв).

С истинным уважением

С. Венгеров

[1] Письмо печатается впервые, с оригинала.
[2] Воспитанный в традициях народничества, Венгеров стоял на позициях исторического идеализма.
[3] Как видно, Г. В. Плеханов не написал просимого Венгеровым предисловия, так как IV том собрания сочинений Степняка в издании «Библиотеки Светоча», под ред. С. А. Венгерова, в который вошел роман «Андрей Кожухов», вышел в 1907 г. с предисловием П. Кропоткина, датированным: Август, 1907. Возможно, что Плеханов не взялся написать предисловие в такой короткий срок.

№ 4. КОМИТЕТ СЪЕЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

[4 августа] 22 июля 1908 г.

Многоуважаемый

Георгий Валентинович,

Комитет, избранный Съездом периодической печати, созванным, главным образом, для организации ознаменования юбилея Л. Н. Толстого [2], пользуясь своим правом кооптации, решил кооптировать трех лиц: М. Горького, Л. Андреева и Вас. Мы очень хорошо знаем, что как Вы, так и М. Горький, в действительности не можете принимать сколько-нибудь деятельного фактического участия в работе Комитета, главная часть кот[орой] должна вестись в П[етер]бурге. Но желая объединить более крупных представителей русской литературы и науки, чтобы иметь возможность говорить от их имени, и все же расчитывая и на некоторые конкретные услуги от входящих в его состав разбросанных по Европе членов, Комитет позволяет себе надеяться, что Вы не найдете оснований отказаться от участия в нем. В состав Комитета пока входят М. Ковалевский (председатель), П. Милюков (товарищ председателя), Короленко, Венгеров, Анненский, Батюшков, Богучарский, Г. Градовский и некоторые другие. — Как видите, состав в политич[еском] смысле довольно пестрый. Будьте добры ответить по моему адресу.

Секретарь Комитета

В. Водовозов [3]

[1] Письмо печатается впервые, с оригинала.
[2] Речь идет о постоянном комитете, избранном первым Всероссийским съездом печати, состоявшимся в Петербурге 22—25 июня (ст. ст.) 1908 г.
[3] *Водовозов*, Василий Васильевич (род. 1864) — публицист, народник, позже член партии трудовиков. В настоящее время белоэмигрант.

№ 5. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. В. ВОДОВОЗОВУ [1]

[После 4 августа/22 июля 1908 г.]

Многоув[ажаемый] Вас[илий] Вас[ильевич],

Мне только что передали Ваше письмо, и я спешу на него ответить. Я бесконечно высоко ставлю Л. Н. Тост[ого] *как художника*, но я не хотел бы ни одним своим словом и ни одним своим действием дать рус[скому] читателю повод думать, что я разделяю *общественные взгляды* нашего великого романиста. Вот почему лестное предложение, делаемое мне Вами от имени Вашего Комитета, могло бы быть принято мною лишь в том случае, если бы этот Комитет имел в виду чествовать Л. Н. *именно, как художника, а не как публициста.*

Я уверен, многоув[ажаемый] Вас[илий] Вас[ильевич], что ни Вас и никого из других членов Вашего Комитета не удивит эта оговорка, которой я *не могу не сделать.*

А с этой оговоркой я, разумеется, готов служить Вам всем, чем могу. Однако и тут есть одно досадное но. Состояние моего здоровья таково, что я с осени должен перекочевывать на Ривьеру и, в продолжение зимы, вплоть до весны, уже не мог бы оставить ее даже в том случае, если это понадобилось бы в интересах Вашего дела.

Прошу Вас и Ваших г. т. судить после этого, насколько мое участие может быть возможным и полезным. С своей стороны мне остается только поблагодарить Ваш Комитет за ту честь, которую он сделал мне своим чрезвычайно лестным предложением.

Искренно преданный Вам

Г. Плеханов

Мой женевский адрес таков: 6, rue de Candolle.

[1] Печатается впервые, с оригинала.

№ 6. В. В. ВОДОВОЗОВ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

[20]/17 августа 1908 г.

Сейчас получил я Ваше письмо, многоуважаемый Георгий Валентинович, и спешу ответить на него пока лично *за себя*; Комитету я доложу его на ближайшем заседании.

Я тоже не разделяю большей части общественных взглядов Л. Т[олстого], в особенности я не согласен с их мистико-моралистическим обоснованием, не согласен с ним даже тогда, когда согласен в выводах (так напр[имер] по вопросу о смертной казни). Насколько мне известно, подавляющее большинство членов Комитета (а м[ожет] б[ыть] и все), тоже не разделяют большей части общественных взглядов Т[олстого], хотя ввиду разнообразия состава Комитета можно думать, что мотивировка своего отрицательного отношения к взглядам Т[олстого] оказалась бы у разных членов разная.

Ввиду этого я думаю, что Ваше отрицательное отношение к обществ[енным] взглядам Т[олстого] не может служить препятствием к вступлению в состав Комитета. Во всяком случае, я думаю, что Комитету ваше отрицательное отношение к общественным взглядам Т[олстого] было известно, когда он Вас избирал в свои члены. Мне по крайней мере оно было хорошо известно и нисколько не помешало предложить Вас в члены.

В. Водовозов

[1] Печатается впервые, с оригинала.

№ 7. В. В. ВОДОВОЗОВ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

КОМИТЕТ
СЪЕЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ПЕЧАТИ
Невский пр., д. № 92.

С.-Петербург [4 сентября]/22 августа 1908 г.

Простите пожалуйста, глубокоуважаемый Георгий Валентинович, что я Вам не отвечал так долго. Предыдущее письмо было написано уже давно, но совершенно случайно я его не отправил во-время. С тех пор имели место два заседания Комитета; на одном из них я прочел Ваше письмо и мой на него ответ, и Комитет совершенно присоединился к нему. Считая, что условие, под которым Вы соглашаетесь вступить в Комитет, имеется налицо, Комитет счел себя в праве печатать Ваше имя в списке членов Комитета.

Посылаю Вам просьбу прислать для предположенного сборника несколько строк о Толстом, сущность которой Вы увидите из прилагаемого письма [2]. Прилагаю также «Постановления и пожелания первого Всероссийского съезда печати» [3].

В. Водовозов

[1] Печатается впервые, с оригинала.
[2] Письмо не сохранилось.
[3] В архиве Плеханова сохранились постановления и пожелания первого Всероссийского съезда печати. 3-й пункт этих постановлений и пожеланий гласит: «от имени печати решено издать сборник, всецело посвященный личности чествуемого писателя, мнениям о нем и характеристике его произведений. Сборник должен быть составлен из отзывов и статей, полученных от русских и иностранных писателей, особо приглашенных к тому. Издание сборника возлагается на Комитет, избранный для приведения в исполнение постановлений съезда».
Во 2-м пункте говорится о том, что, хотя 80-я годовщина рождения Л. Толстого падает на 28 августа (ст. ст.) 1908 г., главное чествование следует перенести на осень текущего года, когда заканчиваются летний отдых и разъезд из городов, почему съезд и назначает временем чествования первую неделю октября 1908 г.

№ 8. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Б. АКСЕЛЬРОДУ [1]

[Женева], 28 сент[ября] 1908 г.

Дорогой Павел,

Пересылаю тебе письмо, в котором находится предложение написать для сборника в честь Толстого. Знаю это потому, что сам получил такое же письмо. Я, конечно, просьбу исполню [2]. Как увидишь из моей подписи под письмом, я вошел даже в Комитет, категорически заявив о том, что я не желаю ни одним действием давать кому бы то ни было понять, что я сочувствую публицистической деятельности Толстого. Это значило, что я немедленно выйду из Комитета, если тот выскажет сочувствие Толстому не как художнику, а как публицисту. Но как художника мы обязаны почтить Толстого, и я благодарен Комитету за то, что он к тебе обратился. Напиши хоть 20 строк (вспомни, как Маркс относился к Гете, несмотря на политическое лизоблюдство этого последнего)...

[1] Отрывок печатается с оригинала. Опубликовано в книге «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», М., 1925, т. II, стр. 262 и в книге «Г. В. Плеханов — литературный критик», М., 1933, стр. 134.
[2] Г. В. Плеханов написал для юбилейного сборника, задуманного Комитетом съезда представителей русской печати, статью «Толстой и природа». Сборник в печати не появился, а статья Плеханова была напечатана впервые в журнале «Звезда» 1924 г., № 4, стр. 296—299 (Соч., т. XXIV).

№ 9. «НАШ ПУТЬ» — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

[Спб., до 3 июня/21 мая 1911 г.]

Многоуважаемый

Георгий Валентинович!

Редакция журнала «Наш путь», издающегося в Петербурге и являющегося органом рабочих по металлу, обращается к Вам со следующей просьбой. Не найдете ли Вы возможным написать для нашего журнала статью о В. Г. Белинском для одного из ближайших №№. Журнал расходится в 6 тыс[ячах] экземпля[ров], преимущественно среди рабоч[их] по металлу Петербурга и провинции, применительно к составу читателей и должна быть статья. Хорошо было бы в случае Вашего согласия получить от Вас уведомление, когда приблизительно можно рассчитывать на получение статьи.

Может быть, недостаток времени и другие обстоятельства не позволят Вам выполнить нашей просьбы, но это будет в высшей степени печально. Для редакции так почетно и дорого было бы Ваше участие в журнале, а шесть тысяч (фактически гораздо больше) читателей, рабочих по металлу, с радостным удивлением прочли бы Ваше имя на страницах своего органа.

С тов[арищеским] приветом

за ред[акцию] *М. С.*

P. S. Адрес ред. Загородный пр. д. 17 кв. 27, рукопись желательно посылать заказн[ым].

Простите, что по некоторым причинам не могу скрепить своего письма печатью редакции.

М. С.

[1] Письмо печатается с оригинала. Впервые было опубликовано в журнале «Литературное наследство», М., 1931 г., стр. 108, откуда было перепечатано в сб. «Г. В. Плеханов — литературный критик», вышедшем в 1933 г., стр. 149.

№ 10. «НАШ ПУТЬ» — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

Спб., [3 июня]/21 мая 1911 г.

Уважаемый Георгий Валентинович,

Письмо Ваше от 23 мая н[ового] ст[иля] из Сан-Ремо нами получено, Редакция профессионального журнала металлистов «Наш путь»

выражает Вам глубокую благодарность за обещанную присылку статьи о Белинском. Размер статьи от 20 до 30 тыс[яч] букв. Вообще, можете не очень ограничивать себя, так как статья может пойти фельетоном в 2—3 номерах. Желательно все же получить статью по возможности скорее [2]. За обещание постоянного сотрудничества на литературные и иные темы редакция также выражает вам свою признательность и предлагает Вам самому намечать подходящие темы. Во всяком случае было бы хорошо получить от Вас своевременно статью о Добролюбове. Считаем нужным сообщить, что Ваши статьи, попав в «Наш путь», обойдут всю профессиональную прессу. Будьте добры сообщить о получении настоящего письма и о приблизительном сроке присылки статьи о Белинском. Впереди Вашей статьи о Бел[инском] будут помещены портрет Бел[инского] и снимок с известной картины Наумова [3].

С товарищеским приветом
за секр[етаря] редакции *Ю. Ч.*

Адрес редакции: Спб., Загородный пр. д. 17 кв. 27.

[1] Печатается с оригинала. Впервые было опубликовано в журнале «Литературное наследство» № 1, стр. 108, откуда было перепечатано в сб. «Г. В. Плеханов — литературный критик», стр. 149.

[2] Г. В. Плеханов послал в журнал «Наш путь» статью «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского», которая была опубликована в № 18 этого журнала от 17 июня ст. ст. См. выше перепечатку этой статьи.

[3] Других материалов, характеризующих взаимоотношения Г. В. Плеханова с редакцией журнала «Наш путь», в архиве Плеханова не имеется. Статьи о Добролюбове для этого журнала Плеханов, очевидно, не написал, во всяком случае в просмотренных номерах за 1911 и 1912 гг. она отсутствует.

№ 11. Н. А. ГЕРЦЕН — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

Лозанна, 29 февраля 1912 г.

Lâusanne
55, Avenue de Rumine.

Дорогой гражданин!

Заболевание глаз мешало мне читать и писать в течение нескольких недель. Вот почему я никак не могла поблагодарить вас раньше за любезную присылку ваших статей о Герцене. Теперь, наконец, я прочла их и спешу высказать вам то удовольствие, которое мне доставило это чтение. Что мне особенно в них понравилось, это ваше беспристрастие, столь редкое в наши дни в России, среди партийных людей. Кроме того, я с радостью нашла в них некоторые отзвуки вашей прошлогодней лекции о моем великом отце, лекции, которая была для меня самым выдающимся моментом апрельских торжеств и которая останется моим лучшим воспоминанием о них [2].

Прошу вас, дорогой гражданин, передать мой почтительный привет мадам Плехановой и верить в мою душевную преданность.

Н. Герцен

[1] Письмо старшей дочери А. И. Герцена, Наталии Александровны, публикуется впервые, в переводе с французского оригинала на пишущей машинке с автографом Н. Герцен.

[2] Речь идет о лекции Плеханова «А. И. Герцен и освобождение крестьян», прочитанной в апреле 1911 г. по поводу 50-летия освобождения крестьян (см. вводную статью к указанной публикации).

№ 12. М. М. ЛИТВИНОВ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

Лондон, 30 августа 1912 г.

Russian Herzen Circle
Hon. Secretary:
M. Harrisson
35, Mornington Crescent
N. W.

Многоуважаемый товарищ!

Совет Кружка имени Герцена в Лондоне, узнав о Вашем предстоящем приезде сюда, поручил мне обратиться к Вам с просьбой прочитать один или несколько рефератов или лекций в пользу местной эмигрантской кассы.

Желательно бы иметь один реферат о Герцене, но выбор тем, конечно, предоставляется Вам.

Кружок наш беспартийный и состоит преимущественно из социал-демократов эмигрантов и имеет своей задачей эмигрантскую взаимопомощь.

Позволяем себе надеяться, что не откажете в исполнении нашей просьбы и укажете нам хоть приблизительно, если нельзя точно, время Вашего приезда. Помещение для рефератов приходится снимать здесь заблаговременно.

С товарищеским приветом
Секретарь *М. Гаррисон*

Лично я буду чрезвычайно рад пожать Вашу руку. Надеюсь, помните меня.

(*Папаша*)[2]

[1] Письмо печатается впервые, с оригинала.

[2] Это письмо М. М. Литвинова Г. В. Плеханову относится к тому периоду деятельности Плеханова, когда он сближался с большевиками в борьбе против ликвидаторов.

ПЕРЕПИСКА Г. В. ПЛЕХАНОВА С А. М. ГОРЬКИМ

В настоящий отдел вошли семь писем, из них три письма Плеханова, напечатанные в т. XXIV Собр. его сочинений, и четыре письма Горького, появляющиеся в печати впервые.

№ 1. Г. В. ПЛЕХАНОВ — А. М. ГОРЬКОМУ [1]

Сан-Ремо, 21 декабря 1911 г.

Глубокоуважаемый и всегда дорогой мне, — хотя лично и мало знакомый, — Алексей Максимович, Ваше письмо и Ваша книга были посланы Вами мне в Женеву, между тем как я по зимам вот уже второй год живу на итальянской Ривьере. Оттого вышло некоторое опоздание. Но в конце концов они до меня дошли, и Вы не можете представить себе, как я обрадовался им [2]. От души благодарю Вас за память обо мне. Ваши произведения я всегда читаю, как только они появляются. Но на этот раз мне еще не удалось прочесть окончание «Кожемякина». Тем приятнее было ознакомиться с ним по экземпляру, Вами мне присланному. Еще раз большое спасибо.

Вы хотите знать мое мнение об этом Вашем труде? Вот оно.

Пушкин, прочитавши принесенную ему Гоголем рукопись «Мертвых душ» в первом наброске, воскликнул: «Боже, как, однако, грустна Россия!» То же должен будет сказать про себя каждый серьезный читатель, вдумавшись в «Кожемякина»: «Грустна Россия!» И это впечатление грусти, глубокой, захватывающей грусти, долго не исчезает по прочтении книги. По крайней мере, оно долго не оставляло меня. И теперь, когда я вспоминаю «Кожемякина», я повторяю: «Грустна Россия!» Но это впечатление грусти, разумеется, не вина автора, а его большая заслуга: ведь как нельзя более грустен тот предмет, за изображение которого он взялся. В его книге мы имеем дело все с той же мрачной средой, все с тем же «темным царством», которое изображал еще Островский. Добролюбов думал, что уже конец пришел этому темному царству, а оно просуществовало 50 лет после его смерти, да и теперь продолжает существовать, вися, как тяжелая гиря, на ногах русского народа. Но история не оставляет в покое этого царства, она подсылает в него микробы мысли, которые вызывают в нем брожение и разложение. В «Кожемякине» именно и изображен процесс такого брожения, и изображен мастерскою рукою. Кто хочет ознакомиться с этим процессом, тот *должен будет* прочитать «Кожемякина», как *должен* прочитать некоторые сочинения Бальзака тот, кто хочет ознакомиться с психологией французского общества

времен реставрации и Луи-Филиппа. Раз это так, — а я уверен, что это так, — то автор может гордиться своим делом.

Наша критика отнеслась к «Кожемякину» не весьма благосклонно. Но ведь наша критика не может простить Вам того, что Вы социалист. Она пела Вам восторженные похвалы, пока думала, что из Вас выйдет художник-*ницшеанец*. А когда увидела, что Вы перешли ницшеанский предел, она обиделась, огорчилась и принялась оплакивать «конец Горького» [3]. Всем этим Вы опять можете только гордиться. Что касается частностей, то я отмечу ту психологическую черту Вашего героя, которая показывает в нем хозяина, решительно не могущего понять, как это люди могут ставить его на одну доску с его работником или дворником, — это все равно, — Максимкой. Это черта очень важная для человека, занимающегося социальной психологией.

Позвольте мне в свою очередь послать Вам начало моей статьи о Герцене. Конец появится в декабрьской книжке «Современного мира». Вы увидите из нее, что меня очень интересуют вопросы социальной психологии. Не откажите написать, находите ли Вы, что есть кое-что верное в соображениях, высказанных мною. Ваш отзыв будет иметь для меня большое значение. Вообще, если не позабудете Вашего товарища по партии и по изгнанию и также Вашего горячего поклонника Г. Плеханова, он будет Вам глубоко благодарен.

P. S. Надеюсь, что письмо и статья дойдут, несмотря на краткость адреса.

Ваш *Г. Плеханов*

P. S. Адрес мой здесь напечатан. Для верности прибавьте разве после Сан-Ремо — Provincia di Porto Maurizio.

Г. П.

[1] Три письма Г. В. Плеханова — А. М. Горькому впервые были опубликованы в журнале «Под знаменем марксизма» 1923, № 6—7, стр. 109—111, откуда были перепечатаны в Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XXIV, стр. 340—343.

[2] Письмо и книга, посланные Горьким, в архиве Плеханова не сохранились.

[3] Имеется в виду статья Д. Философова в «Русской мысли» 1907 г., № 4 «Конец Горького».

№ 2. Г. В. ПЛЕХАНОВ — А. М. ГОРЬКОМУ

Сан-Ремо, 2 июля 1913 г.

Многоуважаемый и дорогой Алексей Максимович! Прежде всего позвольте поблагодарить Вас обоих за то очаровательное (поистине очаровательное!) радушие, с которым Вы нас приняли у себя на Капри. Моя жена говорит, что из всех впечатлений, вынесенных нами из поездки на юг Италии, самым приятным и сильным было впечатление, доставленное экскурсией к Вам. Я совершенно согласен с ней. Я видел много людей, но редко я выносил из встреч с ними такой запас бодрости, какой вынес я из последней встречи с Вами. Будьте здоровы, это все, чего можно пожелать Вам, — все остальное у Вас есть: талант, образование, энергия, светлая вера в будущее и прочие, этим

подобные, неоцененные блага. Живите еще долго и долго и обогащайте нашу художественную литературу Вашими произведениями.

Я получил «Записки проходящего» и «Хозяина». Большое спасибо. На днях я примусь за их чтение. До сих пор не мог сделать это, ибо был завален не терпящей никакого отлагательства работой.

Письму моему суждено быть переполненным всякого рода «спасибо». Спасибо еще за книги, одолженные мне Вами для чтения, я очень скоро верну их. Не откажите одолжить мне еще «Записки Желябужского»[1],— они, если не ошибаюсь, есть у Вас.

Крепко жму руку Вам обоим. Жена просит передать Вам и Екатерине Павловне свой горячий привет. Она собирается особо писать Вашей супруге. От всей души преданный Вам

Георгий Плеханов

№ До свиданья.

[1] *Желябужский*, Иван Афанасьевич (1638—1709) — московский служилый человек конца XVII и начала XVIII в. Оставил после себя записки, охватывающие время с 1682 по 1709 г., интересные для характеристики петровского правительства и общества. Впервые они были изданы Туманским в его собрании «разных записок и сочинений, служащих к доставлению полных сведений о жизни и деяниях Петра Великого». Отдельно были изданы Языковым, Спб., 1840 г.

№ 3. А. М. ГОРЬКИЙ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

Капри, 7 июля 1913 г.

Сердечно благодарю Вас, Георгий Валентинович, за доброе письмо ваше; я очень тронут и ободрен вашим отношением ко мне, и — вы представить себе не можете, как дорого и важно мне именно теперь хорошее человечье слово. Спасибо.

Позвольте послать вам еще рассказ мой, — человек, более талантливый, чем я, сделал бы из этой темы вещь очень нужную, очень своевременную.

В. Г. Короленко пишет, что его здоровье сильно пошатнулось, доктора запрещают работать. Очень грустное письмо.

А из Питера сообщают, что юбилейные торжества [2] сильно подняли дух людей, правящих Русью, и что «возможны события весьма фантастические» как в области внутренней политики, так и в области внешней.

Есть слух, что в министерстве финансов разработан проект устройства сельских банков и что будто бы предполагается открывать оные прежде всего в губерниях со сплошным великорусским населением. Характерно столько же, как и пагубно. Обращают внимание на то, как критикуется личность Дмитрия Павловича [3], и говорят, что де осенью он будет объявлен наследником престола.

Вообще пишут много интересного и тревожного, а что правда, трудно понять. Одно ясно: идет какая-то большая игра, и думается, что реакция будет еще круче.

Будьте здоровы, дорогой Георгий Валентинович, прошу вас передать мой почтительный привет Розалии Марковне.

«Записки» Желябужского отправлены вам вчера.

А. Пешков

[1] Это письмо А. М. Горького к Г. В. Плеханову, как и все следующие, помещаемые в данном сборнике, публикуются впервые, с оригинала.
[2] 300-летие царствования Романовых.
[3] Великий князь, принявший участие в убийстве Распутина.

№ 4. Г. В. ПЛЕХАНОВ — А. М. ГОРЬКОМУ

Женева, 3 сентября 1913 г.

Хочу посоветоваться с Вами, дорогой и уважаемый Алексей Максимович. Получил я сегодня прилагаемое письмо, которое прошу Вас вернуть мне [1], и недоумеваю. Название — «Вестник знания» — как будто похоже на название того издательства, к которому Вы имели и имеете отношение [2]. Между тем о Вас — ни слова. Что-то тут не так. Разъясните, если слыхали о «Вестнике» en question *.

Если бы издатели «Вестника» были порядочными людьми, то я не прочь был бы издать томик моих статей. Но, разумеется, *только* в том случае, если они порядочные люди. А буде *нет*, то я позволю себе поставить Вам новый вопрос: не знаете ли Вы такого издательства, с которым можно было бы войти в сделку по части издания тома моих статей, появившихся в журналах, но не вышедших отдельно? Буду благодарен за скорый ответ.

А Вы как? Скоро ли едете в Россию и заедете ли ко мне? Не буду повторять Вам, что мы все будем страшно рады этому. Как здоровье Вашей супруги и сына? Крепко жму Вашу руку. Привет Вам обоим от моей жены.

Ваш *Г. Плеханов*

[1] Плеханов имеет в виду следующее письмо редактора-издателя «Вестника знания» В. В. Битнера от 26/13 августа 1913 г.:

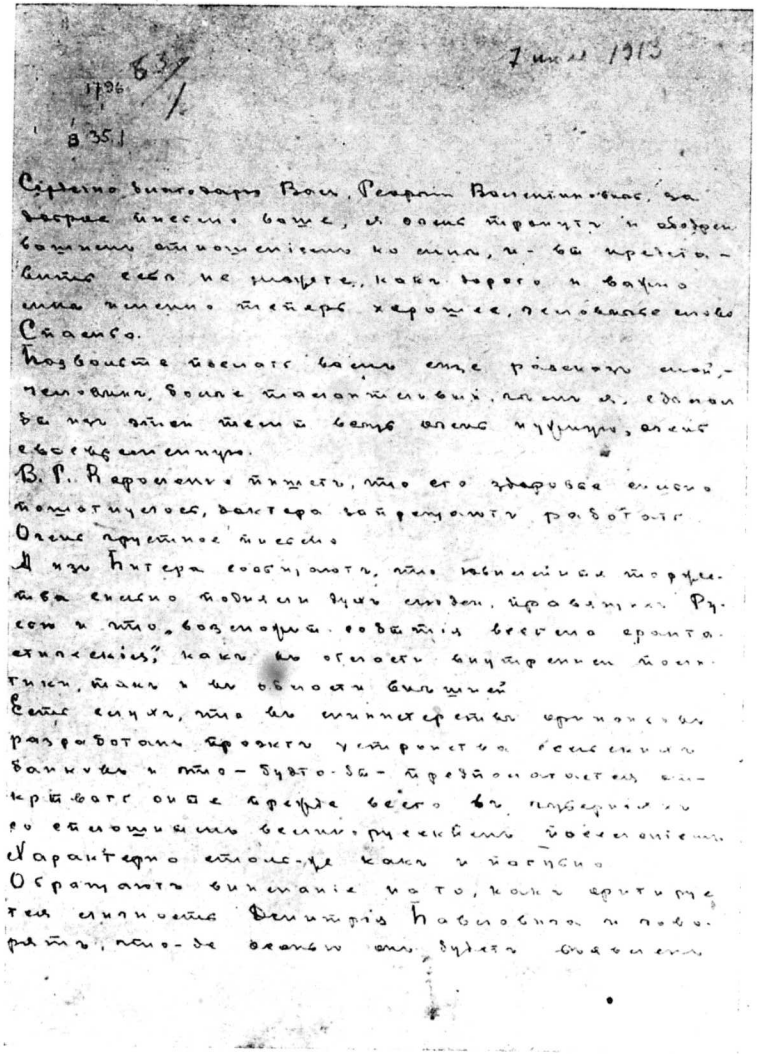
«Многоуважаемый Георгий Валентинович,

Зная Вас, как партийного деятеля, поддерживающего органы, родственные Вам по духу, я тем не менее не сомневаюсь, что Вам не безразличны и те слои демократической интеллигенции, которые взялся обслуживать «Вестник знания». Не принадлежа к выразителям определенного направления, наш журнал занимает, однако, резко очерченную позицию, с которой он считает возможным проповедовать и взгляды, разделяемые Вашими единомышленниками. Для популяризации идеалов социализма в с.-р-ском и с.-д-ском направлениях «Вестник знания» сделал очень много, и в нем участвует немало сотрудников органов, в которых пишете и Вы, Георгий Валентинович.

Это обстоятельство дает мне надежду, что моя просьба о предоставлении «Вестнику знания» права дать в приложении ряд литературных статей Вашего пера в общем в виде книги в 8—10 листов [будет исполнена]».

[2] Плеханов имеет в виду книгоиздательство «Товарищество Знание», основанное в 1898 г. в Петербурге группой литераторов. С 1900 г. в издательство вступил М. Горький, с приходом которого «Товарищество Знание» стало крупным литературным органом реалистического направления, издававшим произведения всех крупнейших русских и иностранных авторов этого направления.

* — о котором идет речь. — *Ред.*



Письмо А. М. Горького к Г. В. Плеханову от 7 июля 1913 г.

№ 5. А. М. ГОРЬКИЙ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Капри, 5 сентября 1913 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

«Вестник знания» — суть предприятие некоего г. Битнера, основанное им 10 лет тому назад в годы популярности «Знания» [1] на Нев-

А. М. ГОРЬКИЙ

ском, 92. Для ознакомления с журналом этим посылаю вам одну из его книжек [2], сожалея, что не могу послать нескольких.

На мой взгляд журнал представляет собою окрошку для духовно-голодных, а затеян не столь того ради, чтобы питать их, сколько ради уловления пятаков. Я слежу за ним в течение нескольких лет и — мне кажется — что редакция его очень небрежна, не весьма грамотна и лозунг ее: «вали все в кучу, читальщик разберет».

Но — нахожу необходимым указать, что журнал все-таки нашел читателя и, кажется, даже более: существуют «кружки подписчиков «Вес[тника] знания»; в прошлом году Битнер праздновал десятилетний юбилей дела, съехались подписчики и очень лестно хвалили Битнера. Говорят, — кое-что было подстроено для рекламы, но — сие не очень важно, я думаю.

Важно же то, что около этого «Вестника» группируется несколько тысяч человеков из глухой провинции русской и «Вестник» чем-то и как-то объединяет их.

Рабочие, сколько я знаю, не любят сей журнал. Вот и все, что могу сказать по поводу «Вестника».

В «Знании» я давно уже не участвую, хотя там завязли все мои деньги, да и книги. Кажется — все пропало или скоро пропадет.

Ответить вам на вопрос об издании книги вашей сейчас не могу. Другое дело, когда буду в России. А когда буду — не ведаю.

Заболел сын, возможно — что опасно, сейчас еду к нему, в Неаполь. Грозит операция. Вот почему письмо мое, м[ожет] б[ыть], покажется вам не очень толковым. Вы извините, очень волнуюсь. А тут еще — безденежье давит!

Будьте здоровы, всего хорошего! Кланяюсь сердечно супруге вашей.

А. Пешков

[1] А. М. Горький имеет в виду литературно-художественные сборники «Товарищества Знание», выходившие с 1904 по 1913 год и издававшиеся одноименным издательством.

[2] В библиотеке Плеханова имеется один номер этого журнала от ноября 1912 г., вероятно это и есть экземпляр, присланный А. М. Горьким.

№ 6. А. М. ГОРЬКИЙ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

[Капри, сентябрь—октябрь 1913 г.]

Уважаемый Георгий Валентинович!

Посылаю «Тарантас» [1], четыре тома Брамбеуса [2] и забавную книжку его жены [3]. Если нужны остальные 5 томов, сообщите, немедля вышлю.

Вопрос о переезде на Русь — решен положительно, но я не могу ехать пока, ибо — нездоров. Оказалось, что правое легкое у меня в сильнейшем беспорядке, и вот уже более полутора месяцев я пресерьезно лечусь. Буду лечиться еще столько же.

Позвольте по этому поводу сообщить вам нижеследующее: есть довольно убедительные основания думать, что доктор Ив. Иванович Манухин нашел верный способ борьбы с туберкулезом и другими болезнями этого порядка. Способ этот таков. Манухин подвергает селезенку освещению лучами Рентгена, что, одновременно, усиливает

деятельность кровеобразующего органа и вызывает лейкоцитолиз — распад лейкоцитов. Распадаясь, лейкоциты, видимо, образуют противоинфекционную среду — орибрин, действующий на палочки Коха губительно.

В моем случае эти окаянные палочки совершенно исчезли после трех освещений, а присутствие их в мокроте было установлено исследованием в институте Пастера. Немедленно после первого же освещения t° упала до нормы, увеличился аппетит. В начале лечения я весил 72,100, теперь 75,800. Манухин работал два года у Мечникова [4], и хотя его теория лейкоцитоза в противоречии с учением Ильи Ильича, но последний убедил М[анухи]на опубликовать результаты его работ от имени института. Суть опытов такова: десять обезьян заражены сильнейшей культурой туберкулеза, пять подвергнуты освещению, пять оставлены для контроля и в 37 дней все умерли, при явлениях общего туберкулеза. А подвергнутые освещению были, через некоторое время, убиты, причем исследование установило, что туберкулеза у них нет. Это — почти чудо.

Затем Манухин взял больного в третьем периоде и вылечил его, эта история болезни тоже издана. Я — второй человек в практике Манухина и, вы представить себе не можете, как я рад, что мне довелось хоть косвенно принять участие в опытах Манухина. Мне думается, что он на верном пути, — ведь рано или поздно, но наука непременно откроет способы пользования силами самого организма в борьбе с болезнетворными началами. А, потом, — в этом методе так много человечьего ума, который я страшно люблю во всех его проявлениях.

Я расписал все это так длинно на тот случай, что, может быть, Манухин заинтересует супругу вашу? Если бы она пожелала ознакомиться с его работами и докторской диссертацией «О лейкоцитолизе»,— ей стоит только написать Ман[ухи]ну: Париж, Институт Пастера, — он вышлет ей брошюры и книги. Это очень скромный человек, горячо увлеченный своим делом. Кстати: бывший большевик!

Дело Бейлиса [5] натянуло мне нервы так, как никогда не было со мною, — читая отчеты «Киевской мысли» [6], чуть не реву со стыда и со зла. Я уверен, что это грязное лживое «дело» не только утвердит в Европе мнение о нас, как об азиатах и дикарях, но,— что гораздо хуже, — будет иметь какие-то очень тяжкие практические последствия в области политики, а особенно — финансовой. Отомстят нам за это «дело» и — будут правы, как бы жестоко ни отомстили. Думаю, что этот акт разбушевавшейся контрреволюции создаст в Европе то отношение к нам, какое было перед Севастопольской кампанией. И — хуже еще создаст.

Ведь несомненно, что нас снова собираются бить, что столкновение с Австрией — неизбежно. Видели вы манифест польской «Временной комиссии»? Мне чудится, что это движение развивается не без участия Австрии, а что оно развивается — это я знаю не по манифесту. Я уверен также, что в будущей драке мы останемся одни, без союзников, и что симпатии культурной Европы будут не на нашей стороне. Конечно, — «за битого двух небитых дают» — но мне всегда казалось,

что это слишком русская пословица и — противная. Когда мы начнем жить по-европейски и — начнем ли? — вот вопрос! Я очень хорошо знаю, что сейчас в русской демократии прекрасное, бодрое настроение, что она очень много работает, но я знаю также, что ей нехватает организационных сил, что идея социализма не глубоко вошла в ее сознание и что русский социалист философствует, как буржуа. Не редкость интеллигентный рабочий, утверждающий, что «Философия хозяйства» Булгакова [7] — социалистическая книга. Рабочий, который кричит, что «и у буржуазии есть свои достоинства: Маркс считал именно ее главным рычагом прогресса», — такой рабочий феномен, возможный только у нас.

Я думаю, что будущая война не принесет нашей демократии и той малой пользы, которая дана была японской войной, напротив: можно ожидать, что сильно разовьется национализм и патриотизм, которым ослепят очень многих.

Может быть, я ошибаюсь, путаю, но — таковы впечатления, приходящие и привозимые из России. Возможно, что я неверно делаю выводы, возможно, но — столько всюду гадкого, разрушенного и гниющего, что — право же — дышать трудно! И уж очень развращается демократия нашими доморощенными мудрецами, — вот это тяжелее всего!

Извините меня, Георгий Валентинович, за это длинное и несуразное послание, — весьма смущен душой я! Очень уж обильны впечатления отрицательные.

Сердечно желаю всего доброго!

А. Пешков

Почтительно кланяюсь супруге вашей.

[1] «Тарантас» — самая значительная из повестей Владимира Александровича Соллогуба, писателя из разоряющегося дворянского рода, автора повестей и водевилей. «Тарантас» дает реалистическую картину России 40-х годов.

[2] *Брамбеус* — псевдоним Осипа Ивановича *Сенковского* (1800—1858) — критика, писателя и ученого востоковеда. Редактор и главный сотрудник журнала «Библиотека для чтения», Сенковский, приспособляясь к официально-политическим воззрениям, вел в нем ожесточенную борьбу с передовыми мыслителями того времени, особенно с Белинским, высмеивал Лермонтова и Гоголя, восхвалял Кукольника. Собрание его сочинений вышло в Спб., в 1858—1859 гг., в 9 томах.

[3] *Сенковская*, Аделаида Александровна (1806—1859), жена О. И. Сенковского, написала ряд повестей в «Библиотеке для чтения» и биографический очерк «Осип Иванович Сенковский», Спб., 1859; ею же изданы сочинения ее мужа.

[4] *Мечников*, Илья Ильич (1845—1915) — выдающийся русский ученый.

[5] Дело Бейлиса — процесс еврея Бейлиса, приказчика кирпичного завода Зайцева в Киеве, по обвинению в убийстве христианского мальчика с ритуальной целью, — слушалось в Киеве в сентябре-октябре 1913 г. Процесс этот был организован правительством и черносотенцами с целью вызвать еврейские погромы.

[6] «Киевская мысль» — газета либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции. Выходила в Киеве с 1900 по 1918 г. В «Киевской мысли» сотрудничали меньшевики. В годы империалистической войны газета заняла шовинистскую позицию.

[7] *Булгаков*, Сергей Николаевич (род. 1871) — экономист и публицист, эволюционировавший от «легального марксизма» к ревизионизму, мистицизму, православию и крайней монархической реакции. В настоящее время Булгаков — белоэмигрант.

№ 7. А. М. ГОРЬКИЙ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Мустамяки [20]/7 июля 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

По предложению А. И. Чхенкели [1] мною посланы вам рукописи Вечасо Триадзе, посылка идет через Stockholm. Рукописи получены мною с Капри в том порядке, как они были оставлены мне автором, и, таким образом, слухи о приключении, якобы испытанном этими рукописями, — безусловно выдуманы.

Вот я живу в России, а чувствую себя на чужой стороне, — как это ни странно. Вы и представить себе не можете, до чего здесь все изменилось к худу и добру, а куда больше — не знаю, не понимаю.

Шестеро штукатуров, которые мажут дом, где я живу, по вечерам беседуют со мною, превосходно и ядовито критикуя Думу, Малиновского [2], суд над адвокатами [3], закон 9-го ноября [4], а один из них — безносый — милостию Венеры — говорит: «Ожидалось, что Дума будет для земли нашей прожектором, освещать грязь и темноту будет, а в нее наложили гнилушек, подобно как в старый сарай».

А банковский служащий, бывший с.-д., очень положительно заявляет: «Интеллигентный человек не может — мало того — не должен жить иначе, как на 500 р. в месяц».

Другой внушает окружающим: «Мудрейший человек современности — Максим Ковалевский, это он пророчески предсказал, что наша революция совпадет с религиозной реформацией». — Тоже — с.-д.!

Все это страшно интересно, но порою — жутко немножко. Резко и очень к лучшему изменился тип рабочего, — с каким напряжением учатся люди, как стойко выносят «неудобства русской жизни». Даже судебный следователь и тот сказал мне: «Огромнейшую работу совершает на Руси пролетариат, и духовный рост его просто — сказочен».

Вообще — в этой области — все радует и удивляет. А вот — в литературе, в журналистике — творится нечто отчаянное, идет процесс духовного разложения, растет и цинизм, и все какие-то полумертвые. Рабочие очень ждут вашу книгу [5]. Жалуются — нечего читать! Брошюра — не в чести. Сильно развился критицизм и скептическое отношение к «интеллигенту», — это последнее обещает не мало плохого в будущем, как мне кажется.

Процесс адвокатов весьма возбуждает общество. Сегодня вынесут им обвинительный вердикт, что вызовет некоторые события, кажется, весьма интересные [6].

До свидания, Георгий Валентинович, желаю вам доброго здоровия.

Сердечный поклон супруге вашей,

А. Пешков

Мустамяки, Финляндской ж. д.
Via Stockholm.

[1] *Чхенкели*, Акакий Иванович (род. 1874) — адвокат, меньшевик. Политическую деятельность начал в Грузии. В годы реакции — ярый ликвидатор, во время войны — социал-шовинист. С февральской революции — контрреволюционер. В настоящее время — белоэмигрант.

[2] *Малиновский*, Р. В. (1876—1918) — провокатор, член IV Государственной думы от рабочей курии, состоявший секретным сотрудником департамента полиции. Летом 1913 г., боясь разоблачения, Малиновский принужден был выйти из Государственной думы и уехать за границу. В 1918 г. был расстрелян по приговору Верховного трибунала.

[3] Речь идет о процессе 83 петербургских адвокатов, привлеченных к ответственности за резолюцию протеста по поводу дела Бейлиса, принятую ими на общем собрании присяжных поверенных 5 ноября/23 октября 1913 г. Процесс происходил 17—19/4—6 июня 1914 г.

[4] Горький имеет в виду столыпинскую реформу, направленную на ликвидацию крестьянской земельной общины путем предоставления крестьянам права закреплять за собой в собственность общинные наделы земли и выделять свои участки на отруба и хутора. Указ о «выходе из общины» был издан 9 ноября ст. ст. 1906 г. и утвержден как закон 14 июня ст. ст. 1910 г. Столыпинская земельная реформа сыграла большую роль в развитии кулачества в деревне.

[5] Вероятно, речь идет об «Истории общественной мысли», первый том которой вышел в июне 1914 г. в издательстве «Мир».

[6] Адвокаты, привлеченные к ответственности за резолюцию протеста по делу Бейлиса, были приговорены 19/6 июня 1914 г. к тюремному заключению, что вызвало забастовку протеста в Петербурге, продолжавшуюся от 19 до 24/6 — 11 июня.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

АНАРХИЗМ
— и государство — **253**.
— и собственность — **254**.
АНДРЕЕВ
— и Метерлинк — **276—279**.
— и романтики — **278—279**.
— и Толстой — **278—279**.
— индивидуализм — **276—278**.
— как художник — **278**.
— о боге — **276—279**.
— о мещанстве — **276—278**.
— пессимизм — **276—279**.
— символизм *см.* Символизм Андреева.

БАКУНИН
— и Белинский *см.* Белинский и Бакунин.
— и Герцен *см.* Герцен и Бакунин.
— и Маркс — **333, 339**.
— и Прудон — **331, 338**.
БЕЛИНСКИЙ
О Белинском
— Герцен — **67, 122—123, 127, 129**.
— Некрасов — **131, 136, 265, 267**.
— Одоевский — **162, 166**.
— Панаев — **122, 127**.
— современники — **335, 339—340**.
— Чернышевский — **186—187, 198**.
Белинский о
— Байроне — **146, 154**.
— Вольтере — **112, 135, 147**.
— Герцене *см.* Герцен — Белинский о Герцене.
— Гоголе *см.* Гоголь — Белинский о Гоголе.
— Гюго — **112—113, 115**.
— Диккенсе — **149, 157**.
— Жорж Занд — **112**.
— Жуковском — **112**.
— Кантемире *см.* Кантемир — Белинский о Кантемире.
— Лермонтове — **139—141, 149, 155, 157, 175**.
— Некрасове *см.* Некрасов — Белинский о Некрасове.
— Пушкине *см.* Пушкин — Белинский о Пушкине.
— Сумарокове — **295, 298**.
Белинский и
— Бакунин — **57, 160—161, 165, 177—178**.
— Боткин — **128, 148, 156—157, 333, 339**.
— Герцен *см.* Герцен и Белинский.
— Грановский — **128—129, 132, 136**.
— Катков — **178**.
— Майков, В. Н. — **150, 158**.
— Маркс — **135, 162, 166**.
— Надеждин — **160, 163, 175**.
— Писарев *см.* Писарев и Белинский.
— Чернышевский — **128, 147, 154, 185—186, 197—198**.
— Шиллер — **77, 105, 137, 161, 164**.
Литературно-критические взгляды:
Белинский
— взгляд на задачи и характер критики — **112—113, 116, 147, 149—150**.
— влияние немецких идеалистов — **110—111**.
— и примирение с действительностью — **110—112**.
— критерий оценки художественных произведений — **120**.
— народность поэзии — **148, 157**.
— о таланте — **162, 166**.
— роды поэзии — **111—112**.
— роль литературы в России — **295, 298**.
— русская литература XVIII — начала XIX в. — **381, 386**.
— русская народная поэзия — **175—176**.
— русская сатира XVIII в. — **295, 298**.
— трагедия — **112, 147, 154**.
— французская литература XVII и XVIII вв. — **114, 118, 149, 157**.
— французская литература и критика — **110—112, 147, 154**.
Социально-исторические взгляды:
Белинский
— и исторический материализм — **133—135, 177—178**.
— и славянофильство — **58, 64, 67, 126, 135, 138, 147—148, 162, 166, 177—178**.
— и утопический социализм — **129—131, 134—135, 138, 162**.
— и французская буржуазная революция 1830 г. — **130—131**.
— и шестидесятники — **218**.
— как предшественник российской социал-демократии — **134—135, 138, 144, 177**.
— как революционный демократ — **123—124, 130—131, 133**.
— о буржуазии — **57, 61, 135, 138, 145, 177**.
— о дворянстве — **113, 116, 138**.
— о женщине — **114, 117—118**.
— о классовой борьбе — **130—131**.
— о народе — **50, 57, 59, 130—131, 134—135, 138, 144—145, 147—148, 155**.
— о николаевской России — **134, 161, 163, 165**.
— о проблеме любви и брака — **113, 116**.
— о пролетариате Западной Европы — **59, 130—131, 134—135, 138, 144—145**.
— о роли интеллигенции — **145**.
— о соотношении личности и общества — **147—148, 154, 156, 160, 165**.
— учение о нравственности — **150, 156**.
— философия истории — **68, 78, 96, 105, 113, 116, 133—134, 147—148, 152, 156**.
Философские взгляды:
Белинский
— и «абстрактный героизм» — **68, 77, 97, 105, 132, 137, 161, 164, 185—186**.
— и гегельянство — **113, 116, 132—135, 146—147, 149, 151, 154, 160—162, 164—165, 175—178, 185—186**.
— и материализм Фейербаха — **134, 137, 143, 177**.
— и «разумная действительность» — **133—134, 137, 146, 154, 160—165, 178, 185—186**.
— о разуме и рассудке — **152, 159**.
— о религии — **112, 115**.
— эволюция философских взглядов — **132—135, 143, 147, 160—161, 163—164, 175—177**.
Эстетические взгляды:
Белинский
— задачи искусства — **146, 149—150, 153—154, 158**.
— искусство в капиталистическом обществе — **128**.
— «искусство для искусства» и идейное искусство — **114, 118, 149, 153, 333**.
— искусство и действительность — **114—115, 149—150, 152—153, 175—176**.
— искусство и другие идеологии — **149, 158**.
— исторический характер искусства — **149, 158**.
— объективность в искусстве — **148, 153—156**.
— форма и содержание — **152**.
— чувство изящного — **148, 157**.
Белинский
— его значение в истории русской общественной мысли — **120, 124—125, 135**.
— его значение как критика — **112—115, 139—140, 141, 144, 162, 209**.
— и кружки 30-х и 40-х гг. — **329, 337**.
— и правительство Николая I — **120—121, 125, 131, 135, 177**.
— как предшественник разночинной интеллигенции — **128, 132**.
— как революционный просветитель — **113—115, 117, 185—186, 199**.
— политическая страстность — **123—124, 126—127, 129, 135—136**.

ГЕГЕЛЬЯНСТВО — **132—135, 177—178**,
ГЕРЦЕН
О Герцене
— Белинский — **67, 129**.
— Ленин — **VII, 50**.
Герцен о
— Белинском *см.* Белинский — Герцен о Белинском.
— Гоббсе — **70**.
— Лермонтове — **74, 83**.
— Шеллинге — **69, 79, 92**.

* В настоящем сборнике помещено большое количество подготовительных работ — конспектов, планов, заметок на полях книг и т. п., — в которых мысли Плеханова не нашли полного развития, как в статьях, и имеют форму намеков, иногда с трудом поддающихся расшифровке. Эти намеки по возможности вскрыты в комментарии. Поэтому многие отсылки к страницам текста станут понятными лишь при обращении к данным в указателе страницам относящегося к ним комментария. — *Ред.*

— Юме — **70, 79.**
Герцен и
— Бакунин — **56—57, 85, 329, 337.**
— Белинский — **50, 57—59, 67, 77, 84, 96—97, 101, 105—106, 134, 161—162, 165—166, 177, 329, 337.**
— Бэкон — **94—95.**
—Гегель — **67—70, 75—76, 78, 84, 88, 93—94, 104, 133, 177, 332, 338.**
— Кант — **85, 89.**
— Лавров — **69, 79, 84, 92, 103.**
— Лейбниц — **85, 88.**
— Лермонтов — **32—33, 39, 46.**
— Маркс — **68, 78.**
— Мицкевич — **67, 76, 86—87, 90.**
— Писарев — **330, 337.**
— Прудон — **72, 84, 88, 97, 101, 105—106.**
— Самарин — **3—5, 11, 14—16, 18—21.**
— Станкевич — **332, 338.**
— Фейербах — **9, 74, 82, 85, 88—89, 91.**
— Чаадаев — **57—58.**
— Чернышевский — **4, 21, 42—43, 45, 48, 97, 102, 105, 107.**
— Энгельс — **84, 88, 92, 103—104.**
Социально-исторические взгляды:
Герцен
— и дворянство — **41, 44, 47, 57, 62—63, 71, 74.**
— и декабристы — **30—31, 38, 46.**
— и интеллигенция — **43, 45, 48, 61, 71—72, 74—75.**
— и классовая борьба — **62, 68, 72—74, 81, 86, 89—90, 101—102, 106.**
— и крепостное право — **29—30, 33—52.**
— и крестьянские восстания — **45, 52.**
— и народ — **41, 44, 50, 52, 59—61, 68, 71, 75, 77, 80, 86, 89—91, 101, 103, 107.**
— и народничество — **35, 43, 45, 48, 53, 56—57, 62, 84—85, 97, 99, 106.**
— и польское восстание 1863 г. — **4, 10—13, 18, 21, 43, 45, 48.**
— и пролетариат — **46, 59—61, 71—74, 80, 100—103, 106—107.**
— и религия — **5, 18, 99.**
— и русская община — **44, 46, 54—56, 62—63, 71, 74, 101, 106.**
— и самодержавие — **35—36, 41—48, 52, 71, 80.**
— и славянофильство — **54—58, 64, 67, 71, 73—77, 80, 82—87, 90—91, 98—99, 105—106.**
— и социалисты - реформисты — **86, 89.**
—и социалисты-утописты — **33—34, 39, 46, 54, 59, 70, 79.**
—и французская революция 1848 г.— **40, 46, 54, 56—57, 60—62, 65, 70, 73, 98, 105.**
— и шестидесятники — **33, 42—43, 51—52.**
— как западник — **55—56.**
— как революционный демократ — **9—13, 17—18, 42—45, 47—48, 52—54, 68, 73—74, 77, 82, 86, 89—90, 103.**
— как социалист-утопист — **5—7, 15—16, 19, 36—37, 46, 50, 53—54, 59, 68, 78, 84, 86—87, 90—91, 101, 103, 106—107.**
— колебания между революционной демократией и либерализмом — **35—37, 68, 77, 106.**
— о Германии — **53, 55, 68, 78.**
— о движущих силах социалистического переворота — **71, 80.**
— о европейской буржуазии — **58, 61, 72.**
— о крестьянстве — **74—75, 83.**
— о мещанстве — **40—41, 46, 58—59, 61, 70—74, 80, 82, 100, 102, 106—107.**
— о николаевской России — **67, 76, 132, 134, 161, 165.**
— о подполье — **30, 48.**
— о политике — **34, 101, 106.**
— о преступлении и наказании *см.* Преступление и наказание — точка зрения Герцена.
— о славянских народах — **86—87, 90.**
— о социализме — **71—73, 75, 83.**
— отношение к западничеству и славянофильству — **35, 53—59, 67—68, 71, 75, 82—83.**
— о французах — **379—380, 385.**
— о французской буржуазной революции 1789 г. — **67, 85.**
— отношение к Западной Европе — **40—41, 50, 53—57, 72—75, 82, 84—86, 89—91, 99.**
— учение о нравственности — **8—9, 102.**
— философия истории — **67—70, 72—73, 75—76, 78—79, 81—83, 86—87, 90, 93, 96—97, 105.**
Философские взгляды:
Герцен
и диалектика — **69, 84, 88, 100.**
— непоследовательность материализма — **67—70, 77—79, 84—85, 87—89, 91—97, 105.**
— о естествознании и естествоиспытателях — **69, 79, 84—85, 87—89, 92.**
— о задачах философии — **94,**

— о критерии истины — **94.**
— о науке и религии — **102.**
— о необходимости — **72, 81, 86, 90, 97—98, 105.**
— о свободе личности — **92, 103.**
— о стоиках — **94.**
— о теории и практике — **68, 78.**
— о французских материалистах XVIII в. — **85, 89, 95—96, 104.**
— об абстрактном и конкретном — **67—68, 77, 97.**
Герцен
— в ссылке — **40, 46, 52.**
— его гуманизм — **3—4, 11, 18—19, 66.**
— его значение в европейском революционном движении — **27—28, 63—64.**
— его значение в истории русской общественной мысли — **65—66, 84.**
— и крепостные — **39—40, 46.**
— кружок Герцена *см.* Кружки 30-х и 40-х гг.
— революционные настроения в юности — **31—32, 38, 40, 46.**
— участие Плеханова в праздновании юбилея Герцена — **25—26, 396—397.**
См. также «Колокол».
ГЕТЕ
— и априористический метод исследования — **377—378.**
— и Маркс — **377, 384, 395.**
— и Шиллер — **375.**
— о субъективизме — **377, 384.**
— Шахов о Гете — **375—376.**
ГОГОЛЬ
— Белинский о Гоголе — **113, 116, 140.**
— и Бальзак — **331, 338.**
— и Кантемир *см.* Кантемир и Гоголь.
— и Михайловский — **331, 338.**
— и Торквато-Тассо — **382, 386—387.**
— и Толстой — **331, 338.**
— консервативные моменты в мировоззрении — **331, 338.**
— романтизм и реализм — **330.**
— Чернышевский о Гоголе — **182, 187, 200, 291—292.**
ГОНЧАРОВ
— и Добролюбов *см.* Добролюбов об обломовщине.
ГОРЬКИЙ
— великий художник пролетариата — **398—399.**
— знакомство с Плехановым — **399.**
— и буржуазная критика — **399.**
— о «Вестнике знания» — **402—403.**
— о деле Бейлиса — **404—405.**
— о политическом положении в 1913 г. — **400.**
— о предвоенных настроениях 1913 г. — **404—407.**
— о русской социал-демократии — **405.**

ДВОРЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ
— в средние века — **280—281, 284.**
— и Пушкин — **281, 284.**
ДОБРОЛЮБОВ
Добролюбов и
— Островский — **212—213, 217—224.**
— Тургенев — **216, 220—221, 223.**
— Фейербах — **215.**
— Чернышевский — **212, 215—216.**
Литературные взгляды:
Добролюбов и
— задачи искусства — **216—217.**
— задачи критики — **213—217, 220.**
— критерий художественной правды произведения — **214—216.**
— русская сатира XVIII в. — **224—225.**
— тенденциозность в искусстве — **217.**
Добролюбов
— как критик и публицист — **209—210, 213—221, 223.**
— как революционный демократ — **218—219.**
— о «лишних людях» — **226—227.**
— о самодурстве — **217—224.**
— об «обломовщине» — **226—227.**
— философия истории — **214—215, 225, 227—228.**
ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА — **377, 384.**

ИБСЕН
— и буржуазия — **369—371.**
— и пролетариат — **363—365, 371.**
— и символизм — **371.**
— и социализм — **369—370.**
— индивидуалистическая мораль — **363, 367—369.**
— о «меньшинстве» и «большинстве» — **367—371.**
— о социальном преобразовании общества — **363—365, 369—371.**
— отношение к массам — **368—369, 372.**
— причины успеха вне Скандинавии — **366—371.**
— протест против мещанства — **364—365, 371.**
ИДЕАЛИСТЫ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ — **329, 332—333, 338—339.**

ИСКУССТВО
— Писарев об искусстве *см.* Писарев — об искусстве.
— причины признания художника за пределами его родины — **366—367.**
— проблема формы и содержания — **152, 159.**
— с материалистической точки зрения — **140—145.**
ИСКУССТВО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
— по Белинскому *см.* Белинский. Эстетические взгляды — искусство и действительность.
— по Майкову, В. Н. — **150—158.**
— по Чернышевскому *см.* Чернышевский. Эстетические взгляды — искусство и действительность.
ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЙ — **348.**

КАНТЕМИР
О Кантемире
— Белинский — **295, 298.**
Кантемир и
— Буало — **292—293, 295—297, 299—300.**
— Гоголь — **296, 300.**
— Грибоедов — **293, 295, 299.**
— Кант — **296, 300.**
— Фонвизин *см.* Фонвизин и Кантемир.
— Ювенал — **296, 300.**
Социально-политические взгляды: Кантемир
— и самодержавие — **295, 299.**
— о духовенстве — **295, 298.**
— о знатности — **295—296, 299—300.**
— о правде — **294, 296, 300.**
— об отношении к слугам — **295, 299.**
— политическая мораль — **293—295, 297, 299.**
Философские взгляды — **296, 300—301.**
Кантемир
— как просветитель — **292—293, 297.**
— о занятии литературой — **294—295, 298.**
«КОЛОКОЛ»
— аграрная программа — **36—37, 48—49.**
— политическая программа — **35—36, 48—49.**
КОРНЕЛЬ
— выбор сюжетов — **353—354.**
— герои — **350—351.**
— Лансон о Корнеле *см.* Лансон — о Корнеле.
— стремление к истине в драматической поэзии — **351—352.**

КРУЖКИ ТРИДЦАТЫХ И СОРОКОВЫХ ГОДОВ — **39, 46, 54, 160, 163—164, 329, 337.**

ЛАВРОВ
— и марксизм — **332, 338.**
— и Михайловский *см.* Михайловский и Лавров.
— и Чернышевский — **390—391.**
— о личности и обществе — **332.**
— о пролетариате и крестьянстве — **332, 338.**
ЛАНСОН
Лансон о
— Бальзаке — **344—345, 356.**
— Гизо — **345, 356.**
— Жорж Занд — **344, 356.**
— Корнеле — **350—354, 357, 360—361.**
— Расине — **357, 361.**
— Ренане — **356, 360.**
— Скрибе — **346.**
— Тэне — **346, 356, 360.**
Литературные взгляды: Лансон
— и закон трех единств — **356, 360.**
— литература и история литературы — **346—347, 349—350, 354, 360.**
— слезливая комедия — **357, 361.**
— французская литература XVII в. и общественная среда — **350—354, 356—357, 361.**
Лансон
— как литературовед — **346—349.**
— о женщине в литературе — **355, 359, 361.**
ЛЕНИН
— о Герцене *см.* Герцен — Ленин о Герцене.
— о культуре русского народа — **IV.**
— о просветителях 60-х гг. *см.* Русские революционные демократы. — Ленин о русских революционных демократах.
— о Толстом и толстовстве — **V, XI—XII, 2.**
— о Чернышевском *см.* Чернышевский — Ленин о Чернышевском.
ЛИТЕРАТУРА
— древняя *см.* Древняя литература.
— русская *см.* Русская литература.
— с материалистической точки зрения — **346—347, 350—354.**
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — **140—145.**
ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО
— взгляд немецких романтиков — **329.**
— взгляд французских просветителей — **367—368.**

— взгляд шестидесятников — **332, 338.**
— точка зрения исторического материализма — **332, 338, 367—368.**
См. также: Андреев — индивидуализм; Белинский. Социально-исторические взгляды — о соотношении личности и общества; Герцен. Философские взгляды — о свободе личности; Ибсен — индивидуалистическая мораль; Лавров — о личности и обществе; Михайловский — о личности и обществе.
«ЛИШНИЕ ЛЮДИ» — **229.**
— точка зрения Добролюбова *см.* Добролюбов — о «лишних людях».
— у Лермонтова — **383, 387.**
— у Пшибышевского — **383—384.**
— у Тургенева — **229—231.**
ЛОМОНОСОВ
— и вопросы общественного устройства — **302, 304—305.**
— и Посошков — **302, 304, 307.**
— и самодержавие — **304—306.**
— как историк — **305, 307.**
— как просветитель — **305.**
— как ученый — **302—303, 305—308.**
— Львов о Ломоносове — **294, 298.**
— Некрасов о Ломоносове — **301—302.**
— происхождение и среда — **302—303.**
— Радищев о Ломоносове — **323, 327.**
— роль в развитии русского языка — **305, 307, 323, 327.**

МИХАЙЛОВСКИЙ
— и Гоголь *см.* Гоголь и Михайловский.
— и Лавров — **332, 338.**
— о личности и обществе — **329, 332, 337—338.**
МОДЕРНИЗМ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ — **383—384, 387.**
МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ
— точка зрения западников — **2—3, 18.**
— точка зрения славянофилов — **2—3, 18.**

НАРОДНИКИ 70-х гг. И НИКОЛАЙ УСПЕНСКИЙ — **335—336, 340.**
НАРОДНИКИ 80-х и 90-х гг. И САМОДЕРЖАВИЕ — **36, 49—50.**
НАРОДНИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА
— и деревенские кулаки — **246—250.**
— и изображение ею народной жизни — **239—241, 244—251.**
— и классовая борьба — **239, 241.**
— и расслоение деревни — **239, 241, 244—250.**
— публицистический характер и просветительская тенденция — **239—247.**
«НАСЛЕДСТВО» 60-х гг.
— Ленин о «наследстве» 60-х гг. *см.* Русские революционные демократы — Ленин о русских революционных демократах.
— эсеры о «наследстве» 60-х гг. — **IV, VI—VII.**
НАРОДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ЯЗЫКЕ — **380, 386.**
НЕКРАСОВ
— Белинский о Некрасове — **232.**
— и дворянство — **233—234.**
— и Пушкин — **236—237, 284.**
— и революционеры 70-х гг. — **234—238.**
— как разночинец — **234.**
— как художник — **232—233, 281.**
— о Белинском *см.* Белинский — Некрасов о Белинском.
— о Ломоносове *см.* Ломоносов — Некрасов о Ломоносове.
— «поэт-гражданин» — **234, 237, 281—282.**
— речь Достоевского на похоронах Некрасова — **236, 238.**
— речь Плеханова на похоронах Некрасова — **237, 284.**

ОГАРЕВ см. Кружки тридцатых и сороковых годов.
ОСТРОВСКИЙ
— Добролюбов об Островском *см.* Добролюбов и Островский.
— и дворянство — **212.**
— и купечество — **211—212, 214.**
— и правительство Николая I — **211—212.**
— и славянофильство — **212, 218—222.**
— отношение западников к Островскому — **212—214.**
— ранние произведения — **210.**
— Чернышевский об Островском — **212, 219.**
— Шевырев об Островском — **210.**

ПИСАРЕВ
— и Белинский — **113—119, 167, 171—174.**
— и дворянство — **113.**
— и Пушкин — **113—115, 151—152, 166—174.**
— и Чернышевский — **201.**
— об искусстве — **115, 119.**
ПИСАТЕЛЬ И ЕГО АУДИТОРИЯ — **150, 158.**

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
— точка зрения Герцена — **3—10, 14—16, 18—23, 68, 78.**
— точка зрения Маркса *см.* Учение о нравственности — Маркса.
— точка зрения Оуэна и Фурье — **5—6, 15, 21.**
— точка зрения Самарина — **3.**
— точка зрения социалистов-утопистов — **6—9, 14, 17.**
— точка зрения Толстого — **5—10, 14—17.**
— точка зрения Чернышевского — **6—7, 15, 19, 190.**
ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ — **282, 284.**
ПРОСВЕТИТЕЛИ
— и литература — **199—200, 291—292.**
— и «отвлеченная истина» — **185—186.**
— немецкие — **197—198, 200—201.**
— русские *см.* Русские революционные демократы.
ПУШКИН
— Белинский о Пушкине — **112—119, 140—144, 148, 151—152, 156—157, 167, 171—177.**
— гуманизм — **114, 118.**
— и его современники — **335, 339.**
— и Мюссэ — **335, 339.**
— и Некрасов *см.* Некрасов и Пушкин.
— и Писарев *см.* Писарев и Пушкин.
— и Радищев *см.* Радищев и Пушкин.
— и романтизм — **113.**
— и светская «чернь» — **114, 118—119, 150, 163, 168—170, 174—175.**
— и Толстой *см.* Толстой и Пушкин.
— как национальный поэт — **114, 118, 148, 157.**
— характер его идеологии — **113—115, 117, 141—144, 148, 281, 284.**
— Чернышевский о Пушкине — **200, 202, 291.**
ПШИБЫШЕВСКИЙ
— индивидуалистическая мораль — **383—384.**
— Крафт-Эбинг о Пшибышевском — **378.**
— «лишние люди» *см.* «Лишние люди» у Пшибышевского.
См. также Модернизм в польской литературе.

РАДИЩЕВ
Радищев о
— Ломоносове *см.* Ломоносов — Радищев о Ломоносове.
Радищев и
— Капнист — **323, 328.**
— Крижанич — **321, 325.**
— Новиков — **321, 325.**
— Пушкин — **321, 323.**
— Сен-Симон — **322, 326.**
— Чернышевский — **321, 324.**
— Щербатов — **321, 324.**
Философские и социально-исторические взгляды:
Радищев
— и естественное право — **321, 323—324.**
— и самодержавие — **321—322, 325—326.**
— о веротерпимости — **322, 325.**
— о дворянстве — **321, 323—325, 327.**
— о духовенстве — **322, 326.**
— о крепостном праве — **321, 323—324, 327.**
— о рабстве и свободе — **321—324, 328.**
— о революции — **322, 326—327.**
— о свободе личности — **321—322, 325.**
— об атеизме — **322, 325.**
— учение о нравственности — **324.**
РАЗУМ И РАССУДОК
— по Белинскому *см.* Белинский. Философские взгляды — о разуме и рассудке.
— по Киреевскому — **152, 159.**
РЕАЛИЗМ
— Бальзака — **344, 356.**
РЕВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКАЯ см. Французская революция.
РЕЛИГИЯ
— Белинский о религии *см.* Белинский. Философские взгляды — о религии.
— Вольтер о религии — **133, 137.**
— и мораль *см.* Мораль и религия.
— и наука *см.* Герцен. Философские взгляды — о науке и религии.
— Сен-Симон о религии — **133, 137.**
— Фейербах о религии — **2, 18.**
— Фонвизин и религия *см.* Фонвизин — и религия.
См. также Радищев об атеизме.
РОМАНТИЗМ — **112—113, 169—171, 174, 384—385.**
— Новалиса — **329, 378—379.**
— Станкевича — **329.**
См. также Пушкин — и романтизм.
РОМАНТИЗМ И РЕАЛИЗМ — **381, 386.**
— анализ человеческих страстей — **344, 356.**
— у Гоголя *см.* Гоголь — романтик и реалист.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
— Белинский о русской литературе *см.* Белинский. Литературные взгляды.
— XVIII века — **292, 295, 298.**
— Грибоедов о русской литературе — **334, 339.**
— и западные образцы — **335.**
— и самодержавие — **120—121, 388—390.**
— Чаадаев о русской литературе — **334, 339.**
— Чернышевский о русской литературе *см.* Чернышевский. Литературные взгляды.
См. также Русская сатира XVIII в.
РУССКАЯ ОБЩИНА
— Гакстгаузен о русской общине — **54, 64.**
— Герцен о русской общине *см.* Герцен. Социальные и исторические взгляды — и русская община.
— Плеханов-землеволец о русской общине — **330, 337.**
— славянофилы о русской общине — **330, 337.**
— Чернышевский о русской общине *см.* Чернышевский. Социально-исторические взгляды — и русская община.
РУССКАЯ САТИРА XVIII в.
— взгляд Белинского *см.* Белинский. Литературные взгляды — о русской сатире XVIII в.
— взгляд Добролюбова *см.* Добролюбов. Литературные взгляды — о русской сатире XVIII в.
— взгляд Чернышевского *см.* Чернышевский. Литературные взгляды — русские сатирики.
— и Екатерина II — **312—313, 317.**
— и подражание Западу — **313—317.**
РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ
— Ленин о русских революционных демократах — V—VI.
— работы Плеханова о русских революционных демократах — IV—X.
— разоблачение Лениным борьбы «Вех» против русской революционной демократии — IV.
См. также Белинский; Герцен; Добролюбов; Чернышевский.

САТИРА РУССКАЯ см. Русская сатира.
СВОБОДА ВОЛИ
— Дидро о свободе воли — **16—17, 24.**
СИМВОЛИЗМ
— Андреева — **276—279.**
— и буржуазия — **276—280, 371.**
— и поэзия Бенедиктова — **329—330, 337.**
— и эпоха реакции — **396.**
— Ибсена *см.* Ибсен и символизм.
СЛАВЯНОФИЛЫ
— и народная поэзия — **380, 385—386.**
— и народники — **84.**
— и русская община *см.* Русская община — славянофилы о русской общине.
— и Фейербах — **2.**
— и французская революция 1848 г. — **41, 51.**
— о религии и морали *см.* Мораль и религия — точка зрения славянофилов.
СЛУЧАЙНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ
— Герцен о необходимости *см.* Герцен. Философские взгляды — о необходимости.
— Хомяков о случайности — **67, 76, 97, 105.**
СОЦИАЛИСТЫ-УТОПИСТЫ
— влияние на Белинского *см.* Белинский. Социально-исторические взгляды — и утопический социализм.
— влияние на Герцена *см.* Герцен. Социально-исторические взгляды — и социалисты-утописты.
— и классовая борьба во Франции 40-х гг. — **62.**
— и революция — **68, 77.**
— и отсутствие теории развития — **134—135, 138.**
— философия истории — **152, 159.**
СТАНКЕВИЧ см. Герцен — и Станкевич; Идеалисты тридцатых годов; Кружок и тридцатых и сороковых годов.

ТОЛСТОЙ
О Толстом
— Ленин о Толстом *см.* Ленин — о Толстом и толстовстве.
Толстой и
— Андреев *см.* Андреев и Толстой.
— Карамзин — **266, 269.**
— Манцони — **382, 387.**
— Маркс — **272, 274.**
— Ницше — **265, 268.**
— Пушкин — **114, 119.**
— Руссо — **265, 268, 272, 274.**
Философские и социально-исторические взгляды:
Толстой
— и классовое деление общества — **265, 268.**
— и крепостное право — **266—267, 269—270.**

— и рабочий вопрос — **16, 24.**
— и реакционеры — **264—265, 267.**
— и революция — **11—12, 18, 22, 253—254, 260, 264.**
— и русские либералы — **264—265, 267—268.**
— и самодержавие — **271, 273.**
— и собственность — **7, 9, 17, 24, 253—258, 260—262, 271.**
— и социал-демократы — **253—254, 260, 264, 267, 271—272.**
— и социализм — **5—9, 14—17.**
— и стоики — **94, 271, 273.**
— и христианство — **5—6, 13—14, 17, 23, 253, 260—261, 265—266 269—270.**
— идеалистический характер учения — **16—17.**
— о благотворительности — **265—266, 268—269.**
— о войне — **6, 14—15.**
— о государстве — **253, 260—261.**
— о деньгах — **266, 269.**
— о «духовном» и «телесном» — **12, 259—263, 271, 273.**
— о земледельческом и фабричном труде — **265—266, 268.**
— о материализме — **7, 16.**
— о методах борьбы с общественным злом — **5—10, 16—17, 19, 21—24, 255, 258—262, 264, 266, 269, 271—274.**
— о «непротивлении злу насилием» — **5—6, 13—17, 19, 22—24, 259—264, 271—274.**
— о преступлении и наказании *см.* Преступление и наказание — точка зрения Толстого.
— о смерти и бессмертии — **272.**
— об изучении истории — **7, 22.**
— учение о нравственности — **5—10, 13—17, 19, 22—24, 255—265, 271—272, 274.**

Толстой
— борьба Плеханова с толстовством — V, VIII—XII.
— и толстовцы — **19, 264—265, 267—268, 270—271.**
— как публицист — **392—395.**
— как художник — **266, 269, 392—395.**
— о Шекспире — **151—159.**
— об образовании — **265, 268.**
— уход из Ясной Поляны — **262—263.**
— участие Плеханова в ознаменовании юбилея Толстого — X—XI.
— учение и личная жизнь — **255—258, 262—263, 273.**
— характер гуманизма Толстого — **114, 119.**

УСПЕНСКИЙ ГЛЕБ
— о рабочем читателе — **138.**

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ
— Гегеля — **67, 75—76, 79.**
— Фейербаха — **215.**

ФОНВИЗИН
— и Грибоедов — **317, 319.**
— и Кантемир — **312—313.**
— и крепостное право — **309—312, 333, 339.**
— и религия — **310—311.**
— и самодержавие — **309—312, 317—318.**
— и французские просветители — **310, 316.**
— литературные взгляды — **317, 319.**
— о придворной лести — **317, 319.**
— о свободе и равенстве — **310—312.**
— о французомании — **312, 316—317.**
— темы обличений — **312—314, 333.**

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА — **110, 154.**
— взгляд Белинского *см.* Белинский. Литературные взгляды — французская литература XVIII в.; — французская литература и критика.
См. также Лансон.

ФРАНЦУЗСКИЕ МАТЕРИАЛИСТЫ XVIII в.
— Гегель о французских материалистах XVIII в. — **96, 104—105, 155.**
— Герцен о французских материалистах XVIII в. *см.* Герцен. Философские взгляды — о французских материалистах XVIII в.
— Дицген о французских материалистах XVIII в. — **95, 104.**
— и народ — **148, 155.**
— метафизический метод мышления — **132—133.**
— о бытии и мышлении — **95, 104.**
— учение о нравственности — **6—8, 15, 22, 96, 104—105.**
— философия истории — **132, —133, 225, 227—228.**

ХРИСТИАНСТВО И УЧЕНИЕ ТОЛСТОГО *см.* Толстой. Философские и социально-исторические взгляды — и христианство.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
О Чернышевском
— Ленин — IV, VI, VIII.
Чернышевский о
— Гоголе *см.* Гоголь — Чернышевский о Гоголе.
— Пушкине *см.* Пушкин — Чернышевский о Пушкине.

— Островском *см.* Островский — Чернышевский об Островском.
Чернышевский и
— Белинский *см.* Белинский и Чернышевский.
— Герцен *см.* Герцен и Чернышевский.
— Добролюбов *см.* Добролюбов и Чернышевский.
— Лавров *см.* Лавров и Чернышевский.
— Лессинг — **197—198, 200—201.**
— Островский *см.* Островский и Чернышевский.
— Писарев *см.* Писарев и Чернышевский.
— Радищев *см.* Радищев и Чернышевский.
— Фейербах — **189—190, 334, 339.**
Литературно-критические взгляды:
Чернышевский
— значение литературы в разные эпохи — **199—200.**
— русская литература догоголевского периода — **290—291.**
— русская литература и критика гоголевского периода — **186—187, 200.**
— русские сатирики — **291, 297.**
Социально-исторические взгляды:
Чернышевский
— и дворянство — **194.**
— и крестьянская реформа — **193, 196.**
— и крестьянское восстание — **194.**
— и либералы — **193—194.**
— и русская община — **55, 73, 82, 193.**
— и самодержавие — **42—43, 193—195.**
— и славянофилы — **203—204.**
— как западник — **72, 81.**
— как революционный демократ — **193—197.**
— как социалист-утопист — **191—195.**
— о преступлении и наказании *см.* Преступление и наказание — точка зрения Чернышевского.
— о свободе печати — **195.**
— учение о нравственности — **190, 324, 332, 338.**
— философия истории — **72, 81, 97, 102, 105, 107, 190—191, 203—204.**
Философские взгляды:
Чернышевский
— и диалектика Гегеля — **184—186, 189—191, 202.**
— и немецкая идеалистическая философия — **184—185, 189.**
— как материалист-фейербахианец — **189—190.**
— о конкретности истины — **184—186, 191.**
— о субъективном мышлении и диалектике — **184—185.**
Экономическое учение — **190—192.**
Эстетические взгляды:
Чернышевский
— задачи искусства — **153—159.**
— «искусство для искусства» и идейное искусство — **153, 159, 205.**
— искусство и действительность — **150, 152—153, 158—159, 181—183, 192, 202—203, 216, 334, 339.**
— искусство и искусственность — **182—183.**
— искусство и народ — **183.**
— объективность в искусстве — **192, 216.**
— содержание искусства — **192—193.**
— тенденциозное искусство — **203.**
— фантазия и действительность — **182—184, 192, 202—203.**
— эстетика как наука — **201, 206.**
Чернышевский
— как представитель разночинной интеллигенции — **128.**
— как революционный просветитель — **185—186, 188—189, 197—200.**
— юношеские годы — **187—188.**

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ
— взгляд на соотношение личности и общества *см.* Личность и общество — взгляд шестидесятников.
— отношение к искусству — **128, 192—193.**
— отношение к немецкой идеалистической философии — **189.**
См. также Белинский. Социально-исторические взгляды — и шестидесятники; Герцен. Социально-исторические взгляды — и шестидесятники; Наследство 60-х гг.

ЭНГЕЛЬС
— о естествознании и естествоиспытателях — **84, 88, 92, 103—104.**
— о Лассале — **84, 88.**
См. также Герцен — и Энгельс.

ЭСТЕТИКА ГЕГЕЛЯ — **204—207.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, УПОМЯНУТЫХ В СБОРНИКЕ *

А. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Аксельрод, П. Б. Письмо Плеханову, Г. В. [23—27 октября 1899] — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. II. М., 1925, стр. 96—97. —**180.**

Андреев, Л. Дни нашей жизни. Пьеса в четырех действиях. Berlin, Bühnen und Buchverlag russischer Autoren [s. a.]. — **396.**

Жизнь человека. — Лит.-худож. альманах изд. «Шиповник». Кн. I. Спб., 1907, стр. 203—291. — **275.**

— Смерть человека — Лит.-худож. альманах изд. «Шиповник». Кн. IV. Спб., 1908, стр. 255—273. —**275.**

Анненков, П. В. Идеалисты тридцатых годов. Биографический этюд — *в кн.* П. В. Анненков и его друзья. Спб., 1892, стр. 1—110.—**83, 87, 333, 339.**

— Н. В. Станкевич. Биографический очерк — *в кн.* Анненков, П. В. Литературные воспоминания. Спб., 1909, стр. 367—469.—**332—333.**

Апулей, Л. Амур и Психея. С лат. перев. В. А. Е. Спб., 1905.—**334, 339.**

Аристотель. Пиитика. Сочинения. Перевел и объяснил Б. Ордынский. М., 1854.—**201.**

Ашевский, С. Белинский в оценке его современников. Спб., 1911.—**108, 339—340.**

Байрон. Манфред. Спб., 1901 (Дешевая библиотека, № 337). — **67, 76, 111.**

Бакунин, М. А. Письмо Анненкову, П. В. Кёльн, 17 апреля 1848 — *в кн.* П. В. Анненков и его друзья. Спб., 1892, стр. 623—625. — **333, 339.**

Белинский, В. Г. Бородинская годовщина. В. Жуковского. М., 1839. Письмо из Бородино от безрукого к безногому инвалиду. М., 1839 — Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 753—760. — **69, 133, 137, 161, 165.**

— Взгляд на русскую литературу 1846 года — Соч. 3-е изд. Ч. XI. М., 1884, стр. 1—72. — **153.**

— Взгляд на русскую литературу 1847 года — Соч. 3-е изд. Ч. XI. М., 1884, стр. 321—441; Соч. в 4-х т. Т. IV. Спб., 1896, стр. 559—646. — **58, 64, 149, 153, 177—178.**

— Герой нашего времени. Соч. Лермонтова — Соч. в 4-х т. Т. II. Спб., 1896, стр. 2—82. — **149.**

— Горе от ума. Соч. Грибоедова — Соч. 5-е изд. Ч. III. М., 1884, стр. 327—420. — **140, 145—149, 162.**

— Деяния Петра Великого... — Соч. в 4-х т. Т. II. Спб., 1896, стр. 181—234. — **147, 155, 175—176.**

— Дмитрий Калинин—Сборник общества любителей росс. слов. 1890 г. М., 1890, стр. 437—533. — **128, 136.**

— Древние российские стихотворения, собр. Киршою Даниловым...; Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову..; Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым...; Русские народные сказки... — Соч. 4-е изд. Ч. V. М., 1888, стр. 7—247. — **152.**

— Из неоконченной статьи о Фонвизине и Загоскине — Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 303—322. — **148.**

— Краткая история Франции до французской революции. Соч. Мишле — Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 690—695. — **112, 115, 147, 155.**

— Литературные мечтания — Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 1—92. — **110, 126, 147, 154—155, 160, 386.**

— Менцель, критик Гёте — Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 369—406. — **111, 146, 148, 153—154, 161.**

— Мысли и заметки о русской литературе — Соч. 4-е изд. Ч. XII. М., 1882, стр. 239—280. — **292, 295, 298.**

— Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы — «Телескоп». М., 1836, ч. 31; Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 187—236. — **109—110, 147—148, 386.**

— О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» — «Телескоп». М., 1896, ч. 32; Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 235—294. — **386.**

— О русской повести и повестях Гоголя («Арабески» и «Миргород») — Соч. Т. I. М., 1881, стр. 165—235; Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 91—144.—**112, 140, 145, 147, 151.**

— Опыт нравственной философии Алексея Дроздова. Спб., 1835 — Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 171—187. — **160.**

— Очерки русской литературы. Соч. Н. Полевого. Спб., 1839 — Соч. 4-е изд. Ч. IV. М., 1883, стр. 11—42. — **112—113, 115, 151.**

— Парижские тайны. Роман Эжена Сю. Перев. с фр. — Соч. в 4-х т. Т. III. Спб., 1896, стр. 227—248. — **135, 144—145.**

— *Петр Бульдеев.* Педант. (Литературный тип) — Соч. 4-е изд. Ч. VI. М., 1882, стр. 485—496. — **136.**

— Письма. Три тома. Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. Спб., 1914.—**50, 57—58, 64, 105, 112—115, 124, 126—136, 138, 145—146, 153—154, 160—162, 165—166, 176—178, 232—234, 338.**

— Полное собрание сочинений А. Марлинского. Спб., 1838—1839 — Соч. в 4-х т. Т. I. Спб., 1896, стр. 477—514. — **112.**

— Речь о критике, произнесенная в собрании С.-Петербургского университета 25-го марта 1842 г. профессором А. Никитенко. Спб., 1842 — Соч. в 4-х т. Т. II. Спб., 1896, стр. 758—824. — **175—176.**

— Русская литература в 1840 году — Соч. 4-е изд. Ч. IV. М., 1883, стр. 195—250. — **152.**

— Русская литература в 1841 году — Соч. в 3-х т. Т. II. Спб., 1911, стр. 238—318. — **330, 337.**

— Русская литература в 1842 году — Соч. в 4-х т. Т. III. Спб., 1896, стр. 129—166. — **175—176.**

— Русская литература в 1843 году — Соч. 4-е. изд. Ч. VIII. М., 1880, стр. 9—89; Соч. в 4-х т. Т. II. Спб., 1896, стр. 619—692. — **140, 145, 147.**

— Русская литература в 1844 году — Соч. в 4-х т. Т. IV. Спб., 1896, стр. 1—60. — **149, 386.**

— Сочинения Александра Пушкина. Спб. Одиннадцать томов. 1838—1841— Соч. 4-е изд. Ч. VIII. М., 1880, стр. 90—697; Соч. в 4-х т. Т. III. Спб., 1896, стр. 275—704; Собр. соч. в 3-х т. Т. III. Спб., 1911, стр. 2—492. — **113—119, 139—141, 143—145, 147—148, 151, 155, 295, 298.**

— Сочинения в 4-х т. Спб., Ф. Павленков, 1896. — **109—119, 146—151, 386.**

— Сочинения Державина. Четыре части. Спб., 1843 — Соч. в 4-х т. Т. III. Спб., 1896, стр. 31—98. — **177—178.**

— Сочинения. 3-е и 5-е изд. Ч. I—XII. М., тип. А. И. Мамонтова и К., 1880—1890. — **139—146, 151—159, 292.**

— Стихотворения М. Лермонтова. Спб., 1840 — Соч., 4-е изд. Ч. IV. М.,

* Настоящие указатели — библиографический и именной — составлены по следующему принципу: отсылки к страницам текста даны не только в тех случаях, когда на странице имеется прямое упоминание данного имени или данного произведения, но и в тех случаях, когда это имя или произведение подразумевается.

При составлении библиографического указателя преимущество отдавалось тому изданию упоминаемой книги, которым пользовался или мог пользоваться Г. В. Плеханов, т. е. в первую очередь изданию, указанному им самим в тексте; во вторую — изданию, имеющемуся в его библиотеке. При невозможности привести указанные издания давалось любое издание данной книги, найденное в ленинградских книгохранилищах или в библиографических справочниках.

Настоящие указатели отнюдь не являются рекомендательными, заключая в себе наряду с теми книгами, которые могут быть рекомендованы читателям, и перечень литературы, подвергнутой Плехановым критическому разбору в публикуемых в сборнике работах. — *Ред.*

1883, стр. 137—145; 251—332; Соч. в 4-х т. Т. II. Спб., 1896, стр. 81—140, 875—880. — **139—141, 145, 150, 152.**

Бирюков, П. И. Лев Николаевич Толстой. Биография. Сост. П. Бирюков по неизд. материалам (воспоминания и письма Л. Толстого). Т. I. М., Посредник, 1906. — **270, 273.**

Боборыкин, П. Д. Крепостные развиватели — *в кн.* Великая реформа. Т. IV. М., 1911, стр. 76—86. — **40, 46, 50.**

Богданович, И. Ф. Душенька — Соч. Т. I. Спб., А. Смирдин, 1848, стр. 7—121. — **334, 339.**

Богучарский, В. Я. Александр Иванович Герцен. Спб., Кружок им. А. И. Герцена, 1912. — **1.**

— Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912. **229, 231.**

Боткин, В. П. Письмо Анненкову, П. В. 26 ноября 1846 — *в кн.* П. В. Анненков и его друзья. Спб., 1892, стр. 524—528. — **333, 339.**

— Письмо Белинскому 20—23 марта 1841 — *в кн.* Пыпин, А. Н., Белинский. Его жизнь и переписка. Т. II. Спб., 1876, стр. 140—146. — **148, 156.**

Булгарин, Ф. В. Полное собрание сочинений. 7 томов. Спб., М., 1843—1844. — **336.**

Булич, Н. И. Михаил Васильевич Ломоносов — *в кн.* Русская поэзия. Вып. I. Спб., 1893, стр. 76—95. — **304, 307.**

Быстренин, В. Вора поймали. (Этюд из крестьянской жизни) — *в кн.* Быстренин, В. Житейские были. М., 1895, стр. 147—168. — **224.**

— Добился. (Рассказ) — там же, стр. 238—277. — **244.**

— Житейские были. М., 1895. — **241—245.**

— На мирских хлебах. (Деревенская быль) — там же, стр. 87—146. — **242—243.**

— Святая ночь. (Набросок) — там же, стр. 394—407. — **243—244.**

— Судьба. (Очерк) — там же, стр. 68—86. — **243.**

— Фантазия Es-moll — там же, стр. 378—393. — **245.**

Вебер, Г. Всеобщая история. Перев. с 2-го изд. Перев. Андреев [Н. Г. Чернышевский]. М., 1885—1889. — **196.**

Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. I—VI. М., 1911. — **40, 46, 50.**

Венгеров. С. А. Великое сердце. Виссарион Григорьевич Белинский — «Русское богатство» № 3, 1898, стр. 151—185; № 4, стр. 125—160. — **128—130, 136.**

Ветринский, Ч. (*В. Е. Чешихин*). Герцен. Прилож.: А. Г. Фомин. Библиография произведений Герцена и литературы о нем. Спб., 1908. — **44.**

— (*В. Е. Чешихин*). Сороковые годы XIX века — *в кн.* История русской литературы XIX века. Т. II. Вып. 7—8. М., 1909, стр. 66—203. — **330, 337.**

Виньи, Альфред де. Чаттертон. Драма в 3-х действиях. Перев. Д. Ш. и П. П. Спб., 1858. — **168, 174.**

Волынский, А. Л. Русские критики. Литературные очерки. Спб., 1896. — **109, 146, 157, 159—160, 164, 174—177, 192, 196.**

«Вперед!» Двухнедельное обозрение. Лондон (1873—1877). — **332, 338.**

Галахов, А. История русской словесности древней и новой. Т. I—II. Спб., 1880. — **297.**

— Сочинения Кантемира. (Полное собрание сочинений русских авторов.) Изд. А. Смирдина. Спб., 1847 — «Отечественные записки», 1848, т. LXI, ноябрь-декабрь, отд. V, стр. 1—40. — **293, 295—297.**

Гегель, Ф. Курс эстетики, или наука изящного. Перев. В. Модестова. Спб., тип. Жернакова, 1847. — **180, 204.**

— Лекции по истории философии. Кн. 3-я — Соч., т. XI. М.—Л., Соцэкгиз, 1935. — **75, 104—105, 147, 155.**

— Философия истории — там же, т. VIII — **75, 77.**

— Философия права. — там же, 1934, т. VII. — **76.**

Гейне, Г. Германия. Зимняя сказка. Перев. Заезжего, просмотр. И. С. Тургеневым. Лейпциг, Э. Л. Каспрович, 1875. — **283—285.**

— Германия. Зимняя сказка. Перев. Юрия Тынянова. Л.—М., 1933. — **12, 23**

[Герцен, А. И.] И-р. Aphorismata. По поводу психиатрической теории д-ра Крупова. Соч. прозектора и адъюнкт-профессора Тита Левиафанского — «Полярная звезда» № 8, 1869, стр. 130—140; Соч. Т. X, Женева, 1879, стр. 405—416; Полн. собр. соч. и писем. Т. XXI. П., 1922, стр. 215—218. — **84, 88.**

Герцен, А. И. Братьям на Руси — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 297—300; Полн. собр. соч. и писем. Т. VII. П., 1919, стр. 186 — 187. — **41, 51, 71, 80.**

— Былое и думы. 1812—1868 — Соч. Т. VI—VII, VIII, стр. 211—395, IX, стр. 1—88, и X, стр. 1 —132. Женева, 1878 —1879; Полн. собр. соч. и писем. Т. XII—XIV. П., 1919—1920, стр. 11—487; 3—623; 165—786. — **27, 30—31, 33, 39,— 40, 49— 50, 54, 58, 64, 71—72, 81,84, 89, 98—101, 122—123, 127, 131—132, 135, 389—390.**

— *И-р.* Very dangerous — «Колокол» № 44, 1 июня, 1859, стр. 363—364; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 153—158; Полн. собр. соч. и писем. Т. X. П., 1919, стр. 11—16. — **42—43, 51—52.**

— *И-р.* Vivat Polonia! — «Колокол» № 94, 15 марта 1861, стр. 789—791; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 274—278; Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. П., 1919, стр. 47—51. — **43, 45, 48, 52.**

— Двадцать третья годовщина польского восстания в Лондоне — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 327—335; Полн. собр. соч. и писем. Т. VII. П., 1919, стр. 395—400. — **71.**

— *И-р.* 12 апреля 1861 (Апраксинские убийства) — «Колокол» № 101, 15 июня 1861, стр. 848—849; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 287—288; Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. П., 1919, стр. 106—108. — **45, 48, 52.**

— *Искандер.* Джон Стюарт Милль и его книга «On Liberty» — «Колокол» № 40—41, 15 апреля, 1859, стр. 323—327; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 132—141; Соч. Т. IX. Женева, 1879, стр. 240—255. — **101, 107.**

— Диллетантизм в науке — Соч. Т. I. Женева, 1875, стр. 279—383; Полн. собр. соч. и писем. Т. III. П., 1919, стр. 163—233. — **59, 64, 68— 69, 78—79, 90, 92.**

— Дневник (1842—1845) — Соч. Т. I. Женева, 1875, стр. 1—276; Полн. собр. соч. и писем. Т. III. П., 1919, стр. 17—66; 87—149; 299—369; 440—452. — **20, 39, 41, 44, 50, 52, 54—56, 58—59, 64, 66—68, 70, 75—77, 85, 90—93, 104—105, 129 134—135, 162, 165—166, 332, 338.**

— *Искандер.* Еще вариация на старую тему — «Полярная звезда» № 3, 1857, Лондон, стр. 322—337; Соч. Т. X. Женева, 1879, стр. 281—297; Полн. собр. соч. и писем. Т. VIII. П., 1919 стр. 485—497. — **73—74, 82, 86, 89—90, 103.**

— *И-р.* Из письма к Бакунину, М. — «Колокол» № 244—245, 1 июля 1867, стр. 1992; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи и письма. Женева, 1887, стр. 695—697. Полн. собр. соч. и писем. Т. XIX. П., 1922, стр. 383—384. — **40, 50, 56—57, 64.**

— *Искандер.* Император Александр I и В. Н. Каразин — «Полярная звезда» № 7, вып. 2, 1867, стр. 8—56; Соч. Т. X. Женева, 1879, стр. 133—190; Полн. собр. соч. Т. XV. П., 1920, стр. 141—181. — **72, 81.**

— *Искандер.* Исполин просыпается! — «Колокол» № 110, 1 ноября 1861, стр. 917 — 918; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 297—300; Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. П., 1919, стр. 258—261. — **45, 48.**

— «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869). Женева, Вольно-русская типография, 1887 (Библиотека социальных знаний. Серия первая, т. I). — **11—12, 17, 19.**

— Концы и начала — Соч. Т. X. Женева, 1879, стр. 191—280; Полн. собр. соч. и писем. Т. XV. Спб., 1920, стр. 239—306. — **61—62, 64 — 65, 71—74, 81—82, 101—103, 106.**

— Крещеная собственность — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 217—248; Полн. собр. соч. и писем. Т. VII. П., 1919, стр. 263—284. — **44, 46, 52.**

— Кто виноват (роман в двух частях) — Соч. Т. III. Женева, 1878, стр. 9—276; Полн собр. соч. и писем. Т. IV. П, 1919, стр. 195—376. — **27, 38, 46, 50, 81, 226.**

— *И-р.* Лишние люди и желчевики — «Колокол» № 83, 15 октября 1860, стр. 689—692; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 248—256; Соч. Т. X. Женева, 1879, стр. 298—312; Полн. собр. соч. и писем. Т. X. П, 1919, стр. 413—423. — **73.**

— *И-р.* Манифест — «Колокол» № 95, 1 апреля 1861, стр. 797; Герцен, А. И.

«Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 278—280; Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. П., 1919, стр. 59—60. — **43, 45.**

— *Искандер.* Mater Dolorosa — «Колокол» № 97, 1 мая 1861, стр. 813; Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. П., 1919, стр. 82. — **43, 45, 48, 52.**

— Мимоездом. (Отрывок) — Соч. Т. III. Женева, 1878, стр. 365—368; Полн. собр. соч. и писем. Т. VII. П., 1919, стр. 465—467. — **14, 23.**

— *И-р.* Н. Г. Чернышевский — «Колокол» № 186, 15 июня 1864, стр. 1525; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 502—503; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 260—261. — **21, 45, 48.**

— Народный сход в память февральской революции — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 336—351; Полн. собр. соч. и писем. Т. VIII. П., 1919, стр. 142—152. — **41, 51, 63, 65, 71.**

— *И-р.* Письма из «Avenue Marigny». Письмо четвертое — «Современник», 1847, т. VI, стр. 119—137. — **56, 58, 64.**

— Письма из Франции и Италии — Соч. Т. IV. Женева, 1878, стр. 117—384; Полн. собр. соч. и писем. Т. V; VI. П., 1919, стр. 108—173; 1—131. — **53—54, 56, 58, 60, 64, 86, 90, 355, 359, 380, 385.**

— Письма к В. Линтону. — см. *Герцен, А. И.* Старый мир и Россия.

— *И-р.* Письма к противнику. Письмо первое — третье — «Колокол» № 191, 193, 194, 1864—1865; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 511—529; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 369—388. — **3, 5 — 6, 15—16, 19—21, 56, 64.**

— *И-р.* Письма к путешественнику. Письмо первое — шестое — «Колокол» № 197, 199—203, 1865; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887; стр. 549—580; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVIII. П., 1920, стр. 101—138. — **6.**

— Письма об изучении природы. Письмо первое — восьмое — Соч. Т. II. Женева, 1876, стр. 33—300; Полн. собр. соч. и писем. Т. IV. П., 1919, стр. 1—182. — **VII, 30, 69—70, 79, 84, 87—89, 92—96.**

— *Искандер.* Письмо к императору Александру второму 10 марта 1855 г. — «Полярная звезда» № 1, 1855, стр. 11—14; Полн. собр. соч. и писем. Т. VIII. П., 1919, стр. 160—162. — **6, 35—37, 41—42, 50, 71.**

— Письмо к императору Александру II — «Колокол» № 197, 25 мая 1865; Полн. собр. соч. Т. XVIII. П., 1922, стр. 96—100. — **43, 71.**

— Письмо к Мишле — см. *Герцен, А. И.* Русский народ и социализм.

— Письмо Самарину, Ю. Ф. 12 июля 1864 — «Русь» № 1, 3 января 1888, стр. 31—32, письмо № 2; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 290. — **20.**

— Письмо Самарину, Ю. Ф. 14 июля 1864 — «Русь» № 1, 3 января 1883, стр. 32—33, письмо № 4; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 291—292. — **20.**

— Письмо Самарину, Ю. Ф. 29 июля * 1864 — «Русь» № 1, 3 января 1883, стр. 33, письмо № 5; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 311—312. — **20.**

— Письмо Серно-Соловьевичу 8/20 июня 1862** — «Былое» №1, 1906, стр. 230—232. — **195.**

— Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке. Т. I—XXII. П.—М., 1919—1925. — **20 — 21, 30, 107, 122—123, 132, 338, 359.**

— Поляки прощают нас! — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 310—319; Полн. собр. соч. и писем. Т. VII. П., 1919, стр. 255—261. — **71.**

— *Искандер.* «Полярная звезда» [программа] — «Колокол» № 1, 1 июля 1857, стр. 1—3; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 1—5; Полн. собр. соч. и писем. Т. VIII. П., 1919, стр. 524—528. — **35, 48.**

— *И-р.* Революция в России — «Колокол» № 2, 1 августа 1857, стр. 11—14; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 10—17; Полн. собр. соч. и писем. Т. IX. П., 1919, стр. 1—9. — **10, 17, 30, 42, 44, 47.**

— Рейтерн [заметка из отдела «Смесь»] — «Колокол» № 97, 1 мая 1861, стр. 819; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 284; Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. П., 1919, стр. 89. — **10, 18.**

— *Искандер.* Resurrexit — «Колокол» № 155, 1 февраля 1863, стр. 1285; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 366—367; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVI. П., 1920, стр. 25—27. — **12.**

— Розги и розги! — «Колокол» № 15, 15 мая 1858, стр. 117; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 43—44. — **326.**

— Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле, 1851 — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 173—216; Полн. собр. соч. и писем. Т. VI. П., 1919, стр. 433—462. — **101, 106.**

— *И-р.* С континента. Письмо из Неаполя, 5 октября 1863 — «Колокол» № 173, 15 ноября 1863, стр. 1422—1424; Полн. собр. соч. и писем. Т. VI, П., 1919, стр. 517—529. — **87, 90.**

— С того берега — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 1—172; Полн. собр. соч. и писем. Т. V. П., 1919, стр. 382—490. — **27, 46, 61—62, 64, 70—71, 80, 84, 96—98.**

— Сорока-воровка (повесть) — Соч. Т. III. Женева, 1878, стр. 297—326; Полн. собр. соч. и писем. Т. V. П., 1919, стр. 185—205. — **38, 46.**

— Сочинения. С предисловием. Т. I—X. Genève — Bâle — Lyon, H. Georg, 1875—1879. — **27, 52, 66—83, 90—107, 122—123.**

— Старый мир и Россия. Письма к редактору «The English Republic» В. Линтону, 1854. Письмо первое — третье — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 249—296; Полн. собр. соч. и писем. Т. VIII. П., 1919, стр. 27—57 — **40, 46, 50, 62, 71, 80.**

— *И-р.* 1860 — «Колокол» № 60, 1 января 1860, стр. 491—495; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 212—221; Полн. собр. соч. и писем. Т. X. П., 1919, стр. 184—195. — **43—44, 48.**

— *И-р.* 1864 — «Колокол» № 176, 1 января 1864, стр. 1445—1446; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 453—456; Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 3—6. — **35, 45, 48—49.**

— *Искандер.* Через три года — «Колокол» № 9, 15 февраля 1858, стр. 67—68; Герцен, А. И. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 37—39; Полн. собр. соч. и писем. Т. IX. П., 1919, стр. 126—128. — **42, 44, 48.**

— Юрьев день! Юрьев день! (Русскому дворянству) — Соч. Т. V. Женева, 1878, стр. 301—309; Полн. собр. соч. и писем. Т. XXII. П., 1919, стр. 248—254. — **41, 44, 47, 51, 62, 71.**

Глинка, Ф. Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 годе.). Ч. 1—2. М., 1839. — **165.**

Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями — Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. IV. М., 1884, стр. 559—787. — **331, 338.**

— Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма — там же, т. III, стр. 3—404. — **172, 291, 331, 338, 398.**

— Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма. Том второй (в первоначальном виде) — там же, т. IV, стр. 413—555. — **226, 228, 331, 338, 387.**

— Ревизор — там же, т. II, стр. 179—269. — **116, 145, 152, 154.**

— Старосветские помещики — там же, т. I, стр. 231—254. — **149, 158.**

Homunculus. Враздробь — «Киевская мысль» № 311, 10 ноября 1910, стр. 2—3. — **264—265, 267.**

Гончаров, И. А. Обломов. Роман — «Отечественные записки» № I—IV, 1859, стр. 1—142, 255—384, 1—84, 275—390; Полн. собр. соч. Т. II—III. Спб., 1884. — **221, 226—227.**

Горький, М. Матвей Кожемякин [продолжение рассказа «Городок Окуров»] — Сборник т-ва «Знание» № 30, 1910, стр. 5—107; № 31, стр. 5—91; № 35, 1911, стр. 5—142; № 36, стр. 5—141; № 37, стр. 5—203. — **398—399.**

— Хозяин. Повесть — «Современник» № 3, 1913, стр. 3—35; № 4, стр. 4—39; № 5, стр. 3—29. — **400.**

Грановский, Т. Н. Письмо Герцену, А. И. 1850 — *в кн.* Герцен, А. И. Соч. Т. VII. Женева, 1879, стр. 263—265; Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XIII. П., 1919, стр. 117—118. — **51.**

— Письмо Неверову, Я. М. 19 июля 1840 — *в кн.* Т. Н. Грановский и его переписка. М., стр. 108. — **165.**

— *см. также* Т. Н. Грановский и его переписка.

Грибоедов, А. С. Горе от ума. Комедия в

* В «Руси» дата — 12 июля. — *Ред.*

** Принадлежность письма Герцену оспаривается автором. — *Ред.*

4-х действиях. 2-е изд. Спб., 1839. — **13, 111, 113, 140, 145—146, 154, 162, 171, 293, 295, 297, 299, 317, 319, 339.**

Грот, Я. К. Иван Иванович Хемницер (1745—1784) — «Русская старина». Т. V. Спб., 1872, стр. 215—234; Русская поэзия. Вып. I. Спб., 1893, стр. 453—462. — **294, 298.**

«Группа Освобождение труда». Сб. I—VI. М. — Л., Гос. изд-во, 1924—1928. — **252, 287, 389.**

Гуд, Томас. Песня о рубашке — *в кн.* Багрицкий, Э. Югозапад. М. — Л., Земля и фабрика, б. г., стр. 19—21. — **284.**

Давыдов, Д. В. Современная песня — Соч. Т. I. Спб., 1893, стр. 69—73. — **116.**

— Сочинения. Т. I—III. Стихотворения. Проза. Спб., 1893. — **116.**

Деборин, А. Введение в философию диалектического материализма. П., Жизнь и знание, 1916. — **103.**

Дело М. Бейлиса. (Киевский окружной суд). Стенографический отчет — «Киевская мысль» № 266, 26 сентября — № 300, 30 октября 1913. — **406—407.**

[*Державин, Г. Р.*] Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою. [Б. м., б. г.] — **228.**

Дицген, И. Завоевания (аквизит) философии и письма о логике. Специально демократически-пролетарская логика. Спб., 1906. — **104.**

Дмитриев, Мих. К безыменному критику — «Москвитянин» № 10, 1842, стр. 281—284; Стихотворения. Ч. I. М., 1865. — **127, 135—136.**

Добролюбов, Н. А. Когда же придет настоящий день?—Соч. 5-е изд. Т. III, 1896, стр. 256—299. — **216, 220—221.**

— *Н.-бов.* Луч света в темном царстве— Соч. 5-е изд. Т. III, 1896, стр. 412—484. — **210, 212—219, 221, 223—224.**

— Русская сатира екатерининского времени — Соч. 2-е изд. Т. I. Спб., 1871, стр. 117—219. — **224—225.**

— Сочинения. 2-е изд., без перемены. Т. I—IV. Спб., 1871. — **209, 224—228.**

— Сочинения. 4-е изд. Т. III. Спб., 1885. — **209, 213, 215—218, 220, 223.**

— Сочинения. 5-е изд. Т. III. Спб., 1896. — **209, 220—224.**

— *Н.-бов.* Темное царство. (Сочинения А. Островского. Два тома. Спб., 1859) — «Современник» № 7—8, 9—10, 1859; 5-е изд. Спб., 1896, стр. 1 — 130. — **210, 213, 219—223, 398.**

— Что такое обломовщина? — Соч. 2-е изд. Т. II. Спб., 1871, стр. 578—620. — **167, 226—227.**

Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1877, 1880—81 гг. — Полн. собр. соч. Т. XXI. Спб., Просвещение, 1911. — **236, 238.**

Дроздов, А. Опыт системы нравственной философии. Спб., 1835. — **160.**

Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения— Соч. Т. I. Спб., 1849, стр. 3—165. — **322, 325.**

— О время! Комедия в трех действиях — Соч. Т. II. Спб., 1849, стр. 5—37. — **224—225, 317, 319.**

— Сочинитель комедии «О время». Письмо к господину Живописцу — «Живописец», 1772, ч. I, лист 7, стр. 49—51. — **319.**

— Сочинения императрицы Екатерины II. Изд. Александра Смирдина. Т. I—III. Спб., тип. Имп. Академии наук, 1849—1850. — **224—225, 317, 319, 322, 325.**

Желябужский. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. Спб., тип. Имп. росс. акад., 1840. — **400—401.**

«Живописец». Еженедельное на 1772 год сочинение. Ч. I—II. Спб. (1772). — **313—314, 318, 384.**

Замотин, И. И. Литературные течения и литературная критика 30-х годов — *в кн.* История русской литературы. Т. I. Вып. 4—5. М., 1908, стр. 279—330. — **329.**

«Звезда». Литературно-общественно-популярный журнал. Л. — М. (Вых. с 1924). — **395.**

Земля и воля — «Колокол» № 157, 1 марта 1863, стр. 1302. — **45, 48.**

«Земля и воля!» Социально-революционное обозрение. П., Петерб. вольная тип. (1878—1879). — **90, 106, 330.**

Ибсен, Г. Бранд. Драматическая поэма в пяти действиях — Полн. собр. соч. Т. III. М., 1904, стр. 285—521. — **XIV, 364—365, 370—371.**

— Враг народа. Комедия в пяти действиях — там же, т. V, 1903, стр. 311—434. — **74, 83, 364—365, 372.**

— Пер Гюнт. Драматическая поэма в пяти действиях — там же, т. IV, 1905, стр. 200—243. — **276, 279.**

— Письмо Брандесу. Дрезден, 24 сентября 1871 — там же, т. VIII, 1906, стр. 242—244. — **368.**

— Письмо Брандесу, Рим, 3 января, 1882 — там же, т. VIII, 1906, стр. 356—358. — **368.**

— Полное собрание сочинений. Перев. с датско-норвежского. Т. 1—8. М., 1903—1906. — **364—372.**

— Привидения. Драма в трех действиях—там же, т. V, 1903, стр. 215—309. — **364—365.**

— Речь дронтгеймским рабочим (14 июля 1885 г.) — там же, т. VIII, М., 1906, стр. 95—96. — **364, 369.**

— Столпы общества. Комедия в четырех действиях — там же, т. V, 1903, стр. 1—114. — **369, 372.**

Иванюков, И. И. К истории русско-германских таможенных договоров. Договор 1894 года — «Вестник Европы» № 7, 1914, стр. 193—217; «Исторический вестник» № 2, 1915, стр. 517—532. — **320.**

История России в XIX в. М., Бр. А. и И. Гранат и Ко, 1906. — **24.**

История русской литературы XIX века. Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. I—IV. М., 1908—1910. — **53, 85, 89, 108, 329—340.**

Кавелин, К. Д. Воспоминания о В. Г. Белинском.— Соч. Т. III. Наука, философия и литература. Спб., 1899, стр. 1081—1098. — **129, 163—164, 166.**

Каллаш, В. В. Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902, стр. 67—161. — **317, 320.**

Кантемир, А. Д. Елисавете первой...— Соч., письма и избранн. переводы. Т. I. Спб., 1867, стр. 4—5. — **299.**

— К музе своей. (Об опасности сатирических сочинений.) Сатира IV— там же, т. I, стр. 86—99. — **296, 300—301.**

— К уму своему. (На хулящих учение.) Сатира I — там же, т. I, стр. 9—21. — **292, 295, 313—314, 318.**

— О истинном блаженстве. Сатира VI — там же, т. I, стр. 138—142. — **294, 297.**

— Письма о природе и человеке. Письмо I—XI — там же, т. II, 1868, стр. 21—96. — **296.**

— Речь к благочестивейшей государыне Анне Иоанновне... — там же, т. I, 1867, стр. 304 — 307. — **295. 299.**

— Сатир и Периерг. (На человеческие злонравия вообще.) Сатира V — там же, т. I, стр. 99—127. — **296.**

— Сочинения, письма и избранные переводы. Т. I—II. Спб., 1867—1868.— **292—299.**

— Филарет и Евгений. (На зависть и гордость дворян злонравных.) Сатира II — там же, т. I, стр. 33—50.— **293—297, 299—300, 313—314, 318.**

Капнист, В. На рабство — Лирические сочинения В. Капниста. Спб., 18 6, стр. 37—44. — **323, 328.**

— Память ноября 6 дня 1796 года — Соч. Спб., А. Смирдин, 1849 (Полное собрание сочинений русских авторов), стр. 306—310. — **225.**

Карабанов, П. Ф. Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей. VII. Царствование Екатерины II — «Русская старина», т. V, 1872, стр. 670—680. — **320.**

Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. 4-е изд. Т. I—II. Спб., 1900 (Дешевая библиотека. №45—46). — **269—270.**

Кареев, Н. И. Экономический материализм в истории — «Вестник Европы» № 7, 1894, стр. 5—25. — **296, 300.**

Киреевский, И. В. Обозрение современного состояния литературы (1875 г.) — Полн. собр. соч. в 2-х т. Т. I. М., 1911, стр. 121—173. — **274, 332, 338—339.**

— Письмо Погодину, М. П. Март-апрель 1848 — там же, т. II, стр. 248—249. — **41, 51.**

— Песни, собранные П. В. Киреевским. Изд. об-вом любит. росс. словесн. Вып. I—X. М., 1860—1874.— **385—386.**

Княжнин, Я. Вадим Новгородский. — Спб., Имп. акад. наук, 1793. —**339.**

Коган, П. Очерки по истории древних литератур. Т. I. Греческая литература. М., 1907. — **377.**

«Колокол». Выходит два раза в месяц. Лондон—Женева (1857—1867). — **3, 10—12, 17—21, 27, 31, 35, 37, 41—45, 48—50, 52, 90, 101, 106, 195.**

Коробка, Н. И. Н. В. Гоголь (20 марта 1809 г. — 21 февраля 1852 г.) — *в кн.* История русской литературы XIX века. Т. II. Вып. 9—10, стр. 280—331. — **330—331, 337—338.**

Корф, М. Жизнь графа Сперанского. Т. I. Ч. I и 2. Спб., 1861. — **194, 196.**

Котляревский, Н. А. Из истории общественного настроения шестидесятых годов. «Колокол» 1857—1861 —«Вестник Европы» № 6—7, 1911, стр. 59—84; 143—173. — **26.**
— Михаил Юрьевич Лермонтов. 3-е испр. и доп. изд. Спб., 1909. — **32—33, 99.**
«Кошелек». Еженедельное сочинение 1774 года. Спб. — **314—315, 318, 384.**
Крылов, И. А. Кот и повар — Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. II. Спб., 1859, стр. 238—239. — **272, 274.**
— «Почта духов». Ч. I—IV — Полн. собр. соч. Т. II—III. Спб., Просвещение, б. г., стр. 303 — 515; 1—199. — **315.**
Кукольник, Н. Рука всевышнего отечество спасла. Спб., ред. журн. «Досуг и дело», 1881. — **212, 219.**
Кэри, Г. К. Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. Перев. с англ. М., 1860. — **196.**

[*Лавров, П. Л.*] *Миртов, П. Л.* Исторические письма. Спб., 1870.
— Письмо Плеханову, Г. В. 25 ноября 1889 — «Литературное наследство» № 7/8, 1933, стр. 115. — **391.**
Лансон, Г. История французской литературы. XIX век. Перев. с фр. Спб., 1897. (Прилож. к журналу «Образование») — **341—347, 357.**
— История французской литературы. Перев. со 2-го фр. изд. Т. I. М., 1896. — **341, 348—361.**
— Метод в истории литературы. Перев. с фр. М., Мир, 1911. — **357.**
Левитов, А. И. Газета в селе — Соч. Т. I. М., 1884, стр. 402—415. — **239—241.**
— Деревенские картинки. Перед открытием сельских школ — там же, т. I, стр. 590—619. — **239—240.**
— Моя фамилия (из воспоминаний временно обязанного) — там же, т. I, стр. 558—578. — **239—241.**
— Насупротив — там же, т. I, стр. 518—536. — **239.**
— Сельские тревоги — там же, т. I, стр. 537—557. — **239.**
— Сельское учение. Степная идиллия — там же, т. I, стр. 620—670. — **240—241.**
— Собрание сочинений. Т. I—II. М., 1884. — **239—241.**
— Степные выселки — там же, т. I, стр. 416—486. — **239—240.**
— Уличные картинки. Ребячьи учителя — там же, т. I, стр. 362—389. — **239—240.**
Ленин, В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция — Соч. Т. XV. М.—Л., стр. 141—148. — **V—VI.**
— Критические заметки по национальному вопросу — там же, т. XVII, стр. 129—159. — **III.**
— Л. Н. Толстой и его эпоха — там же, т. XV, стр. 100—103. — **XI—XII.**
— От какого наследства мы отказываемся? — там же, т. II, стр. 303—338. — **VI, X.**
— Памяти Герцена — там же, т. XV, стр. 464—469. — **V, VII, 50.**
— Письмо Горькому, А. М. 3 января 1911 — там же, т. XV, стр. 57—59. — **V, XII, 1, 252.**
— Сочинения. Изд. 2-е испр. и дополн. Т. I—XXX. М., Партиздат, 1927—1935 (ИМЭЛ). — **III, V—VII, X—XII, 1, 50, 100—103, 244, 252.**
— Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов — там же, т. I. стр. 49—222. — **X.**
Лермонтов, М. Ю. Бородино — Стихотворения. Спб., 1840, стр. 33—38. — **140—141.**
— Герой нашего времени — Соч. Ч. I—II. Спб., 1840.—**149, 157, 226, 233, 283, 387.**
— Демон. (Восточная повесть) — Соч. 7-е изд. Т. I. Спб., 1889, стр. 38—74.— **156.**
— Дума — Стихотворения. Спб., 1840, стр. 45—48. — **141**
— Мцыри — там же, стр. 121—159. — **18, 24.**
— Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова — там же, стр. 1—31.— **155.**
— Стихотворения. Спб., 1840. — **18, 24, 140—141, 155, 220, 222.**
— Три пальмы (восточное сказание) — там же, стр. 65—70. — **220, 222.**
Ливер, Ч. Семейство Доддов за границей. Роман. Перев. с англ. Ч. I — «Отечественные записки», т. 97, № 12, 1854, отд. I, стр. 223—308. — **188, 196.**
«Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. I. М., 1934.— **77, 180, 197, 201, 390.**
— Сб. III. Искусство. М., 1936. —**358.**
Литтре, Е. Важность и успехи физиологии — «Современник», 1847, т. I, ч. II, февраль, стр. 125—164. — **138.**
Ломоносов, М. В. Гимн бороде — Соч. Т. II. Спб., 1893, стр. 137—140. — **306.**
— Записка о размножении и сохранении российского народа. — **304.**
— Краткое руководство к риторике— Соч. Т. III. Спб., 1895, стр. 17—77. — **306.**
— О нынешнем состоянии словесных наук в России — Соч. Т. IV. Спб., 1898, стр. 247—248. — **307.**
— Письмо Шувалову, И. И. — *в кн.* Соловьев, С. М. Собр. соч. Спб., б. г., стр. 1352. — **305, 307.**
— Слово о пользе химии, в публичном собрании Императорской Академии Наук сентября 6 дня 1751 года, говоренное Михаилом Ломоносовым — Соч. Т. IV. Спб., 1898, стр. 272—295.— **306, 308.**
— Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее, в публичном собрании Императорской Академии Наук июля 1 дня 1756 года говоренное Михаилом Ломоносовым— там же, т. IV. стр. 392 — 424. — **304.**
— Слово о явлениях воздушных от электрической силы происходящих, предложенное от Михаила Ломоносова — там же, т. IV, стр. 296—344. — **304.**
— Слово похвальное... государю императору Петру Великому в торжественное празднество коронования... императрицы Елисаветы Петровны... в публичном собрании Санктпетербургской Имп. Ак. Наук, говоренное Михаилом Ломоносовым апреля 26 дня 1755 года — там же, т. IV, стр. 361—391. — **304, 306, 308.**
— Слово похвальное...императрице Елисавете Петровне ...на ... торжественный день восшествия на всероссийский престол ее величества ноября 25 дня, который празднован в Имп. Ак. Наук публичным собранием ноября 26 дня 1749 года, говоренное Михаилом Ломоносовым — там же, т. IV, стр. 249—271. — **304, 306—308.**
— Сочинения с объяснительными примечаниями. Изд. Имп. акад. наук. Т. I—IV. Спб., 1891—1898.— **304—309.**
Львов, А. О земле, как элементе богатства. М., 1853. — **197.**
Львов, Н. А. Добрыня. Богатырская песня — «Друг просвещения». М., 1804, ч. III, стр. 196—207. — **294, 298.**
Льюис, Д. Г. Жизнь И. Вольфганга Гете. Перев. со 2-го англ. изд. Ч. I—II. Спб., 1867. —**377.**

Майков, В. Н. А. В. Кольцов. Спб. Соч. в 2-х т. Т. I. Киев, (1901), стр. 1—99. — **158.**
Маркс, К. Известия из Парижа. Кельн, 26 июня — Маркс К. и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI. М. — Л., 1930, стр. 197—201. — **62, 65.**
— Карл Маркс о Фейербахе — *в кн.* Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. Перев. с нем. Г. Плеханова. Женева, тип. «Социал-демократа», 1892, стр. 69—72; Плеханов, Г. В. Соч. Т. VIII, стр. 357—359. — **74, 78, 81—82.**
— Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч. Т. V. М. — Л., 1929, стр. 295—416. — **97, 105.**
— Предисловие к «К критике политической экономии» — там же, т. XII, ч. I, 1935, стр. 5—9. — **80.**
— Учредительный манифест и временный устав Международного товарищества рабочих — там же, т. XIII, ч. 1, 1936, стр. 5—16. — **270, 273.**
Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. с нем. с предисл. Г. Плеханова. Женева, 1900.—**23, 34, 71, 80, 138, 339.**
— Святое семейство или критика «критической критики» против Бруно Бауэра и К°— Соч. Т. III. Л., 1929, стр. 21—244. — **6, 22.**
— Сочинения. М. — Л., 1928—1936 (ИМЭЛ).— **6, 22—23, 34, 62, 65, 71, 74, 78, 80—82, 97, 105, 138, 270, 273, 339.**
Метерлинк, М. За стенами дома — Соч. в 3-х т. Спб. [б. г.], стр. 259—260. — **278—279.**
— Intérieur — Полн. собр. соч. Драмы. Т. I. М., 1903, стр. 267—284. — **279.**
— Монна Ванна. Пьеса в 3 действиях — там же, т. II, 1904, стр. 203—287. — **279.**
— Принцесса Мален — Соч. в 3-х т. Т. I. Спб., [б. г.], стр. 31—182 —**278.**
— Слепые. Внутри. Сестра Беатриса. Три драмы. Перев. с фр. Спб., 1908 (Всеобщая б-ка, № 15). — **278—279.**
Милль, Д. С. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Т. I—II. Спб., 1865. — **190.**

Михайловский, Н. К. Литературные заметки. 1880. Октябрь — Соч. Т. IV. Спб., ред. журн. «Русское богатство», 1897, стр. 958—977. — **338.**
— Прудон и Белинский — Соч. Т. III. 2-е изд. Вып. 2. Спб., 1888, стр. 107—161. — **161, 164.**
Мицкевич, А. Сочинения. Русск. перев. под ред. П. Н. Полевого. Т. I—V. Спб., 1882—1883. — **67, 76, 90.**
Мишле, Ж. Краткая история Франции до французской революции. Перев. с фр. Спб., 1838. — **115, 155.**
Морозов, Н. Виденья в темнице — *в кн.* Морозов, Н. Звездные песни. М., 1910, стр. 37—44. — **283.**
— Звездные песни. Первое полн. изд. всех стихотв. до 1919 г. в 2-х кн. Кн. I. М., 1920. — **285.**
Морозов, П. Ермил Иванович Костров — *в кн.* Русская поэзия. Вып. I. Спб., 1893, стр. 296—313. — **294, 297—298.**
«*Москвитянин*». Журнал, издаваемый М. Погодиным. М. (1841—1856). — **83, 136, 218—219.**
«*Московский городской листок*». М., 1847. — **210, 219.**
«*Московский наблюдатель*». Журнал энциклопедический М. (1835—1840). — **386.**
«*Московский телеграф*». Журнал литературы, критики, наук и художеств, изд. Н. Полевым. М. (1825—1834). — **49, 219.**

Наумов, Н. И. Горная идиллия. (Очерк) — Собр. соч. в 2-х т. Т. I. Спб., 1897, стр. 370—417. — **248.**
— Деревенский аукцион. (Сцены) — там же, т. II, стр. 1—9. — **248.**
— Деревенский торгаш — там же, т. II, стр. 215—234. — **249.**
— Зажора. (Рассказ) — там же, т. I, стр. 280—307. — **248.**
— Картинка с натуры — там же, т. II, стр. 354—377. — **249, 251.**
— Кающийся. (Очерк) — там же, т. I, стр. 196—210. — **247—248.**
— Крестьянские выборы — там же, т. I, стр. 418—514. — **248, 250.**
— Ночь на озере — там же, т. II, стр. 33—67. — **248.**
— Паутина. (Сцены) — там же, т. I, стр. 53—191. — **246—250.**
— Погорельцы. (Сцены) — там же, т. II, стр. 68—91. — **248, 250.**
— Поскотник. (Рассказ) — там же, т. I, стр. 25—52. — **246.**
— Последнее прости — там же, т. I, стр. 192—195. — **247.**
— Святое озеро. (Рассказ) — там же, т. II, стр. 100—160. — **249.**
— Собрание сочинений в двух томах. Спб., О. Н. Попова, 1897. — **246—251.**
— У перевоза — там же, т. I, стр. 229—241. — **248.**
— Фургонщик. (Рассказ) — там же, т. II, стр. 161—181. — **249—250.**
— Эскизы без теней. (Из записок невольного туриста) — там же, т. II, стр. 318—355. — **249, 251.**
— Юровая — там же, т. I, стр. 308—369. — **248, 250.**
— Яшник. (Очерк) — там же, т. I, стр. 211—228. — **247—248, 250.**
«*Наш путь*». Двухнедельное издание. Спб. (Вых. с 1910). — **XV, 108—109, 138, 397—398.**
— Письмо Плеханову, Г. В. Спб., [до 3 июня/21 мая 1911] — *в кн.* Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 149. — **138, 395.**
— Письмо Плеханову, Г. В. Спб., 3 июня/21 мая 1911 — *в кн.* Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 149. — **138, 395—396.**
Некрасов, Н. А. Влас — «Современник» № 5—6, 1855, стр. 329—332. — **236.**
— Газетная — Полн. собр. стихотв. в 2-х т. Т. I. Спб., 1895, стр. 360—371. — **19, 24, 196.**
— Железная дорога — там же, т. I, стр. 344—350. — **236.**
— Колыбельная песнь. (Подражание Лермонтову) — там же, т. I, стр. 9—10. — **233—234.**
— Кому на Руси жить хорошо — там же, т. II, стр. 1—279. — **233—234.**
— Медвежья охота — там же, т. I, стр. 444—464. — **131, 136, 265, 267.**
— Мороз красный нос — там же, т. I, стр. 296—338. — **168.**
— Полное собрание стихотворений в двух томах. 1842—1872. 6-е изд. Т. I—II, Спб., 1895. — **19, 24, 131, 136, 168, 196, 233—234, 236, 265, 267.**
— Поэт и гражданин — там же, т. I, стр. 136—146. — **234.**
— Размышления у парадного подъезда — там же, т. I, стр. 189—193. — **233, 237, 282.**
— Родина — там же, т. I, стр. 25—27. — **233—234.**
— Русские женщины. Бабушкины записки — там же, т. I, стр. 523—601. — **232.**

— Рыцарь на час — там же, т. I, стр. 226—233. — **282, 284.**
— «Скоро стану я добычей тленья» — там же, т. II, стр. 413—414. — **233—234.**
— Школьник — там же, т. I, стр. 133—135. — **301—302.**
Николадзе, Н. Я. Освобождение Н. Г. Чернышевского — «Былое», № 9, 1906, стр. 242—281. — **36, 49.**
Николай-он [*Даниельсон И.*]. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Спб., 1893. — **155.**
[*Новиков, Н. И.*] С[очинитель] *Живописца*. Неизвестному г. сочинителю комедии «О время» приписание — «Живописец», 1772, лист 1, стр. 5—8. — **224.**
— [Письмо] — «Кошелек», 1774, лист 4, стр. 51—64; лист 5, стр. 65—80. — **314—315.**
— [Письмо к издателю «Живописца»] — «Живописец», 1772, лист 21, стр. 166—168. — 314.
«*Ново време*. Полумѣсечно списание на Бѣлгарската социалдемокрация. София, партийната социалистическа книжарница и печатница. — **208.**
«*Новое слово*». Журнал научно-литературный и политический. Спб. (1895—1897). — **108—109, 178—179, 241, 246, 341—342, 348—349, 385.**

Огарев, Н. От Н. П. Огарева — «Колокол» № 9, 15 февраля 1858, стр. 68. — **42, 44, 48.**
— *Р. Ч.* Правительственные распоряжения (с 1857 г.) — «Колокол» № 3, 1 сентября 1857, стр. 19—25; № 7, 1 января 1858, стр. 51—56. — **42, 52.**
— Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости — «Колокол» № 101, 15 июня 1861, стр. 845—848. — **45.**
— Русские вопросы. Крестьянская община — «Колокол» № 8, 1 февраля 1858, стр. 59—65; № 9, 15 февраля 1858, стр. 68—73.
— Что нужно народу — «Колокол» № 102, 1 июля 1861, стр. 853—856; *в кн.* Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. П., 1919, стр. 138—146 [в комментарии]. — **36, 45, 48, 52.**
Одоевский, В. Ф. Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. Отрывки из записок. 1855—1856 — «Русский архив» № 2, 1874, стр. 305—359. — **162, 166.**
Островский, А. Н. Бедная невеста. Комедия в 5 действиях — Соч. Т. I. Спб., 1859, стр. 145—272. — **221—222.**
— Бедность не порок. Комедия в 3 действиях — там же, т. II, стр. 1—74. — **212, 219, 221, 223.**
— Гроза. Драма в 5 действиях. Спб., тип. К. Вульфа, 1860. — **210, 212, 221, 224.**
— Картины московской жизни. Картина семейного счастья — Соч. Т. I. Спб., 1859, стр. 1—26, под загл. «Семейная картина». — **210.**
— Не в свои сани не садись. Комедия в 3 действиях — Соч. Т. I. Спб., 1859, стр. 273—344. — **212, 214, 218, 220, 222.**
— Не так живи, как хочется. Народная драма в 3 действиях — Соч. Т. II. Спб., 1859, стр. 77—130. — **212, 218—219, 221—222.**
— Свои люди сочтемся. Оригинальная комедия в 4 действиях — Соч. Т. I. Спб., 1859, стр. 27—120. — **210.**
— Семейная картина — см. *[Островский, А. Н.]* Картины московской жизни.
— Сочинения. Т. I—II. Спб., 1859. — **210, 212, 214, 218—224.**
«*Отечественные записки*». Учено-литературный журнал, изд. Андреем Краевским. Спб. (1839—1884). — **157, 180, 188, 196, 201, 204.**

П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. Спб., 1892. — **83, 87, 333, 339.**
П. Ш. Памяти одинокого — «Киевская мысль» № 8, 8 января 1911, стр. 3. — **271, 273.**
Панаев, И. И. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском. Спб., 1876. — **122, 127, 131.**
[Передовая] — в журн. «Земля и воля» № 1, 25 октября 1878, стр. 1—7. — **99, 106.**
Переписка Карла Каутского и Г. В. Плеханова — «Группа Освобождение труда» № 5, 1926, стр. 200—235; № 6, 1928, стр. 251—295. — **252.**
«*Песни труда*». Сборник стихотворений различных авторов. Женева, тип. гр. «Осв. тр.», 1885 *. — **X, 280, 282.**
Писарев, Д. И. Пушкин и Белинский.

* Издание сборника не было осуществлено. Был отпечатан только первый лист. — *Ред.*

Евгений Онегин — Полн. собр. соч. в 6 т. Т. V. Спб., 1894, стр. 1—122. — **109, 113—119, 146, 166—174, 237, 284.**
— Разрушение эстетики — там же, т. IV, стр. 497—516. — **201.**
— Сочинения. Полное собрание в 6 т. Спб., Ф. Павленков, 1894. — **109, 113—119, 146, 166—174, 201, 237, 284.**
Письмо к редактору — «Колокол» № 25, 1 октября 1858, стр. 201—207. — **43—44, 48, 52.**
Платонов, С. Ф. Лекции по русской истории. Изд. 6-е испр. и доп. Спб., 1909. — **306, 308.**
Плеханов, Г. В. А. И. Герцен и крепостное право — «Современный мир», № 11—12, 1911, стр. 202—240; стр. 182—222; Соч. Т. XXIII, стр. 269—353. — **25—26, 29, 34, 38—39, 41, 50, 52, 76—77, 90, 106, 399.**
— Ашевский, С. Белинский в оценке его современников — «Современный мир» № 5, 1911, стр. 346—349; Соч. Т. XXIII, стр. 261—266, под загл. «О книге С. Ашевского». — **III, 108, 339—340.**
— Богучарский, В. Я. Александр Иванович Герцен — «Современный мир» № 6, 1912, стр. 327—331; Соч. Т. XXIII, стр. 446—452, под загл. «О книге В. Я. Богучарского: А. И. Герцен». — **III, 1—2.**
— Быстренин, В. Житейские были — «Новое слово» № 8, май 1897, стр. 52—55; Г. В Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 39—45. — **XV, 241—245.**
— В. Г. Белинский. Женева, Союз русск. с.-д., 1899; Соч. Т. X, стр. 319—349. — **77—78, 108—109, 119, 122—123, 128—131, 134—135, 137, 146, 159.**
— Виссарион Григорьевич Белинский (1810—1848) — *в кн.* История русской литературы XIX века. Т. II. М., 1909, стр. 227—269; Соч. Т. XXIII, стр. 121—157. — **108.**
— Виссарион Белинский и Валерьян Майков — «Современный мир» № 5, 1911, стр. 169—203; Соч. Т. XXIII, стр. 222—260. — **108.**
— Генрик Ибсен. Критический этюд. Спб., Б-ка для всех, 1906 (Литературно-критическая б-ка «Буревестник»); Соч. Т. XIV, стр. 193—237. — **XIII, 362.**
— Герцен-эмигрант — *в кн.* История русской литературы XIX века. Т. II. М., 1909, стр. 131 — 159; Соч. Т. XXIII, стр. 414—445. — **VIII, 26, 53, 89, 105—106.**
— [Два конспекта лекции о Герцене] — Г. В. Плеханов — литературный критик М., 1933, стр. 152—158. — **44.**
— Два слова читателям рабочим. Предисловие к сборнику «Песни труда». Женева, 1885, стр. I—X * — там же, стр. 25—31. — **X, XV, 280—285.**
— Два юбилея — Островский и Добролюбов. (Реферат, държанъ отъ Г. Плехановъ на 12. X. 1911 г. в Женева.) От А. Н — въ — «Ново Врѣме», София, 1911, № 19, 15 октомври, стр. 593—599. — **208—209.**
— [Девятая глава брошюры об Ибсене] — Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 120—133, под заглавием «Заключительная глава брошюры об Ибсене». — **362.**
— Добролюбов и Островский — «Студия» № 5—8, 1911; Соч. Т. XXIV, стр. 37—62. — **208—209.**
— Еще о Толстом — Соч. Т. XXIV, стр. 234—249. — **252, 264, 269—270, 273.**
— *Бельтов.* За двадцать лет. Сборник статей литературных, экономических и философско-исторических. Спб., 1905; 2-е изд. измененное. Спб., 1906; 3-е изд. дополненное, Спб., 1908. — **139, 179, 246, 341—342.**
— Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. Статьи первая и вторая — «Земля и воля» № 3, 15 января 1879, стр. 1—5; № 4, 20 февраля 1879, стр. 1—5; Соч., Т. I, стр. 56—74. — **330, 337.**
— Заметки публициста. Отсюда и досюда — Соч. Т. XXIV, стр. 185—194. — **XII, 252, 264.**
— Идеология мещанина нашего времени (по поводу книги г. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли») — «Современный мир» № 6—7, 1908, стр. 112—136; 72—139; Соч. Т. XIV, стр. 259—344. — **IV, VI, 80, 83, 106.**
— Искусство и общественная жизнь — «Современник» № 11—12., 1912, стр. 291 — 304; 108—122; № 1, 1913, стр. 130—161; Соч. Т. XIV, стр. 120—182. — **159, 230, 279, 373.**

* См. «Песни труда» подстр. примеч. — *Ред.*

— История новейшей русской литературы 1848—1892 — *см.* [*Плеханов, Г. В.*] *Каменский, Н.* Скабичевский, А. М. История новейшей русской литературы 1848—1892 гг.
— История русской общественной мысли — Соч. Т. XX—XXII. — **X, XV, 290, 297, 299—300, 307—309, 317—318, 320, 322, 324—325, 328, 407.**
— История французской литературы Гюстава Лансона. Перев. со 2-го франц. пересм. и доп. автором изд. К. Т. Солдатенкова. Т. I. М., 1896—«Новое слово» № 12, сентябрь 1897, стр. 30—36; Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 57—67. — **XIII, XV, 341—342, 348—357.**
— История французской литературы. XIX век. Г. Лансона. Перев. с франц. под ред. П. О. Морозова. Изд. ред. «Образования». Спб., 1897 — «Новое слово» № 9, июнь, 1897, стр. 62—67; Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 47—55. — **XIII, XV, 341—349, 355—356.**
— К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Кареева и К. Спб., тип. И. Н. Скороходова, 1895; Соч. Т. VII, стр. 61 — 288. — **246, 250, 384.**
— К вопросу о роли личности в истории — Соч. Т. VIII, стр. 273—306. — **357.**
— К. Маркс и Л. Толстой — «Социал-демократ» № 19—20, 13 января 1911; Соч. Т. XXIV, стр. 215—233. — **XII, 252. 273—274.**
— К шестидесятой годовщине смерти Гегеля — Соч. Т. VII, стр. 29—55.— **76.**
— [Конспекты лекций по искусству] — «Литературное наследие Г. В. Плеханова» № 3, 1936, стр. 77—164. —**358.**
— Materialismus militans. Ответ г. Богданову. Письмо первое—третье—Соч. Т. XVII, стр. 1—99. — **373.**
— Н. А. Некрасов. Женева. Загр. лига русск. рев. соц-дем., 1903; [*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов.* За двадцать лет. Сб. ст. Спб., 1905, стр. 116—133; Соч. Т. X, стр. 375—395. — **232.**
— Н. Г. Чернышевский. Спб., Шиповник, 1910. — **179—180.**
— Н. Г. Чернышевский. Статья первая — четвертая и последняя — «Социал-демократ» № 1, 1890, Женева стр. 88—175; № 2, стр. 62—142; № 3, стр. 71—110; № 4, 1892, стр. 144—194. — **179—180, 186—196.**
— Н. Г. Чернышевский. Ч. I—II — Соч. Т. V—VI. — **179—180, 340, 390—391.**
— *Каменский, Н.* Н. И. Наумов — «Новое слово» № 8, май 1897, стр. 21—41; [*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов.* За двадцать лет. Спб., 1905, стр. 1—23, под загл. «Наши беллетристы-народники»; Соч. Т. X, стр. 110—132, под загл. «Народники-беллетристы». — **246, 250.**
— Наши беллетристы-народники. Статья I. Г. И. Успенский — «Социал-демократ» кн. I. Женева, 1888, стр. 28—99; Соч. Т. X, стр. 9—65. — **147, 155.**
— Наши разногласия. Женева, тип. гр. «Осв. тр.», 1884 (Б-ка соврем. социализма. Вып. III); Соч. Т. II, стр. 91—356. — **338.**
— Несколько слов в защиту экономического материализма (Открытое письмо к В. А. Гольцеву) — Соч., т. VIII, стр. 195—221. — **24.**
— Неудачная история партии «Народной воли»—«Современный мир» № 5, 1912, стр. 147—176; Соч. Т. XXIV, стр. 131—160.—**229.**
— Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова. Женева, Русск. соц.-дем. союз, 1889 (Б-ка современного социализма. Вып. IX); Соч. Т. III, стр. 45—82. — **326, 389—390.**
— О Белинском — «Современный мир» № 5—6, 1910, стр. 182—208; 123—147; Соч. Т. XXIII, стр. 168—228.—**108.**
— О том, что есть в романе «То, чего не было». (Открытое письмо к В. П. Кранихфельду) — «Современный мир № 2, 1913, стр. 81—99; Соч. Т. XXIV, стр. 279—296, под загл. «О романе В. Ропшина». — **106.**
— [Отрывок из статьи о Н. Г. Чернышевском, относящийся к 1910 г.] — «Литературное наследие Г. В. Плеханова» № 1, 1934, стр. 132—137. — **180, 197—201.**
— Очерки по истории материализма — Соч. Т. VIII, стр. 29—192. — **78—79, 155, 228.**
— П. Я. Чаадаев (М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. Спб., 1908) — Соч. Т. XXIII, стр. 3—23. — **165.**
— Памяти Делина. (Речь на могиле) — «Группа Освобождение труда» № 3. М. — Л., 1925, стр. 371—372; Г. В.

Плеханов —литературный критик. М, 1933, стр. 161—162.—**287—289.**
— Пессимизм, как отражение экономической действительности — Соч. Т. X, стр. 135—162.
— Письмо Аксельроду, П. Б. [Женева], 28 октября 1908 — *в кн.* Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 134.—**394—395.**
— Письмо Горькому, А. М. 21 декабря 1911 — Соч. Т. XXIV, стр. 340—341.—**398—399.**
— Письмо Горькому, А. М. Сан Ремо, 2 июля 1913 — Соч. Т. XXIV, стр. 342.—**399—400.**
— Письмо Горькому, А. М. Женева, 3 сентября 1913 — Соч. Т. XXIV, стр. 342—343.—**401.**
— Письмо Кравчинскому-Степняку, С. М. [1888 конец] —«Группа Освобождение труда» № 1, 1924, стр. 145—146; Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 33—34. — **389—390.**
— Письмо Лаврову, П. Л. Цюрих, 10 ноября 1889 — там же, стр. 35. — **390—391.**
—[План разбора драмы Леонида Андреева «Жизнь человека»] — там же, стр. 111—114. — **275.**
— Похороны Н. А. Некрасова — там же, стр. 170—175. — **232, 284.**
— Предисловие к книге Деборина, А. Введение в философию диалектического материализма. П., Жизнь и знание, 1916 — *в кн.* Деборин, А. Введение в философию диалектического материализам; Соч. Т. XVIII, стр. 296—320. — **103.**
— Предисловие к сборнику «Песни труда» — *см.* Два слова читателям рабочим.
— Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Перев. с нем. с предисл. Г. Плеханова. Женева. Револ. орган. «Социал-демократ», 1900 (Б-ка современного социализма. Серия 2. Вып. III), стр. 14—78; Соч. Т. XI, стр. 275—326, под загл. «Первые фазы учения о классовой борьбе». — **23.**
— Реакционные жрецы искусства и г. А. В. Стерн — «Свобода» № 15, 31 декабря 1888, стр. 3—6; № 1, май 1889, стр. 5—10; Соч. Т. X, стр. 408—422. — **285.**
— Речь в день похорон П. Л. Лаврова— «Литературное наследие Г. В. Плеханова» № 1, 1934, стр. 149. — **390.**
— Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце — «Будущее» № 27, 21 апреля 1912; Соч. Т. XXIII, стр. 453—457. — **26.**
— «Свобода». Политический орган русской интеллигенции, № 1—7, 1888, Женева; «Самоуправление», орган социалистов-революционеров, № 1, декабрь 1887, № 2, май 1888 — «Социал-демократ» № 1, 1888, Женева, стр. 199—211; Соч. Т. IV, стр. 269—278.— **268.**
— *Каменский, Н.* Скабичевский, А. М. История новейшей русской литературы 1848—1892 гг. 3-е изд. (Ф. Павленкова) испр. Спб., 1897 — «Новое слово» № 2, ноябрь 1897, стр. 79—86; Соч. Т. X, стр. 307—315, под загл. «История новейшей русской литературы 1848—1892 гг. А. М. Скабичевского». — **240—241.**
— Смешение представлений (Учение Л. Н. Толстого) — «Мысль» № 1, декабрь 1910, стр. 1—12; № 2, январь 1911, стр. 1—10; Соч. Т. XXIV, стр. 195—214. — **XII, 16, 23, 252, 254—255.**
— Социализм и политическая борьба. Женева, 1883 (Б-ка современного социализма. Вып. 1); Соч., т. II, стр. 27—88. — **XIV.**
— Столетие со дня рождения В. Г. Белинского — «Наш путь» № 18, 17 июля 1911, стр. 2—6; Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 138—148. — **VII, XV—XVI, 109, 395—396.**
— *Каменский, Н.* Судьбы русской критики. А. Л. Волынский. Русские критики. Литературные очерки. Спб., 1896 — «Новое слово» № 7, апрель 1897, стр. 63—92; Соч. Т. X, стр. 165—197. — **174.**
— *Каменский, Н.* Судьбы русской критики. Белинский и разумная действительность — «Новое слово» № 10, июль 1897, стр. 1—28; № 11, август, стр. 1—22; [Плеханов, Г. В.] Бельтов. За двадцать лет. Спб., 1905, стр. 166—217, Соч. Т. X, стр. 201—252. — **76, 108, 139, 146, 159.**
— *Каменский, Н.* Судьбы русской критики. Литературные взгляды Белинского — «Новое слово» № 1, октябрь 1897, стр. 1—24; № 2, ноябрь, стр. 1—23; [Плеханов, Г. В.] Бельтов. За двадцать лет. Спб., 1905, стр. 217—265; Соч. Т. X, стр. 255—304.—**108—109, 139, 146, 154, 156, 159, 166, 178, 357, 359.**

— *Каменский, Н.* Судьбы русской критики. Эстетические взгляды Чернышевского — «Новое слово» № 3, декабрь 1897, стр. 19—35. [Плеханов, Г. В.] Бельтов. За двадцать лет. Спб., 1905, стр. 266—309; Соч. Т. VI, стр. 245—289, под загл. «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», — **179.**
— Толстой и природа — Соч. Т. XXIV, стр. 250—253. — **279, 395.**
— Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность — «Литературное наследие Г. В. Плеханова» № 1, 1934, стр. 13—74. — **77.**
— Философские взгляды А. И. Герцена. (К столетию со дня его рождения) — Соч. Т. XXIII, стр. 354—413. — **VII, 1, 76—79, 83, 87—89, 103—105.**
— Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии — Соч. Т. XIV, стр. 95—119. — **229.**
— *Г. П.* Шахов, А. Гете и его время — «Современный мир» № 12, 1908, стр. 138; Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1933, стр. 136. — **XV, 375—376.**
Полежаев, А. И. Сашка — Стихотворения. Спб., 1892, стр. 283—298.— **389.**
«Полярная звезда», издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон, Вольная русская типография — Genève et Bâle, H. Georg, libraire-éditeur, № 1—8, 1855—1869. — **27, 31, 41, 49, 86.**
Посошков, И. Т. Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъяснение, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается — Соч. Т. I. М., 1842, стр. 1—259. — **302, 304, 307—309.**
Преображенская рота и студенты — «Колокол» № 111, 8 ноября 1861, стр. 925. — **45, 48.**
Прокопович, Ф. Феофан, архиепископ новгородский к сочинителю сатир («Не знаю, кто ты, пророче рогатый») — *в кн.* Кантемир, А. Д. Соч., письма и избран. переводы. Т. 1, Спб , 1867, стр. 22—23. [В комментарии]. — **314, 318.**
Пушкин, А. С. Алéксандр Радищев — Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. VI. Спб., Просвещение (1904), стр. 388—403. — **321, 323.**
— Борис Годунов — Соч. Т. I. Спб., 1838, стр. 255—373. — **114, 117—118, 141, 146.**
— Бородинская годовщина — там же, т. III, стр. 26—29. — **170.**
— Вольность —«Полярная звезда» № 2, 1856, стр. 3—6. — **49.**
— 19 октября 1825 года — Соч. Т. III. Спб., 1838, стр. 16—22. — **167, 171.**
— Деревня — «Полярная звезда» № 2, 1856, стр. 7—8. — **49.**
— Евгений Онегин. Роман в стихах — Соч. Т. I. Спб., 1838, стр. 1—248. — **113—114, 116—117, 143—144, 149—151, 156—157, 167, 171—173, 175, 226, 233, 281.**
— Египетские ночи — Соч. Т. X., Спб., 1848, стр. 241—267. — **114, 118.**
— Зимняя дорога — Соч. Т. III. Спб., 1838, стр. 57—58. — **115, 119.**
— Кавказский пленник — Соч. Т. II. Спб., 1838, стр. 117—151. — **335.**
— Кинжал — «Полярная звезда» № 2, 1856, стр. 9—10; *в кн.* Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, стр. 9—10. — **31, 49.**
— Клеветникам России — Соч. Т. III. Спб., 1838, стр. 23—25. — **170.**
— Медный всадник. Петербургская повесть — Соч. Т. IX. Спб., 1848, стр. 1—22. — **114.**
— Моцарт и Сальери — Соч. Т. I. Спб., 1838, стр. 400—413. — **118.**
— Мысли на дороге (1833—1835) — Полн. собр. соч. Т. VI. 2-е изд. Спб., Просвещение (1904), стр. 325 — 381. — **323, 328.**
— Ода на свободу — *в кн.* Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, стр. 5—8. — **31.**
— Ответ Анониму — Соч. Т. III. Спб., 1838, стр. 177—178. — **115, 119.**
— Письмо Погодину, М. П., 15 августа 1827 — Соч. Т. VII. [Спб.]., 1903, стр. 281. — **174.**
— Поэт — Соч. Т. IV. Спб., 1838, стр. 216—217. — **115, 119, 174.**
— Родословная моего героя—Соч. Т. IV. Спб., 1838, стр. 320 — 325. — **114, 118.**
— Скупой рыцарь — Соч. Т. I. Спб., 1838, стр. 415—439. — **172.**
— Сочинения. Т. I—XI. Спб. тип. И. Глазунова и К°., 1838—1841. — **113—119, 141, 143—144, 146, 149—151, 156—158, 167, 170—175, 226, 233, 281, 323, 335.**
— Цыгане — Соч. Т. II. Спб., 1838, стр. 203—216. — **113, 116, 321—323.**
— Чернь — Соч. Т. IV. Спб., 1838, стр. 283—285. — **114, 119, 150, 158, 170, 174—175.**

Пшибышевский, С. Homo sapiens. Роман в 3-х ч. 2-е изд. М., 1904.—**382, 384—385, 387.**

Пыпин, А. Н. Белинский. Его жизнь и переписка. Т. I—II. Спб., изд. «Вестника Европы», 1876. — **30, 109, 111—112, 115, 121, 124, 133—136, 146, 148, 153, 155—156, 159—166, 175, 177.**

— История русской литературы. Т. IV. 3-е изд. без перемен. Спб., 1907. — **333—335.**

Радищев, А. Н. Вольность. Ода — Полн. собр. соч. Т. I. Спб., 1907, стр. 318—330. — **322, 326.**

— Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений. — *в сб.* Осьмнадцатый век. Кн. I. М., 1869, стр. 185—243. — **322, 325.**

— Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего. Спб., 8 августа 1782 — Полн. собр. соч. Т. I. Спб., 1907, стр. 1—5. — **328.**

— Путешествие из Петербурга в Москву. Спб., 1905. — **320—328, 336, 340, 389.**

Розанов, А. И. Николай Гаврилович Чернышевский — «Русская старина», т. 64, ноябрь, 1889, стр. 499—502. — **187.**

Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Ч. I. С предисл. Н. Огарева. Лондон, Trubner et Co, 1861. — **31, 49.**

Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов. Под ред. С. А. Венгерова. Вып. I. М., 1893. — **294, 307.**

«Русская старина». Ежемесячное историческое издание М. И. Семевского. Спб. (1870—1917). — **187, 317, 319—320.**

«Русский вестник». Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М.—Спб. (Вых. с 1856). — **285—287.**

«Русский инвалид». Газета военная, выходит ежедневно. Спб. (Вых. с 1813).— **265, 268.**

Руставели, Ш. Витязь в тигровой шкуре. Поэма. Перев. с грузинск. К. Д. Бальмонта. М., Гихл, 1937. — **337.**

Рылеев, К. Думы. Берлин, F. Schneider, 1859 (на обл. 1869). — **31, 49.**

— Стихотворения — *в кн.* Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, стр. 118—128. — **49.**

— Стихотворения — «Полярная звезда» № 2, 1856, стр. 27—32. — **49.**

Самарин, Ю. Ф. Письмо Герцену, А. И. Лондон, 11 июля 1864 — «Русь», № 1, 3 января 1883, стр. 30—31, письмо № 1; Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 290—291. — **20.**

— Письмо Герцену, А. И. Рогац, 3 августа 1864 — «Русь» № 1, 3 января 1883, стр. 35—42, письмо № 6; Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 319—327. — **5, 20.**

— Письмо Герцену, А. И. Рогац, 8 августа 1864 — «Русь» № 2, 17 января 1883, стр. 24—26, письмо № 8; Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XVII. П., 1922, стр. 335—336. — **20.**

Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок при журнале «Современник». Спб. (1859—1862). — **51—52.**

«Свобода». Политический орган русской интеллигенции. Женева (1888—1889). —**285.**

[Сенковская, А. А.] Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус). Биографические заметки его жены. Спб., 1858. — **405.**

Сенковский, О. И. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. I—IX. Спб., 1858—1859. — **403, 405.**

Сервантес, М. Дон Кихот Ламанчский. Роман в двух частях. Полн. перев. с испанск. М., 1904. — **229—231.**

Серно-Соловьевич, А. Наши домашние дела. Ответ Герцену на статью «Порядок торжествует» («Колокол» № 233). Vevey, 1867. — **42, 51.**

Скабичевский, А. М. История новейшей русской литературы. Спб., Ф. Павленков, 1891; 4-е изд. испр. и доп. Спб., 1900. — **157, 179—180, 187—188, 205, 207.**

— Мысли по поводу текущей литературы. Николай Алексеевич Некрасов, как человек, поэт и редактор— «Биржевые ведомости» № 6, 6 января 1878, стр. 1—2. — **238.**

«Смесь», или собрание разных философических и критических сочинений и переводов, в стихах и в прозе. Еженедельное издание 1769 года. — **317, 319.**

Смирновский, П. Пособие при изучении русской словесности. Курс старших классов мужских и женских гимназий. Сост. П. Смирновский. Ч. I—III. 12-е изд. М., 1909. — **270, 309.**

«Современник». Литературный и (с 1859) политический журнал. (С 1847 изд. И. Панаевым и Н. Некрасовым). (1836—1866).—**51—52, 138, 188, 195—197, 201.**

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1—6. Т. I—XXIV. Спб., Т-во Общественная польза, [б. г.]. — **305, 307, 318.**

— Собрание сочинений. Спб., Т-во Общественная польза, [б. г.]. — **305, 307.**

Сологуб, В. А. Тарантас. Путевые впечатления. 2-е изд. Спб., 1891. — **403, 405.**

Софокл. Антигона. Перев. с греч. в стихах. Спб., Знание, 1902. — **377.**

— Эдип в Колоне. Перев. с греч. в стихах. Спб., Знание, 1902. — **377.**

«Социал-демократ». Литературно-политический сборник. Выходит непериодически. Кн. I. Женева (1888). — **389—390.**

— Литературно-политическое обозрение. Лондон—Женева (1890—1892).— **179—180, 186—195, 268, 390—391.**

— Центральный орган российской социал-демократической рабочей партии. Вильно—Париж—Женева (1908—1917). — **252.**

Степняк-Кравчинский, С. М. Андрей Кожухов. Перев. с англ. Ф. М. Степняк — Собр. соч. Ч. IV. Спб., 1907. — **391—392.**

— Домик на Волге. Новообращенный. Сказка о копейке — там же, ч. III. — **391.**

— Подпольная Россия — там же, ч. II. — **391.**

— Штундист Павел Руденко. Дополн. по рукописи — там же, ч. I. — **391.**

Стерн, А. В. Брак по любви. Повесть. М., Посредник, 1893. — **287.**

— Из гнезда. Повесть — «Русский вестник». Т. 194, № 2, 1888, стр. 133—158; Т. 195, № 3, стр. 147—179; № 4, стр. 95—144. — **286.**

— Очнулась. (Из дневника Натальи Сергеевны.) Повесть. М., Посредник, 1893. — **287.**

— Три повести. Невольная месть. Выродок. Поздно. М., 1889. — **287.**

Стоюнин, В. Я. Князь Антиох Кантемир — *в кн.* Кантемир, А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. I, 1867, стр. XI—CXIII; *в кн.* Русская поэзия. Вып. I. Спб., 1893, стр. 1—19. — **295—296.**

— Князь Антиох Кантемир в Лондоне. (Из биографии Кантемира 1732 — 1738) — «Вестник Европы». Т. I, март 1867, стр. 224—273. Т. II, июнь, стр. 97—139. — **295—296.**

«Студия». Журнал искусства и сцены. Выходит еженедельно. М. (1911—1912). — **208.**

Сумароков, А. П. Дмитрий Самозванец. Трагедия. Новое издание. Спб., тип. имп. театра, 1807. — **295.**

«Сын отечества». Журнал словесности, истории и политики. Спб. (1812—1852). — **157, 174.**

Сю, Е. Парижские тайны. Роман. Перев. с фр. Т. I—II. Спб., 1844. — **60, 64, 130, 135.**

Т. Н. Грановский и его переписка. Т. I—II. I-е изд. М., тип А. И. Мамонтова, 1897. — **161, 165.**

«Телескоп». Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. М. (1831—1836). — **110, 163, 165, 339.**

Тихонравов, Н. С. Сочинения. Т. III, ч. 1—2. Русская литература XVIII и XIX вв. М., 1898. — **317, 319.**

Толстой, Л. Н. Божеское и человеческое. Повесть. М., 1911; Соч. Т. XVI. М., 1913, стр. 384—417. — **11, 23.**

— В чем моя вера? Берлин, 1902; Полн. собр. соч., запрещенных в России. 2-е изд. Т. VII. Christchurch, Hants, 1902 (изд. «Свободного слова», № 70. Под ред. В. Черткова); Полн. собр. соч. Т. XI. М., 1913, стр. 411—566. — **7, 13—14, 16, 22—23.**

— Война и мир. Т. I—IV — Соч. Ч. V—VIII. 7-е изд. М., 1887. — **263, 266, 269—271, 273.**

— Действительное средство. (Последняя статья) — Полн. собр. соч. Т. XVIII. М., 1913, стр. 308—309. — **263—264.**

— Деньги. Изд. М. Элпидина. Женева.— **264.**

— Детство, отрочество и юность — Полн. собр. соч. Т. I. М., 1913, стр. 1—318. — **119, 271.**

— К Александру III. (Письмо 1881 г.)— Полн. собр. соч. Т. XX. М., 1913, стр. 109—117. — **6, 22.**

— К политическим деятелям. Christchurch, Hants, 1903 (изд. «Свободного слова», № 85). — **7.**

— К рабочему народу. Christchurch, Hants, 1902 (изд. «Свободного слова»,

№ 78); Берлин, 1903 (Собрание лучших русских произведений).—**16, 24.**
— Какова моя жизнь. Изд. М. Элпидина. Женева. — **252, 264—270.**
— О Шекспире и драме — Соч., Т. XVI. М., 1913, стр. 169—222. — **159.**
— Полное собрание сочинений. Под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова. Т.—I—XX. М., 1912—1913. — **6—7, 11—14, 16, 22—23, 119, 159, 263—264, 266, 269—271, 273.**
— Спелые колосья. Сборник статей, мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Л. Н. Толстого. Сост. с разреш. автора. Genève, 1894. — **7, 9, 16—17, 22—24, 253—254, 256, 259—260, 271—274.**
— Так что же нам делать? — Полн. собр. соч., запрещенных в России. Т. VIII. Christchurch, Hants, 1902 (изд. «Свободного слова», № 70). — **264.**
— Царю и его помощникам. Обращение Л. Н. Толстого. Изд. «Свободного слова», № 57. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, 1901 (Листки свободного слова. Повременное издание под ред. В. Черткова, № 20). — **271, 273.**
— Что такое искусство? Вып. I—II. М., 1898; Соч. Т. XVI. М., 1913, стр. 5—166. — **159.**
Том. Слово похвальное Марку Аврелию. Перевел Д. И. Фонвизин — Соч., письма и избр. переводы Д. И. Фонвизина. Спб., 1866, стр. 619—648. — **311.**
«Трутень». Еженедельное издание. Спб., на 1769 г., лист I—XXXVI, май — декабрь; на 1770 г., лист I—XVII, январь — апрель. — **227, 318, 384.**
Тургенев, И. С. Воспоминания о Белинском — «Вестник Европы», апрель 1869, стр. 695—729; Полн. собр. соч. Т. X. Спб., 1891, стр. 18—65. — **154.**
— Гамлет и Дон-Кихот. Речь, произнесенная 10 января 1860 г. — Полн. собр. соч. Т. X. Спб., 1891, стр. 430—453. — **X, 81, 229—231.**
— Дворянское гнездо — «Современник» № 1, 1859, стр. 5—160.—**233.**
— Накануне — «Русский вестник» № 1, 1860, стр. 69—212.—**216, 220.**
— Отцы и дети — «Русский вестник» № 1, 1862, стр. 473—663.—**69, 79.**
— *Т-в.* Письмо из Петербурга. 24 февраля 1852 — «Московские ведомости» № 32, 15 марта 1852, стр. 328—329.—**388—389.**
— Рудин. Повесть — «Современник» № 1, 1856, стр. 5—68.—**226.**

Успенский, Глеб. Власть земли — Соч. в 2-х т. Т. II. Спб., «Общественная польза», 1897, стр. 591—674.—**241.**
Успенский, Н. В. Сочинения. Повести, рассказы и очерки в 4-х т. Т. I—IV. М., 1883. — **335—336, 340.**
«Утренний свет». Ежемесячное издание. Спб. (1777—1780).—**339.**

Фишер, К. История новой философии, перев. с нем. юбил. изд. Т. VII. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение. Спб., 1905.—**104.**
Фонвизин, Д. И. Бригадир. Комедия в 5 действиях — Соч., письма и избранные переводы. Спб., 1866, стр. 1—48.—**197, 201, 312, 314—315, 318.**
— Всеобщая придворная грамматика — там же, стр. 238—242.—**317, 319.**
— Выбор гувернера. Комедия в 3 действиях — там же, стр. 111—123.—**310, 318.**
— Друг честных людей или Стародум. Периодическое сочинение, посвященное истине. Объявление об издании. Статьи, заготовленные для издания,— там же, стр. 227—505.—**317—319.**
— Недоросль. Комедия в 5 действиях — там же, стр. 49—110.—**309—310, 312—313, 316, 318.**
— Ответ Стародума [сочинителю «Недоросля»]. Москва, январь 1788 — там же, стр. 229—230.—**317—318.**
— Письма — там же, стр. 267—505.—**310—312, 315, 317—319, 333, 339.**
— Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой — там же, стр. 236—237.—**317, 319.**
— Разговор у княгини Халдиной. (Письмо от Стародума.) Москва, февраль 1788 — там же, стр. 249—258.—**317, 319.**
— Сочинения, письма и избранные переводы. Спб., 1866.—**309—320.**

Хемницер, И. И. Басни и сказки. *в кн.* Русская поэзия. Вып. 1. Спб., 1893, стр. 453—484.—**319—320.**
— Добрый царь. — «Русская старина», 1872, т. V, стр. 229—230.—**319—320.**
Хроника. [О докладе Исаева, А. А. «Народное хозяйство и государство по учению Л. Н. Толстого»] — «Речь» № 334, 5 (18) декабря 1910.—**272, 274.**

Чаадаев, П. Я. (Апология безумного). Apologie d'un fou — Соч. и письма. Т. I. М., 1913, стр. 219—234.—**165.**
— Письмо Шеллингу. Москва, 20 мая 1842 — «Русский вестник» № 11, 1862, стр. 159—160; Соч. и письма. Т. I. М., 1913, стр. 244—246.—**57.**
— Философические письма г-же ***. Письмо первое — «Телескоп», ч. 34, 1836, стр. 275—310; Соч. и письма. М., 1914, стр. 3—20.—**57—58, 123, 163, 165, 334, 339.**
Чернышевский, Н. Г. Антропологический принцип в философии. (Очерки вопросов практической философии. Сочинение П. Л. Лаврова. I. Личность. Спб., 1860.) Статьи первая и вторая — «Современник» № 4, 1860, стр. 329—366; № 5, стр. 1—46; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VI. Спб., 1906, стр. 179—239.—**6—7, 15, 22, 324.**
— Бедность не порок. Комедия А. Островского. М., 1854 — «Современник» № 5, 1854, стр. 14—24; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. I. Спб., 1906, стр. 123—130.—**212, 219.**
— Дневник 1852—1853 — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. X. Ч. 2. Спб., 1906, стр. 3—108.—**195.**
— Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Джона Стюарта Милля — Соч. Т. III. Женева, 1869; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VII. Спб., 1905, стр. 5—87; 132—162; 180—190; 207—214; 244—303.—**190.**
— Заметки о журналах. Апрель 1857— Полн. собр. соч. в 10 т. Т. III. Спб., 1906, стр. 180—200.—**203.**
— Критика философских предубеждений против общинного владения — «Современник» № 12, 1858, стр. 575—614; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. IV. Спб., 1906, стр. 304—333.—**193.**
— Лессинг, его время, его жизнь и деятельность — «Современник» № 10—12, 1856 и № 1, 3, 4, 6, 1857; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. III. Спб., 1906, стр. 585—780.—**197, 199—201, 203.**
— Научились ли? — «Современник» № 3, 1862, стр. 345—356; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. IX. Спб., 1906, стр. 174—185.—**195, 197.**
— Не начало ли перемены? (Рассказы Н. В. Успенского. Две части. Спб. 1861) — «Современник» № 11, 1861, стр. 79—106; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VIII. Спб., 1906, стр. 339—359.—**194, 340.**
— О «Бригадире» Фонвизина — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. X. Ч. 2. Спб., 1906, стр. 1—20.—**197, 201.**
— О земле, как элементе богатства, А. Львова — «Современник» № 5, 1854, стр. 65—76; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. I. Спб., 1906, стр. 131 — 139.—**197.**
— *Современник.* О новых условиях сельского быта — «Современник» № 1—2, 1858, стр. 393—441; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. IV. Спб., 1906, стр. 50—85.—**42.**
— О поэзии. Сочинение Аристотеля — «Отечественные записки» № 9, 1854, отд. III, стр. 1—28; «Современник» № 5, 1854, стр. 12—14; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. I. Спб., 1906, стр. 26—47.—**201—202.**
— О причинах падения Рима. (Подражание Монтескье.) — «Современник» № 5, 1861, стр. 89—117; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VIII. Спб., 1906, стр. 156—177.—**81, 107.**
— Опыт словаря к Ипатьевской летописи — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. X. Ч. 2. Спб., 1906, стр. 21—81.—**188, 198.**
— Основания политической экономии Д. С. Милля. Перевод и примечания — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VII. Спб., 1905, стр. 1—664.—**191—192.**
— Очерки гоголевского периода русской литературы — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. II. Спб., 1906, стр. 1—276.—**30, 184—186, 188, 197—201, 203—204, 290—292, 297.**
— Очерки из политической экономии (по Миллю) — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VII. Спб., 1905, стр. 305—664.—**191—192.**
— Письмо Алексею Николаевичу — «Былое» № 5, 1906, стр. 91—92*.—**195, 197.**
— Письмо жене. Петропавловская крепость, 5 октября 1862—«Былое» № 3, 1906, стр. 113—115.—**195.**
— Политика. Апрель 1862 — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. IX. Спб., 1906, стр. 235—246.—**204.**
— Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов Г. К. Кэри. Перев. с англ. — «Современник» № 1, 1861, стр. 35—52; Полн. собр. соч. в 10 т.

* Авторство отрицается Чернышевским. — *Ред.*

Т. VIII. Спб., 1906, стр. 26—38.—**196.**
— Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. М. Н. Чернышевского. Спб., 1905—1906.—**179, 183, 193, 196—197, 201—204, 216, 291, 297.**
— *Андреев.* Предисловия к русскому переводу «Всеобщей истории» Г. Вебера (тт. I, VI, VII, X, XI; I второго изд.) и статьи, приложенные к переводу, — *в кн.* Вебер, Г. Всеобщая история. М., 1885—1889 и 2-е изд. Т. I. М., 1890; Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского в 10 т. Т. X. Ч. 2. Спб., 1906, стр. 76—229.—**196.**
— Пролог пролога. Роман из начала шестидесятых годов. Лейпциг [б. г.]; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. X. Ч. 1. Спб., 1906, стр. 1—183.—**193—194, 386.**
— Русский реформатор. (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа. Т. 2. Спб., 1861) — «Современник» № 9, 1861, стр. 211—250; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VIII. Спб., 1906, стр. 292—319.—**194—196.**
— Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася» — «Атеней» № 3, 1858, стр. 65—89; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. I. Спб., 1906, стр. 87—102.—**194.**
— Сочинения Пушкина с прилож. матер. для его биографии. Изд. П. В. Анненкова. Спб., 1855 — «Современник» № 2, 1855, стр. 27—58; № 3, стр. 1—34; № 7 и 8, стр. 1—52; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. I. Спб., 1906, стр. 245—330.—**202.**
— Французские законы по делам книгопечатания — «Современник» № 3, 1862, стр. 141—176; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. IX. Спб., 1906, стр. 128—132.—**195.**
— Что делать? Рассказы о новых людях. Роман. Новое изд., перепеч. из «Современника» за 1863 г. Лейпциг, б. г. — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. IX, отд. 2. Спб., 1906, стр. 1—317.—**113, 116, 195, 386.**
— Эстетические отношения искусства к действительности. Спб., 1855 — Полн. собр. соч. в 10 т. Т. X. Ч. 2. Спб., 1906, стр. 84—164.—**159, 180, 183—185, 188, 192, 196, 201, 204, 207, 216.**
— *Н. П-ъ.* Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. Н. Чернышевского. Спб., 1855—«Современник» № 5, 1855, отд. III, стр. 23—54; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. X. Ч. 2. Спб., 1906, стр. 165—189.—**183.**
— Что надо делать войску — «Колокол» № 111, 8 ноября 1861, стр. 925—927.—**45, 48.**

Шевырев, С. П. Словесность и торговля — «Московский наблюдатель», ч. I, март 1835, стр. 5—29.—**381, 386.**

Эккерман, И. П. Разговоры Гете, собранные Эккерманом. Перев. с нем. Ч. I—II. Спб., 1891.—**377, 384.**
Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV. М.—Л., 1931, стр. 17—332. — **81, 88, 103—104.**
— Людвиг Фейербах. Перев. с нем. Г. Плеханова с двумя прилож. и объяснит. примеч. переводчика, Женева, тип. «Социал-демократа», 1892.—**138.**
Эсхил. Прикованный Прометей. Драма. С греческого П., б. г. (Дешевая библиотека, № 103).—**111, 377.**

Яцимирский, А. И. Новейшая польская литература. От восстанья 1863 года до наших дней. Т. I—II. Спб., [1908].—**382, 387.**

Б. НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Achkinasi, M. Les victimes du tzar. Paris, 1881. — **288—289.**
Andrejew, L. Das Leben des Menschen. Ein Spiel in fünf Bildern. Berlin, 1907. — **275—280.**

Balzac, H. de. Eugénie Grandet. Paris, [s. a.]. — **331, 338.**
— La maison du chat qui pelote — Oeuvres complètes. Scènes de la vie privée. Paris, Librairie nouvelle, 1857, pp. 21—91. — **343.**
Barthélemy, J. J. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, vers le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire. Nouv. éd. T. I—VIII. Paris, 1817. — **137.**
Blanc, L. Histoire de la révolution française. Nouv. éd. Paris, Librairie internationale, 1889. — **135.**

Boileau. L'art poétique. Epitres, odes, poésies diverses, épigrammes. Paris, Librairie de la Bibliothèque nationale, 1886. — **204.**
— Au marquis de Dangeau. Sur la véritable noblesse. Satire V — Satires. Paris, 1896, pp. 49—54. — **295.**
— L'auteur à son esprit. Satire IX — там же, pp. 76—87. — **292—293.**
— Satires. Le Lutrin. Paris, Bibliothèque nationale, 1896 (Collection des meilleurs auteurs anciens et modernes). — **204, 292—293, 295.**
Brandes, G. Die Emigrantenliteratur — *в его же кн.* Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. Bd. I. Leipzig, 1894. — **381.**
— Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. Vorlesungen gehalten an der Kopenhagener Universität. Bd. I—V. Leipzig, 1894. — **372.**
— Heinrich Ibsen und seine Schule in Deutschland — Gesammelte Schriften. Bd. I. München, 1902, SS. 37—69. — **366—369, 372.**

Cantemir, A. Satires de monsieur le prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en français. Londres, J. Nourse, 1749. — **295.**
Considérant, V. Destinée sociale. Paris, Bureau de la «Phalangue», 1838. — **64, 70, 91.**
Corneille, P. Le Cid. Tragédie représentée en 1636 — Chef d'oeuvres dramatiques. T. II. Paris, 1791, pp. 1—94. — **346—347, 357—358, 360—361.**
— Cinna, ou la clémence d'Auguste. Tragédie représentée en 1639 — там же, t. III, pp. 1—80. — **350.**
— D. Sanche d'Aragon. Comédie héroique — там же, т. VII, pp. 3—88. — **352.**
— Héraclius, empereur d'orient. Tragédie, représentée en 1647 — там же, t. V, pp. 1—93. — **352.**
— Rodogune, princesse des Parthes. Tragédie, représentée en 1644 — там же, t. IV, pp. 1—87. — **352.**

Dennert, E. Die Weltanschauung des modernen Naturforschers. Stuttgart, 1907. — **275—279.**
«Deutsch-französische Jahrbücher», hrsg. v. Arnold Ruge u. Karl Marx. 1. und 2. Lieferung. Paris, Bureau der Jahrbücher, 1844. — **145—146, 162.**
Diderot, D. Le Salon de 1765 et 1767 — Oeuvres, publiées sur les manuscrits de l'auteur par Jacques-André Naigeon de l'Institut national des sciences etc. T. XIII—XV. Paris, Desray et Deterville, 1798. — **171.**
Dorguth, F. Kritik des Idealismus und Materialen zur Grundlegung eines apodiktischen Real-Rationalismus, 1838.—**88.**
Dumas, J.-B. Leçons sur la philosophie chimique professées au collège de France en 1836 par M. Dumas, recueillies par M. Bineau. 2. éd. Paris, Gauthier-Villars, 1878. — **78.**

Encyclopédie ou dictionnaire raisonnée des sciences, des arts et des métiers, par une société des gens de lettres. Neufchastel, 1765. — **316.**
Engels, F. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft — «Vorwärts», 1877—1878. — **81, 88.**
— Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Revidierter Sonderabdruck aus der «Neuen Zeit». Mit Anhang: Karl Marx über Feuerbach vom Jahre 1845. Stuttgart, 1888. — **138.**
«The english republic». A Newspaper and Review. Ed. by W. J. Linton, Chartist. 4 vol. Coniston, Brandwood (1851—55). — **50.**
Epictète. Le manuel d'Epictète et les commentaires de simplicius, tr. en français avec des remarques par M. Dacier. T. I—II. Paris, S.-P. Coignard, 1715. — **350, 358.**

Feuerbach, L. Fragmente zur Charakteristik meines philosophischen Curriculum Vitae — Sämmtliche Werke. Bd. II. Leipzig, 1846, SS. 380—414. — **3—4, 21.**
— Kritik des Idealismus von F. Dorguth (1838) — Sämmtliche Werke. Bd. II. Leipzig, 1846, SS. 137—152; Sämmtliche Werke. Bd. II. Stuttgart, 1904, SS. 131—145. — **85, 88.**
— Philosophische Kritiken und Grundsätze — Sämmtliche Werke. Bd. II. Stuttgart, 1904. — **3, 21, 85, 88—89.**
— Zur Kritik der Hegel'schen Philosophie — «Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst», 1839, Jg. II, № 208—216. — **205.**
Flaubert, G. Correspondance. Deuxième série (1850—1854). Paris, Bibliothèque Charpentier, 1900. — **158.**
— Madame Bovary. Moeurs de province — Oeuvres complètes. T. I. Pa-

ris, 1885 (Ed. définitive d'après les manuscrits originaux), pp. 1—475. — **356, 360.**

Gantier, H. La bibliothèque des philosophes et des savants, tant anciens que modernes, avec les merveilles de la nature... T. I—II. Paris, 1723. — **295.**

Gautier, Th. Tableau de siège. Paris, 1871. — **174.**

Goethe, J. W. Faust. T. I—II. Halle, [s. a.]. — **113, 115, 154.**

— Leiden des jungen Werthers. Roman — Sämmtliche Werke. Vollständige Ausgabe in 44 Bänden. Mit Einleitung. B. XV. Leipzig, [s.a.], SS. 3—95. — **327.**

Gromaire, G. La littérature patriotique en Allemagne. 1800—1815. Paris, 1911. — **379—380.**

«Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst». Hrsg. v. A. Ruge und Th. Echtermeyer. Leipzig. — **205.**

Hans, W. Schicksal und Wille. Ein Versuch über Henrik Ibsens Weltanschauung. München, C. H. Beck'sche Verlagsbuchh., 1906. — **363.**

Hart, H. u. J. Kritische Waffengänge. H. 1—6. Leipzig, 1882—1884. — **381.**

— Passes d'armes critiques. — **381.**

Hauvette, H. Littérature italienne. 2-me éd. Paris, 1910 (Histoires des littératures). — **382.**

Haxthausen, A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. T. I—II. Hannover-Berlin, 1847. — **64.**

Hegel, G. W. F. Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften in Grundrisse. T. I. Die Logik — Werke. Vollständige Ausg. durch einen Verein vom Freunden des Verewigten. B. VI. 2. Aufl. Berlin, 1843. — **78, 93, 178.**

— Esthétique. Traduction française. 2 volumes. 2-me éd., Paris, 1875. — **178.**

— Grundlinien der Philosophie des Rechts. Naturrecht und Staatswissenschaft in Grundrisse. Zum Gebrauch für seine Vorlesungen. Berlin, Nicolaischen Buchh., 1821. — **67, 178.**

— System der Wissenschaft. Erster Theil, die Phänomenologie des Geistes. Bamberg und Würzburg, 1807. — **88, 160, 163, 175.**

— Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie — Werke. Vollständige Ausg. durch einen Verein von Freunden des Verewigten. B. XV. Berlin, 1836. — **67, 79, 147.**

— Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte — там же, B. IX, 1837. — **67, 69—70, 147.**

— Vorlesungen über die Philosophie der Religion — там же, B. XI—XII, 1832. — **178.**

Heine. Doktrin — Werke. T. I, Leipzig, Bibliographisches Institut, [s. a.], S. 310. — **216, 219—220.**

Helvétius. De l'homme — Oeuvres complètes. Nouv. éd. Paris, 1818. — **22.**

[Herzen, A. I.] Iskander. Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Paris, 1851. — **63, 74—75, 148, 176.**

[Holbach]. Le christianisme dévoilé ou examen des principes et des effets de la religion chrétienne. Londres, 1774. — **272, 274.**

Hugo, V. Les misérables. 3-e partie. Marius. T. V. Neuchatel, 1862. — **360.**

Ibsen, H. Brand. Schauspiel in 5 Akten — Sämmtliche Werke in deutscher Sprache. B. IV. Berlin, 1903, SS. 1—203. — **364—365, 370—371.**

— Gespenster. Ein Familiendrama in 3 Akten — там же, B. VII, SS. 1—89. — **364—365.**

— Lettre à Brandes. Dresden, 24 septembre 1871 — Lettres de Henrik Ibsen à ses amis. 2-me éd. Paris, 1906, pp. 130—132. — **368.**

— Lettre à Brandes. Rome, 3 janvier 1882 — там же, pp. 221—224. — **368.**

— Lettres de Henrik Ibsen à ses amis. Paris, Perrin et C-e, 1906. — **368.**

— Peer Gynt. Ein dramatisches Gedicht — Sämmtliche Werke in deutscher Sprache. B. IV. Berlin, 1903, SS. 205—392. — **276, 279.**

— Rede an den Verein Drontheimer Arbeiter 14 Juni 1885 — там же, B. I, SS. 524—545. — **364, 369.**

— Sämmtliche Werke in deutscher Sprache. Von Dichter autorisiert. B. I — IX. Berlin, 1903. — **74, 83, 276, 279, 364—365, 368—369, 372, 379.**

— Die Stützen der Gesellschaft. Schauspiel in 4 Aufzügen — B. VI, SS. 149—273. — **369, 372.**

— Ein Volksfeind. Schauspiel in 5 Akten — там же, B. VII, SS. 91—213. — **74, 83, 364—365, 372,**

Juvenal. Les exemples. Satire XIV — Satires. Paris, 1910, pp. 165—178. — **300.**

— La noblesse. Satire VIII — там же, pp. 103—114. — **296.**

— Les plaintes de Névolus. Satire IX — там же, pp. 115—122. — **300.**

— Satires. Traduction nouvelle. Paris, Bibliothèque nationale, 1910. (Collection des meilleurs auteurs anciens et modernes). — **296, 300.**

Kasprowicz, J. Nienawidze! — Poezje. Lwòw, Ksiegarnia polska, [s.a.] (Bibljoteka Mrówki. T. 257—9), p. 39. — **382, 387.**

Kosloff. Le pénitent noir. Histoire Kievienne. Trad. libre et en vers du poème de Kosloff, Чернец. Par le prince Nicolas Golitzine. Saint-Pétersbourg, 1836. — **171.**

Lafontaine. Les amours de Psyché et de Cupidon. Paris (1803). — **334, 339.**

Lanson, G. Histoire de la littérature française. Paris, 1894. — **341—357.**

Lanson, G. Histoire de la littérature française. 8-me éd. rev. Paris, 1903. — **342.**

— Histoire de la littérature française. 10-me éd. rev. Paris, 1908. — **342.**

— Nivelle de la Chaussé et la comédie larmoyante. Paris, 1887. — **351, 357, 361.**

Lassalle, F. Über Verfassungswesen. Ein Vortrag gehalten in einem Berliner Bürger-Bezirks-Verein. Berlin, 1862. — **204.**

Leroux, P. Aux états de Jersey, sur un moyen de quintupler, pour ne pas dire plus, la production agricole des pays. 2-me tirage. London, Universal library, 1853. — **86, 89.**

Lessing, G. E. Emilia Galotti. Ein Trauerspiel in 5 Aufzügen. Leipzig, [s. a.] — **201.**

— Hamburgische Dramaturgie. I. B., Stück 1—52; II. B., Stück 53—104 — Werke. Hrsg. v. Fr. Bornmüller. Kritisch durchgesehene und erläuterte Ausgabe. B. IV. Leipzig und Wien, Bibliographisches Institut [s. a.]. SS. 1—453. — **352, 358.**

— Nathan der Weise. Ein dramatisches Gedicht in 5 Aufzügen. Stuttgart [s.a.] — **201.**

Lever, Ch. The Dodd Family Abroad. Copyright ed. In three volumes. V. I—III. Leipzig, 1854 (Collection of British authors. Tauchnitz edition). — **188.**

Maeterlinck, M. Intérieur — *в кн.* Maeterlinck. Théâtre. II. Bruxelles, 1908, pp. 173—200. — **279.**

Martino, P. Le roman réaliste sous le Second Empire. Paris, 1913. — **381.**

Marx, K. Einleitung zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie — «Deutsch-französische Jahrbücher». Paris, 1844. I. u. 2. Lieferung. — **166.**

— Karl Marx über Feuerbach (niedergeschrieben in Brüssel im Frühjahr 1845) — *в кн.* Engels, Fr. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart, 1888, SS. 69—72. — **74, 78.**

— Misère de la philosophie. Reponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris-Bruxelles, 1847. — **97, 105.**

— Zur Kritik der politischen Oekonomie. I. Heft. Berlin, 1859. — **80.**

Marx, K. u. Fr. Engels. Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten. Frankfurt a/Main, 1854. — **6, 22, 274.**

— Manifest der kommunistischen Partei. Veröffentlicht im Februar 1848. London, gedruckt in der Office der «Bildungs Gesellschaft für Arbeiter» von J. C. Burghard. — **71.**

Molière. L'avare. Comédie. 1668 — Théâtre complet de Molière. T. IV. Paris, [s. a.], pp. 51—133. — **172.**

Musset, Al. de. La confession d'un enfant du siècle. Paris, La renaissance du livre [s. a.] (Tous les chefs-d'oeuvres de la littérature française). — **339.**

«Neue Rheinische Zeitung». Organ der Demokratie. Köln (1848—1849). — **62.**

«Die Neue Zeit». Revue des geistigen und öffentlichen Lebens. Stuttgart (1883—1917). — **252.**

«Organisateur», journal des progrès de la science générale, recueil périodique, saint-simonien, fondé par P. M. Laurent. Paris (1829—1831). — **326.**

Pineau, L. L'évolution du roman en Allemagne au XIX-e siècle. Avec une préface. Paris, 1908. — **380.**

Plechanow, G. Beiträge zur Geschichte des Materialismus (Holbach—Helvetius

—Marx). Stuttgart, 1896 (Internationale Bibliothek, № 29). — **70.**
— Ferdynand Lassale, zycie jego i dzialalnosc (szkic historycznokrytyczny) — «Przeglad Spoleczny», т. II, № 9—12, 1886, pp. 206—219; 302—313; 363—377; 431—447. — **77.**
— Heinrich Ibsen — Ergängungshefte zur «Neuen Zeit», № 41, 10 Juli, 1908, SS. 1—35. — **XV, 362.**
— Le centenaire d'Alexandre Herzen — «L'Avenir», № 21, 10 Mars, 1911. — **XV, 26—29.**
Pouchkine. Aux détracteurs de la Russie (Клеветникам России), trad. par le traducteur du Чернец. Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Senen, 1839. — **171.**
«Przeglad Spoleczny». Pismo naukowe i literackie. Lwow, Drukarnia polska. — **77.**

Rappoport, Ch. Lew Nikolajewitsch Tolstoi als Philosoph und Moralist des Jenseits (1828 bis 1910) — «Neue Zeit», Jg. XXIX. B. I, 1910, № 12, 23. XII, SS. 388—395; № 13, 30. XII, SS. 429—434; № 14, 6. I. 1911; SS. 476—482. — **252.**
Rousseau, J.-J. Du contrat social ou principes du droit politique. Paris, Librairie de la bibliothèque nationale, 1891 (Bibliothèque nationale. Collection des meilleurs auteurs anciens et modernes). — **260—261.**
— Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau. T. IV. Paris, 1839. — **272, 274.**

Sainte-Beuve, C. A. Espoir et voeu du mouvement littéraire et poétique après la révolution de 1830 — *в его же кн.* Premiers Lundis. T. I. Paris, 1874, pp. 394—406. — **154.**
Saint-Simon. Parabole — «Organisateur», 1819. — **322, 326.**
Sand, G. Le compagnon du tour de France — Oeuvres. T. III. Bruxelles, Société Belge de librairies, 1842, pp. 3—152. — **343.**
— Melchior — Oeuvres. Nouv. éd. T. II. Paris, 1857, pp. 233—272. — **112.**
— La petite Fadette. Paris, 1852. — **113, 115.**
Schiller, F. Don Carlos. Infant von Spanien. Ein dramatisches Gedicht — Werke. Stuttgart u. Leipzig [s. a.], SS. 225—281. — **137.**
— Die Ideale — там же, SS. 53—54. — **161, 164.**
— Die Jungfrau von Orleans. Eine romantische Tragödie — там же, SS. 405—439. — **161, 164.**
— Kabale und Liebe. Ein bürgerliches Trauerspiel — там же, SS. 192—224. — **164.**
— Der Kampf — там же, S. 24. — **161, 164.**
— Die Räuber. Ein Schauspiel — там же, SS. 113—155; — **161, 164**
— Resignation — там же, SS. 24—25. — **161, 164.**
— Werke. Hrsg. von J. G. Fischer. 12. Aufl., Stuttgart u. Leipzig, Deutsche Verlagsanstalt, [s. a.]. — **137, 161, 164.**
Skudéry, G. Observations sur le Cid, 1637. — **358.**
Shakespear, W. Hamlet, prince of Denmark — The works. V. 9. London, 1751, pp. 83—186. — **76, 151, 159, 229 — 231.**
— Othello, the Moor of Venice — там же, v. 9, pp. 187—280. — **113, 116, 140.**
Spenlé, E. Novalis. Essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne. Paris, 1904. — **378 — 379.**
Spuller, E. Royer Collard. Paris, 1895. — **345, 357.**
Staël, G. de. De la littérature considerée dans ses rapports avec les institutions sociales, suivi de l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations. Paris, 1842. — **86.**
Stendhal (Henry Beyle). La chartreuse de Parme. T. I—II. Paris, 1839. — **360.**
Stern, Daniel (M-me d'Agoult). Histoire de la révolution de 1848. T. I—III. Paris, G. Sandré, 1850—1853; Nouv. éd. Paris, 1878. — **89, 117.**
— Mes souvenirs. 1806—1833. 2-me éd. Paris, 1877. — **117, 359.**
Sudermann, H. Das Blumenboot. Schauspiel in 4 Akten und einem Zwischenspiel. 7. Aufl. Stuttgart u. Berlin, 1905. — **373—374.**
— Die Ehre. Schauspiel in 4 Akten. 13. Aufl. Stuttgart, 1894. — **375.**
— Heimat. Schauspiel in 4 Akten. 16. Aufl. Stuttgart, 1895. — **375.**
— Die Schmetterlingsschlacht. Komödie in 4 Akten. 11. u. 12. Aufl. Stuttgart u. Berlin, 1909. — **375.**
— Sodom's Ende. Trauerspiel in 5 Akten. Berlin, 1891. — **375.**

Taine, H. Les philosophes classiques du XIX siècle en France. 7-me éd. Paris, 1895. — **359.**

Tasse, T. La Jérusalem délivrée. Trad. du prince Lebrun. T. I—II. Paris, Libr. de la Bibliothèque nationale, 1900—1904 (Bibliothèque nationale, № 218—219). — **382, 386.**
Thierry, Aug. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les normands. T. I—III. Paris, 1825. — **284.**

Urfé, H. d' L'Astrée. Paris. 1630. — **224, 227, 358.**

— Les épitres morales. Dern. éd. rev., corr. et augm. de nouveau. Lyon, 1627. — **358.**

Vidocq. Mémoires de Vidocq, chef de la police de sureté jusqu'en 1827. T. I—IV. Paris, 1828—1829. — **135.**
Vischer, Fr.-Th. Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen. Zum Gebrauche für Vorlesungen. In 3 Th. Beutlingen — Leipzig — Stuttgart, 1846—1857. — **205—207.**

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авенариус, Рихард (1843—1896) — **337.**
Агу, де (Стерн, Даниель) (1805—1876) — **89, 114, 117, 355, 359.**
Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886) — **20, 138, 160, 322, 326.**
Аксельрод, Павел Борисович (1850—1928) — **180, 394—395.**
Александр I (1777—1825) — **78, 81, 116—132.**
Александр II (1818—1881) — **6, 35—37, 41—44, 47—49, 51, 71.**
Александр III (1845—1894) — **6, 22, 49, 136.**
Александр Македонский (356—323 до н. э.) — **149.**
Андреев, Леонид (1871—1919) — **X, XV, 275—278, 279—280, 392, 395—396.**
Анна Ивановна (1693—1740) — **295, 299.**
Анненков, Павел Борисович (1812—1878) — **50, 57, 83, 87, 135, 145, 170—171, 332—333, 338—339.**
Анненский, Николай Федорович (1843—1912) — **392.**
Апулей, Люций (р. ок. 125 н. э. ум. — неизвестно) — **334, 339.**
Ариосто, Лодовико (1474—1533) —**198—199.**
Аристид (540—467 до н. э.) — **22, 325.**
Аристотель (384—322 до н. э.) — **197, 201, 360.**
Аристофан (ок. 450—385 до н. э.) — **213, 377.**
Арк, Жанна, де — см. Жанна Д'Арк.
Арндт, Эрнст Мориц (1769—1860) — **380, 386.**
Арсеньев, Константин Константинович (1837—1919) — **25—26.**
Ашевский — **IV, 108, 339.**
Ашкинази, Михаил Осипович — см. Делин.

Багрицкий, Эдуард Георгиевич (р.1897)— **284.**
Байрон, Джордж Ноель Гордон (1788—1824) — **67, 76, 111, 117, 141, 146, 154, 233.**
Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — **35, 40, 50, 56—57, 63, 85, 100, 106, 112, 128, 160—161, 164—165, 177—178, 329, 331—333, 337, 339.**
Бакунин, Николай Александрович — **112, 124, 135, 138.**
Бальзак, Оноре (1799—1850) — **331, 337—338, 343—345, 356, 400.**
Бальмонт, Константин Дмитриевич (р. 1867) — **329—330, 337.**
Барант, Амабль Гильом Проспер Брюжьер (1782—1866) — **386.**
Барнав, Антуан (1761—1793) — **355.**
Баррес, Морис (1862—1923) — **373.**
Барро, Одиллон (1791 — 1873) — **73, 82.**
Бартелеми Сант-Илер, Жюль (1805—1895) — **137.**
Батюшков, Константин Николаевич (1787—1855) — **155, 335, 392.**
Батюшков, Федор Дмитриевич (р. 1857) — **147.**
Бауер, Бруно (1809—1882)—**85,132,189.**
Бебель, Август (1840—1913) — **33.**
Бейлис, Мендель (р. 1872) — **406—407, 409.**
Белинский, Виссарион Григорьевич (1811—1848) — **III—IX, XV—XVI, 30, 33, 40, 50, 57—59, 61, 64, 67—70, 75—78, 83—84, 88, 96—97, 101, 105—106, 108—178, 181, 185—186, 197—199, 204, 209, 217, 232, 234, 236—237, 265, 284, 292, 295, 318, 329, 333, 335, 337—340, 346, 357, 359, 381, 386, 388, 395—396, 405.**
Бельтов (Плеханов, Г. В.) — **209.**
Бенедиктов, Владимир Григорьевич (1807—1873) — **330, 337.**
Берг, Федор Николаевич (1840—1909) — **285—287.**
Бернштейн, Эдуард (1850—1932) — **364.**
Бертран де Борн (ок. 1140—1216) — **280—281, 284.**
Бетховен, Людвиг (1770—1827) — **80.**

Бецкий, Иван Иванович (1704—1795) — **320.**
Бирон, Эрнест Иоганн (1690—1772) — **295.**
Бирюков, Павел Иванович (р. 1860) — **270, 273.**
Блан, Луи (1811—1882) — **28—29, 43, 130, 135, 162.**
Боборыкин, Петр Дмитриевич (1836—1921) — **40, 46, 50, 265, 267.**
Богданович, Ипполит Федорович (1743—1803) — **334, 339.**
Богучарский (Яковлев, Василий Яковлевич) (1861—1915) — **IV, 1, 229, 231.**
Бомарше, Пьер Огюстен Карон, де (1732—1799) — **353.**
Боткин, Василий Петрович (1811—1869) — **111—112, 115, 124, 126, 128—130, 133—134, 136—137, 148, 153, 156, 165—166, 176, 333, 339.**
Брамбеус (Сенковский, Осип Иванович) (1800—1858) — **405, 407.**
Брандес, Георг (1842—1927) — **362, 366—369, 372, 381.**
Брантинг, Карл Яльмар (1860—1925)— **364—365.**
Бриан, Аристид (р. 1862) — **274.**
Брольи (Broglie), *Ашилль Виктор* (1785—1870) — **356.**
Брюнетьер, Фердинанд (1849—1906) — **356, 360**
Буало-Депрео, Николай (1636—1711) — **202, 204, 292—293, 295.**
Буланже, Павел Александрович — **262, 264.**
Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789—1859) — **52, 115, 135, 170, 174, 336.**
Булич, Николай Николаевич (1824—1895) — **304, 307.**
Буташевич-Петрашевский, Михаил Васильевич (1821—1866) — **80.**
Бушо. —**10, 31—33, 38—39, 46.**
Бушэ, Франсуа (1703—1770) — **167, 171.**
Бьернсон, Бьернстерне (1832—1910) — **368, 372.**
Быстренин, Владимир Порфирьевич (р. 1856) — **XV, 241—245.**
Бэкон, Френсис (1561—1626) — **69, 79, 94—95, 189, 198.**
Бюиссон, Фердинанд Эдуард (р. 1841) — **29.**
Бюхнер, Людвиг Карл Христиан (1824—1899) — **189.**

Вагнер (1816—1903) — **29.**
Вассерман, Якоб (р. 1873) — **80.**
Вебер, Георг (1808—1888) — **196.**
Вельтман, Александр Львович (1800—1870) — **219.**
Венгеров, Семен Афанасьевич (1855—1920) — **108, 128—130, 136, 294, 391—392, 395.**
Верди, Джузеппе (1813—1901)—**73,82.**
Ветринский, Ч. (Чешихин, Василий Евграфович) (1866—1923) — **44, 330, 337.**
Видок, Эжен Франсуа (1775—1857) — **126, 135.**
Виньи, Альфред, де (1797—1863) — **168, 174.**
Волошенко, Иннокентий Федорович (1848—1908) — **235, 238.**
Вольтер (Аруэ Франсуа Мари) (1694—1778) — **110, 112, 133, 135, 137, 147, 155, 313.**
Вольф, Христиан (1679—1754) — **78, 323, 327.**
Волынский (Флексер), *Аким Львович* (1863—1926) — **109, 146, 148, 157, 159—160, 162, 164, 174—177, 192, 196.**
Воронцов, Василий Павлович (В. В.) (1847—1917) — **VI, 48, 52, 155.**
Ворцель, Станислав (1799—1857) — **28—29.**

Гакстгаузен, Франц Людвиг Август (1792—1866) — **54, 64.**
Галахов, Алексей Дмитриевич (1807—1892) — **293, 295—296.**
Галилей, Галилео (1564—1642) — **189, 198.**
Гамсун (Педерсен), *Кнут* (р. 1860) — **159.**
Ганс, Вильгельм — **363.**
Гарди, Александр (р. между 1569 и 1575 — умер ок. 1631—1632) — **352, 356, 358, 360.**
Гарибальди, Джузеппе (1807—1882) — **28—29.**
Гаркнес, Маргарет — **337.**
Гарт, Генрих (1855—1906) — **381.**
Гарт, Юлиус (р. 1859) — **381.**
Гаршин, Всеволод Михайлович (1855—1888) — **232, 234.**
Гаузер, Каспар (1812—1833) — **71, 80.**
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — **VII, 10, 57—58, 62, 67—70, 75—76, 78—79, 84, 88, 93—94, 96—97, 104—105, 113, 115, 132—135, 137, 143, 147—149, 151, 154—156, 160—164, 166, 175—178, 180, 183—185, 189, 191, 204—205, 207, 332, 338.**
Гейне, Генрих (1797—1856) — **12, 23, 146, 216, 219—220, 282—285, 287.**
Гельвеций, Клод Адриен (1715—1771) — **7, 15, 22, 70, 79, 105, 133, 155, 227—228.**

Генрих IV Бурбон (1553—1610) — **102, 307, 352, 358, 361.**
Гердер, Иоганн Готфрид (1744—1803)— **325.**
Герцен, Александр Иванович (1812—1870) — **III—IX, XV, 1—107, 122—124, 127, 129—137, 148, 161—162, 165—166, 176, 178, 195, 226, 288—289, 322, 326, 329, 332, 337—339, 355, 359, 380, 385, 389—390, 396—397, 399.**
Герцен, Наталья Александровна (1844—1936) (дочь) — **26, 396.**
Гершензон, Михаил Осипович (1869—1925) — **IV, 357.**
Гесс, Моисей (или Мориц) (1812—1872) — **85, 89.**
Гете, Иоганн Вольфганг (1749—1832) — **XV, 100, 111, 153—154, 198, 201, 327, 375—377, 395.**
Гизо, Франсуа (1787—1874) — **23, 80, 343, 345, 347, 356—357, 359.**
Глинка, Федор Николаевич (1786—1880) — **165, 219.**
Гоббс, Томас (1588—1679) — **69—70.**
Говетт, Генрих — **382.**
Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852) — **V, 75, 83, 111—113, 115—116, 140, 145, 149, 152, 154, 158, 163, 172, 174, 182, 187, 198, 200, 209—210, 217, 226, 228, 290—292, 296—297, 300, 330—331, 338, 382, 386—389, 398, 405.**
Годунов, Борис Федорович (1551—1605) — **86, 114, 117.**
Голицын, Николай Борисович (1794—1866) — **171.**
Гольбах, Поль Генрих Дитрих (1723—1789) — **68, 78, 155, 167, 228.**
Гомер — **XII, 111, 271.**
Гончаров, Иван Александрович (1812—1891) — **221, 226—227, 289.**
Горький, Максим (Пешков, Алексей Максимович) (1868—1936) — **III, V, XII, XIV, 2, 252, 392, 398—407.**
Готье, Теофиль (1811—1872) — **170—171, 174.**
Гофман, Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — **111, 163.**
Градовский, Григорий Константинович (р. 1842) — **392.**
Грановский, Тимофей Николаевич (1813—1855) — **41, 51, 128—129, 132, 136, 161, 165—166, 219.**
Греч, Николай Иванович (1787—1867) — **52, 174.**
Грибоедов, Александр Сергеевич (1795—1829) — **13, 111, 113, 140, 145—146, 154, 162, 167, 173—174, 293, 295, 297, 299, 317, 319, 334, 339, 386, 388.**
Григорович, Дмитрий Васильевич (1822—1899) — **130.**
Григорьев, Аполлон Александрович (1822—1864) — **174, 219.**
Грим, Фредерик Мельхиор (1723—1807) — **357, 361.**
Гроций, Гуго (1583—1645) — **82.**
Гуд, Томас (1799—1845) — **282, 284.**
Гумбольт, Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — **189, 198.**
Гуттен, Ульрих, фон (1488—1523) — **100.**
Гюго, Виктор (1802—1885) — **112—113, 115, 344—345, 349—350, 356, 360.**

Давыдов, Денис Васильевич (1781—1839) — **113, 115—116.**
Давыдов, Иван Иванович (1794—1863) — **219.**
Д'Аламбер, Жан Лерон (1717—1783) — **155.**
Даль, Владимир Иванович (1801—1872) — **219.**
Даниэльсон (Н.—он), *Николай Францевич* (1844—1918) — **155.**
Данте, Алигиери (1265—1321) — **80, 199—200.**
Дарвин, Чарльз (1809—1882) — **157, 377, 384.**
Дежнев, Семен (XVII в.) — **III.**
Декав, Люсьен (р. 1861) — **29.**
Деказ, Эли (1780—1860) — **345, 356—357.**
Декарт, Рене (1596—1650) — **189, 198, 351, 358.**
Делин (Ашкинази, Михаил Осипович) (1851—1914) — **XV, 25, 28, 287—289.**
Демосфен (383—322 до н. э) — **319.**
Деннерт — **275, 278—279.**
Державин, Гавриил Романович (1743—1816) — **112, 140, 177—178, 225, 228, 386.**
Детуш, Нерико Филипп (1680—1754) — **361.**
Дидло, Шарль Луи (1767—1837) — **171.**
Дидро, Дени (1713—1784) — **16—17, 24, 95, 104, 155, 167, 171, 309, 353.**
Диккенс, Чарльз (1812—1870) — **149, 157.**
Дицген, Иосиф (1828—1888) — **95, 104.**
Дмитриев, Михаил Александрович (1796—1866) — **127, 135—136.**
Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861) — **III—VI, IX, XV—XVI, 51, 167, 196, 208—228, 395—396, 398.**
Достоевский, Федор Михайлович (1821—1881) — **1, 130, 236, 238, 289, 388.**
Дю-Вер, Гильом (1556—1621) — **350, 357—358.**

Дюма, Жан Баптист (1800—1884) — **68, 78.**
Дю-Плесси-Морне (1549—1623) — **350, 358.**
Д'Юрфе, Оноре (1568—1625) — **224, 227, 350, 358.**

Екатерина II (1729—1796) — **78, 224—225, 228, 299, 311—313, 317—325, 328, 339, 388.**
Елагин, Иван Перфильевич (1725—1794) — **319.**
Елизавета Петровна (русская императрица) (1709—1761) — **294, 299, 304—306, 308.**
Елпатьевский, Сергей Яковлевич (р. 1854) — **29.**

Жанна Д'Арк (1412—1431) — **112.**
Желябужский, Иван Афанасьевич (1638—1709) — **400—401.**
Жоржолиани, Антон — **208.**
Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852) — **112, 151, 334—335, 339.**

Загоскин, Михаил Николаевич (1789—1852) — **219.**
Зайчневский, Петр Григорьевич — **11, 23.**
Закревский, Арсений Андреевич (1786—1865) — **212.**
Занд, Жорж (Дюдеван, Аврора Дюпен) (1804—1876) — **60, 98, 105, 112—113, 130, 169, 177, 343—344, 356.**
Засодимский, Павел Владимирович (1843—1912) — **236, 238.**
Засулич, Вера Ивановна (1851—1919) — **180, 388—389.**
Золя, Эмиль (1840—1902) — **360.**
Зудерман, Герман (1857—1928) — **XV, 373, 375.**

Ибсен, Генрик (1828—1906) — **XIII—XV, 74, 83, 276, 279, 362—372.**
Иванов-Разумник (Иванов, Разумник Васильевич) (р. 1878) — **IV, VI, 70, 74, 80, 83, 85, 89, 100.**
Иванюков, Иван Иванович (1844 — 1912) — **320.**
Иордан, Вильгельм (1819—1904) — **67, 69, 77.**
Иосиф II (1741—1790) — **326.**
Исаев, Андрей Алексеевич (1851—1924)— **272, 274.**

Кабанис, Пьер Жан (1757—1808) — **356.**
Кабэ, Этьенн (1788—1856) — **130.**
Кавелин, Константин Дмитриевич (1818—1885) — **129, 136, 160, 163—164, 166.**
Кавеньяк, Луи Эжен (1802—1857) — **62, 65.**
Калигула (12—41) — **61, 64, 325.**
Каллаш, Владимир Владимирович (1866—1919) — **317, 320.**
Калонн, Шарль (1734—1802) — **355, 359.**
Кальдерон, Педро де ла Барка (1600—1681) — **172.**
Кант, Иммануил (1724—1804) — **89, 184, 205, 296, 300.**
Кантемир, Антиох Дмитриевич (1708—1744) — **X, XV, 290—301, 312—314, 318.**
Капнист, Василий Васильевич (1757—1823) — **225, 323, 328.**
Каразин, Василий Назарьевич (1773—1842) — **72, 81.**
Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826) — **135—136, 248, 266, 269—270, 296, 335, 380, 386.**
Кареев, Николай Иванович (1850—1933) — **296, 300.**
Карлейль, Томас (1795—1881) — **72, 81.**
Карл I (1600—1649) — **322, 327.**
Картуш, Луи Доминик (1693—1721) — **325.**
Каспрович, Ян (1860—1926) — **382, 387.**
Катилина, Люций Сергий (ок. 108—62 до н. э.) — **325.**
Катков, Михаил Никифорович (1818—1887) — **178, 285—287.**
Каутский, Карл (р. 1854) — **33, 252.**
Кельвин, лорд (Вильям Томсон) (1824—1907) — **303, 307.**
Кетчер, Николай Христофорович (1809—1886) — **166.**
Киреевский, Иван Васильевич (1806—1856) — **51, 58, 159, 332, 338—339.**
Киреевский, Петр Васильевич (1808—1856) — **41, 152, 272, 274, 380, 385—386.**
Ключевский, Василий Осипович (1841—1911) — **302, 385—386.**
Княжнин, Яков Борисович (1742—1791) — **320, 334, 339.**
Кобден, Ричард (1804—1865) — **73, 82.**
Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916)—**25, 265, 267—268, 392.**
Коган, Петр Семенович (р. 1872) — **377.**
Козлов, Иван Иванович (1779—1840) — **171, 291.**
Кольцов, Алексей Васильевич (1809—1842) — **134, 158, 233, 335.**
Колэ, Луиза — **158.**
Кондорсе, Жан Антуан (1743—1794) — **106.**
Конопницкая, Мария (1849—1910) — **382, 387.**
Консидеран, Виктор (1808—1893) — **55, 64, 68, 70, 91, 103.**

Корнель, Пьер (1606—1684) — **114, 198, 346—347, 349—354, 357—358, 360—361.**
Коробка, Николай Иванович (1872—1920) — **330—331, 337—338.**
Короленко, Владимир Галактионович (1853—1921) — **392, 400.**
Корф, Модест Андреевич (1800—1876)— **194, 196.**
Костомаров, Всеволод Дмитриевич (ум. в конце 60-х гг. XIX в.) — **197.**
Костомаров, Николай Иванович (1817—1885) — **388—390.**
Костров, Ермил Иванович (1750—1790) — **294, 297.**
Котляревский, Нестор Александрович (1863—1925) — **26, 32—33, 39.**
Кошут, Людовик (1802—1894)—**28—29.**
Кравчинский (Степняк, Сергей Михайлович) (1852—1895) — **388—392.**
Крафт-Эбинг, Рихард (1840—1902) — **378.**
Крижанич, Юрий (ок. 1617—1683) — **321, 325, 388—389.**
Кромвель, Оливер (1599—1658) — **322, 326.**
Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — **29, 391—392.**
Крылов, Иван Андреевич (1768—1844) — **272, 274, 291, 315, 386.**
Кузен, Виктор (1792—1867) — **356, 359.**
Кукольник, Нестор Васильевич (1809—1868) — **212, 219.**
Купер, Джемс Фенимор (1789—1851) — **III.**
Кутузов, Михаил Илларионович (1745—1813) — **250.**
Кэри, Генри Чарльз (1793—1879) — **196.**
Кювье, Жорж (1769—1832)— **189, 198.**

Лавров, Петр Лаврович (1823—1900) — **69, 79, 92, 103, 162, 332, 338, 390—391.**
Ламартин, Альфонс (1790—1869) — **112.**
Ламбалль, Мария Тереза Луиза (1749—1792) — **11, 23.**
Лансон, Густав (р. 1857) — **XIII, XV, 159, 341—361.**
Лаоцзы (полумифический китайский мудрец) (6 в. до н. э.) — **269.**
Лаптевы, Дмитрий и Харитон (XVII в.) — **III.**
Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — **XIV, 84, 88, 132, 204, 257, 265, 268, 288.**
Лафатер, Иоганн Каспар (1741—1801) — **335**
Лафонтен, Жан (1621—1695) — **334, 339, 346.**
Лебедев, Петр Николаевич (1866—1912) — **303, 307.**
Левитов, Александр Иванович (1835—1877) — **239—241.**
Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646—1716) — **85, 88, 180, 198, 327.**
Леконт-де-Лиль, Шарль Мари Рене (1818—1894) — **356, 360.**
Леметр, Жюль (1853—1914) — **356, 360.**
Лемерсье, Луи Жан (1771—1840) — **343.**
Лемке, Михаил Константинович (р. 1872) — **20—21, 52, 201.**
Ленин (Ульянов), *Владимир Ильич* (1870—1924) — **III—VIII, X—XII, 2, 50, 252.**
Леонардо да Винчи (1452—1519) — **367.**
Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841) — **III, 18, 24, 32—33, 39, 46, 49, 74, 83, 139—141, 145, 149, 155—157, 175, 220, 222, 233, 238, 383, 387—388.**
Леру, Пьер (1798—1871). — **86, 89.**
Лессинг, Эфраим Готгольд (1729—1781) — **197—201, 352, 358, 389—390.**
Либих, Юстус (1803—1873) — **189, 198.**
Ливер, Чарльз (1809 — 1872) — **188, 196.**
Лизипп (IV в. до н. э.) — **202.**
Лизогуб, Дмитрий Андреевич (1850—1879) — **238.**
Линтон, Вильям (XIX в.) — **40, 50, 62, 80.**
Литвинов (Гаррисон, М., папаша), *Максим Максимович* (р. 1876) — **27, 399.**
Литтре, Эмиль (1801—1881) — **134, 137—138.**
Лобачевский, Николай Иванович (1793—1856) — **III.**
Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765) — **III, X, XV, 135—136, 290, 301—308, 319, 323, 327.**
Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — **2.**
Луначарский, Анатолий Васильевич (1875—1934) — **99.**
Львов, Николай Александрович (1751—1803) — **294.**
Льюис, Джордж Генри (1817—1878)— **377.**
Людовик XVI (1754—1793) — **31, 39—40, 328.**
Людовик XVIII (1755—1824) — **357.**
Людовик Филипп (1773—1850) — **344, 359, 398.**

Лютер, Мартин (1483—1546) — **65, 274.**
Ляцкий, Евгений Александрович (р. 1868) — **2.**

Мадзини — см. Маццини.
Майков, Валериан Николаевич (1823—1847) — **108, 150, 158, 204.**
Мальтус, Роберт (1766—1834) — **192.**
Малэрб, Франсуа (1555—1628) — **304, 307, 357, 361.**
Манцони, Александр (1785—1873) — **382, 387.**
Марат, Жан Поль (1743—1793) — **124, 130—131, 162.**
Мариво, Пьер (1688—1763) — **361.**
Мария-Антуанетта (1755—1793) — **23.**
Марк Аврелий (121—180) — **76, 325.**
Маркс, Карл (1818—1883) — **III, XII, 7, 15, 22, 29, 62, 64—65, 68, 71—72, 74, 78, 80—82, 97, 105, 132, 135, 138, 145—146, 166, 190, 252, 263, 270, 272—274, 333, 338, 377, 384, 395, 405.**
Марлинский (Бестужев, Александр Александрович) (1797—1837) — **112, 383, 387.**
Мартино, Пьер — **381, 386.**
Мартов, Л. (Цедербаум, Юлий Ссипович) (1873—1923) — **331.**
Мах, Эрнст (1838—1916) — **337.**
Маццини, Джузеппе (1805—1872) — **28—29, 43, 100.**
Мейзенбуг, Мальвида, (1816—1903) — **28—29.**
Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907) — **III.**
Менцель, Вольфганг (1798—1873) — **146, 153—154, 161.**
Метерлинк, Морис (р. 1862) — **276, 278—279.**
Меттерних, Клеменс (1773—1859)—**80.**
Мечников, Илья Ильич (1845—1915) — **404—405.**
Миклуха-Маклай, Николай Николаевич (1847—1887) — **III.**
Миллер (ок. 1705—1783) — **306, 308.**
Милль, Джон Стюарт (1806—1873)— **81, 107, 190—191.**
Мирабо, Оноре Габриель (1749—1791) — **112, 116, 343, 355.**
Михайлов, Михаил Илларионович (1829—1865) — **20, 388, 390.**
Михайловский, Николай Константинович (1842—1904) — **36, 49, 148, 157, 161, 164, 329, 331—332, 337—338, 381, 386.**
Мицкевич, Адам (1798—1855) — **12, 28—29, 67, 76, 86, 90, 111.**
Мишле, Жюль (1798—1874) — **28—29, 64—65, 101, 106, 115, 155.**
Молешотт, Яков (1822—1893) — **189.**
Мольер (Покелен, Жан Батист) (1622—1673) — **213, 312, 357, 361.**
Моно, Габриель — **29.**
Монтень, Мишель (1533—1592) — **352, 359.**
Монтескье, Шарль Луи (1689—1755) — **155.**
Морозов, Николай Александрович (р. 1854) — **282—283, 285.**
Морозов, Петр Осипович (р. 1854) — **294, 297, 342—343, 348, 355.**
Мюссэ, Альфред (1810—1857) — **335, 339.**

Надеждин, Николай Иванович (1804—1856) — **160, 163, 165, 175.**
Назимов, Владимир Иванович (1802—1874) — **42, 44, 48, 51.**
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — **81, 104, 359, 383.**
Наполеон III Бонапарт (1852—1870) — **29, 105, 338.**
Наумов, Алексей Аввакумович (1840—1895) — **120—121, 131, 398.**
Наумов, Николай Иванович (1838—1901) — **246—251.**
Неверов, Январий Михайлович (1810—1893) — **165.**
Некрасов, Николай Алексеевич (1821—1878) — **III, X, XV, 24, 44, 130—131, 136, 141, 168, 174, 196, 232—238, 265, 267, 281—284, 301—302.**
Нерон — **325.**
Нивель-де-ля-Шоссе, Пьер Клод (1691—1754) — **351, 353, 357—358, 361.**
Никитенко, Александр Васильевич (1804—1877) — **41, 51, 175—176.**
Николай I (1796—1855) — **6, 41, 53, 56, 77, 80, 98.**
Николай II (1868—1918) — **10, 18, 41, 63.**
Ницше, Фридрих (1844—1900) — **29, 265, 268, 368, 373, 399.**
Новалис (фон Гарценберг) (1772—1801) — **329, 337, 378—379, 384.**
Новиков, Николай Иванович (1744—1818) — **224, 227, 314—318, 321, 325, 339, 377, 384, 388—389.**
Норов, Авраам Сергеевич (1795—1869)— **188.**
Ньютон, Исаак (1643—1727) — **198.**

Обручев, Владимир Александрович (1836—1912) — **20.**
Овсянико-Куликовский, Дмитрий Николаевич (1853—1920) — **85, 89, 108.**

Огарев, Николай Платонович (1813—1877) — **27, 30, 35—36, 39, 42, 44—46, 48—49, 51—52, 54, 83, 87, 136, 333, 339.**
Одоевский, Владимир Федорович (1804—1869) — **162, 166.**
Озеров, Иван Христофорович (р. 1869)— **29.**
Орлов, Михаил Федорович (1788—1842) — **162, 165.**
Осинский, Валериан Андреевич (1853—1879) — **235, 238.**
Оствальд, Вильгельм (р. 1853) — **69, 79, 92, 103.**
Островский, Александр Николаевич (1823—1886) — **208—224, 398.**
Оуэн, Роберт (1771—1858) — **5—6, 15, 21—22, 28, 72, 81.**

Павел I (1754—1801) — **78, 317.**
Павлов, Иван Петрович (1849—1935)— **III.**
Панаев, Иван Иванович (1812—1862)— **112, 122, 127, 131, 153.**
Панин, Петр Иванович (1721—1789)— **309—312, 317—318, 339.**
Перикл (490—429 до н. э.) — **377.**
Пестель, Павел Иванович (1793—1826)— **30—31, 83.**
Петр I (Великий) (1672—1725) — **31, 42, 50, 73, 75—76, 78, 98—99, 105, 147—148, 152, 155, 163, 175—176, 199, 293—295, 297, 304—306, 308, 313—316, 318, 333.**
Петр II (1715—1730) — **293, 297.**
Петрашевский — см. *Буташевич-Петрашевский.*
Пиндар (ок. 522—443 до н. э.) — **304, 307.**
Писарев, Дмитрий Иванович (1840—1868) — **109, 113—116, 118—119, 135, 146, 151—152, 166—174, 201—202, 237, 284, 330, 332, 337, 340, 381.**
Писемский, Алексей Феофилактович (1820—1881) — **219.**
Платон (427—348 до н. э.) — **70.**
Платонов, Сергей Федорович (р. 1860)— **306, 308.**
Плеханова, Розалия Марковна (р. 1858)— **XV, 1, 26, 109, 120, 126, 290, 399, 401.**
Плиний, Кай Секунд Старший (23—79) — **202.**
Погодин, Михаил Петрович (1800—1875) — **41, 51, 136, 174, 210, 219.**
Полежаев, Александр Иванович (1805—1838) — **388—389.**
Полевой, Николай Александрович (1795—1846)— **33, 49, 112—113, 115.**
Попов (учитель Белинского) — **121, 131.**
Попов, Александр Степанович (1859—1905) — **III.**
Посошков, Иван Тихонович (1652—1726) — **302, 304, 307—309, 314, 388—389.**
Потресов, Александр Николаевич (1869—1934) — **XI.**
Пржевальский, Николай Михайлович (1839—1888) — **III.**
Прокопович, Феофан (1681—1736) — **294, 297, 314 318—319.**
Протопопов, Иван Евдокимович — **31, 38.**
Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — **28—29, 33—35, 68, 70, 72, 83—84, 88, 97, 105—106, 164, 331, 338, 390.**
Пугачев, Емельян Иванович (1744—1775) — **321—322.**
Пульский, Франц Аврелий (р. 1814) — **28—29.**
Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — **III 1, 31, 40, 46, 49, 109, 111—119, 139—141, 143, 145—152, 155—158, 163, 165—177, 200, 202, 226, 233, 236—238, 281, 284, 291, 321, 323, 328, 335, 386, 388, 398.**
Пшибышевский, Станислав (1868—1927) — **378, 382—385, 387.**
Пыпин, Александр Николаевич (1833—1904) — **30, 109, 111—112, 115, 121, 124, 133—134, 136, 146, 148, 153, 155—156, 159—166, 175, 177, 333—335, 339—340.**

Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) — **X, XV, 290, 320—328, 336, 340, 388—389.**
Разин, Степан Тимофеевич (ум. 1671)— **322—325.**
Разумовский, Кирилл Григорьевич (1728—1803) — **306.**
Расин, Жан (1639—1699) — **114, 346, 349, 357, 361.**
Рафаэль, Санцио (1483—1520) — **203.**
Рейтерн (ум. 1861) — **10, 18.**
Ренан, Эрнест (1823—1892) — **356, 360.**
Ретшер, Генрих Теодор (1803—1871) — **112, 115.**
Ришелье, Арман Жан дю-Плесси (1585—1642) — **351, 358.**
Робеспьер, Максимильян (1758—1794)— **104, 129—131.**
Роллан, Ромэн (р. 1866) — **29.**
Руайе-Коллар, Пьер Поль (1763—1845) — **343, 345, 356—357, 359.**
Руге, Арнольд (1803—1881) — **133, 137, 145—146, 166.**
Руссо, Жан Жак (1712—1778) — **100, 155, 260—261, 265, 268, 272, 274, 368.**
Руставели, Шота (XII в.) — **337.**

Рылеев, Кондратий Федорович (1795—1826) — **30—31, 49, 83.**

Садовский, Пров Михайлович (1818—1872) — **210.**
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1820—1889) — **X, 130, 289.**
Самарин, Юрий Федорович (1819—1876) — **2—4, 8, 10, 14—16, 18—21, 68, 84—85, 203—204.**
Санд, Жорж — см. *Санд, Жорж.*
Свентоховский, Александр (р. 1849) — **263—264.**
Седов, Георгий Яковлевич (1877—1914)— **III.**
Сенека, Люций Анней (III в. до н. э.)— **350, 358.**
Сенковская, Аделаида Александровна (1806—1859) — **403, 405.**
Сенковский, Осип Иванович (Брамбеус) (1800—1858) — **403, 405.**
Сен-Симон, Луи (1675—1755) — **22, 33—34, 39, 59, 64, 130, 133, 137, 152, 159, 322, 326.**
Сент Бев, Огюстен (1804—1869) — **147, 154, 349, 357, 372, 381, 386.**
Сервантес, Мигель де С. Сааведра (1547—1616) — **229—231.**
Серно-Соловьевич, Александр Александрович (1838—1869) — **IX, 42, 51, 195.**
Сеченов, Иван Михайлович (1829—1905) — **III.**
Сийес, Эммануэль Жозеф (1748—1836)— **367.**
Скабичевский, Александр Михайлович (1838—1910) — **148, 157, 179—180, 187—188, 205, 238—240, 341.**
Скотт, Вальтер (1771—1831) — **III.**
Скриб, Эжен (1791—1861) — **346, 356—357.**
Скрябин, Александр Николаевич (1871—1915) — **378, 385.**
Скюдери, Жорж (1601—1667) — **352, 358.**
Слепцов, Василий Алексеевич (1836—1878) — **239—240.**
Смирновский, Петр Владимирович (р. 1846) — **266, 270, 307, 309.**
Сократ (469—399 до н. э.) —**148, 156, 269.**
Сологуб, Владимир Александрович (1814—1882) — **403, 405.**
Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879) — **219, 305, 307, 312 — 313, 318.**
Солон (638—558 до н. э.) — **137.**
Софокл (495—406 до н. э.) — **377.**
Спенле, Е.—**378—379.**
Спенсер, Герберт (1820—1903) — **157.**
Сперанский, Михаил Михайлович (1772—1839) — **195—196.**
Спиноза, Бенедикт (1632—1677) — **68, 77, 89, 389—390.**
Спюллер, Эжен (1835—1896)—**345, 357.**
Срезневский, Измаил Иванович (1812—1880) — **188, 196.**
Сталин (Джугашвили), *Иосиф Виссарионович* (р. 1879) — **III.**
Сталь, Жермена, де (1766—1817) — **67, 76, 381.**
Стамфильд — см. *Стансфельд, Джемс.*
Станкевич, Николай Владимирович (1813—1840) — **105, 128, 136—137, 163—164, 178, 329, 332—333, 337—338.**
Стансфельд, Джемс (р. 1720) — **28—29.**
Стейнлен, Александр — **29.**
Стендаль (Бейль, Анри) (1783—1842)— **356 360.**
Степняк-Кравчинский, С. М. — см. *Кравчинский* (Степняк).
Стерн, А. В. (Венкстерн, Александра Алексеевна) (р. 1844) — **XVI, 285—287.**
Стерн, Даниель — см. *Агу, де.*
Стоюнин, Владимир Яковлевич (1826—1888) — **295, 299, 320.**
Строганов, Сергей Григорьевич (1794—1882) — **67, 76.**
Сумароков, Александр Петрович (1718—1777) — **291, 295, 304, 307, 313—318.**
Сю, Жен (1804—1857) — **60, 130, 135, 145.**
Сютаев, Василий Кириллович (ум. 1892) — **265, 268.**

Талейран, Шарль Морис (1754—1838)— **357.**
Тассо, Торквато (1541—1595) — **199, 335, 382, 386.**
Татищев, Василий Михайлович (1686—1750) — **295—296.**
Теккерей, Вильям (1816—1863) — **201.**
Тит Флавий (41—81) —**325.**
Тихомиров, Лев Александрович (1852—1922) — **49, 75, 389—390.**
Толстая, Александра Львовна — **262.**
Толстой, Лев Николаевич (1828—1910) — **III—V, VIII—XII, XV, 1—24, 68, 77—78, 91, 94, 114, 119, 151, 159, 252—274, 279, 287, 289, 331, 382, 387—388, 392—395.**
Тома, Антуан (1732—1785) — **311.**
Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865—1919) — **385.**
Туманов, Михаил (1818—1875) — **28.**
Тургенев, Иван Сергеевич (1818—1883)— **X, XV—XVI, 69, 79, 81, 130, 146,**

154, 216, 220—221, 223, 226, 229—231, 233, 285, 287, 388—389.
Тьер, Адольф (1797—1877) — **359.**
Тынянов, Юрий Николаевич (р. 1894)— **23.**
Тэн, Ипполит (1828—1893) — **346, 356, 359—360, 372, 381.**
Тютчев, Федор Иванович (1803—1873)— **219.**

Уваров, Сергей Семенович (1786—1855)— **46—52.**
Уордсворт, Вильям (1770—1850) — **202.**
Успенский, Глеб Иванович (1843—1902) — **X, 75, 138, 147, 155, 241.**
Успенский, Николай Васильевич (1837—1889) — **240, 335—336, 340.**
Ушаков, Василий Аполлонович (1789—1838) — **157.**
Ушаков, Федор Васильевич — **322, 325.**

Фази, Джемс (1796—1878) — **100.**
Фарадэй, Михаил (1791—1868) — **189, 198.**
Фейербах, Людвиг (1804—1872) — **VII, 2, 3, 9, 18, 21, 65—66, 74, 78, 81—82, 85, 88—89, 91, 132, 134—135, 137—138, 143, 177, 184, 189—190, 205, 215, 334, 339.**
Фет (Шеншин), *Афанасий Афанасьевич* (1826—1892) — **214—219.**
Фихте, Иоганн Готлиб (1762—1814)— **85, 160, 378—379.**
Фишер, Куно (1824—1907) — **104.**
Фишер, Фридрих-Теодор (1807—1887) — **154, 205—207.**
Флобер, Гюстав (1821—1880) — **150, 158, 356—360.**
Фогт, Карл (1817—1895) — **28, 29, 189.**
Фонвизин, Денис Иванович (1745—1792) — **X, XV, 197, 201, 290—291, 309—320, 333, 339.**
Фонвизин, Михаил Александрович (1788—1854) — **309, 318.**
Франс, Анатоль (Тибо, Жак Анатоль) (1844—1924) — **29.**
Фридрих II (1712—1786) — **326.**
Фроленко, Михаил Федорович (1848—1938) — **235, 238.**
Фуко, Леон (1819—1868) — **355.**
Фурье, Шарль (1772—1837) — **5, 21, 59, 64, 68, 77, 80, 130.**

Хемницер, Иван Иванович (1745—1784) — **294, 317, 319—320.**
Хилков, Дмитрий Александрович (1858—1914) — **265, 268.**
Хомяков, Алексей Степанович (1804—1860) — **67, 76, 97, 105, 153, 159, 337.**

Цицерон, Марк Тулий (106—43 до н. э.) — **319.**

Чаадаев, Петр Яковлевич (1794—1856) — **57—58, 123, 162—163, 165, 334, 339.**
Черкасский, Владимир Александрович (1824—1878) — **5.**
Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — **III—IX, XV, 4, 6—7, 15, 20—22, 30, 36—37, 42—43, 46, 48, 55, 72—73, 81—82, 97, 102, 105, 107, 113, 116, 128, 147, 150, 152—154, 158—159, 179—207, 212, 215—216, 290—292, 297, 321, 324, 332, 334, 338—340, 381, 386, 388, 390—391.**
Чертков, Владимир Григорьевич (1854—1936) — **262—265, 267.**
Чубаров, Сергей Федорович (1845—1879) — **235, 238.**
Чхенкели, Акакий Иванович (р. 1874)— **406.**

Шахов, Александр Александрович (1850—1877) — **XV, 375—376.**
Шевченко, Тарас Григорьевич (1814—1861) — **388.**
Шевырев, Степан Петрович (1806—1864) — **135—136, 210, 219, 381, 386.**
Шекспир, Вильям (конец XVI — начало XVII в.) — **76, 111, 113, 116, 140, 151, 159, 198, 213, 229—231, 233, 372.**
Шелгунов, Николай Васильевич (1824—1891) — **390.**
Шеллинг, Фридрих (1775—1854) — **57—58, 69, 79, 92—93, 104—105, 160, 272, 329.**
Шиллер, Фридрих (1759—1805) — **39, 77, 100, 111, 137, 161, 164, 201, 375—376.**
Шлегель, Август (1767—1845)—**379, 385.**
Шницлер, Артур (р. 1862) — **379, 385.**
Шопенгауэр, Артур (1788—1860)—**272.**
Штакельберг, Фридрих — **28.**
Штирнер, Макс Иоганн Каспар (1806—1856) — **189.**
Штраусс, Давид Фридрих (1808—1874) — **132.**
Шувалов, Иван Иванович (1727—1797) — **304, 307—308.**
Шувалов, Петр Андреевич (1827—1889) — **196.**

Щепкин, Михаил Семенович (1788—1863) — **41, 51.**
Щербатов, Михаил Михайлович (1733—1790) — **321, 324.**

Эвполид (445—411 до н. э.) — **377.**
Эвпомп (IV в. до н. э.) — **202.**
Эврипид (480—406 до н. э.) — **377.**
Эккерман, Иоган Петер (1792—1854)— **377, 384.**
Энгельс, Фридрих (1820—1895) — **III, XXII, 71—72, 81, 84, 88, 92, 102, 132, 138, 146, 166, 190, 338.**
Эпиктет (ок. 50—138) — **350, 358.**
Эсхил (525—456 до н. э.) — **111, 377.**

Ювенал, Децим Юний (ок. 60—140) — **296, 300.**
Юм, Давид (1711—1776) — **70, 79.**
Юрфе, Оноре, де см. *Д'Юрфе.*

Языков, Николай Михайлович (1803—1846) — **291.**
Янсений, Корнелий (1585 — 1638) — **358.**
Яцимирский, А. И. — **382, 387.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства III
От Дома Плеханова XV

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Русская философия, литература и критика

Толстой и Герцен (неопубликованная лекция) 1
Работы о Герцене 25
Работы о Белинском 108
Работы о Чернышевском 179
Работы о Добролюбове 208
Работа о Тургеневе 229
Работы о Некрасове 232
Беллетристы-народники 239
Работы о Толстом 252
План разбора драмы Л. Андреева «Жизнь человека» 275
Предисловие к сборнику «Песни труда» 280
Первоначальная редакция статьи «Реакционные жрецы искусства» 285
Речь на могиле Делина 287
Работы по истории русской общественной мысли
А. Д. Кантемир 290
М. В. Ломоносов 301
Д. И. Фон-Визин 309
А. Н. Радищев 320
Заметки на полях книг 329

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Иностранная литература

Две рецензии на книгу Г. Лансона по истории французской литературы 341
Работы об Ибсене 362
Отрывок критической статьи о драме Зудермана «Среди цветов» 373
Рецензия на книгу А. Шахова «Гете и его время» 375
Заметки на полях книг 377

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Переписка

Переписка Г. В. Плеханова с разными лицами 388
Переписка Г. В. Плеханова с А. М. Горьким 398

Указатели

Предметный 408
Библиографический 418
Именной 444

Редактор-организатор *З. Сумник*
Технический редактор *Е. Рацкая*
Корректор *А. Листкова*

Сдано в набор 15/IX — 1937 г. Подписано к печати 3/II — 28/IV — 1938 г. Формат бумаги 60×92/16. Объем книги 28¹/₂ печ. л. + 1 л. борн. Тираж 10 000 экз. Уч.-авт. л. 39,716. Заказ № 1799. Уполн. Главлита № Б-30804. Серия — Литературное наследие Г. В. Плеханова. Огиз № 1964.

Цена книги 9 р. 95 к. Переплет 1 р. 25 к.

2-я типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

СОЦЭКГИЗ

КОГИЗ
„ПОЛИТКНИГА“

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

(ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА. ДОМ ПЛЕХАНОВА)

СБОРНИК I. 1934. Стр. 436. Ц. в пер. 7 р.

СБОРНИК II. ПЕРВОМАЙСКИЕ СТАТЬИ И РЕЧИ. 1934. Стр. 144. Ц. в пер. 3 р.

СБОРНИК III. ИСКУССТВО. 1936. Стр. 432. Цена в пер. 9 р. 75 к.

СБОРНИК IV. БОРЬБА С НАРОДНИЧЕСТВОМ. 1937. Стр. 347. Ц. в пер. 8 р.

СБОРНИК V. БОРЬБА С ФИЛОСОФСКИМ РЕВИЗИОНИЗМОМ. 1938. Стр. XII+356+2 портрета. Ц. в пер. 8 р. 40 к.

ПРОДАЖА В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗА